

ПРОФ. В. КЛЮЧЕВСКИЙ

КУРС
РУССКОЙ
ИСТОРИИ

ЧАСТЬ

V

ПРОФ. В. КЛЮЧЕВСКИЙ

Заведено в библиотеку

КУРС РУССКОЙ ИСТОРИИ

ЧАСТЬ V

ПЕРЕИЗДАНИЕ

17436

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА
1937

В том курсе русской истории В. О. Ключевского охватывает период 1762—1835 гг. (от воцарения Екатерины II до смерти Николая I). Текст дан на основе монографированных изданий и не совпадает с текстом, изданным в 1722 г. В приложении даны статьи В. О. Ключевского по этому периоду, служащие дополнением к курсу. Том подготовлен к печати С. К. Богоявленским.

Редактор *Н. Л. Русинштейн.*

Техред *О. Прохорова.*

Корректоры: *М. Гольдбург* и *Ф. Черномордик*

Сдано в набор 25/V 1937 г. Подписано в печать 9/X 1937 г.

Формат бумаги 60 × 92¹/₁₆ × 37¹/₄ п. л. Уч. авт. объем 32,337 л.

Серия классиков. Тир: ж 55 000 экз.

Огиз № 194⁰. Зак. № 2315. Уполн. Главлита № Б-13724.

Цена книги 8 р. Переплет коленкор. 1 р. 25 к., ледерин. 1 р. 75 к.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига».
Москва, Валовая, 28.

ОТ РЕДАКЦИИ

V часть «Курса русской истории» В. О. Ключевского была издана лишь в 1922 г., через много лет после смерти автора его учеником Я. Л. Барсковым. Она не получила поэтому авторской обработки подобно первым четырем томам и воспроизводила (по литографированному изданию) студенческую запись лекций 1883—1884 г., составленную самим издателем курса Я. Л. Барсковым и тогда же просмотренную и исправленную автором. Однако курс 1883—1884 г. отличается значительной краткостью. В последующие годы он подвергся доработке и был расширен, особенно в части, относящейся ко второй половине XVIII в. Одно из основных отличий позднейшего текста — ряд исторических экскурсов, дающих историю этого периода в перспективе развития русской истории от XVII в.

Новая редакция в основном оформилась в 1887—1888 г., и курс этого года воспроизводился без особых изменений всеми последующими гектографированными изданиями. Этот же текст положен в основу настоящего издания с небольшими дополнениями из двух других записей, более ранних, но являющихся в известной мере «авторизованными», поскольку они просматривались и исправлялись самим Ключевским, — из записи 1881—1882 г. Н. Аммона и из записи 1883—1884 г. Я. Барскова.

Редакция считала возможным не выделять специально отдельные вставки, поскольку в конечном счете все использованные тексты являются с точки зрения подлинности и авторитета равноправными.

В Приложениях к V тому даны статьи В. О. Ключевского по XVIII в. (из сборника «Очерки и речи»); они писались позже — в 90-е и 900-е годы — и не могли быть введены самим автором в текст лекционного курса, оформленного, как указано, уже в 80-е годы.

С другой стороны, в новом издании не воспроизведен приложенный в издании 1922 г. Обзор, принадлежащий учебнику, так называемому Конспекту, а не Курсу.

Текст V тома подготовлен к печати и комментирован С. Н. Богоявленским.

ЛЕКЦИЯ LXXV

Жизнь Екатерины II до 1762 г. — Ее происхождение и воспитание. — Замужество ее и положение при дворе. — Образ ее действий. — Мысль о русском престоле. — Положение Екатерины II в царствование Петра III.

Императрица Екатерина была такой же политической случайностью, каких много бывало на русском престоле в XVIII в. По происхождению своему она соединяла в себе два мелких княжества северной Германии: по матери она была связана с домом голштинским, а отец ее был мелкий принц, владевший княжеством Ангальт-Цербстским. Этот отец, владетельный принц, состоял на прусской службе: сначала был комендантом, а потом губернатором Штетина, неудачно баллотировался в герцоги курляндские и кончил жизнь прусским фельдмаршалом. В Штетине и родилась его дочь София-Августа — наша Екатерина II — 21 апреля (2 мая) 1729 г. Таким образом, Екатерина вышла из мира мелких князей северной Германии. Это был любопытный уголок Европы, имевший некоторое значение в ее политической истории. Эти мелкие князья играли, однако, видную роль в истории крупных держав благодаря своим широким родственным связям; здесь все были наследники и наследницы, ждавшие чужого престола; здесь был всегда неистощимый запас мелких женихов, которые высматривали крупных невест, и мелких невест, которые метили за крупных женихов.

Происхождение и воспитание Екатерины II

Этот мир воспитывал политических космополитов, которые думали не о родине, а о карьере, для которых родина была везде, где удавалась карьера. Голштинский дом шел впереди своих соседей в этом искании чужих корон и престолов или, по крайней мере, выгодных должностей на чужой службе. Благодаря тому, что одна из дочерей Петра вышла за герцога голштинского, дом этот получил некоторое значение и в нашей истории XVIII столетия. Екатерина была тесно связана с этим домом по родству со стороны матери. Все предки Екатерины по матери с самого начала века либо служили на чужбине и там складывали головы, либо искали и иногда добывались чужих престолов. Недаром еще в детстве один каноник в Брауншвейге предсказал ей блестящую будущность. «На лбу вашей дочери, — сказал он ее матери, — я вижу три короны». Европейский мир привык видеть в этом углу Европы коллекцию царственных голов, не имевших своей короны, но дожидавшихся корон, которые оставались без голов.

Екатерина воспитывалась в суровой обстановке; отец ее был усердный служака Фридриха II и в делах дома подчинялся команде своей жены, а эта жена была удивительная дама: непоседливая и неуживчивая, вечно со всеми ссорившаяся — живая интрига, воплощенное приключение. В жизни своей она исколесила всю Европу, участвовала во всяких закулисных дипломатических интригах, служила Фридриху II по таким дипломатическим делам, за которые стыдились взяться настоящие дипломаты, и этим заслужила его расположение. Она кончила жизнь незадолго до вступления на престол дочери в Париже в самом жалком положении. В воспитании детей она держалась самых простых правил: Екатерина сама после признавалась, что за каждую неловкость ждала себе от матери пощечины.

Разные случайные обстоятельства поставили Екатерину близко к русскому двору: прежде всего, один из ее многочисленных дядей герцог голштинский некоторое время считался женихом нашей Елизаветы, когда она была еще великой княжной; несмотря на преждевременную смерть принца, Елизавета сохраня-

ла всегда самое нежное о нем воспоминание и потому жаловала его племянницу с матерью. Раз даже подарила им портрет своего бывшего жениха, украшенный бриллиантами. Портрет мог остаться фамильным украшением, а бриллианты были очень нужны бедной семье штетинского коменданта. В то время Елизавета озабочена была отысканием удобной невесты для своего племянника, наследника престола. Близкие люди уговаривали взять невесту поскромнее, без влиятельного родства, потому что такая невеста будет особенно почтительна к императрице и к наследнику. В пользу Екатерины хлопотал тесный кружок, тогда вращавший всеми делами при русском дворе. Этот кружок состоял из воспитателя наследника голштинского агента Брюммера; из дипломатического французского агента маркиза де ла Шетарди, приехавшего хлопотать о союзе России с Францией наперекор Бестужеву-Рюмину, который держался австрийского союза; из Лестока — одного из деятелей переворота 1741 г., получавшего пенсию от Франции за свои французские услуги при русском дворе, и, наконец, из нескольких приверженцев русских, близких к Елизавете, большей частью личных врагов канцлера Бестужева-Рюмина. Эти люди и уговорили Елизавету отдать предпочтение перед всеми невестами Екатерине, тем более что последняя доводилась троюродной сестрой своему будущему мужу. В 1744 г. в глубокой тайне мать с дочерью отъезжали в Петербург и явились неожиданно для всего дипломатического мира, который не ожидал такого странного выбора. Тайная рука, устроившая это дело, принадлежала прусскому королю Фридриху II. Он сам впоследствии признавался, что брак дочери его штетинского коменданта с наследником русского престола необходим был для обеспечения прусских интересов и что Екатерина была для него самым удобным орудием для обеспечения этих интересов.

Екатерина явилась в Петербург очень бедной невестой: она привезла туда, по ее словам, всего дюжину сорочек и три-четыре платья, да и те спитые на вексель, присланный из Петербурга на путевые расходы. Такого гардероба было мало для русского двора,

Замужество ее и положение при дворе

при котором раз во время пожара, сгорело 4 000 платьев. Екатерина попала при русском дворе в пестрое и суетливое общество, которое было в хлопотах с утра до вечера. Хлопоты эти преимущественно сосредоточивались вокруг карточного стола. Карточная игра свирепствовала в те годы, когда императрица была еще здорова. В первое время положение Екатерины при дворе было очень шатко. Достаточно одного случая, чтобы понять всю шекотливость ее положения. Раз, еще невестой, сидит она с женихом на окне у Троицы и смеется; вдруг из комнаты императрицы вылетает Лесток и говорит: «скоро кончится ваше блаженство!» и затем, обращаясь к Екатерине, прибавляет: «извольте укладываться, вы скоро уедете домой». Мать поссорилась со всеми при дворе и с императрицей, которая едва не выслала ее с дочерью домой. Впоследствии принцесса ангальт-цербстская была выслана, но без дочери. В конце царствования Елизаветы при дворе была мысль удалить Екатерину с мужем за границу, объявив наследником престола их сына цесаревича Паула. Значит, Екатерине нужно было вечно держаться настороже; она, впрочем, хорошо была подготовлена ко всяким житейским невзгодам. Семейным преданием голштинских, ангальт-цербстских и др. немецких князьков было жить на чужой стороне, на чужой службе; эту семейную привычку унаследовала и Екатерина, которая, как все бездомные люди, всюду чувствовала себя дома. В молодости она много видала: она воспитывалась в Штетине, часто была в Брауншвейге, Гамбурге, Киле; ее возили даже в Берлин, где она видала двор прусского короля. Такая подвижная жизнь много помогла раннему развитию наблюдательности и житейской опытности. Екатерина, вообще, развилась рано; в 14 лет она поражала всех своим ростом и своей развитостью.

Воспитание также обогащало запас ее житейской опытности; чего-нибудь да стоил один личный состав ее воспитателей. В то время северная Германия была наводнена гугенотами, бежавшими из Франции вследствие отмены Нантского эдикта. Гугеноты эти большей частью принадлежали к образованному французскому

мещанству; они скоро завладели торговлей и промышленностью северных немецких городов и начали уже овладевать школой и воспитанием детей в высших кругах немецкого общества. Екатерина училась у паписта, католического патера Пегара, у лютеранского пастора Вагнера, который ненавидел папу, у кальвиниста Лорана, который ненавидел и папу, и Лютера, а попав в Россию, училась закону божию у архимандрита Симона Тодорского, который ненавидел и папу, и Лютера, и Кальвина. Легко понять, какой разнообразный и богатый запас религиозных сведений должна была получить Екатерина от таких воспитателей, редко соединяющихся для одного общего дела.

Образ жизни ее в России также помогал успехам ее образования. Вышедши замуж, она недолго ужилась с мужем. Это понятно: довольно трудно представить себе двух людей, которые так мало бы шли друг к другу, как Петр и Екатерина. Через несколько времени они разошлись ко взаимному удовольствию: Петр был очень рад, что избавился от общества жены; жена была очень рада, что избавилась от общества мужа, это открыло ей обширный досуг. В шуточной эпитафии, какую Екатерина сама себе написала в 1778 г., она признается, что в 18 лет скуки и уединения, т. е. замужества, она поневоле прочла много книг. Этими книгами сначала были романы, но потом ей допалась в руки книжка Вольтера, и она прочла ее с восторгом; с тех пор, по ее словам, она не читала ничего, что не было бы так хорошо написано и из чего нельзя было бы извлечь такой же пользы. Разборчивость в выборе материала для чтения впоследствии помогла ей обогатиться самыми разнообразными знаниями. При русском дворе этими знаниями, этой развитостью, которые она приобрела воспитанием, она старалась воспользоваться для достижения трудных задач, ей здесь предстоявших. Ей нужно было здесь упрочить свое положение, которое лишилось одной из главных опор, со времени охлаждения между нею и Петром. Прежде всего Екатерина поставила себе задачей внимательно изучать русские обряды; она часто молилась и постилась, особенно при людях. Прислуга нередко заставляла

Образ действий Екатерины II

ее в спальне перед иконами с молитвенником в руках. Раз Елизавета предложила ей говеть вторую неделю великого поста. Екатерина попросила у нее позволения поститься весь пост. Второй ее заботой было изучение русского языка. Часто по ночам она вставала, чтобы заучить мудреные русские слова; эти безвременные занятия даже причинили ей опасную болезнь. Оба эти занятия служили средством для изучения среды, в которую она попала. Среда эта была мудреная, не совсем привычная для Екатерины, она и пользовалась различными средствами для ее изучения. Она расспрашивала прислугу, даже не чуждалась и подслушиванья; раз во время болезни она притворилась спящей, между тем как присутствовавшие дамы говорили о таких вещах, о которых они без этой хитрости не сказали бы ей. Таким образом, Екатерина довольно близко вошла в жизнь и отношения общества, среди которого ей приходилось вращаться. Она сама описывает тактику, какой она держалась; она говорит, что старалась приобрести любовь всех, больших и малых, поставив себе за правило думать, что нуждается во всех, не держалась никаких партий, ни во что не вмешивалась, была со всеми ласкова, никому не отдавала предпочтения, старалась казаться веселой, оказывала беспрекословное повиновение матери, которой не терпела, глубокое уважение к императрице, над которой смеялась, и глубокое почтение к мужу, которого презирала; одним словом, всеми средствами старалась заслужить любовь публики.

Мысль о
русском
престоле

У ней была определенная цель, к которой она направляла эту хорошо рассчитанную тактику; целью этой был русский престол. По ее признанию, она охотно рассталась бы с мужем, но к русской короне она была не так равнодушна. В записках своих она передает свое раздумье накануне свадьбы. Будущее не обещало ей ничего прочного: «Одно честолюбие, — говорит она, — меня поддерживает; во мне есть я не знаю, что такое, что ни на минуту не оставляет во мне сомнения, что рано или поздно я добьюсь своей цели, сделаюсь самодержавной императрицей». Этой цели принесены были те нравственные жертвы, о которых она расска-

живает. Ей пришлось пережить много огорчений, особенно выходявших из ее отношений к мужу: муж обращался с ней при людях презрительно, она должна была скрывать страдания, которые испытывала, чтобы не быть жертвой сострадания других. Наплакавшись наедине, она быстро утирала слезы и выходила к фрейлинам всегда смеющаяся и спокойная. Это умение уступать обстоятельствам, примиряться с ролью брошенной жены было вознаграждено ее успехом при дворе. Она взяла свое положение с бою и уже при Елизавете успела упрочить его, хотя этому много помог и ее муж. Елизавета, ближе узнав племянника, выходила из себя при одной мысли о нем. Екатерина передает в своих записках те ужасные эпитеты, которыми тетка честила своего племянника. Чем больше охладевала императрица к Петру, тем больше научалась она ценить его жену. Уже лет за пять до смерти Елизаветы наблюдатели свидетельствуют о том влиянии, какое она получила при дворе. В начале Семилетней войны, т. е. в 1756 г., английский посланник Вильямс пишет о великой княгине в своем донесении правительству: «С самого прибытия своего в Петербург великая княгиня всеми средствами старалась приобрести всеобщую любовь, и теперь ее не только любят, но и боятся. Многие, которые стоят в лучших отношениях к императрице, не пропускают случая угодить под руку великой княгине».

Все это переменялось со смертью Елизаветы. Разрыв между мужем и женой стал теперь открытее. Екатерина должна была испытать пренебрежительное отношение еще в большей степени. Сторонний наблюдатель французский посол Бретейль в своих донесениях изображает нам как бы летопись невзгод, какие постигают брошенную императрицу. В начале царствования Петра Бретейль пишет, что императрица старается вооружиться философией, что, впрочем, противоречит ее характеру; философия была необходимым оружием при том положении, в какое стала императрица. В другой депеше посол пишет: «Говорят, императрицу узнать нельзя: она чахнет и скоро сойдет в могилу». Но императрица не сошла в могилу, а твердой стопой шла по избранному пути. Она публично показала глубокое

Положе-
ние Екате-
рины в
царствова-
ние
Петра III

благоговение к русским обрядам, особенно при гробе: Елизаветы. Между тем как новый император при этом гробе вертелся, высывал язык церковнослужителям, императрица исполняла все, что требовалось в этом случае: часто являлась в церковь, усердно молилась и постилась, чем заслужила, по словам посла, особенную благодарность со стороны духовенства и народа. И плоды ее забот скоро сказались; тот же посол пишет: «Императрица показывает мужество и твердость, ее любят и уважают в такой же степени, в какой презирают императора». Таким тернистым путем дошла Екатерина до той минуты, когда образовался заговор в ее пользу. Под впечатлениями, ею пережитыми, благодаря опытности, какую ей доставила жизнь, Екатерина выработала себе особый образ действия, даже особый образ мысли; словом, характер, любопытный во многих отношениях.

ЛЕКЦИЯ LXXVI

Характеристика Екатерины II. — Сходство Екатерины II с Петром III. — Влияние переворота 1762 г. на политику Екатерины. — Манифест 6 июля. — Противоречия в программе Екатерины. — Внешняя политика после смерти Петра В. — Союз с Австрией. — Сущность вопросов турецкого и польского.

В царствование императрицы Екатерины о ее деятельности много говорили современники и не меньше люди дальнейших поколений. Думаю, что можно сказать, что образ Екатерины в нашей истории XVIII столетия даже несколько заслоняет собой фигуру Петра: из-за первой мы, вспоминая нашу историю прошедшего столетия, иногда забываем о последнем и даже часто то, что принадлежало Петру, готовы приписать Екатерине, по крайней мере, считая ее более удачной продолжательницей того, что начал Петр. В таком представлении много неправильного, даже думаю, что это представление вполне ложно. Политическая деятельность Екатерины во многом объясняется ее судьбой и усвоенным ею под влиянием житейского опыта и обстоятельств образом действия. Екатерина родилась и долго врасталась в очень скромной доле, рано испытала лишения и тревоги, с какими обыкновенно сопряжено необеспеченное положение. Но из родной обстановки, бедной и скудной, судьба в молодости бросила ее на широкие и шумные исторические сцены, где она видела очень много славы и власти, много блеска и богатства,

Характеристика
Екатерины II

встречала людей, которые всем рисковали для приобретения этих благ, подобно прусскому Фридриху II, встречала и таких людей, которые успешно приобретали все эти блага помощью риска, подобно нашей императрице Елизавете. Все эти виденные Екатериной примеры соблазнили ее, возбудили и раздражили аппетит честолюбия, а Екатерина от природы не была лишена тех качеств, которые необходимы для успеха на таком рискованном пути. Так, Екатерина росла с мыслью, что ей самой надобно прокладывать себе дорогу, делать карьеру, т. е. надо выработать те качества, которые необходимы для этого; а судьба пришла ей на помощь: неудачное замужество доставило ей обширную и благодарную практику для развития этих качеств, не только указала цель ее честолюбию, но и сделала достижение этой цели вопросом личной безопасности. Неутомимое преследование намеченной цели, тяжелые испытания, ею пройденные при этом, сообщили ей удивительную выправку, тот «закал души», говоря ее словами, которым она всегда так гордилась, и помогли ей выработать основное житейское правило, которым она всегда руководилась и которому была столько обязана. Это правило она сама выразила в одном любопытном документе: когда приехала в Россию герцогиня голштинская, невеста великого князя-наследника Павла, у нас известная под именем Натальи Алексеевны, Екатерина сама составила для нее инструкцию, которой та должна была руководиться в отношениях своих к окружающим. В инструкции этой мы читаем следующие замечательные слова: «Я всегда была убеждена, что лучше обладать сердцами всех, чем немногих; и этому обдуманному образу действия я обязана достижением той ступени, на которой вся Европа стала меня видеть». Для Екатерины «жить» рано стало значить «работать». А так как вся работа ее состояла в том, чтобы в незнакомой стране, среди чужих людей уговорить встречных вывести ее на дорогу к намеченной цели, то главной ее задачей стало искусство обрабатывать людей. Но по самому свойству этих занятий Екатерина в других нуждалась больше, чем другие нуждались в ней; притом она долго вращалась среди людей менее ее сильных,

но более дальновидных, которые вспоминали о ней лишь тогда, когда она им на что-нибудь надобилась. Поэтому вторым ее житейским правилом стала мысль пользоваться обстоятельствами и людьми так, чтобы до времени плыть по течению первых и служить видимым, послушным, но не слепым орудием в руках других. Она часто и отдавалась в руки других, но только для того, чтобы эти другие ее, как игрушку, могли довести до места, до которого она не могла дойти своими ногами. В этих основных правилах ее деятельности заключались и слабые и сильные стороны ее характера. Екатерина получила от природы и судьбы обильные средства для действий, внешние и внутренние, и внешних больше, чем внутренних. Она была способна к напряженному, к усиленному и часто непосильному труду; поэтому она себе и другим казалась выше себя самой. Она очень много работала над собой, но она больше работала над своими манерами, чем над своими чувствами и мыслями, а отсюда происходило изящество первых и часто прорывавшаяся грубость вторых. В уме ее было больше гибкости и восприимчивости, чем глубины, вдумчивости, больше выправки, сноровки, чем силы творчества, как и вообще во всей ее натуре было больше живости, блеска, чем чувства.

В этом отношении представляют некоторый исторический интерес ее литературные произведения. Она писала много и в очень разнообразных отраслях: автобиография, записки, комедии и особая письма. Произведения ее, дошедшие до нас на русском языке, конечно, прошли уже через руки туземного корректора. Екатерина никак не могла сладить с русским языком и писала на нем невероятным образом, точно так же не могла победить и русской орфографии; в записках и указах, вышедших прямо из-под ее пера, мы встречаем большие погрешности в этом отношении; она умела в русском слове, состоящем из трех букв, сделать четыре ошибки: вместо «еще» писала «исчо». Но этих неудобств для изучающих не представляют ее творения на любимом ею французском языке. Екатерина, как мы видели, очень много читала; читала и старорусские летописи и модные книжки новейших французских

Философов Припоминая, как она много училась и размышляла, мы удивимся сухости и бесцветности ее изложения, бедности ее воображения, сдержанности, даже скудости ее мыслей и чувств. В ее сочинениях не найдете ничего, что поражало бы, что врезывалось бы в память. Здесь нет ни смелых оборотов мысли, ни даже удачных фраз; всего меньше найдете вы у ней простоты, непринужденности чувства. Даже в самых дружеских письмах, например, в переписке ее с ее заграничным агентом и приятелем бароном Гриммом, она напрасно старается изысканнейшей шутливостью, деланным остроумием прикрыть пустоту содержания, скудость мысли и чувства. Но это дружеская переписка. Екатерина говорит там о всевозможных предметах, начиная от несчастной порчи желудка у ее корреспондента и кончая таинством евхаристии, и над всем она смеется одинаково сухо, так что, читая эту переписку, бросишь книгу и скажешь: «что за неопрятная голова, что за невыработанные чувства». Где бы она ни появлялась, за что бы она ни принималась, она как будто чувствовала себя на сцене, как-будто играла для кого-то. Обстановка и впечатление дела были для нее всегда важнее самого дела и его последствий; оттого ее образ действий выше тех побуждений, которыми этот образ действий вызывался. Действуя, она больше заботилась о том, что скажут современники, чем о том, что подумает потомство, поэтому первые ценили ее выше, чем ценит и будет ценить последнее. Она больше думала о популярности, чем о пользе; ее энергия поддерживалась не интересом дела, а вниманием других, и падала, как скоро это внимание ослабевало. Вообще в ее деятельности было больше блеска, эффекта, чем силы творчества; она лучше умела разыграть дело, чем создать его и провести. Самое ее будут больше помнить, чем ее дела.

Сходство
Екатери-
ны II с
Петром III

Повидимому, что общего могло быть между нею и ее мужем императором Петром III? Но у них больше сходства друг с другом, чем можно подумать при первом взгляде на их физиономии. Оба они были политическими случайностями в нашей истории и, что еще неожиданнее, оба они пришли, чтобы послужить сле-

ними орудиями фактов, начавшихся до них и развившихся против их воли и при их содействии. Зачем, в самом деле, появился на нашем горизонте такой мигушный метеор, такая блуждающая комета, какой был Петр III? Повидимому, он — совершенная случайность в нашей истории; но он пришел, чтобы завершить один крупный факт последней: он всегда боялся русского дворянства, ждал от него самой большой опасности, ненавидел его, а между тем завершил процесс освобождения дворян от обязательной службы, — процесс, который поставил дворянство во главе нашего общества; этому императору принадлежит закон о вольности дворянства 18 февраля 1762 г. Этот ненавистник русского дворянства призван был на Русь судьбой, чтобы подписать свое имя под этим законом и исчезнуть, погрузиться в ту тьму, из которой он вышел. Совершенно такое же значение в нашей истории имеет и царствование Екатерины, более важное только потому, что оно было более продолжительно. Екатерина была тростью книжника-скорписца и призвана была судьбой в нашу страну, чтобы подписаться под несколькими законами, подобными указу 18 февраля.

Теперь мы обратимся к изучению ее деятельности и прежде всего разберем те влияния, в среду которых она стала тотчас по вступлении на престол путем революции, захвата власти не по закону. По установленному обычаю и согласно с народными понятиями власть принадлежала ее сыну; влиятельные лица петербургского руководящего общества были того же мнения, что Екатерина имела право только на регентство до совершеннолетия сына. Революционный путь, каким Екатерина достигла престола, определил характер ее царствования, указал ей даже программу, которой она должна была следовать. Екатерина вступила на престол, низвергнув правительство своего мужа; это правительство глубоко оскорбило национальное русское чувство своим пренебрежением к русским людям, интересам, русским обычаям и даже верованиям. Екатерина вступила на престол потому, что предшествующее царствование было слишком непопулярно, следовательно, обстоятельства заставляли ее действовать популярно. Да-

Влияние переворота 1762 г. на политику Екатерины

лее, она вступила на престол, чтобы поправить ошибки предшествовавшего царствования в политике внешней и политике внутренней. Эта политика уронила внешнее значение России, подвергла риску некоторые существенные ее интересы, следовательно, Екатерина обязана была восстановить прежний кредит России за границей, освободить от опасности, угрожавшей ее интересам. Бесцельный произвол предшествовавшего правительства, распоряжения, которых смысла никто не мог понять в обществе, возобновили политическое возбуждение как наверху, так и внизу общества, вызванное предшествовавшими событиями, т. е. дворцовыми переворотами. Мы знаем, что еще в 1730 г. резко высказались некоторые политические тенденции русского дворянства, направленные к ограничению произвола верховной власти. В мирное царствование императрицы Елизаветы эти политические помыслы людей 1730 года затихли по ненадобности, но произвол Петра III опять вызвал наружу то, что затаялось было при Елизавете.

Воспитатель великого князя Павла Панин, повидимому, укрепился в своем образе мыслей, унаследованном от верховников 30-го года, безграничным и бесцельным произволом последнего царствования. По крайней мере, его племянница княгиня Дашкова уверяет нас, что ее дядя в беседах о возможных последствиях революции 62-го года любил останавливаться на последствиях политических; охотно беседовал о формах правления; его любимой мечтой будто бы было возвести на престол своего питомца и установить образ правления на основаниях шведской монархии. Так как сам Панин, повидимому, не проговаривался об этом перед посторонними, то в рассказах немца (Ассебурга), описывающего переворот с его слов, нет о том даже намека, но это только следствие его осторожности; Панин заявил только, что за четыре недели до июньских событий он озаботился доставлением престола другому лицу. Но так как великий князь был еще ребенок, то предполагалось доставить регентство матери, пока он не достигнет совершеннолетия. Таковы были планы Панина, и Дашкова должна была согласиться с ними.

То же политическое возбуждение благодаря деятель-

ности Петра распространилось и в массе общества. Образ действия правительства и здесь заставил людей одолеваться политиками. До нас дошли с разных сторон свидетельства об этом возбуждении умов в массе. Прежде всего, современник и очевидец изучаемых нами событий Болотов в записках своих говорит, что при Петре III на улице все открыто говорили, редили и судили о всех поступках государя. Екатерина в манифесте 6 июля, извещавшем русское общество о ее вступлении на престол, признается, что никого не оставалось в народе кто бы «в голос без трепета не проклянул государя». В одной своей записке о первых пяти годах царствования она также признается, что в первые дни по вступлении на престол еще всюду заметны были признаки великого ропота в народе, вызванного образом правления последних минувших лет, т. е. предшествовавшего царствования. Итак, разумно-либеральный образ действия Екатерины должен был изгладить впечатления испытанного самовластия и распространить в обществе убеждение, что пережитый произвол не повторится более. Далее, Екатерина была возведена на престол гвардией: гвардия в то время еще представляла собой интересы русского дворянства, а русское дворянство, как мы знаем, к тому времени сделало уже значительные успехи в своих стремлениях получить влияние на управление страной. Итак, Екатерина должна была действовать также в сословных интересах дворянства. Такова была сложная программа, которую продиктовали ей обстоятельства ее вступления на престол. Она должна была в первое время действовать и популярно в интересах или, по крайней мере, вкусах всего народа и действовать либерально, согласно с теми политическими идеями, которые тогда со стороны проникли в русское общество, и, наконец, она должна была действовать также в интересах сословия, цветущего которого обязана была своим вступлением на престол. Памятники, в которых можно видеть точное отражение ее положения и мыслей в первые дни царствования, указывают на эту самую программу, столь сложную и трудную. Мы сейчас увидим, как эта программа развивалась в первых актах ее царствования.

Вскоре по вступлении на престол, 6 июля, Екатерина обнародовала манифест, в котором подробно изложила обстоятельства совершившегося переворота и обозначила главные черты программы, которой новое правительство хотело руководствоваться в своей деятельности. Это был очень откровенный, т. е. неосторожный, манифест, и потому правительство впоследствии старалось стеснить его распространение. Здесь императрица объявила свое нелицемерное и искреннее желание быть достойной любви своего народа, для которого и признавала себя возведенной на престол. Екатерина считала себя призванной на престол «для соблюдения православного закона, укрепления и защиты отечества, сохранения правосудия, искоренения зла и всяких неправд и утеснений». Она решительно высказывается в манифесте против самовластия, изображает недостатки предшествующего царствования. «Самовластие, — читаем мы в манифесте, — не сдерживаемое в государе, царствующем самодержавно, есть такое зло, которое многим пагубным последствиям непосредственной бывает причиной». Для предупреждения таких последствий Екатерина торжественно обещала своим императорским словом узаконить такие государственные постановления, по которым бы правительство «в своей силе и в принадлежащих границах течение свое имело так, чтобы в потомстве каждое государственное место имело свои пределы и законы к соблюдению доброго во всем порядке». Ясна мысль, которая выражается в этом недостаточно обработанном выражении: самовластие предшествовавшего царствования было возможно потому, что в основании государственных установлений не было точных и твердых законов, что государственные места не имели точно обозначенных пределов своей власти и деятельного значения. Екатерина обещалась царствовать не только популярно, но и либерально: не только успокоить встревоженное и оскорбленное национальное чувство, но и поставить деятельность государственных учреждений в законные границы, которые сдерживали бы капризы власти. О специально сословных интересах, т. е. интересах дворянства, неудобно было распространяться в манифесте, однако, в нем замечено, что

предпочтующее царствование особенно раздражило сибирские полки, которым император дал «иностранные и развращенные виды» (намек на неуклюжие прусские мундиры, введенные Петром).

Такова программа, какую при самом начале царствования торжественно и всенародно объявило новое правительство. Вы легко заметите разногласие между частями этой программы; отдельные части ее не только не имели внутренней связи между собой, но и заметно противоречили одна другой. Действовать популярно, т. е. в интересах всего народа, при тогдашних обстоятельствах становилось довольно трудно, если правительство думало действовать вместе с тем и в интересах сословных, т. е. дворянских. Мы уже видели, описывая положение этого сословия в государстве около половины XVIII столетия, что его частные, сословные интересы далеко не вполне совпадали с интересами общенародными. С другой стороны, обещая действовать популярно, т. е. установив повые государственные учреждения, которые сдерживали бы самовластие, Екатерина неминуемо должна была притти в столкновение не только с русскими правительственными обычаями, но и с привычками, понятиями русского народа. Легко понять, что это за государственные постановления, действующие на основании точных законов. Это — конституционное государственное устройство; такому устройству мало сочувствовала масса тогдашнего русского общества. Итак, действуя либерально, нельзя было в то же время действовать и популярно. Политические мечтания, которые носились в голове Никиты Панина и его единомышленников, пришлось бы очень не по вкусу большинству русского общества, потому что они устанавливали аристократический порядок, тот самый порядок, против которого так энергически восставало даже либеральное дворянство в 1730 г. С другой стороны, действуя в интересах дворянства, Екатерина должна была жертвовать интересами огромной крестьянской массы, населявшей дворянские земли. Значит, необходимо было либо действовать либерально, но не популярно, либо действовать популярно, но не в интересах дворянства. Так программа, развитая

Противоречия в программе Екатерины

в манифесте 6 июля, построена была на противоречии, состояла из целей, которые нельзя было примирить между собой.

Вопрос об отношениях дворян и крестьян, т. е. вопрос о крепостном праве, вот что более всего ставило интересы одной стороны во враждебное отношение к интересам другой. Как выйдет или надеется выйти из этого противоречия правительство Екатерины? Способ, который оно нашло для этого решения, характеризует как личность Екатерины, так и ее царствование. Она не отказывалась от какой-либо цели, поставленной в программе, в пользу другой, но она их разобщала; различая цели, она старалась проводить их в различных сферах своей деятельности. Народному интересу, популярным стремлениям дан был широкий простор во внешней политике. Здесь усилия правительства направились в те стороны, на которые давно уже было обращено народное внимание. В устройстве и деятельности высшего центрального правительства Екатерина оставалась верна тем политическим понятиям, которые господствовали в массе общества. Авторитет и деятельность верховного правительства остались нетронутыми в своих основаниях, такими, какими их создала наша история, т. е. как привык смотреть на них весь народ. Здесь, сохранив все права самодержавной власти, Екатерина действовала согласно с народными понятиями, т. е. популярно. Напротив, в устройстве областного управления, как и сословных отношений, она развивала и защищала интересы дворянства, отдав ему в руки все местное общество. Наконец, либеральные идеи века, которые тогда со стороны все более проникали в русское общество, были признаны правительством, но не для правительственной практики, а больше для украшения правительственной деятельности и общественной жизни. Эти либеральные идеи проводились в предисловии к законам, в литературных произведениях, даже в частных беседах императрицы, но не далее, в то же время законодательство только развивало и закрепляло факты, завязавшиеся задолго до Екатерины. Таков был ход действия, который помог Екатерине выйти из противоречий объявленной ею

программы. Пропаганда в обществе идей века и законодательное развитие и укрепление фактов, не имевших с ними ничего общего, — вот основная мысль политической программы Екатерины. Для ясности укажу на одну подробность этой программы. Почти в продолжение всего царствования Екатерина проводила в литературных своих произведениях освободительные идеи французских литераторов и в продолжение всего царствования постепенно затягивала узы крепостного права.

Теперь обратимся к изучению деятельности Екатерины и прежде всего ее внешней политики. Внешняя политика Екатерины — самая блестящая сторона ее деятельности. Когда кто хочет сказать что-нибудь хорошее об этом царствовании, он прежде всего укажет на внешнюю политику: на блестящие успехи, на завоевания и победы, одержанные на юге и западе над турками и поляками. Вместе с тем внешняя политика служила для Екатерины лучшим средством приобрести то расположение общества, которое она искала, заставить забыть последнее о незаконном приобретении власти. Наконец, вопросы внешней политики всего прежде и настойчивее требовали себе разрешения с первых минут ее царствования. Деятельность Петра вовлекла Россию в многочисленные политические отношения с Западной Европой, где голос русского кабинета с 1721 г., с Ништадтского мира, получил важное значение. Но прямые текущие интересы связывали нас тесно только с тремя европейскими государствами: Швецией, Польшей и Турцией. Со всеми остальными государствами мы не имели непосредственных соприкосновений ни географических, ни политических. Впрочем, и названные три державы не все имели одинаковое отношение к интересам России. Всех ближе с царствования Петра стояла к нам в нашей дипломатии Швеция, но с этой стороны покончены были наиболее острые вопросы: восточный Балтийский берег с частью Финляндии был завоеван, это составляло главную причину раздора России со Швецией до тех пор. Мысль об отместке, с которой некоторое время носились в Стокгольме, желание оторвать опять у России Ливонию и Финское побережье, посте-

Внешняя
политика
после
смерти
Петра Ве-
ликого

пенно отходила в шведской политике на задний план благодаря все яснее открывавшейся невозможности осуществить ее. Так мы развязывались со Швецией. Но в то время как Швеция отходила для нас на задний план, Польша еще не успела выступить вперед. Много глубоких и непримиримых интересов разделяло двух соседей: Россию и Польшу. Главным вопросом, издавна питавшим вражду между ними, был вопрос о православных русских, входивших в состав Польского государства. Но до второй половины XVIII в. этот вопрос не был затронут еще во всей его полноте, не получил жгучего развития. Дело в том, что Россия и Польша нуждались друг в друге. Их сближало одинаково враждебное отношение к Турции. Таким образом, и Польша имела второстепенное значение в нашей дипломатии до половины XVIII в. Она была нужна для России не как соперница, а скорее как союзница. Оставалась на дипломатической сцене одна Турция. С этой стороны на очереди стояли вопросы первостепенной важности. Надобно было продолжить и докончить начатую в прошедшем столетии при первых царях новой династии борьбу с Турцией.

Союз с
Австрией

Но эта борьба казалась опасной в одиночку, поэтому искали союзников. Всех ближе стояла к Турции географически и политически Австрия; у ней также были непримиримые запутанные счеты с Турцией. Естественно поэтому было сближение Австрии с Россией для общей деятельности в этом направлении. Уже при Петре русская дипломатия хлопотала о тесном наступательном союзе с Австрией. Вскоре по смерти Петра в 1726 г. в царствование Екатерины I этот союз был наконец заключен. С тех пор политика австрийского союза стала руководящим принципом русского кабинета; эта политика австрийского союза на тогдашнем дипломатическом языке известна была под именем системы Петра Великого. Русское правительство последовательно и с энергией действовало в этом направлении. Несмотря на дворянские перевороты, на смену правительств, в царствование Анны эту политику с успехом и не без славы проводил знаменитый канцлер барон Остерман. В царствование Елизаветы в этом же направ-

чении действовал личный враг и дипломатический последователь Остермана канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. Он только внес под влиянием обстоятельств новую ноту в эту политику — ожесточенную вражду, несвободную от некоторого страха, к прусскому королю, к новой звезде, которая тогда явилась на европейском горизонте. Канцлер Бестужев немолчно твердил Елизавете об опасностях, какие грозили России с прусской стороны, более всего от захватнического возмутительного характера прусского короля. Эта политика противодействия Пруссии в содействии с Австрией в конце войны за австрийское наследство склонила Россию на сторону Австрии. В Семилетней войне Россия энергично поддерживала Марию-Терезию. Эта политика была совершенно естественна и разумна. В 1740 г. на Австрию бросилась огромная европейская коалиция с целью раздробить владения Марии-Терезии. Падение Австрии лишало Россию ее единственной союзницы по отношению к Турции, следовательно, надо было поддержать ее против врагов. Правда, эта политика против союза имела свои неудобства: было трудно идти рука об руку с правительством, которое жило день за день, идя по первому попутному ветру, не составляя планов на завтрашний день. Уже тогда этот союз принес России мало плодов, но причинил много хлопот. Вся турецкая война в царствование Екатерины была испорчена для России союзом с Австрией, и Белградский мир 1739 г., благодаря поражению, которое понесли австрийцы, принес нам только клок пустынной южной степи между Днепром и Бугом. Однако когда на очереди стояла борьба с Турцией, необходимо было держаться Австрии. Только около половины XVIII в. в Польше стало волноваться русское православное население, вынуждая русское правительство вмешаться во внутренние дела Польского государства.

Итак, вот два очередных вопроса, разрешение которых должно было стать первой заботой правительства: это вопрос турецкий и едва затрагивавшийся вопрос польский. Сущность обоих вопросов была очень проста. Крымские татары, сами не пользуясь плодородной почвой южной России, не позволяли пользоваться ею и

Сущность
вопросов
турецкого
и польского

русскому населению. Вырывали эти обширные и плодородные степи из европейского хозяйственного оборота. Надо было оторвать у них и оградить от них эти степи. Но крымские татары находили себе поддержку в Константинополе; хозяйственное приобретение южно-русских степей могло быть достигнуто только борьбой с Турцией. Вот в чем состоял турецкий вопрос для правительств XVIII в. и тогда он не состоял ни в чем более. С другой стороны, под давлением польского католического правительства жило огромное русское население, которое издавна стремилось к воссоединению с коренной Россией. Во имя религиозного и национального родства надобно было поддержать стремление этого населения и освободить его от власти как чужеземного государства, так и чужеземной церкви. Вот в чем состоял тогда польский вопрос, и ни в чем более не состоял он.

ЛЕКЦИЯ LXXVII

Внешняя политика Екатерины II. Международное положение России.—Внешние события царствования Екатерины II.—Приемы внешней политики.—Северная система.—Союз с Пруссией —Разрешение турецкого вопроса.—Разрешение польского вопроса.—Результаты внешней политики.

Мы рассмотрим главные явления внешней политики Екатерины, чтобы видеть, как и каким образом разрешила она эти вопросы, стоявшие на очереди. Один из этих вопросов был турецкий, состоявший в том, чтобы довести южнорусскую границу до ее естественных пределов, т. е. до береговой линии Черного моря. Второй вопрос был польский, состоявший в том, чтобы воссоединить западную Русь с коренной Россией. Разрешение первого вопроса необходимо было для успеха русского народного хозяйства. Масса русского населения, некогда скученная на неплодородном верхневолжском суглинке, должна была перенести свой труд на южный плодородный чернозем, обработка которого невозможна была при господстве татар на юге Руси. Второй вопрос должно было разрешить по требованию национального и религиозного чувства, точнее говоря, необходимо было разрешить для обеспечения национальной безопасности и для удовлетворения религиозного чувства. Значит, первый вопрос был в сущности экономическим, второй в сущности национально-религиозным. Наша история чрезвычайно ясно и прямо по-

ставила оба эти вопроса, и направление, в каком следовало их разрешить, указано было так же ясно и просто старинными наивными нашими политиками XV и XVI вв. Они уже хорошо знали в чем дело, в продолжение столетий страшно напрягали народные силы для того, чтобы оградить и отодвинуть к югу южнорусскую границу, ввести в народнохозяйственный оборот пустовавшие южнорусские степи. Еще Иван III прямо говорил, что у него будет вечная борьба с Польшей, что он не положит оружия, пока не получит всю свою вотчину — русскую землю, находящуюся во власти Польши, что эта вечная борьба у него будет прерываться лишь кратковременными перемириями, чтобы дать отдохнуть людям. Точно так же смотрел на дело и Иванов внук царь Грозный. Когда последний Ягеллон на польском престоле Сигизмунд-Август предложил царю Ивану вечный мир, царь отвечал отказом и объяснил свой отказ такими откровенными словами: «за королем польским наша вотчина извечная: Киев, Волынская земля, Полоцк, Витебск и иные многие города русские. Так пригоже ли с польским королем вечный мир заключать? Если теперь вечный мир заключить, то впредь через крестное целование вотчины своей искать будет уж нельзя, а крестного целования я нарушить не хочу».

Междуна-
родное по-
ложение
России

В распоряжении правительства Екатерины было много средств для успешного разрешения того и другого вопроса. Эти средства были не только внутренние, заключающиеся в военных силах и финансовых источниках, но и внешние. Последние заключались в том положении, в каком очутились и Россия и Западная Европа по окончании Семилетней войны. Участие России в Семилетней войне далеко не истощило всех ее средств. Напротив, западноевропейские государства, в ней участвовавшие, вышли из этой борьбы истощенными. По заключению Губертсбургского мира 1763 г. ни один из западных участников войны не имел ни средств, ни охоты возобновлять ее. Притом для разрешения, в частности, вопроса польского Екатерина располагала некоторыми местными благоприятными ей обстоятельствами: 1) в 1764 г. на польский престол был

избран королем Станислав Понятовский под именем Станислава-Августа, креатура России, следовательно, послушное орудие в ее руках при искусном направлении; 2) России держалась самая могущественная политическая партия в Польше, руководимая родственниками нового короля князьями Чарторыйскими. Наконец, Россия опиралась в польских своих сношениях на преданную ей православно-русскую массу; в пределах Польского государства этой массе даже не нужно было подавать сигнала из Петербурга, чтобы в случае надобности поднять ее против Польской республики.

Теперь посмотрим, как правительство Екатерины воспользовалось этими средствами, разрешая стоявшие на очереди вопросы внешней политики. Чтобы успешно разрешить их, надобно было строго выдержать два условия: во-первых, разрешить тот и другой вопрос без вмешательства со стороны, не допуская этим вопросам местным — русско-турецкому или русско-польскому — превратиться в вопросы общеевропейские, во-вторых, надобно было разрешить каждый из этих вопросов порознь, а не вместе. Чтобы видеть, как они разрешились на самом деле, я должен сделать краткий обзор внешних событий царствования Екатерины.

В первую минуту после июньского переворота у нас и за границей были убеждены, что внешняя политика России совершенно переменится. Предшествовавшее правительство хотело действовать в тесном союзе с Фридрихом прусским, надеялись, что Екатерина разорвет этот союз и воротится к прежней системе — союзу с Австрией. Но необеспеченное положение Екатерины после переворота, неуверенность в прочности приобретенной революционным путем власти заставили Екатерину отказать не только от разрыва с Фридрихом, но и вообще от энергичной внешней политики. Правительство Екатерины сохранило в сношениях с западными дипломатами твердый, самоуверенный тон; на это в особенности жалуется французский уполномоченный Бретейль. Он недоволен, что Екатерина, уступчивая в делах внутренних, во внешней политике сохраняет твердый и самоуверенный тон; он объясняет его тем, что, во-первых, такой тон нравится ее подданным,

Внешние
события
царствования
Екатерины II

а во-вторых, тем, что твердость во внешней политике не грозит ей личной опасностью. Бретейль с ударением пишет, что во время разговора с Екатериной последняя, по крайней мере, раз 30 повторила ему «столь великая и могущественная империя, как моя!» Но Екатерина признавалась французскому послу, что ей нужно, по крайней мере, пять лет мира для восстановления внутреннего порядка, «а пока, — добавила она, — я буду вести себя с государями Европы, как искусная кокетка», т. е. и не отталкивая и не давая слишком обязывающих обещаний.

Но внешние события с начала царствования пошли ускоренным ходом; в 1762 г. умер в Польше король и курфюрст саксонский Август III. Началась избирательная агитация. В Польше боролись две партии: саксонская, желавшая возвести на престол сына умершего короля, и патриотическая, руководимая Чарторыйскими, настаивавшая на передаче короны природному поляку. Партия князей Чарторыйских обратилась за помощью к России. Россия не хотела делать в Польше дела одна и вошла в союз с Пруссией. Ценою оборонительного союза Фридрих обещал России свое содействие, и русские войска, посланные в Польшу, помогли избранию племянника князей Чарторыйских, старого знакомого и приятеля Екатерины Станислава Понятовского. Но тотчас за избранием поднялся в Польше старый и жгучий вопрос о диссидентах. Диссидентами в Польше назывались не принадлежавшие к католическому исповеданию граждане Польской республики, огромное их большинство состояло из православных русских. К половине XVIII столетия диссиденты, т. е. православные русские, были лишены в Польше не только политических прав, но и религиозной свободы. Они не имели места в польском сенате, лишены были права посылать депутатов на сейм, должны были платить поборы в пользу католического духовенства, лишены были многих православных церквей и епархий, переведенных в унию. Теперь диссиденты стали волноваться, требуя возврата отнятых у них прав, преимущественно свободы исповедания. Представителем их явился перед русским правительством епи-

ский белорусский Георгий Конисский. В Москву во время коронации Екатерины он прибыл с просьбой от всех православных защитить их и в речи к Екатерине прямо назвал себя и свою паству «верными подданными ее величества». Русское общество с чрезвычайным сочувствием относилось к этому вопросу о диссидентах, следовательно, не давало Екатерине возможности откладывать дело. Екатерина должна была поднять в Польше агитацию в пользу диссидентов. Польский сейм 1766 г. с неописанным неистовством встретил этот вопрос, обещая изрубить всякого, кто говорит о нем. Но в Польше было средство, дававшее возможность вмешательства. Это средство заключалось в праве конфедераций. Недовольные правительством граждане могли составить общество и силою оружия добиваться у правительства своего. В Польше действовало право вооруженного восстания против правительства, т. е. не только против короля с его министрами, но и против самого сейма. Россия, встретив отказ со стороны Чарторыйских содействовать ей в деле, обратилась к противной партии и образовала из нее конфедерацию в Радоме. Сами поляки-католики поставили на сейме вопрос о диссидентах. Русский посланник Репнин арестовал особенно влиятельных противников вопроса о диссидентах и ввел русские полки в Варшаву. Это делывалось в Польше и прежде. Польский сейм 1768 г., благоразумно подобранный и подстроенный, признал уравнивание православной шляхты с католической в политических правах, т. е. православно-русская шляхта — дворянство — теперь могла посылать депутатов на сейм и ее представители, имевшие на то право по происхождению, могли занять место в аристократическом сенате. Но добившись для православных диссидентов политического уравнивания, русское правительство не определило точно их положения церковного. Постановление сейма сохранило за католической церковью господствующее положение. Король в Польше должен был принадлежать непременно к католической церкви. Вопрос о возвращении отнятых у православных церквей и епархий и вопрос о беспрепятственном переходе вынужденных униатов в пра-

вославие не были разрешены и даже не были возбуждены на сейме. Россия, по настоянию Фридриха, заключила с Польшей договор, по которому гарантировала польские владения и обязалась не допускать никаких перемен в польском государственном устройстве.

Такое решение вопроса вызвало католическую реакцию в стране. Образовалась конфедерация в Баре с целью добиться отмены договора 1763 г. Россия должна была вести открытую войну с конфедерацией, главная квартира которой находилась по соседству с Венгрией. Борьба с конфедерацией, разумеется, окончилась бы в пользу русских; конфедерация не могла противостоять регулярным русским войскам. Но Франция и Австрия, поддерживавшие Польшу против России, которая соединилась с Пруссией, желая спасти Польшу, втянули Турцию в войну с Россией; они воспользовались ничтожным нарушением турецкой границы, сделанным восставшими в Польше гайдамаками, т. е. крепостными русскими крестьянами польских панов, считавшими себя потомками вольных казаков. Гайдамаки эти восстали, как только образовалась Барская конфедерация, мстя полякам за политические и религиозные обиды. Так с польским вопросом соединился и вопрос турецкий.

Действуя по внушению Австрии и Франции, Турция объявила войну в 1769 г. Русские в три года одержали ряд блестящих побед: в 1769 г. — при Хотине, в 1770 г. — на реке Ларге и на реке Кагуле, в том же году одержаны были две морские победы русским флотом под общим руководством князя Алексея Орлова: в Хиосском заливе и в Чесменской бухте; Россия заняла оба берега нижнего Дуная; завоеван был и Крым, оставалось, значит, закрепить обе эти победы, так как Турция не имела средств бороться. Но Россия была союзницей с Пруссией, и Фридрих вмешался в решение турецкого вопроса. Он предложил такой проект: было бы неприятно для Австрии, если бы Россия слишком много взяла у Турции, но можно уладить дело иным путем: Россия завоевала тогда почти всю Польшу, борясь с конфедератами; пусть

Россия вознаградит себя за турецкие победы несколькими польскими провинциями, но зато другие провинции пусть отойдут к друзьям России, т. е. Австрии и Пруссии. Таким образом и великие державы будут удовлетворены и Турция спасена. Так из Берлина пошел в ход вопрос о разделе Польши. Впрочем, Фридрих, опираясь на Австрию, грозил России в случае ее несогласия на этот проект не только отказать в поддержке, но и разрывом с Россией. Россия приняла этот проект, и в 1773 г. произошел первый раздел Польши. Россия, завоевавшая Польшу и значительную часть турецких владений, получила Белоруссию; Пруссия и Австрия, не завоевавшие никаких владений, получили: первая Померанию и часть Великой Польши по реке Висле, а вторая — Галицию. После первого раздела скоро окончилась война с Турцией миром Кучук-Кайнарджийским в 1774 г. Турция очень мало потерпела неудачи: она только отказалась от власти над Крымом, объявленным свободным, да России уступлены были крепость Азов и Керчь с Еникале на восточном берегу Крыма. Значит, южнорусская граница Кайнарджийским договором не была доведена до береговой черноморской линии, и Польша поплатилась за турецкие неудачи. Так кончилась первая эпоха двухсторонней борьбы России с Турцией и Польшей.

Вторая эпоха началась присоединением Крыма в 1783 г. Крым не мог быть свободным; там тотчас после Кайнарджийского договора поднялась борьба партий, из которых одну поддерживала Россия; решено было, наконец, присоединить Крым. Но для того чтобы присоединить Крым, надобно было опять воевать с турками, чтобы воевать с турками, нужно было заручиться содействием Австрии, ибо плоды победы в прежнюю войну были испорчены угрозами последней. Но чтобы соединиться с Австрией, нужно было отказаться от формального союза с Пруссией. В 1779 г. заключен был союз с Австрией для совокупного действия против Турции. Австрийский император Иосиф II, большой поклонник Екатерины, охотно пристал к этому союзу, объявив, что он в 24 часа исполнит все, чего пожелает ее величество.

После присоединения Крыма Франция заставила Турцию объявить вторую войну России, начавшуюся в 1787 г. Война эта, веденная в союзе с Австрией, была менее первой удачна, только Суворов поддержал славу русского оружия блестящими победами 1791 г. при Фокшанах, на Рымнице и штурмом крепости Измаила.

Как только началась вторая турецкая война, опять возобновился вопрос польский. Польским патриотам выгодно было связывать оба эти вопроса. Поляки заключили союз с Пруссией ввиду того, что Россия действовала вместе с Австрией. Партия, прежде державшаяся России, теперь отделилась от нее, потому что Россия отказалась содействовать ей в устройстве политического управления. По договору 1768 г. Россия обязалась не допускать перемены в польской конституции. Эта польская конституция страдала недостатками, которые были причиной вечных неурядиц в Польше. Польская монархия была избирательная, законодательная власть принадлежала сейму, состоявшему из сената и палаты «послов», выборных депутатов. Дела решались единогласием; один депутат мог уничтожить постановление всего сейма, закричав только «не позволяю». Это называлось в польском государственном праве «свободное не дозволяю» — *liberum veto*. Наконец, известная часть граждан, недовольная правительством или сеймом, могла по закону поднять вооруженное восстание против того и другого — это право конфедерации. Польские патриоты, партия Чарторыйских, и добивались отмены этих основных польских законов. Россия, по настоянию Пруссии обязавшись не допускать перемен в польском устройстве, должна была противодействовать преобразовательной партии. Теперь поляки, воспользовавшись нашими затруднениями с Турцией, в союзе с Пруссией 3 мая 1791 г. произвели персворот, следствием которого было преобразование государственного устройства. По конституции 3 мая 1791 г. Польша была провозглашена наследственной монархией; *liberum veto* упразднено и заменено большинством голосов; право конфедерации было также упразднено.

В 1791 г. Россия кончила Турецкую войну миром

и Лессах. Результат войны состоял в удержании Крыма и приобретении северного берега Черного моря с Очаковом. Развязавшись с Турцией, Россия опять ввела армию в Польшу, чтобы уничтожить конституцию 3 мая. Польша была опять завоевана, но в этом завоевании приняли участие и ее западные соседи. В 1793 г. произведен был второй раздел Польши между Россией и Пруссией. Пруссия взяла себе остальную часть Великой Польши: Данциг, Торн, Калиш и др., а Россия взяла Волынь и Подолию. Польша низшла на степень зависимого государства. Так, Станислав-Август не имел права без согласия России объявлять войну и держать войска более 15 тысяч. Поляки, разумеется, восстали в следующем же 1794 году. Тогда Екатерина должна была завоевать в третий раз Польшу и, по настоянию преемника Фридриха Фридриха-Вильгельма II, уничтожить ее политическое бытие. В 1794—1795 гг. произошел последний раздел Польши. Завоевательница Польши взяла себе Литву, а Пруссия и Австрия, не завоевавшие ее, взяли: первая — Мазовию с Варшавой, поставив таким образом свою восточную границу на Висле, вторая — южные польские области, как-то: Краков, Люблин, Сандомир. Так как Курляндия была вассальным герцогством Польши, то с политическим уничтожением Польши Курляндия была присоединена к России.

Таков ход внешней политики Екатерины. Теперь мы попытаемся рассмотреть ее приемы и результаты.

Изложение краткого обзора хода внешней политики показало, что Екатерине не удалось выдержать ни одного из условий успешного разрешения предстоящих ей задач. Ей не удалось ни избежать стороннего участия, ни разрешить каждый из этих вопросов порознь. Причиной этого были две коренные ошибки, ею сделанные. Первая из этих ошибок заключалась в перемене основания, на котором она поставила внешнюю политику. До сих пор во внешних отношениях русский кабинет руководился системой Петра Великого, т. е. системой русско-австрийского союза. Екатерина приняла с начала царствования другую систему; проводником ее был дипломат елизаветинского времени, ученик и

Приемы
внешней
политики

Сибаритизм — 1820-е гг. 1830-е гг. 1840-е гг. 1850-е гг. 1860-е гг. 1870-е гг. 1880-е гг. 1890-е гг. 1900-е гг. 1910-е гг. 1920-е гг. 1930-е гг. 1940-е гг. 1950-е гг. 1960-е гг. 1970-е гг. 1980-е гг. 1990-е гг. 2000-е гг. 2010-е гг. 2020-е гг.

политический противник Бестужева-Рюмина — граф Никита Панин. Панин — любопытное лицо в толпе екатерининских сотрудников; он очень симпатичен по политическим убеждениям, но как дипломат имел важные подостатки. Екатерина очень ценила его дипломатические таланты и соображения и он в первую половину царствования был ее правой рукой во внешней политике, хотя и занимал только должность воспитателя великого князя-наследника. Но именно как дипломат он не заслуживал такого доверия: человек умный и очень образованный, он был великий лентяй; он терпеть не мог изучать дело, входить в подробности. Он был более склонен к общим идеям, к широким построениям, трудным комбинациям; но так как этим идеям и комбинациям недоставало практической разработки, то при их осуществлении они превращались в политические софизмы или, что еще хуже, в дипломатические идиллии. Добрый, честолюбивый и неподвижный, Панин в дипломатии был белоручка, сибарит.

Северная система

Из этого сибаритства и вышла его политическая идиллия, получившая название «северной системы». Извольте видеть, европейскому равновесию грозил австро-французский союз; для противодействия этому союзу необходимо было составить союз из северных протестантских государств. В этом союзе великие державы должны были защищать мелкие от австро-французского захвата; это и называется «северной системой». Таким образом, северная система построена была на евангельской заповеди о любви к ближнему и на обязанности сильного защищать слабого. С евангельской ли точки зрения или точки зрения средневековых рыцарей северная система была идиллией; встретившиеся в союзе государства были слишком различно устроены, чтобы действовать дружно. Товарищами явились и абсолютно монархическая Россия, и довольно абсолютная Пруссия, и очень конституционная Англия, и Швеция, и совсем анархическая Польша. Притом у союзников не было достаточно общих интересов. Россия должна была действовать об руку с Польшей, у которой она хотела отнять западную Русь. Пруссия

должна была действовать об руку с Саксонией, которую она хотела завоевать; Англия должна была действовать с Россией, которую хотела обмануть в торговле, а Швеция должна была действовать об руку с Россией, у которой она хотела воротить отнятые провинции. Одним словом, северная система была смелой дипломатической попыткой запретить в одну телегу лебедя, щуку и рака. Но она имела еще то неудобство, что совершенно поссорила нас с Австрией и Францией, а эти государства нам были очень нужны по нашим отношениям с Турцией. Итак, из-за цели провести в политике евангельское или рыцарское начало мы должны были рисковать успехом в достижении ближайшей цели, т. е. доведении нашей южной границы до Черного моря.

Второй ошибкой был особый союз, заключенный Россией с Пруссией. Для успеха в польских делах Россия сама пригласила Фридриха содействовать ей, за это обязавшись оборонительным союзом. Союз этот был заключен 31 марта 1764 г.; в договор внесли условие вообще не допускать никаких перемен в политическом устройстве Польши. Этот союз сопровождался целым рядом невыгодных последствий для Екатерины. Прежде всего, он был не нужен: не Россия нуждалась в содействии Пруссии, а наоборот. Фридрих вышел из Семилетней войны с чувством одиночества, очень для него опасного; он не мог выдержать новой борьбы и особенно боялся России. Он ждал случая призвать ее содействовать ему, а Россия сама позвала его на помощь в польских делах. После Семилетней войны он, избитый и утомленный, чувствовал себя очень неловко, был одинок и беспомощен, без союзников и без средств к новой войне и трепетал России, вспоминая любезный визит казаков и калмыков в Берлин во время Семилетней войны, он сам говорил потом, что ему часто и долго снились эти гости. В записках своих он откровенно признается, как нуждался тогда в дружбе России; значит, он и без обязательств с ее стороны стал бы действовать в ее пользу. Из записок Фридриха видно, как он был рад этому предложению, развязавшему ему руки. Заручившись союзом с Рос-

Союз с
Пруссией

сией, которой одной только он и боялся, Фридрих начал теперь развязно повертываться направо и налево. Далее, этот союз поставил Екатерину в противоречие с самой собой: она заключила союз с тем государем, который в июльском манифесте обозначался злейшим врагом России; таким образом, она не выдержала собственного торжественного слова. Притом у нас в Польше были совсем иные интересы, чем какие преследовал Фридрих. Фридрих всего больше боялся преобразования польского устройства; эти преобразования должны были сообщить Польше больше внешней независимости и внутренней крепости, а Фридриху опасна была Польша независимая и внутри хорошо организованная. Эта опасность не грозила со стороны Польши России; у нас была опора в Польше, которая делала неопасным всякое внутреннее преобразование в этой стране. Огромное количество православно-русского населения, при каком бы то ни было польском государственном устройстве, ручалось за успех борьбы России с Польшей. Притом вожди партии, которые добивались этих реформ, по характеру своему не могли исполнить их быстро. Во главе этой преобразовательной партии стоял новый польский король; характер его имеет некоторое значение в истории этого вопроса. Станислав Понятовский — любопытное явление в истории Польши, явление, которым и закончилось ее политическое существование. Польша, так сказать, политически вымирала в лице своего государя. Любопытно, что именно тогда, когда по соседству с Польшей на престолах сидели мужественные женщины, именно: Мария-Терезия, которую венгерцы называли королем, и Екатерина II, которую на Западе величали Catherine le Grand, в это время на польском престоле уселся жепственный мужчина. Станислав Понятовский был образованный поляк, имевший тесную связь с тогдашним философским миром Франции; он состоял в переписке с известной дамой этого мира мадам Жофрен, которую называл не иначе, как «тапан». На польский престол он вступил с самыми смелыми преобразовательными планами. Как умный поляк он хорошо видел недостатки польского устройства, не видел только

одного — своей собственной неспособностью устранить эти недостатки. Он сам признавал в себе темперамент меланхолический и крайне чувствительный; при каждом затруднении у него кружилась голова и из глаз его лились потоки слез. Он во все царствование не придумал ни одной практической меры; как на престол он вступил введенный за руку Екатериной, так и сошел с него при том же самом содействии. Когда во главе партии стоял такой вождь, можно было верно рассчитывать, что его планы не удадутся. В Польше тогда руководила делами партия патриотов, которая вместе с новым королем Станиславом задавалась широкими планами политического преобразования страны. Эти преобразования должны были вывести Польшу из той анархии, в которую повергло ее нелепое политическое устройство. Князья Чаргорыйские хотели уничтожить сеймовое *liberum veto*, заменив его большинством голосов, создать регулярную армию вместо временного ополчения шляхты, установить взамен избирательной монархии наследственную и т. д. России не были опасны эти реформы; для России даже было выгодно, чтобы Польша несколько окрепла и могла стать полной союзницей в борьбе против Турции. Нам собственно не было дела до внутренних польских преобразований и даже было бы выгодно, чтобы Польша лучше устроилась и могла давать более сильный отпор западным соседям. На очереди для России стоял вопрос о присоединении западной Руси, и для разрешения этого вопроса были средства, независимые от польского государственного устройства. Теперь, по внушению Фридриха обязавшись не допускать перемен в Польше, Россия вооружилась против себя всю преобразовательную партию, и даже сам Станислав Понятовский стал на дыбы. Вопрос о воссоединении западной Руси превратился в вопрос о государственном устройстве Польши, т. е. опять ближайшая цель отдалилась и стала позади дальнейшей или даже совершенно нам чуждой. С другой стороны, союз России с Пруссией в польских делах встревожил Австрию и Францию, а также и Турцию. Первые увидели в этом союзе намерение раздробить Польшу, и чтобы помешать этому, толкнули Турцию на войну

с Россией. Благодаря этому польский вопрос стало нельзя покончить отдельно от турецкого.

Таковы были две ошибки, сделанные Екатериной во внешней политике. Первая ошибка поставила на очередь отдаленные или мельчайшие цели, отодвинув назад цели ближайшие; вторая ошибка связала руки России, сделала необходимым решение внешних вопросов при стороннем участии и из вопросов польского и турецкого, т. е. местных, сделала вопросы общеевропейские. Последствия второй ошибки должны быть приписаны Фридриху; ему принадлежала честь союза нам ненужного, но заключенного по нашей просьбе. Это потому, что Фридрих был дипломат, совершенно противоположный Панину и Екатерине. У него не было ни тени идилии; у него все было взвешено и рассчитано, все шалсы и обстоятельства; трезвость его взгляда на дело доходила до цинизма. Характеристику его как дипломата сделал его соперник, политический противник и наш союзник император австрийский Иосиф II. После свидания с Фридрихом в 1769 г. он пишет об этом короле, обобравшем его мать: «Этот гений, говорит он чудесно, но в каждом слове его проглядывает плутовство». Последствия обеих указанных ошибок испортили разрешение обоих вопросов русской политики, стоявших на очереди.

Разреше-
ние тур-
ецкого во-
проса

Прежде остановимся на турецких отношениях. Ближайшая цель с этой стороны состояла в доведении южнорусской границы до Черного моря. Вместо того, как только началась первая война с Турцией, объявленная в октябре 1768 г., поднята была широкая агитация с целью изгнать турок из Европы. Незадолго до войны Вольтер в шутовском письме к Екатерине высказал предположение, что ожидаемая война легко может кончиться превращением Константинополя в столицу Российской империи. В Петербурге эту шутку, пошлостям, приняли за серьезное пророчество. Начав первую турецкую войну, Екатерина поставила целью освобождение балканских христиан. Она сама писала с чувством самодовольства: «я подпалила Турцию с четырех сторон: с Дуная, с Крыма, Мореи и даже с Грузии». На Балканском полуострове возбуждена была

сильная агитация в христианском населении. Снаряжена была особая эскадра под руководством Алексея Орлова, которая в 1769 и 1770 гг. проникла мимо западной и Южной Европы в Архипелаг. Алексей Орлов поднял в Море восстание греков. Но это смелое предприятие, подвигшее христианское население в Турции, не было достаточно подготовлено; флот оказался очень несправен, так что даже у крепкого на нервы Алексея Орлова сердце обливалось кровью при его виде. Если мы истребили флот в Хиосском заливе и Чесменской бухте, то это показывает не то, что русский флот был хорош, а то, что турецкий флот был плох. Подняв восстание греков, Алексей Орлов удивился, что у него даже нет греческого переводчика и нет даже войска, которое могло бы поддерживать восстание. Как скоро турки вступили в Морею, Алексей Орлов бросил греков на произвол судьбы, и Екатерина одобрила его поступок. Эскадра Орлова плыла вокруг Европы, заявляя, что воротится домой через Дарданеллы. После побед, истребив турецкий флот, Орлов занялся завоеванием Архипелага. Дарданеллы были не вооружены и тотчас после Чесменской битвы можно было пройти через них в Константинополь. Между тем, французские инженеры укрепили Дарданеллы, и когда Орлов приблизился сюда, пройти чрез залив оказалось невозможным. Такой образ действий свел результаты турецкой войны к очень скромным приобретениям. Союз с Фридрихом заставил нас принять его план раздела Польши, а блестящие победы, одержанные над турками, повели лишь к тому, что Крым был объявлен свободным. Сам Фридрих признавался втихомолку, что, по всем военным правилам, Крым должен быть присоединен к России.

Точно так же шла и вторая турецкая война, целью которой было удержать присоединенный к России в 1783 г. Крым и овладеть северным берегом Черного моря. Екатерина вместе с тем поставила целью, начиная эту войну, знаменитый греческий проект, т. е. восстановление Византийской империи. Зачем понадобилась эта империя, давно отошедшая в область исторической археологии, решить трудно. На самом деле плоды

тяжелой и дорогой второй войны свелись на условия Ясского договора, который только подтверждал присоединение Крыма и, наконец, довел русскую границу до северного берега Черного моря. Из-за Крыма, который не стоил и одной войны, воевали два раза, а вторая война, дорогая и не вполне удачная, стоила громадных финансовых жертв.

Разрешение польского вопроса

Так же шло разрешение и польского вопроса. Вопрос состоял в воссоединении западной Руси, но сначала его поставили иначе: добивались от Польши исправления западной русской границы, т. е. проведения пограничной линии от Полоцка к Днепру на Оршу, иначе говоря, присоединения двух губерний — Битобской и Минской; значит, национальный вопрос был сведен к простому территориальному. Потом он был расширен; вопрос состоял в воссоединении западной Руси, но его тотчас поставили иначе: потребовали у польского правительства уравнивания православной шляхты с католической. Уравнивание это могло быть двоякое — политическое и религиозное, т. е. надо было воротить православным или политические или религиозные права. Сами диссиденты добивались прежде всего религиозного уравнивания: они требовали свободы вероисповедания, возврата отнятых польским правительством или католическим духовенством православных храмов, права невольным униатам воротиться к вере православных отцов. Русское правительство настаивало на уравнивании политическом. Православное население получило право иметь представителей в сенате и палате послов; оказалось, что у него нет таких представителей: почти все русское православное дворянство давно перешло в состав польской шляхты, ополчилось и окатоличилось, не из кого было выбрать депутатов в сейм. Репнин доносил Екатерине, что православные «сами землю пахут и без всякого воспитания», следовательно, могут не поддержать политические права своих избирателей, а только насмешить сейм. Во всем православном обществе не было ни одного лица, которое по польским законам могло бы сесть в сенате; в сенате сидели, между прочим, высшие иерархи, которые в католической польской церкви были

мо из знати; напротив, православный русский епископ Георгий Конисский не мог войти в сенат, потому что был нешляхетского происхождения. Сама Екатерина должна была под рукой хлопотать в Польше о том, чтобы православные диссиденты сами отказались от прав политических, которые им выхлопотали, потому что они не могли ими пользоваться. Следовало бы прежде всего хлопотать об уравнивании прав религиозных, но русская дипломатия решила этому воспротивиться, и прежде всего воспротивился сам Панип, и любопытна точка зрения, на которой он стоял. Если уравнивать православных русских в Польше с католиками, то православные крепостные крестьяне с раскольниками еще в большем количестве побегут из России в Польшу, привлекаемые свободой веры, соединенной с выгодами народными. Великий религиозно-национальный вопрос сведен был к вопросу полицейскому: хотели так устроить православное население в Польше, чтобы свои крепостные крестьяне туда не бегали вместе с раскольниками. Значит, из православного населения в Польше хотели сделать только политическую партию, преданную России, не хлопоча не только о политическом, но и о религиозном его освобождении.

Такое извращение прямой задачи, поставленной историей, должно было испортить ее решение. Православный мир в Польском государстве при такой изменчивости и неопределенности русской программы долго не мог себе уяснить, чего собственно хочет Россия, что она желает для них сделать: желает ли она освободить их как православных христиан и русских, или, поднимая гайдамаков, она желает освободить их и как крепостных крестьян польских панов. Западная Русь долго не могла решить, хотят ли ее освободить от ксендза и только или вместе с тем и от польского пана. Вот почему сочувствие, с каким отзывалось православно-русское общество на призыв русского правительства, потом стало охладевать и гаснуть благодаря такой неопределенной постановке вопроса; русское правительство, очевидно, должно было усвоить себе ту постановку, которую давал добрый сосед, а Фрид-

рих II всегда ставил вопросы резко, с математической определенностью. Вместо воссоединения западной Руси должны были принять план разделения Польши. Но вопрос состоял не в разделении Польши, а в воссоединении западной Руси. Мысль о разделе Польши старая; ее внушали даже старым московским государям, но они всегда были против нее, говорили, что не хотят делить Польшу, а хотят отделить от Польши западную Русь. Такой неожиданный исход ясного и просто разрешаемого вопроса был делом допущенного стороннего вмешательства. Раздел Польши был выгоден ее западным соседям, а не восточному соседу. Ни в каком случае русское правительство не должно было допускать раздела Польши: нужно было отделить от Польши западную Русь, а не делить Польшу с Австрией и Пруссией. Нужно было спасти западную Русь от ополячения, а не отдавать Польшу на онемечение, иначе говоря, нужно было сделать Польшу настоящей Польшей, ввести ее в настоящую этнографию и в этих этнографических границах она была бы менее для нас опасна, сохраняя свою самостоятельность, чем в виде нескольких провинций Пруссии и Австрии. Можно сказать, что Польша без западной Руси, сохраняя политическую самостоятельность, не примирилась бы с Россией. Но примирилась же Швеция, лишившись своих восточных провинций, а с другой стороны, уничтожение Польского государства не избавляло нас от борьбы с польской нацией. В XIX в. мы уже три раза воевали с этой нацией: в 1812, 1830—1831 и 1863 гг. и, может быть, будем воевать еще. Может быть, для того чтобы избегнуть необходимой борьбы с нацией, нужно было бы сохранить государство. Итак, польские разделы я считаю решительной ошибкой дззз и с общеславянской точки зрения. Когда исчезла Польша, одним славянским государством стало меньше, славянского полку, следовательно, убыло.

Результаты внешней политики

Таковы были последствия, вытекшие из сделанной Екатериной ошибки. Русская дипломатия собственно поработала в чужую руку; в свое время глаза ее были несколько отуманены видимыми успехами, огромными завоеваниями. Но собственно с некоторым успехом раз-

решен был только вопрос турецкий. Решение польского вопроса сопровождалось невыгодами, которые заставляют спросить, окупилась ли она приобретениями! Из этих невыгод главная заключалась во впечатлении, произведенном деятельностью Екатерины на Европу. Когда русская эскадра в 1769 и 1770 гг. пропарадировала мимо Западной Европы, тамошние добродушные зрители серьезно подумали, что идет она разгромить Турцию, а разгромив Турцию, завоюет рано или поздно Европу. Так пошла западноевропейская легенда о неудержимом стремлении России против безопасности и политической независимости Западной Европы. Из Петербурга поддерживали эту политическую сказку; автором блестящего проекта о восстановлении Византийской империи был Потемкин, один из характерных сотрудников Екатерины. Последний фаворит Платон Зубов не хотел отстать от своего предшественника и в конце царствования составил на французском языке роспись будущей Европы, как сделает ее Россия. В этой росписи мы не находим следующих государств, куда-то девавшихся: Швеции, Дании, Пруссии и Австрии. Русская империя заключает в себе шесть столиц: Петербург, Москву, Астрахань, Берлин, Вену и Константинополь; в Российской империи шесть дворов, но верховная власть едина. Вся эта роспись носила название «Общих политических соображений».

Вторая невыгода, созданная дипломатией Екатерины, заключалась в тех испытаниях, каким она подвергла надеявшиеся на Русь христианские населения Балканского полуострова. Так непроизводительны были многие средства, доставшиеся Екатерине от ее предшественников. Русская дипломатия поставила целый ряд блестящих, симпатичных, но недостижимых целей, упустив из виду цели ближайшие и достижимые, и все это потому, что боялась действовать одиноко, без прусской поддержки. Значит, «искусная кокетка» попала в руки прусского солдата. Вот почему Фридрих едва ли согласился бы с Екатериной, которая, начиная первую турецкую войну, говорила: «события покажут, что мы ни у кого в хвосте не тащимся». Из переписки Екатерины с ее заграничным приятелем бароном Грим-

мом 1778 г. мы узнаем, что в Голландии после первого раздела Польши выбили карикатурную медаль. На медали этой изображены были Екатерина и Мария-Терезия в коляске, а на возлах — Фридрих II. Пассажирок спрашивают, куда они едут? Те отвечают: куда будет угодно кучеру. Екатерина, получив известие от Гримма об этой карикатуре, заметила: «что все это забавно, недостает только истины и музыки из комической оперы; первое было бы зло, а второе пошло». Екатерина сама виновата, что карикатура вышла злою, а не пошлюю.

ЛЕКЦИЯ LXXVIII

Внутренняя деятельность Екатерины II. Общая характеристика политики Екатерины II. — Непрочность ее положения на престоле. — Знакомство с внутренним положением России. — Мысль о необходимости нового кодекса законов. — Политические идеи Екатерины II. — Составление Наказа. — Литературные источники Наказа. — Содержание Наказа.

Особенности, которыми отличалась внешняя политика правительства Екатерины, не чужды были и ее внутренней деятельности. Вот почему, я думаю, не лишнее будет еще раз восстановить в памяти особенности этой внешней деятельности. Нет надобности уменьшать значение результатов, достигнутых Екатериной во внешней политике. Один из двух основных вопросов, ей предстоявших, разрешен был довольно удовлетворительно, хотя и мог бы быть разрешен с меньшими жертвами. Огромный экономический капитал, какой представляли южнорусские степи, открыт был народному труду благодаря двум войнам с Турцией, которые закрепили за Россией северный берег Черного моря, с тех пор как приобретены были Крым и Очаков. Далее: менее удовлетворительно разрешен вопрос польский, но и здесь сделаны важные приобретения: воссоединены были Белоруссия и Волынь с Подолией, присоединена была даже инородческая страна Литва; зато должно было отказаться от чисторусской Галиции, хотя этот отказ стоил Ека-

Общая характеристика политики Екатерины II

терине слез. Население Руси в 1762 г. определялось миллионами в 20; в последние годы царствования (в 1796 г.) его считали 32 миллиона. Большую часть этих лишних 12 миллионов надобно было отнести на счет территориальных приобретений, сделанных в это царствование. Внешняя политика Екатерины, кроме этих материальных приобретений, производит впечатление и другой своей стороной — нравственной. Как литературный памятник дипломатическая переписка петербургского двора в это время безукоризненна. В этом отношении она поднималась высоко над дипломатией других дворов. Среди тогдашних дипломатических интриг и бессовестной борьбы за право силы русская дипломатия была единственной, сохранившей некоторую политическую стыдливость. В ней только можно встретить слова, которые терпеть не могла дипломатия того времени: «добросовестность», «чистосердечность», «гуманность» и т. д. Только Панин во все время доказывал, что нечестно мешать полякам выйти из того хаоса и варварства, в какое их погрузило их политическое устройство; только Панин хлопотал о такой политической комбинации, о таком союзе, в котором сильные государства должны были защищать слабых. Таким образом, внешняя политика Екатерины выделялась в тогдашнем политическом мире присутствием нравственного начала. Беда в том, что эти нравственные начала не оставили почти никакого следа в тогдашней европейской жизни. Зато недостатки ее сказались очень тяжелыми последствиями в жизни России; Екатерининская дипломатия отличалась пиротом плана, сложностью построения, возвышенностью целей, какие она себе ставила. Но рядом с этими качествами в ней было недостаточно практическое понимание своих задач, не было умения пользоваться наличными средствами, настойчивости в доведении до конца того, что начато, и внимания к ближайшим достижимым целям. В этой дипломатии заметна охота поиграть в высокие принципы, но она вообще при этой игре плохо держала карты, что было очень дурно в тогдашнем дипломатическом мире, любившем заглядывать в чужие карты. В ней много стремлений, но мало практической

разработки; много идей, но недостаточно техники, трудолюбия; много принципов, осуществление которых желательнее в будущем, но мало не только знания прошлого, но и трезвого понимания настоящего положения дел. Оттого ей недоставало верного исторического глазомера.

Те же самые особенности встречаем мы и во внутренней деятельности Екатерины. Теперь можно указать и главные источники этих особенностей, т. е. недостатков. Прежде всего то было самое происхождение власти Екатерины, т. е. путь, которым власть была достигнута; надо было заставить забыть об июньском переломе, оправдать незаконный захват власти. Для этого нужно было сделать много шумного, если и не великого; нужно было поднять шум, ставя отдаленные цели, широкие планы. Но при этом упускались из виду цели ближайшие, более скромные и практически достижимые. Таким образом, самое положение создавало этот недостаток в деятельности Екатерины. С другой стороны, к тому же вела и обстановка, в какой себя чувствовала Екатерина в первое время царствования. В первую минуту после переворота она не могла скрыть своего восторга, была в чад от успеха, каким сопровождалось ее предприятие. Но это обаяние достигнутой власти отравлялось беспокойством, которое внушалось мыслью о непрочности этой власти. Екатерина скоро почувствовала, что труднее удерживать власть, чем ее приобрести. Вот почему она иногда проговаривалась в беседах с иностранными посланниками, что еще не вполне счастлива, что ей все что-то не по себе. Мелкие, но тревожные события поддерживали эту боязнь быть низвергнутой. Успех июньского переворота многим кружил голову. Смотря на то, как сорудники переворота поднялись, многие в гвардии хотели попробовать успеха, тем более что был вопрос, за который можно было уцепиться: в Шлиссельбургской крепости еще жил старый узник Иоанн Антонович, минутный император. Теперь он был уже не ребенок по летам, но продолжительное заключение, в котором он стал впервые сознавать себя, посаженный в крепость еще ребенком, подействовало

Непрочность ее положения на престоле

на его умственные способности: он вышел совсем негодным, юродивым. Панину поручено было охранять этого узника; приставленным к нему офицерам Панин велел склонять узника к монашеству. Иоанн Антонович только заспорил со своим стражем об имени: ему рекомендовали имя Геласия, а ему захотелось Феодосия; да притом же он сомневался, как он будет монахом, если он бесплотный. В первое время переворота Екатерине советовали упрочить власть замужеством с этим императором. Екатерина виделась с ним, посмотрела на него и с грустью должна была отказаться от этого средства упрочить власть. Затем в гвардии поговаривали, что после июньского переворота следовало бы короновать ее сына наследника. Гвардейские офицеры брата Гурьевы начали даже составлять заговор во имя шлиссельбургского заточника, причем говорили и о правах великого князя Павла. Заговор вскрылся, виновные были наказаны, но следствие показало, что агитаторы не церемонились в своих отзывах о Екатерине и даже распяляли солдат в пользу своего предприятия. Так Екатерина должна была чувствовать себя на угольях. За границей вообще не верили, что она долго усидит на престоле. Казалось невероятным укрепиться на нем иностранке, случайно попавшей в Россию, ничем с ней не связанной, за которой не было даже и памяти великого отца, как за ее предшественницей Елизаветой.

Екатерина очень хорошо чувствовала свое положение, вот почему она в первое время и действует как чиновник, ежедневно ждущий отставки. Она всех выслушивает, принимает разнообразные мнения, боится кого-нибудь оскорбить резким отказом. Отсюда ее уступчивость и тревожное настроение, не покидавшее ее даже в большом обществе, несмотря на ее умение владеть собою и держаться. Она часто на вечерних собраниях вдруг впадала в раздумье, становилась рассеянной и, когда ее спрашивали о причине, она признавалась, что не совсем довольна своим положением. Так она должна была постоянно напрягаться, чтобы быть настороже, делать усилия, чтобы не потерять завоеванной популярности. Чтобы упрочить свое

положение, ей надобно было определить свои отношения к окружающим и потом угодить всему обществу, исполнив его первые желания.

Екатерину окружали в первое время после переворота люди двух родов: общество ее состояло из старых придворных, доставшихся ей от елизаветинского времени, старых и опытных знатоков искусства жить при дворе, и потом из новых избранников судьбы, которые выдвинулись помощью переворота и старались подражать старым, усвоить себе искусство жить при дворе. К первому кругу принадлежали елизаветинские дельцы: бывший канцлер Бестужев-Рюмин, бывший посланник Никита Панин, бывший генерал-прокурор князь Трубецкой. Во главе нового круга людей стояли многочисленные братья Орловы с другими дельцами июньского переворота: с Дашковой, Ласунским и т. д. Орловы заняли самое видное место при дворе. Во время коронации, которая была в сентябре, три старших брата возведены были в графское достоинство. Под свежим впечатлением великого происшествия, как они величали июньское дело, и они были возбуждены, и они были в чаду. Иностранцам они казались вообще ниже Екатерины по уму и образованию; еще любопытнее, что они казались ниже по уму, образованию и талантам даже елизаветинских дельцов. Иноземцы вообще отдавали преимущество в «людскости», в выправке и познаниях старикам Бестужеву, Панину и другим перед этими Ласунским, Орловыми и т. п. Теперь восторжествовала казарма над прежней канцелярией министерства иностранных дел, и новый слой дельцов настолько же и в том же отставал от старого, насколько и в чем казарма отставала от канцелярии иностранных дел. Эти люди теперь спешили пожинать плоды своего дела; они не довольствовались наградами, полученными за участие в перевороте, хотя эти награды были довольно значительны. Им роздано было 18 тысяч крестьян и более 180 тысяч рублей в виде наград, не считая постоянной пенсии от 5 тысяч рублей и ниже. Такие пятитысячные пенсии получили, например, гетман Разумовский, Никита Панин и другие. Теперь, воспользовавшись положением Екатерины, они осаждали ее,

старались навязать ей свои мнения, даже просто без церемонии просили денег. Сама Екатерина в одном разговоре с иностранцем послом сравнивала себя с зайцем, которого поднимают и гонят со всех сторон. Она чувствовала себя обязанной этим людям и потому не могла им резко отказывать. В письме к Понятовскому, писанном в первые дни царствования, мы читаем, между прочим, такие слова: «Я знаю, меня заставят сделать тысячу странностей, если я исполню, меня будут обожать, если нет — я и не знаю, что случится». Она только впоследствии могла убедиться в том, что даже при более твердом образе действий с ней ничего не случилось бы. Но теперь она должна была уступать; отсюда ее нерешительность и робость в каждом, даже мелочном, внутреннем деле, которое откуда-нибудь вызвало возражение. Это заметили даже иностранцы. Пользуясь боязливостью Екатерины, ей при каждом ее решительном шаге со всех сторон пели в уши, что известная мера вызовет ропот в народе, а ей всего было горче потерять любовь народа.

Трудность ее положения увеличивалась и бесцеремонностью обращения с ней окружающих. Она вообще в первое время, по крайней мере, не умела заставить относиться к себе с почтительностью. При Елизавете, когда она была великой княгиней, с ней все придворные обращались фамильярно; теперь ближайшие ее сотрудники по перевороту не могли отвыкнуть от простого обращения, усвоенного конспирацией. На такое простое обращение указывает одна маленькая записка, адресованная к ней Бецким, который даже в 1767 г. не мог отстать от конспиративных привычек в обращении с Екатериной; записочку эту вызвало соперничество Бецкого с Паниным: «вижу, что Никита велик стал у вашего величества; еду к нему поклониться, да и другим то же посоветовать». Но Екатерина умела ладить с этими людьми, они были не столько опасны, сколько тяжелы. Теперь ей нужно было пустить в оборот свое непобедимое терпение в выслушивании этих людей, неизменную любезность в ответах и уступчивость, когда того требовали обстоятельства. В записках Дашковой есть один выразительный рассказ, который показывает,

что с этими людьми легко было ладить, хотя и было неприятно быть в их обществе: на четвертый день перенорога обе дамы сидят вдвоем и беседуют о последствиях события. Вдруг к ним вторгается Иван Иванович Бецкий и обращается к Екатерине с неожиданным вопросом: «Скажите, кому вы обязаны вашим возвышением?» — «Богу и избранию моих подданных», — отвечает Екатерина. «Так я несчастный человек», — сказал Бецкий в слезах, стоя на коленях, и снимает с себя александровскую ленту и кладет к ногам Екатерины. «Что это значит?» — спрашивает Екатерина. «Я несчастнейший человек, если вы не признаете меня единственным виновником воцарения. Разве не я подстроил умы гвардии, разве не я бросал деньги в народ?» Екатерина сначала была смущена этой неожиданностью, но потом сообразила и ответила: «Я признаю вас единственным виновником воцарения, и так как я вам обязана коронованием, то кому же, как не вам, поручить изготовление коронации и всего, во что я буду одета во время коронации». И он действительно был церемониймейстером во время коронации.

Гораздо труднее было дать почувствовать пользу нового правительства всему русскому обществу. Екатерина плохо знала это общество, как и вообще положение дел в России, вопросы, стоявшие на очереди. Житейская опытность дала ей мало средств, чтобы знать его. Она вращалась до тех пор в тесном кругу петербургского двора, а петербургский двор был слишком далек от русского народа и географически, и нравственно, может быть, еще дальше, чем географически. Вот почему Екатерина принялась усердно изучать положение страны; она стала часто посещать заседания Сената, была внимательной слушательницей сенаторских прений, сама прочитывала сенатские дела, расспрашивала обо всем всех и каждого. От первых лет ее царствования до нас дошел ряд откровенных записочек и заметок, в которых она излагала результаты своих прилежных наблюдений. Любопытно узнать из этих отрывочных шмтсок, в каком виде представлялось ей положение дел по этим наблюдениям. Русская армия, стоявшая в Пруссии, восемь месяцев не получала жалованья.

Знаком-
ство с
внутрен-
ним поло-
жением
России

Русской внешней торговлей совсем завладели иностранцы. Главные статьи внутреннего производства превратились в частную монополию; русский кредит совсем пал. Елизавета во время Семилетней войны никак не могла вымолить у голландского банкира 2 млн. рублей под высокие проценты. Управление было вконец расстроено. Сенат решал дела необыкновенно медленно; целые шесть недель он слушал только доклад о выгоне г. Мосальска и подгородных лугах. Областные управители, губернаторы и воеводы, не получали жалованья, кормились от дел по-старому, т. е. брали взятки, несмотря на строгие указы, их запрещающие. Крестьяне волновались. Екатерина насчитала до 50 тысяч заводских и до 150 тысяч монастырских и помещичьих крестьян в явном восстании; против них высылались военные команды, прибегавшие к оружию, даже иногда употреблявшие в дело пушки. Сенат назначал областных управителей, а между тем сенаторы не знали, сколько провинций в Российской империи, атласа Русского государства в Сенате не бывало с самого его основания. В Сенате не было даже списка русских городов, в которые он назначал управителей, которых он обязан был контролировать. Когда на одном заседании Екатерина попросила такой список, его не оказалось; она попросила навести справку о городах по атласу — атласа не оказалось; она вынула 5 рублей и послала секретаря купить атлас и подарила его Сенату. Государственных доходов значилось по ведомости 16 млн. рублей в год. Екатерина сосчитала ежегодные доходы и по счету оказалось, что их 28 миллионов; 12 миллионов куда-то девались между пальцами. В 1765 г. Екатерина назначила смотр балтийскому флоту; флот, любимое детище Петра, предстал перед ее глазами в самом жалком виде. Корабли наезжали друг на друга, ломали снасти, не могли выстроиться в линию, никак не могли при стрельбе попасть в цель. Екатерина, кончивши смотр, сказала, что этот флот годится разве только для ловли сельдей. В таком виде представилось ей положение дел.

Чтобы войти глубже в общество, чтобы наблюдать его не свысока, не из Петербурга, она предпринимала

и первые годы ряд путешествий. Так, в 1763 г. она сидела в Ярославль и Ростов, в 1764 г. объехала при-
оцетийские губернии, весной 1767 г. предприняла
поездку «в Азию», т. е. решила проплыть по Волге.
Она отправилась с многочисленной свитой тысячи в две
и со всем дипломатическим корпусом. В Твери сели
на барку и спустились до Симбирска. Это путешествие
было для нее в высшей степени назидательно. Она
боялась переворота, не знала достанет ли у ней средств
упрочить за собою народную любовь, успеет ли она
справиться с общественным мнением. Поездка убедила ее,
какой гибкий материал находится в ее руках, как мало
нужно сделать для этого народа, чтобы вызвать с его
стороны самую искреннюю преданность. Когда еще
ничего не было сделано, а много наобещано, Екатерину
всюду встречали с неописанным восторгом. Далее, Ека-
терина отмечает в своих путевых письмах, что по до-
роге они всюду встречали города «прекрасные по ситуа-
ции и мерзкие по постройке». Особенно поразила ее
нестрога населения Казани. «Это особое царство, — пи-
сала она с дороги, — такое множество объектов, достой-
ных внимания, а идей на 10 лет набрать здесь можно». С
таким собранием сведений, наблюдений Екатерина
и предприняла ряд внутренних преобразований, кото-
рые должны были сделать, согласно с обещанием июль-
ского манифеста 1762 г., счастливыми ее подданных.

Путешествия, наблюдения и расспросы помогли
Екатерине несколько войти в положение дел, и как
только она начала входить в него, ей представились
главные недостатки, которыми страдал государственный
порядок. Недостатки эти состояли в беспорядочности
законодательства. В самом деле, старый кодекс, состав-
ленный еще при царе Алексее, Уложение 1649 г., давно
устарел; накопился огромный новый законодательный
запас; еще при Петре сделана была попытка привести
в порядок этот запас и составлена в 1700 г. комиссия,
которая должна была разобрать изданные законы, сли-
чить их с Уложением и составить новый кодекс. С тех
пор эта кодификационная работа несколько раз возобно-
влялась и все неудачно. В потоке новых законов, при-
том часто выходявших из различных источников, при

Мысль о
необходи-
мости но-
вого ко-
декса за-
конов

постоянных сменах правителей невозможно было составить порядочное Уложение. Недостатки эти обратили Екатерину к мысли, что привести в порядок законодательство — ее первая обязанность. С тех пор начинается та ее работа, которую она шутливо в письме к Гримму назвала своим законобесьем. Приближенные указывали ей на необходимость привести в порядок действующее русское законодательство, в котором рядом лежали различные законы, изданные в разное время с разных точек зрения, ставивших себе различные цели. Нужно было, таким образом, собрать и расположить в порядок весь этот законодательный хаос, пополнить его пробелы, устранить противоречия. Это была скучная, черная, продолжительная, но полезная работа. Екатерина уклонилась от нее, но вникнув в изучение действующего законодательства, она прямо решила, что это все никуда не годится. В ее письме есть житейский отзыв о русском законодательстве: она говорит, что законы эти извели множество народа, что благодаря им народное благосостояние все падало, а не поднималось, что было даже не совсем справедливо.

Осудив так резко законодательство, Екатерина оставилась на другой блестящей цели: составить совершенно новое уложение, которое не имело бы ничего общего с действующим законодательством и было бы построено на иных началах. Мы можем удивляться, почему Екатерина решила так и почему выбрала себе такую далекую цель, которая была еще труднее достижима, чем первая, т. е. простое собрание и приведение в порядок действующих законов. Это объясняется ее положением: чтобы привести в порядок действующее законодательство, нужно знать его и знать также потребности времени, чтобы с их помощью пополнить пробелы, оставшиеся в законодательстве, но Екатерина многого не знала, она даже совсем не знала действующего русского законодательства. Чтобы пополнить пробелы в этом законодательстве и устранить противоречия, нужно было коснуться очень многих щекотливых интересов современного общества. Так, например, при изучении действующего законодательства оказалось бы, что законодательство не касалось самых основ крепостного

права, что оно развилось больше как факт, а не как закон. Устраняя пробелы, нужно было, таким образом, точно определить отношения, господствовавшие в сельском мире. Мы знаем, как этот щекотливый вопрос затронул бы лиц, опираясь на которых Екатерина взошла на престол. Итак, она многого не знала, но и из того, что знала, она многого не могла коснуться, потому что слишком тесно была связана с людьми, интересы которых этим затрагивались. Таким образом, Екатерина была постепенно сбита в своей законодательной работе с почвы практических интересов, насущных потребностей. Что ей оставалось? Ей оставалась открытой одна возвышенная сфера общих идей и благожеланий. Но ей и самой приятно было возвращаться в этой возвышенной области; туда влекли ее понятия и вкусы, ею усвоенные. Мы знаем, что еще дома, в Германии, она получила чисто французское воспитание.

В России она познакомилась с тогдашней философской и политической литературой старой Франции и увлеклась этой литературой; она перечла не только Вейля, но и Вольтера, и Монтескье, и других современных французских публицистов. Из этого прилежного чтения она вынесла тот гуманный либерализм, каким вообще отличались все поклонники тогдашней французской политической литературы. Этот либерализм она выражала и в своих литературных трудах и в беседах с окружающими. Беседы эти вместе с отрывочными написочками позволяют нам войти в круг ее политических понятий и симпатий. Так, она называла себя «рыцарем свободы и законности»; она считала себя призванной на престол «на благо общества, чтобы обеспечить народу свободу, честь и собственность». Она прочитала раз дело Артемия Волинского, незаслуженно казненного, как нам известно, в угоду Бирона; несправедливостью процесса, жестокостью кары это дело поразило Екатерину, и она сгоряча, под впечатлением прочитанного, дает такой завет сыну и всем потомкам в записке 1765 г.: «Всегда государь виноват, если подданные против него огорчены, изволь мериться на этот аршин». Екатерина не пророчила счастья ни одному из своих преемников, кто забудет этот завет. В числе

Политические идеи
Екатерины II

записанных ею мыслей в первые годы царствования мы читаем: «Противно христианской религии обращать в рабство людей, которые родились свободными... Свобода — душа всех вещей, без тебя все мертво! Я хочу, чтобы повиновались законам, а не рабов... Не знаю, мне кажется, я всю жизнь буду чувствовать отвращение к чрезвычайным судным комиссиям, особенно секретным... Снисхождение, примирительный дух государя сделают больше, чем миллионы законов, и политическая свобода даст душу всему». Это, конечно, были «эксцессы», говоря языком того времени, но такой неопределенный сентиментальный либерализм чрезвычайно вторил политическому настроению, каким тогда прониклись петербургские либералы. Они также жадно усваивали себе новые политические идеи, но в таком общем виде, так неопределенно, что эти идеи не могли иметь практического приложения, действовали лишь на нервы, создавали настроение, но не отражались в ежедневных поступках этих людей.

В таком настроении Екатерина и принялась за преобразовательную деятельность. Согласно с общим характером этих усвоенных ею политических идей новые законы она хотела создать при содействии общества. Без содействия общества не мог обойтись тогдашний либерализм. Новый кодекс должен был выйти не из канцелярии, а из рук самого народа. С этой целью в конце 1766 г. она обнародовала манифест, которым созывала представителей разных классов русского общества в Комиссию для составления проекта нового русского уложения. Итак, само русское общество должно было создать себе законы; но Екатерина не хотела оставить этих составителей без руководства; она хотела изложить им основные начала, которые должны были лечь в основу нового русского кодекса. Такое руководство она предложила комиссии в своем Наказе.

Наказ — первый акт ее преобразовательной деятельности, с которой мы должны познакомиться. Екатерина сама довольно подробно рассказывает о том, как составлялся этот Наказ. В одной из ее записок, написанных около 1779 г., мы читаем: «Усматривая в первые три года, что все требовали и желали, дабы

Составле-
ние На-
каза

законодательство было приведено в лучший порядок, из сего вывела я у себя в уме заключение, что образ мыслей вообще, да и самый гражданский закон не может получить поправления иначе, как установлением полезных для всех в империи живущих и для всех вообще вещей правил, мною писанных и утвержденных. И для того, я начала читать, потом писать наказ Комиссии уложения. Два года я читала и писала, не говоря о том полтора года ни слова, но следуя единственно уму и сердцу своему с ревностнейшим желанием пользы, чести и счастья империи. Предупев, по мнению моему, довольно в сей работе, я начала казать по частям статьи, мною заготовленные, людям разным, всякому по его способности; но более одного или двух листов не показывала». Наконец, заготовила она манифест о созыве депутатов, помеченный 14 декабря 1766 г. В одном письме к своей парижской приятельнице Жоффрен от 22 марта 1765 г. она пишет, что ежедневно встает рано и часа два-три посвящает работе над составлением законодательного руководства, т. е. над Наказом; работа эта продолжается у нее уже два месяца. К началу 1767 года Наказ был готов; итак, он писался с начала 1765 и до конца 1766 года.

Когда в 1767 г. стали съезжаться в Москву депутаты, Екатерина выбрала из них «некоторых персон, весьма разномыслящих» и дала им прочесть свой Наказ. Как прежде того люди, которым она показывала по одному или по два листа, так и эти депутаты были поражены тем, что прочитали в Наказе. Екатерина начала истреблять неодобренные читателями части Наказа. Она пишет г-же Жоффрен, что после предварительной секретной цензуры, которой она подвергла свое произведение, она изорвала или сожгла более половины написанного. Теперь наступила вторичная цензура со стороны избранных депутатов. Екатерина предоставила им чернить и марать, что им захочется, и они зачеркнули более половины того, что прочитали в Наказе. Уцелевшие статьи и были напечатаны летом 1767 г. ко дню открытия комиссии. Значит то, что мы читаем в печатном Наказе, есть не более четверти того, что было написано Екатериной. Такая строгая

двойная цензура объясняется характером и содержанием Наказа.

Наказ был написан в пору того увлечения французскими политическими идеями, которое мы видели по некоторым признаниям и записочкам Екатерины. Этим объясняются его источники. Не думайте, что Наказ — практическая инструкция, которой должны были руководиться депутаты в их сложной и трудной работе. Нет, это философско-политический трактат; такой его характер объясняется его источниками. Источниками его послужили те книги, которыми Екатерина тогда увлекалась. Прежде и шире всего она попользовалась книгой Монтескье «Дух законов». Собираясь послать экземпляр наказа к одному из энциклопедистов д'Аламберу, она пишет м-м Жоффрен: «Я скоро пришлю ему тетрадь, из которой он увидит, к чему могут служить нам сочинения гениальных людей, когда хотят делать из них употребление». Книгу Монтескье она сама называла «молитвенником государей, у которых уцелел здравый смысл». «Это мой молитвенник», — несколько раз повторяет она в письме к д'Аламберу. Этому д'Аламберу она пишет в половине 1765 г.: «Вы увидите (из Наказа), как для пользы своей империи я обобрала президента Монтескье, не называя его; надеюсь, что если он с того света увидит мою работу, то простит мне этот литературный грабеж для блага 20 миллионов людей, какое из того должно последовать». Наказ состоял из 20 глав, разделенных каждая на статьи или отдельные краткие положения. Таких статей в нем 526; 250 из них, по крайней мере, прямо заимствованы из «Духа законов». Екатерина не упоминает и другого философа-криминалиста, ею обобранного; то был итальянский философ по уголовному праву Беккарий, который только недавно, в 1764 г., издал свою книгу «О преступлении и наказании»; книга эта тогда уже была переведена на французский и немецкий языки и наделала много шума в Европе. Книга эта была протестом против средневекового права и всех его форм: она вооружалась против пытки и других судебных доказательств средневекового процесса, настаивая на необходимости взвешивать степень виновности,

нравственного побуждения в преступлении и т. д.; Екатерина широкими руками воспользовалась и книгой Беккариа. Самая обширная глава ее Наказа, 10-я, трагующая об уголовном праве или об обряде криминального суда и содержащая более 100 статей, почти вся заимствована из книги Беккариа.

Процесс составления Наказа легко открывается из сличения его с его источниками. Читая «Дух законов» и «О преступлении и наказании», Екатерина отмечала карандашом наиболее резко афористически сформулированные положения их авторов; потом, приведя эти места в некоторый порядок, она их излагала или в дословном переводе или в некоторой парафразе, с некоторыми изменениями и изредка вставляла свою статью, свою строчку, даже свое одинокое слово. Так и составилась Наказ. Екатерина в письмах с людьми, от которых нельзя было скрыть такого авторства, открыто признавалась в нем. Так, посылая экземпляр Наказа Фридриху II, своему политическому союзнику, она пишет: «Вы увидите, что я здесь, как ворона в басне, нарядилась в павлиньи перья, в этом сочинении мне принадлежит только расположение материала да разве кое-где одна строчка, одно слово». Она сама думала, что всего оригинального, ею написанного, «не наберется в Наказе и двух листов». Вот почему странно, что Екатерина впоследствии перевела Наказ на разные языки и в отлично переплетенных экземплярах любила дарить знатным путешественникам, приезжавшим из Франции, Германии и других стран. Какое назидание могли извлечь из Наказа эти люди, давно читавшие подлинники?

Содержание Наказа очень разнообразно и обнимает почти все стороны законодательства. В 20 главах его мы читаем о естественном положении государства, об образе правления, об учреждениях, о судопроизводстве, об общественных классах, о размножении народа, о торговле и ремеслах, о воспитании, о порядке наследования, о составлении и слоге законодательства, т. е. о правилах кодификации, и, наконец, о разных статьях, требующих особенного изъяснения, как-то: о преступлениях в оскорблении величества, о чрезвычайных су-

Содержа-
ние
Наказа

дах, учрежденных особо для известных преступлений, о веротерпимости и, наконец, изложение ответа на вопрос, как можно узнать, что государство приближается к падению и к конечному разрушению.

После, в 1768 г., к 20 главам Наказа прибавлены были две новые — о полиции и о государственном хозяйстве. Таково содержание наказа в общих чертах. Изложено оно, как я сказал, афористически, отдельными и краткими статьями. Наказ построен на довольно тонко соображенном силлогизме. Во вступлении мы читаем: «Закон христианский научает нас взаимно делать друг другу добро. Желание каждого честного человека — видеть свое отечество на высшей степени благополучия, а своих сограждан под охраною закона; чтобы скорее осуществить это общее желание, надо войти в естественное положение сего государства, потому что наиболее естественные законы это те, которые наиболее соответствуют расположению народа, для которого они составлены».

Законы должны быть основаны на условиях народной жизни. В первых двух главах изложены условия жизни русского народа; этих условий, впрочем, указано только два: 1) Россия есть европейская держава, 2) Россия есть государство, управляемое самодержавной властью. Что Россия есть европейская держава, доказывается тем, что успех Петра в введении европейских обычаев и нравов объясняется несоответствием древнерусских обычаев и нравов с климатом страны. Древнерусские обычаи и нравы принесены к нам смешением разных народов и завоеванием разных областей; значит, древнерусские нравы были неестественные, искусственно созданные. Вот почему Петр, вводя обычаи и нравы европейские, нашел такое удобство, какого и сам не ожидал.

Необходимость для Руси самодержавного образа правления доказывается, во-первых, тем, что лучше повиноваться одному господину, нежели угождать многим, и, во-вторых, тем, что государство это по самой обширности пространства своего предполагает необходимость самодержавной власти. Надлежит, чтобы дела решались настолько скорее, насколько медленно те-

кут они к центру по обширным расстояниям государства. Значит, предполагаемая самодержавная власть есть условие наиболее быстрого решения дел. Разбирая этот ряд мыслей, легко извлечь из него следующий силлогизм: законы для каждого народа должны соответствовать его положению; Россия по своему положению есть государство Европы, следовательно, законы, предназначенные для русского народа, должны иметь общеевропейские основы. Эти основы и предлагаются в Наказе в виде идей, извлеченных из западноевропейской литературы, которые были последним словом западноевропейской политической мысли. Как вы видите, силлогизм с логической стороны построен довольно искусно. В Комиссии для составления проекта уложения могло возникнуть такое недоумение: нас созвали составить русский кодекс, а в руководство предлагают Монтескье и Беккариа; зачем это? Наказ отвечает: ваши законы должны соответствовать вашему положению; вы по своему положению — европейский народ, следовательно, ваши законы должны быть основаны на тех же началах, какие лежат в основании западноевропейских. Но, нелишенная искусности в логическом построении, основная мысль Наказа грешит одной исторической ошибкой. Совершенно верно, что русское законодательство в то время должно было развивать начала общеевропейского права, которое есть, между прочим, и право христианское, но то право, которое развивалось в книгах Монтескье и Беккариа, не лежало еще в основе ни одного закона европейского законодательства. То был законодательный идеал, а не законодательный факт, его еще нужно было путем долгой борьбы вводить в европейское право; каким же образом в основу русского права мог лечь тот идеал, который не лежал в основе ни одного западноевропейского права и мог лечь потому, что русский народ есть народ европейский? Эта историческая ошибка, которая замечается в строении Наказа, и определила значение этого памятника в истории нашего законодательства.

Далее, Наказ независимо от этой исторической погрешности был неудобен как руководство в двух отношениях. Во-первых, по самому своему изложению он

состоит из афоризмов, вырванных из разных мест уа-
занных книг; между этими афоризмами разорвалась та
связь, с какой отвлеченные мысли стояли в подлиннике.
Отсюда темнота Наказа, трудность его усвоения, бессвяз-
ность мыслей, поставленных рядом. Мы не говорим
об изложении Наказа, тяжелом, не всегда точно пере-
дающем подлинник, хотя, конечно, опытная рука Ко-
зицкого или другого литератора того времени, без
сомнения, прошла по тому тексту, который мы читаем.

Второе неудобство Наказа заключалось в его «экс-
цессах». Несмотря на общие места законодательства, мы
встречаем в Наказе ряд мыслей, которые должны были
поразить высшее русское общество, особенно правитель-
ственные лица, своим радикализмом. Так, например,
Екатерина предоставляет подчиненным учреждениям
право делать возражения на указы вредные, темные или
неисполнимые. В Наказе встречаются выражения поня-
тий, какие, наверно, редко приходили в умы прави-
тельственных людей того времени. § 34 — «Равенство
всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены
были тем же законам». И немного ниже: § 38 — «Воль-
ность (государственная) есть право все то делать, что
законы дозволяют». Екатерина резко говорит против
пытки: § 123 — «Употребление пытки противно здравому
естественному рассуждению, само человечество вопиет
против оны и требует, чтобы она была вовсе уни-
тожена». Находим резкое суждение о чрезмерной тяжести
государственных податей: § 275 — «Страна, которая по-
дателями столь много отягчена, что рачением и трудолю-
бием своим люди с великою нуждою могут найти себе
пропитание, через долгое время должна обнажена быть
жителей». 11-я глава состоит из статей, направленных
против злоупотреблений и даже против самых осно-
ваний крепостного права. Так в Наказе русские чита-
тели должны были вочью увидеть за высочайшею
подписью мысли, которые они до того боялись сказать
вслух. В статье об оскорблении величества читаем, что
слова сами по себе не преступление: «все превращает
и опровергает, что делает из слов преступление, смерт-
ной казни достойное» (§ 480). В Наказе резко было за-
явлено о необходимости веротерпимости (§ 496): «Го-

нение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковейные сердца». Все это было ново и подчас резко. Первоначальный Наказ погиб, уцелели только черновые отрывки, сличая которые с печатным текстом, находим, что в последнем сделаны были большие опущения. Например, уцелели отрывки, относящиеся к 11-й главе о крепостных крестьянах. Узнаем, что Екатерина настаивала на необходимости учредить особый крестьянский суд, предоставить крестьянам возможность выкупаться на волю, на необходимости точно определить суммы выкупа и т. п. Все это было выпущено. Кем?.. Остается в Наказе еще одна черта — это его неясность. Сама Екатерина сознавала этот недостаток и в конце Наказа написала (§ 523): «*Может случиться, что некоторые, прочитав сей Наказ, скажут: не всяк его поймет! Наспе трудно ответить: подлинно, не всяк его поймет, прочитав одинокжды слегка; но всякий поймет сей Наказ, если с прилежанием и при встречающихся случаях выберет из одного то, что ему в рассуждениях его правилом служить может*». Она советует читать его внимательно и чаще, но и это не устраняет все-таки неясностей, происходящих от разных причин, прежде всего от самой афористичности Наказа. Среди политических афоризмов иногда бывает трудно восстановить внутреннюю логическую связь. Дальше, в этих афоризмах Екатерина должна была бороться с политической и юридической терминологией, с недостатками русского лексикона, поэтому создавала новые слова и обороты, необычные нашему языку. Затем можем заметить, что в Наказе Екатерина в первый раз встретилась с понятиями, недостаточно ею обдуманно. Вот почему заметны колебания в самых основных положениях, которые по самому характеру своему требовали особенной точности. Можно привести как образец такой неясности статьи о государственной свободе или вольности. В трех статьях встречаем три разных определения этого понятия. В первом случае вольность объясняется так: «*В государстве, т. е. в собрании людей, обществом живущих, где есть законы, вольность не может состоять ни в чем ином, как в возможности делать то, что каждому надлежит хо-*

теть, и чтоб не быть принуждену делать то, чего хотеть не должно», — так определено понятие в 37-й статье; в 38-й читаем: «Вольность есть право все то делать, что законы дозволяют», а в 39-й встречаем еще третье определение: «Государственная вольность в гражданине есть спокойство духа, происходящее от мнения, что всяк из них собственною наслаждается безопасностью». Итак, вольность есть и право и чисто психологический момент.

Прочитав за высочайшею подписью ряд таких смелых идей, как должен был поступить депутат, приехавший из какого-нибудь отдаленного города, в какие точные законодательные формулы мог он облечь эти мысли, шедшие в разрез не только с его понятиями, но и со всеми государственными и политическими стремлениями России? Очевидно, нужно было много подготовительных усилий над русскими умами, чтобы эти мысли можно было облечь в законы. Вот почему, вероятно, депутаты при чтении каждой статьи поднимали жаркие прения и выкинули более половины того, что прочитали. Даже либеральный Никита Панин поклонник аристократической шведской конституции, прочитав Наказ, шутиливо заметил Екатерине: «Эти аксиомы способны опрокинуть стены». Чтобы оценить значение Наказа в истории нашего законодательства, т. е. его значение не как памятника права, а как памятника литературы, его надобно изучать в связи с деятельностью той Комиссии, которой он дан был в руководство.

ЛЕКЦИЯ LXXIX

Комиссия для составления проекта нового уложения. — Состав комиссии. — Кодификационные работы до Екатерины II. — Деятельность Комиссии 1767 года. — Неудача работ Комиссии. — Значение ее работ. — Значение Наказа.

Еще в 1700 г. была составлена из людей высших чинов и нескольких дьяков комиссия для пересмотра и дополнения Уложения 1649 г. С тех пор над этим делом безуспешно работал ряд комиссий. Они составлялись из высших чиновников, к которым присоединялись иногда назначенные правительством эксперты, «добрые и знающие люди», иногда выборные сословные представители из губерний. В таком составе кодификационных комиссий сказалось смутное воспоминание о том, как при участии Земских соборов составлены были важнейшие законодательные своды древней Руси — Судебник 1550 г. и Уложение 1649 года. Составом этих же комиссий указана была форма и того собрания, которое призвано было для такого же кодификационного дела при Екатерине II.

Сознав необходимость привести в порядок русское законодательство и начертав руководство для этой работы, Екатерина издала манифест, которым созывалась в Москву Комиссия, долженствовавшая составить проект нового уложения; манифест был помечен 14 декабря 1766 г. Комиссия должна была собраться в Москве летом следующего года. Эта Комиссия о составлении про-

екта нового уложения вызвала в свое время большой шум как в Европе, так и у нас в России. О ней много говорили, еще большего от нее ждали. Далекий отзвук этих толков можно услышать и теперь; и теперь Комиссия 1767 г. остается едва ли не самой яркой точкой в нашей политической истории XVIII в., едва ли не самым шумным событием царствования Екатерины. Вот почему, думаю я, событие это заслуживает более внимательного изучения сравнительно с другими явлениями времени.

Состав Комиссии был чрезвычайно сложен: она состояла из депутатов от правительственных учреждений, от сословий и городов, даже от племен, заселявших Россию. В Комиссию должно было явиться по одному депутату от правительственного Сената, от святейшего Синода и от центральных коллегий и канцелярий; областные учреждения не были представлены в Комиссии. Далее, сословия должны были послать в Комиссию своих депутатов; именно: дворянство от каждого уезда по одному, города также по одному. По тогдашнему областному делению губерния — большой округ — подразделялась на провинции, соответствующие вообще нашим современным губерниям, а провинции разделялись на уезды, также соответствующие нашим уездам. Следовательно, губерния того времени похожа была на генерал-губернаторство. От каждой провинции посылали депутата государственные или черносошные крестьяне, жившие не на частновладельческой, а на государственной земле, однодворцы и разные мелкие служилые землевладельцы, пахотные солдаты, помещенные давнó уже на южной и частью западной окраине государства. Это — остатки старинных мелких помещиков, которые густыми массами помещены были на границах для их обороны. Они теперь, — эти однодворцы, пахотные солдаты и разные разряды лиц, несших пограничную милиционную службу, — составляли переходный класс между податными крестьянами и дворянами. Они несли подушную подать вместе с крестьянами, но вместе с дворянами пользовались правом личного землевладения и правом владеть крепостными. Наконец, каждое инородческое племя, какой бы религии оно ни было, только оседлое, не кочевое, посылало по депутату от каждой

провинции, в которой оно жило. Так, например, черемисы, рассеянные по провинциям Казанской и Нижегородской, посылали по одному депутату от каждой из этих провинций; число депутатов от казаков донских и диспровских не было определено, это число, как и порядок их выбора, предоставлено было определить их казначьим командирам-атаманам.

Чтобы понять устройство представительства от общественных классов, надобно припомнить областное управление, созданное Петром. Вся империя делилась на несколько крупных губерний, которых в начале царствования Екатерины было 20; губернии делились на провинции, соответствовавшие в большинстве нынешним губерниям, а провинции подразделялись на уезды. Отсюда и депутаты выбирались либо по уездам либо по провинциям. Различие между теми и другими выборами заключалось в том, что первые были прямые, а вторые — сложные, многостепенные. Дворяне каждого уезда, собравшись под руководством выбранного для того предводителя, прямо выбирали депутата в Комиссию; напротив, чернососные крестьяне каждого погоста (сельского прихода) собирались и выбирали сначала погостового поверенного; эти погостовые поверенные съезжались в уездном городе и выбирали поверенного от уезда, после чего все уездные поверенные, съехавшись в провинциальном городе, выбирали из своей среды провинциального депутата в Комиссию.

Таким образом, представительство в Комиссии построено было на очень разнообразных основаниях. Это не было представительство сословное: как мы видели, в ней присутствовали и депутаты от высших центральных учреждений; представлены были также места жительства, а не общественные классы; так, каждый город посылал по депутату; депутаты эти выбирались всеми городскими обывателями, но это не были депутаты среднего городского или купеческого сословия, ибо в городах наших домовладельцами бывают люди разных классов. Значит, городской депутат представлял не класс, а местожительство. Наконец, и племенное деление Руси легло в основание представительства в Комиссии; депутаты пришли и от разных сседлых ино-

родцев, входивших в состав населения Российской империи без различия веры. Мы не знаем представительного собрания, в котором представительство было столь сложно. Учреждения, сословия, местожительства, племена, род оружия (казацество не сословие, а род оружия) — это должно было сообщить комиссии необыкновенно пестрый состав. Пестрота состава может навести на мысль, что, организуя выборы, правительство хотело дать голос всем элементам русских сословий. Однако вы легко заметите, что несколько классов совсем не были представлены: именно, не было депутатов от дворцовых крестьян, не было депутатов от крепостных крестьян, далее, от крестьян даже не крепостных, а свободных, так называемых экономических. Незадолго перед тем Екатерина завершила попытку мужа секуляризировать обширные церковные земли с поселенными на них крестьянами; к 1767 году секуляризация церковных недвижимых имуществ была уже окончена, однако экономические крестьяне не были представлены в Комиссии. И еще более странный пробел замечаем мы в ее составе: мусульманские и языческие инородцы были представлены в комиссии, а православное духовенство нет: выборные депутаты от приходского духовенства не были призваны. Рассматривая происхождение столь заметного пробела в составе Комиссии, мы находим, что тогда руководствовались своим особым взглядом на народное представительство. По нашему мнению, каждый общественный элемент, имеющий значение в народной жизни, должен быть представлен голосами из его среды. Очевидно, тогда считали достаточным, если в Комиссии будут депутаты не от самого общественного элемента или класса, а от того учреждения, которое им управляло. Вот почему экономические крестьяне не были призваны в Комиссию: здесь присутствовал член от Коллегии экономии. Вот почему не было представителей приходского духовенства: в Комиссии заседал член от святейшего Синода, управлявшего всем духовенством. Вот почему не было представителей дворцовых и крепостных крестьян: первых представлял депутат от дворцового управления, вторых — помещик, ибо помещик заменял собою местное управление, был чиновни-

ком-управителем. Таким образом, количество голосов от общества имело второстепенное значение. Хотели не спросить мнения того или другого класса, хотели иметь лицо, у которого можно было бы навести справку, о том или другом классе

Такое же второстепенное значение числа голосов депутатов открываем мы и из разбора численных отношений депутатов разных элементов. Разумеется, в составе общества важнейшее значение принадлежало дворянству; между тем, количество дворянских депутатов вовсе не было самым большим в составе Комиссии. По печатным спискам депутатов, изданным тогда же, всех представителей насчитывалось 564. В день открытия Комиссии их было 460, а незадолго до закрытия — 531. Депутатов от дворян было 30%, депутатов от городов — 89%. Огромное большинство депутатов от городов, разумеется, принадлежало к купеческому и мещанскому сословию, так как эти сословия составляли большинство городских домовладельцев. Значит, классы далеко не первостепенные, в Комиссии были представлены большим числом голосов, чем сословие господствовавшее. Черносопных крестьян вместе с однородцами в составе Комиссии было 14%; остальное число депутатов принадлежало прочим элементам, призванным в состав Комиссии, — племенам, депутатам от учреждений, которых всего было 30 человек. Таков был этот сложный, пестрый до-нельзя состав Комиссии. Депутаты являлись в Комиссию с наказами от своих избирателей, получали некоторые личные права (например, свободу от смертной казни, пытки, телесных наказаний, какие бы ни совершили преступления) и жалованье от правительства.

Теперь спросим, что это такое, на что это похоже из известных нам государственных учреждений? Над этим вопросом думали повествователи рассказов о деятельности этой Комиссии, но разрешить его довольно трудно. Иные говорят, что это собрание похоже на представительное собрание западное, например, на генеральные штаты Франции, если не на английский парламент. Английский парламент — учреждение постоянное; таким собранием не была русская Комиссия 1767 г.,

по постоянным учреждением не были и генеральные штаты Франции, однако последние имеют очень мало общего с русской Комиссией 1767 г. Генеральные штаты Франции составлялись только из депутатов трех крупных политических корпораций, или сословий: духовенства, дворянства и третьего сословия. В нашей Комиссии, как вы видите, представлены были далеко не одни сословия, но и учреждения, и места жительства, и племена, и даже некоторые части вооруженных сил страны — казаки. И так, наша Комиссия — не генеральные штаты. Но, — говорят другие повествователи, — стало быть, это старинный московский Земский собор. Сравнивая оба собрания, — древнерусский Земский собор и Комиссию 1767 г., находим также мало сходства между ними. Древнерусский Земский собор был представительством чинов, а не сословий, т. е. он представлял собою те различные служилые разряды, на которые разделено было русское общество по роду государственного служения, по свойству государственных повинностей, на них падавших. В древнем Земском соборе были представители от чинов: стольников, стряпчих, дворян московских, дворян провинциальных; все это — один служебный класс, разделенный на разные разряды, или чины, и каждый чин посылал по одному или по несколько депутатов на Земский собор. Но на древнем Земском соборе не было представителей от учреждений. Правда, на Земском соборе являлись два учреждения, но целиком, в полном своем составе, а не в лице представителей; именно, на Земском соборе как руководящие силы являлись патриарх со своим церковным освященным собором, епископами, архимандритами и т. д., и Боярская дума с государем во главе. Оба учреждения являлись в полном составе. Но не было представителей от учреждений, например, приказов, соответствовавших коллегиям XVIII в. Далее, в Комиссии 1767 г. вовсе не представлены были чины, т. е. разные служилые разряды, на которые распадалось общество, потому что теперь уже не было и этих разрядов, а все русское общество стянуто было в несколько крупных сословий: дворянство, купечество с другими городскими классами, крестьяне и духовенство. Мы ви-

дели, что кроме дворянства в Комиссии собственно не было представителей ни одного сословия, потому что купцы и мещане представляли города, а не сословия; депутаты от сельского населения представляли только один слой в составе крестьян, именно, крестьян черносошных; духовенство как сословие вовсе не было представлено, а скрывалось за депутатом от учреждения — от Синода. Итак, Комиссия 1767 г. не была похожа ни на генеральные штаты Запада, ни на наши Земские соборы. Откуда же взялась столь пестрая форма? Происхождение этой формы мало заметно. Она постепенно выработалась в той самой сфере государственной деятельности, которая послужила задачей Комиссии 1767 г., т. е. выработалась из истории нашей кодификации.

Работа над приведением в порядок русского законодательства начата была в царствование Петра, когда оказалось уже устарелым старое Уложение царя Алексея 1649 г. Петр для приведения в порядок русских законов, изданных со времени Уложения, составил комиссию в 1700 г. Комиссия эта состояла из членов, назначенных правительством, именно из 12 членов Боярской думы, бояр, окольничих и думных дворян с думными дьяками; из 28 стольников, высшего слоя служилого класса, какой следовал за думными чинами, в армии это были полковники; двух московских дворян, столичных, не провинциальных, и 6 простых дьяков, секретарей разных приказов. Эта комиссия не была представительным учреждением: здесь все были члены, назначенные правительством, а не выборные, но эти члены были либо чиновники, действовавшие в центральных учреждениях, либо люди из высших слоев общества, например, бояре, окольничие, стольники, дворяне московские, — это были высшие разряды русского дворянства. Комиссии этой поручено было собрать и привести в порядок изданные после Уложения указы и сравнить их со шведским уложением, чтобы таким образом составить уложение новое, более полное, чем Уложение 1649 г. Комиссия эта проработала все царствование Петра и ничего не сделала, несмотря на строгие предписания государя.

Кодификационные работы Екатерины II

Работа оказалась не под силу этому 48-членному собранию. Но она продолжалась после Петра, эта кодификационная комиссия даже начала получать новый состав. Так, при Екатерине I комиссия эта была составлена из сенатских обер-секретарей, к которым, однако, решили присоединить представителей общества, только не выборных, а назначенных Сенатом, а именно: обер-секретари должны были выработать черновой проект уложения, а для окончательного редактирования его велено было Сенату назначить по две «персоны» из духовных и гражданских людей и от магистрата, т. е. главного городского учреждения, действовавшего в Петербурге и руководившего магистратами всех других городов. При Петре II представительство общества было расширено; велено было для окончательной выработки нового уложения пригласить депутатов из офицеров и депутатов от дворянства каждой провинции по выбору сословия, в количестве пяти человек от каждой провинции, «людей добрых и знающих», как гласил указ. Когда эти добрые и знающие представители дворянства явились в Петербург, здесь увидели, что они никуда не годятся: то были все отставные старые и увечные дворяне, служившие в полках и вышедшие за негодностью в отставку. Местное дворянство, щадя свои силы, послало этих инвалидов законодательствовать. Предписано было выслать новых по два от провинции, но уже «людей добрых и знатных». Когда вступила на престол императрица Анна, эти депутаты были вызваны в Петербург, но они не помогли делу. Выхваченные из дворянской среды «две персоны добрые и знающие» не знали, что делать, ибо в первый раз им представился вопрос о русском законодательстве; они служили, но не законодательствовали и не кодифицировали. От царствования Елизаветы порядок ведения дела изменяется, нашли, что представители от общества ни в чем не помогут чиновникам, которым поручена работа. Тогда решили расширить комиссию чиновников, именно составить ее из представителей разных учреждений, занимающих разные правительственные должности. Потом велено было по вопросам, касающимся Коллегий юстиции и вотчины, приглашать в присутствие эти Колле-

нии в полном составе. Значит, соединенная работа представителей канцелярии и общества, оказавшаяся неудачной, теперь заменена была работой более однообразной комиссии, состоявшей из знатоков правительственного дела, из представителей разных административных ведомств. Только по окончании работ для выслушания нового уложения велено было призвать депутатов от дворянства и купечества. Эти депутаты и были созваны при Елизавете, но не успели дослушать уложения, ибо оно еще и не было приготовлено.

Так шло дело кодификации русских законов с начала XVIII века, лучше сказать, с последнего года XVII столетия и до царствования Екатерины. Очевидно, правительство пробовало разные средства для успешного окончания дела, сообщая различный состав работавшей над ним комиссии; легко видеть эти формы, они были или простые или смешанные. Сначала надеялись достигнуть цели с помощью смешанной комиссии; затем сообщили комиссии более однообразный состав, какой она имела при Петре, т. е. составили ее из одних представителей учреждений.

Эта форма кодификационной комиссии, развившаяся в продолжение половины столетия, и послужила руководством правительству Екатерины II при составлении Комиссии 1767 г. Эта Комиссия отличалась двойственностью состава, она состояла из представителей учреждений и из представителей разных классов общества, но не сословий, а либо городских обществ либо племен, которые по своим этнографическим особенностям составляли особые классы населения, но не племен в целом их составе, а разрезанных по провинциям. Итак, форма екатерининской Комиссии 1767 г. по составу не была заимствована ни из-за границы, ни из русской политической старины. Она была составлена по образцу кодификационной комиссии, действовавшей с Петра и до Екатерины.

Для чего собственно созвана была Комиссия? Манифест гласил, что депутаты призывались заявить нужды и желания населения; но к этому было прибавлено, что они будут допущены и в комиссию, которой поручено составить проект нового уложения. Из этого неясного

Организа-
ция Ко-
миссии
1767 года

выражения видно, что депутаты не только имели быть приглашенными в Комиссию, но и составляли ее. Комиссии указана была двойная цель: заявить нужды и желания населения и потом принять участие в кодификационной работе, в составлении уложения. Но манифест не указывал точно взаимного отношения этих задач, не говорил, которая из них главная и которая второстепенная, и одинаково ли обязательны для Комиссии обе поставленные ей цели. Комиссия получила чрезвычайно сложное устройство, соответствовавшее ее пестрому составу; она была разделена на множество частных комиссий. Эти комиссии были двух родов: одни распорядительные, а другие собственно законодательные или, как бы сказать лучше, кодификационные. Распорядительные комиссии должны были руководить действием общего собрания и его частей; законодательные, или кодификационные, вырабатывали части уложения. Распорядительными комиссиями были дирекционная, экспедиционная и подготовительная. Дирекционная комиссия собственно направляла кодификационную работу; она предлагала общему собранию составить ту или другую частную комиссию для выработки какой-нибудь части уложения, для чего общее собрание по предложению дирекционной комиссии выбирало из своей среды по пяти членов; далее, дирекционная комиссия направляла деятельность этих частных комиссий, просматривала составленные ими проекты частей уложения, смотрела, нет ли в этих проектах противоречия, несогласия с Наказом; далее, просмотренные проекты вносила на обсуждение общего собрания. Экспедиционную комиссию мы назвали бы лучше редакционной; она должна была устранять в проекте места «неудобовразумительные» и выражения двусмысленные; обязанность ее состояла в просмотре выработанного проекта со стороны слога и языка. Подготовительная комиссия имела другую задачу. Каждый депутат являлся в Комиссию с наказом от своих избирателей; в этих наказах избиратели должны были изложить свои нужды и желания. Это нечто вроде cahiers французских депутатов собрания 1789 г. Подготовительная комиссия должна была рассмотреть эти наказаы,

сделать из них извлечения и извлечения эти передать в общее собрание как руководство для работ. Значит, она должна была выработать свод депутатских наказов.

Для выработки разных частей уложения образовано было 16 частных комиссий по разным отраслям законодательства. Задачи некоторых комиссий касались очень специальных частей уложения; так, например, была образована комиссия «о разборе родов государственных жителей» (о сословиях по нашему), но рядом с ней действовала комиссия «о среднем роде» людей, т. е. о среднем сословии. Первая должна была выработать проект положений обо всех сословиях в России, вторая — специальный проект уложения о среднем или городском сословии. Точно так же существовала частная комиссия, которая должна была выработать торговый устав. Но рядом с этим было несколько частных комиссий, разрабатывавших специальные отрасли народного хозяйства, например, комиссия «о рудокопании», или горном деле; комиссия о размножении народа, земледелии, домостроительстве и пр., комиссия об орошении и сбережении лесов. Благодаря этой подробной организации Комиссии в ней установилось сложное и, следовательно, очень медленное делопроизводство. Каждый вопрос предварительно обсуждался в общем собрании; затем для его разработки формировалась особая частная комиссия; эта комиссия, получая указания от дирекционной, выработывала проект возложенной на нее части уложения. Выработанный проект дирекционная комиссия проверяла, а иногда возвращала в комиссию. Рассмотрев и проверив проект с законодательной стороны, дирекционная комиссия передавала его в экспедиционную для выправки изложения, для придания проекта в приличный внешний вид; сделав свое дело, экспедиционная комиссия возвращала проект в дирекционную, которая уже вносила его в общее собрание, а последнее рассматривало и «дебатировало его» рядом прений. Столько ступеней, иногда повторительных, должен был проходить в своей разработке каждый законодательный вопрос. Этим объясняется необыкновенная медленность, с какой вела Комиссия свои работы. И передам в кратком очерке ход этой работы.

Комиссия созвана была на 30 июля 1767 г. и 31 июля открыла свои действия в Москве в Грановитой палате. Первые восемь заседаний посвящены были предварительным работам: прежде всего читался Наказ. Комиссия открылась при несколько возбужденном состоянии правительства и общества. Это понятно: совершалось на Руси небывалое дело — встретились в одной работе люди, которые ни в чем и никогда не встречались более. Это возбужденное настроение выразилось и в ходе первых занятий Комиссии. Наказ был выслушан с неопианным восхищением; это настроение усилилось, когда прочли 520-ю статью, которая гласила: «все сие не может понравиться ласкателям, которые по вся дни всем земным обладателям говорят, что народы их для них сотворены, однако мы думаем, и за славу вменяем сказать, что мы сотворены для народа, ибо боже сохрани, чтобы после окончания сего законодательства был какой народ более справедлив и следовательно более просвещен; намерение законодательства было бы не исполнено...»

Затем Комиссия начала устроиться; избрала маршала, или предводителя Комиссии, президента. В числе выставленных кандидатов оказался граф Григорий Орлов, но он отклонил от себя избрание. Утвержден был в качестве маршала представитель костромского дворянства Алексей Иванович Бибиков, впоследствии действовавший при усмирении Пугачева. Затем стали читать указы депутатов и начали с наказов крестьянских — государственных черносозных крестьян. Первым был читан наказ от крестьян каргопольских; этот наказ вызвал 24 речи со стороны дворянских депутатов, речи эти произносились в трех заседаниях. В продолжение 14 заседаний прочитали незначительное количество наказов, именно 12; всех наказов было слишком 500. Не докончив чтение наказов, Комиссия занялась разборкой вопроса о правах высшего сословия — дворян. Начали читать изданные прежде законы о дворянстве; эти разновременные законы оказались очень запутанными, непонятными. Не докончив их чтения и образовав частную комиссию «о разборе родов государственных жителей», которой передан был

вопрос о дворянстве, перешли к чтению законов о купечестве. Обсуждение прав дворянства заняло 10 заседаний, чтение законов о купечестве — 37 заседаний. Но кончив чтения изданных законов о купечестве, перешли к чтению привилегий эстляндских, лифляндских, вообще остзейских провинций; впрочем, по временам возвращались к обсуждению и прав купечества, хотя маршал и заявил, что прения по этому предмету уже кончены.

Так продолжались работы в Москве до конца года. Затем Комиссия перешла в Петербург и открыла здесь свои занятия 18 февраля 1768 г. В продолжение пяти месяцев читались старые законы о юстиции, о судопроизводстве; не кончили чтения законов о юстиции и воротились к обсуждению прав дворянства, так как в это время частная комиссия «о разборе родов государственных жителей» внесла проект «прав благородных». Не кончили обсуждения этого проекта и перешли к обсуждению изданных законов о дворянском землевладении, о вотчинах и поместьях. Это было предметом последующих заседаний комиссии. 17 декабря 1768 г. по случаю открывшейся первой войны с Турцией общее собрание Комиссии было закрыто на неопределенное время; заседания уже и не возобновлялись. В начале 1769 года многие депутаты должны были ехать в полки, где они служили. Но по прекращении заседаний общего собрания остались некоторые частные комиссии, которые и продолжали свои работы до 1774 г. Так кончилась деятельность этого собрания. Комиссия работала 1½ года и имела 203 заседания.

Возложенная на Комиссию задача не была исполнена: она не составила проекта нового уложения, она даже окончательно не выработала и не обсудила ни одного частного проекта, который касался бы той или другой отрасли законодательства, который мог бы послужить готовой главой в составе будущего уложения. Отчего произошла эта неудача? Она объясняется различными причинами. Прежде всего, самым составом Комиссии. Комиссия состояла из 564 депутатов. Никогда таким многочисленным собранием не выраба-

Неудача
работ
Комиссии

тывались проекты уложения, требующие технической подготовки, юридического знания, известного кодификационного умения, не говоря уже о знакомстве с действующим законодательством. Огромное большинство Комиссии состояло из людей, не имевших ни подготовки, ни этих знаний; притом, что это за пестрый люд собрался в Комиссии! Мы не можем себе представить собрания более пестрого; в наше время такого собрания даже не бывает в частном общезитии, такое собрание не может составиться даже для частных увеселений. В самом деле, рядом с его сиятельством графом Григорием Григорьевичем Орловым сидел какой-нибудь крестьянин, депутат черносошных крестьян Каргопольского уезда. Как они могли сойтись в совокупной дружной деятельности? Рядом с его высокопреосвященством, депутатом от Синода, митрополитом Новгородским и Санктпетербургским Димитрием сидел мулла Мансур Ибрагим, депутат от казанских татар, который должен был основываться на книгах Монтескье и Беккария. Здесь являлись представителями люди, стоявшие на самом низу европейской культуры, с уровнем, ниже которого не стояли люди нигде в Европе, а новое русское законодательство должно было создаться на вершине западноевропейской мысли, столь недосыгаемой, что ни одно из действовавших законодательств Западной Европы не могло и помышлять об этом уровне. Итак, состав Комиссии был слишком пестр, чтобы люди, которые должны были составить законодательную работу, могли сойтись в своих понятиях, нуждах и желаниях.

Далее, причиной неуспеха была и самая задача, возложенная на Комиссию, так как это была задача двойственная, а двойственность задачи в таком деле всегда бывает условием неуспеха. Комиссия должна была выразить нужды и желания населения и в то же время исполнить трудную законодательную работу — составить проект уложения. Чем она должна была руководствоваться в этой работе? Ей указано было три основания: 1) она должна была руководиться Наказом императрицы, излагавшим самые последние мысли западноевропейской политической литературы; 2) она дол-

жна была руководиться действующим русским законодательством, которого большинство членов Комиссии не знало; 3) она должна была руководиться в работе нуждами и желаниями населения. Так депутаты попадали между трех огней, должны были вращаться в кругу идей и стремлений троякого рода, которых никак нельзя было примирить, даже приблизить одни к другим. Наказ развивал один порядок законодательных идей, действующее русское законодательство представляло другой порядок, а нужды и желания населения — третий, несогласный с двумя первыми. Значит, законодательство, уложение, основанное на Наказе, было бы несогласно ни с действующим русским законодательством, ни, может быть, с нуждами и желаниями населения; проект, составленный на основании действующего русского законодательства, не был бы согласен с Наказом и нуждами населения, а проект, построенный на последнем основании, не был бы согласен ни с первым, ни со вторым основанием. По самому свойству задачи, она была неисполнима, и в ходе прений депутатов до очевидности выразилась эта неисполнимость.

Я не буду передавать хода этих прений, большая часть их напечатана. Пока не были изданы бумаги Комиссии, в них подозревали чудеса, надеялись найти в них полную картину политического, общественного и экономического быта России, встретить полное выражение нужд и желаний населения, следовательно, заглянуть в самые умы депутатов. Теперь эти бумаги издаются и уже изданы в значительном количестве. Были произнесены любопытные речи, особенно депутатом ярославского дворянства Щербиной и некоторыми депутатами от дворян, говорившими о положении крестьян. Некоторые речи живо затронули правительство и укололи императрицу. Но в этих прениях выразилась вся нескладница того, что тогда называли нуждами и желаниями населения, и особенно вся непримиримость их с Наказом. Наказ провозглашал принцип равенства; и Комиссия, которая должна была согласоваться с Наказом, дворяне требовали расширения крепостного права; купечество потребовало себе: 1) дворянской привилегии владеть крепостными и 2) носить шпагу на

патриотическом бедре. Одним словом, разные классы далеко разнились в своих нуждах и желаниях; в то время как одни требовали расширения крепостного права, представители провинциального дворянства и даже некоторые депутаты учреждений заявили о невозможном положении крестьян и о необходимости законов, которые определили бы точно их отношения к господам. Таким образом, по свойству задачи, указанной комиссии, последняя не могла завершить порученной ей работы.

Затруднения, представившиеся Комиссии, увеличились неясностью отношений ее к Наказу императрицы. Депутаты, которые после первого прочтения Наказа должны были повторять его чтение каждый месяц, никак не могли уяснить себе, что значит для них Наказ: есть ли это обязательный руководящий закон или что-нибудь другое, например, частный совет депутатам. Сама императрица определила это отношение совершенно неясно; она в одной из своих записок замечает: «Я запретила на оный инако взирать, как единственно он есть, т. е. правило, на котором основать можно мнение и для того по делам не выписывать, яко закон, но мнение основать на нем дозволяю». Итак, повидимому, Наказ излагал лишь основание, за которое могли держаться мнения депутатов, но Наказ не имел обязательной силы. Однако дирекционная комиссия возвращала обратно те проекты, в которых замечалось несогласие с Наказом; следовательно, Наказ имел в делопроизводстве Комиссии обязательную силу. Благодаря тому Наказ, волновавший депутатов, лишавший их самообладания, только затруднял и спутывал работы Комиссии. Вот главная причина, почему не удалась эта работа и невозможно было ожидать успешного ее окончания. Небольшого запаса практической опытности достаточно было, чтобы видеть эту неисполнимость. 60 слишком лет правительство работало над выработкой нового проекта уложения, поручая это дело обер-секретарям и другим опытным «персонам», и работа не удалась, а пестрое общество, созданное из разных концов России в Грановитую палату, разных вер, понятий, национальностей, с разными чувствами и интересами,

считалось способным составить проект. Впоследствии обширный, ловкий, изворотливый ум Сперанского, с его обширным образованием, с трудом мог составить Свод законов, действуя с помощью огромной канцелярии, и сброд считался способным исполнить такую работу в несколько месяцев.

Однако работы Комиссии не пропали даром, не остались совершенно бесплодны. Некоторые части законодательства были подготовлены, по крайней мере, вчерне и послужили основанием изданных потом Екатериной законов. Так, мы увидим, что областное управление, как оно устроено было Екатериной, и губернские учреждения 1774 г. в значительной степени основаны были на работах комиссии. Далее, изданное потом городовое положение, как и дворянская грамота 1785 г. суть лишь переделка проектов, выработанных частными комиссиями о среднем роде людей и о дворянстве.

Итак, Комиссия не прошла бесследно в развитии нашего законодательства; она не выработала полного уложения, но работы ее послужили основанием некоторых законов. Кроме того, она имеет большое историческое значение; бумаги Комиссии, речи, в ней произнесенные, мнения, поданные разными депутатами, хотя и не оправдали слишком напряженного ожидания, остаются любопытным материалом для характеристики политического настроения русского общества, разных его классов. Притом Комиссия дала большой запас назидательных уроков Екатерине. Перед Екатериной явились представители всех частей русского общества, и она еще более, чем во время своего путешествия, могла убедиться в нуждах и желаниях своего народа, а также и в его свойствах и в том, какой это удобный материал для управления. Как бы кто не смотрел на достигнутые результаты, надобно признаться, что это была более всероссийская этнографическая выставка, чем законодательная комиссия.

Деятельностью комиссии определяется и значение Наказа. Призвана была комиссия для составления нового свода и ей нужно было дать руководство; но не имея ни действующих русских законов, ни условий, в которых находилась страна, Екатерина могла дать в ру-

Значение
работ
Комиссии

Значение
Наказа

ководство ряд мыслей, заимствованных из книг. Значит, указанный софизм был средством, с помощью которого Екатерина выходила из великого затруднения, в какое она становилась перед лицом Комиссии. Наказ был политической исповедью Екатерины; она сама писала, что она здесь «все сказала», и больше во всю свою жизнь ничего не сказала. Наказ исполнен тех общих мыслей, которые тогда пущены были в оборот французской политической литературой. Мы видели, что некоторые мысли не лишены были резкости радикализма. Но Наказ имеет очень скромное значение и в нашей литературе, и в нашем законодательстве: как памятник литературы он есть первая из русских компиляций, срывающих верхушки западноевропейской цивилизации, снимающих пенки с западноевропейской мысли. Он завел дурную привычку, от которой мы не можем вылечиться, — привычку на каждый жгучий вопрос, поставленный русской действительностью, искать готового ответа, выработанного чужими мыслями. Вместо того чтобы на вопрос о законах дать ответ из истории русского законодательства, вместо этого был дан ответ, заимствованный из книг, которые нигде не действовали и начала которых нигде не были испытаны даже на Западе. Наказ мог бы иметь некоторое воспитательное значение как памятник литературы, но вскоре после составления Наказа приняты были меры, которые приостановили его распространение в обществе, отложив до более благоприятного времени создание кодекса. Чтобы любопытные чиновники не могли читать его, Сенат приказал в канцеляриях и комиссиях держать Наказ под замком. Еще скромнее значение Наказа в ходе нашего законодательства. Наказ был признан запретным плодом; законодательству Наказ не дал ничего нового. Вот почему Наказ есть не исторический, а патологический момент в истории нашего законодательства; то, что было сделано законодательством Екатерины, было развитием не идей Наказа, а фактов жизни; словом, Наказ есть не факт в истории нашего законодательства, а черта из биографии Екатерины. Он выразил собою раз почувствованное верховною властью сознание негодности порядка и необходимости его исправления.

ЛЕКЦИЯ LXXX

Губернские учреждения 1775 г. Органы внутреннего управления до Екатерины II. — Реформа областного управления. — Разделение России на губернии. — Губернские учреждения административные и финансовые. — Судебные учреждения. — Основные начала губернских учреждений. — Дворянство в областном управлении. — Корпоративное устройство дворянства. — Городское самоуправление.

Комиссия 1767 г. не исполнила дела, для которого была созвана. Мы видели, что она и не могла исполнить этого дела по своему составу и по самому существу возложенной на него работы. Но она не прошла бесплодным и бесследным явлением в истории нашего государства. Она дала некоторый материал и даже указала частью направление преобразовательной деятельности Екатерины; благодаря ей вскрылись нужды и желания населения, потребности времени, средства, какими правительство располагало для удовлетворения этих потребностей. Такое значение Комиссии понимала и сама Екатерина. В одной из ее записок, написанной по распущении Комиссии, мы читаем: «Комиссия эта подала нам свет и сведения о том, с кем дело имеем и о ком пещись должны». Практическое применение наблюдений, какие собрала Екатерина, и тех пожеланий, какие она считала обязанностью для себя, мы находим в обнародованных ею губернских учреждениях 1775 г. Это очень важный памятник в истории русского государственного устройства и потому заслуживает вни-

мательного разбора. Чтобы понять значение перемен, внесенных Екатериной в областное управление, надо припомнить некоторые явления в истории русского государственного устройства прежнего времени; надо прежде всего припомнить, какую администрацию наследовал Петр от своих предшественников и как он ее перестроил.

Органы
внутрен-
него уп-
равления
до Екате-
рины II

Государственное управление, какое досталось Петру от старого Московского государства, отличалось довольно своеобразным характером. По свойству деятельности, по своим отношениям к верховной власти и к управляемому обществу, московская администрация была бюрократической, т. е. ее орудия действовали как назначенные правительством чиновники без участия общества или с участием очень слабым. Это было приказно-канцелярское управление, не земское, но по личному составу правительственных учреждений это управление было сословное. Чиновники, действовавшие в учреждениях по назначению правительства, не были разночинцами, случайными людьми: они все выходили из одного класса, именно служилого, который мы можем назвать дворянством. В этих учреждениях попадались и люди других классов: из купечества, поповичей в качестве приказных дьяков, но попав в эти учреждения, они становились служилыми людьми, получали значение и права дворян. Итак, старая московская администрация по характеру своей деятельности была бюрократической, а по происхождению ее личного состава — сословной, аристократической; поэтому ее можно назвать сословно-бюрократической.

Такой двойственный ее характер изменился при Петре. Перемена состояла в том, что Петр разделил прежде слитые ее свойства, сословный и бюрократический ее характер, и тому и другому свойству указал место в особых различных сферах управления. Центральному управлению Петр указал задачи — ограждение и развитие государственного казенного интереса. Для этой цели не нужны были люди породы, а требовались люди навыка, знания, подготовки. Этих людей знания, административного мастерства он и при-

мал в центральные учреждения. Таким образом центральное управление, преобразованное Петром, с его Сенатом и коллегиями получило исключительно бюрократический характер, в котором незаметно сословного элемента. Из разных классов набирал он деятелей в центральные учреждения, в которых рядом с князем Голицыным сидел и Меньшиков, хотя он и был пожалован в князья, но ведь он был сыном придворного коноха. Напротив, управлению областному Петр указал задачу развития народного хозяйства. Здесь предметом заботливости правительства были интересы двух классов, получивших при Петре особое значение в народном хозяйстве: землевладельческого — дворянства и промышленного — купечества. Интересы этих двух классов и должно было ограждать и развивать областное управление. Поэтому Петр открыл широкий простор для деятельности обоих этих классов в местных учреждениях. Значит, областное управление при Петре получило преимущественно сословный характер. Мы уже знаем, в чем выразилось участие обоих этих классов и местном управлении при Петре. Таковы были перемены, произведенные Петром в управлении: в старом Московском государстве все управление по характеру своему было сословно-бюрократическим, при Петре центральное управление стало бюрократическим, а областное — сословным.

Преемники и преемницы Петра во многом изменили созданный им правительственный механизм. Они находили этот механизм слишком сложным и дорогим, находили ведомства слишком раздробленными и начали стягивать администрацию, сокращать штаты, отменять учреждения, какие им казались лишними. Так, например, Петр очень хлопотал об отделении суда от администрации, преемники и преемницы начали опять сливать оба эти ведомства, судебное и административно-полицейское. Петр учредил во главе губернских городов надворные суды, действовавшие независимо от губернаторов; при Екатерине надворные суды были упразднены, весь суд и расправа поручены административным чиновникам, губернаторам и воеводам. Петр очень хлопотал о развитии самоуправления дворянско-

го, и городского, но уже к концу царствования он сам начал стеснять дворянское самоуправление; так, прежде дворяне губерний выбирали из своей среды коллегию при губернаторах не с совещательным только, но и с решающим голосом, — это ландраты; в 1719 г. ландраты были упразднены; на месте ландратов остались выборные представители уездного дворянства и земские комиссары только по полицейским делам. Преемники Петра начали стеснять и городское самоуправление. Самоуправление это выражалось в системе городских магистратов с выборными членами и главным магистратом во главе. При Екатерине городские магистраты были подчинены губернским, от которых они прежде не зависели, а при Петре II закрыт был главный магистрат в Петербурге, который руководил всеми губернскими. Значит, при преемниках и преемницах Петра был ослаблен сословный элемент в областном управлении.

Совсем другая перемена замечается в судьбе центрального управления после Петра. Преобразователь, как сказали, сообщил ему бюрократический, деловой, мастеровой характер. При Петре старое московское боярство, уже раньше начавшее разрушаться, окончательно расстроилось; от него уцелели только некоторые генеалогические развалины в виде немногих сохранивших свой блеск фамилий, каких-нибудь князей Голицыных, Шереметевых и т. п. Но при Петре из этих развалин и из новых слоев, выдвинутых преобразователем, сложился новый, пестрый чиновничий класс государственных дельцов. Этот пестрый по происхождению класс был собственно чиновничий, не составлял плотного сословия. Но частью уцелевшие предания о старом политическом значении дворянства, частью знакомство с Европой помогло этому классу усвоить себе мысль, что он есть плотное сословие, долженствующее стоять во главе общества, что он — политическая сила, которая должна руководить русским обществом. Вот когда зародилась идея, что петровская чиновная бюрократия есть аристократия, это — недоразумение, но продолжающееся и доселе, и доселе этот мир не в шутку считает себя аристократией. Этот чиновный мир оказал решительное влияние на перестройку центрального

управления, созданного Петром. При Петре во главе управления стоял чисто бюрократический Сенат. Сенат этот был составлен из разночинцев, вовсе не похож был по своему составу на старую аристократическую думу. Чиновная аристократия, пользуясь открывшимся ей при преемниках Петра простором, не стесняется Сенатом как учреждением бюрократическим и начинает надстраивать над Сенатом ряд учреждений с аристократическим пошибом. Так, при Екатерине над Сенатом стал Верховный тайный совет, составившийся из знатнейших сановников. При Анне вместо этого Верховного совета, так скомпрометировавшего себя в 1780 г., надвигнут Кабинет министров, также составившийся из знатнейших сановников. При Елизавете на место упраздненного Кабинета министров становится Конференция по выбору императрицы с таким же характером. В короткое царствование Петра III действует с законодательным авторитетом также чиновно-аристократическое учреждение, девятичленный Законодательный совет.

Эти учреждения, возвышавшиеся над Сенатом и старавшиеся усвоить себе руководящее законодательное значение, все вызывались стремлением новосозданной чиновной аристократии открыть себе особое и самостоятельное поприще государственной деятельности. И, с другой стороны, обнаружались те же политические притязания этого нового чиновничества. В высших учреждениях Петра представителями государя, блюстителями законов поставлены были прокуроры, генерал-прокурор с обер-прокурорами при Сенате и простые прокуроры при коллегиях и некоторых губернских учреждениях. Обязанность прокурора — ограждать государственные интересы; значит, прокуратура была учреждением, в котором с особенной силой сказывался бюрократический характер центральной администрации. Это учреждение, очевидно, должно было стеснять новое высшее чиновничество, которое стало смотреть на себя как на политическую аристократию. И что же случилось? То, что редко бывает в истории учреждений. В 1730 г. вдруг ни для кого незаметно оказалось, что нет прокуроров, они девались куда-то; сама императрица Анна в манифесте, которым она установила прокуратуру, откры-

венно признается, что «каким указом **он**й чин по кончине дяди оставлен и кем отрешен», ей неизвестно. Прокуроры были провалены под влиянием политических притязаний стесняемой ими чиновной аристократии. Анна Ивановна восстановила прокуратуру; после нее правительство Анны Леопольдовны опять отменило ее, и любопытно, кто настоял на этой отмене, — граф Остерман, который носил звание генерал-адмирала, а занимался собственно иностранными делами России, был министром иностранных дел. Какое ему, повидимому моряку и дипломату, дело до прокурора?

Итак, по смерти Петра центральная администрация стремилась стать сословно-аристократической, а областную хотели сделать бюрократической, канцелярской. Избавившись от надзора со стороны господствующих сословий в местном управлении и завоевав себе поле деятельности в высших центральных учреждениях, новая чиновная аристократия развила такой несдерживаемый личный произвол, который спутал течение правительственных дел, поставил все в зависимость не от закона, а от личного каприза. Правительственные учреждения утратили свои основания, забыли назначить им законом границы действия, водворился полный хаос. Этой хаотичностью высшего и областного управления отличается время императриц до переворота 1762 г.

Екатерина чувствовала недостатки управления, ей доставшегося. В секретной инструкции генерал-прокурору князю Вяземскому она пишет, что все правительственные места и самый Сенат вышли из своих границ, т. е. сбились со своей законной колеи. Причиной этого Екатерина выставляет частью нерадение к делам ее предшественниц, а частью пристрастие случайных при них лиц, т. е. капризы могущественных временщиков. В июльском манифесте 1762 г., излагая свою правительственную программу, Екатерина торжественно обещала поставить правительственные учреждения на твердые основания и указать им точные границы действия для поддержания доброго во всем порядка. Близкий человек к Екатерине граф Никита Иванович Панин поспе-

нии явиться с проектом одного из таких поставленных на твердых основаниях и с точными границами действия учреждения — проектом постоянного императорского совета. Основная мысль этого проекта очень любопытна. Никита Панин доказывает, что для того, чтобы государь мог действовать с пользой, его власть должна быть разделена между «некоторым малым числом избранных к тому персон», т. е. около государя как участник верховной власти должен явиться совет, составленный из особо избранных к тому лиц. Граф Никита указывал такие главные недостатки в действовавшем центральном управлении: прежде всего отсутствие твердо установленного порядка деятельности учреждений, а потом отсутствие твердого закона. «Все зависит, — писал он, — от силы персоны, а не от государственных учреждений»; говоря проще, Панин указывал недостатки в отсутствии твердых основных законов, которые сдерживали бы силы персон. Екатерина приняла предложенный ей проект постоянного императорского совета и даже имела неосторожность подписать манифест об этом, назначить даже членов совета, но потом ей кто-то растолковал, куда ведет ее Никита Панин, правая ее рука в иностранных делах.

Никита Панин был вельможа, не чуждый аристократических идей 1730 г., т. е. политических притязаний верховной шведской аристократии; шведский сенат был для него идеалом высших государственных учреждений. Этот идеал он и хотел осуществить в проекте постоянного императорского совета. Легко понять значение этого учреждения. Панин хотел связать верховную власть обязательным для нее учреждением, политический авторитет которого был бы признан законом. Этот совет должен был получить характер высшего законодательного учреждения, которое связывало бы руки верховной власти. Когда Екатерине разъяснили смысл этого учреждения, она попридержала подписанный ею манифест, который никогда не был обнародован. Опыт, следовательно, должна была возобновиться «сила персон». Таким образом центральное управление при Екатерине осталось без перемен, в прежнем хаотическом состоянии.

Екатерине оставалось как поприще для преобразовательной деятельности сфера управления областного. Она и обратила все свои преобразовательные усилия в эту сторону. В инструкции губернаторам, разосланной ею в 1764 г., она пишет, что губернии суть такие части государства, которые наиболее поправления требуют. Таким образом, областная администрация была объявлена наиболее нуждающейся в перестройке. Разные причины побуждали Екатерину обратить внимание на эту более низкую сферу деятельности и ею ограничить преобразовательную деятельность. Во-первых, вскоре после роспуска кодификационной комиссии, в 1773 и 1774 гг., разразился громадный народный бунт — Пугачевский, а действующее тогда областное управление не сумело ни предупредить этого мятежа, ни пресечь его во время. Итак, интересы государственной безопасности заставляли подумать об устройстве более совершенного областного органа управления. Во-вторых, если бы Екатерина попыталась применить свою политическую теорию к центральному управлению, это могло бы связать ей руки, а она и в Наказе выражала мысль о необходимости полного самодержавия в России. Напротив, преобразование областного управления в новом книжном французском духе не грозило никакой опасностью, даже никаким стеснением: неудобно в столице поставить конституционный совет, но по губерниям это возможно. Наконец, только на перестройке областного управления настаивали дворянские депутаты 1767 г., а Екатерина слушала внимательно заявления этих дворянских депутатов. Таковы были три побуждения, заставившие Екатерину прежде всего перестроить областное управление. Всеми этими побуждениями вызваны были изданные в 1775 г. *Учреждения для управления губерний*.

Губернские учреждения представляют первый опыт, сделанный Екатериной в приложении ее политических теорий к существующему государственному порядку. Сама она была, повидимому, очень довольна этими учреждениями, в составлении плана которых принимала такое деятельное участие. Летом 1775 г. она писала барону Гримму, что у нее есть произведение, состоящее из нескольких десятков статей, которые не лишены до-

стонств, «и когда, — продолжает Екатерина, — мы перечислили их, то нашли, что это — превосходное произведение».

При Петре государство было разделено на 12 крупных областей, каждая из которых вмещала в себе несколько нынешних губерний. Это — петровские губернии, подразделявшиеся на провинции, которые в свою очередь разделялись на уезды. После разделения, когда государство сделало значительные территориальные приобретения, — по окончании Северной и дальнейших войн, всех губерний стало 20. Екатерина в манифесте 7 ноября 1775 г. отметила три главные недостатка действующего областного управления: 1) областные административные округа губерний слишком крупны; 2) эти губернии снабжены недостаточным количеством учреждений, а учреждения — недостаточным количеством личного состава и чиновников; наконец, 3) в этих учреждениях смешались различные ведомства: одно и то же место ведало и администрацию с полицией, и суд, и финансы. Учреждения 1775 г. устраняли все эти недостатки. Границы прежней крупной губернии определялись частью географически, свойствами местности, частью исторически. Екатерина приняла единственным основанием нового губернского деления статистику, количество населения. Губерния Екатерины — округ с населением в 300—400 тысяч жителей. Она подразделялась на уезды с населением в 20—30 тысяч жителей. Новых губерний, созданных таким делением, вышло 10. Они и до сих пор остались почти в тех границах, какие были проведены Екатериной.

Каждая губерния получила однообразное правительство, в котором строго разделены были разные ведомства: административное, судебное и финансовое. Во главе административных учреждений поставлено было *губернское правление*. Это — учреждение исполнительное, полицейское и распорядительное; во главе его стоит губернатор. Губернское правление передает местным учреждениям законы и указы высшего центрального правительства, наблюдает за правильным течением дел в других учреждениях, понуждает их к исполнению своих обязанностей, смотрит за порядком и тишиной в губернии. Губернское правление

Разделение
Рос-
сии на
губернии

Губерн-
ские уч-
реждения,
админи-
стратив-
ные и фи-
нансовые

руководит также исполнительными полицейскими уездными учреждениями, называвшимися *нижними земскими судами*. Во главе нижних земских судов в уездах стоит исправник или капитан. Капитан-исправник — блюститель полицейского порядка в уезде; он принимает меры против заразы, заботится, по выражению положения, «о сохранении и излечении рода человеческого», блюдет за исправностью дорог и мостов, имеет надзор за торговлей, наблюдает за безопасностью и политической благонадежностью уезда, предупреждает и пресекает преступления, помогает суду, т. е. производит предварительное следствие, и т. д. Все это, по положению, исправник должен делать «усердно, с острогой строгостью, с добротетством и с человеколюбием к народу». Власть его простирается на весь уезд, кроме уездного города; в последнем ему соответствует городничий или комендант. Финансовое управление ведаёт *губернская казенная палата*, она заведует казенными сборами, постройками и подрядами; от нее зависели *казначейства* губернские и уездные, которые собирают и хранят казенные доходы. Так устроена была администрация полицейская и финансовая.

Судебные
учреждения

Особенно сложную организацию получил суд. Уголовные дела ведала *палата уголовных дел*, дела гражданские — *палата гражданских дел*. Обе палаты составляли верхний слой судебных губернских учреждений; под ним лежал второй слой судебных учреждений. В первом слое строго разделены были дела по существу; во втором слое они смешаны были по существу, но разделены по сословиям. Это были *верхний земский суд* по делам дворян, *губернский магистрат* по делам купечества и мещан, *верхняя земская расправа* по делам вольных хлебопашцев очень пестрого состава: из однодворцев, крестьян дворцовых, государственных и экономических, т. е. бывших церковных, и из всех занимавшихся хлебопашеством вольных людей. Эти оба слоя судебных мест сосредоточивались в губернском городе и компетенция их простиралась на всю губернию. В уездных городах действовал третий, низший, слой губернских учреждений, также с сословным характером. Это были *уездный суд* по делам дворянства, *городовой*

магистрат (в отличие от уездного) по делам купечества и мещан, нижняя земская расправа по делам вольных хлебопашцев. Уездные сословные суды были подчинены сословным губернским, а последние судебным палатам в порядке апелляционном и ревизионном. Как при губернских, так и при уездных судебных местах образованы были еще учреждения специального характера. Так, в губернских городах устроен был совестный суд; он ведал как уголовные, так и гражданские дела, но особого характера; из уголовных дел его ведению принадлежали такие, где источником преступления была не сознательная воля преступника, а несчастие, печальные стечения обстоятельств, малолетство, безумие, суеверие, фанатизм и т. п. Все такие уголовные дела ведал совестный суд. Из дел гражданских его ведению принадлежали дела, теперь находящиеся в ведении мировых учреждений, именно дела гражданские, по которым сами тяжущие обращались к совестному суду, если хотели. В этих делах совестный суд прежде всего должен был мирить обе стороны. Далее, рядом с судебными дворянскими учреждениями возникает представительство местного дворянства. Для выбора депутатов в Комиссию 1767 г. уездному дворянству велено было преимущественно выбрать руководителя на выборах, который получил название уездного предводителя дворянства. По окончании выбора уездные предводители не сложили с себя должности, а остались руководителями местного дворянства. Точно такое же право и по тому же случаю дано было и городскому населению, выбравшему городских голов. Теперь при сословных судебных учреждениях возникают опекунские учреждения: именно при уездном суде и уезде — *дворянская опека* с уездным предводителем дворянства во главе, при городском магистрате — *сиротский суд* с городским головой во главе. *Дворянская опека* ведала дела по опеке вдов и детей дворянских, *сиротский суд* — дела по опеке вдов и сирот купечества и мещан. В губернском городе для заведывания школами, сиротскими домами и другими благотворительными учреждениями возник приказ общественного призрения, составленный из депутатов двух сословий, — дворянства и городского населения.

Основные
начала
губерн-
ских уч-
реждений

Таков был сложный административно-судебный механизм, созданный положениями 1775 г. Разберем составные части этого механизма. Какими началами руководилось правительство, создав его? Легко наметить прежде всего, что составителями проекта руководило начало разделения ведомств, строгое разграничение дел административно-полицейских, судебных и финансовых. Начало этого разделения в тогдашней французской литературе было модной идеей, пущенной в ход известной книгой Монтескье; тогда не мыслили правильного государственного устройства без строгого разделения власти законодательной с судебной и административной. Очевидно, в губернских Учреждениях 1775 г. составители заплатили щедрую дань этой идее, но совершенно несогласно было с этой идеей, как и вообще с политическими воззрениями тогдашней французской литературы, устройством сословных судебных учреждений. От этого устройства пахло чем-то феодальным, средневековым порядком, когда, как известно, каждое сословие имело свой сословный суд, т. е. не были все подчинены одинаковому закону, между тем как тогда под равенством именно понимали подчинение всех граждан одинаковому суду и одинаковому закону. Откуда явилось в губернских учреждениях это неожиданное противоречие? Очевидно, источник его надо искать не в административных воззрениях самой Екатерины, воспитанной на французской политической литературе.

Дворян-
ство в об-
ластном
управле-
нии

Источник этого противоречия надо искать дома; он открывается, когда мы станем рассматривать наказания и заявления дворянских депутатов Комиссии 1767 г. Эти депутаты настойчиво требовали от правительства, чтобы оно устроило дворянство, местные корпорации и представило ему деятельное участие в местном управлении. Дворяне многих уездов даже требовали, чтобы дворянству предоставлен был выбор уездных управителей — воевод. В наказе боровского дворянства мы встречаем желание, чтобы дворяне уездов собирались каждые два года для рассмотрения, все ли в уезде чинится в порядке и по закону, а также и для выборов предводителей с помощниками; на этих съездах уездное дворянство выбирает ландрата и на помощь к нему от

каждого стана «дистрикта» дистриктного комиссара; **выбранный** дворянством **ландрат** должен чинить суд и расправу по делам всех обывателей без различия сословий, а дистриктный комиссар помогает ему в отправлении судебных дел, т. е. производит предварительное следствие и т. п. Эти заявленные дворянством желания и были проведены в губернских учреждениях. Очевидно, капитан-исправник это — ландрат, которого требовали дворяне: капитан-исправник избирался местным дворянством и руководил низшими земскими судами; дистриктный комиссар был отсрочен пока, чтобы потом, в царствование Николая, явиться в виде станового пристава. Итак, вот где источник противоречия в Учреждениях 1775 г. Дворяне требовали сословного суда; создание сословного дворянского суда повело к образованию сословного суда для купечества с мещанами и для вольных хлебопашцев. Значит, практические дворянские стремления столкнулись с политическими воззрениями императрицы, и оба начала поместились рядом в губернских Учреждениях 1775 г., несмотря на взаимное несогласие. Правда, в Наказе высказана мысль, что каждый должен судиться себе равным. Но легко заметить, что эта идея, неясно выраженная в Наказе и не согласенная с идеей равенства всех граждан перед законом, проведена в губернских Учреждениях непоследовательно, под влиянием соображений, ей противоречащих, именно, соображений, внушенных интересами одного сословия.

Как были проведены в Учреждениях другие желания, выраженные дворянством? Верхний слой судебных мест в губернии составляли палаты уголовная и гражданская. Это — учреждения не сословные, весь их личный состав назначался правительством. Второй слой состоял из сословных судебных учреждений; председателей в верхнем земском суде, в губернском магистрате и в верхней земской расправе назначало правительство, заседателей или товарищей, членов коллегии, назначали сословия: в верхнем земском суде — дворяне, в губернском магистрате — купцы с мещанами и т. д. Повидимому, здесь, в этом втором слое судебных учреждений, равномерно проведено было сословное пред-

ставительство. Третий уездный слой судебных мест также состоял из сословных учреждений. Здесь все члены — и председатели, и заседатели — были выборные от разных сословий, за исключением «расправного судьи», т. е. председателя нижней расправы, которого назначало губернское правление из «чиновных людей». Но полицейское учреждение — нижний земский суд — ведало в полицейском отношении все население уезда за исключением уездного города, где место капитан-исправника занимал городничий или капитан. Капитан-исправник и заседатели нижнего земского суда выбирались одними дворянами. В делах, касавшихся вольных хлебопашцев, с дворянскими уполномоченными действовали выборные от этого класса, но только там, где была нижняя расправа, а нижние расправы были далеко не во всех уездах, потому что не во всех уездах было достаточное число вольных хлебопашцев — не менее 10 тысяч душ, принадлежащих к этому сословию. Значит, через нижний земский суд с исправником дворяне простирали свою власть на все население без разделения сословий. Таким образом, в уезде дворянство получило решительное преобладание над остальными классами общества.

Далее, высшие губернские учреждения, судебные и административные, были учреждениями коронными, а не земскими. Все члены их назначались правительством, но личный состав этих учреждений выходил по назначению правительства из того же дворянства, которое выбирало заседателей и председателей в сословные дворянские учреждения. Как в центре, так и в губернских органах центрального управления, не имевших сословного характера, действует все то же дворянство, которое замещало по выборам должности сословных учреждений. Значит, в губернии прямо или прикрыто все управление отдано было в руки дворянства, его правительственное значение здесь выражалось в двойной форме: в замещении выборных должностей в дворянских судебных учреждениях и потом в личном составе высших губернских учреждений, не сословных. Значит, губернские Учреждения 1775 г. поставили дворянство во главе губернских обществ с руководящим

значением по выборам и по назначению от правительства. Так окончательно определилось положение этого сословия в государстве при Екатерине. Оно стало правящим классом русского общества только не из столицы, а по губерниям, в сфере областного управления; оно не руководило государством по закону, но оно и по закону и на деле руководило местными обществами.

При введении этих губернских Учреждений и за- поршено было как корпоративное устройство дворянства, так и сословное самоуправление городского населения. Губернские Учреждения 1775 г. вводились лет 80, почти до самого конца царствования Екатерины. При введении этих учреждений в каждой губернии съезжалось в губернский город все местное дворянство и так как этому сословию предоставлено было широкое поле деятельности, то выбирало себе губернского предводителя. До тех пор были только уездные предводители дворянства, значит, дворянство делилось на мелкие, местные миры по уездам; теперь при введении губернских Учреждений без особого указа, постепенно дворянские уездные кружки стали слагаться в крупные губернские корпорации с выборными дворянскими губернскими представителями. Екатерина постепенно давала этим корпорациям даже особый сословный мундир разного цвета, смотря по губерниям (однообразный мундир с красными обшивками был дан впоследствии при Николае).

Устройство областного управления было завершено двумя жалованными грамотами, данными дворянству и городам. Обе эти грамоты были подписаны в один день — 21 апреля 1785 г. Вот главные черты того и другого акта.

В жалованной грамоте, данной дворянству, завершено было корпоративное устройство этого сословия и окончательно определены права дворянства. Дворянин пользуется своим недвижимым имуществом и крестьянами на правах полной собственности. Он передает свое звание жене и детям и лишается этого звания не иначе, как по суду за известные преступления, причем приговор о преступлении дворянина получает силу только по утверждении верховной властью. Кроме того, дворя-

Корпоративное устройство дворянства

нин свободен от телесных наказаний, от личных пода-тей, от рекрутской повинности. Дворянские собрания имеют право ходатайствовать перед правительством о своих сословных нуждах.

Вместе с этим завершено было и самоуправление городское. Как мы видели, положение 1775 г. учреждало только судебные сословные учреждения для купечества с мещанами: городской магистрат в уезде и губернский магистрат в губернском городе. Припомним кстати, что все упомянутые мною три слоя судебных учреждений были связаны между собой в порядке апелляционном или ревизионном, т. е. из низших инстанций дела переносились в высшие по жалобам челобитчиков. Кроме того, высшие судебные учреждения производили ревизии дел низших, т. е. пересматривали их решения или клали окончательные приговоры на доклады низших инстанций. По положению 1775 г., купечество получило две судебные инстанции. Теперь образовано было сословное управление полицейско-хозяйственное. Жалованной грамотой 1785 г. все городское население разделено было на 6 состояний: 1) именитых граждан, 2) настоящих обывателей, т. е. имеющих в городе дома и земли, 3) купцов гильдейских, 4) цеховых ремесленников, 5) иностранных и иногородних гостей и 6) посадских, которые промышленяют черной работой или ремеслом, не имея недвижимой собственности в городе. Вместе с тем городское торгово-промышленное население разделено было на гильдии по размеру капитала. Торгующие с капиталом не менее 10 тысяч рублей составили первую гильдию, имеющие капитал от 5—10 тысяч — вторую; капитал не менее 1 000 рублей — третью; торговцы и промышленники, имевшие капитал меньше 1 000 рублей, составляли класс мещан. Для дел хозяйственных и полицейских в городе устроены были две городские думы: общая и шестигласная, оба учреждения — выборные. Общая дума имела распорядительное значение по городскому хозяйству и собиралась лишь от времени до времени, как наши земские собрания; шестигласная имела исполнительное значение подобно нашим земским управам и действовала постоянно.

Городское самоуправление действовало при Екате-

рине вяло и развивалось туго; причиной того была тяжелая рука губернаторов. Напротив, с большим успехом развивалось самоуправление дворянское. Введение губернских учреждений вызвало необычайное оживление в местном дворянстве. В трехлетние периоды выборы дворяне съезжались в губернские города и здесь среди пиров и увеселений производили выборы, устроили местное управление; обыкновенно этими увеселениями и пирами угощал съехавшееся дворянство свой же брат-губернатор. Эти дворянские съезды быстро сплотили местное дворянское общество. Припомните, что дворянство только недавно прибыло в губернию из продолжительной службы, из столичной казармы, уволенное по закону 18 февраля 1762 г. Явившись теперь, по получении чистой отставки, в местность, куда оно шло редко, дворянство долго не могло осмотреться, найтись среди местного общества. Введение губернских учреждений помогло ему скоро оглядеться и устроиться в губернии. Наблюдатели со стороны были поражены оживлением, которое приняла жизнь дворянства под влиянием новых учреждений. Эти наблюдатели даже преувеличивали потом значение этих учреждений. На губернаторских пирах, разумеется, дворянские языки развязывались; прислушиваясь к толкам и речам склоурия на этих оживленных сходках под руководством своего наибольшего, хотя и коронного чиновника, иностранные наблюдатели пророчили политическую беду для России. В одном французском мемуаре мы встречаем такую заметку: «Рано или поздно эти дворянские собрания подадут сигнал для революции».

ЛЕКЦИЯ LXXXI

Участие дворянства в местном управлении до Екатерины II. — Удовлетворение требований дворянства об участии в местном управлении. — Идеи Екатерины II и реформа местного управления. — Развитие крепостного права после Петра I. — Увеличение числа крепостных путем приписки. — Пожалование населенных земель. — Усиление власти помещиков над крестьянством в XVII и в начале XVIII в.

Участие дворянства в местном управлении до Екатерины II

Теперь попытаемся отдать себе отчет в значении губернских учреждений Екатерины. По закону местные губернские общества разделены были на два независимые друг от друга мира: дворянский — сельский — и городской — промышленный. Тот и другой пользовался самоуправлением, оба они были сложены в местные корпорации. Но городское самоуправление и после городской жалованной грамоты 1785 г. развивалось очень медленно. Напротив, если не с большим успехом, то с большою живостью действовало самоуправление дворянское. Почему дворянский мир действовал оживленнее городского промышленного? Потому что дворянство имело некоторую политическую подготовку к самоуправлению.

Это заставляет нас сделать краткий обзор истории дворянского самоуправления до Екатерины. В нашей литературе господствует мысль, что местные дворянские общества имеют недавний возраст, начали возникать не раньше областных учреждений Петра I; что

в старой Московской Руси служилые люди, из которых потом образовалось дворянство, связаны были по своей службе исключительно с центром, со столицей, и потому не имели связи с местными обществами, не участвовали в местном управлении и сами не были сложены в местные корпорации. Мысль эта совсем не оправдывается общественными явлениями в старой Московской Руси. Прежде всего мы встречаем слабое, правда, но важное по своему значению участие служилых людей — дворян в местном правительстве и общественной деятельности. Дворянство вместе с другими классами общества и до Петра выбирало главного блюстителя общественного порядка в провинции, в уезде — губного старосту, который преследовал разбойников, воров, вообще нарушителей общественного порядка. Этот уездный полицеймейстер выбирался всеми классами общества, но обыкновенно, по закону, из служилых людей. Значит, дворянству предоставлено было главное участие через своего собрата, губного старосту, в поддержании общественной безопасности. Далее, служилые люди уезда, как и люди посадские и местное духовенство, собирались, чтобы избирать депутатов на Земский собор, созывавшийся в XVII в. от времени до времени. Итак, у дворянства, кроме его государственной службы, привязывавшей его сословие к центру, были дела и на месте. Затем дворяне уже до Петра являются сложеными в довольно прочно организованные сословные корпорации, служебные общества. Связью, которая соединяла дворян в такие местные корпорации, были отношения служебно-землевладельческие. Служилые люди отбывали обязательную военную службу; средством для отбывания этой повинности служило землевладение, поместья и вотчины, которыми владели служилые люди. Эти отношения по службе и по земле и складывали уездных дворян в местные общества. Для устройства правильного отбывания службы и правильного исполнения служилых людей, они по уездам выбирали из своей среды окладчиков, показаниями которых руководилось центральное правительство в устройении служебного землевладения по каждому уезду. Эти коллеги окладчиков, обыкновенно вступавших в свою

должность с принесением присяги, были предшественниками последующих дворянских собраний с их уездными и губернскими предводителями. Впрочем, всякий раз, когда являлся в уезд столичный разборщик, производивший смотр уездному дворянству, съезжались в уездный город не только выборные окладчики, но и все дворяне для дачи показаний ревизору о том, как они служат, сколько за ними крестьян, земли, сколько у них детей, недорослей или взрослых, служат ли последние и т. д. Притом дворяне уезда ручались друг за друга в исправном отбывании службы. Это была тоже порука, которой связаны были городские и крестьянские общества; только эта порука была устроена иначе, чем в последних. Как известно, в сельских обществах порука круговая, т. е. все члены общества ручаются за каждого и каждый за всех. Дворянская порука устроена была не так: некоторые дворяне ручались только за некоторых, очевидно, по месту жительства, по соседству поместий и вотчин, один ручался, например, за троих, но и за него ручались трое и т. д., цепью. Вот почему эту поруку можно назвать в отличие от круговой крестьянской цепной, служилой. Если вы представите себе серьезные обязанности, которые лежали на дворянских обществах и их выборных окладчиках, серьезные интересы, которые регулировались при этих дворянских съездах в присутствии столичного ревизора, то вы поймете, что древнерусские дворянские корпорации были гораздо почтеннее по своему составу и серьезнее, чем дворянские собрания XVIII в. с их обедами и сладкими речами. Итак, уже до Петра служилые дворяне по уездам не только участвовали в местном управлении, в местной общественной службе, но связаны были в местные союзы, ничуть не менее крепкие сравнительно с союзами городскими и крестьянскими.

С Петра эти местные служебные союзы изменились, ослабли, потому что рядом с ними возникли другие. Служба и земля служилых людей в древней Руси устроены были по местности, каждый провинциальный дворянин служил преимущественно на своем месте, на той или другой границе или в том или другом уезде,

к которому был привязан службой и в котором находились его вотчины и поместья. Создание регулярной армии оторвало дворян от места. Прежде дворяне уезда при нападении неприятеля составляли гарнизон уездного города, в дальний поход шли уездным территориальным полком. Регулярные полки не имели такого территориального значения; они выбирались из людей без различия их места жительства, действовали они на одной границе, на которой шла продолжительная война, вдали от места, от уезда, где находились их имения. Теперь образовались взамен прежних местных союзов союзы полковые. Как мы знаем, дворяне составляли в регулярных полках их кадры, т. е. офицерство; каждый полк и каждая дивизия были своего рода военной корпорацией, т. е. офицеры полка, как и все офицеры дивизии, составляли известный союз, которому предоставлены были некоторые права. Это не были простые застольные или какие-нибудь иные товарищества, это были союзы, признанные правительством. Ober-офицеры полка назначались из рядовых (ибо дворяне начинали службу рядовыми) по выбору, по баллотировке и ручательству всех офицеров полка; выбор штаб-офицеров полка производился баллотировкой и по ручательству генералов и офицеров всей дивизии. Таким образом, рядом с прежними местными, служилыми, помещладельческими союзами теперь, с образованием регулярной армии, явились союзы военные.

Но и прежние местные союзы не были разрушены; Петр, напротив, поддерживал их. При Петре, как мы знаем, получило важное значение в государственном и народном хозяйстве служилое дворянское землевладельческое население. Жившие на дворянской земле крестьяне составляли главную массу податных налогоплательщиков. Землевладельцы были финансовыми и полицейскими орудиями высшего правительства по отношению к этим крестьянам. По указу о первой ревизии на помещладельцев наложен был обязательный полицейский надзор за их крепостными, ответственность за исправный платеж подушной подати. Дворяне-землевладельцы стали полицейско-финансовыми чиновниками своего правительства по отношению к своим кре-

стьянам, избавляя казну от огромных расходов, каких потребовало бы устройство полиции и финансового управления. Таким образом, дворяне, по службе оторванные от места, по землевладению оставались к нему привязанными. Это местное значение дворян выразилось и в той роли, какую Петр предоставил ему в губернском управлении. Мы видели, что дворяне выбирали из своей среды ландрата, советника при губернаторе, который вел дела по совещанию с ними в коллегиальном порядке; мы видели, что полицейский надзор в уезде по указам 1719 г. и дальнейших годов поручен был также уездному дворянству, которое из своей среды выбирало полицейского чиновника или уездного земского комиссара. Итак, местная деятельность дворянства не прекратилась с переводом его в регулярные полки, не имевшие местного, территориального характера. После Петра начинают падать образованные им военные союзы; это разрушение их объясняется постепенным освобождением дворянства от обязательной службы. Дворянство с каждым почти царствованием получало новые льготы по службе: сначала отпускались на побывку, потом ограничен был срок обязательной службы, наконец, законом 1762 г. оно было совсем уволено от службы. Таким образом, падал интерес, привязывавший сословие к столице, с одной стороны, с другой — усиливалась связь его с местом землевладения. Дворянство становится все более оседлым. Огромное количество земли принадлежало служилым людям до Петра на поместном праве, которое делало дворян временными владельцами их поместий. Петр, как известно, установил один порядок наследования для вотчин и поместий, стеснив право дворян располагать ими по завещанию. Императрица Анна, по вступлении на престол, в благодарность дворянству, поддерживавшему ее против притязаний верховников, указом 1731 г. отменила этот стеснительный порядок наследования, установленный законом 1714 г., предоставив дворянству завещать свои имения по усмотрению, но признав однородными все дворянские имения, поместья и вотчины — все обратив в полную наследственную их собственность. Вот минута, с которой поместье стало значить вотчина, т. е. наследст-

полное имение, принадлежащее владельцу на правах полной собственности. Этот закон окончательно сделал дворянство оседлым классом, а не временным владельцем своих земель. Все это отрывало дворянство от центра и привязывало к уезду, к местному миру, к землевладению. Прежде дворянин был больше служилый человек, чем землевладелец, теперь он стал землевладельцем, перестав быть служилым человеком. Сообразно с этими изменениями государственного положения изменились и политические вкусы сословия. Припомните, что дворянство после Петра через свою гвардию неоднократно делало правительство. Вместе с обязательной военной службой эта политическая роль, приобретенная дворянством в дворцовых переворотах, привязывала политические стремления сословия к столице, к двору; поэтому в дворянстве развилось желание принимать участие в делах высшего центрального правительства, развились политические вкусы, привязанные ко двору. Посмотрите, например, на то, чего желало дворянство, которое уничтожило ограничение власти императрицы Анны. Вы думаете, что сословие стоит за полный абсолютизм? Ничуть. Оно уничтожило условия ограничения верховной власти, навязанные верховниками, но оно желало принимать деятельное участие в делах высшего правительства. В просьбе, в которой дворянство просило императрицу принять власть, оно выражало желание избирать из своей среды членов Сената и Верховного тайного совета, а также и президентов коллегий, т. е. выражало желание, чтобы центральное управление устроилось с участием дворянства, о местном управлении дворянство не промолвило ни слова; очевидно, местные отношения, провинциальные интересы его нисколько не занимали.

Переходим к Комиссии 1767 г. и здесь встречаем настойчивое выражение совсем иных политических стремлений сословия. Дворянские депутаты не говорили ничего о своем отношении к центральному правительству, не вмешивались в его дела. Самые горячие защитники дворянских интересов, находившие, что дворянство по самому своему государственному значению должно быть правящим классом общества, даже такие

Удовлетворение требований дворянства об участии в местном управлении

горячие защитники дворянских прав, как князь Щербатов, не промолвили ничего об участии дворян в центральном управлении; все их политические стремления связаны с уездом. «Дайте нам в руки уезды», — вот чего требовало дворянство в Комиссии, «и дав нам в руки уезды, правьте, как знаете, столицей». Дворянские депутаты выразили потом желание устроиться в местные, уездные общества, выбирать из своей среды уездного блюстителя общественного порядка, даже выбирать из своей среды уездного управителя, воеводу. Так изменились политические вкусы сословия; очевидно, эта причина произошла вследствие перемен в положении дворянства; оно теперь стало свободно от службы, теперь оно уселось в своих имениях и желало руководить местным управлением. Легко заметить, какие интересы удовлетворялись губернскими Учреждениями 1775 г. с дополнительной к ним дворянской жалованной грамотой. Эти губернские Учреждения признали и закрепили стремления дворянства руководить местным управлением и несколько не определяли отношения сословия к центральному правительству, к верховной власти. Губернские Учреждения исполнили то, чего желало сословие, облекли в Учреждения эти заявленные дворянством стремления. Значит, губернские Учреждения были завершением того местного устройства дворянства, к какому оно стремилось издавна. Чтобы запомнить все моменты в этом ходе развития местного значения сословия, я уложу его в такие краткие формулы. До Петра дворянство служило, не правило, служило в центре и в провинции. При Петре дворянство служило в центре и начинало править в провинции. С изданием губернских Учреждений 1775 г. дворянство не служило ни в центре, ни в провинции, но правило провинцией. Эти формулы и помогут вам запомнить три главные момента в развитии местного правительственного значения дворянства. Запомнить эти моменты необходимо, потому что правительственное значение дворянства как руководящего класса в местном обществе — один из крупнейших фактов в нашей политической и общественной истории последних столетий.

При чем же были в губернских Учреждениях 1775 г. политические идеи Екатерины? Эти идеи закрепили старый и важный факт нашей истории, когда не только у нас в России, но и на Западе не было помину об этих идеях. Что принадлежит этим идеям, т. е. политическим учебникам Екатерины, в Учреждениях 1775 г.? Одна техника, выработка административных и судебных форм, со строгим разделением ведомств, с учреждением разных судебных инстанций и т. д. Техника, формы — вот что принадлежит законодательнице. Политическое содержание тех отношений, которые скрывались за этими формами, было в них выражено и скреплено — все это нисколько не принадлежало книжкам, которыми руководилась создательница законов. Так и здесь встречаем тот же ход, те же приемы деятельности, какие мы видели в других предприятиях Екатерины. В устройстве местного управления, как и во всем, впереди шла идея, заимствованная со стороны, чуждая русскому обществу, но привлекательная для его вершин, а под покровительством этой идеи развивался и закреплялся старый, очень старый факт нашей истории, не имевший с этими идеями ничего общего. Политические идеи Екатерины, т. е. ее политические учебники, не остались безучастны в губернских Учреждениях: они оказали заметное влияние на техническую выработку этих Учреждений, на их формы, постановку и взаимные отношения и даже внушили идею некоторых из них, правда, второстепенных, имевших очень незначительное действие на ход дел. Это влияние сказалось в строгом разделении ведомств, в очертании пределов деятельности учреждений, в сложном механизме судебных инстанций, в началах, на которых построены были совестные суды и приказы общественного призрения и т. п. Но политические отношения, скрывавшиеся за этими формами, социальные интересы, которые ограждались этими учреждениями, не были созданы Екатериной, а подготовлены издавна нашей историей. Таково значение этих учреждений по отношению их к управляемому обществу. Какое значение имели эти учреждения в истории нашего управления, административно-судебного ме-

Идеи Екатерины II и реформа местного управления

ханизма? Развитая техника этого механизма, тонко очерченные сложные формы его не были большим шагом вперед в истории наших учреждений по многим своим особенностям. Во-первых управление хорошо тогда, когда оно во всех своих частях, в центре, как и в провинции, построено на одних и тех же началах. Губернские Учреждения 1775 г. усилили, если не ввели противоречие начал центрального и областного управления. Центральное управление при Екатерине оставалось, как прежде, чисто бюрократическим, действовало без всякого признанного законом участия общества; напротив, областное управление стало более прежнего сословным, шло при деятельном участии двух классов общества, впрочем, с решительным преобладанием одного из них — дворянства — над другим.

Далее, губернские Учреждения 1775 г. установили несоответствие между правами классов и их обязанностями. Прежде дворянство обязательно служило и пользовалось за то некоторыми правами; теперь оно перестало служить, но стало пользоваться большими правами, стало править местным обществом тогда, когда перестало служить государству. Так нарушено было основное требование политической правды, равновесие между правом и обязанностью. В-третьих, губернские Учреждения стали в противоречие с признанными Екатериной началами: сословно-судебные учреждения, ею устроенные, противоречили ее же собственному Наказу, чтобы люди всех состояний судились и управлялись себе равными. Мы видели, что местное общество управлялось и судилось людьми одного класса — дворянством. Наконец, губернские Учреждения, благодаря их техническим особенностям, ввели необыкновенную сложность в местное управление. Вы видели, сколько построено было разных административных, финансовых и судебных мест. Там, где прежде действовало 10—15 чиновников, теперь явилась сотня; где действовало одно учреждение, теперь их явилось 10. Это увеличивало дороговизну администрации, а дороговизна администрации сама по себе, независимо от исправного ее действия, есть уже верный недостаток. Таково значение этих учреждений. Теперь от административных

Преобразований мы перейдем к изучению общества, так оно было устроено законодательством Екатерины.

Важнейшие интересы государства были связаны с двумя классами общества — дворянством и крестьянством. С изучения положения этих двух классов мы и начнем изучение положения общества в царствование Екатерины. Правительственная роль, указанная дворянству в местном управлении Учреждениями 1775 г., опшывалась на землевладельческом значении дворянства, на положении его в селе. Огромное большинство подушных плательщиков состояло из крестьян, живших на дворянских землях. Большинство местных уездных обывателей связано было с дворянами-землевладельцами частными поземельными отношениями независимо от правительственного значения дворянства. Дворянство потому и стало руководить местным управлением, что в его руках находилось наибольшее количество местного населения.

Отношения, существовавшие между дворянами-землевладельцами и жившими на их землях крестьянами, выражались в одном термине: *крепостное право*. На истории этого права я и остановлю ваше внимание; им и определяются государственное положение и взаимные отношения обоих классов. Мы знаем, какая перемена произошла здесь в положении крестьян со времени первой ревизии: холопы были привлечены к государственной повинности вместе с крестьянами. Это одна перемена, внесенная или закрепленная указом первой ревизии. В отношении как холопов, так и крестьян к землевладельцам теперь стало вмешиваться правительство, тогда как прежде, определяя положение податных крестьян, правительство не вмешивалось в отношения холопов к господам, потому что холопы составляли их частную собственность. Таким образом, перемена, происшедшая в положении сельских классов — холопов и крестьян, состояла в известном новом сочетании юридических особенностей, какими отличались оба класса, в известном обмене юридических признаков. Крестьяне были прежде податными плательщиками, но не были личнокрепостными. Холопы были личнокрепостными людьми, но не были податными плательщи-

Развитие
крепост-
ного пра-
ва после
Петра I

ками. Теперь податная подать с крестьян была распространена и на холопов, зато личная крепость холопов распространена была на крестьян. Из соединения этих особенностей и образовалось новое юридическое состояние, которое и обозначается термином *крепостные души*. Крепостное право после Петра со времени первой ревизии развивается в двух направлениях: количественно и качественно, т. е. постепенно становится все больше людей в положении крепостных и в то же время усиливается власть господина над крепостными людьми. Мы проследим оба эти процесса.

Увеличение числа крепостных путем приписки

Крепостное население размножалось двумя юридическими способами: припиской и пожалованием. Путем приписки в крепостное состояние зачислялись постепенно мелкие общественные слои, которых не захватила в подушную перепись первая ревизия. В дальнейшие ревизии, которые обыкновенно производились через 20 лет, все люди, не имевшие определенного занятия, постоянного места жительства, постепенно записывались за учреждениями или лицами и попадали в крепостную зависимость. Так, указами дальнейших ревизий велено было записывать за кем-либо, кто пожелает, непомявших родства и бродяг, вольноотпущенных, т. е. бывших холопов, нищих, незаконнорожденных, пленных инородцев, солдатских детей и т. п. Даже малолетние дети вольноотпущенных, оставшиеся без родителей, записывались в крепостное состояние за тем, кто пожелает их принять, если они не старше 10 лет и не могли сказать, кому служили их родители. Значит, правительство стремилось записывать за учреждениями или лицами всех, кого в древней Руси называли гулящими людьми, кто не пристроился к какому-либо общественному состоянию. Легко понять, какое обширное поле для злоупотреблений открывает это распоряжение правительства, как много лиц попадало в крепостные, какое множество детей заштатных священнослужителей было записано за помещиками. Сенат, руководитель управления, смотрел сквозь пальцы на эти злоупотребления, действуя в интересах того условия, к которому принадлежали его члены; так, например, когда появилось много жалоб на незаконную

приписку после второй ревизии, производившейся в царствование Елизаветы, Сенат постановил оставить все эти жалобы без последствий и запретил всем записанным в ревизские сказки жаловаться на незаконность приписки. Таким образом, множество лиц и семейств, которые по своему общественному положению не принадлежали к крепостным, попали в крепостное состояние. Этим правительство XVIII столетия продолжало старую работу Московского правительства XVII в., работу чистки общества, уничтожения переходных слоев, которые оставались в промежутках между главными классами. Правительство хотело стянуть общество в три замкнутые класса, не говоря о духовенстве: в дворянство, городское состояние и крепостное крестьянство.

Еще сильнее действовало в количественном развитии крепостного состояния пожалование, т. е. дача земель с прикрепленными к ним людьми в частную собственную. Обыкновенно обширные казенные и дворцовые земли с крестьянами служили источником этой раздачи. Пожалование было продолжением старых поместных дач. Что значили тогда эти дачи, как они назывались, т. е. что давалось во владение?

Прежде, когда крестьяне не были еще прикреплены к земле, владельцу давали только землю; когда с Уложением крестьяне были прикреплены к земле, владелец, получивший поместную дачу, получал собственно помещельный оброк с прикрепленных к земле крестьян. Когда поземельное прикрепление превратилось в крепостную личную зависимость, пожалование получило другой характер. Поместная раздача прекратилась с Петра, так как поместья и вотчины смешались в один род землевладения. Теперь, следовательно, человек, получивший населенную землю, получал во владение рабочие руки вместе с землей, на которой они работали. Эти пожалования совершались по различным побуждениям. Земли с крестьянами жаловались за государственные заслуги, даже просто за службу наряду с денежным жалованьем или как пополнение жалованья; так, например, по указу 1737 г. правительство, желая прикрепить к службе на горных казенных заводах офицеров-техников, назначало в пополнение к денежному

Пожалование
населенных
земель

жалованью офицерам из дворян по 10 крестьянских дворов, что равнялось тогдашним, круглым числом, 40 душам, офицерам из разночинцев, не дворянам, вполнину меньше, но с тем, чтобы эти офицеры и их дети оставались всегда служить на заводах. Таким образом, и служба при заводе, как и владение пожалованными дворами, становилась наследственной. Далее, земли с крестьянами раздавались по разным менее уважительным причинам: например, «на крест» «на зубок» новорожденному, «для увеселения», как выражалась грамота графу Румянцеву на пожалование вотчины, на стол и т. п. Каждая война сопровождалась раздачей населенных земель массами; каждая победа обходилась русскому обществу в известное количество крепостных душ. Но особенно часты и значительны были пожалования по фавору, по случаю, т. е. любимцам; эти любимцы, случайные люди, часто очень бедные, получали обширные земли с множеством крестьянских душ. Крупнейшие состояния XVIII в. образовались путем таких пожалований. В царствование Петра роздано было более 177 тысяч крестьян, и это было очень немного сравнительно с позднейшими пожалованиями. Князь Меншиков, сын дворцового конюха, завершил свою государственную службу землевладельцем, имевшим до 100 тысяч крестьян; известный А. Г. Разумовский, простой казак, тоже сделался крупным землевладельцем путем пожалований; граф Кирилл Разумовский также владел почти сотней тысяч душ; даже казаки, женившиеся на сестрах Разумовского, на дочерях известного в Малороссии Разумовского, содержателя питейного заведения, сделались землевладельцами; зятями Разумихи были ткач Будлянский, портной Закревский, казак Дараган, у сына Будлянского в царствование Екатерины было три тысячи душ крестьян, приобретенных путем пожалования отцу. Каждое вступление на престол, обыкновенно соединенное с переворотом, также сопровождалось щедрыми раздачами населенных имений. Вступление на престол Екатерины II стоило государству 18 тысяч душ, розданных разным сподвижникам; вступление на престол императора Павла сопровождалось раздачей до 100 миллионов десятин

помли с 100 тысячами крестьян, вот во что обошелся один день 5 апреля 1797 г., когда короновался Павел. Особенно щедро раздавала земли Екатерина своим фаворитам, офицерам и не офицерам. Потемкин, бедный смоленский дворянин, который в молодости мечтал оставить карьеру путем монашества, говорит, имел в конце своей деятельности до 200 тысяч душ, приобретенных преимущественно путем пожалования. Теперь приведены в известность неполные цифры крестьян, розданных Екатериной в частное владение, преимущественно из дворцовых; цифра эта достигает 400 тысяч ревизских душ, следовательно, до миллиона людей всех возрастов. Нет достаточно данных, чтобы считать, в какой степени увеличилось крепостное население в государстве путем обоих указанных средств — приписки и пожалования, но несомненно, что к концу XVIII в. Россия была несравненно более крепостной, чем какой она была в начале столетия.

Теперь обратимся ко второму процессу — к качественному развитию крепостного права, т. е. к ходу усиления помещичьей власти над крепостными людьми. Это очень трудный историко-юридический вопрос. Что такое крепостное право и как оно сложилось? Как возникла и определилась власть помещика над крепостными людьми? Ответить на это довольно трудно по известным нам данным. Если бы спросить об этом людей XVIII в., знающих законы и отечественную историю, они были бы затруднены не менее нас. Закон нигде не постановлял прямо, какую власть имеет землевладелец над крепостными людьми. Следовательно, надо брать фактические явления, чтобы составить себе понятие о крепостном праве. Власть помещика, по закону, слагалась из двух элементов согласно с двояким значением дворян-землевладельцев. Дворяне-землевладельцы по отношению к своим крестьянам были: 1) ответственными полицейскими и финансовыми управителями, обязательно наблюдающими за порядком между крестьянами и собирающими с них казенные подати; 2) они были землевладельцами, которые облагали живших на их земле крестьян оброком за землю, которой те пользовались. Оба эти значения землевладельцев-дворян можно опреде-

Усиление
власти помещиков
над крестьянами
в XVII и
начале
XVIII в.

лить по закону. Но к этим двум элементам власти — элементу полицейско-правительственному и элементу землевладельческому — присоединялись и некоторые другие; так, например, землевладелец как полицейский надзиратель судил своих крестьян и наказывал за проступки; это был старинный обычай, признанный древнерусским законодательством, что с землевладением соединялась известная юрисдикция, право суда над крестьянами, обрабатывающими землю. Здесь землевладелец являлся судебным органом правительства. Но в XVII столетии помещичья юрисдикция ограничивалась собственно крестьянскими делами гражданского характера, не простираясь на дела уголовные; притом крестьяне имели право жаловаться на незаконное обращение землевладельцев с ними. О праве жалобы говорит прямо подьячий XVII в. Котошихин, надобно думать, хорошо знавший правительственные судебные порядки.

Далее, крестьяне по Уложению были прикреплены к земле, и так как множество земли не принадлежало помещику на праве полной собственности, то ясно, что закон и не отдавал живших на этих землях крестьян в частную собственность землевладельцу. Но мы видели, что вскоре после Уложения начались отклонения от установленного порядка отношений землевладельца к крестьянам. И само Уложение часто оправдывало эти отклонения. Как мы знаем, оно непоследовательно проводило принцип поземельного прикрепления крестьян; в интересах казны закон запрещал отрывать крестьян от земли, переводить из поместья в вотчину: многие землевладельцы всех крестьян со своих временных владений перетасили бы на свои наследственные земли, но обратного перевода крестьян Уложение не запрещало, как и не запрещало отпускать вотчинных крестьян на волю, запрещая только отпускать на волю крестьян поместных. Таким образом, вотчинники получили право обезземеливать крестьян, отпуская их на волю; в XVII в. это было бы хозяйственной тупостью, но в XVIII в. положение дел изменилось. С другой стороны, как-то незаметно и трудно даже проследить по актам, как вскоре после Уложения крестьян стали менять, продавать без земли, как будто закон и не при-

креплял их к земле, как будто они были личнокрепостными холопами. Правительство даже стало признавать такую незаконную продажу, и Петр застал такое положение дел в селе, что даже не нашел возможным прекратить продажу крестьян не только без земли, но и в разбивку с семейством. В инструкции Сенату 1721 г. Петр внушал сенаторам, чтобы они при составлении нового уложения приняли меры пресечения этих продаж без земли, «буде же это невозможно, то запретить, по крайней мере, продажу в розницу, как продают скот», т. е. Петр выразил только свое отчаяние поправить положение дел, ибо несмотря на свой авторитет законодателя, он советовал, а не приказывал. Да и сам Петр незадолго перед тем косвенно поддержал торговлю крестьянами без земли: в 1720 г. указом он разрешил купечеству и другим вольным людям не из шляхетства вместо себя ставить в военную службу подставных рекрутов, покупая для того людей. Дворянство, особенно мелкопоместное, пользуясь этим указом, устроило настоящую торговлю рекрутами, которая стала очень выгодной операцией их сельского хозяйства.

В таком положении оставил дело Петр. Ревизия его не определила точнее отношения обоих классов; в указе о ревизии обеспечивались казенные интересы, т. е. определялись только те отношения землевладельцев к крестьянам, которые касались этих интересов. Юридическая сторона дела не занимала Петра. Вот почему в указе мы не находим определений ни границ власти помещика над крестьянами, ни тяжести повинностей последних по отношению к первым. Но в указе, который Петр формулировал вообще наспех, точно, встречаем выражения, которые могли подать повод к широким притязаниям помещиков. Указы о ревизии не отдавали крестьян в собственность землевладельцам, не делали их сельскохозяйственным инвентарем последних наравне со скотом, рабочими орудиями и так далее; однако указ гласил, что всем, попавшим в ревизские сказки, «быть вечно за тем, за кем записаны», что «владельцам владеть ими вечно». На основании этих неопределенных указов первой ревизии и развивается широкая власть землевладельцев над крестьянами.

ЛЕКЦИЯ LXXXII

Крепостное право в XVIII столетии. — Власть помещика над личностью крестьянина. — Право землевладельца на труд крестьянина. — Крепостное право не было установлено законом. — Источники крепостного права. — Задачи, стоящие перед Екатериной II. — Крепостное право на Украине. — Законодательство Екатерины II о крепостных крестьянах.

Власть помещика над личностью крестьянина

Нам предстоит теперь разъяснить вопрос, как сложилась, во-первых, власть помещика над личностью крестьянина, и, во-вторых, его право хозяйственного распоряжения крестьянским трудом. Как мы знаем, еще в XVII столетии землевладелец имел право судить и наказывать крестьян. С введением подушной подати к этому присоединилось и право полицейского надзора над крестьянами. Законодательство XVII в. не определяло точно границы власти помещика над личностью крестьянина, но и законодательство XVIII в. также не заботилось об этом определении пределов помещичьей юрисдикции. Легко видеть основание, на котором держалась судебно-полицейская власть помещика: этим основанием было правительственное поручение. Правительства нашло удобным сделать помещика судьей и полицейским наблюдателем над крестьянами, и только. Разумеется, это поручение по смыслу своему не отдавало крестьян в собственность землевладельца, не уничтожало личных прав его, как судья в наше время не уничтожает наших личных прав. Вот

почему еще в конце XVII столетия, как и в начале XVIII, крестьянин признавался лично свободным, имеющим право собственности, распоряжающимся ею по своему усмотрению. При Петре, как и при его ближайших предшественниках, крестьянин имел право наниматься на работу к чужому землевладельцу, занимать деньги под обеспечение своего имущества, брать на себя казенные подряды; все это было бы невозможно, если бы за крестьянином не признавалось права собственности на его имущество.

Но требования полицейского порядка рано стали теснить право крестьян распоряжаться своим трудом и имуществом. Свободный уход крестьянина для работы на стороне мог иногда принимать вид бегства, если он совершался без согласия землевладельца. Этот побег мог лишить и казну плательщика, если бы последний скрылся неведомо куда. Вот почему правительство уже в XVII в. стало требовать, чтобы крестьяне уходили от землевладельца на работу с каким-нибудь свидетельством, с отпускными билетами, так, чтобы наниматель их не был «приемщиком беглых», т. е. не принял бы беглого крестьянина на свою работу. При царе Федоре и после стали требовать, чтобы крестьяне, уходя на сторону, брали с собою либо *поручные записи*, в которых было бы засвидетельствовано, что они не бежали, а уходили на работу и воротятся на родину, либо *кормежные памяти*, как назывались отпускные билеты, выдаваемые помещиками крестьянам. Кормежная память — своего рода паспорт, в котором значилось, что крестьянин уходит работать на сторону, чтобы кормиться. При Петре постановлено было, чтобы всякий крестьянин, отлучавшийся из вотчины или поместья, брал с собою выданный землевладельцем паспорт.

Далее, помещик не имел права вмешиваться в семейную жизнь крестьянина, но семейные отношения крестьян были тесно связаны с их хозяйственным положением, а хозяйственное положение близко касалось землевладельца, на земле которого жили крестьяне. Сын крестьянина уже достигал возраста, когда он мог жить своим особым хозяйством, т. е. был особой платежной единицей, но он не хотел жениться, обяза-

вестись семьей; помещик в таком случае понуждал его стать семьянином и основать особый двор. Это было выгодно и казне, которая в отделившемся сыне получала новую податную единицу при господствовавшем тогда подворном обложении. Отсюда понемногу утвердился обычай, в силу которого семейная жизнь крестьян становилась под надзор помещика вместе с их жизнью хозяйственной. В XVIII в. помещики присвоили себе право женить своих крестьян; жениться последним не полагалось без разрешения землевладельца; девица, выходя замуж за крестьянина другого поместья или вотчины, должна была получить увольнительное свидетельство от своего прежнего владельца, который брал за это деньги. Судебная и полицейская власть помещика не делала крестьянина его собственностью, не давала ему права располагать им, как другими статьями своего хозяйства, например, земледельческими орудиями, рабочим скотом, но закон позволял помещику за своего крестьянина, убитого крестьянином другого помещика, брать с последнего в вознаграждение либо убийцу либо другого крестьянина. Это было формой вознаграждения имущественного вреда, нанесенного владельцу, но легко понять, что здесь крестьянин становился в положение рабочего скота, и закон давал повод смотреть на него, как на собственность.

Благодаря этому смешению различных отношений, т. е. смешению прав собственника-землевладельца и прав правительственного судебно-полицейского агента, и развились в XVIII в. широкие притязания землевладельца на личность крестьянина. До Петра, как прямо говорил закон, помещик судил крестьян только в их крестьянских делах и не имел права судить и наказывать их в делах уголовных. По Уложению, если помещик убьет своего крестьянина, совершившего разбой, то лишался поместья и платил вознаграждение за вред, причтенный разбойником; если это совершал служилый человек беспоместный, то его, по закону, били кнутом и из имущества также вознаграждали потерпевших от разбоя. В XVIII в. землевладельцы как правительственные уполномоченные начинают присвоить себе и уголовную юрисдикцию над крестьянами, применяя широко

право наказывать крестьян за их проступки и преступления. В 1727 г. отменено было важное право дворовых людей поступать на военную службу, не спрашиваясь у своих господ; теперь дворовый человек не мог без позволения господина записаться в военную службу; кто просил об этом без разрешения господина, того велено жестоко наказывать и возвращать владельцу. При Елизавете расширено помещичье право наказания крестьян; по указу Елизаветы 1760 г. помещик мог за «продерзостные поступки» сослать своего крепостного на поселение в Сибирь. Это право выходило, впрочем, из казенного соображения: путем этим хотели усилить колонизацию Сибири; закон прямо говорил, что «этого и государственные требуют интересы, понеже в Сибири состоят к поселению и хлебопашеству удобные места». Это право, впрочем, обставлено было известными условиями. Так, помещик получал за ссылаемого рекрутскую квитанцию, т. е. ссыльный являлся как бы рекрутом, исполняющим невольно государственную повинность. Ссылать можно было на поселение здоровых молодых людей, не старше 45 лет, иначе помещик всех старых отправлял бы в Сибирь и получал бы за них рекрутские квитанции. Далее, по церковному закону жена была неразлучна с мужем и должна была следовать за ним в Сибирь, но малолетние не отделившиеся дети могли быть оставлены помещиком, разлучены с родителями. Если помещик отпускал их со ссыльными, он получал за это вознаграждение по установленной таксе, которая, очевидно, должна была служить косвенным побуждением для помещика отпускать и малолетних детей. Выгода, предоставляемая этим законом помещику, была не особенно велика. Он считался рабочей семьей. Далее, ссыльный в Сибири становился свободным и не мог быть возвращен из ссылки господином. Вот почти все, что находим в законодательстве XVIII в. о власти помещика на личность крестьянина.

Теперь рассмотрим право землевладельца распоряжаться крестьянским трудом. По Уложению крестьянин прикреплен к земле и содержит своего землевладельца, обязанного к постоянной государственной службе, к

Право землевладельца на труд крестьянина

военной повинности. Но Уложение уже допускает случаи, когда крестьянин мог быть оторван от земли. Благодаря этой нетвердости закона уже до Петра развило широкое право своза и продажи крестьян, т. е. право переселять крестьян из одного имения в другое и отчуждать их отдельно от земли посредством мѣны, продажи, завещания. В конце XVIII столетия крестьян перевозили уже без видимого стеснения со стороны правительства. При Петре своз еще обставлен стеснительными условиями, вызванными казенными интересами. Так, желавший переселить крестьян подавал о том прошение в Каммер-коллегію, в ведомство государственных доходов. Коллегія разрешала перевоз, но с условием, чтобы помещик за свезенных платил подушную подать до новой ревизии по старому их местожительству. После Петра это стеснение было отменено. В сенатском указе 1762 г. читаем, что это учреждение, «изобретая к удовольствию владельцев легчайший способ», позволяет им перевозить крестьян, подавая о том лишь простое заявление в местные учреждения, не обращаясь к центральной Каммер-коллегіи.

Наиболее противный характер крепостному праву сообщало право продажи крестьян без земли и в розницу; этот обычай всего больше делал крепостных похожими на рабов. Право это, или скорее обычай, было широко развито до Петра, и как оно развилось, какие интересы его вызвали и укоренили, сказать довольно трудно. Однако, Петр уже считал себя бессильным искоренить этот обычай и, как я уже заметил, в инструкции Сенату 1721 г. только *советовал* внести в новое уложение постановление, которое стеснило бы право продавать крестьян без земли, в розницу, детей отдельно от родителей. После Петра не видим ни одного узаконения до Екатерины, которое было бы направлено против этого обычая. Крестьян продают без земли, разбивая семейство, без всякого возражения со стороны правительства.

Мы видели, что еще при Петре крестьянин признавался собственником своего имущества, которым он мог располагать независимо от владельца. После Петра это право крестьянина на свое имущество практически стесняется владельцем, но не определяется законодатель-

ством. Самовольное распоряжение имуществом, например, сельскохозяйственным инвентарем, могло часто затрагивать интересы землевладельца, который поэтому иступался в некоторые хозяйственные операции крестьян. Но законодательство не определяло границ, на которых должно было остановиться это вмешательство землевладельца в хозяйственные дела крестьян. Точно так же не было никогда определено законом, какое количество крестьянского труда может землевладелец требовать с крестьянина в свою пользу за землю, которую обрабатывал крестьянин. До Петра это было предоставлено борьбе спроса и предложения; крестьянин предлагает свой труд, землевладелец предлагает землю. Обобщенным соглашением выгоды и определялось количество повинностей и платежей, какие падали на крестьянина за пользование чужой землей. Так как землевладельцы нуждались в рабочих руках, то во многих местах складывались очень льготные для крестьян хозяйственные отношения к землевладельцу. Если землевладелец был слишком требователен, то крестьяне бежали; у правительства было слишком мало полицейских средств мешать этим побегам. Всем этим устанавливались сносные отношения между обеими сторонами. В XVIII в. положение дел изменяется. Теперь нужно было более точное определение помещичьего права на крестьянский труд, особенно после изменения системы прямых налогов, т. е. с введения подушной подати. Однако ни при Петре, ни после законодательство даже не ставило вопроса о том, сколько платить или работать обязан крестьянин на помещика за его землю; как мы увидим, в первый раз правительство попыталось определить эти отношения лишь в царствование Павла.

Точно так же законодательство XVIII в., как и XVII, ничего не говорит об обязательном земельном обеспечении крестьян землевладельцем, не было закона, который указывал бы, какой участок земли и угодий обязан отводить землевладелец крестьянам. В старой Руси не было нужды в таком определении; помещик, как и правительство, был бы рад, если бы крестьянин попросил больше земли для обработки, но крестьяне,

которые платили прежде с земли, старались обрабатывать как можно меньше пашни, чтобы платить меньше. Правительство, зная, что ни у него, ни у помещика нет средств заставить крестьянина пахать много, не вмешивалось в это дело. Крестьянин брал себе участок по силам, обрабатывал его и пользовался обширными угодьями луговыми и лесными, которыми мало дорожил землевладелец. Такой порядок дел нам будет совершенно понятен, если мы припомним, что в огромном большинстве частных имений в XVI и XVII вв. разве $\frac{1}{10}$ доля земли обрабатывалась; встречались имения, в которых обрабатывалась меньшая доля, например $\frac{1}{20}$; встречались пропасть имений, в которых не обрабатывалось ни одной десятины. Но в XVIII в. была принята важная мера, служившая косвенным побуждением для крестьян пахать больше, — подушная подать, которая, оставаясь однообразной для крестьян много или мало пашущих, разумеется, заставляла их пахать больше. Итак, вопрос об обеспечении крестьян землей даже не возникал в продолжение XVIII в. Так, рассмотрев существенные стороны отношений землевладельца к крестьянам, мы находим, что законодательство игнорировало их, не ставило для них точных определений. Законодательство определило лишь одну сторону этих отношений — ту, которую крестьяне были обращены к казначейству. Оно старалось определить отношения землевладельцев к крестьянам настолько, чтобы этими определениями обеспечивался казенный интерес, чтобы исправно собиралась подушная подать с крепостных людей. Поэтому в законодательстве Петра, как и его преемников до Екатерины II, встречаются частные указания разрешения отдельных затруднений, особенно для казны, возникавших из отношений обеих сторон сельского общества. Но правительство не ставило общих оснований, не вносило в сельские отношения права; поэтому на вопрос, создано ли было законом крепостное право, как мы его знаем, надо ответить: нет. Закон не выражал прямо всех тех прав землевладельца на крестьян, которые входят в состав крепостного права. Законодательство нигде не признавало крестьян просто частною собственностью землевладельца,

оно и не могло признать за ними такого значения, потому, что крестьяне были государственными плательщиками. Значит, если бы мы спросили, существовало ли крепостное право по закону около половины XVIII в., мы должны были сказать: нет; нельзя собрать в памятниках законодательства достаточного основания для другого ответа — закон нигде прямо не признавал землевладельцев частными собственниками своих крестьян, хотя и предоставлял им как правительственным орудиям и полицейским наблюдателям широкую власть над крестьянами.

Между тем, с начала царствования Екатерины мы встречаем в правительственной среде ряд неожиданностей. Екатерина в Наказе своем, между прочим, замечает, что «не может земледелие там процветать, где никто не имеет ничего собственного» (ст. 295). Екатерина разумела крестьян, т. е. крестьяне, по ее взгляду, не имели права собственности. Как это случилось? Когда закон объявил имущество крестьян собственностью землевладельца? Никогда. А между тем Екатерина признает факт, что в ее время имущество крестьян принадлежит землевладельцам. Она скорбит об этом давно; но отчего она не попытается справиться, на чем основан такой порядок, не пошлет порыться в старых законах, где имущество крестьян объявлено было собственностью землевладельцев? Не сделав такой справки, она только старается предотвратить вредные последствия этого факта. В том же Наказе она замечает, что закон может «учредить нечто полезное и для собственного рабов имущества» (ст. 261). Она хочет сказать, что закон может несколько оградить право рабов на имущество. Под этими рабами разумелись крепостные люди, дворяне, как и крестьяне. Каким образом могло случиться, что крестьяне стали называться рабами? Раб, по древнерусскому праву, — частная собственность господина и как такая собственность не несет на себе никаких государственных повинностей; лошадь не платит податей, так не платит и раб, но крестьяне платят подать, составляют массу армии, защищают государство. Каким образом носительница верховной власти называет этих государственных деятелей рабами? Очевидно, она опять

Крепостное право не было установлено законом

признавала факт: рабами считали крестьян в общезнании. Комиссии 1767 г. представлен был наказ от Юстиц-коллегии, в котором выражалось желание, чтобы издан был точный закон о том, как поступать с помещиком, от побоев которого умер крестьянин. Мы опять с изумлением спрашиваем: разве не было такого закона, что ведомство юстиции требует нового? В XVII в. по Уложению и по другим законам за убийство крестьянина землевладелец наказывался так же, как за убийство всякого вольного человека. Каким образом могло случиться, что одно и то же преступление иначе вменялось землевладельцу? Далее, один из депутатов Комиссии, говоря о положении крестьян, требовал, между прочим, чтобы признано было за крестьянами некоторое право собственности на приобретенное ими имущество. Четвертая неожиданность. Еще при Петре крестьянин признавался способным брать казенные подряды, т. е. отвечать перед казной собственным имуществом. Каким образом в законодательном собрании никто не возразил, что закон никогда не отменял этого права, что поэтому нет надобности законодательству признавать крестьян правоспособными? Значит, на деле они давно перестали быть правоспособными. Таково было положение дел; когда законодательство с начала царствования Екатерины стало думать об отношениях землевладельцев к крестьянам, вдруг оказалось, что крестьяне составляют частную собственность землевладельцев. Это совершилось без ведома правительства, помимо действующего закона.

Источники крепостного права

Теперь мы и подошли прямо к вопросу о том, как и из какого источника развилось крепостное право, как оно получило тот склад, в каком перешло из XVIII в. в XIX. Я сейчас дам ответ на этот вопрос.

Повторю юридическое определение крепостного права, какое можно сделать на основании законодательства до половины XVIII в. Это право слагалось из двух элементов: 1) из власти помещика над крестьянами, какую он имел как судебноправительственный уполномоченный; эта власть не была его собственностью, а была следствием правительственных поручений; 2) оно слагалось из права помещика как землевладельца на труд

крестьянина, пользовавшегося его землей; это право было такой же собственностью, как и самая земля, как всякая статья помещичьего хозяйства. Значит, личность крестьянина не была по закону собственностью землевладельца, потому что все права на эту личность вытекали из правительственных поручений; таким образом собственностью землевладельца оставалась часть крестьянского труда, служившего землевладельцу вознаграждением за землю, какую он уступал в пользу крестьянина, но то была лишь часть труда, потому что тот же труд принадлежал и государству, которое с него получало доход в виде подушной подати. На практике нужно было строго различать эти два ряда отношений: отношение землевладельца к личности крестьянина и то отношение к труду последнего. В общезнании люди редко различают столь тонко свои отношения; в таком случае на помощь им приходит законодательство: законодательство настойчиво обозначает и поддерживает различные людские отношения. Законодательство до половины XVIII в. не давало общезнанию такой помощи, оставляя множество отношений между обеими сторонами неопределенными, т. е. предоставляя определить их самим этим сторонам. Легко заметить, что сильнейшая сторона должна была определить их в свою пользу. Отношения землевладельца к крестьянину определялись согласно с привычками и приемами, какие выработались древнерусским землевладением; мы знаем, что древнерусское землевладение при существовании вольного крестьянского труда держалось на рабовладении: основанием его были рабы, посаженные на пашню. Это были наиболее прочные хлебопашцы в имении древнерусского вотчинника. Приемы и привычки, сложившиеся в землевладельческой среде под влиянием рабовладения, теперь были перенесены и на крестьян, когда они, родом дел оторванные от земли, перестали быть приращенными к ней. Иных привычек и приемов не было у землевладельцев; иные приемы должно было бы воспитать законодательство, а законодательство само предоставило выработку подробностей в этих отношениях землевладельцам. Понятно, что они, предоставленные самим себе, невоспитываемые законодательством, ста-

рались стать в такое отношение к крестьянам, в каком их предки XV и XVI вв. стояли к рабам, своим холопам. Отсюда с начала XVIII в. мы видим двоякое движение, которое тянуло крестьян в разные стороны. С введения подушной подати правительство, распространив государственные повинности и на бывших холопей, старалось последних приблизить к крестьянам, облагая тех и других одинаковой подушной податью; с другой стороны, землевладельцы, согласно с воспитанной в продолжение веков привычкой, старались крестьянина приблизить к холопу, чтобы распоряжаться одинаково тем и другим, как своей собственностью. Правительство тянуло сельское население в одну сторону, землевладельцы — в другую.

Задачи,
стоящие
перед Екате-
риной

Теперь ясна задача, какую предстояло разрешить Екатерине: она должна была прекратить эту вредную борьбу двух сил, которые тягались между собою за сельское население, она должна была точно определить, на какой границе останавливаются права землевладельца и где начинаются права государственные. Повидимому, приближенные к Екатерине люди настойчиво указывали ей на необходимость дать законодательству такое направление и она сама сочувствовала этим внушениям. В первые годы царствования ее занимала мысль о лучшем устройстве сельского населения. Когда в Комиссии 1767 г. слышались рабовладельческие притязания, когда некоторые депутаты потребовали права владеть крепостными для духовенства, для казачества, для купечества, эти требования выводили Екатерину из себя; она была возмущена этими рабовладельческими поползновениями, ее раздражала мысль о том, как трудно будет дать правильное разрешение крепостному вопросу. От того времени сохранилась маленькая ее записочка в таких приблизительно лаконических выражениях: «Если крепостного нельзя персоною считать, следовательно, он не человек; ну, так скотом извольте его называть, что к немалой славе и человеколюбию нам приписано будет». Очевидно, эта записка вырвалась в одну из тех патологических минут, какие не раз находили на Екатерину. Влиятельные люди, стоявшие близко к Екатерине, с первых лет ее царствования настаи-

или на необходимости внести точное законодательное определение в отношении землевладельца к крепостным людям. Генерал Петр Панин, брат известного пана Пикиты, в 1763 г. представил Екатерине записку, где говорилось о том, что помещики обременяют крестьян непосильными сборами и работами, что правительство должно точно определить количество платежей и повинностей крестьянина в пользу землевладельца. Панин даже предложил и норму этих платежей и повинностей: по его мнению, надо выработать проект положения о крестьянах, по которому помещик мог требовать с крестьянина работы не больше четырех дней в неделю или же оброка в размере 2 рублей с ревизской души. Панин только боялся, как бы обнародование этого положения не взволновало крестьян несбыточной надеждой, и поэтому он советовал такой проект сообщить по секрету губернаторам, которые передали бы его также по секрету помещикам своей губернии. Другой видный администратор того времени, считавшийся образцовым и очень любимым Екатериной, погродский губернатор Сиверс, человек степенный, не легкомысленный либерал, также представил Екатерине записку, в которой писал, что помещичьи поборы и работы, которыми землевладельцы обременяют своих крестьян, превосходят всякое вероятие: власть помещика над крестьянами неограниченна, произвол и жестокое обращение, по Сиверсу, — главная причина чрезвычайного развития крестьянских побегов. Пресечение этих побегов и заставило Сиверса как администратора подать императрице записку. Он также требовал точного законодательного определения крестьянских платежей и повинностей в пользу помещика. Значит, Екатерина могла найти опору и в близких людях, если бы попыталась притти на помощь к запутавшимся отношениям землевладельцев к крестьянам. Точное законодательное определение этих отношений вызывалось и справедливостью. Когда дворянство несло на себе обязательную ратную повинность, власть его над крестьянами имела некоторое оправдание: крестьянские повинности в пользу помещиков были для них вознаграждением за государственную повинность, падавшую на них. Манифест 18 февраля 1762 г. предшественника

Екатерины, даровав вольность дворянству, снял с него обязательную военную службу; таким образом, крепостное право лишалось своего основания, становилось следствием без причины. Прежде, как бы ни была широка власть землевладельца над крестьянином, она была правом, вытекавшим из государственной повинности дворянства; следовательно, крепостное право имело своим основанием государственный интерес: крестьянин был обязательным слугою землевладельца, как землевладелец был обязательным слугою государства. Если крепостное право будет удержано, оно изменит свой характер: тогда крестьянин остался бы обязательным слугою землевладельца независимо от государственного интереса, т. е. превратился бы в частную собственность помещика. Итак, одно решение вопроса должно было бы отменить или ослабить крепостное право, другое решение должно было перевести его из области права государственного в гражданское, т. е. превратить крестьянина из обязательного слуги землевладельца в его частную собственность.

Как разрешен был этот вопрос в царствование Екатерины? Екатерина издала несколько распоряжений, которые устранили некоторые мелкие злоупотребления землевладельцев, например, она запретила приписывать в крепостную зависимость незаконорожденных, которые в прежние ревизии записывались обыкновенно за кем-нибудь в крепость; однако Екатерина не прекратила раздачу казенных земель с крестьянами в частное владение, напротив, она стала раздавать их еще более щедрой рукой. Об этих раздачах мы говорили раньше. Кроме всего этого, она не устояла перед условиями, которые заставили ее даже расширить пространство, на которое действовало крепостное право, т. е. ввести его там, где его не было.

На окраинах государства крестьяне были в ином положении: так, в Малороссии и на южной границе государства, в так называемой тогда Слободской Украинской губернии, в нынешних губерниях Харьковской, Курской, Воронежской, Екатеринославской, были тогда поселены мелкие помещики, служилые люди, обязанные защищать границы. В Малороссии население состояло

Крепостное право
на
Украине

из двух главных слоев: из казачества и посполитого крестьянства. Казаки были наделены землей на праве, близком к нашему поместному праву, за то несли ратную повинность; по значению своему они были очень близки к мелким помещикам Московского государства, превратившимся потом в однодворцев. Казаками командовали как военной силой военачальники, составлявшие казачью старшину. Это были наиболее зажиточные из казаков, которые потому и были способны к занятию начальнических должностей, их можно было бы назвать казацкой знатью. Посполитые крестьяне, населившие либо казацкие либо государственные земли, находились совершенно в таком же положении, в каком были наши крестьяне XVI в. до поземельного прикрепления. Земли в Малороссии или принадлежали государству или были в пользовании казаков и казацких старшин. Казацкие старшины рано, еще в XVII в., стали обнаруживать дворянские притязания и старались превратить посполитых своих крестьян, даже самих казаков, в своих крепостных людей. В XVIII в., когда казацкая служба при регулярной армии получила второстепенное значение в государстве, казаки оставались уже без дела, не несли прежней ратной повинности. Как мелкие землевладельцы они подобно нашим однодворцам стали близко к крестьянам с тою только разницей, что владели землей на праве собственности. Русское правительство старалось сдерживать притязания казацких старшин, например, запрещало покупать земли у казаков, мешать переселению крестьян, т. е. поддерживало их право перехода: до половины XVIII столетия крестьяне в Малороссии, как и на южной окраине Слободской губернии, пользовались беспрепятственным правом перехода. Гетманство Кирилла Разумовского, простого казака по происхождению, во многом подготовило поземельное прикрепление и даже успех крепостного права в Малороссии. Он как гетман распорядился полновластно в Малороссии и начал раздавать государственные земли в вечное и потомственное, а не временное владение своим родственникам и друзьям целыми массами, даже не спрашивая разрешения у петербургского правительства. В XVIII в. возможно еще было

такое совмещение полновластия местного управителя с центральным самодержавием: гетман был полновластнее любого средневекового рыцаря. Благодаря этому свободных крестьян в Малороссии к концу его гетманства, которое кончилось в 1764 г., оставалось так немного, что не насчитывали и двух тысяч дворов. Новые землевладельцы, разумеется, стесняли крестьян правом перехода и просили правительство о прекращении его. Переход крестьян создавал и затруднения для казны, т. е. делал неисправным платеж податей. Для обеспечения казенного интереса Екатерина в 1763 г. издала закон, в силу которого крестьянин не мог перейти к другому землевладельцу, не получив письменного отпуска от прежнего; отпускные свидетельства велено было выдавать без затруднения, но легко понять, что землевладельцы старались воспользоваться этим правом, чтобы удержать крестьян на своей земле. Возникшие отсюда затруднения повели к тому, что в 1783 г. издан был указ, безусловно запрещающий переход малороссийских крестьян от одного землевладельца к другому. Как скоро издан был этот указ, посполитые крестьяне и казаки, успевшие продать свои земли, стали в одинаковое положение с великорусскими крестьянами. Потом этот порядок был распространен на Слободскую окраину, а далее и на Донскую область, где крестьяне потеряли право перехода по указу Павла 1796 г. Таким образом, при Екатерине весь юг России, где еще сохранилось вольное крестьянство, стал крепостным краем, чему способствовало то обстоятельство, что на малороссийскую казацкую старшину распространены были права русского дворянства. В Киевской и Черниговской губерниях считалось около миллиона крестьян; если не все крестьяне, то большая часть их была превращена в крепостное состояние указом 1783 г.

Расшире-
ние поме-
щичьей
власти

В положении великорусских крепостных крестьян произошли некоторые перемены: эти перемены не только не улучшили, но ухудшили положение крестьян. Никакого общего закона, который точно определил бы отношения землевладельцев к крестьянам, не было издано при Екатерине, но в 1765 г. обнародован был указ, который изменял закон Елизаветы о ссылке крепостных

на поселение: провинившегося крепостного по этому новому закону помещик имел право сослать в Сибирь в каторжную работу без всяких условий, с правом даже по желанию возвратить сосланного на прежнее место жительства; значит, в новом законе исчез уже и тот государственный интерес (заселение Сибири), на котором построен был указ Елизаветы. Теперь ссылка в каторгу не освобождала ссыльного от крепостной зависимости; притом не были определены ни возраст ссылаемого, ни случаи, в которых помещик мог прибегнуть к этому виду наказания. Закон Елизаветы превращен был в постановление, которое обеспечивало безусловный произвол землевладельца.

Екатерину смущало право продажи крестьян без земли: в 1771 г. издан был указ, запрещавший продавать крестьян за помещичьи долги с публичного торга; закон этот остался без действия и Сенат не настаивал на его исполнении. В 1792 г. новый указ восстановил право продавать крестьян без земли с публичного торга, но прибавлял, что при этом не должен быть употребляем молоток, т. е. новый указ сообщал только более приличную форму аукционной продажи.

Далее, при Екатерине не были точно определены границы вотчинной юрисдикции. В указе 18 октября 1779 г. было указано, что помещик мог судить крестьян только за те проступки, которые по закону не сопровождались лишением всех прав состояния; но размер наказаний, какими мог карать за эти преступления землевладелец, не был указан. Пользуясь этим, за маловажные проступки землевладельцы карали крепостных крестьян такими наказаниями, которые полагались только за самые тяжкие уголовные преступления. В Наказе Екатерина припомнила, что еще при Петре был издан указ, по которому деревни безумных или жестоких помещиков отдавались «под смотрение опекунов». Екатерина говорит, что этот указ исполнялся, поскольку он касался безумных, но его постановление о жестоких помещиках не приводилось в исполнение, и она выражает недоумение, почему было стеснено действие указа. Однако она не восстановила его в полной силе.

До тех пор важным средством, обеспечивавшим

крестьянскую личность, служило право жалобы на притеснения землевладельцев; с этим правом жалобы в царствование Екатерины случилась история, может быть, наиболее характеризующая процесс развития крепостного права. До Петра, как и после него, в актах сохранились многочисленные случаи, когда крестьяне обращались с жалобами на притеснения со стороны землевладельцев. Закон признавал это право как в XVII, так и в первую половину XVIII в., признавала его и судебная практика. В 1767 г., когда Екатерина отправилась в известное путешествие, на дороге ей подавались иногда крестьянские челобитья на помещиков; она передала эти челобитья Сенату. Сенат предложил Екатерине издать новый закон, который безусловно запрещал бы крестьянам жаловаться на помещиков, и в основание этого запрещения привел статью Уложения. Екатерина приняла предложение, и 22 августа 1767 г., т. е. в то время, когда в Комиссии читались статьи Наказа о свободе и равенстве, высочайше утвержден был указ, который гласил, что если кто из крепостных крестьян впредь отважится подать недозволенное законом челобитье на помещика, особенно в собственные руки ее императорского величества, то в силу 13-й статьи 2-й главы Уложения челобитчик, а также и составитель челобитья будут сосланы в Нерчинск в каторжную работу с зачетом землевладельцу вместо рекрутов. Этот указ велено было в продолжение месяца читать по всем церквам в воскресные и праздничные дни. Итак, закон, учрежденный с высочайшего соизволения, запрещал право крестьян жаловаться на землевладельцев, основываясь на Уложении царя Алексея. Раскроем это Уложение и, читая знаменитую 13-ю статью, находим, что она говорит совсем о другом: эта статья излагает меры для оберегания государева здоровья и безопасности и гласит, что если кто из дворовых людей и крестьян подает извет о государевом здоровье или о другом великом государевом деле (т. е. об измене) на своего помещика или вотчинника и извета того не докажет, такому извету не верить, доносчика бить кнутом и возвращать владельцу. Сенат истолковал эту статью как запрещающую крестьянам жаловаться на

помещика. Изветом в древней Руси называлась особая форма иска: кто хотел восстановить свое право помимо обычных судебных инстанций, тот обращался к правительству, обыкновенно на имя государя; в таком случае дело решалось не судебным, а административным порядком. В наше время также действуют две эти формы: обыкновенно мы восстанавливаем свое право, обращаясь в судебные учреждения, но есть случаи, когда даже при гласном суде невозможно восстановить право обычным установленным порядком, особенно такие случаи часто бывают в семейной среде. С царствования императора Николая предоставлено было в таких исключительных случаях обращаться в 3-е отделение, которое негласно производит следствие: как, например, искать отцу на взрослого сына за нетерпимый поступок его, в котором уличить его нельзя. Отцам и предоставлена была в царствование Николая помощь 3-го отделения, которое негласно устраняло опасность; это теперь, как известно, превратилось в административную процедуру по политическим преступлениям. Такие два порядка делопроизводства существовали и в древней Руси: можно было искать своего права судом и можно было искать его изветом, т. е. помимо судебных учреждений; такие дела решались, как бы сказать, административным, а не судебным порядком. О таком извете по политическим или другим тайным делам и говорит 18-я статья 2-й главы Уложения; извет не жалоба, а донос, следовательно, 13-я статья запрещала не жалобу крестьян на помещика, а донос на своего господина. Люди XVII в., как и канцелярские дела, свидетельствуют нам, что крестьяне очень часто жаловались на своих помещиков обычным судебным порядком. Такие жалобы принимались даже в царствование Петра. Потом говорится, что крестьяне жаловались на помещика, их разорявшего, и если следствие оправдывало челобитчика, землевладелец подвергался взысканию. Точно так же и в случаях, когда землевладелец убивал своего крестьянина, то, по челобитью крестьян-родственников убитого или односельца, убийца подвергался наказанию по Уложению; если же не было челобитчика на такого убийцу, то, по словам Котошихина, «в таких делах

за мертвых истец сам государь». Итак, Сенат, недостаточно знакомый с терминологией древнерусского права, указом уничтожил главное юридическое средство, которое оставалось в распоряжении крестьян против произвола помещиков. Эта филологическая ошибка и сделала крестьян после указа 1767 г. полной собственностью землевладельцев: так иногда нужно изучение филологии.

Вот все важнейшие постановления, какие мы находим в царствование Екатерины. Значит, крепостное право не только сохранено было в своем прежнем объеме, но получило еще дальнейшее развитие.

ЛЕКЦИЯ LXXXIII

Крепостное право при Екатерине II. Крепостные, как частная собственность помещика. — Число крепостных. — Хозяйство оброчное и барщинное. — Преобладание оброчного хозяйства в половине XVIII в. — Размер оброка. — Хозяйственные расчеты Татищева. — Тяжесть барщины. — Дворовые люди. — Помещичье управление. — Торговля крепостными. — Влияние крепостного права на сельское хозяйство.

Я излагал историю крепостного права в XVIII столетии. Теперь, указав отдельные постановления Екатерины касательно этого вопроса, отдадим себе отчет в том, что сделалось с этим крепостным правом, какая перемена произошла в нем под влиянием законодательства Екатерины. До нее было собственно два крепостных права. одно по закону, другое по обычаю, на деле; лучше сказать, рядом с крепостным правом до половины XVIII столетия действовал еще крепостной факт, в состав которого входили притязания землевладельцев, не признанные прямо законом, а только терпимые правительством. Законодательство Екатерины сгладило разницу между обоими этими правами — законным и обычным — или, говоря другими словами, между крепостным правом и крепостным фактом. Право обычное было признано и законом, но не прямо, т. е. закон не говорил прямо, что все притязания землевладельцев на личность и труд крестьянина признаются законом;

Крепостные как частная собственность помещика

взгляд землевладельца на крестьянина как на свою частную собственность противоречил политическому значению крестьянина как государственного плательщика. Этот взгляд и не был прямо признан законом, не был нигде в нем выражен, но закон признавал последствия этого взгляда, те права распоряжения крестьянской личностью и трудом, какие вытекали из взгляда на крестьянина как на частную собственность землевладельца. Итак, можно определить значение законодательства Екатерины в развитии крепостного права: Екатерина не была виновницей его, не она создала это право, но взгляд помещиков на крестьян как на свою собственность держался не на том, что говорил закон, а на том, о чем он умалчивал, т. е. что молчаливо признавал; эти умолчания и стали законной опорой крепостного права со времени законодательства Екатерины.

В чем была сущность крестьянского вопроса? Как можно было поставить в законодательстве отношения крестьян к помещикам и как они должны были стоять по требованию некоторых государственных людей того времени? Можно было тремя способами разрешить этот вопрос, т. е. вопрос об отношении крестьян к помещикам. Крестьяне были первоначально прикреплены к земле, а потом очутились прикрепленными к лицам. Следовательно, можно было: 1) оторвать крестьян от помещиков, не привязав их к земле, т. е. дать им волю без земли; мысль о безземельном освобождении крестьян была мечтою в некоторых либеральных кругах русского общества во вторую половину XVIII в.; надо думать, что такое разрешение вопроса повело бы не только к экономической, но и политической катастрофе; 2) можно было оторвать крестьян от помещиков, но прикрепить их к земле, т. е. сделав независимыми от господ, привязать их к земле, выкупленной казной. Это поставило бы крестьян в положение, очень близкое к тому, какое создало для них 19 февраля 1861 г., оно превратило бы крестьян в крепких земле государственных плательщиков. Наконец, можно было привязать крестьян к землевладельцам, не привязав их к земле; это и сделала практика: крестьяне при Екатерине оказались при-

поземельными исключительно к помещикам и не были нисколько определены отношения крепостных хлебопашцев к земле, которую они пахали.

Такой вид и получило крепостное право во вторую половину XVIII в. До тех пор крестьянин сохранял еще на деле двойственное значение государственного плательщика и частного работника. Теперь поземельная связь крестьянина совершенно исчезла; следовательно, на деле в нем перестали видеть государственного плательщика и стали считать его исключительно работником на помещика. Эта была важная юридическая перемена, совершившаяся в положении крестьянина: прежде он был предметом государственного права, частью и права частного, землевладельческого, теперь он оказался только со значением предмета права частного, т. е. крестьянский вопрос из области государственного права перешел в область права гражданского, как и всякий предмет владения. Этот переход совершился благодаря умолчанию законодательства Екатерины, пришедшего, однако, последствия, какие вытекали из взгляда на крестьян как на частную собственность. До тех пор власть помещика над крестьянами была частью фактом, признанным законом, частью злоупотреблением, которое оправдывалось некоторыми государственными интересами, например, недостатком полицейских орудий, вместо которых правительство пользовалось самими помещиками; теперь крепостное право стало государственным учреждением, которое отдавало лицо и труд крестьянина в частное владение без всякого оправдания. В этом состояла ошибка законодательства Екатерины: оно не должно было превращать факта в право, т. е. должно было, если не хотело производить коренной перемены в положении крестьян, оставить власть помещика в прежнем колеблющемся положении, но признавать ее законом. В жалованной грамоте дворянству 1785 г., исчисляя предметы владения, которые принадлежат помещику на праве частной собственности, закон не выделяет крестьян из этого перечня, следовательно, утверждает за помещиком право на них, как на все другие статьи сельского хозяйства, как на сельскохозяйственный инвентарь.

Таким образом, крепостное право при Екатерине II вступило в третий фазис своего развития, приняло третью форму. Первой формой этого права была личная зависимость крепостных от землевладельцев по частным сделкам; такую форму имело крепостное право до половины XVII в. По Уложению 1649 г. и законодательству Петра, это право превратилось в нежелательную зависимость крепостных от землевладельцев. При Екатерине II крепостное право получило третью форму — оно превратилось в полную зависимость крепостных, ставших частной собственностью землевладельцев, причем обязательная служба была уже снята с дворянства.

Число
крепост-
ных

Теперь посмотрим, как строилось сельское хозяйство помещика во вторую половину XVIII в. Крепостное крестьянство составляло очень значительную часть рабочего населения в империи, т. е. очень важный рычаг народного хозяйства. По четвертой ревизии, произведенной в 1782 г., все крепостное население империи, не считая крестьян удельных, т. е. бывших дворцовых, представляло массу почти в 7 миллионов (в 6 миллионов 600 слишком тысяч); всего населения в империи по этой ревизии считалось до 28 миллионов, следовательно, крепостное население даже без удельных крестьян, которые в сущности были те же крепостные, равнялось почти $\frac{1}{4}$ всего населения. По пятой ревизии 1796 г. общее население империи определялось в 36 миллионов, крепостных крестьян в том числе считалось 9 миллионов с небольшим, т. е. ровно $\frac{1}{4}$; отсюда выходит, что крепостное население пропорционально возросло между четвертой и пятой ревизиями. Но, может быть, это возрастание чисто оптический обман, происшедший от неточного счета четвертой ревизии; во всяком случае из четырех обывателей империи в конце XVIII в. один был крепостной, не считая крестьян удельных: последних считалось в конце XVIII в., впрочем, не больше полумиллиона.

Хозяйство
оброчное
и барщин-
ное

Как устроена была в народном хозяйстве такая значительная экономическая сила или такое важное экономическое орудие? Повидимому, в сельском хозяйстве частного землевладельца с половины XVIII в. должна была произойти коренная перемена. До половины

XVIII в. дворянство, в руках которого сосредоточивалось крепостное население, служило и службой было привязано к столице; дворянин, значит, редко бывал в своей деревне, не был ее постоянным обитателем и не мог принимать непосредственного участия в своем сельском хозяйстве. Благодаря этому в сельском хозяйстве установилась двойная система эксплуатации имений: система оброчная и барщинная. Где было выгодно, помещик непосредственно эксплуатировал значительную часть своей земли помощью барщины, т. е. руками крепостных крестьян; где он не мог с выгодой этого делать, он отдавал почти всю свою землю крестьянам, облагая их оброком.

С половины XVIII столетия дворянство вышло на волю; освободясь от службы, оно должно было отлить из столицы в деревню; досуг, какой оно получило со времени манифеста 1762 г. о вольности, повидимому, должен был обратить большинство дворян к сельскохозяйственным занятиям. Являясь сам распорядителем крестьянского труда, дворянин должен был, очевидно, заменить оброчное хозяйство барщиной, т. е. известную часть должен был обрабатывать сам помощью крестьянских рук, а другую отдавать в пользование крестьянам. Надо было думать, что оброчное хозяйство, господствовавшее до половины XVIII в., теперь должно было уступить господство хозяйству барщинному. Мы замечаем совершенно обратное явление. Трудно сказать, какое хозяйство преобладало над другим в XVII и половине XVIII столетия, везде рядом встречались обе системы — оброчная и барщинная; в значительном количестве имений господствовала даже смешанная система оброчно-барщинная, т. е. крестьяне часть повинностей в пользу помещика оплачивали деньгами, а часть своим трудом, обрабатывая господскую землю.

С половины XVIII в., по мере того как наши статистические сведения становятся более полными и точными, все яснее выступает наружу тот факт, что оброчное хозяйство решительно господствует в дворянских имениях над хозяйством барщинным: об этом говорят и заслуживающие доверия люди того времени, как и дошедшие до нас немногие надежные статистические

Преобладание оброчного хозяйства с половины XVIII века

цифры. В Наказе Екатерины свидетельствуется: «во деревни почти на оброке»; в конце столетия то же самое говорят агроном Рычков и статистик Шторх, который в конце XVIII столетия издал обширное статистическое описание России. Рычков очень горько жалуется на вред, который причиняет народному и государственному хозяйству оброчная система в дворянских имениях; он признает эту систему господствующей. Из слов других современников мы узнаем и причину, какой тогда объясняли это преобладание оброчного порядка в дворянских имениях над барщинным: причиной этого было то, что служба военная и гражданская привлекала дворян в города, а доверить имение приказчику не всегда было можно, что и заставляло дворян отдавать почти всю землю в непосредственное распоряжение крестьян, облагая их оброком. Значит, дворяне и после указа о вольности не переселились в деревню, и даже те, которые покинули службу; дворянство попрежнему оставалось классом городских обывателей, а не сельских. Мы ожидали бы другого. По словам Екатерины в разговоре с французским посланником Сегюром, около 1777 г. более десяти тысяч дворян состояло на службе; итак, служила незначительная часть сословия. Почему же оно до сих пор все держится в городах? Большинство, действительно, не жило в деревнях по дворянским спискам, составленным в том же году; причиной этого был Пугачевский бунт и крестьянские волнения, не прекращавшиеся во все царствование Екатерины. Эти волнения делали деревню опасной для дворянина; там было жутко оставаться, и масса дворянства жалась в городах поближе к своей братии, губернатору и капитану-исправнику. Пугачевский бунт особенно напугал сословие; то привольное житье в деревнях, воспоминание о котором сохранилось в литературе, как и в устных сказаниях, наступило для дворян несколько позже. Екатерина в Наказе отметила и другую сторону сельского хозяйства дворян, другое побуждение, которое заставило дворян предпочитать оброк барщине. Наказ Екатерины говорит: «хозяева, не бывшие вовсе или мало в деревнях своих, обложат каждую душу по рублю, по 2 и даже по 5, несмотря на то, каким способом их

крестьяне достают сии деньги». Итак, оброчное хозяйство предпочиталось как наиболее удобное и вместе с тем более выгодное, чем барщинное. Занимаясь сам делами, распределяя земли и работы в имении, заставляя крестьян нести барщину, помещик, может быть, и не получил бы таких доходов, как назначив однообразный оброк на душу. Вместе с тем при неограниченном праве помещика возвышать оброк доходность имения можно было возвышать гораздо значительно при оброчной системе, чем при барщинной. Вот в чем сказывалось недостаточное определение законом нормы крестьянских повинностей в пользу землевладельца: оброк можно было налагать, не соображаясь с хозяйственными средствами крестьян.

Помещичий оброк изменялся в продолжение царствования Екатерины. В 70-х годах, в первую половину царствования, чаще всего встречался оброк в 2—3 рубля с души; во вторую половину царствования он несколько возвышается, чаще всего встречается оброк в 4—5 рублей; впрочем в этом отношении имения разнообразились до бесконечности. Петр Панин в своих записках о положении крестьян предлагает назначить однообразный оброк в пользу помещика в 2 рубля; это показывает, что 2 рубля были наиболее распространенной нормальной цифрой душевого оклада в первую половину царствования. Екатерина сама свидетельствует, что во вторую половину оброк всюду возвысился; она признается сама, что в 1788 г. «всемерно оброк до 4 рублей простирается, большей же частью гораздо сие число превышает». Около 1794 г., по свидетельству Шторха, наиболее обычной нормой оброка с души было 5 рублей; в иных местах, где крестьянский труд обставлен был особенно благоприятно, оброк возрастал до громадных цифр в 20 или 25 рублей, а в промышленных селах Шереметева во Владимирской губернии этот оброк с некоторых торговых крестьян простирался до 100 и 200 рублей с души. Чтобы понять экономическую рыночную цену этого оклада, надо припомнить, что рубль половины XVIII в. и первых лет царствования Екатерины относился к нашему рублю, как 8 к 1, рубль второй половины цар-

Размер
оброка

ствования Екатерины с все увеличивающимся выпуском ассигнаций пал в цене и относился к золотому рублю как 4 к 1. Следовательно, крестьянин, платя в конце царствования 5 рублей оброка, давал помещику доход, равняющийся приблизительно нашим 20 рублям с души.

Трудно сказать, возвысился ли душевой оклад оброка в царствование Екатерины сравнительно с прежним временем; мы имеем слишком мало известий об этом, чтобы можно было сравнить оброчную тяжесть за разные эпохи XVIII в.

Хозяйственные
расчеты
Татищева

До нас дошли хозяйственные записки известного историографа Татищева, писанные в 1742 г. Татищев полагает, что не тяжело будет крестьянину платить 10 рублей оброка с тягла, т. е. с каждого домохозяина или с каждого семейства, состоящего из мужа и жены с детьми (как мы видели, рубль половины XVIII в. в 8 раз был дороже нашего), следовательно, Татищеву казалось не тяжело для крестьянина платить с рабочего семейства по 80 рублей. Выделившаяся семья, живущая своим двором, заключала в себе тогда $2\frac{1}{2}$ ревизских души круглым числом, иногда 2, иногда 3 на деле. Вы можете теперь рассчитать, сколько считалось возможным брать оброка с ревизской души. Татищев указывал и нормальный поземельный надел крестьян, в этом отношении записки его сообщают несколько любопытных данных: земля разверстывалась по тяглам (тягло это муж с женой, разумеется, и малолетние дети); каждое тягло, по плану Татищева, должно обрабатывать по одной десятине в поле, т. е. три десятины во всех полях; остальную землю надлежит помещику всю отдать в пользование крестьян, если только ее останется довольно, иначе всю землю помещик должен разделить пополам одну половину обрабатывать на себя крестьянскими руками, а другую — отдать в пользование крестьян, но так, чтобы на каждое тягло приходилось не меньше трех десятин во всех полях, т. е. озимом, яровом и паровом; вот меньший поземельный надел, какой считает возможным Татищев. Если у помещика за таким разделом земли на две половины не придется на крестьянское тягло

и трех десятин, такие имения, по его мнению, непременно должны быть на оброке, т. е. помещик должен всю землю отдать в пользование крестьянам, обложивши их оброком. Если помещику за отлучкой самому нельзя наблюдать за хозяйством, полезнее всего землю отдать крестьянам, нежели назначать старосту или приказчика для руководства барщиной. Рассчитав это отношение нормального поземельного надела, по Татищеву, с тем оброком, какой он считает возможным назначить, где нет барщины, мы можем определить, сколько, по Татищеву, должна была приносить дохода помещику каждая его десятина: при составе угля из 3 ревизских душ, по Татищеву, каждая душа должна была платить около 3 рублей, каждая десятина давать доход около 2 рублей, отсюда видно, что оброк в первую половину царствования Екатерины оставался вообще прежним и увеличился лишь к концу его; впрочем, трудно сказать, как велико было действительно его увеличение. Дело в том, что курс рубля начал падать с 1780-х годов, так что к концу царствования на рынке ассигнационный рубль потерял более 30%, стоил всего 68 копеек металлических; значит, подъем оброка был собственно не увеличением оброчной тяжести, а только следствием упадка курса. Можно думать, что во все царствование Екатерины тяжесть оброка если и увеличилась, то в очень незначительной степени.

Так устроено было оброчное хозяйство помещика, но рядом с ним во многих имениях существовало и хозяйство барщинное; в этом барщинном хозяйстве особенно наглядно отражаются следствия той новой обстановки, какую получило крепостное право в законодательстве при Екатерине II.

В 1765 г., по почину некоторых приближенных ко двору лиц с Григорием Орловым во главе, в Петербурге было основано Вольно-экономическое общество; целью этого общества было поощрять земледелие, содействовать успехам сельского хозяйства в России. Общество поспешило собрать сведения о положении сельского хозяйства и разслало по губерниям вопросы, на которые местные власти должны были собрать от-

Тяжесть
барщины

веты; вопросы эти все касались положения крестьян и земледелия. В присланных из губерний ответах мы встречаем указания на то, что в барщинных имениях обыкновенно половина рабочего времени у крестьян бралась в пользу помещика. Повидимому, это было довольно справедливое разверстание крестьянского труда; но барщина тем была тяжела для крестьян даже при таких условиях, что в хорошую погоду все время у крестьянина шло на работу помещику; вот почему земледелие, по указаниям из губерний, против прежнего пришло в упадок по причине непрестанных работ и больших проборов господ. Значит, важно не то, что в пользу помещика бралась половина времени, важно то, что в его пользу бралась лучшая часть этого времени. Крестьянин имел в своем распоряжении лишь время, неудобное для работ. Впрочем, 3 дня в неделю были условием барщины далеко не повсеместно. Иные помещики заставляли работать на себя 4 и 5 дней в неделю, иногда работа продолжалась даже по воскресным и праздничным дням; в иных барщинных имениях мы встречаем даже черты, сближавшие их с североамериканскими плантациями до отмены рабства: помещики совсем обезземеливали крестьян и превращали их в простых батраков. Известия о таких имениях находим у агронома Рычкова; он говорит: «есть и такие строгие помещики, которые своим крестьянам и одного дня на себя работать не дают, а давая всем их семействам месячный провиант, употребляют их на господские работы повседневно». Значит, крестьяне здесь превращаются в простых безземельных сельских рабочих, вполне зависимых от землевладельца; такой крестьянин-негр, даже не крепостной. Впрочем и там, где не было таких крепостных плантаций с безземельным рабочим населением, барщина иногда достигала чрезвычайной тяжести. В упомянутой уже нами записке Петра Панина мы читаем: «Поборы и работы не только превосходят примеры ближних заграничных жителей, но частенько выступают и из сносноности человеческой». При таком ведении хозяйства, при таком отношении к крестьянам помещики организовали стройную систему сельской адми-

нистрации; ближайшими орудиями этого помещичьего управления были дворовые люди.

Дворня к концу XVIII столетия развилась чрезвычайно на счет рабочего крестьянства; так как был отменен закон, запрещающий брать крестьян с пашни на двор, то землевладельцы в продолжение XVIII века все более отрывали рабочие руки для дворовой службы. В помещичьем доме того времени наблюдатели встречали втрое или впятеро больше слуг, чем в любом помещичьем немецком доме одинаковой зажиточности; в доме вельможи эти дворовые составляли огромный штат, которому дивились иностранцы. Один иностранец замечает: «в других странах такого числа дворовых людей, какое встречаем в русских помещичьих домах, и представить себе не могут». Посредством дворовых людей помещик правил крестьянами и управление это было организовано на строгих началах.

Помещику принадлежала верховная власть в имении; он не только устроил крестьянский труд, он регулировал и частные отношения крестьян помимо их отношений к земле; он имел полицейский надзор за крестьянами, судил их и наказывал за проступки и преступления. Во вторую половину XVIII в. не было уже и речи о пределах помещичьей юрисдикции, т. е. не говорилось, в каких делах помещик судит крестьян и в каких делах суд над ними принадлежит общественным правительственным учреждениям. Помещик вообще обладал и уголовной юрисдикцией, за исключением только самых важных уголовных дел. Как мы знаем, законодательство предоставляло помещику даже право за «преступления и продерзостные поступки» ссылать крестьян без апелляции в каторжные работы; на ссылаемых помещик получал рекрутские квитанции. Благодаря небрежности, с какой власть относилась к практике этого важного права, из него развились страшные злоупотребления в царствование Екатерины: помещики часто ссылали в Сибирь неспособных к работе крестьян, получая за них рекрутские квитанции; эти ссылки массами переводили крестьян их имений за Урал. В 1778 г. Сивере писал, что при последнем наборе путем этих ссылок потеряно было для армии до

Дворовые
люди

Помещи-
чье управ-
ление

8 тысяч солдат, т. е. помещики сослали в Сибирь негодных к работе крестьян до 8 тысяч, получив за них рекрутские квитанции; что еще хуже, — прибавляя Сиверс, — что он сомневается, дошла ли в Сибирь и $\frac{1}{4}$ всего этого количества; остальные погибли на дороге. Ученый Паллас, путешествуя около того же времени по Сибири с научной целью, видел поселения этих крепостных, сосланных в Сибирь, большей частью без вины; эти поселенцы со слезами говорили, как они тоскуют по родственникам, оставшимся в Европейской России: разлука с родными была единственной бедой, которая портила их положение в Сибири, без того сосланные считали бы себя очень счастливыми, очутившись на воле в Сибири, вдали от своих помещиков. До какой степени неумеренно пользовались землевладельцы этим правом, видно из того, что около 1772 г. в Тобольской и части Енисейской провинции таких сосланных считалось 20 с половиной тысяч обоего пола.

Как судил и рядил помещик в своем имении? Мы можем составить себе понятие об этом по одному памятнику, который относится ко времени несколько раньше царствования Екатерины: это — Учреждения для управления имениями известного генерала, героя екатерининского времени, Румянцева, Учреждения, составленные в 1751 г. в царствование Елизаветы, когда Румянцев еще не был военной и административной знаменитостью, был еще молодым офицером. Учреждения эти — целый кодекс, на основании которого должны были управляться и жить его крестьяне; здесь перечислялись виды преступлений, которые судит помещик, и виды наказаний, каким подвергаются крестьяне за проступки и преступления. Помещик судит за воровство и другие уголовные преступления, за неисправность, за нерадение к церкви, за непочтительность к дворянству и т. п.; наказания, какие он налагает: штрафы, цепи, заключение в тюрьму, батоги; розог еще нет, может быть потому, что батоги были более энергическим видом телесного наказания. Румянцев, очевидно, привык к военной строгости: за малый проступок он полагает очень тяжелое наказание, за незначительную кражу

у крестьянина отбирается все имение, а сам он отдается в солдаты приказчиком без доклада господину. Это даже строже, чем наказания Русской правды: конфискацией имения и удалением из общества, чему соответствует отдача в солдаты, она карает за разбой, а не поровство, да и то незначительное. За непосещение церкви крестьянином без уважительной причины полагается штраф 10 копеек в пользу церкви, за обиду, нанесенную крестьянином дворянину, по требованию обиженного, виновный подвергался батогам, «пока тот доволен будет», т. е. без определенной границы; при этом наказываемый должен был уплатить своему владельцу 2 рубля штрафа. Учреждения Румянцева строгие, но еще понятны. Совсем непонятен порядок, какой мы встречаем в одном любопытном памятнике, дошедшем от первых лет царствования Екатерины; к сожалению, мы не можем назвать его автора, т. е. сказать, в каком имении был водворен такой строгий порядок; это — «Журнал домового управления», составленный каким-то помещиком в 1763—1765 гг. для своих крестьян. Журнал этот такой же кодекс, как и Учреждения Румянцева; здесь не только за преступление, но и за ослушание полагалось ужасное наказание розгами или плетьюми, причем установлена была точная пропорция между количеством ударов розгами и плетьюми. Господин жил в Москве, куда приезжали и его крепостные; каждый крестьянин или дворовый, явившись в Москву из имения, обязательно должен был показаться в господском доме; многие дворовые помещика жили в столице, обучались ремеслам, по праздникам эти крепостные должны были также являться на поклон к помещику; за неявку в первом или во втором случае назначалось 1 000 розог. Если крестьяне или дворовые не прищались без уважительной причины, за это назначалось 5 000 розог; за каждый проступок назначались розги тысячами, даже часто переходили за 10 тысяч. Понятно, что высеченный так жестоко долго не был способен к работе, должен был лежать дома или в больнице. Помещик боялся, что этим будут злоупотреблять его крестьяне, будут отлеживаться дольше, чем следует; он определил срок, сколько должен был

находиться в больнице наказанный: получивший 100 ударов плетью или 17 тысяч розог, мог лежать дома или в больнице не более половины недели; получивший более 100 ударов плетью или больше 17 тысяч розог мог лежать неделю. Те и другие по истечении указанного срока обязательно должны были приниматься за работу; если они передержали сроки, то соответственно у дворовых вычиталось их содержание, причем те, которые передержали срок в помещичьем доме или больные на лишнее время, лишались хлеба. Этот журнал производит удручающее впечатление; можно даже сомневаться, в здравом ли уме находился его автор.

Помещичьи жестокости были нередким явлением в то царствование; прежние законодательства принимали меры против этого; так, например, Петр издал закон, по которому крестьяне сумасшедшего или жестокого помещика отдавались в опеку его родственникам. Екатерина уже не застала действия этого закона: крестьяне сумасшедшего еще отдавались в опеку, но за жестокость опеку не назначали; впрочем, не приняв мер против жестокости, в чрезвычайных случаях, когда эта жестокость выражалась в вопиющих формах, Екатерина наказывала иногда церковным покаянием, иногда ссылкой с лишением чина; но эти были редкие случаи, чаще всего жестокому помещику делался выговор от местного общества. Это был исключительный случай, когда известную Салтычиху за ее чрезмерную жестокость подвергли пожизненному заключению в одном из московских монастырей.

Торговля
крепост-
ными

Во вторую половину XVIII в. помещики совершали всякие хозяйственные операции с крестьянами с землей, как и без земли. Крестьяне и дворовые были обычным товаром на тогдашнем рынке; о продаже их, менс и т. д. публиковали в газетах так же, как и о продаже всякой движимой собственности. Нередко можно было тогда прочесть в газете: за отъездом продаются лошади, две горничных девушки и т. д. Вследствие этого крепостная душа имела свою цену на тогдашнем рынке и колебалась вместе с ценой других товаров. Казна, чтобы регулировать это колебание, обыкновенно назначала свою казенную цену за душу; крепостная душа без

земли в начале царствования Екатерины стоила всего чаще 10 рублей, т. е. 80 нынешних; душа с землей - 30 рублей т. е. около 250 рублей. Впоследствии эти цены возвысились благодаря учреждению ссудного банка, который возник вместе с государственным ассигнационным в 1768 г.; помещики могли брать из этого банка ссуды под залог имений, платя по 5%; уплата капитала рассрочивалась на 20 лет. Благодаря этому помещики могли легко достать деньги на покупку крестьян; это оживило торговлю крепостными душами, усилило спрос на них. Вот почему они вздорожали. По свидетельству Сиверса, в 70-х годах уже нельзя было купить крепостную душу с землей за 30 рублей, цена ее поднялась до 50. В конце царствования редко можно было купить крепостную душу с землей дешевле 100 рублей; это равняется нашим рублям 300. Таково было помещичье хозяйство, как оно сложилось под влиянием законодательства о крепостном праве.

Теперь обратимся к многочисленным последствиям, какие вышли из этого крепостного права для народного и для государственного хозяйства. Последствия эти были различны. Крепостное право оказало существенное действие на землевладельческое положение дворянства. Прежде всего, оно создало своеобразные и ненормальные отношения землевладельцев к своим крестьянам. Землевладелец, освободившись от обязательной государственной службы, должен был стать сельским хозяином; так как в руках дворянства сосредоточивалось огромное количество населенной земли, которая была главным источником народного богатства, то дворянство должно было сделаться главным рычагом народного хозяйства. Крепостное право помешало дворянству сделаться классом сельских хозяев и руководителями народного хозяйства. На это ли обращена была деятельность землевладельцев при крепостном праве — на эксплуатацию земли, на сельское хозяйство? Совсем нет. Землевладелец совсем не имел побуждений стать агрономом, заботиться о лучшей разработке земли, о применении к ней лучших сельскохозяйственных орудий и приемов. Земля его населена была крепостными и обработана их руками; вся его деятельность должна была

Влияние крепостного права на сельское хозяйство

обратиться на управление этими крестьянами, в особенности при их тогдашнем беспокойном настроении. Все сельское хозяйство, следовательно, сводилось к администрации крепостных душ. Так смотрели на себя и помещики второй половины XVIII в.; они видели в себе не сельских хозяев, а наследственных чиновников, говоря словами одного из них, которым правительство, дав землю для населения, вместе с тем поручило и заботу о крестьянах, как и ответственность за них во всех делах. Таким образом, дворянин из сельского хозяина превратился в полицейского управителя, из землевладельца — в рабовладельца; он не эксплуатировал свою землю помощью крестьянских рук, к ней привязанных, а эксплуатировал крестьянские руки с помощью земли, к которой они были привязаны.

Далее, крепостное право оказало еще одно вредное действие на сельское хозяйство дворянина. Сельское хозяйство невозможно без оборотного капитала, а капитал создается бережливостью; крепостные руки заменяли помещику оборотный капитал, поэтому отнимали побуждение делать сбережения. Крепостное право создало ненормальное хозяйственное явление, своего рода политико-экономический софизм. Мы обыкновенно строго различаем оборотный капитал и труд в сельскохозяйственном устройстве, а благодаря крепостному праву крестьянский труд заменял собой для помещика оборотный капитал. Всякий раз, когда в имении возникала у помещика новая потребность, требовавшая затраты капитала, помещик налагал на крепостных новую работу, новую повинность, и тем кончалось дело: нужно возвести было новую постройку — крестьян наряжали без платы; нужно было купить сельскохозяйственные орудия — на крестьян налагали новый сбор; дворяне губернии решили устроить учебные заведения — дворяне налагали на крепостные души новый налог в пользу этих учебных заведений. Таким образом, готовый даровой труд избавлял сословие от необходимости сберегать. Вот почему крепостное право надо считать главной причиной того затруднения, в каком очутилось дворянство после эмансипации: у него не оказалось оборотного капитала, который теперь был

ишат у сословия. В этом влиянии крепостного права люди, наиболее знакомые с делом, видят источник и других недостатков сельского хозяйства дворян, этим объясняют они недостаток предусмотрительности, оборотливости, предприимчивости, как этим же объясняют они и равнодушие землевладельцев к техническим усовершенствованиям в сельском хозяйстве, к изобретениям, какие появляются в других странах. Помещик хорошо знал, какие улучшения вводятся в сельском хозяйстве других стран, но ему эти улучшения не были нужны при даровом труде; машины и т. п. оставили бы без работы часть его крепостных. Это влияние крепостного права особенно наглядно выражается в словах помещика уже нынешнего столетия: ему показали привезенную из-за границы молотилку; он ее одобрил, находя, что орудие это вполне достигает своей цели, но помещик прибавил, что такие орудия ему не нужны: орудие это одно сработает столько, сколько делают десятки крепостных рук, значит, эти десятки крепостных останутся без дела; «введу я эту машину, — говорит помещик, — а мои бабы что будут делать зимой?».

С другой стороны, крепостное право неблагоприятно подействовало и на хозяйство самих крестьян. Как скоро помещик превратился в управителя крепостных душ, притом часто не жившего в имении, сельское хозяйство в имении предоставлено было самим крестьянам; они должны были эксплуатировать землю, как знают; помещик не пришел к ним на помощь со своей наукой или грамотой, с сельскохозяйственной книжкой, не вооружил крестьянский труд лучшими приемами производства. Эксплуатация земли, предоставленная крестьянам, велась по-старому, как она велась в XVI или XVII столетиях, т. е. крепостное право мешало вводить в русском земледелии новые, лучшие приемы производства. Вот чем частью надо объяснять недостаток технических сельскохозяйственных сведений в крестьянстве, его склонность пахать возможно больше и возможно хуже: это было последствием крепостного права, сказавшимся в тесной сравнительно среде сельского хозяйства.

ЛЕКЦИЯ LXXXIV

Следствия крепостного права. Крепостное право и народное хозяйство. — Географическое размещение земледельческого труда. — Крепостное право и городское население. — Крепостное право и государственное хозяйство. — Питейный доход. — Государственный кредит.

Я излагал влияние крепостного права на помещичье сельское хозяйство. Мы видели, что крепостное право здесь подействовало одинаково неблагоприятно как на помещиков, так и на крестьян. У первых оно отняло возможность по освобождении от обязательной службы сделаться классом сельских хозяев и в то же время лишило их самого энергичного побуждения делать сбережения, копить оборотный капитал; вторых, крестьян, крепостное право лишило технического руководства со стороны помещиков и при недостатке у последних оборотного капитала лишило их также достаточного земледельческого инвентаря. Помещики, не сберегая сами, в большинстве случаев не могли снабжать своих крепостных достаточными земледельческими орудиями и т. д. Но крепостное право проецирует свое действие и далеко за пределы сельского хозяйства. Оно является с половины XVIII столетия пружиной, которая направляет самые разнообразные сферы народной жизни. Мы даже не преувеличим его значения, если скажем, что с того времени вся внутренняя жизнь России есть история крепостного права с его послед-

ствиями, потому что эти последствия сказывались в отношениях политических и общественных, даже в умственной и нравственной жизни народа. К изучению этих последствий я и хочу обратиться.

Прежде всего, рассмотрим действие крепостного права на народное хозяйство вообще. Здесь мы вступаем в область явлений, которые становятся осязательными и понятными только при помощи цифр. Я не без страха изложу вам ряд цифр, боясь напугать их количеством. Но нет надобности запоминать все их. Нам нужны не эти цифры, а выводы, какие из них можно сделать. Нам нужно иметь цифры перед глазами, чтобы сделать выводы; сделав последние и запомнив их, мы можем без греха забыть первые.

Прежде всего, крепостное право задержало естественное географическое распределение земледельческого труда, которым жило огромное большинство населения страны. Не крепостное право создало неправильное размещение земледельческого труда в России. Такое размещение было делом нашей истории, начатым задолго до крепостного права. Припомните, что внешние обстоятельства сгустили массу русского населения в центральное пространство Европейской России, согнав его с плодородного южнорусского чернозема. Внешние враги, в борьбе с которыми народ истощил свои силы, заставили его подаваться с окраин к более безопасному центру, в то пространство, которое определяется течением средней и нижней Оки и верхней Волги. Но окраины, с которых должно было отступить население, большей частью были плодородны, тогда как более безопасный центр предоставлял земледельцу малоплодородную почву — суглинок. Отсюда и шло, что земледельческий труд должен был покинуть край, где он был бы прилагается с особенной пользой, и обратиться к почве, сравнительно меньше его вознаграждавшей. Вот неблагоприятный народнохозяйственный результат, к которому приведено было население внешними обстоятельствами. В XVIII столетии покинутое некогда черноземное пространство Европейской России опять были возвращены для народного труда, следовательно, явилась возможность уничтожить ненормальное

Крепостное право и народное хозяйство

Географическое размещение земледельческого труда

размещение земледельческого населения. Если бы ход народного хозяйства предоставлен был естественным условиям, не был ничем стеснен, достаточно было бы, может быть, двух-трех поколений для того, чтобы восстановить нормальное отношение земледельческого труда к почве, т. е. переместить излишнее количество земледельческого населения из малопродуктивных местностей в более плодородные. Это нормальное отношение труда к почве восстановлено было бы само собой путем крестьянских переселений. Крестьяне сами нашли бы более благоприятную для себя почву, как они находят ее теперь; для этого нужно было только предоставить земледельческому труду свободу передвижения. В продолжение XVIII столетия, по мере того как отвоевывалось у внешних врагов черноземное пространство южной и юго-восточной Руси, восстановилось ли это нормальное отношение труда к почве и в какой степени восстановилось? Ответа на этот вопрос мы должны поискать в цифрах статистических данных. Легко заметить, что около половины XVIII столетия некоторые губернии России были неестественно густо населены, другие же, напротив, населены столь же неестественно редко. Например, даже по четвертой ревизии, произведенной в 1782 г., оказалось, что в неплодородной Калужской губернии на каждую душу мужского пола приходилось в губернии почти $7\frac{1}{2}$ десятин, считая все пространство губернии и все население без различия классов. Напротив, в плодородной Воронежской губернии приходилось 15 десятин на мужскую душу всего населения губернии. Так как громадное большинство населения состояло из крестьян-земледельцев, то отсюда можно заключить, что на неплодородной Калужской почве сидело вдвое больше земледельческого населения, чем на плодородной Воронежской. Если бы труд имел возможность передвигаться туда, где он мог быть прилагается с наибольшей производительностью, то мы должны были бы увидеть, что земледельческое население быстро растет в черноземных губерниях, большая часть которых недавно была приобретена для государства. Напротив, это население должно было бы убывать в неплодородных центральных губерниях. Приняв во вид-

мание разницу в плодородии почвы здесь и там, мы должны были бы ожидать, что умножение земледельческого населения на юге должно идти в усиленной прогрессии. Обращаясь к данным, мы встречаем явления, которые не оправдывают этих ожиданий: возьмем цифры пятой ревизии, которая была предпринята в царствование Екатерины и кончена в начале царствования Павла, это ревизия 1796 г. В Калужской губернии сельское население, по данным этой ревизии, составляло 98% всей массы населения губернии: на каждую сотню обывателей губернии — 98 сельских жителей, т. е. крестьян и дворовых. В Воронежской губернии сельское население составляло 96%, если не меньше, если только можно положиться на данные ревизии. Какая разница в почве той и другой губернии и какой незначительный излишек в проценте сельского населения для Воронежской губернии сравнительно с Калужской! Далее, если бы народный труд размещался свободно, мы заметили бы, что в центральных губерниях, где преимущественно развивались городские ремесла и фабричная промышленность, постепенно и быстро стало бы возрастать население городское на счет сельского. Напротив, в черноземных губерниях, удаленных от искусственных и удобных путей сообщения, как от главных мест сбыта, городское население должно было бы расширяться с меньшей быстротой, уступать в этом населению сельскому. Этого надо было бы ожидать при естественном развитии народного хозяйства. Обратимся опять к данным, чтобы видеть, оправдаются ли эти ожидания; возьмем ту же Калужскую губернию и сравним в ней отношение городского населения к сельскому по четвертой и шестой ревизиям. Четвертая ревизия продолжалась с 1781 по 1787 г., а шестая ревизия начата была в 1811 г., накануне вторжения французов, и кончена вскоре после их изгнания — в 1813 г. Следовательно, расстояние между обеими ревизиями приблизительно 30 лет; по четвертой ревизии в Калужской губернии крестьян в 12 раз больше, чем городского населения — купцов, мещан и разночинцев, т. е. свободных городских обывателей, не принадлежавших ни к дворянству, ни к духовенству. При естественном дви-

жении народного хозяйства мы должны были бы ожидать, что во время шестой ревизии эта пропорция уменьшилась в пользу городского населения, т. е. что крестьян в Калужской губернии окажется не в 12 раз больше, а менее; по шестой ревизии узнаём, что сельского населения, т. е. казенных и крепостных крестьян, в 16 раз больше, чем горожан. На калужском суглинке и песчанике, оказывается, к шестой ревизии явилось больше земледельцев сравнительно с горожанами, чем даже 30 лет назад. Это произошло не от того, что крестьян стало больше, а от того, что количество горожан уменьшилось; такое странное явление не повторяется во всех губерниях: в Московской, например, видим обратное явление. Московская губерния тогда была центром городского ремесла и фабричной промышленности. Здесь, надо думать, город должен был успешнее воевать с подавляющими количественно селами. По четвертой ревизии сельского населения в Московской губернии в 15 раз больше, чем городского; это много: ведь в этой губернии находится столица, один из самых населенных городов. По шестой ревизии сельского населения в $9\frac{1}{2}$ раз больше, чем городского: здесь город немало отвоевал у села. Теперь обратимся к черноземным губерниям. Там должно быть обратное явление; там чем далее, тем более должно было увеличиваться преобладание сельского населения над городским. Припомните, что промышленное и торговое движение искусственными средствами с Петра направлено было к гавани Балтийского моря, к новой столице, выстроенной в северо-западном углу империи; притом в продолжение большей части царствования Екатерины Черное море еще не было открыто для русской торговли, по крайней мере, не было вполне безопасно. Следовательно, черноземная полоса России еще не имела свободной проторенной дороги к черноморским рынкам, а рынки балтийские были для нее слишком отдалены. Итак, здесь должно было успешно развиваться сельское население, отливая от центра. В Воронежской губернии по четвертой ревизии сельского населения в 24 раза больше, чем городского; по шестой ревизии — в 50 раз больше. Итак, здесь чернозем удачно воюет

городом, преимущественно привлекая к себе народный труд. Харьковская губерния должна бы представлять еще более крупные результаты этого торжества села над городом; однако здесь успехи его были менее значительны: по четвертой ревизии сельского населения только в 14 раз больше городского: это, как мы видели, почти московская пропорция. К шестой ревизии чернозем здесь сделал некоторые успехи, но незначительные сравнительно с успехами Воронежской губ. сельского населения здесь оказывается только в 19 раз больше городского. Итак, вы видите, что народный труд стремился разместиться естественнее прежнего, стремился найти себе более благодарную почву, место, где мог быть производительнее. Однако восстановление нормального отношения, как вы видите, шло неправильно, неравномерно. В губерниях, одинаковых по плодородию, земледельческий труд торжествовал над городским не с одинаковым успехом.

Что же мешало более равномерному и правильному размещению земледельческого труда с половины XVIII в.? Мы пойдем условия, которые мешали этому, как скоро рассмотрим социальный состав населения в разных губерниях. Дело в том, что крепостное население с наибольшей густотой сосредоточивалось в самом центре государства, на неплодородном суглинке. До нового разделения России по губерниям по Учреждениям 1775 г. Московская губерния представляла область, вмещавшую в себя несколько позднейших губерний: именно она состояла из губерний Московской и соседних, кроме Тверской и Смоленской, но со включением Костромской и Ярославской. В этой центральной губернии государства по третьей ревизии, произведенной в начале царствования Екатерины, только в этой одной губернии жило более $\frac{1}{3}$ всего крепостного населения империи, поэтому и в Калужской губернии мы встречали огромный процент крепостного населения: оно простиралось до 83% всего податного населения губернии, на 100 ревизских душ в этой губернии приходилось 83 крепостных. Совсем другое явление представляла тогда губерния Воронежская: там на 100 ревизских душ считалось всего 37 крепостных. Далее, мы не только не

замечаем убыли крепостного населения в центральных губерниях по разным ревизиям, но даже видим, что оно как будто растет здесь. Например, в Московской и соседних губерниях по второй ревизии, которая была в начале царствования Елизаветы, население крепостное составляло 70% всего податного населения; по пятой ревизии оно составляло здесь уже 74%. Напротив, крепостное население сравнительно с некрепостным в плодородных южных губерниях как будто становится в XVIII в. все меньше; например, в Орловской и Курской губерниях по второй ревизии крепостного населения считалось 58%, а по пятой — всего 56%. Что это значит? Плодородные южнорусские пустыни начали заселяться при Екатерине, но кем они заселяются? Очевидно, туда преимущественно текло то крестьянское или вообще рабочее население, которое оставалось вне крепости, т. е. то сыли преимущественно государственные крестьяне и все вольные городские люди. Очевидно, землевладелец, так давно и прочно усевшийся в центральной губернии, не выпускал крепостного на южнорусский чернозем, если только не приобретал там имения. Он мог бы не забывать о том, что на верхневолжском суглинке крестьянский труд менее производителен: ведь он сам занимался сельским хозяйством, он облагал души оброком и предоставлял крестьянам добывать средства для уплаты этого оброка, как знает. Вот чем объясняется и незначительная убыль крепостного процента в Московской губернии и даже прибыль его в губернии Калужской. Обе эти нечерноземные губернии принадлежали к числу самых крепостных, следовательно, здесь масса крепостного населения наиболее задерживалась, не могла передвигаться на южнорусский чернозем.

Эта причина, мешавшая восстановлению нормального отношения сельского труда к почве, долго, до последних годов, сохранила свои действия. Возьмите данные, относящиеся к первым годам после крестьянской эмансипации, и взгляните на размещение крепостного населения по разным губерниям. Вы увидите, что оно размещалось приблизительно так же, как и в XVIII в., т. е. без всякого соответствия с качеством

почвы. Мы должны были бы думать, что чем плодороднее почва, тем больше привлекает она к себе частных капиталистов, т. е. тем больше должно было итти земель в частном дворянском владении и, следовательно, тем больше должно было быть там крепостных крестьян. Но мы знаем, что дворянское землевладение развивалось не по качеству почвы, а по государственным потребностям, гуще было там, где нужен был дворянин, т. е. его боевые руки, и реже там, где он был менее нужен государству. В 1858 г. была кончена последняя десятая ревизия, следовательно, данные этой ревизии представляют нам размещение сельского населения накануне освобождения крестьян. Отсюда мы узнаем, что в Воронежской губернии крепостных было тогда 27% всего населения губернии, а в Калужской, напротив, 62%; в Смоленской, одной из самых скудных по почве, крепостного населения считалось 69%, а в Харьковской, принадлежащей к числу самых плодородных, всего 30%. Таким образом, крепостное право поддерживало насильственно земледельческое крепостное население на старых, менее плодородных местах, не позволяло ему передвигаться на места более плодородные, с тех пор как эти места были отвоеваны у татар. Если бы мы имели достаточно точных данных, мы верно увидели бы, что и теперь еще чувствуется в народном хозяйстве это неблагоприятное действие крепостного права. Теперь обратимся к другому последствию, которое обнаружилось в развитии собственно городского населения.

Я наперед обозначу вредное действие, какое оказало крепостное право на городское население: оно подорвало рост этого населения и успехи городских ремесел и фабричного производства. В начале XVIII столетия, когда еще заводились новые роды промышленности, городское население составляло очень незначительную долю всей массы населения в государстве: именно по первой ревизии городских торгово-промышленных обывателей, купцов, цеховых и мещан, насчитывалось более 172 тысяч душ на почти 6 миллионов всего податного населения империи: значит, городской торгово-промышленный класс составлял едва $\frac{1}{34}$

Крепостное право и городское население

долю всего податного населения. Петр очень много заботился о развитии городских промышленников и ремесленников, т. е. о развитии городского класса, но дело его не было продолжено его преемниками: городское ремесло и фабричное производство падают после него. Петру помощью казенных субсидий и принуждений удалось образовать небольшой кружок крупных заводчиков и фабрикантов, но этот кружок не разрастается после него: русская промышленность и торговля, о которой так хлопотал преобразователь, после него не становится на свои ноги и попадает в руки иностранных капиталистов. Чем дальше, тем более становится заметно, что внутренними ремеслами руководят иностранные фирмы. В царствование Екатерины это господство иноземных капиталов становится даже подавляющим: все крупные обороты страны находятся в руках преимущественно голландских и английских капиталистов. Петру удалось создать значительное преобладание вывоза над ввозом; это преобладание остается и после него: до конца XVIII столетия Россия вывозила за границу значительно больше товаров, чем привозила, но барыш, какой происходил от этого преобладания, доставался не русскому труду, а шел в руки руководителей иностранных капиталистов. Вот почему мы не замечаем значительного роста городского промышленно-ремесленного класса со смерти Петра. Мы видели, что этот класс по первой ревизии составлял едва $\frac{1}{34}$ долю всего податного населения. В 1769 г. насчитано было городских обывателей 228 тысяч ревизских душ. Сравнивая эту цифру с количеством податного населения в то время, находим, что она составляет также едва $\frac{1}{34}$ долю: городской класс со смерти Петра в продолжение почти полувека не сделал заметных успехов. Екатерина много хлопотала о так называемом третьем сословии; это третье сословие, т. е. городское промышленно-ремесленное, тогда, как известно, было модным словом в Западной Европе: о нем много писали в тех книжках, которые читала Екатерина; на третьем сословии покоились все надежды тогдашних либералов. Понятны заботы, какие прилагала Екатерина к развитию этого класса. Черты этой заботы встречаются в

любопытной переписке ее с французской знакомой м-м Жоффрен. Эта дама, вся пропитанная политико-экономическими идеями времени, неотступно просила Екатерину позаботиться о создании третьего сословия в России. Екатерина ей отвечала: «Обещаю вам, м-м, еще раз поблагодарить об этом; но и как же будет мне трудно устроить это третье сословие в России». Мы не можем определить, насколько успехи, сделанные городским классом при Екатерине, произошли от ее забот, насколько ими была обязана Россия естественному ходу дел, однако эти успехи становятся заметны, только они не оправдывают наших ожиданий, как не оправдали бы ожиданий м-м Жоффрен. К концу царствования Екатерины городских обывателей считалось до 755 тысяч ревизских душ. Сравнив эту цифру с податным населением империи, сосчитанным пятой ревизией, узнаем, что городской класс составлял $\frac{1}{25}$ долю всего податного населения империи.

Рассматривая причины такого тупого развития городского класса, мы должны поставить на первом месте крепостное право; оно имело двойное вредное действие на успехи городского класса, как и городской промышленности. Прежде всего, оно создавало опасных соперников городскому производству: каждый значительный помещик, основавшийся в своем селе или в своем городском доме, спешил обзавестись всеми удобствами, пользуясь крепостным трудом; из крепостного населения он создавал себе всяких ремесленников и мастеров, начиная от кучера и кузнеца и кончая живописцем, музыкантом, артистом и даже учителем детей. Таким образом, крепостное село со своим дворовым ремеслом явилось соперником городу с его свободным городским ремеслом. Вследствие этого у городского промышленного труда исчез наиболее зажиточный и крупный потребитель, каким был дворянин. Дворянину мало нужен был городской магазин: то, что он мог здесь получить, большей частью доставляло ему дворовое ремесло, то, чего не могло доставить ему последнее, доставлял иностранец. На помещика одно делал дворовый ремесленник, а другое ремесленник парижский; свой русский городской ремесленник оставался без хорошего

заказчика. С другой стороны, чем больше развивалась власть помещика над личностью крестьянина, тем больше стеснялась свобода последнего в распоряжении движимым имуществом; притом и это движимое имущество благодаря возвышавшимся помещичьим требованиям становилось все скуднее, крестьянин все меньше потреблял в городе, потому что имел и меньше свободы для этого и меньше средств. Одновременно с исчезновением крупных и зажиточных заказчиков у городского труда исчезли и потребители мелкие, но многочисленные. Вот чем объясняются незначительные успехи городского класса и промышленного ремесленного труда в продолжение XVIII столетия.

Это вредное влияние крепостного права живо чувствовали наблюдатели того времени: один из них — наш русский посол в Париже князь Дмитрий Голицын, много занимавшийся политико-экономическими вопросами, в письмах своих замечает, что торговля не может процветать там, где крестьяне лишены права собственности на свое движимое имущество. Итак, он ставил успех торговли в прямую связь с имущественной свободой крестьян; он указывает и на соперничество дворового ремесла с городским народным трудом; он говорит: «если в обеих столицах исключить барские дома с их дворовыми ремесленниками, сколько останется людей, на которых мог бы работать ремесленник городской?»

Таковы два народнохозяйственные последствия крепостного права. Я остановил вас на них, заставив вас выслушать несколько мелких подробностей и статистических данных, так как считаю очень важным это влияние крепостного права. Часто в организме чувствуется какая-то неловкость, которую, однако же, трудно определить; неловкость эта происходит от скрытого недуга, который распознать можно только внимательной и тонкой диагностикой. То же самое бывает и с обществами, которые недаром называют социальными организмами.

В продолжение XVIII в. не было минуты, когда бы русское общество чувствовало себя по себе, и редко удавалось определить источник этого чувства: вероятно, оно происходило от какого-нибудь скрытого со-

диального недуга. Этим недугом было крепостное право.

Приведенные мною данные бросают некоторый свет на то, как строилось русское общество в XVIII в. под влиянием восторжествовавшего тогда факта, т. е. крепостного права. Мы видели, как это строение было неправильно, как оно определялось частью старыми искусственными условиями. Теперь мы поймем и влияние крепостного права на государственное хозяйство, говоря проще, на финансы. Государственное хозяйство всегда отражает состояние хозяйства народного; последнее относится к первому, если позволите так выразиться, как кровообращение к коже: если кровообращение правильно, если кровь здорова, это здоровье отражается и на наружных покровах; как скоро портится кровь, сейчас это обнаруживается и на коже. То же представляет история государственного хозяйства в России. Несмотря на значительные средства, которыми располагало правительство, русские финансы в XVIII в., как и после, всегда составляли самое больное место государственного организма; в этом сказалось неправильное движение народного хозяйства. При Петре государство, как известно, получало свои доходы из двух главных источников: одним служил налог на труд и на капитал независимо от оборотов последнего — это налог личный; другой источник — налог на оборот капитала или, как чаще говорят политикоэкономы, налог на потребление независимо от личного труда и капитала. Первый род налогов называется прямым, второй — косвенным. При Петре налоги прямой и косвенный были почти одинаково обильными источниками государственных доходов. Не имея точных данных, мы можем приблизительно думать, что после первой ревизии путем прямых налогов получили почти столько же, сколько путем налогов, косвенных. Петр, заботясь о развитии промышленности и торговли, довольно заметно обнаруживал стремление дать перевес в государственном хозяйстве налогу косвенному, который тогда считался менее обременительным, следовательно, более хозяйственным; но он не достиг этой цели. Народное хозяйственные обороты после него развивались туго,

Крепостное право и государственное хозяйство

если только развивались а не падали. Довольно осязательным признаком этого тугого развития оборотов служит история прямых налогов в XVIII столетии: несмотря на постепенное увеличение государственных расходов и даже на упадок курса денег, прямой налог увеличивался чрезвычайно медленно. Как мы знаем, подушная подать по первой ревизии простиралась до 74 копеек с души, что значило почти то же, что 5 довоенных рублей; после Петра этот оклад был даже несколько уменьшен, назначен ровно в 7 гривен, и этот подушный оклад оставался неизменным до 1794 г., когда его возвысили до рубля. Это был трудный шаг, показывавший, как государство стеснено было в возвышении прямых налогов. Далее, кроме однообразного 7-гривенного оклада некоторые плательщики обложены были оброком, заменявшим доход с крепостных в пользу их владельца: это был оброк с дворцовых и государственных крестьян, как и с городских обывателей, не состоявших в личной крепости. Этот оброк по первой ревизии был определен для государственных крестьян в 40 копеек, а для городских обывателей вместе с подушным окладом в 1 рубль 20 копеек, т. е. оброк с городского обывателя равнялся 46 копейкам. В XVIII в. и этот добавочный сбор возвышался очень медленно: только в 1760 г. его увеличили до 1 рубля, а Екатерина в 1783 г. подняла его до трех рублей, и только. Очевидно, государство не рассчитывало на успех сбора при более сильном возвышении. Что стесняло его при его увеличивающихся потребностях? Неужели народный труд так слабо увеличил свой оборот, так мало возросло его производство, что правительство в продолжение 100 лет не отважилось даже удвоить подушного налога? В крепостном праве мы находим объяснение этой финансовой робости правительства. Может быть, труд стал доходнее, но из этой доходности казна не могла извлечь себе выгоды. между народным трудом и казной стал неудобный посредник, душевладелец-дворянин; он и перехватывал у народного труда все излишки, какие оказывались при успехе народного производства; перехватывая их, он не давал возможности казне воспользоваться ими. Мы знаем, что

помещику предоставлено было неограниченное право облагать крепостных людей платежами и работами: чем более крепостной труд становился производителен, тем более возрастали требования его владельца. Государственное казначейство не получало от народнохозяйственных успехов значительной прибыли. Надо припомнить, что крепостное население в империи около половины XVIII в. составляло почти половину всего населения империи (около 50%) и значительно большую половину всего податного населения (до 59%).

При такой невозможности напрягать народный труд путем прямых налогов, какое оставалось у правительства средство выйти из финансового затруднения? Крепостное право начало действовать в полном своем развитии с половины XVIII в., преимущественно с царствования Екатерины. Любопытно два средства, к которым обращалось правительство, чтобы вознаградить себя за невозможность возвышать прогрессивно прямые налоги. Если нельзя было увеличить прямого налога, нужно было обратиться к косвенному; но возвышение косвенного налога возможно только тогда, когда развивается народный оборот, т. е. увеличивается народный капитал, и капитал этот начинает работать живее. Ни того, ни другого не заметно в царствование Екатерины. Какой же источник оставался у казначейства для удовлетворения его возрастающих потребностей? Средство, которым пользовалось правительство Екатерины, в высшей степени характерно для патологии государственного хозяйства. В начале царствования Екатерины подушный налог с оброком составлял меньше половины всего государственного дохода; так, например, в 1764 г. из этого финансового источника казна получила с небольшим 9 миллионов, весь же ее доход простирался до 21 миллиона. Екатерина ввела новшество в одном косвенном налоге в казенной монополии: продажа вина отдана была на откуп. Винный откуп в начале царствования Екатерины давал 5 с небольшим миллионов рублей, как мы видим, почти вдвое меньше сравнительно с общей суммой прямых налогов. Постепенно откупные оклады возвышаются в царствование Екатерины, и винный доход растет с ужасной быстро-

Питейный
доход

той. Довольно нескольких цифр, чтобы видеть это. В 1787 г., как видно из обнародованных теперь финансовых ведомостей за все царствование Екатерины, государственный доход простирается почти до 43 миллионов, подушного сбора в том числе было около 8 миллионов, питейный доход — 9 миллионов. Итак, питейный доход уже перерос подушный сбор. (В состав этих 8 миллионов подушного сбора не входит добавочный сбор, т. е. имеется в виду только 7-гривенный оклад.) В 1795 г. государство получало уже 68 миллионов. Подушный оклад был возвышен до 1 рубля; этот доход давал государству с небольшим около 11 миллионов; питейного дохода считалось 24 миллиона. Вот в какой пропорции с подушным окладом растет этот косвенный налог: в начале царствования дает вдвое меньше, чем подушный сбор, потом несколько больше, чем последний, а в конце царствования более чем вдвое перерос подушный сбор. Теперь по финансовым ведомостям и по цифрам населения России в начале и конце царствования Екатерины рассчитаем, сколько платила ревизская душа казне и сколько пила каждая действительная душа в пользу казны в то и другое время. В 1764 г. ревизская душа работала в пользу казны средним числом на 1 р. 23 к.; в конце царствования Екатерины она платила казне 1 р. 59 к., т. е. в 1,3 раза больше, чем в начале; в 1764 г. каждая живая душа круглым числом пила в пользу казны на 19 коп., в конце царствования она пила больше слишком в 3 раза — на 61 коп., т. е. стала меньше способной работать и платить. Таково было одно средство, которым пользовалось правительство, чтобы выйти из затруднения. Как известно, рост питейного дохода не может служить знаком увеличения народнохозяйственного оборота: это знак страсти или несчастья, а не знак развития народнохозяйственного оборота. Не имея возможности расширить этот последний источник, государство с особенной заботливостью разрабатывает источник очень опасный — страсть.

Государственный кредит

Другим характерным финансовым средством был государственный кредит. Старые русские правительства почти не знали этого средства. Раз царь Алексей Михайлович попробовал его, выпустив на время медные

ассигнации, но операция сопровождалась такими тревожными последствиями, что правительство после прекращения ее долго к ней не обращалось. Петр, не желая знать государственного кредита, расплачивался чистыми деньгами, расходуя, сколько было в казне, или переставая платить, когда в казне ничего не оказывалось. В царствование Екатерины когда политико-экономические и финансовые идеи Запада стали сильно распространяться в России, государство обратилось и к этому средству: Екатерина первая стала занимать. В 1768 г., в начале первой турецкой войны, был учрежден государственный ассигнационный банк; он выпустил на миллион рублей бумажных денег — ассигнаций. Потребность в бумажных деньгах чувствовалась на рынке: для мелкого труда была тяжела медная монета, ее было полезно заменить денежными знаками. Правительство положило в банк фонд тоже в миллион рублей значит, обмен ассигнаций был вполне обеспечен. Вот почему ассигнации ходили на рынке по одной цене с серебряными деньгами: они были даже несколько дороже медных денег и давали лаж. Итак, предпринятая в 1768 г. мера была только выгодна для народного оборота. Потом выпуск ассигнаций усилился: в 1774 г. пущено было в оборот уже 20 миллионов бумажных денег, но обмен не был затруднен, почему ассигнации и держались в своей цене. Как известно, государственный кредит — очень выгодное, но опасное средство для казначейства: здесь легко переполнить меру и из средства облегчения для народного оборота создать средство обременения для народного труда. Начиная вторую турецкую войну, правительство, не имея наличных средств, решило энергически пользоваться кредитом и выпустило бумажных денег уже на 100 миллионов. Впрочем, в манифесте, сопровождавшем этот выпуск, Екатерина давала торжественное обещание не увеличивать бумажных денег ни на одну копейку. К концу второй турецкой войны, как известно, очень дорогой, на рынке обращалось уже 150 миллионов бумажных денег; к концу царствования это количество было сокращено до 82 миллионов. Однако выпущенная масса бумажных денег почувствовалась на рынке и сопро-

вождалась упадком бумажного рубля. В продолжение турецкой войны бумажный рубль падал до 40 копеек; к концу царствования Екатерины установился курс рубля в 68 копеек, т. е. с потерей в 32%; недостающие проценты должны были возмещаться усилением прямых или косвенных налогов. Так при Екатерине создался внутренний долг, представленный бумажными деньгами; этот долг — беспроцентный. Но Екатерина должна была обращаться и к заграничным банкам, т. е. делать внешние займы на довольно тяжелых условиях. За границей не питали доверия к русскому государственному хозяйству: во время Семилетней войны императрица Елизавета напрасно выпрашивала у американских банкиров 2 миллиона денег взаймы: ей никто не дал. Екатерине давали займы, но на тяжелых условиях. К концу царствования внешнего долга накопилось 44 миллиона, на покрытие процентов по этому долгу государство ассигновало ежегодно уже без малого 5 миллионов рублей. Если мы сосчитаем внешний и внутренний долг, мы определим сумму, которую правительство забрало в долг у будущего, ибо задолжавшее государство как бы забирает в долг у дальнейших поколений часть их имущества. Внешний долг в 44 миллиона, сложенный с 82 миллионами долга внутреннего, составлял сумму в 126 миллионов, а государство в конце царствования Екатерины в последние года получало дохода средним числом 65 миллионов, т. е. Екатерина, оканчивая свое царствование, забрала у потомства два бюджетных года.

Таковы были два средства, к которым обращалось казначейство при Екатерине. Оба средства были тяжелы: одно обременительно для будущего, другое разорительно для настоящего, потому что успех откупного дохода, очевидно, приобретался не путем обременения народного труда, а путем усиленного расходования самых производительных сил народа: чем больше рос этот доход, тем меньше становилась народная способность к производительному труду. Очевидно, оба эти опасные средства стали необходимыми для правительства за отсутствием других источников дохода, а другие источники дохода были закрыты крепостным правом.

ЛЕКЦИЯ LXXXV

Следствия крепостного права. Отстранение дворянства от дел. — Крестьянские восстания. — Перемены в характере общества. — Упадок технического образования. — Университет. — Шляхетский корпус. — Иностранные педагоги. — Частные учебные заведения. — Типы дворянского общества. — Путешествия за границу. — Выбор книг для чтения.

Я изложил влияние крепостного права на политический и экономический порядок в царствование Елизаветы. Нам остается теперь изучить последствия, какие вышли из этого же источника для умственной и нравственной жизни тогдашнего общества: мы входим в область наиболее сложных и в то же время наименее осознательных явлений. Черты, которые характеризуют умственную жизнь тогдашнего общества, при первом взгляде на них покажут очень мало родства с крепостным правом: что общего было, повидимому, между катерининским вольтерьянством и порядком, введенным крепостным правом? А между тем, и крепостные нравы и вольтерьянство шли из одного и того же источника. Явления, в которых сказывалась умственная и нравственная жизнь русского общества, были тесно связаны с тем положением, какое создано было для дворянства крепостным правом: это право в первое время и уединило дворянство и сделало его праздным. В стране, где господствующий класс общества сосредоточивает в себе и политические привилегии и экономи-

Отстранение дворянства от дел

ческие средства, этот класс должен быть очень занят: политические привилегии должны его вовлекать в политические дела страны, чтобы руководить обществом, во главе которого он стоит. Экономические средства, если это господствующий капитал в стране, должны задавать ему большую хозяйственную работу. В руках русского дворянина второй половины XVIII в. было и то и другое: и привилегии и господствующий капитал страны, т. е. землевладение. Дворянству открыто было широкое участие в управлении государством, именно, в областном; в то же время, владея большей частью доходной земли в стране, оно должно было регулировать народное хозяйство. Но крепостное право помешало ему стать действительно занятой силой в том и другом порядке отношений.

Предоставленное дворянству участие в местном управлении уже при Екатерине перестало быть серьезным делом, превратилось в карикатуру. Это дворянское самоуправление вело только к периодическим съездам дворян на уездные и губернские собрания, к празднествам и к избирательным интригам. Само дворянство принимало очень мало непосредственного участия в местных делах: раз в три года оно съезжалось, чтобы выбирать местных управителей, заседателей, исправников и т. п. и потом до следующего съезда складывало руки. Сами эти избираемые представители дворянства вместе с коронным, но дворянским губернатором были нужны дворянству не столько для того, чтобы руководить делами общества, сколько для того, чтобы поддерживать порядок, сдерживать беспокойных крестьян в своих собственных имениях: оно не руководило своими избранниками, а избирало последних, чтобы обеспечить себе спокойный сон. Таким образом, предоставленное дворянству участие в местном управлении не задавало сословию серьезного общественного дела.

Крестьян-
ские вос-
стания

Притом, крепостное право отрывало дворянство от окружающей среды больше прежнего; оно сделало его чуждым той среде, которой оно должно было руководить. Мы уже знаем, что крепостное право нарушило равновесие между правами и обязанностями дворянства;

с дворянства сняты были его старинные государственные обязанности, но удержаны и даже увеличены его старинные политические и экономические преимущества. Таким образом, общественный порядок в государстве очутился на новом основании. Это основание было политической несправедливостью. Чувство перемены в самом основании государственного порядка заметно уже при Екатерине даже в народной массе. Низшие, наиболее придавленные классы общества бунтовали нередко как в XVII, так и в XVIII столетии: оба эти века в нашей истории — эпоха народных мятежей. Но есть большая разница в побуждениях, какими вызывались бунты того и другого века. Против чего восстают народные массы в XVII в., при царе Алексее? Против низших органов управления, воевод и приказных людей: эти мятежи вызывались негодованием на административные порядки и нравы, но не чувством несправедливости общественного строя. Общественный строй в XVII в., если угодно, был недостаточно выработан, но не был основан на несправедливости. Тогда все классы несли свою службу государству и по свойству этих служб пользовались известными преимуществами или, лучше сказать, за исключением одного высшего боярского класса не пользовались никакими. В XVIII в. народные мятежи имели другую цель, развивались под другим знаком: народная масса не восстает против администрации, но она идет против дворянства; мятежи получают социальный характер, какого они не имели в предшествующее столетие. Так сказало чувство политической несправедливости, на какой держался государственный порядок, а эта несправедливость, заключающаяся в нарушении равновесия между обязанностями и правами масса, внесена была в государственный порядок крепостным правом. Благодаря привилегиям дворянство стало так высоко над управляемым обществом, что порвались его исторические связи, которыми оно прежде было соединено с последним.

Далее, даровой труд, каким дворянство пользовалось благодаря крепостному праву, сняло с него тяжелую обязанность непосредственно заниматься хозяйственными делами. Дворянство, как мы знаем, теперь

на свободе стало менее сельскохозяйственной силой страны, чем прежде; так случилось, что класс, который в продолжение веков работал на общество и в последний век стал им руководить, очутился в одно время и в стороне от этого общества, чуждым ему, и без дела. Это дворянское безделье вместе с общественным уединением и составляет самую важную черту в жизни нашего общества. Отсюда вышли чрезвычайно разнообразные последствия, которыми и определился не только характер общежития, но и умственная и нравственная жизнь того времени.

Перемены
в характере
общежития

Как скоро класс отрывается от окружающей его среды, в нем начинает складываться искусственная жизнь, чуждая действительным интересам, которыми живут другие, наполненная интересами фальшивыми, призрачными; люди привыкают игнорировать действительные явления, как чужие сны, а собственные грезы принимать за действительность. Такое направление быстро развилось в дворянской среде с половины XVIII в. вследствие общественного уединения и безделья класса. По мере того как дворянство чувствовало досуг, ему открывавшийся, в обеих столицах и больших городах мы замечаем быстрые успехи людскости, общежития: в городах развивается привычка собираться и толковать, вырабатывается известная манера обращения, вкусы, приличий, каких не знали прежние слишком занятые поколения. Эти успехи общежития замечаются только в дворянском обществе. Они действуют и на воспитание молодых поколений: подростки, вникая в потребности отцов, приготавливаются к той жизни, которую те устанавливали.

По мере того как дворянство, освобождаясь от тяжестей обязательной службы, стало чувствовать себя без дела, в нем развивалась потребность наполнить досуг, занять скучающую лень плодами чужих умственных и нравственных усилий, цветами заимствованной культуры, так как своего материала, годного для удовлетворения этой потребности, не было достаточно. Тогда усилился спрос на изящные украшения жизни, на эстетические развлечения. Случилось так, что вступление на престол Елизаветы было падением немецкого

владычества при русском дворе, но одно падшее иноземное, немецкое, владычество сменилось иноземным же французским влиянием. Французские моды, костюмы, манеры, язык начали проникать в дворянскую среду, украшая ее общезнание. Тогда и театр стал важным житейским интересом; вкус к спектаклям усилился при дворе и в высшем обществе. Припомним, что это было время, когда в Петербурге впервые основался русский театр и стали заводиться театры провинциальные. Заимствование этих изящных украшений жизни тотчас дало почувствовать необходимость в образовании, которое подготавливало бы людей к пользованию заимствованными благами.

С царствования Елизаветы заметна становится эта перемена в системе воспитания. Петр, как известно, подворил техническую мастеровую школу, хотел сделать дворянство проводником технических военных знаний в русском обществе. По смерти его это образование падает с каждым десятилетием; падение это можно заметить по ходу дел в созданных им военных учебных заведениях. Петр очень хлопотал о развитии навигацкой науки, для которой он учредил Навигационную школу в Москве и Морскую академию в Петербурге. Морская академия при его преемниках пришла в очень жалкое состояние: по донесению заведывавшего этим заведением адмирала Коллена в 1750 году, академия не могла набрать полного комплекта воспитанников: дворяне не отдавали туда своих детей, вообще чуждались морской службы, в академию поступали только самые бедные дворяне, которым некуда было деваться. Эти молодые люди редко ходили в школу, сидели дома, не имея ни платья, ни сапог; академия платила им мизерное жалованье, сама считая его недостаточным или приличного офицерского содержания, а воспитанник Морской академии — будущий офицер. Даже солдаты, по донесению адмирала Коллена, пользовались лучшим содержанием, чем воспитанники этой школы. Это развивались успешно другие учебные заведения, которые не имели технического характера.

В царствование Елизаветы в 1755 г. учрежден был первый Российский университет в Москве: ему пред-

Упадок
техниче-
ского об-
разования

Универси-
тет

назначалось сделаться рассадником тех высших специальных знаний, какие требовались государству, ставшему на европейскую ногу. В 1755 г. в этот университет набрали 100 студентов, через 30 лет, в царствование Екатерины, в нем было только 82 студента. В начале царствования Екатерины II было два университета: один при Академии наук в Петербурге и другой в Москве, с двумя состоявшими при них гимназиями. Эти общеобразовательные заведения находились в самом плачевном состоянии. Ломоносов писал об академическом университете, что в нем «ни образа, ни подобия университетского не видно». Академики, обязанные читать лекции, обыкновенно их не читали. Студенты набирались преимущественно из московских духовных учебных заведений; дворяне шли сюда неохотно. Хотя студентов не учили, однако их секли розгами. В 1736 г. несколько студентов обратилось в Сенат с жалобой, что профессора их ничему не учат. Сенат предписал профессорам читать лекции; академики почитали, даже проэкзаменовали студентов, выдали им «добрые аттестаты», тем дело и кончилось. Если войти в тогдашние университетские аудитории, можно было бы подумать, что попал в иностранную колонию: лекции читались на латинском, преимущественно на французском языке, на нем же велись протоколы совета. Но это учебное заведение, которое должно было проводить в русское общество высшие знания, также развивалось плохо: в 1765 г. в этом университете числился один студент на юридическом факультете, в 1767 г. один студент на медицинском. Во все царствование Екатерины только один врач выдержал в университете экзамен на степень доктора.

Шляхетский корпус

Зато чрезвычайно успешно развивался Шляхетский кадетский корпус, учрежденный по плану Миниха для дворян в 1731 г.: это потому, что Шляхетский кадетский корпус, военно-учебное заведение, всего менее занимался военными науками: это был светский университет, где преподавалось все, кроме того, что нужно офицеру, а воспитанники корпуса выпускались в большинстве случаев офицерами. В кадетском корпусе преподавателями были сначала почти исключительно нем-

цы, потом и французы; всего меньше здесь было русских учителей. Здесь преподавали геральдику, генеалогию, историю, географию, юриспруденцию, философию, танцы, — все, что угодно, только не военные науки; военными упражнениями занимались только лишь в неделю, в субботу, для того, как сказано в одной инструкции, чтобы «другим наукам помехи не было». Даже закон божий, который в университетской гимназии иногда вовсе не преподавался, преподавался в кадетском корпусе; но русский закон божий преподавался на немецком языке и немецким учителем, лютеранским пастором, доктором богословия. Таким образом, в судьбе кадетских заведений сказалась перемена в образовательных вкусах и стремлениях русского общества; очевидно, оно не хотело техники, не хотело никаких специальных знаний; оно хотело светского образования. Вот почему в гимназии, которая состояла при Московском университете, французский язык преподавался 14 часов в неделю, а русский — 6 и танцы — 6 часов. Само правительство поддерживало такое направление образования; кадеты, изучая общеобразовательные предметы, к тому же увлекались в эстетические развлечения по указу императора. Раз прислано было в Петербургский кадетский корпус приказание от двора разучить одну драматическую пьесу и поставить ее на сцену, для чего кадеты охотно отказались от школьных занятий, начиная от рождения до великого поста; кадеты играли эту пьесу в присутствии двора. Преподавание сценического искусства даже стало одним из важных предметов вместе с живописью и искусством делать статуи. Таким образом правительственная школа отразила в себе новые интересы общества, усвоила себе очень широкую и разнообразную программу, направленную к изучению того, что требовалось не на службе, а в салоне, в светском обществе.

По примеру правительственной школы устраивалось и частное образование. Далеко не все дворянство могло поместить детей в школы, из которых некоторые, как Московский университет, были никуда не годны; для того чтобы приготовить детей к светской жизни, которая могла дать важные материальные вы-

Иностран-
ные педа-
гоги

годы, старались обзавестись домашними учителями или воспользоваться частными школами. С того времени обнаруживается сильный запрос на учителя-гувернера, немца и, преимущественно, француза. Переворот 1741 г., возведший Елизавету на престол, положил предел немецкому влиянию; с этого времени начинается влияние французское, т. е. влияние французского языка, французских обычаев и французской литературы. Сперва вызвал сильное предложение; с царствования Елизаветы начинается усиленный транспорт французских учителей из Франции в Россию; учителями этими были все, которые не могли себе найти подходящего дома. Требования на них со стороны русского общества были таковы, что им могли удовлетворять люди с самым элементарным образованием; в большие дома гувернерами шли французы-парикмахеры и другие ремесленники, даже люди, которые должны были покинуть отечество, не сошедшись в понятиях с местной полицией. Русская сатира второй половины XVIII в. может быть даже слишком ярко, нарисовала нам французских гувернеров того времени, которые вместе с италянскими кружевами, апельсинами и другими товарами ежегодно ввозились в Петербург в большом количестве через Кронштадтскую пристань. Само правительство жалуется на дороговизну и невежество преподавателей; в указе 12 января 1755 г., которым открыт был Московский университет, мы читаем: «малое число в Москве у помещиков на дорогом содержании учителей, из которых большая часть не только учить науки не могут, но и сами к тому ни какого начала не имеют... иные, не сыскав лучших учителей, принимают таких, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали». Указ сознавал необходимость заменить таких невежественных воспитателей достойными и сведущими в науке национальными людьми. Но по судьбе Московского университета можно судить, как мало было тогда таких достойных национальных людей.

Некоторые заграничные педагоги, явившиеся в Россию, открывали частные учебные заведения. Пансионеры содержимые иностранцами, стали возникать у нас

царствования Елизаветы; эти пансионы даже действовали успешнее многих правительственных школ благодаря сильному запросу на светские знания. В мемуарах XVIII в. можете полными горстями брать любопытные черты воспитания, какое получало русское юношество в этих пансионах. Вот что рассказывает о своем образовании смоленский дворянин Энгельгардт, поступивший в пансион Эллерта в Смоленске в 1778 г., следовательно, уже после того, как был начертан Наказ. Эллерт был недалеко в науках, но науки и не спрашивались; вся его учебная деятельность состояла в поверхностном преподавании всяких наук: грамматики, риторики, истории, географии, мифологии и т. п. Первым предметом был французский язык; занятия учеников почти исключительно состояли в вытверживании французских фраз. За малейшую вину Эллерт наказывал жестоко, по выражению автора, «был настоящий тиран». Много было в пансионе изуродованных, но пансион был всегда полон, несмотря на высокую плату — 100 рублей, которые равнялись нашим 700—800 рублям. Французский язык, разумеется, преподавался всего успешнее, потому что под страхом жестокого наказания воспитанникам запрещено было говорить на другом языке: за каждое русское слово били ремнем из подошвенной кожи. Из самих пансионеров создана была иерархия высшего и низшего начальства, т. е. больших и маленьких шпионов. И дворянские девицы должны были идти за братьями искать нового образования, какое требовалось в свете. С того времени дворянская девица, воспитанная в старых русских нравах, начала перерабатываться в мадемуазель. В пансионе Эллерта было отделение для образованных девиц; два раза в неделю в пансионе открывался танцкласс, на который из города и окрестных деревень выезжали дворянские девицы для изучения тайн мазурки и контрданса; за курсы танцев Эллерт брал 40 рублей. Эллерт держался одинаковой педагогики как в образовании кавалеров, так и в образовании мадемуазелей, т. е. был одинаково жесток с теми и другими; одной взрослой девице он при всех отбил руки о спинку стула за непонятливость в танцах. Это

светское образование должно было подготовить людей к успеху в свете; русский дворянин, гвардейский солдат и армейский офицер при Петре, теперь должен был бросить свой курс цыфры и геометрии и приняться за изучение светских приличий.

Под влиянием этих новых вкусов, художественных развлечений, уже к началу царствования Екатерины сложились два типа, которые характеризуют тогдашнее дворянское общество. Эти типы — руководители тогдашней светской жизни: один светский щеголь, «петиметр», другой «светская вертопрашка», «кокетка», как назывались эти типы в то время. Оба они очень любопытны для характеристики тогдашнего русского общества; в обоих сказался важный момент в ходе нашего образования. Достаточно читать сатирический журнал первой половины екатерининского царствования, чтобы получить полное понятие о том и о другой. Это люди, воспитанные французским гувернером, во французских обычаях и на французском языке; у щеголя, петиметра, нет отечества, т. е. у него есть отечество, но далеко — Париж; к русской жизни он относится с величайшим презрением уже потому, что не знает ее, никогда не видал ее; петиметр — кавалер, для которого кодекс светских приличий — святыня; русский язык он презирает столько же, сколько и немецкий; тот и другой — достояние дедов, вышедшее из моды. Услыхав об Уложении царя Алексея, он говорит в одной из комедии Сумарокова: «Уложение, это что за зверь? Я не только не хочу знать русские права, я бы и русского языка знать не хотел. Скарденный язык! Для чего я родился русским? Научиться как одеться, как надеть шляпу, как табакерку открыть, как табак нюхать, стоит целого веку, а я этому формально учился, чтобы мог я тем отечеству своему делать услуги.» — «Экое безобразие! — восклицает арлекин-наблюдатель, — это, конечно, обезьяна, только не здешняя, а заморская». Кокетка совершенно под пару петиметру; это — светская барыня, ей хорошо везде, только не дома; она интересуется всем, только не семьей, редко видается с мужем и по возможности не видит детей. Весь ее житейский катехизис состоит в том, чтобы со вкусом

одеться, грациозно войти, приятно поклониться, изящно улыбнуться. Бабушки петиметра и кокетки еще воспитывались на немецком языке, говорили странным русским языком: «Мейн муж кам домой, штиг через забор и филъ инс грязь». Таков был немецкий язык времени императрицы Анны. Теперь нравы изменились; французский язык дал новый пошиб великосветскому жаргону. Люди без отечества и убеждений, они, выражаясь их же языком, «фельетировали модные книжки без всякой дистракции» и выносили отсюда «речь растеганную и мысль прыгающую». Если вы будете читать изображения великосветской жизни в Петербурге половины царствования Екатерины, вас смутит эта изысканность и некоторая растрепанность языка. В великосветской жизни грешки были всегда; теперь как бы выразилась женщина, приглашая мужчину на свидание: «Придите...» и т. д.; тогда великосветская дама выражалась так: «Мужчина, — писала она своему поклоннику, — притащи себя ко мне, я до тебя охоча, ах, какая ты сладость, ужесть, ужесть, я от тебя падаю». Так отражались на невозделанной русской почве новые привозные вкусы, которые слишком неожиданно понадобились в житейском обороте.

Вы поймете, какое опустошение эти вкусы должны были произвести в старорусском запасе идей и нравственных чувств. Русский образованный дворянин не только должен был пройти принятый курс всяких приличий, но должен был для достижения совершенства побывать за границей. С конца царствования Елизаветы начинается странствование русских людей за границу для довершения образования; странствовали почти исключительно дворяне и почти исключительно в Париж. Парижские улицы, кофейни, рестораны были для русского дворянина настоящим университетом; отсюда он возвращался в Петербург обремененный знаниями и приличиями. Как русские люди вели себя за границей, как они жадно вematривались во все, что видели, и чайники не понадобится ли это в русском петербургском свете, это можно видеть в картинке русских путешественников, нарисованной уже в эпоху революции в известном «Нуво Пари». Что такое русский дво-

Путешествия за границу

рянин за границей?.. Это человек вечно занятой, он все бегаёт, всё щупает, не зная, для чего это нужно; домой он возвращался с таким же, верно, хаотическим запасом впечатлений, какой, помните, принес домой и Петр, возвратясь в 1698 г., но Петр приносил с собой впечатления фабрик, кораблей, а русский дворянин, тот, которого Петр хотел сделать настоящим дельцом знаний, возвращался в Петербург с воспоминанием о кофейнях, ресторанах, увеселительных заведениях, модах, модистках и т. д. В «Трутне», сатирическом журнале, в одном номере 1769 г. мы читаем юмористическую публикацию, в которой, к сожалению, очень много правды. Эта публикация такова: «Молодого поросенка, путешествовавшего по чужим странам, чтобы получить образование, и возвратившегося совершенной свиньей, можно будет видеть без денег на всех улицах столицы».

Выбор
книг для
чтения

Светские вкусы содействовали развитию эстетических и литературных развлечений; это были необходимые последствия безделья, которое заставляло чем-нибудь наполнить досуг. Это поразительное явление — жажда эстетических развлечений в русском обществе в царствование Елизаветы. Вместе с этим развился и вкус к чтению. Сначала читали все без разбора, что попадет под руку; есть записи XVIII в., которые, может быть, лучше других мемуаров рисуют нам русское общество второй половины XVIII в. Это обширные, простодушные, не умные, но добрые записки Болотова. Болотов говорил, что он, начиная читать, сначала взялся за историю Александра Македонского, потом прочитал Ангильберга, «Камень веры» Стефана Яворского, потом прочитал роман «Жиль-Блаз», далее перешел к Минеям-четырем Димитрия Ростовского, наконец, попадает к нему Сумароковская трагедия «Хорев», и он выучивает ее наизусть. С конца царствования Елизаветы пошла в ход модная любовная песенка. Песенки и романсы тогда сочинялись во множестве стихотворцами, разучивались быстро светскими барынями и барышнями и не сходили с их языка. Появление любви к таким чувствительным песенкам отмечает нам Болотов в половине XVIII в. Сначала, читая без разбора, без цели, не обращали внимания на содержание; при Екатерине

Новые условия русского образования указали этому чтению цель, выбор и дали новое содержание; это содержание; т. е. тот круг идей, которые выносило русское общество из чтения, — новый любопытный факт в истории нашего образования. До половины царствования Екатерины усваивались манеры и приемы, без которых нельзя было обойтись в свете; с этого времени стали усваивать идеи и убеждения, хотя без них не только можно, но и должно было обойтись обществу.

ЛЕКЦИЯ LXXXVI

Влияние крепостного права на умственную и нравственную жизнь общества. — Нравы общества при Елизавете. — Новые интересы общества при Екатерине II. — Новые идеи в педагогике. — Увлечение французской философией. — Перевод французских писателей. — Влияние новых идей. — Типичные представители общества.

Нравы общества при Елизавете

Умственная и общественная жизнь, мною изложенная, относится к первому периоду в развитии русского образованного общества со смерти Петра; период этот можно назвать елизаветинским. При помощи моды, новых вкусов и модного воспитания общежитие получило около XVIII в. своеобразный отпечаток. Туземные и чужестранные наблюдатели передают нам черты этого общежития. В глубине общества лежал слой, мало тронутый новыми влияниями, — мелкое сельское дворянство; здесь господствовали старые вкусы. Характер этого слоя рисует нам человек первой половины XVIII в. майор Данилов. Он рассказывает о своей родственнице тульской помещице-вдове: она грамоте не училась, но каждый день, разогнув книгу, читала наизусть вслух акафист богородице; она очень любила щи бараниной, и пока их кушала, перед ней секли прившую их кухарку не потому, что она дурно варила, а так, для аппетита. На этой культурной сельской подпочве лежал модный свет столичных и губернских городов. Это было дворянское праздное общество фран-

цузского языка и легкого романа. Болотов точно определяет время, с которого стали обнаруживаться следы успехов общежития в дворянских классах. Он говорит, что именно с половины века, «с середины царствования Елизаветы, вместе с карточной игрой и вся нынешняя светская жизнь получила свое основание, и стал входить в народ тонкий вкус во всем». Несколько позднее иностранный наблюдатель французский посол Сегюр еще застал живые следы этого общежития; он под внешним лоском петербургского света подметил еще некоторые остатки древней старины; но он изумляется успехам, каких достигло высшее общество в усвоении инземной культуры. «Все, что касается до тонкости обращения и до светских приличий, усвоено петербургским обществом в совершенстве». Сегюр встречал здесь модных дам и девиц, которые говорили на трех-четыре языках, играли на самых разнообразных инструментах и отлично знали произведения важнейших романистов Англии, Франции и даже Италии. Что же осталось от этого общежития, какой прочный осадок отложился в русском обществе? Несомненно, что он сообщил дворянскому бомонду некоторую светскую выправку, которая пришла взамен старой выправки казармы. В этом общежитии, стремившемся так заботливо наполнить свою тяжелую пустоту, эстетические развлечения решительно преобладали; они подействовали и на нервы. Любопытно наблюдать развитие эстетической восприимчивости и чувствительности в высшем свете. Кажется, люди русского высшего общества никогда не были так слабонервны, как в это время: они плачут при каждом случае, даже таком, который не вызывает слез. Депутаты Комиссии 1767 г. плачут при слушании Наказа, который своими отрывистыми и сухими статьями вовсе не располагает к чувствительности. Высокопоставленный граф Чернышев плачет от умиления, видя, как костромское дворянство прилично, т. е. не совершив никакого скандала, приняло и угостило императрицу. Этот же Чернышев, человек очень узкого мирозерцания, не мог без слез вспоминать о Пестре и говорил, что это «истинный бог был на земле при наших предках». Таков был первый, елизаветинский,

момент в развитии дворянского общежития. Он оставил после себя осадок в русских понятиях и нравах; этот осадок состоит в светской выправке, в преобладании эстетических развлечений и развитии слаборвной чувствительности.

В царствование Екатерины в русское светское общежитие вошли некоторые новые интересы и вкусы, которые сообщили ему некоторые новые черты; это — второй период в развитии русского дворянского общежития XVIII в. Главной заботой светского общества в первый период было украшение жизни, наполнение досуга изящными развлечениями, плодами чужой культуры; главной заботой общежития во второй период было украшение ума, усвоение чужих идей. Мы уже знаем, как подготовлено было это новое стремление. При Елизавете изучение французского языка было модой, требованием приличия, светской благовоспитанности. Вместе с изучением этого языка распространялся и вкус к изящной литературе. Эта литература занимала людей не потому, что сообщала полезные сведения и внушала полезные чувства, а просто потому, что приятно наполняла досуг. Однако знакомство с французским языком и склонность к беспорядочному чтению послужили важным средством и к распространению политических и нравственных идей с половины XVIII в. Прежде читали просто для развлечения, а теперь для того, чтобы узнать интересные вещи, о которых пишут. Случилось так, что для русского общества Франция стала образцовой страной вкуса и общежития именно тогда, когда ее литература получила общеевропейский интерес. С половины XVIII в. в этой литературе появляются произведения, которые оказали наиболее сильное действие на европейские умы. Так праздный вкус встретился с непраздным умственным движением в Европе. Отсюда идет могущественное влияние французской просветительной литературы на русское общество, влияние, какого она не оказала ни в одной стране Европы. Этот странный факт был подготовлен различными условиями; влияние проводилось различными путями. Прежде всего, этому влиянию покровительствовало правительство; оно еще при Елизавете за-

низало непосредственные сношения с корифеями французской литературы: Вольтер добился звания члена нашей Академии наук и выхлопотал себе чрез покровителя французской литературы и очень близкого к императрице человека, куратора Московского Университета Ивана Ивановича Шувалова, официальное поручение от русского правительства написать историю Петра Великого. Со вступлением на престол Екатерины эти сношения продолжались и даже стали теснее. Екатерина, еще в молодости много читавшая по-французски, ставшая поклонницей Вольтера, теперь спешила завязать знакомство и сношения с французским литературным бондом. Здесь ею руководил не один философский или литературный интерес и, может быть, даже этот интерес руководил ею всего меньше: с годами ее увлечения охладели. Но Екатериной руководили некоторые дипломатические соображения, хотя для нас не совсем понятные; она почему-то придавала необыкновенную цену мнению модных французских писателей о России и русских делах, следовательно, и об императрице; она так ценила это мнение, что иногда очень неискусно ухаживала за этими писателями. Екатерина в Наказе своем, как известно, пыталась даже воспользоваться последним словом французской публицистики для практических потребностей русского законодательства. Как ни странно, одного из самых умных представителей французского литературного движения и одного из самых крайних — д'Аламбера — она приглашала на должность воспитателя своего сына и наследника Павла. Д'Аламбер, сотрудник Дидро по изданию энциклопедии, имел такт отказаться от этого приглашения, и Екатерина послала ему упрек за то, что он отказывается «составить счастье целого народа». Хорош был бы наследник русского престола, воспитанник д'Аламбера, хотя в этом не был виноват ни тот, ни другой. После Екатерина приглашала д'Аламбера и его друзей просто к себе в гости, обещая им в России больше «спокойствия и свободы слова, чем сколько они пользовались этим у себя в отечестве» и Дидро не был забыт ею: узнав, что этот энциклопедист нуждается в деньгах, Екатерина купила его биб-

библиотеку, заплатив за нее 15 тысяч ливров, и оставила бывшего владельца пожизненным хранителем этой библиотеки с ежегодным жалованьем в 1 тысячу франков; весь парижский литературный мир тогда аплодировал этому поступку русской императрицы.

Сообразно с новыми вкусами, которым покровительствовали сверху, стало изменяться и направление образования юношества как в казенных школах, так и в частных. В тех же самых кадетских корпусах, в которых вместо военного обучения так усердно преподавали при Елизавете танцы, французский язык и сценическое искусство, теперь стали усиленно преподавать более возвышенные предметы: о философии, о политических и нравственных понятиях, какие тогда развивались во французской литературе, постоянно и громко говорилось в этих школах. Преподавателями здесь оставались большей частью французы, только с новыми взглядами на воспитание. Француз Леклерк в кадетском корпусе, открывая курс естественной истории, физики и химии, во вступительной лекции, разумеется, на французском языке, говорил кадетам о философии и о наступлении владычества разума. Из казенных школ это направление проникло и в сферу домашнего воспитания; здесь француз-гувернер или учитель сохранил прежнее преобладание, но он теперь сам изменился, т. е. теперь стали гораздо разборчивее на домашних учителей: лакея или парикмахера, который прежде учил детей в вельможных русских домах, теперь сменил учитель-вольнодумец, философ. Учители эти пользовались почетным и выгодным положением в вельможных домах; русские бары щедро платили им за педагогические труды. Есть любопытное известие об этом от времени Екатерины. У князей Куракиных гувернером состоял по-французски образованный Брикверт; он за 14-летний педагогический труд получил от хозяйки 35 тыс. тогдашних русских рублей, которые нужно умножить на 5 или на 6, чтобы перевести на нынешние.

Другой педагог Гранмон, чистый француз, за педагогическую деятельность в доме князей Долгоруких, получил 25 тыс. Иные приобретали этим тру-

дом пожизненные пенсии или выгодные должности на русской службе, если оставались в России. Все это был, по отзыву знавших их современников, образованный народ; некоторые из приезжих педагогов были самого крайнего образа мыслей, принадлежали к республиканцам-демократам. Тогда в вельможных домах Петербурга не стеснялись политическим образом мыслей, и сам двор подавал пример этому.

Приглашение д'Аламбера в воспитатели наследника не удалось, но Екатерине удалось воспитать своих старших внуков согласно со своей педагогией. Для воспитания великих князей Александра и Константина она пригласила швейцарца Лагарпа, который был горячим поклонником французской политической литературы в ее последнем моменте развития и даже не скрывал своих республиканских убеждений. Придворные также старались запастись для своих детей гувернерами, которые отличались бы политическими убеждениями последнего разбора. Граф Строганов, видный деятель в начале царствования Александра I, воспитан был французом Роммом, который потом стал членом Конвента. В одном вельможном доме, у графа Салтыкова, воспитателем детей был родной брат Марата, который, правда, не разделял убеждений парижского демагога, однако не скрывал и своих республиканских стремлений. С детьми Салтыкова этот петербургский Марат иногда являлся ко двору к великим князьям-шукам.

Только когда казнили в Париже Людовика XVI, петербургский Марат обратился к русскому правительству с просьбой переменить ему фамилию, заменив прежнюю названием родного города Бодри. Иностранцы путешественники не нахвалятся французскими гувернерами в русских дворянских домах в царствование Екатерины; они считают этих гувернеров единственными пропагандистами знаний и просвещения. Некоторые наблюдатели, впрочем, не без удивления замечают, что эти гувернеры — почти все усердные демократы, что им не мешает жить в барских домах, окруженными роскошью и вниманием высоких хозяев и их знакомых.

Благодаря влиянию этих домашних учителей французская философия сделала неожиданные быстрые успехи в высшем дворянском обществе. Эти успехи иногда доходили до виртуозности, колоссальной по своей потребности. Раз приехавший из Парижа француз разговаривал с молодым графом Бутурлиным о Париже, и Бутурлин изумил француза знанием парижских улиц, театров, ресторанов, зданий и памятников; изумление француза достигло крайней степени, когда Бутурлин признался, что никогда и не бывал в Париже, а все это знает по книжкам. Петербургский и парижский бомонд долго восхищался анонимной пьесой «Послание к Ниноне»; пьеса эта была написана такими превосходными стихами, что ее решились, наконец, приписать самому Вольтеру. И каково же было общее изумление, когда узнали, что автором пьесы был действительный статский советник граф Андрей Петрович Шувалов, сын того Шувалова, который играл такую видную роль в царствование Елизаветы как руководитель военных и финансовых дел. Этот Шувалов, даже по отзывам любившей его княгини Дашковой, так хорошо знал французскую литературу, что мог по пальцам перечесть всех ее поэтов XVIII, XVII и даже более ранних веков. Это были успехи изучения французской литературы в высшем петербургском обществе. Но и среднее дворянство, которое не располагало такими образовательными средствами, как знать, могло питаться столь же обильной трапезой. При Екатерине военная молодежь чаще прежнего стала путешествовать за границу, иногда по правительственной командировке. Это все была молодежь, которая всплыла наверх или пробиралась туда после июньского переворота 1762 г. Сама Екатерина покровительствовала этим странствованиям; странствования эти имели образовательную цель. Паломники направлялись в первый тогда храм наук — Ферней Вольтера, который сам хозяин называл постоянным двором Европы, и на этом постоянном дворе не раз появлялись и русские путешественники. Екатерина в переписке с Вольтером старалась уверить его, что «многие офицеры наши, которых вы по своему снисхождению принимали в Фернее, воротились без ума

от вас и вашего приема; наши молодые люди жаждут вас видеть и разговоры ваши слышать». Таким образом, офицер-дворянин, при Петре ездивший за границу для изучения артиллерии и навигацкой науки, а при Елизавете для изучения парикмахерских и ресторанов Парижа, теперь стал странствовать туда для изучения таинств философии.

Екатерина официально признавала не только безвредность, но и пользу произведений тогдашней французской литературы. В своем Наказе она даже взяла на себя труд пропагандировать идеи этой литературы в русском обществе. Эти произведения беспрепятственно проникали в Россию, даже здесь покровительствовали таким из них, которые не допускались в парижские книжные магазины. Как известно, сам Наказ, слабое отражение этой литературы, во французском переводе был запрещен французской цензурой; там была запрещена и энциклопедия, как и некоторые издания сочинений Вольтера. Екатерина пригласила Дидро продолжать издание энциклопедии в пределах России, именно в Риге, звала также известного Бомарше приготовить к изданию новое полное собрание сочинений Вольтера и даже вызывалась поставить на петербургской сцене его «Свадьбу Фигаро», которая была запрещена на парижской сцене. Екатерина сама участвовала в переводе на русский язык мармонтелева «Велизария», пьесы, которая была запрещена парижской Сорбонной как произведение, вредное для религии.

Итак, русское общество не могло сомневаться в безвредности произведений французской литературы; в России и начали переводить и компилировать эти произведения. Можно составить значительный каталог из этих переводных творений, поступивших тогда в русские книжные лавки; мы даже себе теперь представить не можем, какое огромное количество тогдашних французских сочинений было переведено при Екатерине на русский язык, их только знают опытные русские библиотекари. Из записок некоего Винского, офицера времён Екатерины, за разные дела потом разжалованного и сосланного в Оренбургскую губернию, мы узнаем одну любопытную подробность, которая показывает, с

Переводы
французских
писателей

какой жадностью русское читающее общество, не знающее французского языка, ловило эти переводные сочинения.

В ссылке Винский сблизился с уфимским губернатором. Бращаясь в Петербурге в кругу военной и штатской молодежи, Винский имел случай познакомиться с произведениями французских писателей; тогда служба в гвардии, по его словам, доставляла обильные средства любознательному человеку приобрести литературные сведения. В библиотеке уфимского губернатора Винский нашел произведения Вольтера, Руссо и других корифеев французской литературы: он так увлекся ими, что начал из них переводить отрывки и сообщал своим знакомым как любопытную новость. Через несколько лет Винский имел удовольствие видеть плоды своих литературных занятий; ему под рукой, как любопытный секрет, сообщали привезенные из Сибири тетрадки, в которых он прочитывал свои собственные переводы из Вольтера, Руссо и других писателей; переведенные отрывки так быстро распространялись посредством переписывания, что в короткое время успели сходить в Сибирь и воротиться обратно в Уфу. «В Казани и Сибири произведения названных писателей, — замечает Винский, — были известны весьма многим». Благодаря всем этим средствам в русское общество в царствование Екатерины проник значительный запас политических и нравственных идей, которые тогда с такой настойчивостью распространялись из Франции. Французское влияние должно было оказать сильное действие на образованные русские умы. Один тонкий наблюдатель, состоявший в свите великого князя Александра как учитель математики, француз Массон передает нам черты этого влияния; он говорит, что молодежь высшего русского общества — самая образованная и самая философская в Европе, что она гораздо образованнее многих, кто слушает профессоров в немецких университетах, что когда началась революция и французская знать стала эмигрировать из Франции, люди, приехавшие в Россию, были изумлены, что русские молодые люди высшего общества лучше знают сочинения Руссо и речи Мирабо, чем знают их во Франции.

Теперь нам предстоит определить, что же принесло с собой это французское влияние, что оно оставило прочного в русских умах?

Я вовсе не думаю приносить суждение об общеобразовательном значении французской просветительной литературы XVIII в., но рассматривая ее влияние на наше общество, надобно отметить в ней одну черту: по происхождению своему эта литература имела очень местное географическое значение. В самой феодальной стране Европы, где весь политический и общественный порядок держался на устарелом предании, эта литература была первым сильным и беззаветным нападением на предание или старину во имя разума, т. е. во имя отвлеченных понятий. Корни этого порядка скрывались в феодализме, основой этого миросозерцания было католичество. Французская просветительная литература и была восстанием против феодального порядка и католического миросозерцания. Таким образом, эта литература имела оппозиционное направление; правда, она изобиловала невероятным количеством общих идей, самых отвлеченных положений, далеких от любой исторической почвы, но не в этих общих идеях, началах равенства и свободы, ее сила: сила эта заключалась в практическом развитии общих начал, а это практическое развитие состояло во восторженной и желчной критике существующего. Объявлена была война преданию, т. е. действующему порядку; но для того чтобы оправдать эту войну, понадобился разум, т. е. общие идеи, которые сами по себе не имеют практического значения, а много могут только служить украшением ума и средством смягчения людских частных отношений. Таким образом, общие идеи там были теоретическим оправданием, логической подкладкой очень существенного и практического стремления, т. е. стремления пошатнуть и разрушить предание. Отделенные от этой практической цели, сами по себе, общие понятия, эти гуманные идеи XVIII в., не могли стать материалом для постройки какого-либо нового порядка; из них нельзя было построить нового порядка, но ими пользовались для того, чтобы смягчить шероховатость существующих исторических порядков. Идея равенства никогда

осуществлена не будет, и она важна не как практическое требование, а как смягчающее средство, которое должно сглаживать дурные последствия неизбежного неравенства. Таким образом, эта просветительная литература как практическое движение имела чисто местный, французский, если угодно, западноевропейский, антифеодальный интерес. Она принесла практическую пользу там, где действовал феодальный порядок; практического дела ей не было там, где не существовал этот порядок.

Следовательно, не феодальная Восточная Европа, и особенно Россия, где не было ни феодализма, ни католичества, могла воспользоваться запасом просветительных идей для практических своих потребностей, т. е. для перестройки на новых основаниях существующего общественного и политического порядка. Что могло быть заимствовано, внесено французским влиянием в наше общество? Благодаря ему мы видим в нашем обществе екатерининского времени ужасный наплыв общих идей и стереотипных затверженных чувств. То, чем на Западе люди пользовались, чтобы разграничить практически существующие отношения, то у нас затверживалось в высших кругах как хорошее слово, удобная формула, которая может быть приятной заменой пустого разговора экспромтом. Этот наплыв общих идей и стереотипных чувств как украшение ума и светского общения и составляет характерную черту в жизни высшего русского общества того времени. Несомненно, что иные из идей и чувств не ограничивались оборотом великосветских разговоров, но и западали в душу, практическое употребление из этих идей, однако, сделать было невозможно. Прежде всего, в действовавших тогда на Руси порядках не было того, против чего направлены были на Западе эти идеи, — не было устарелого предания; все недостатки русской жизни тогдашнего времени происходили именно из того, что ничего не было устарелого, т. е. привычного, а все еще создавалось на ходу и как все, создающееся на ходу, шло дурно. Итак, здесь не было против чего восставать; не было врага, которого нужно было разгромить; здесь нужны были не развалины, а соревнование на пустом поле.

Иные из заносных идей западали в глубину души, но в каких детских формах выражалось это увлечение! Политический либерализм, которым проникнута просветительная литература, овладевал некоторыми русскими умами; при дворе в конце царствования Екатерины играл некоторую роль один из секретарей императрицы Соймонов. Это был хорошо образованный человек, но, как и все тогдашние хорошо образованные люди, — человек неосторожный на язык. Эта неосторожность отличала тогда образованный мир Петербурга до несчастного события с Людовиком XVI; после этого события образованный мир Петербурга прикусил язык. Вероятно, в обществе Соймонова шли оживленные и откровенные разговоры, неистощимый материал для которых давали тогда французские события. Летом 1789 г. раз Соймонов возвращается ночью домой и находит в комнатах своих блестящую иллюминацию; он спрашивает свою 7-летнюю дочь Соню: «Что это значит?» Соня объявила, что это она зажгла иллюминацию на радости. «По какому случаю?» «Да как же не радоваться, папа! — сказала она, — ведь взята Бастилия. Бастильские пленники вышли на волю!» Дальше этого не шел политический либерализм того времени, дальше он едва ли и мог идти. Для нас важно не то, какое употребление мог сделать из усвоенных философских и политических идей русский человек, а то, в какое отношение к русской действительности ставили его эти идеи; между последними и первой не было ничего общего. Русская действительность создавалась без всякой связи с действительностью западноевропейской, и русские народные понятия текли не из тех источников, из которых вытекали идеи французской просветительной литературы. Русский образованный человек вращался в русской действительности, на его плечах тяготели факты русского прошедшего, от которых он никуда не мог убежать, ибо эти факты находились и в нем самом, а ум его был наполнен содержанием совсем другого происхождения, заимствованным совсем из другого мира. Это очень естественное положение; обыкновенно общество и отдельные лица, вращаясь среди внешних явлений и отношений, для оценки их имеют и свои понятия, как

и чувства, но эти понятия и чувства родственны по происхождению с окружающими явлениями и отношениями; это просто осадок житейских наблюдений и опытов, только вскрытые начала, на которых держится все окружающее. Значит, в каждом правильно сложившемся мирозерцании факты и идеи должны иметь одно происхождение и только при таком родстве могут помогать друг другу; факты умеряют идеи, а идеи регулируют факты. Русский образованный ум XVIII в. стал в трагикомическое положение: он знал факты одной действительности, а питался идеями другой; начала у него не сходились и не могли сойтись с концами. Вот когда народилась умственная болезнь или умственный недостаток, если угодно, который тяготел потом над целым рядом поколений, если мы только не признаемся, что он тяготел и над нами. Недостаток этот заключается в том, что наши общие идеи не имели ничего общего с нашими наблюдениями. Идея — обобщение отдельных явлений. Мы знаем свои явления, но обобщения, которые мы имеем, взяты из других явлений; мы знаем русские факты и нерусские идеи. Значит, этот недостаток может быть только устранен пополнением двух пробелов. Идеи, оторванные от почвы, на которой они выросли, — бессмысленны, но и факты, которые мы не умеем обобщить, т. е. осмыслить, тоже бессмысленны; следовательно, мы питаемся двойной бессмыслицей, и чтобы выйти из этого неприятного положения, мы должны изучить чужие факты и выработать свои идеи, и то и другое прибавить к тому, чем владели прежде.

Итак, русский образованный человек должен был стать в неестественное отношение к русской действительности; прежде всего, он не мог понять ее, он даже не мог размышлять о ней, потому что те понятия, которые он усваивал, вовсе не подходили к тем явлениям, которые он наблюдал вокруг себя. Отсюда любопытная черта образованного человека екатерининской эпохи: в его голове необыкновенная масса общих идей, но он совсем не размышляет, и ум его переполнен готовыми понятиями, зачем же в таком случае и размышлять о них; не размышляя, он совсем не понимает

того, что его окружает. Это — любопытная патологическая черта, отличающая екатерининских людей. Эта черта прежде всего сказывалась в том, что идеи и стереотипные чувства не оказывали никакого действия на настроение и поступки людей; много-много, по мерной чувствительности, унаследованной от елизаветинских отцов, эти идеи потрясали нервы, вызывали слезы, но как скоро высохли слезы, человек ничего не изменял в своих поступках под влиянием идей и чувств. В екатерининском образованном человеке было два яруса: ярус идей и ярус поступков; наверху, в своем умственном белье, он был высоко образованным европейцем, а когда спускался в нижний этаж, он оправдывал острое слово одного француза: «поскоблите русского, и перед вами явится татарин». Черствость гражданского и нравственного чувства — печальное явление, с которым всюду встречается изучающий общественные нравы того времени. Этот недостаток размышления и понимания действительности даже тяготел над литературой, над ее самыми даровитыми представителями. Никогда наша литература не трактовала о таких возвышенных и отвлеченных предметах и никогда не отличалась более скудным содержанием. Литература наводнилась общими местами, потоками громких слов, массой общих отвлеченных идей. Чужие слова и идеи избавляли образованное русское общество от необходимости размышлять, как даровой крепостной труд избавлял его от необходимости работать. Литература разделилась на два течения: она превратилась в идиллию и сатиру: или восхищалась современными порядками и идеями, или бичевала уродливые порождения тех и других; сатира обличала, идиллия похваливала, обе декламировали, ни та, ни другая не размышляла.

Литература екатерининского времени любопытна для нас потому, что она вся чисто дворянская; не встретите ни одного известного имени, которое вы не нашли бы в Бархатной книге. Самым даровитым и умным из ее дельцов надобно считать Фонвизина; это был не только талант, но и замечательный ум, и, однако, он понес на себе всю тяжесть этих неестественных

отношений русского образованного человека к действительности. Возьмите его лучшие комедии; это отвлеченные трактаты о добродетели и пороках; трактаты о добродетели у него облечены в небывалые фигуры Стародума и Правдина, взятых, бог знает, с какой общественной почвы. Да и сам недоросль, повидимому прямо схваченный с действительности, есть только приятное драматическое развлечение для детей: это такое же небывалое лицо, как и Правдин; это не образ из действительности, а драматическая карикатура, комический анекдот. Этот писатель, так много обязанный своим умственным содержанием французской литературе, так много оттуда черпавший, взглянув сам на Западную Европу, отпел ее и отлучил от западной цивилизации. В своих письмах из-за границы он говорит, например, что в Германии «все генерально хуже нашего, и мы больше люди, нежели немцы», что во Франции «образ жизни итальянский, т. е. весьма много свинства». Он первый начал толки об одряхлении и скором падении Запада, которые с его легкой руки так бесполезно повторялись в нашей литературе.

Совсем с другой стороны своеобразен Новиков. Человек малообразованный, но доброжелательный, он потратил множество усилий на борьбу со здравым смыслом: он ополчился на то, чем именно велик XVIII век в истории цивилизации, — на успехи естествознания, считая их бредом. Представителями умственного движения времени являются также два писателя, почти полярно противоположные друг другу: князь Щербатов и Радищев, один со своим обличительным трактатом «О повреждении нравов», другой со своим радикальным «Путешествием из Петербурга в Москву». Оба смотрят в разные стороны: Щербатов обличает свое время во имя прошедшего, Радищев — во имя будущего; один в своих мечтах уходит в древность, другой старается забежать вперед. У обоих много чувства, желчи или экстаза, у обоих одинаково мало понимания действительного положения страны, к которому оба относятся отрицательно. Может быть, нигде этот недостаток понимания действительности не проявлялся в такой степени, как в сочинении о вре-

стьянах законоведа екатерининского времени известного Поленова. Поленов получил хорошее юридическое образование в заграничных университетах, слушал лекции в Страсбурге и Геттингене, много работал над изучением феодального права, но никогда не знакомился с русским правом, осудив его наперед как ни на что не годное. Он написал сочинение на тему, предложенную Вольным экономическим обществом, об устройстве положения крестьян. В этой записке мы встречаем довольно отвлеченный трактат о том, как надобно освободить крестьян и устроить их. Быт, который рисует Поленов, имеет мало связи с действительным положением земледельческого населения России, представляется скорее снимком с чего-то иноземного. Поленов не намечает или не знает самых существенных особенностей в положении крестьян в России, и потому его суждения нерешительны и неясны, проекты неудобоприменимы; он — просто либеральный теоретик. Некоторые черты его сочинения поражают своею наивностью. Улучшение быта крестьян должно созидаться на особенном устройстве их воспитания: с 10 лет для крестьянина должно начинаться обязательное обучение по зимам, причем учителями должны быть священники и дьячки. Правительство должно завести в селах лекарей, даже новивальных бабок. Коренные же вопросы об отношении к условиям по земле, об отношении крестьянского труда к государственному хозяйству затронуты вскользь и не продуманы этим юристом.

Но непонимание действительности постепенно развилось в более горькое чувство — в отвращение к непонятной действительности, и чем успешнее русский ум XVIII столетия усваивал себе плоды чужих идей, тем скучнее и непригляднее казалась ему своя действительность: она была так непохожа на мир, из которого выросли его идеи; он никак не мог примириться с родной обстановкой, и ему ни разу не пришла на ум мысль, что он должен утвердить эту обстановку упорным трудом, чтобы приблизить ее к любимым идеям, что и на Западе эти идеи не вычитаны были в уютном кабинете, а выработаны потом и потиты кровью. Так как ему его умственное содержание

доставалось так легко, он взял его просто за деньги. на прокат, как все брал из магазина, то он и не мог подумать, что идея — это только цвет, украшение, которое является результатом продолжительного и упорного труда поколения. Почувствовав отращение к родной действительности, русский образованный ум должен был почувствовать себя одиноким в мире: у него не стало почвы; та почва, с которой он срывал философские цветки, была ему чужда, а почва, на которой он стоял, совсем не давала таких цветков, и образованный человек того времени не знал, куда деться. Тогда им овладела та космополитическая беспредельная скорбь, которая потом так пышно развилась в образованных людях нашего XIX в. Есть и печальные образчики жертв этой скорби; ряд их начинается еще в царствование Екатерины.

Типичные
предста-
вители об-
щества

По отдельным лицам из образованного русского общества того времени мы можем наглядно наблюдать все указанные результаты французского влияния. Некоторые из этих лиц играли роль и в нашей политической истории, другие оставались в тени, но те и другие одинаково любопытны и, если угодно, одинаково трагичны. В первом ряду надо поставить княгиню Дашкову. Это очень характерная представительница русского образованного общества того времени. Она еще в детстве зачитывалась Вольтером, Бейлом и др., зачитывалась до головокружения, до нервного расстройства; потом, как известно, за свое знакомство с французской философией она даже была посажена на президентское кресло в Академии наук. Когда она разшлась с Екатериной и удалилась в частную жизнь, она стала нелюдимою и, поселившись в Москве, редко с кем виделась, еще реже с кем разговаривала и ничем не интересовалась. Чтобы наполнить свой досуг, она — президент Академии наук — приручила к себе несколько домашних крыс, которые составляли все ее общество. Смерть детей ее трогала мало, но судьба ее крыс делала ее тревожной на целые дни. Только высокообразованные люди екатерининского времени могли начать Вольтером и кончить ручными крысами. Гораздо печальнее другой представитель екатерининского воль-

подумства. Это был богатый помещик Николай Еремеевич Струйский. Он некогда служил губернатором во Владимире, вышел в отставку и поселился в своем огромном пензенском имении. В своей усадьбе он построил великолепный дворец, в котором была богато украшенная зала в два света; кабинет свой он называл Парнасом; уже это свидетельствует нам о литературных вкусах хозяина. Весь этот кабинет был завален книжками; то были модные французские книги и Вольтер наверху всех. Струйский был сам литератор, писал стихи и поклонялся политическому таланту Вольтера. До французской революции при Екатерине свободно учреждались частные типографии, которые действовали без цензуры, без инспекторского надзора. Струйский завел у себя в деревне типографию, которая была чуть не лучшая в России, на которую он тратил большую часть своего значительного дохода. Вся типография служила литературным усилиям хозяина; он только один в ней и печатался. Свои стихи он любил раздавать знакомым и, что гораздо хуже, любил их читать своим гостям. Бывало, усадит посетителя около себя в кресла, возьмет свое новое произведение и начнет его читать и, читая, приходит постепенно в восторг, а приходя постепенно в восторг, все большее щиплет своего соседа во что ни попало. Это был единственный поэт XVIII в., который умел своей бездарностью превзойти Тредьяковского. Но это все — только забавы, и довольно безвредные, если забыть о синяках, с которыми уходили гости. Но у него были более печальные склонности. Он был высокообразованный юрист и устроил у себя в деревне настоящий, правильно организованный по-европейски суд над крестьянами. Мужика ставили в кабинете барина, сам барин произносил обвинительные акты и защитительные речи по всем правилам западной юриспруденции, только эпилог этих судебных заседаний был в чисто русском вкусе: обвиненного крестьянина он пытал по-древнерусскому, для чего имелся у него в подполье огромный арсенал орудий пытки. Это был отвратительнейший цвет русско-французской цивилизации XVIII столетия.

Словом, у нас никогда не было такого цивилизо-

важного варварства, какое царило во второй половине XVIII в. Равнодушие к окружающему и утрата чутья родной действительности были последним результатом умственного и нравственного движения в дворянском обществе. Это равнодушие, развиваясь, в иных сменилось презрением к родной действительности и космополитической скорбью, приводившими некоторых к печальной развязке.

Такая жертва западноевропейского образования способна произвести на нас глубокое впечатление, если только забудем, что это была жертва от скуки. В ярославском своем имении проживал, скучая в праздности, зажиточный помещик Опочинин; он был поклонник французской философии и благодаря этой философии стал в непримиримую вражду с русской действительностью. Но, повидимому, это был не только любознательный читатель, но и чувствительный и честный человек; он не мог примириться с этим противоречием и в 1793 г. застрелился. После себя он оставил любопытное завещание, и это завещание вскрывает весь ужас последствий, к которым приводило досужее образование.

«Будущее, — говорит завещатель, — обещало мне своевольное и приятное существование». Но жизнь ему опротивела своей скоропроходимостью; он предпочел бытию переход в ничто. «А самое отвращение к нашей русской жизни есть то самое побуждение, принудившее меня решить своевольно свою судьбу». Он завещал два семейства своих дворовых отпустить на волю, а хлеб раздать крестьянам. Составив завещание, с пистолетом в руке он бросил взгляд и на покидаемые книги; они только растрогали его до глубины души. «Книги, мои любимые книги! Не знаю, кому завещать их: я уверен, что в здешней стране они никому не надобны; прошу покорно моих наследников предать их огню; они были первое мое сокровище, они только и питали меня в моей жизни, они были главным пунктом моих удовольствий напоследок; если бы не было их, то моя жизнь текла бы в непрерывных огорчениях и я давно бы с презрением оставил сей свет». Но как Струйский поражен был ударом, лишь только получил

весть о смерти Екатерины, не умев перенести ее, как человек чисто екатерининского времени, так и Опочинин даже перед лицом смерти, забывая все, не мог забыть своих приятных литературных упражнений; за несколько минут до смерти он имел дух начать перевод стихотворения Вольтера: «О, боже, которого мы не знаем...» Далее следуют точки, поставленные перед выстрелом.

Припомните теперь русского петиметра, выведенного в одной из комедий Сумарокова, того самого, который так огорчался несчастьем быть русским и говорить на русском языке. Сравните этого пустого петиметра с Опочининым, и вы найдете, что они родные братья: они одинаково бесполезны для русской жизни, одинаково ее не понимают и относятся к ней с одинаковым отвращением. Таков был последний момент того процесса, который совершился в нашей общественной и умственной жизни в царствование Екатерины.

ЛЕКЦИЯ LXXXVII

Общий обзор деятельности Екaтeрины II. — Значение ее царствования. — Главные явления истории после Екaтeрины II. — Воспитание Павла. — Жизнь в Гатчине. — Характер Павла. — Вступление Павла на престол.

Общий обзор деятельности Екaтeрины II

Теперь нам остается отметить условия, которые определили характер деятельности Екaтeрины, а потом сделать историческую оценку ее царствования. В ее деятельности встречаем черты, которых не видели в нашей истории до тех пор; эти черты, впрочем, сообщены были деятельности правительства не столько личностью императрицы, сколько происхождением ее власти и обстоятельствами, среди которых она действовала. Личность императрицы имеет более драматический, чем исторический интерес; появление ее на русском престоле само по себе не было новым явлением, подобного которому мы не встречали прежде. XVIII век, когда прервалось старое политическое предание Московского государства, был веком случайностей во всем; тогда у нас все было случайно: лица, как и порядки, факты, как и идеи. Екaтeрина принадлежала к тому же порядку явлений, она была царственной случайностью; но ее деятельность представляет новое сочетание элементов, какого не встречали мы прежде в нашей истории. Сочетание это можно обозначить так: лицо иностранного происхождения с властью, добытою революционным путем, стремилось действовать

популярно в чисто русском духе и через русских. Такого сочетания, говорю я, мы не встречали прежде. Мы встречали прежде лиц, которые, сидя на престоле, действовали через русских, только не в национальном духе; встречали руководителей общества, которые действовали в национальном духе, но не через русских; встречали власть, соединенную в лице иностранного происхождения, но приобретенную законным путем. В этом сочетании — источник особенностей, которыми отличалась деятельность Екатерины. Происхождением власти обусловлена была ее политика, ее образ действия; власть, приобретенная незаконно, заставляла искать оправдания для захвата в популярном образе действия. Впервые на русском престоле встречается носительница верховной власти, которая более всего заискивала популярности; это новый прием, какой усвоит себе верховная власть в нашей истории. Старые московские государи до Петра смотрели на свою власть, как на наследственное достояние, которое они получили от предков и без которого они себя не могли представить; они обладали властью, но не в полной ее мере. Подобно капиталисту, который живет не во всю широту своих средств, они не напрягали ее, не старались усиленно устраивать общество, как могли его устроить или как бы хотели. При Петре характер власти изменяется. Для этого государя она была таким же наследственным достоянием, как и для его предшественников, но он довел ее до крайнего напряжения; он пользовался ею шире, чем сколько обладал ею; хотел регулировать или устроить такие отношения, которые недоступны верховной власти. В руках Екатерины власть получила иную физиономию; обладая ею в широких размерах, она как будто ее немного совестилась, как будто старалась оправдать ее; это сообщило ее деятельности такие мягкие формы, каких верховная власть не имела у нас до тех пор. Эти мягкие формы — та сторона, которая наиболее подкупает наблюдателей в истории ее царствования, но за нею скрывается другая: Екатерина попала в поток русской исторической жизни совершенно случайно, со стороны, и никогда не могла впоследствии войти в него.

Она много старалась об изучении этой жизни, ее прошедшего и настоящего, но ей не удалось достигнуть такого понимания потребностей и вопросов этой жизни, какое дается наследственной связью с ней, родством с управляемым обществом. Вот почему она никогда не представляла себе ясно, что нужно сделать и в каком направлении действовать. Ее часто выручали ее трудолюбивые изучения, внимательные наблюдения, но из обзора ее царствования мы видим, что ни один из вопросов, которые она старалась решить, не был решен и даже поставлен ею прямо. Отсюда происходит недостаточность отчетливости, ясности в программе ее действий; происхождение власти прибавило к этому еще нерешительность действия.

Благодаря соединению этих свойств мы наблюдаем двойное движение в нашей жизни, которую старалась руководить Екатерина. Не зная хорошо потребностей и очередных вопросов, Екатерина отдавалась течению, как его направили ее предшественники; она не хотела ни изменить это течение, ни заменить его другим, ни отклонить его в сторону; но она была связана известными обстоятельствами, которые заставили ее действовать рука об руку с одной силой в обществе, а не руководить интересами различных частей общества, примиряя их. Не имея возможности примирить ход явлений, она отдавала их направление в руки того класса, которому была обязана; она давала свое верховное «да» тому, чего желала эта сила, т. е. дворянство.

Вот почему в царствование Екатерины довершались те же процессы, какие мы наблюдали в нашей истории прежде, только развитие прежних фактов получает несколько иной характер. Все неразрешенные вопросы разрешаются, но в интересах одного сословия. Верховная власть не думает о примирении его интересов с выгодами других классов общества; вот почему в нашей истории не было царствования, которое можно было бы назвать в такой степени дворянским; я даже готов утверждать, что это единственное дворянское царствование в нашей истории. Таким образом, то, что сделано было при Екатерине, сделано было бы и без

нее, рано или поздно; лица в нашей истории всегда значат много, но значение их хронологическое, т. е. при известном лице делается то же, что сделалось бы и без него, но только одно делается раньше или позже. То, что совершилось при Екатерине, совершилось бы и без нее, но, может быть, совершившиеся факты не имели бы такого одностороннего сословного развития.

Другая черта сообщена была ходу явлений обстоятельствами, при которых действовала Екатерина; разные причины, нам уже известные, связали успехи русского образования и общежития с идеями, какие тогда бурным потоком шли из Франции. Политическое положение, созданное дворянством, развило в нем охоту к этим идеям; благодаря этому, факты, созданные нашей давней историей, в царствование Екатерины и получили иную наружную окраску; они были, так сказать, одеты новыми понятиями, которые в сущности с ними не имели ничего общего. Факты, иногда суровые, непривлекательные сами по себе, теперь были только принаряжены теми словами или идеями, которыми сопровождалось их закрепление. Достаточно указать на один крупный факт времени. Крепостное право завязалось и развивалось до Екатерины, но при Екатерине оно закрепилось при громе хороших слов о свободе; эти слова, по крайней мере, отнимали у факта его наружную горечь. Это не было выгодно для успехов нашего развития, это смягчало только впечатление, какое производил факт на людей того времени.

Вот что значило то положение, которым я начал изучение этого царствования. Мы видели, что все результаты этого царствования можно обозначить так: оно развивало и довершало старые факты нашей истории, давая им несколько одностороннее направление; и то же время оно распространяло в обществе целый ряд новых идей; ни те, ни другие не пропали бесследно для нашей дальнейшей жизни. Но встреча таких внутренних противоречий сообщила особый характер нашей жизни; в ней надо различать исторические процессы, факты в простом смысле, нравы и понятия. Процессы были старорусские, туземные, чисто

национальные; нравы представляли смесь остатков старины с обычаями, заимствованными со стороны; идеи, какие развились в высшем обществе, были все чужие, привозные, и не имели ничего общего с туземными фактами.

Значение
царствования
Екатерины II

Указав условия, которыми определяется характер деятельности Екатерины, попытаемся на основании результатов этой деятельности сделать историческую оценку царствования Екатерины II. Значение известной исторической эпохи определяется тем, насколько увеличились или уменьшились в эту эпоху под влиянием исторического деятеля народные средства. Средства, которыми располагает народ, бывают либо материальные, либо нравственные. Нам нужно разрешить вопрос, насколько увеличились или уменьшились материальные и нравственные средства русского государства в царствование Екатерины

Что касается средств материальных, то надо сказать, что они увеличились в громадной пропорции. В царствование Екатерины государственная территория почти достигала своих естественных границ на юге и на западе. Из приобретений, сделанных на юге, было образовано три губернии: Таврическая, Херсонская и Екатеринославская, не считая возникшей тогда же Земли войска черноморского. Из приобретений, сделанных на Западе, со стороны Польши, было образовано 8 губерний. Итак, из пятидесяти губерний, на которые была разделена Россия, целых 11 были приобретены в царствование Екатерины. Эти материальные успехи являются еще в более осязательном виде, если мы сравним населенность страны в начале царствования и в конце его. В начале царствования Екатерины, в 1762—1763 гг., была произведена третья ревизия; по расчету пропорции ревизских душ к общему количеству населения, последнего считалось по третьей ревизии 14—20 миллионов. В конце царствования Екатерины в империи считалось по пятой ревизии не менее 34 миллионов. Государственных доходов в 1762 г. считалось 16 миллионов, в 1796 г. — 68 миллионов. Итак, население государства в продолжение царствования почти удвоилось, сумма государственных доходов слишком

учетверилась. Значит, не только увеличилось число плательщиков, но возвысились и государственные платежи, возвышение которых обыкновенно принимается за знак усиления производительности народного труда. Итак, материальные средства в царствование Екатерины чрезвычайно усилились.

Напротив, средства нравственные стали слабее. Нравственные средства, которыми располагает государство, сводятся к двум порядкам отношений Во-первых, они состоят в единстве интересов, связывающих различные племенные и социальные части государства друг с другом; во-вторых, в способности руководящего класса руководить обществом. В свою очередь эта способность зависит от юридической постановки руководящего класса в обществе, от степени понимания положения общества и от степени политической подготовки руководить им. Эти нравственные средства государства в царствование Екатерины значительно пали. Прежде всего, усилилась рознь племенных интересов составных частей государства. В состав населения этого государства польскими разделами введен был новый, чрезвычайно враждебный элемент, который не только не усилил, не поднял, но значительно затруднил наличные силы государства. Прежде на западной окраине существовал один элемент, на который русское общество должно было тратить значительные усилия. Этот элемент состоял в немецком населении завоеванных Петром остзейских провинций. Теперь к этому элементу, который с трудом растворялся в составе русского населения, присоединился другой, может быть, столь же неподатливый — польское население провинций Речи посполитой. Польский элемент в старинных русских областях не составил бы ни малейшего затруднения для русского государства. Он исчез бы под влиянием первого благоприятного ветра с Востока. Но этот элемент стал силой благодаря тому, что в состав территории русского государства, кроме юго-западных областей, введены были и некоторые части настоящей Польши. Зато одна из важных областей юго-западной Руси, связанная органически с остальными, — Галиция, очутилась за пределами русского госу-

дарства, усиливая разлад, внесенный в наши западные международные отношения.

Далее, усилилась рознь между социальными составными элементами коренного русского общества; это усиление было следствием тех отношений, в какие поставлены были законодательством Екатерины два основные класса русского общества — дворянство и крепостное крестьянство. Чтобы объяснить значение и происхождение этой розни, надобно припомнить ход нашей внутренней государственной жизни со времени Петра. Петр разрознил один ряд вопросов внутренней политики, которые все сводятся к одному, к вопросу об устройстве государственного хозяйства в связи с поднятием производительности народного труда. Вся внутренняя деятельность Петра имела характер экономический; коренные основы юридического порядка при нем остались нетронутыми. Но законодательство Петра, устроив народную и государственную жизнь, оставило один важный политический пробел; этот пробел состоял в уничтожении установленного обычая старого порядка престолонаследия. По закону 5 февраля 1722 г., назначению наследника было предоставлено личному усмотрению царствующего государя. Так как после Петра не осталось обычного наследника, то этот закон отдал престол на волю случая. С тех пор благодаря указанному пробелу на несколько десятилетий в государственном управлении водворился произвол лиц, господство случая. Среди этой борьбы случайностей разрушался и государственный порядок, завершенный Петром. Как мы знаем, этот порядок состоял в принудительной разверстке государственных повинностей между всеми классами общества — в государственном прикреплении сословий. Благодаря действию случая одно сословие получило возможность несколько раз распорядиться престолом и начало превращаться из простого правительственного орудия в правящий класс, сбрасывая с себя одну за другой прежние свои государственные обязанности, но не теряя прежних прав и даже приобретая новые. Так одно сословие достигло государственного раскрепления, получило возможность жить для себя, руководясь сословными или личными интересами. Вслед за этим

сословием раскрепилось и другое — торгово-промышленное. Оба класса составляли незначительную часть всего населения, но теперь они стали в исключительное положение. Новое положение дворянства было признано законом, но оно подготовлено было не вполне законным порядком, революционными средствами. Освобождение дворянства от обязательной службы не совершилось бы так легко и скоро, если бы сословию не пришлось принять деятельное участие в дворцовых переворотах по смерти Петра. Эти дворцовые перевороты и подготовили законодательное освобождение дворянства от обязательной службы. Точно таким же образом думало раскрепиться и крепостное крестьянское население.

Вслед за дворянством и оно хотело достигнуть свободы рядом восстаний. Таков смысл многочисленных крестьянских мятежей, которые начались в царствование Екатерины II и которые, постепенно распространяясь, слились в громадный Пугачевский бунт. Во имя общественного порядка не следовало допускать этих сословий до такого насильственного раскрепления: их положение следовало устроить законным путем, посредством правомерного определения отношений к земле. Этого правомерного определения не сделало правительство Екатерины. Таким образом, отношения двух основных классов русского общества к концу царствования Екатерины представляли еще менее гармонии, чем прежде; общественное разъединение стало еще резче. Итак, в царствование Екатерины усилилась рознь как в племенном, так и в социальном составе государства. Такой характер жизни всего резче отпечатлелся на нравах одного сословия, руководившего обществом, дававшего ему тон, — дворянства. В таком складе общественного бытия, руководившегося одним сословием и совмещавшего столько противоречия, — источник самых важных явлений нашей дальнейшей истории, тех, которые характеризуют нашу жизнь в XIX веке. Руководителем этого общественного бытия, сказал я, было одно сословие — именно его верхние слои; вот почему, обращаясь к изучению дальнейшего времени, нам нужно еще раз бросить взгляд на судьбу этого сословия и на то, как сложилось его общественное бытие.

Надобно припомнить положение сословия в начале века, в царствование Петра. При Петре дворянство несло еще обязательную службу; служба эта требовала мастеровой военно-морской выучки, которая, впрочем, часто оставалась без применения, потому что лишь незначительная доля дворянства нужна была для военной техники. При преемниках Петра дворянство продолжало нести обязательную службу; но теперь уже требовалось светское образование, известная салонная выправка, которая не нужна была для интересов службы, но составляла важное условие для успеха по службе. При Екатерине II дворянство уже не несло обязательной службы, потому от него не требовали ни того, что требовал Петр, ни того, что было нужно при его преемниках: ни военно-морской выучки, ни салонной выправки. Но в сословии, если не выработалась привычка учиться, оставалась от петровского времени смутная мысль о необходимости учиться; помнили, по крайней мере, что дворянину если не нужно быть непременно навигатором, то необходимо усвоить мнуэтную галантность и французскую салонную риторику. Это смутное воспоминание послужило почвой для дальнейших успехов образования. С такой мыслью или с таким воспоминанием сословие вступило в положение, созданное законом о вольности дворянства и оброчным землевладельческим хозяйством. Характер участия, которое предоставлено было дворянству при Екатерине в местном управлении, не внушал ему мысли о необходимости какого-либо административного образования; характер сельского хозяйства, как оно сложилось под действием крепостного права, точно также не побуждал его к приобретению каких-либо политико-экономических или агрономических сведений. Но это положение давало зажиточной части сословия обширный досуг, который надо было наполнить всеми последствиями созданного крепостным правом положения дворянского сословия. Чувство дворянской чести, обычай, послужив в молодости, выйти в отставку при наступлении зрелого возраста, праздность, соединенная с властью в деревне и с легкостью добывания жизненных средств, — все это по отливе дворянства из столицы произвело не-

которую перемену в умственных и нравственных интересах сословия, некоторое осложнение в программе его образования. К требованию светской галантности стала присоединяться потребность в некотором литературном доске, интерес к чтению, даже без заботы о содержании и о применении прочитанного, так просто, чтобы занять праздный ум и много-много приобрести материал для светских разговоров. Так петровский дворянин-артиллерист и навигатор превращается постепенно в елизаветинского петиметра, а петиметр — в екатерининского «homme de lettres», пока из этого последнего не вышел дворянин-философ, масон или вольтерьянец. Это было последним моментом в развитии дворянского образования.

На этом последнем моменте и сложился тот тип, который в продолжение нескольких поколений руководил русским обществом, давал тон его понятиям и вкусам; мы назовем этот тип неслужащим дворянином-вольнодумцем. Мы после увидим его важное значение, обнаружившееся даже в целом ряде политических фактов; вот почему он заслуживает внимания. Положение его сплеталось из очень противоречивых условий; прежде всего, общее положение его покоилось на политической несправедливости и венчалось житейским бездельем. С рук сельского дьячка-учителя он переходил на руки француза-гувернера, довершал образование в итальянском театре или французском ресторане, применял приобретенные познания в петербургском салоне и заканчивал дни в московском или деревенском кабинете с книжкою Вольтера в руках подобно нашему знакомому Струйскому. С этой книжкой в руках где-нибудь в Москве на Поварской или в тульской деревне он представлял очень странное явление; усвоенные им манеры, вкусы, привычки, понятия и симпатии, самый язык — все у него было чужое, привозное, а дома у него не было органической связи с окружающим, никакого серьезного житейского дела. В его руках было местное управление и землевладение, но местные дела он предоставлял вести своим уполномоченным, дворянскому предводителю и выборному исправнику, а хозяйство возлагал на крепостного приказчика или вы-

писанного из-за границы управляющего, обыкновенно немца. Так ни идеи, ни практические интересы не привязывали его к родной почве; он вечно старался стать своим между чужими и только становился чужим между своими, был каким-то приемышем Европы. В Европе в нем видели переодетого по-европейски татарина, а в глазах своих он казался родившимся в России французом. В этом положении общественного межеумка, исторической ненужности было, если угодно, много трагического, и мы готовы жалеть его, полагая, что ему самому становилось иногда не по силам, но случаи, какой был с Опочининым, были вообще редки. В екатерининском вольтерьянце не заметно грусти, грустить он начинает при Александре, скучать при Николае I, пока, утомленный тревогами эмансипации, не задремал в царствование Александра II. При Екатерине он только празден, весело, бодро празден: он празднует свой выход в отставку после вековой тяжелой службы и, подобно кадету, только что выпущенному из корпуса, не налюбуется на свой сословный мундир, полученный по Учреждениям 1775 г. Трезвая работа жизни еще не представляется ему серьезной, он еще не успел вдуматься в свое положение, упоенный медовым месяцем свободы. Однако его любимые идеи, книжки, которые он читал на досуге с таким восторгом, должны были, кажется, поставить его в непримиримую вражду со всем окружающим, в противоречие с самим собой. Любопытно, что он не чувствовал этого противоречия, ни с чем не сталкивался, и в этом его характерная черта, спасавшая его от многих бед. Заносные понятия наполняли его голову, сообщали блеск его уму, украшали его речь, простирали свое действие даже на его нервы; русский дворянин никогда не был так впечатлителен, так восприимчив, никогда не увлекался и не плакал так охотно, как в царствование Екатерины; он тогда приходил в восторг и плакал даже от хороших слов, но и только. Слезы, восторженность были только патологическим развлечением, нервным моционом, необходимым для поддержки душевного равновесия, и не отражались на воле, не переходили в поступки, не становились делом. Вольтерьянец спо-

койно читал страницы о правах человеческих рядом с девичьей, и оставался искренним вольнодумцем и гуманистом, идя расправляться с неисправным слугой на конюшню; новый круг идей изменил настроение, но не действовал на порядок, смягчал чувство, но не отношения. Это разобщение мысли и дела — самая глубокая черта, характеризующая дворянское образованное общество времен Екатерины. К такому концу привели искусственные интересы, какими необходимо было наполнить оторванную от народа жизнь сословия.

Не думайте, однако, что дворянский досуг, созданный крепостным правом, был бесплодным бездельем. Умственное содержание, усвоенное сословием, было чужое, но это было естественным следствием положения, какое занимало сословие дворянское: кто живет чужим трудом, тот непременно со временем будет жить чужим умом. Но дворянин-вольнодумец XVIII в. не был полной исторической ненужностью; хотя он получил свой сословный мундир в то время, когда перестал служить, он не бесплодно увлекался свободолобивыми книгами, когда стал крепостником. Сам по себе он — психологический курьез, который может занять художника, но он имел и некоторое историческое значение: он — звено в цепи различных моментов, какие были пройдены нашей жизнью, он — передаточный пункт, посредник умственного влияния, который свой умственный запас, бесплодно в нем лежавший, по крайней мере, бесплодный для общества, передаст дальнейшему поколению, которое попытается пустить его в оборот, основать на нем, удачно или нет, новый порядок государственных и общественных отношений. Перед нами теперь и стоит поколение, которому передан был этот умственный запас и которое впервые попыталось пустить его в оборот, изменить с помощью его действовавший порядок. Поколение это постепенно выступает на сцену со смерти Екатерины. Время с 1796 г. продолжает развитие фактов, какие мы видели в продолжение XVIII в., выдвигает ряд новых явлений, которые, очевидно, служат предвестником нового периода нашей истории, имеющего наступить рано или поздно. К изучению этого времени мы теперь и переходим.

Перечислим предварительно те главные явления, которые характеризуют время нашей истории со смерти Екатерины и на которых сосредоточили мы свое внимание; эти новые факты встречаем мы как во внешней политике, так и во внутренней деятельности правительства, следовавшего за Екатериной. Главной целью внешней политики России до конца XVIII в. было национальное объединение Руси; русское государство до тех пор собирало части русского народа, оторванные от него в разное время; к концу XVIII в. оно стало, наконец, в своих национальных пределах: территории Российской империи теперь захватывала почти все части русского народа и всю восточную равнину Европы, только одна Галиция доселе остается за пределами государства. Как скоро достигнута была эта цель, во внешней политике России появляется другая; это та цель, которая доселе стоит впереди нас. С тех пор как на политической карте Европы не стало Польши, Россия осталась единственным государством славянским и православным; целью дальнейшей политики России поэтому стало политическое восстановление племен, родственных нам по народности или церкви, т. е. освобождение народов славянских и православных; эта новая цель вызвала ряд войн, которые вела Россия в продолжение XIX столетия. Итак, политика русско-национальная, достигнув своей цели, потом превратилась в политику православно-славянскую. Новые факты встречаются и во внутренней деятельности правительства; чтобы заметить их, надо припомнить строй старого Московского государства, как он сложился к концу царствования Петра. Мы видели, что государственный порядок держался на принудительном разверстании государственных повинностей между разными классами общества. Каждый из этих классов, неся общегосударственные тяжести, был еще прикреплен к известному специальному служению. В продолжение XVIII столетия со смерти Петра, в государственном устройстве начинается новое движение; с общественных классов снимаются постепенно их специальные, крепостные службы и остаются на них лишь одни общие государственные повинности, которые должен нести

каждый член государства, каждый подданный. Эта постепенная эмансипация сословий, раскрепление общественных классов начинается сверху, с дворянства; оно в продолжение XVIII в. коснулось и положения другого класса — городского, с которого жалованною грамотою 1785 г. также сняты были прежние городские обязательные повинности. Теперь очередь оставалась за сельским населением, и эмансипация этого класса, которая должна была завершить переустройство общества, составляет важнейший предмет внутренней деятельности правительства. Итак, в продолжение изучаемого времени во внутренней нашей жизни завершилось движение, начатое со смерти Петра; это движение должно привести к освобождению всего общества.

Рядом с этим развивается постепенно и другой факт, который является последствием первого. В старом Московском государстве XVI в. правительство, нуждаясь в содействии общества для достижения государственных целей, призывало все его классы к совместной деятельности, которая и выражалась в Земском соборе. В XVII столетии более точная разверстка государственных повинностей между общественными классами повела к обособлению сословий. Как скоро на каждый класс легла своя особая специальная повинность, не стало общих интересов между сословиями; они обособились, замкнулись каждое в своей тесной сфере деятельности; как скоро между сословиями не стало общих интересов, прекратилась и совместная их деятельность, пал Земский собор. Земские соборы прекращаются в XVII столетии не по чьему-либо капризному велению, не вследствие давления с какой-нибудь стороны, а вследствие того, что сословия, обособившись, разошлись друг с другом, потеряли общую почву, утратили общие интересы; им нечего было делать вместе и потому не для чего было собираться вместе. Попытки, сделанные в XVIII в., чтобы установить эту совместную деятельность, не удались. В губернских Учреждениях Екатерины мы встречаем несколько присутственных мест, где встречаются выборные от разных классов общества; так, был, например, совестный суд, где заседали выборные дворянства, городского класса, приказ обществен-

ного призрения и др. Но эти учреждения, довольно искусственные по своему устройству, не воскресили совместной деятельности сословий, между которыми по-прежнему мало было общих интересов. Восстановить эту совместную деятельность было невозможно уже потому, что один основной класс общества — крепостное крестьянство — был отдан в личное распоряжение другого сословия; как скоро и с крепостного крестьянства снята была специальная государственная повинность, т. е. личная зависимость от дворянства, стало возможнее восстановление совместной деятельности всего общества, так давно прекратившейся. Земские учреждения минувшего царствования и восстановили эту деятельность, призвав представителей всех свободных классов помогать в известных делах.

Вот три основные факта нашей внутренней истории о конце XVIII столетия: завершение эмансипации сословий, раскрепление крепостного крестьянства и восстановление совместной деятельности сословий, уничтоженной благодаря их обособленности в XVII в. Эти три факта, преимущественно два последние, характеризуют нашу внутреннюю жизнь и составляют предмет преимущественного нашего изучения. Новые стремления, которые привели к ним, были уже заявлены и царствование, следующее за смертью Екатерины, только этот первый приступ правительства к новой программе был не вполне удачен. Так как задачей внутренней деятельности правительства было уравнение всех классов перед законом, то понятно, что эта деятельность должна была получить, как мы привыкли выражаться, демократический характер; так как прежде чем явилось учреждение, призвавшее все свободные классы общества к совместной деятельности, руководство делами должно было принадлежать специальным органам правительства, его чиновникам, дворянство теперь все более теряет свое правительственное значение и орудиями правительства должны были стать его представители, мастера. Вот почему изучаемое время при демократической программе правительства отличалось бюрократическим управлением. Управление XVIII в. сословное, дворянское; управление в XIX столетии получило

чиновничий, бюрократический характер. Время с 1796 по 1855 г. можно назвать самой бюрократической эпохой нашей истории. Наперед обозначу в общих чертах и ход событий этого времени.

Изучая явления, столь к нам близкие и столь сильно волновавшие и волнующие, легко заметить, что в течение этого времени обозначились три момента, представляющие, так сказать, три приступа к разрешению указанных задач внутренней политики; в каждом из этих моментов созданные явления следовали одно за другим в одинаковом или сходном порядке. В известное царствование со стороны общества раздавались слабые или громкие голоса против установившихся отношений; следующее царствование усвояло заявленное обществом стремление и начинало робко или решительно изменять, перестраивать существующий порядок. Но обыкновенно случалось так, что какие-нибудь затруднения внешние или внутренние останавливали правительство на полудороге в его преобразовательной работе. Тогда начавшееся движение уходило в глубь общества, выражаясь в различных формах, смотря по обстоятельствам времени и по свойству общественной среды, которая усвояла покинутые наверху стремления. Уже в царствование Екатерины раздавались одинокие голоса, протестовавшие против действовавшего порядка, преимущественно против отношений, какие установились между главными общественными классами — дворянством и крепостным крестьянством. Правительства Павла и Александра I шли навстречу этим голосам и пытались перестраивать существующий порядок по частям или в целом его составе. Но частью личные свойства обоих государей, частью внешние дела, преимущественно войны, начавшиеся с конца XVIII в., преждевременно останавливали оба правительства на их преобразовательном пути. Тогда покинутое движение усвоила себе одна часть русского общества, и это повело к катастрофе 14 декабря 1825 г. Подавив это движение, правительство Николая попыталось по-своему поставить и разрешить стоявшие на очереди вопросы. Неудача этих попыток пробудила в сороковых годах глухое движение в обществе против существую-

щего порядка. Минувшее царствование Александра II пошло навстречу заявленным или только почувствованным потребностям, взяло в свои руки и разрешение очередных вопросов и некоторые из них разрешило не без отваги и не без успеха, но этот момент лежит уже за пределами изучаемого нами периода.

Царство-
вание
Павла I

Первый приступ к постановке и разрешению очередных вопросов был сделан в царствование Павла; особые условия были причиной неуспеха первого приступа к новой деятельности.

Государственный и общественный порядок, установившийся к XVIII в., держался на подавляющем и несправедливом преобладании одного класса, дворянства, над другими. Император Павел и был первый противодворянский царь изучаемой нами эпохи. Чувство порядка, дисциплины и равенства было руководящим побуждением его деятельности, борьба с сословными привилегиями — его главной задачей. Особенно резко выразил император это начало в разговоре со шведским уполномоченным Стедингом. Рассказывали, что когда посол упомянул о русских магнатах, Павел сказал: «В России велик только тот, с кем я говорю и только пока я с ним говорю». Так как преобладание дворянства создалось и держалось преимущественно благодаря недостатку основных законов, более всего закона о престолонаследии, что сделало возможными дворцовые перевороты, то Павел начал важное дело выработки этих законов, установив порядок наследования престола актом 5 апреля 1797 г. Сословное самоуправление, установленное губернскими учреждениями и жалованными грамотами Екатерины дворянству и городам, давало двум сословиям, особенно первому, привилегированное положение сравнительно с прочими, не получившими таких грамот. Павел уничтожил сословное самоуправление, отменив обе грамоты в их существенных частях и попытавшись вытеснить дворянство из губернского управления коронным чиновничеством, отменив и некоторые личные права дворянства и высшего купечества (именитых граждан и купцов первой и второй гильдий), например, свободу их от телесных наказаний за уголовные преступления. Власть

помещиков над крестьянами росла без меры вследствие отсутствия точного законодательства, которое определяло бы взаимные отношения обеих сторон: Павел сделал первую попытку такого определения указом 5 апреля 1797 г. о трехдневной барщине как высшей норме крестьянского труда в пользу помещика (по три дня в неделю). Но деятельность Павла в таком уравнительном направлении лишена была последовательности и твердости. Причиной того были недостатки его характера, развившиеся под влиянием воспитания и неестественных отношений к матери.

Император Павел, сын Петра III и Екатерины II, родился в 1754 г. Екатерина недостаточно внимательно вела его воспитание, особенно по вступлении на престол. Павел был воспитан небрежно, и виноват в этом всего более человек, которому поручено было его воспитание, — известный нам граф Никита Панин. Панин сообщил воспитаннику хорошие дипломатические и исторические знания о Западной Европе, но по своим вкусам и понятиям, по своим житейским привычкам Панин был человеком своего времени, т. е. елизаветинского. То было время, когда после ломки, испытанной дворянством при Петре, его нравы стали впервые распускаться, т. е. становились распущенными. Умный человек, Панин совсем не понимал своих нравственных обязанностей, развивал вкусы, инстинкты и понятия питомца совсем не по правилам педагогики. Едва начали распускаться чувства великого князя, Панин занимал его неприличными рассказами из придворной жизни, еще менее приличным чтением, какое доставляли тогда французские романы. Павел довольно рано был вытеснен из узкой придворной сферы, какую окружила себя Екатерина. Мать не любила сына, хотя довольно трудно понять происхождение этой нелюбви; рано она стала подозревать в нем будущего мстителя за отца, и, может быть, это подозрение было причиной того, что подраставший великий князь усвоил себе эту роль. Вследствие этого недоверия Павел рано стал одиноким.

Как только он женился во второй раз после первого кратковременного брака, Екатерина подарила ему имение Орлова — Гатчину, подарила своей снохе другое

Воспита-
ние Павла

Жизнь в
Гатчине

имение — Павловское, и здесь чета должна была вести довольно замкнутую жизнь, имея холодные формальные отношения с большим двором. Екатерина не допускала сына до государственных дел; из разных родов оружия она составила ему для развлечения миниатюрную армию, которая и расположилась в Гатчине; армия эта была отдана в полное распоряжение великого князя со своими маленькими батальонами, батареями, эскадронами и т. д. Великий князь мог обучать эту армию, муштровать и одевать ее, как хотел, был в своем гатчинском миру полным государем под условием не мешаться ни во что другое. Здесь и прожил великий князь более 10 лет в удалении, но не спокойно; за ним был устроен строгий надзор, он мало знал о том, что делалось в Петербурге, но в Петербурге отлично знали все, что делалось в Гатчине. Великий князь чувствовал над собою этот надзор, и он раздражал его; еще более его раздражало обязательное бездействие, соединенное с мелкими столкновениями с фаворитами. Потемкин, вообще человек бесцеремонный, обращался с великим князем при редких столкновениях с ним так, что мог подействовать и на более крепкие нервы раздражительным образом. Когда началась турецкая война, великий князь, тяготясь своим бездействием, просился в турецкую армию; Екатерина отказала, указывая на семейные препятствия, какие мешали великому князю отлучиться из Гатчины. Великий князь повторил просьбу, сказав: «Вся Европа знает мое желание служить отечеству; что она скажет, когда увидит, что я не в армии?» — «А она скажет, — отвечала Екатерина, — что великий князь — покорный сын». Когда началась шведская война, Екатерина с трудом отпустила сына в армию, действовавшую в Финляндии. Но вся военная деятельность великого князя ограничилась одной рекогносцировкой. Таким образом, у великого князя открылся обширный досуг, пользуясь которым, он мог передумать многое; легко заметить, в какую сторону должны были направиться его думы: вытесненный из правительственной сферы, великий князь, разумеется, на ней и должен был сосредоточить все свои помыслы.

Он не был лишен дарований; все знавшие его в то время отлично отзывались о его нравственных качествах; у него было природное чувство порядка и дисциплины, он вынес довольно хорошие и разнообразные сведения из своей молодости, хотя сведения эти были беспорядочны; его преимущественно учили тому, что требовалось тогда для светского воспитания. Родившись довольно неловким и неуклюжим, он должен был заниматься танцами и верховой ездой; французский язык он усвоил в совершенстве; из остальных областей знания в голове его было много разнообразных сведений, но не приведенных в систему. Притом это был очень набожный человек; в Гатчине долго потом указывали на место, где он молился по ночам: здесь был выбит паркет. Великий князь отличался живостью ума, хотя соединенной с некоторой нервностью; отличался благородством чувства, «но, — добавляет характеризующий его наблюдатель французский посол Сегюр, — во всех поступках и особенно словах великий князь, когда речь заходит о настоящем и будущем его положении, обнаруживает какую-то чрезвычайно беспокойную щекотливость»; это просто значит, что великий князь не находил себе места, постоянно тревожимый отношениями, как и думами. Все усилия его ума обратились на досужую критику того, что делалось в России; в Петербурге у него было слишком много врагов, слишком много личных неприятностей, чтобы он мог оторвать свою нервную мысль от столицы. Критике его подвергалось все: внешняя, как и внутренняя, деятельность правительства, управление, как и социальные отношения. Разбирая все это, он постепенно развивал свой план управления; один преобразовательный проект за другим являлись в его голове без достаточной продуманности, без практической подготовки, средств для которых не было у великого князя. Благодаря этим продолжительным и тревожным мыслям, великий князь постепенно впал в то состояние, которое можно назвать нравственной лихорадкой; чем дольше жила мать, тем сильнее росло в нем истерпение заменить ее; чем хуже шли дела, тем сильнее желалось ему направить их на новый путь, а дея-

тельность правительства в последние годы царствования Екатерины давала обильный материал для такой беспоконной и желчной критики. Царствование Екатерины кончилось почти банкротством экономическим, как и нравственным. Мы не поверили бы отзывам о положении дел, если бы они шли от великого князя-сына, но мы им можем верить, потому что они идут от великого князя-внука. Великий князь Александр в 1796 г., незадолго до смерти бабушки, в письме к Кочубею, рисует нам коротенькую, но яркую картину положения дел: «В наших делах, — пишет он, — господствует невероятный беспорядок; грабят со всех сторон, все части управления дурны, порядок изгнан отовсюду; а императрица стремится лишь к расширению своих пределов». Екатерина перед смертью задумала большой поход, решившись прямо вмешаться в европейские дела против Франции; поэтому назначен был новый набор по 10 человек с 1000. Для того, чтобы держать армию при тогдашних расстроенных финансах, Екатерина решила сделать новый выпуск бумажных денег и испортить серебряную монету, именно перечеканив ее с повышением номинального курса вдвое. Масса серебра уже собрана была для этой цели на монетном дворе. Наконец, великий князь был даже оскорбляем в своих семейных отношениях. Чем больше портился его характер, тем больше боялась Екатерина оставить дела после своей смерти на плечах сына. В конце ее царствования созрела мысль о назначении преемником великого князя-внука; Екатерина могла сделать такое распоряжение в силу закона, т. е. в силу отсутствия закона о престолонаследии. Как известно, по закону 1721 г. каждый царствующий государь имел право назначить преемника по своему усмотрению; поэтому Екатерина отбирала у Павла старших сыновей по мере того, как они рожались, чтобы устроить им воспитание по-своему, удалить от вредного гатчинского влияния. Великий князь мог видеть своих старших детей Александра и Константина лишь в назначенные дни в Большом Зимнем дворце.

Вступле-
ние Павла
на престол

Понятно состояние нервов великого князя в минуту, когда ему в ноябре 1796 г. донесли об ударе, пора-

жившем императрицу. Теперь для него открывалось широкое поле деятельности, ибо он знал, что акт, какой задумывала Екатерина, не был составлен, а удар, лишив ее языка, отнял у ней возможность устно изъяснить свою волю. Великий князь Павел вступил на престол с обширным запасом преобразовательных программ и с еще более обильным запасом раздраженного чувства. Но ему уже было значительно за 40 лет, когда он вступил на престол; он так долго дожидался престола, что, вступив, подумал, что вступил уже поздно; во всем, что тогда делалось в России, он видел одни непорядки и упущения и предвидел так много дела, что не надеялся с ним справиться. Отсюда главные особенности, которыми отличается его деятельность. Это: 1) противодействие всему, что делалось прежним правительством, и 2) торопливость, вытекавшая из мысли, что надо спешить, чтобы воспользоваться остатком жизни. Эти две особенности: противодействие прежней политике и торопливость, и были причиной неудач, какие терпел новый император как во внешней, так и во внутренней деятельности. Они и сообщили первому проявлению новой правительственной программы такой болезненный характер, который сделал ее бесплодной.

ЛЕКЦИЯ LXXXVIII

Павел I. Первые распоряжения. — Военная муштровка. — Муштровка общества. — Ограничение сословных привилегий. — Отмена законов Екатерины. — Внешняя политика. — Характер Павла. — Закон о престолонаследии — Закон о трехдневной барщине. — Вступление на престол Александра I. — Главные вопросы внешней и внутренней политики XIX в.

Первые
распоря-
жения
Павла

Настроение, с каким Павел вступил на престол, объясняет ту торопливость, с какой он принялся за дело с первой минуты царствования. Поток его распоряжений идет с того момента, как он явился из Гатчины в Зимний дворец; новое царствование началось еще прежде, чем прекратилось предшествующее. Первые распоряжения направлены были к отмене того, что было задумано в предшествовавшее царствование. Екатерина, как мы видели, в последние дни решилась деятельно выступить на борьбу с Францией, откуда шла тогда республиканская и анархическая пропаганда, она вступила в союз с Англией и Австрией и мобилизовала большой корпус; чтобы достать средства для кампании, задуман был новый выпуск ассигнаций и поречеканка серебряной монеты. Великая императрица кончала свое царствование, принужденная признаться за собою двойное банкротство; прежде всего, государство готово было объявить себя несостоятельным: бумажных денег в обороте было свыше 150 миллионов и курс их пал до 50%; не довольствуясь этим, правитель-

ство хотело сделать новый выпуск ассигнаций и испортить монету; предположено было перечеканить серебряную монету с повышением ее нарицательной цены вдвое, т. е. все гривенники превратить в двугривенные и т. д.

Павел начал свое царствование манифестом, которым провозглашал мирную политику; он отказался от борьбы с Францией, объявив, что империя с начала Семилетней войны вела непрерывную борьбу и что подданные нуждаются в отдыхе; рекрутский набор был отменен; приготовленные бумажки не были выпущены; перечеканка монеты приостановлена. Павел даже скопил и сжег 6 миллионов старых бумажек; это благоприятно подействовало на биржу и на курс русского рубля. Вместе с тем, император объявил, что всякий может обращаться непосредственно к нему со своими нуждами и просьбами; со времени Петра законодательство все увеличивало расстояние между верховной властью и подданными, строго запрещая непосредственные отношения последних к первой; строгим наказанием грозили за подачу прошения прямо государю; до царя стало далеко, и новый император хотел уничтожить это расстояние. В Зимнем дворце назначено было одно окно, в которое всякий желающий мог бросать прошения на высочайшее имя; ключ от комнаты находился у самого государя, который аккуратно каждое утро сам собирал поданные просьбы, читал их, клал на них резолюции, которые потом печатал в газетах.

Эти первые распоряжения поразили петербургское общество. До него доходили слухи о характере великого князя, о его отношениях к матери и ее политике, и жители Петербурга чуяли беду с начала нового царствования, ожидая, что все пойдет по-новому, и так как старое было так приятно, что от нового не ожидали ничего хорошего. Первые распоряжения нового императора заставили всех подумать о том, как они глубоко в нем ошибались; впрочем, это приятное разочарование продолжалось недолго: следовал ряд распоряжений, в которых высказался истинный характер нового правителя. Прежде всего, из забытой могилы открыт был император Петр III, гроб его поставили во дворце рядом с покойной императрицей, и они похоронены

были вместе, как будто они скончались вместе. Сопровождать гроб императора назначили и нашего знакомого Алексея Орлова. Затем, император стал последовательно проводить одну мысль в разных сферах управления и общественной жизни; мысль эта заключалась в водворении строгого порядка и дисциплины. Император вступил на престол с целью устранить бесчисленные упущения и непорядки, какие он видел всюду в царствование матери; разумеется, работа началась со сферы, стоявшей к нему всего ближе, — с войска.

Военная
муштров-
ка

Войско, покрывшее себя такими победами при Екатерине, к концу царствования, действительно, распустилось, т. е. распустилось собственно офицерство: не было установленного порядка в отчетности полковых командиров, каждый командир части действовал по собственному усмотрению, распоряжался, как полный хозяин, обучал, содержал, одевал свою часть, как знал, не отдавая отчета в расходовании казенных сумм. Недаром командование полком при Екатерине равнялось состоянию в 40 тысяч душ: то и другое давало один доход — 20 тысяч тогдашних рублей; полковой командир тогда получал 400 рублей. Особенно строго отнесся император к привилегированной и избалованной части армии, к гвардейским полкам. Как известно, у него в Гатчине до воцарения была своя армия, состоявшая из двух эскадронов кавалерии, из батальона пехоты и артиллерийской роты. Теперь эти ненавистные для петербургской гвардии гатчинцы были включены в состав гвардейских полков с повышением в чинах и с наградами, которые состояли в 100 и даже 1 000 душ крестьян. Настоящие гвардейцы, в большинстве столбовые русские дворяне, были страшно раздражены этой мерой, тем более, что приобрели в своих новых товарищах очень чутких шпионов. До 300 офицеров гвардии тотчас подали в отставку; император несколько встревожился, сам явился в казармы, уговаривал солдат и офицеров и издал указ, что все, которые подали или захотят подать в отставку, в 24 часа будут удалены из Петербурга и водворены на месте жительства. Полицеймейстер не знал, что делать с этим указом:

множество подвергнувшихся каре офицеров имели местожительства в Петербурге; было пояснено, что во всяком случае отставных надобно удалить из Петербурга. Офицеров в одних мундирах тотчас выбрасывали за заставу при жестоком морозе и предоставляли их собственным силам: они долго блуждали по окрестностям Петербурга, и многие из них замерзли. В ночь 8 ноября, когда император прибыл в Зимний дворец, одним из самых первых его распоряжений был указ, в силу которого офицер не мог выезжать в закрытом экипаже; мог лишь ездить верхом или в санях. Улицы Петербурга на другой день помертвели, офицеры и генералы сидели дома или робко шли по тротуарам.

В первые же дни император принялся за обучение своего войска; он нашел, что солдаты не умеют даже становиться на караул; чтобы обучать их, он завел на дворцовом дворе ежедневный вахт-парад. Вахт-парад стал едва ли не самым важным государственным учреждением; император со старшим сыном Александром или Константином на 3 или 4 часа спускался во двор в одном мундире и учил назначенную часть искусству становиться на караул, сам командовал ею. В своей треуголке, огромных ботфортах и сюртуке, загнув одну руку за спину, а в другой держа палку, государь при 20-градусном морозе командовал «раз, два!» А мимо него шли тоже в одних мундирах генералы, старики с ревматизмом и насморком и другими печальными последствиями слишком строгой, но несвоевременной службы; с тех пор никакой военный не мог показываться на улице в шубе. Один офицер отправился на вахт-парад, передав своему денщику саблю, которая ему мешала, а сам надел шубу, думая, что при входе на двор шубу отдаст денщику, а шпагу возьмет себе, но император встретил его раньше, и денщика произвел в офицеры, а офицера разжаловал в солдаты. Во время вахт-парада император издавал указы, принимал рапорты, назначал даже аудиенции, так что вахт-парад, т. е. открытый двор, зимой в 1796—1797 г. был лучшим государственным учреждением. Каждое воскресенье назначались большие парады; каждая неловкость, невнимательность наказывались строго; офицер, отпра-

вившись на парад, не был уверен, вернется ли он домой и даже где очутится, в Петропавловской крепости или по дороге в Сибирь. Иногда целые полки, неловко промаршировавшие перед императором, слышали команду: «Направо кругом в Сибирь!» Офицерство каждое утро теряло голову, и одна молодая дама, ожидая каждую минуту беды, даже на ночь привязывала свою руку к руке мужа, чтобы знать, когда случится несчастье.

Император занялся приведением в порядок наружного вида солдат. В обмундировке при Екатерине существовало большое разнообразие благодаря тому, что командиры иногда сами видоизменяли мундиры. Император, большой поклонник Фридриха Великого, ввел вместе с прусской системой обучения и прусский мундир, велено было солдатам остричься, затянуться в узенький сюртук и привязать к затылку известную косичку, пудриться, носить букли. Восстановлены были старые принадлежности обмундировки, существовавшие при Петре III и отмененные, когда Военной коллегией заведывал Потемкин. Суворов, который тогда командовал собиравшимся против французов корпусом, получив предписание о новой обмундировке и о новой прическе солдат, не утерпел, чтобы не сострить: «Пудра не порох, косички не штычки», за что был вызван в Петербург, отставлен и отправлен в Новгородскую губернию. Дисциплина выразилась в ряде быстро следовавших изменений: то предпишут один покрой русского мундира, то изменят его, прибавят к нему какую-нибудь новую подробность; форма кивера, шляпы, цвет плюмажа, форма сапог, пряжки, застежки — вот предметы, которые разрабатывались в законодательстве тех дней.

Муштровка общества

И общество подвергалось той же муштровке. Петербургское дворянское общество, как и армия, привыкло к привольной жизни в предшествовавшее царствование; роскошь, легкие нравы и тяжелые идеи — вот его характерные черты. Теперь и его прибрали к рукам; следует ряд указов, определявших образ жизни, въезда, даже образ мысли. Прежде всего, предписано было въезжать в немецкой упряжи и с кучером, одетым

по-немецки. С большим горем петербургские кучера расставались со своими длинными бородами и еще более длинными кафтанами и никак не могли принориться к предписанным им косичкам; шорники зато получили выгодную работу, потому что для нововведений назначен был короткий срок. В древней Руси подданные, видя в государе земного бога, при встрече с ним падали на землю; с царствования Федора Алексеевича правительство стало запрещать такое поклонение, Петр даже бивал дубинкой слишком усердных поклонников. Теперь было предписано всем при встрече с императором или членами царской фамилии отдавать им известное почтение: ехавшие в экипажах должны были выходить из них, чтобы делать поклоны; от этого не избавлялись и дамы, ехавшие в каретах. Подробно был описан обряд почтения: должны были, вышедши из кареты, спуститься на подножку, спустить с плеча верхнюю одежду и сделать реверанс, — как, я не знаю. Много приключений забавных и печальных следовало за этим распоряжением. Затем принята была перемена костюмов. Неизвестно, почему император питал отвращение к круглым шляпам, к шапкам; указом они были запрещены, полиция и казаки срывали и рвали круглые шляпы, на ком бы их ни замечали. Затем опала распространена была на высокие сапоги, на старую прическу, которая сбивала полосы на лоб: велено было зачесывать волосы наверх. В тогдашних модах прокрадывалось революционное влияние; новый император объявил войну всем этим революционным модам: постепенно запрещены были фраки, жилеты, застежки на башмаках, «кюлот» и, наконец, всякая трехцветная лента или материя. Для того чтобы исправить образ мыслей, в котором было много слишком либеральных элементов, закраившихся благодаря французской литературе, предписаны были изменения в самом русском лексиконе; в тогдашнем ходячем разговоре и литературном языке встречались термины, очевидно, навеянные французской литературой. Рядом с ними были другие, к которым питали нерасположение наверху. Издан был указ, запрещавший целый ряд слов и заменявший их другими,

например, запрещено было местоимение сей, велено заменить его местоимением этот; далее, велено было заменить слова: «врач» словом «лекарь», «стража» словом «караул», «отряд» — «деташемент» или «команда», «отечество» — «государство», «общество» велено было не упоминать вовсе без замены. Вышее петербургское общество при Екатерине, являясь на придворные собрания, привыкло вести себя почтительно к императрице, но довольно свободно; добродушная императрица жолала, чтобы у нее во дворце все веселились, танцевали, разговаривали, как умели; новый император предписал, чтобы в его присутствии все танцующие пары были обращены к нему лицом, где бы он ни стоял. На аудиенции каждый представляющийся должен был преклонить одно колено, но так, чтобы всем слышим был стук, отсюда происходящий; точно также, целуя руку, должен был сделать это не как-нибудь, а осязательно для слуха. Князь Голицын, не исполнивший предписанного обряда, тотчас от аудиенции был отправлен в крепость. Петербургское общество под влиянием этих указов как будто что-то встряхнуло.

Ограниче-
ние со-
словных
привиле-
гий

Мысль, которая руководила новой политикой, еще осязательнее высказывалась в мерах более серьезного характера; тотчас стало заметно, что император — враг сословных привилегий, социального неравенства. Как мы знаем, в предшествующее царствование во главе общества стали два привилегированных класса: дворянство и гильдейское купечество. Права этих сословий, как и область предоставленного им самоуправления, точно описаны были в двух жалованных грамотах 1785 г. Новый император стал отменять эти грамоты статью за статьей; прежде всего, он отменил право дворянского губернского общества обращаться к правительству с заявлением нужд и вообще с какими-либо коллективными просьбами. Далее, запрещены были губернские дворянские собрания, дворянство могло собираться только по уездам; даже губернские предводители дворянства выбирались на уездных собраниях. Мы знаем, что значение дворянства в местном управлении выражалось в сословных судебных и полицейских учреждениях, в верхнем земском и уездном суде, точно

так же, как участие купечества в местном управлении выражалось в праве избирать членов губернских и городских магистратов, как и других учреждений, где были открыты места заседателям от городских состояний. Верхний слой сословно-судебных учреждений был упразднен указом 1797 г., т. е. закрыты были верхний земский суд, губернский магистрат и верхняя земская расправа. Далее, дворянство выбирало весь личный состав земского суда и главных полицейских учреждений губернии; теперь предписано было на убылые места назначить губернских управителей даже из чиновников недворянского происхождения. Точно таким же стеснениям подверглась и жалованная грамота городам. Сословное самоуправление было разрушено; оставались личные и имущественные привилегии сословий. Важнейшей из этих привилегий была свобода от телесного наказания; в начале своего царствования Павел распространил эту свободу и на приходское духовенство, но в 1798 г. эта привилегия была уничтожена, и уничтожена не посредством отмены прежнего закона, а помощью его толкования; в указе говорилось, что дворянин за известные преступления по закону лишается своего дворянского звания; дворянин освобожден от телесного наказания за уголовное преступление, а коль скоро звание с него снято, то и привилегия его не касается; следовательно, если он лишился дворянского звания, то он уже не дворянин и потому может быть высечен, т. е. дворянин, потому что он дворянин, подвергался двойному наказанию; привилегия была превращена в нечто совершенно ей противоположное. Это распоряжение распространено было на гильдейское гражданство и духовенство, только что почувствовавшее себя свободным от телесного наказания. Итак, резко выражена была мысль нового царствования — уравнивать всех перед законом. Эта идея была проводима и в мерах по управлению.

Управление, созданное Екатериной, как мы видели, страдало большими недостатками; надежды, какие она возлагала на новые суды, не оправдались; лихоимство и неурядица царствовали в них попрежнему. Новый император поставил себе главной задачей водворить

Отмена
законов
Екатери-
ны

порядок в управлении и справедливость в судах, поэтому в каждом уездном городе перед присутственными местами поставлены были виселицы, на которых вешали за лихоимство не чиновников, а только их имена.

Екатерина распространила свои губернские Учреждения и на области, не принадлежавшие к старинным владениям империи: на остзейские провинции, на губернии малороссийские и присоединенные от Польши. Несомненно, это единообразное управление должно было содействовать скорейшему слиянию новоприобретенных провинций с коренными областями. Навел велел восстановить старые Учреждения в бывших польских областях и остзейских провинциях, как и в Малороссии.

Екатерина разделила империю на 50 губерний по количеству населения; новый император уничтожил это разделение и ввел новое, разделив империю на 41 губернию. Некоторые новые города, возникшие при Екатерине, носили память о ней; к числу таких городов принадлежал, например, и город, возникший в Новороссии, — Екатеринослав; император закрыл его.

В управлении действовало много лиц, относившихся с благоговением к покойной императрице; эти лица постепенно удалялись от должностей; к концу царствования Павла насчитывали до 20 тысяч отставных офицеров и чиновников. Не могли поручиться за другой день и лица, действовавшие в управлении. Генерал-прокурор Самойлов в первые дни царствования получил знаки неожиданной милости, несмотря на то, что был приверженцем Екатерины; ему подарено было 4 000 душ крестьян, сказано несколько ласковых слов, а через несколько дней он был отставлен и секретно заключен в крепость.

Итак, мысль о водворении порядка и справедливости в управлении, в судах постепенно переработалась в другую — в уничтожение следов предшествовавшего царствования; очевидно, больше хлопотали о том, чтобы преобразовать, чем о том, чтобы улучшить; лишь бы все пошло по-новому, а не так, как было прежде, — вот что стало задачей внутренней преобразовательной деятельности.

Внешняя политика страдала той же особенностью, как и внутренняя; как во внутренней политике, люди не знали, что будет завтра, какое начало восторжествует и долго ли удержится раз восторжествовавшее. Павел, провозгласив мирную политику, должен был, однако, выступить в борьбу с Францией в союзе с Англией и Австрией. Русская армия, покрытая победами на полях Италии, вызвала общее удивление в Европе своим геройским переходом через Сен-Готард. Но через несколько времени Павел разорвал со своими союзниками, вступил в дружественные переговоры с первым консулом Бонапарте и заключил тесный союз с Францией, который сопровождался объявлением войны Англии. Чтобы объяснить этот переворот во внешней политике, петербургский кабинет указывал на вероломство Австрии, а император раз сказал: «Мне все равно, кто царствует во Франции, лишь бы там кто-нибудь царствовал!» Благодаря всем этим мерам, которые следовали одна за другой и без видимой связи, в высшем обществе водворилось настроение, которое нам трудно почувствовать; люди, сначала испуганные, потом стали проникаться той веселостью, которая обыкновенно овладевает людьми, когда они почувствуют, что им нечего терять. Современники рассказывают, что не только на частных, но и на придворных балах никогда так не веселились и не дурачились, как в последние месяцы царствования Павла. Все привыкли к неожиданностям; термометр жизни понизился, и люди были очень довольны, что он не понижался еще более.

Что значит описываемое царствование в нашей истории и как могла принять такое направление политика, в основе которой лежали столь добрые стремления? Современники оставили нам много рассказов о тех немногих годах; все эти рассказы довольно однообразны; все они — анекдоты; от того царствования дошли до нас только анекдоты и почти не дошло крупных правительственных актов, которые сопровождались бы заметными в нашей жизни последствиями. Собрав все эти анекдоты, подумаешь, что все это какая-то пестрая и довольно бессвязная сказка; между тем, в основании правительственной политики, внешней и

внутренней, лежали серьезные помыслы и начала, заслуживающие наше полное сочувствие. Прежде всего, современники отмечают много отличных свойств в характере императора; один из них, долго присматривавшийся к государю и к его деятельности, пишет: «Павел был человек доброжелательный и великодушный, склонный прощать обиды, готовый каяться и своих ошибках, любитель правды, ненавистник лжи и обмана, заботившийся о правосудии и гонении всяких злоупотреблений власти, в особенности лихоимства и взяточничества». У него был, если можно сказать, врожденный инстинкт порядка; ежедневную жизнь свою он располагал по строгой программе, которую выдерживал с редкой точностью. Но у него была одна черта характера, которая портила все его добрые свойства; тот же современник пишет: «К несчастью, все эти добрые и похвальные качества становились совершенно бесполезными и для него, и для государства, вследствие совершенного отсутствия меры, крайней раздражительности и нетерпеливой требовательности безусловного повиновения». Малейшее колебание в исполнении приказа, малейшая несправедливость по службе, влекли за собой строжайший выговор и даже наказание. На Павла не легко было иметь влияние, ибо, считая всегда себя правым, он весьма упорно держался своего мнения и до того раздражался от противоречия, что часто казался совершенно вне себя. В старое время опала, постигавшая лицо, простиралась и на всех его родственников одного имени, а теперь опала, постигшая Ивана, распространялась на всех Ивановых в империи, хотя бы они не были родственниками. Здесь мы встречаемся с последствиями того общежития, какое установилось в предшествовавшее царствование.

Такие характеры не рождаются, они воспитываются; император был представителем одного порядка явлений, какие укоренились в предшествовавшее царствование; ведь несомненно, что он был дитя Екатерины и дитя екатерининского времени, не знавшего меры и целей, жившего интересами и впечатлениями минуты. Павел был первый противодворянский царь этой эпохи, к изучению которой мы обратились, а господство дворянства

и господство, основанное на несправедливости, было **большим** местом русского общежития во второй половине века. Чувства порядка, дисциплины, равенства были руководящим побуждением деятельности императора, борьба с сословной привилегией — его главной целью.

Так как господство дворянства создано и держалось недостатком основных законов, преимущественно закона о престолонаследии, что сделало возможными все дворцовые перевороты, поднявшие это сословие, то Павел начал создание таких законов. Это стремление выразилось в установлении закона, который стоит во главе нашего кодекса, закона 5 апреля 1797 г. о престолонаследии. Как известно, Петр уничтожил прежде действовавший обычай престолонаследия законом 1721 г., который был вызван его несчастными семейными отношениями. С тех пор судьба русского престола предоставлена была на волю политического ветра, каждый царствующий государь назначал себе преемника по своему усмотрению. Закон 5 апреля определял порядок престолонаследия в нисходящей мужской линии и взаимное отношение членов императорской фамилии. Легко заметить его цель: цель его была устранить на будущее время несчастье, которое грозило самому императору. Говорят, что после Екатерины осталось завещание, устранявшее Павла от престола, но завещание это во-время было выдано ему канцлером Безбородко, который зато и получил 30 тысяч десятин земли и 6 тысяч душ крестьян. В 1789 г., когда великий князь находился в известном нам настроении, подал свой пост при петербургском дворе французский посланник Сегюр; он явился в Гатчину откланяться великому князю. Великий князь разговаривал с ним о том, что делалось в России, и между прочим с большим раздражением заметил: «Объясните мне, наконец, почему это во всех других европейских государствах один государь спокойно вступает на престол и другим, а у нас в России...» Тут великий князь напнулся. «Причину этого, — отвечал дипломат, — указать не трудно: во всех европейских государствах существует закон о престолонаследии в нисходящей муж-

Закон о престолонаследии

ской линии; этот закон отличает азиатские государства от европейских, он служит главной опорой порядка в обществе, а у вас здесь все сомнительно, нет ничего определенного; каждый государь назначает наследника по своему усмотрению, что служит источником беспокойных замыслов, честолюбивых интриг и даже заговоров». — «Это так, — возразил великий князь, — но что же делать, к этому все привыкли; обычай господствует, изменить такой порядок можно только с опасностью для того, кто предпримет это; в России больше любят видеть юбку на престоле, чем мундир». — «Но можно, — возразил Сегюр, — при каком-нибудь особом случае изменить этот порядок, например, воспользоваться днем коронации, когда общество настроено особенно радостно». — «Да, об этом надо подумать», — отвечал великий князь. Мысль эта и выражена в законе 5 апреля 1797 г. Так самые существенные государственные потребности соединялись у императора с какими-нибудь чисто личными мотивами. Сословное самоуправление, губернские Учреждения и жалованные грамоты городам и дворянству при Екатерине были подавлены преобладанием последнего. Павел уничтожил самоуправление сословий, отменив обе жалованные грамоты в существенных чертах и вытеснив дворянство из губернского управления коронным чиновничеством.

Закон о
трехднев-
ной бар-
щине

Власть помещика над крестьянами развилась непомерно благодаря отсутствию точного законодательства, которое определило бы отношения обеих сторон. Павел чувствовал этот пробел и сделал первую попытку такого определения манифестом 5 апреля 1797 г. В этом манифесте запрещалось принуждать крепостных к работе по воскресным дням и предписывалось помещику довольствоваться трехдневным трудом крестьян, трехдневной барщиной. Закон этот не был развит практически и остался без действия, тем не менее, он — факт в истории нашего законодательства, потому что впервые выразил мысль, которой потом долго будет руководиться правительство. Но выражение этой мысли даже в то царствование не было последовательно: порядок раздачи крестьян в частное владение и при Павле сохранился прежним; его вступление на престол сопря-

вождалось награждением более чем 100 лиц более чем 100 тысячами крестьян почти с миллионом десятин земли; во все царствование каждая милость выражалась в пожаловании населенного имения, и, может быть, при этом демократическом царе раздачи эти производились щедрее, чем прежде. Крестьянами награждали за все, за каждую мелочь, и много гатчинцев сделались крупными душевладельцами и землевладельцами благодаря счастливому случаю. Раз на параде император отдал какой-то приказ бывшему гатчинскому офицеру Каннабиху; Каннабих, сломя голову поскакал исполнить приказание, на скаку с него слетела треуголка. «Каннабих, шапку потерял!» — закричал ему вслед император. «Зато голова тут», — отвечал Каннабих и продолжал скакать далее. «Дать ему 1 000 крестьян», — сказал смеясь Павел. Деятельность его в избранном направлении лишена была цельности и последовательности; это происходило оттого, что Павел благодаря обстоятельствам, в каких он развивался, принес на престол не обдуманную программу, не точное знание дел и людей, а только значительный запас накопившего чувства; его политика выходила не столько из сознания несправедливости и негодности существующего порядка, сколько из антипатии к лицам, к матери и ее сотрудникам. Эти сотрудники принадлежали к либеральному дворянству, которое от скуки и на досуге пропиталось либеральными французскими идеями, потому Павел предпринял уничтожение дворянских привилегий и положил опалу на все дворянские либеральные идеи, даже на дворянский либеральный язык и костюмы. Это участие чувств, нервов в государственной деятельности сообщило ей характер не столько политический, сколько патологический: в ней больше минутных инстинктивных порывов, чем сознательных идей; борьба с существующим порядком превратилась в бесцельное гонение лиц, вражда к сословным привилегиям получила характер стеснения самых простых человеческих прав. Вся демократическая программа разбивалась на бессвязные и капризные мелочи, переродилась в припадки жестокого или великодушного каприза, в простой анекдот, и больше анекдота мы

Вступле-
ние на
престол
Александ-
ра I

ничего не знаем об этом царствовании. Таким образом первый приступ к новой программе был очень неудачен.

11 марта 1801 г. на престол вступил внук императрицы Екатерины Александр; это был последний переворот, совершившийся только не на улице. Перемена произвела оживляющее действие на общество; все точно проснулось от сна, в котором что-то сильно давило. Современники рассказывают, что 11 марта улицы Петербурга имели вид, какой они принимают только в светлое воскресенье: люди незнакомые, встречаясь друг с другом, обнимались и целовались, поздравляя с чем-то один другого, точно столица освободилась от осады. Новый император иначе приступил к исполнению программы, которую диктовал ход событий. Мы вступаем в XIX столетие. Прежде чем изучить историю этого времени, я должен высказать одно предостережение. Теперь у нас на пути будут стоять явления, слишком к нам близкие, — прямые причины тех, которые волнуют или волновали нас; в суждениях об этих явлениях довольно трудно сохранять спокойствие, с каким мы привыкли относиться к явлениям давно минувших дней. Прошедшее — что картина, ее рассматривать лучше на известном расстоянии, — почему прошу вас в моем изложении следить за связью событий более, чем за мнениями.

Главные
вопросы
внешней и
внутрен-
ней поли-
тики
XIX в.

Я указал главные черты правительственной программы, осуществление которой и есть история нашего отечества за последние три царствования. В этой программе стоят два главные вопроса, из которых один касается внешней политики, а другой — внутренней. К концу XVIII столетия Россия вступила в свои естественные географические и национальные границы почти на всем пространстве своей территории; она захватила много инородческих элементов и оставила за своими пределами очень мало частей русской национальности. Как скоро достигнуты были эти географические и национальные границы, внешняя деятельность государства изменяется: объединившись, вобравши в себя всю русскую национальность, государство с этой минуты начинает освобождать другие национальности, родственные русской в религиозном или племенном

смысле. Эта православно-славянская политика начата была даже несколько преждевременно, прежде, чем государство достигло своей прежней цели, своих естественных границ. Мысль о том, что Россия должна поднимать и призывать к политическому существованию народности православные или славянские, поставлена была на очередь даже в царствование Екатерины. Внутренняя политика направлена была к переустройству отношений общественных классов и их положения в государстве. Вопрос, который здесь был исходным пунктом всех внутренних преобразований, состоял в том, чтобы постепенно сблизить разобщенные прежней русской историей классы русского общества, подготовить их к совместной деятельности, прерванной еще в XVII столетии, и, уничтожая специальные повинности, лежащие на низших классах, восстановить их равенство перед законом. Таковы две задачи, которые поставлены были на очереди и к разрешению которых приступил новый император. Ходом разрешения этих задач я и ограничусь в изучении явления нынешнего столетия. Прежде всего, сделаю короткий обзор хода внешней политики, указав, какими побуждениями руководилось наше правительство во внешних отношениях, и каким результатам приводили многочисленные войны, воеванные Россией в этом веке. В обзоре политики внутренней я обращу исключительное внимание на разрешение социальных вопросов, а также и тех второстепенных задач, разрешение которых должно было предшествовать разрешению главного вопроса или сопровождать его.

ЛЕКЦИЯ LXXXIX

Главное направление внешней политики в XIX в. — Борьба национальностей. — Влияние французской революции. — Участие России в разрешении общеевропейских вопросов. — Перечень событий. — Основное направление внутренней политики в XIX в. — Александр I. — Его воспитание. — Характер его.

Главное направление внешней политики в XIX в.

Я сделаю короткий обзор внешней политики России начала XIX столетия. Прошу вас припомнить главный факт в истории этой политики, как мы его обозначили: факт этот состоял в том, что русская политика, дожив к началу XIX в. объединение русской народности, теперь предпринимает политическое освобождение других народностей, близких к России по религиозному или племенному родству. Таким образом, русская политика усваивает новое направление; но заметьте, это новое направление первое время было только фактом, а не программой. Русская политика долго не ставила себе такой цели — освобождения православных или славянских народностей; цель эта была скорее навязана ей ходом событий, не от нее зависящих. При Екатерине еще не понимали самой этой задачи, считали возможным освободить народности, далее стоявшие от России, жертвуя стоявшими ближе в пользу чужих; достаточно припомнить знаменитый в свое время греческий проект, составленный перед второй турецкой войной. Призывая Австрию содействовать в борьбе с Турцией, русское правительство заключило договор с

императором Иосифом II на таких условиях: дунайские княжества — Бессарабия, Молдавия и Валахия — образуют самостоятельное государство под названием Дакии; оно должно было служить посредником между тремя сильными соседями: Россией, Австрией и Турцией. Турцию предполагалось если не уничтожить, то ограничить Румелией, Константинополем. Турецкие провинции, лежавшие на юге по соседству с Австрией, т. е. Сербия, Босния и Далмация, должны были отойти к Австрии вместе с венецианскими владениями по берегу Адриатического моря. Венецианская республика в вознаграждение этих потерь приобретала некоторые острова архипелага: Кипр и Кандию, а также Морею. С нашей точки зрения нельзя представить себе более нелепого проекта. Племя, в котором наиболее было пробуждено чувство политической самостоятельности, румынское, получило политическое существование, но народности славянские или православные, даже славянско-православные, как сербы, отдавались чуждым государствам.

Итак, русская политика во вторую половину XVIII в. еще не ставила и не понимала религиозно-национального направления: это направление, сказал я, было навязано ей ходом событий. Источником этих событий было пробуждение национальных чувств в угнетенных народностях Европы. Как известно, этот факт сильно выступает в европейской жизни с начала XIX века; так как этого века осталось немного, то мы безошибочно можем сказать, что в истории международных отношений этот век останется временем борьбы национальностей. Вопрос этот имеет очень сложный источник: не мы его подняли, да и не все те народности, которые стремились к политическому существованию. Правда, в этих народностях жили некоторые предания о политическом быте: припомним, что некогда они были самостоятельными государствами, например, за Кавказом существовало государство Армянское, потом утратившее свою самобытность под ударами турок и персов; до Екатерины дожило царство Грузинское; другие области — Мингрелия, Кахетия — сохраняли еще остатки местного самоуправления под чужим влады-

Борьба
нацио-
нально-
стей

чеством; точно также дунайские княжества составляли несколько государств, Молдавия и Валахия пользовались внутренней самостоятельностью; Болгария и Сербия составляли обширные царства, долго грозившие существованию Византийской империи. Сербское королевство пало, как известно, под ударами турок в битве на Коссовом поле вскоре после того, как мы на Куликовом поле начали дело своего освобождения от татарского ига, в 1389 г. Из всех этих православных или славянско-православных племен сохранил политическое существование маленький осколок сербского племени, Черногория, благодаря особенностям горной страны, занятой герцеговинцами. Эти предания о боевой славе и о свободе жили еще среди румын, болгар, сербов, как и греков, но их недостаточно было бы, чтобы поднять народные массы на борьбу с турецким игом. Прежде всего, эти предания не были достаточны для того, чтобы распространить живое чувство свободы; это чувство было пробуждено толчком со стороны. Толчок этот дало самое крупное событие XVIII в. со своими последствиями, т. е. французская революция.

Влияние
французской
революции

Французская революция и сменивший ее порядок, который был установлен империей, подействовали очень различно на разные европейские общества и племена. Эти европейские общества и племена представляли такой вид к концу XVIII в.: иные народности, составляя цельные политические тела, пользовались внешней независимостью, но были лишены внутренней свободы; другие народности, пользуясь внешней независимостью, не представляли политического целого, были разбиты на особые политически независимые части и притом не пользовались внутренней свободой; наконец, третьи не имели ни внешней независимости, ни внутренней свободы, ни даже национальной цельности. К первому разряду национальностей принадлежали, например, государства Пиренейского полуострова — Испания и Португалия, ко второму — государства немецкие и итальянские, Неаполь, папская область и т. д., к третьему разряду национальностей принадлежали отдельные славянские племена, а также и племя греческое. Французская революция с империей пробудили в народностях

первого разряда стремление к внутренней свободе, в народностях второго разряда — стремление к национальному объединению вместе с внутренней свободой, в народностях третьего разряда — стремление к национальному освобождению. Не думайте, впрочем, что такое действие французской революции проникло в православные или славянские общества непосредственно: эти народности жили слишком далеко от Франции и от вызванного ею круговорота политических идей; даже французские завоевания слишком слабо отражались на европейском юго-востоке, т. е. славянско-православном мире. Это завоевательное движение тяжело отозвалось только на единственном славянском самостоятельном государстве — на России. Но французские завоевания произвели общий хаос в европейских международных отношениях: старые политические системы пали, старые отношения государств расстроились, дипломатия сбилась с проторенной колеи. Это сопровождалось общим ослаблением связи, и, разумеется, это ослабление должно было почувствоваться прежде всего теми народами, которых с особенной болью сжимали эти связи, т. е. народами угнетенными: угнетенное всегда шевелится, когда среди угнетателей водворяется беспокойство. Таково было влияние французской революции на православно-славянский юго-восток: много корон в Европе пало от французского оружия, много политических сил и страхов исчезло.

Притом произошли невиданные явления. Россия уже более века боролась с Турцией, и все привыкли к мысли видеть в них непримиримых врагов, а в царствование Павла, чтобы дать отпор французским завоеваниям, Россия составила огромную коалицию 1798—1799 г. (вторая коалиция), в которой пошла рука об руку Неаполь, Англия, Австрия, Россия и Турция, которой тоже грозила французская республика из Египта во время египетского похода Наполеона.

Россия содействовала, со своей стороны, этому пробуждению политических надежд в православно-славянском мире еще раньше, чем усвоила себе новую религиозно-национальную программу. Русские победы XVIII в. ослабили тот страх, какой наводила Турецкая импе-

рия на Европу; обаяние, которым запугивались покоренные племена Балканского полуострова, теперь стало понемногу рассеиваться. Припомните, что были сделаны опыты поднять народности Балканского полуострова против Турции, даже вооружить против нее завоеванные племена Закавказья; Екатерина хвалилась в начале второй турецкой войны, как она подпалят Турцию с разных сторон, как она вооружит против нее закавказские народы — грузин, армян; греки в Мореи были подняты, хотя восстание потом не было достаточно подержано.

Участие
России в
разреше-
нии обще-
европей-
ских во-
просов

Все это вместе составило достаточно сильный горячий материал, помощью которого и разгорелся вопрос об угнетенных православно-славянских национальностях. Как скоро этот вопрос был возбужден, Россия не могла уклониться от его разрешения, потому что с ним связано было ее значение в Европе, ее существенные внешние интересы. Так ход событий вызвал русскую дипломатию на новую дорогу; понятно, что на этом новом пути она получила новый интерес, новое значение. До сих пор Россия разрешала свои местные, особые вопросы: она объединялась в национальное целое, округляла свои границы, сводила старые счеты со своими ближайшими соседями — Польшей, Швецией; все эти события оказывали сильное влияние, сильнейшее впечатление на Западную Европу, но все это были местные события, чисто русские вопросы. Теперь Россия выходит из этой местной, национальной сферы и начинает призывать к политическому существованию народности, которые не входили и не войдут в состав Русского государства. Таким образом, русская политика борется за разрешение вопросов общеевропейского характера.

Перечень
событий

Я передам только сухой перечень того, что сделано было на этом пути с начала XIX столетия. Прежде всего, разрешая задачи, часто поставленные со стороны, русская политика, однако, желала продолжать давно начатый процесс: она объединила политически русскую национальность, но еще недостаточно округлила свои границы, т. е. недостаточно довела их до естественного рубежа, а известно, как условно, шатко это

понятие о рубеже: его всегда можно распространить до бесконечности. Главным рубежом считались некогда берега Каспийского и Черного морей, а потом он отодвинут был до Кавказского хребта, а когда русские перешли Кавказский хребет, то перед ними открылись обширные долины Грузии, Имеретии, Армении и т. д. где тут положен будет предел — мы не знаем, что скажет будущее. Итак, разрешая вопросы, часто возбужденные не нами, и даже часто против нашей воли, мы продолжали расширение своей государственной территории. При Екатерине грузинский царь Ираклий, теснимый Персией, отдался под покровительство России. Это стало довольно заметным затруднением в отношениях России с Турцией: в числе причин второй турецкой войны был грузинский вопрос. С другой стороны, персы старались обеспечить свою северо-западную границу, где они сталкивались с Россией: здесь у них было несколько ханов, признававших свою вассальную зависимость от персидского шаха. При Александре и Николае рядом войн отрывались эти христианские и магометанские области Закавказья у Турции и Персии. Грузинское царство отрывается от Турции. Персы, вторгшись в эту страну, опустошили Грузию и Имеретию в конце царствования Екатерины. При Александре с ними идет война, кончившаяся Гюлистанским миром 1813 г. Грузия, Имеретия, Мингрелия были защищены от персидского оружия.

В то же время война с Турцией, кончившаяся в 1812 г. Бухарестским миром после победы Кутузова над турками, в первый раз поставила вопрос о христианско-славянских племенах Балканского полуострова, поставила практически на почве дипломатии, выведя из сферы политических желаний. Всех раньше поднялись на Балканском полуострове сербы, которые имели прежде всего больше практики в вооруженной борьбе с Турцией благодаря соседству с Австрией во время войн Австрии с Турцией. Сербия обыкновенно служила театром борьбы, сербы поднимались, австрийцы вооружали их, образовывали из них отряд волонтеров, который и направляли против турок. При Иосифе II шла у австрийцев неудачная война с Турцией; серб-

ские волонтеры по окончании ее были отпущены, но Сербию наводнили турецкие гвардейцы — известные янычары, которые, плохо слушаясь центрального стамбульского правительства, стали распоряжаться по своему. Волонтеры, еще не успевшие бросить оружия, поднялись и, сосредоточившись в горных лесах, в планичах, начали образовывать отряды гайдуков (удальцов). У них явился вождь, один из участников последней турецко-австрийской борьбы, прежде турецкий лакей, а потом свиноголовец, — Кара-Георгий, Георгий Черный; он и поднял борьбу с янычарами не только с согласия, но и с поддержкой стамбульского правительства в 1803 г. Потом, когда янычары были побеждены и из Стамбула пригласили сербских повстанцев сложить оружие за ненадобностью, последние объявили, что они недаром работали в пользу Турции, и потребовали прав. Порта отказала, и восстание из борьбы с янычарами превратилось в борьбу с Турцией. В 1805 г. Россия поддержала сербов, послав им Дунаем транспорт оружия; восстание выросло в обширное движение. В Бухарестском трактате 1812 г. Россия выговорила в пользу сербов внутреннее самоуправление только с признанием верховной власти султана, что выражалось в раз навсегда определенной дани сербам Турции. Кара-Георгий был признан верховным князем Сербии.

Одновременно с этим и другая национальность была признана к политическому существованию — Румыния: в Бухарестском трактате и ей тоже было выхлопотано самоуправление. Прежде турки назначали для управления Молдавией и Валахией греков из стамбульского квартала Фанария, наполненного западными и греческими купцами (отсюда название торговых греков — фанариоты); они назначались на должности губернаторов или господарей в этих княжествах. По Бухарестскому трактату, господари этих княжеств управляют самостоятельно при содействии совета наместных бояр и не сменяются без согласия России.

Так начала русская политика свою деятельность на новом поприще. Но Сербия скоро утратила завоеванную независимость. В 1812 г. Россия увлечена была

в борьбу с Францией. Борьба с Францией была необходимою, вытекавшей из положения России в международной политике: французские завоевания вызвали европейские народности на отпор; наиболее угнетенные из этих народностей были православно-славянские. Россия не могла уклониться от необходимости поддерживать эти национальности, следовательно, она должна была столкнуться с завоевательной политикой Франции. Здесь действовала логика событий, независимая от соображений дипломатов известного времени. Это было стихийное движение, продолжающееся и до сих пор, помимо людских соображений.

В 1821 г. поднялись греки; греческое движение, также подготовлявшееся различными влияниями, опиралось на Россию; руководивший движением генерал русской службы грек Александр Ипсиланти собрал свои отряды в Вессарабии, которая была присоединена к России по Бухарестскому миру. Вождем движения и устройтелем освобождавшейся Греции стал граф Каподистрия, долго занимавший пост министра иностранных дел при Александре. Александр, по консервативному положению, какое он занял в международной политике Европы, не мог поддерживать прямо и решительно греческое движение; греки долго боролись одни со слабой помощью западноевропейских обществ. Николай, не связанный обязательствами своего брата, повел дело прямо, новая война с Турцией 1828—1829 г. расширила русскую территорию, включив в нее устье Дуная, и вместе с тем довершила освобождение греков и сербов. Раздавленные в 1813 и 1814 гг., сербы вновь поднялись под руководством нового вождя Милоша Обреновича в 1815 г.; по Адрианопольскому трактату Порты отказалась совершенно от власти над восставшими греками и уступила еще более самостоятельности сербскому княжеству; независимое греческое королевство образовалось и было признано Европой по Лондонскому трактату 1830 г. Вскоре после того был избран первый король Греции — баварский принц Оттон. В силу Адрианопольского трактата 1829 г. султан дал Сербии фирман, в котором Милош Обренович признается верховным князем Сербии, только нахо-

дящимся в вассальной зависимости от султана. Сербия пользуется полным внутренним самоуправлением; турки, живущие в Сербии, выселяются, остаются только гарнизоны в сербских крепостях. Таким образом два новые политические тела вызваны к бытию при содействии России. В такое же вассальное отношение поставлены были и дунайские господарства или княжества. В тридцатых годах влияние России на Балканском полуострове, приобретенное этими успехами, достигло своего высокого напряжения по очень странному сочетанию обстоятельств: Турция разваливалась; отдельные части ее отрывались от нее или обнаруживали стремление оторваться: Греция отделялась совершенно, Сербия, Молдавия и Валахия почти оторвались. В 1831 г. поднялась против Турции ее далекая провинция на юге — Египет; Мехмед-Али-паша, губернатор Египта, много помогавший в борьбе Турции с греками, теперь поднял восстание против султана. Располагая хорошим войском, его сын Ибрагим оторвал у Турции всю Сирию, дошел до Тавра, прошел через этот хребет, разбил турок при Кании в 1832 г. и направлялся к Константинополю. У султана не было армии; если бы Ибрагим перешел Босфор и занял Константинополь, который оставался беззащитным, турецкая империя пала бы под ударами неприятеля, и господство османов заменилось бы господством арабов, шедших под знаменами египетского принца. Трудно сказать, что тогда было бы, в какое сочетание пришли бы политические отношения на юго-востоке, в какое отношение к этим событиям должна была бы стать Россия. Народности Балканского полуострова, освободившиеся или еще ждавшие освобождения, радовались успеху Мехмед-Али; во всяком случае с падением власти султана возник бы вопрос об их положении, а их нельзя было поставить в такое же отношение, в каком они стояли к султану.

Казалось бы, Россия должна была смотреть спокойно на течение дел, предоставив египтянам доделать ход русского дела. Политика Николая отнеслась к событиям иначе: Николай, припомня ли правило, которое было высказано в книге Монтескье «Дух законов», или руко-

водясь своими особыми воззрениями, решил не допустить соседнее слабое государство до разрушения, ибо слабое государство в соседстве всегда полезно и полезнее, чем отдельные провинции, на которые разобьется это государство, хотя бы эти провинции были присоединены к сильному соседу. Он решил поддержать султана. Севастопольский флот под командой Лазарева, по просьбе султана, явился в Босфор не громить Константинополь, а защищать его от магометан. Русская дивизия высадилась на азиатском берегу для того, чтобы загородить египтянам путь к Стамбулу; Ибрагим-паша не отважился бороться с русскими и отступил. Такого неожиданного сочетания обстоятельств. Россия уже более века стремилась добить Турцию, а когда явилась опасность ее падения, она заступилась за нее первая. Турки были очень испуганы появлением страшных защитников и, кажется, боялись их больше, чем египтян. Услуга была вознаграждена договором, заключенным в местечке Ункиар-Скелеси в 1833 г.; этот договор обеспечил решительное преобладание России на Балканском полуострове. Россия признана была единственной защитницей православно-славянского населения Турции с правом вмешиваться в дела Порты по этому предмету. Формально Россия и Турция обязывались взаимно защищать друг друга, но в секретной статье договора было сказано: ни один военный западноевропейский корабль не может быть пропущен через Дарданеллы, в то время как русский флот имел ход через Босфор и Дарданеллы. Это было временем наибольшего торжества русской дипломатии на востоке.

С этого времени идет глухое противодействие западных держав русскому преобладанию. Противодействие это привело к Восточной войне 1853—1856 гг. Как известно, эта борьба, веденная западноевропейской коалицией в защиту Турции, имела двоякую цель, которая и была достигнута: 1) уничтожить исключительное право России покровительствовать турецким христианам, 2) так как это право покровительства поддерживалось русским черноморским флотом, то уничтожить этот флот. По Парижскому договору 1856 г. христиане Турции были объявлены под совокупным

покровительством великих держав; севастопольский флот был уничтожен во время войны, и Россия лишилась права восстановить его. Но это было только подтверждением на новом пути: ход событий заставил русскую политику усвоить себе религиозно-национальную программу. Территория России расширяется в продолжение XIX столетия до Восточной войны, но этот интерес постепенно отступает на второй план и на первый выдвинута задача постепенно призвать к политическому существованию все православно-славянские народности Турецкой империи. На нашей памяти русская политика сделала еще несколько новых шагов в этом направлении: дунайские княжества соединены были в минувшее царствование в одно Румынское государство, которое, наконец, освободилось от власти султана; Сербское княжество вело еще борьбу с Турцией и, поддержанное Россией, также получило полную независимость. Это движение вызвало последнюю Восточную войну 1877—1878 гг. Русская армия уже в 1829 г. на пути к Константинополю дошла до Адрианополя; в минувшую войну она проникла далее и издали уже видела Константинополь. Война эта сопровождалась призывом к политическому бытию еще других славяно-православных племен. По Сан-Стефанскому договору 1878 г. образовано княжество Болгарское по обе стороны Балканского хребта; это княжество с населением не менее двух миллионов поставлено к Турции в такое же положение, в каком некогда стояла Сербия; со временем оно станет в такое же положение, в каком теперь стоит Сербия.

В ходе внешней политики России надобно различать мотивы и программу. Мотивы были заветными политической прежнего времени и вели к дальнейшему расширению государственной территории, но эти мотивы прикрыты были новой программой, которая состояла в призывании к политическому бытию православно-славянских народностей на Востоке. Согласно с этой двойственностью мотивов и программы были достигнуты и двойные результаты: один ряд результатов создал новые границы империи, другой создал новый ряд политических тел в Европе. Эта политика внесла в

европейскую международную жизнь новый момент, если не новое начало: XIX век в истории Европы поставил в международной политике стремление создавать крупные политические тела посредством политического объединения разрозненных прежде частей одной национальности; Европа постепенно стягивается, кристаллизуется, складывается в семью немногих, но больших национальных держав. Россия, призывая к политическому бытию мелкие славянские народности Востока, образует противовес этой национально-политической кристаллизации Европы.

Я изложил беглый очерк внешней политики России только для того, чтобы указать на внешнюю обстановку, при которой совершалась внутренняя работа над общественным порядком нашего отечества. Обращаемся теперь к изучению этой работы. Я указал главный факт, который наполняет собой нашу внутреннюю историю с начала текущего века. Этот факт по существу своему социально-политический, он состоит в постепенном уравнивании сословий, сближении их и призвании их к совокупной деятельности. Но этот факт сложный, он состоит из нескольких отдельных движений, из нескольких вопросов, которые еще не все разрешены. Я обозначу эти отдельные вопросы. Чтобы устроить общество на новых основаниях, нужно было стройное и достаточно деятельное управление; чтобы устроить общественный порядок, нужно было поставить его на новом основании, на законе, который заменил бы собою привилегии одних классов обязанностями других, а такого одинакового для всех стройного закона не существовало в нашем государстве. Так, задачей правительства должно было стать преобразование управления и кодификация, т. е. выработка стройного, для всех одинакового закона из кучи разновременных и разнохарактерных частных узаконений. Далее перестройка общества, уравнивание сословий требовало прежде всего разрешения крепостного или крестьянского вопроса: крепостное право, как мы знаем, и вносило то неравенство во взаимное положение и взаимные отношения сословий, которое противоречило попятно об одинаковом для всех законе. Итак, рядом

Основное направление внутренней политики в XIX в.

с вопросом об управлении и о кодификации должен был разрешаться вопрос о крепостном праве. Но вопрос этот благодаря внешним или внутренним условиям не мог быть первоначально поставлен прямо, во всем своем объеме, к нему нужно было подготовить не только отношения и интересы, но и умы, понятия.

Вопрос разрешался не всегда последовательно и непрерывно: правительство иногда как будто останавливалось на некоторое время, задумываясь перед необходимостью разрешения. Тогда начиналось возбуждение в обществе, нетерпеливо требовавшем разрешения задачи; это нетерпение создавало новое затруднение правительству, хотя вместе и поощряло его не покидать избранной дороги. Отсюда является тревожная практическая задача: устраивая управление и общество, сдерживая умы, с одной стороны, готовить их к неминуемому факту, а с другой — сдерживать их до поры, до времени; мы называем этот вопрос вопросом о полиции умов. Полиция умов — это явление, которое становится рядом с полицией нравов только с начала XIX столетия: правительство XVIII в. знало только полицию нравов. Это наблюдение над умами проводилось различными путями, прежде всего, литературной цензурой. И литературная цензура возникла только с конца прошедшего столетия, с царствования Павла. Но более всего внимание правительства в этом направлении обращено было на подготовку умов, т. е. на выработку удобной системы воспитания. Учебные системы все были направлены в эту сторону, т. е. ставили себе задачей известным образом воспитывать умы, чтобы они не мешали правительству в его движении. Вот те элементы, из которых состоит указанный мною факт нашей внутренней жизни. Изучая, мы будем следить, прежде всего, за ходом работы над управлением и над кодификацией, потом над ходом разрешения крепостного вопроса и в связи с ним над историей полиции умов. Если будет время, мы коснемся и еще ряда явлений, источник которых был смешанный: эти явления имели связь как с ходом внутренних, так и внешних дел. Внешние войны и внутренние преобразования социального, а не экономического характера

увеличивали государственные издержки; это ставило вопрос финансовый.

Первый прямой приступ к постановке столь сложной задачи сделан был в царствование Александра. Как поставлен был этот вопрос, как он разрешался и к каким приведен был результаты, — все это много зависело от личных понятий и характера этого государя. Александр I вступил на престол с более широкой программой, которую он проводил обдуманнее и последовательнее, чем его предшественники. Программа эта выработалась под двумя влияниями: 1) под влиянием политических идей, усвоенных новым императором, и 2) под влиянием его взглядов, сложившихся из его личных наблюдений. Направление тех и других, политических идей и политических наблюдений, стоит в тесной связи с воспитанием, какое получил Александр. Поэтому предварительно мы должны познакомиться с этим лицом, имевшим такое важное значение в истории нашего государственного порядка и даже движения наших понятий.

Император Александр родился 12 декабря 1777 г. Он был сын Павла от второго его брака с вюртембергской принцессой Марией Федоровной. Я не разделяю довольно распространенного мнения, что Александр благодаря хлопотам бабушки получил хорошее воспитание: он был воспитан очень заботливо, но не хорошо, и нехорошо именно потому, что слишком заботливо. Вскоре после рождения бабушка, которая считала себя большой педагогичкой, оторвала внука от матери, чтобы воспитать его по правилам тогдашней философской педагогики, т. е. «по законам разума и в принципе добродетели». Тогда «Эмиль» Руссо считался ходячим учебником такой педагогики. Этот учебник требовал, чтобы воспитание давалось человеку крепкое, закаливашее против всех житейских и физических невзгод; согласно с этим Екатерина поместила маленького внука в комнате Зимнего дворца, обращенной окнами к Адмиралтейству, чтобы заранее приучить его ухо к пушечным выстрелам. Но слуховой нерв дитяти не вынес преждевременного закала, и великий князь на всю жизнь остался туг на одно ухо.

Александр I,
его воспитание

Когда внук стал подрастать, Екатерина составила план воспитания, по обычаю своему довольно полными пригоршнями почерпнув правила в буквальном переводе из сочинений Локка. Вместе с тем образован был штат воспитателей Александра и его брата Константина: главным из наставников был избран полковник Лагарп, швейцарский республиканец, восторженный, но осторожный поклонник тогдашних философских идей, ходячая и очень говорливая французская философская книжка. Учить великого князя русскому языку, а также истории и нравственной философии призван был Михаил Никитич Муравьев, очень почтенный и образованный человек и очень недурной писатель в либерально-политическом и сентиментально-дидактическом направлении. Наконец, общий надзор за воспитанием поручен был графу Н. И. Салтыкову, одному из вельмож екатерининской школы, который знал твердо только одно — как жить при дворе, делал, что скажет жена, и подписывал, что подаст секретарь; впрочем, его партитура в этом педагогическом оркестре состояла в том, чтобы предохранять великого князя от сквозного ветра и от засорения желудка. Лагарп, по его собственному признанию, принялся за свою задачу очень серьезно, как человек, сознающий свою обязанность перед великим народом. Он начал читать с великими князьями латинских и греческих классиков: Демосфена, Плутарха, Тацита; английских и французских историков, философов и публицистов: Локка, Гиббона, Руссо, Мабли и т. д. Во всем, что он говорил и читал своим питомцам, шла речь о могуществе разума, о человеческом благе, о договорном происхождении государства, о равенстве людей, о справедливости, больше и настойчивее всего о свободе человека, о нелепости и вреде деспотизма, о гнусности рабства и т. п. Добрый и умный Михаил Муравьев подливал масло в огонь, читая ученикам свои идиллии о любви к человеку, о свободе мысли, заставляя переводить все тех же Локка, Гиббона, Руссо, Мабли и т. д., и заметьте, все это говорилось и читалось будущему самодержцу Российскому в возрасте от 10 до 14 лет, т. е. довольно преждевременно. В эти

годы, когда люди живут непосредственными впечатлениями и инстинктами, отвлеченные идеи превращаются у них в политические образы, а моральные принципы — в чувства.

Преподавание Лагарпа и Муравьева не давало ни реальных знаний, ни логической дрессировки ума, не вводило в историческую действительность и не могло серьезно возбуждать и направлять мысли; высокие идеи в уме двенадцатилетнего политика и моралиста отлагались, как политическая и моральная сказка, наполнявшая детское воображение недетскими образами и волновавшая его незрелое сердце очень зрелыми чувствами. Если мы прибавим к этому графа Салтыкова с его доморощенным курсом придворной гигиены и придворных манер, то легко заметим, какой пробел оказался в воспитании великого князя: его учили, как чувствовать и как держать себя, но не учили, как мыслить и как действовать; ему не задавали ни житейских, ни научных вопросов, которые он разрешал бы сам, ошибаясь и поправляясь, ему на все давали готовые ответы, политические и нравственные догматы, непререкаемые истины, которые не было нужды проверять и нельзя продумать, а оставалось только прочувствовать да затвердить; его не заставляли ломать голову, его не воспитывали, а как сухую губку пропитывали дистиллированной политической и общечеловеческой моралью, кормили лакомствами европейской мысли. Великий князь не познакомился со школьным трудом, с его миниатюрными горяями и радостями; он не видал борьбы школьника с учебником, не испытывал побед на холодных полях ученической тетради, тех побед и поражений, которые, может быть, одни только и дают школе серьезное воспитательное значение. Александр много читал, еще больше слушал, но мало учился. В записках одного из его второстепенных русских учителей мы встречаем нередко горькие жалобы на его праздность, медленность и лень, нелюбовь его к так называемым упражнениям. Когда великий князь вырос настолько, чтобы понимать, а не чувствовать лишь возвышенные уроки Лагарпа, он искренно привязался к идеалисту-республиканцу и

стал слушать его с наслаждением, с наслаждением — и только: то был художественный моцион, а не умственная работа. Это большое несчастье, когда между учеником и учителем образуются отношения зрителя к артисту, когда урок последнего становится эстетическим развлечением, и только. Благодаря преподаванию Лагарпа и Муравьева легко понять, какой обильный прием политических и нравственных идиллий дан был великому князю. Эта идиллия подействовала на его вкусы; великий князь стал рано думать о сельском уединении, не мог без восторга пройти мимо полевого цветка, крестьянской избы и т. д.; он рано привык скользить по житейским явлениям легким взглядом того человека, для которого жизнь — приятное препровождение, а мир — обширный кабинет для эстетических и политических наслаждений.

С годами все это изменилось бы, мечты сменились бы трезвым наблюдением, чувства обратились бы в убеждения. Случилось так, что этот необходимый и полезный процесс в Александре был преждевременно прерван. Зная по опыту, как добродетель, даже подмороженная философией, легко тает под палящими лучами страсти, императрица Екатерина поспешила застраховать от них сердце своего внука, женив его в 1793 г., когда ему не исполнилось еще 16 лет. Для этого призвана была баденская принцесса Елизавета Алексеевна. Каков бы ни был взгляд на брак, но прап-фонвизинский недоросль, сказав, что женитьба или замужество — конец учению; там пойдут другие интресы, начнется другое развитие, непохожее на прежнюю, юношеское, и если прежнее будет прервано преждевременно, это на всю жизнь останется невознаградимой потерей, болезненным переломом.

Греция и Рим, республика, свобода, равенство, — какое же место, спросите вы, в этом калейдоскопе героических образов и политических идеалов занимает Россия со своим невзрачным прошедшим, с неограниченной монархией, с крепостным правом и другими особенностями политическими и социальными; как в голове великого князя родная действительность могла укладываться с тем, что проповедовал гувернер-ресду-

бликанец? Очень просто: ее, эту действительность, признавали как факт низшего порядка, как стихийное неразумное явление, признавали ее и игнорировали, т. е. ничего больше о ней знать не хотели. Лагарп в этом отношении поступал с великим князем, как в былое время поступала гувернантка с девушкой. Воспитательница, девица не первой молодости, нарисует, бывало, воспитаннице очаровательный мир благовоспитанных людских отношений, основанных на правилах строгой морали, строжайшей вежливости, в которой даже показать кончик носка из-под платья грех, и вдруг обе девы тут же, в доме, налетят на самую натуральную русскую сцену; юная устремит на старую изумленный и сконфуженный взгляд, а та успокоит ее и скажет: «это так, ничего, иди к себе». Лагарп осторожно обходил больные места русского государственного и общественного порядка, а впоследствии он советовал питомцу и не лечить их.

С грузом античного образования и самоновейших политических идей Александр вступил в действительную жизнь. Она встретила его не то чтобы сурово, а как-то двусмысленно. Бабушкин внук, он был вместе с тем и сыном своего отца и стал в очень неловкое положение между отцом и бабушкой. То были два двора, два особые мира; нравственное расстояние между ними было несравненно шире географического. Каждую пятницу старшие великие князья Александр и Константин должны были отправляться в Гатчину: по субботам бывал парад, гатчинский вахт-парад, — следовательно, не шутка. Старший великий князь был командиром второго батальона, младший — третьего. Вечером они возвращались в Петербург. В Гатчине Александр слушал жесткую команду, суровые слова, неопрятные казарменные жесты и размахиванья, а вечером, возвратясь в Петербург, попадал в салон Екатерины, в те залы Зимнего дворца, которые назывались Эрмитажем, уединением, где императрица проводила вечера в избранном обществе. Здесь шли толки о самых важных политических предметах, велись самые остроумные беседы, шутились самые изящные шутки, смотрелись самые отборные французские пьесы, а грешные дела и чувства

облекались в самые опрятные прикрытия. Вращаясь между двумя столь непохожими дворами, Александр должен был жить на два ума, держать две парадные физиономии, кроме ежедневной — домашней, иметь два разные прибора манер, чувств, даже слов. Какая школа для выработки натянутости, осторожности, скрытности, неискренности и как она мало была похожа на аудитории Лагарпа и Муравьева!

Со смерти Екатерины кончилась эта двусмысленная жизнь; она заменилась однообразными, но очень суровыми тревогами. Эти тревоги проистекали из старинных отношений отца к сыну: отец рано стал питать недоверие к сыну, рано от него оторванному; сын стал питать рано некоторое недоверие к отцу. Оба они были неправы и оба не были виноваты. С воцарением Павла Александр назначен был на пост военного губернатора в Петербурге и командиром расположенных в округе войск; он должен был испытывать ежедневные тревоги, трепетать вместе с обществом перед новыми замыслами государя. Эти тревоги, среди которых завязалась популярность великого князя, надолго набросили тень на его настроение. Надо признаться, что Александр шел к престолу не особенно ровной и гладкой дорогой: с пеленок над ним перепробовали немало мудреных и причудливых воспитательных экспериментов; его рано оторвали от матери для опытов во вкусе натурально-рациональной педагоги, из недоконченного Эмиля сделали преждевременно политика и философа, едва начавшего размышлять студента превратили в незрелого семьянина, а тихая семейная жизнь и недоконченные учебные занятия прерывались сначала развлечениями ветренного эрмитажного общества, а потом казарменными тревогами гатчинской дисциплины. Все это было не во-время или не то, что было нужно. Великому князю нужна была привычка к деловому, терпеливому и настойчивому труду, а более всего знание той жизни, которой он должен был руководить со временем. Ни тем, ни другим нельзя было заpastись ни в бабушкином салоне, ни на отцовском вахт-параде, ни в лагарповской аудитории. Его даже не выучили, как следует, родному

языку; современники свидетельствуют, что Александр до конца жизни не мог вести по-русски разговора о каком-нибудь сложном предмете.

Так воспитывался великий князь и с таким запасом понятий, чувств и наблюдений он вступил на престол. Давно уже у него сложился политический идеал, который он высказывал в беседе с редкими людьми, к которым он относился откровенно. К числу их принадлежал молодой образованный поляк князь Адам Чарторыйский, которого приставила к нему мать. Князь Адам Чарторыйский позже уже вспоминал эти беседы с великим князем, от которого он был в большом восторге. Александр, встретив в окружающем обществе единственного человека, перед которым он мог открыться, кажется, старался вынести из души все, что там лежало. Он открыто признавался, что ненавидит деспотизм, в каких бы формах он ни проявлялся, и следил с живым участием за ходом французской революции и желал ей всякого успеха; он высказывал также, что считал наследственную власть нелепым учреждением, что выбор лица, носителя верховной власти, должен принадлежать не рождению, а голосу нации, которая всегда выберет лучшего управителя. С этим идеалом он вступил на престол; тут впервые он, вероятно, должен был встретиться с русской действительностью; прежде он знал либо салон, либо казарму. Таким образом, он должен был почувствовать страшную пропасть между его привычными, любимыми идеями и между столь же привычными, хотя и не любимыми фактами русской жизни. Отсюда, из такого воспитания, он вынес свой главный недостаток: отсутствие чутья действительности, практического глазомера; это чутье и глазомер не даются даром, они даются только человеку, много возившемуся с непосредственными фактами жизни. Александр знал факты, но искусственные, пробовал грязь, но деланную: он знал изящную грязь бабушкина салона, знал неопрятную грязь казармы, но не знаком был с той житейской грязью, на которую обрек человека сам создатель, сказав: «в поте лица добывай хлеб свой». Он не вынес ни привычки, ни любви к процессу труда; отсюда идиллический взгляд

Характер
Александра

на ход людских дел. Он вступил на престол с истинным желанием добра всем людям, но он был уверен, что достаточно пожелать добра, чтобы осчастливить людей, что благоденствие водворится среди человечества как-то вдруг и притом не будет сопровождаться ни напряжением, ни стеснением для личной власти Александра; свобода как-то водворится без всякой потери для власти; власть как-то устоит без ущерба для свободы, одним словом, то была политическая идиллия. Практический человек никогда не задает жизни широких задач, зная, что не в силах разрешить их, но он никогда и не пугается перед препятствиями, какие ставит жизнь; он знает меру и силам и бессилию жизни. У Александра не было знания ни того, ни другого; он вступал в правительственную деятельность со слишком широкими мечтами, но при встрече с первыми препятствиями он пугался, думал, что ошибался; он не знал ни степени опасности врагов, ни степени силы препятствий; его первые попытки обыкновенно охлаждались, неудачи вызывали в Александре досаду, но досаду не на себя, а на жизнь и на людей. Нерешительность, происходившая от испуга перед препятствиями, сопровождалась унынием, склонностью опускать руки, легкою утомляемостью. Еще прежде, чем Александр приступал к серьезному труду, он уже пугался затруднений, смотрел уже на конец, а если конец не был близок, он готов был чувствовать себя утомленным. Это обычное свойство незнакомых с жизнью людей. Говорят, что женщина всегда смотрит на результаты и избегает процесса труда; я думаю, что это просто свойство всех людей, которые во-время не познали, как надо жить.

В 1796 г., имея всего 18 лет от роду, великий князь уже чувствовал себя усталым и мечтал о том, как бы впоследствии, отрекшись от престола, поселиться с женой на берегу Рейна и вести жизнь частного человека в обществе друзей и в изучении природы. Досада, неудачи, преждевременное утомление вызывали раздражение, и Александр, чем дальше, тем нетерпеливее относился к своим неудачам и к возражениям, какие он встречал в своих сотрудниках. Это все вытекало из коренного недостатка, я не скажу

природы, а его характера, т. е. того, что сделало воспитание. Изобилие чувства и воображения при недостаточном развитии воли — все это соединилось в то настроение, в какое попал Александр с 1815 г. и которое около того же времени получило название разочарования; проще говоря, это — нравственное уныние. Благодаря этому Александр охладел к задачам внутренней политики; русская жизнь, которой он не знал, стала ему представляться неподготовленной, а с 1815 г. стало даже обнаруживаться чрезвычайно раздражительное скептическое отношение ко всему русскому. Как скоро стал он в такое отношение к родной действительности, его идеи должны были переселиться в Польшу и даже дальше, за границу. Во вторую половину царствования Александр жил умом и сердцем по ту сторону Вислы. Но как скоро эти идеалы переселились на другую почву, может быть, ему более родственную по происхождению, они должны были измениться. Первая молодость прошла, силы были утомлены, юношеский порыв охлажден, французское свободомыслие стихло, сменившись религиозным настроением, но особого, также романтического свойства, без той суровой догматики и дисциплины, какую дает церковь. Таким образом, прежняя русская политическая идиллия превратилась во всемирно-религиозную; эта-то идиллия и выразилась в факте Священного союза, в попытке построить в борьбе европейских сил международную политику на заповеди евангелия, на правилах морали, на тех правилах, одно из которых, гласит: «если кто тебя ударит по щеке, подставь ему другую». Легко понять, что было бы, если бы это правило было проведено в жизнь одного государства. Таков был ход идей и чувств в Александре; эти идеи и чувства оказали решительное действие на его политику. Александр был прекрасный цветок, но тепличный, не успевший акклиматизироваться, он роскошно цвел при хорошей погоде, наполняя окружающую среду благоуханием, но когда подула буря, настало столь обычное русское ненастье, этот цветок завял и опустился. Эта история внутренней нравственной жизни повторилась и в политической деятельности Александра, к которой мы и обратимся.

ЛЕКЦИЯ ХС

Александр I. Первые распоряжения. — Интимный кружок. — Реформа центрального управления. — Вопрос о привилегиях дворянства. — Крестьянский вопрос. — Сперанский.

Первые
распоря-
жения

Вступление на престол Александра было встречено безумным восторгом петербургского общества, который объясняется патологическим состоянием его в предшествовавшее царствование. Восторг этот выражался в очень комичных формах: на улицах столицы появились запрещенные костюмы, высокие сапоги с отворотами, упряжь, экипажи и т. п. Зубов на другой вечер по смерти императора Павла устроил в своем доме попойку, на которую явился во всем запрещенном: во фраке, в жилете из трехцветной материи и т. п., и начал метать банк, недавно запрещенный. Понятно, какое впечатление должен был произвести новый император на столь взволнованное общество; это было нечто еще невиданное в России. Молодой государь, которому только что пошел 24-й год, являлся на улицах столицы без свиты, не носил никаких украшений, даже часов, при встрече с подданными довольствовался одними поклонами, жил очень скромно, вперед назначая себе известную сумму денег, и если расходовал ее до срока, жил в долг. С первых минут царствования он спешил резко заявить свою программу, направление деятельности; на это направление указывал уже манифест 12 марта о вступлении на престол. В ми-

нифесте было заявлено, что новый император будет управлять богом порученным народом «по законам и по сердцу своей великой бабки», а имя Екатерины еще оставалось символом либеральных и гуманных идей.

Это направление отражено было целым потоком новых указов, полившимися с первого дня нового царствования. Все эти указы были направлены в одну сторону, все они торопливо подметали следы, оставленные прошедшим царствованием, каждый из них отменял какое-нибудь стеснение, заглаживал память о каком-нибудь насилии. Трудно даже перечислить ряд этих указов, изданных в первые 3—4 месяца царствования; приведу главные из них, чтобы показать характер нового правительства. Восстановлена была жалованная грамота дворянству, как и грамота городам; возвращены права военным и гражданским чиновникам, лишившимся их по приговору военного суда или по указу в минувшее царствование; таких чиновников, отставленных с лишением прав, без возможности воротиться на службу, было свыше 10 тысяч; разрешен был свободный вывоз русских произведений за границу, свободный выезд русских людей в чужие края, как и въезд иностранцев в Россию; открыты частные типографии, закрыта Тайная экспедиция, т. е. тайная полиция, учрежденная Екатериной; Сенату вменено не допускать в правительственные ведомости печатание публикаций о продаже крепостных без земли; наконец, строжайше запрещена пытка, которая, несмотря на запрещение ее в прошедшее царствование, еще практиковалась в тогдашних русских судах. Мелочные стеснения, касавшиеся частных отношений, домашнего быта, пали сами собой, без особых указов. В личных беседах, как и в письмах, некоторые из которых были тогда же напечатаны, император также ясно выражал свою программу или цель, какую он поставил для своей деятельности; цель эта состояла в водворении строгой законности на место царившего прежде произвола. Эта мысль высказана была довольно резко в ответе, какой дал император на просьбу княгини Голицыной о чем-то недозволенном законом; в просьбе было заявлено, что государь выше закона. Император

отвечал, что он не признает на земле никакой власти, которая не вытекает из закона.

С первых дней нового царствования вокруг государя стали новые люди, призванные помогать ему в работах. То были люди, воспитанные на передовых политических идеях XVIII в. и хорошо знакомые с государственными порядками Западной Европы. Это были представители поколения, следовавшего за дельцами и вельможами времен Екатерины и выросшего во вторую половину ее царствования; тогда они принадлежали к той великосветской молодежи, которая вместе с манерами французских салонов усвоила и идеи французской просветительной литературы. Эти люди, давно уже знакомые Александру, разбросанные по разным местам в царствование Павла, теперь призваны были помогать новому государю; это были Новосильцев, граф Кочубей, граф Строганов и поляк князь Адам Чарторыйский. Это были сыновья образованных вельмож, блиставших при дворе Екатерины: Кочубей был племянником Безбородко, Строганов — сыном того Строганова, который был влиятельным лицом при Екатерине, Новосильцев — его близкий родственник. Все это был народ, воспитанный в том же самом духе, в каком воспитан был сам государь; припомните, что учителем Строганова был француз Ромм, республиканец, действовавший в Конвенте и создавший известный республиканский календарь. У этих людей был один политический идеал — это государственное устройство Англии, с которой успели близко познакомиться Кочубей и Новосильцев, живя в той стране. Они и составили тесный кружок, с которым новый император принял тяжелую преобразовательную работу. Не занимая сначала никакого официального положения, эти люди собирались по вечерам в кабинете Александра и здесь обсуждали преобразовательные меры; учреждения и законы, какими ознаменовались первые годы царствования, все были выработаны в этом тесном кружке, в этом неофициальном комитете, над которым очень много смеялись в тогдашнем петербургском обществе. Сам государь в шутку давал ему республиканское название, звал его «Комитетом общественного

блага». В этом неофициальном комитете с поспешностью, понятной при тогдашнем настроении Александра, и были затронуты одновременно самые разнообразные политические вопросы: о реформах управления, о перестройке социальных отношений, о распространении просвещения, о составлении нового кодекса и т. д. Доверенные сотрудники, как гласят веденные на французском языке протоколы заседаний комитета, призваны были государем помогать ему «в систематической работе над реформой безобразного здания управления империи». Прежде всего, определен был порядок занятий: предположено было изучить настоящее состояние империи, потом заняться постепенным преобразованием разных частей администрации и, наконец, «эти отдельные учреждения завершить ручательством, какое может представить уложение, установленное на основании истинного народного духа».

На очередь стало прежде всего переустройство центрального управления. Екатерина, как мы знаем, оставила недоконченным здание управления, она оставила в прежнем хаосе управление центральное, не дала вершине административного здания учреждений с правильным разграничением ведомств, с твердыми пределами, что обещано было ею еще в июльском манифесте 1762 г. Внук продолжал работы бабки, но выведенная им вершина административного здания по своему строю и духу вышла непохожей на корпус областной администрации, не вполне соответствовала своему фундаменту. В центре дела вели коллегии под руководством Сената — законодательного, судебного и наблюдающего учреждения; при Сенате действовал со значением блюстителя закона и представителя действующей власти генерал-прокурор. Сенат и коллегии постепенно теряли свое первоначальное значение в продолжение XVIII в. благодаря господству лиц над учреждениями и законами. Генерал-прокурор вел все дела внутренней политики; за Сенатом и коллегиями остались текущие дела. Все важные вопросы законодательного свойства рассматривались в тесном кружке, который составил из лиц, призванных к тому императрицей. Благодаря этому господству лиц Сенат и коллегии преврати-

Реформа
центрального
управления

лись в послушные орудия личной воли. Надо было создать стройный механизм высшего центрального управления, основанный на точных и твердых законах. Такова была первая задача, над которой работал неофициальный комитет. Следствием этих работ была первая попытка устройства центрального управления; она выразилась прежде всего в новом законодательном учреждении, каким стал неперенный Государственный совет. Этот совет, составившийся из 12 членов, получил значение высшего законодательного места: каждый новый закон должен был здесь обсуждаться. Учреждение законодательного совета должно было изменить прежнее значение Сената; теперь Сенат был преобразован, он стал высшей судебной инстанцией и учреждением, руководящим всем управлением; Сенату принадлежал контроль над всеми подчиненными местами и наблюдение за государственными доходами и расходами. Отдельные отрасли администрации распределены были теперь между министерствами, которые заменили старые коллегии; эти министерств указом 1802 г. учреждено было восемь; между ними мы видим новое ведомство, которого не существовало в русской центральной администрации XVIII в., — министерство народного просвещения; коллегии, соответствовавшей ему, прежде не было.

Министерства отличались от прежних коллегий более правильным распределением дел и самым своим устройством. Как вам известно, в коллегиях дела велись совещательным порядком, вопросы решались большинством голосов присутствия, следовательно, и ответственность за ведение дел в коллегиях была коллективная, падала на всех членов совета. Министерства были учреждения единоличные; управление известным ведомством сосредоточивалось в одном лице министра, который и нес на себе всю ответственность за ведение дела. Эта ответственность выражалась в том, что каждое министерство должно было представлять отчеты Сенату. Так было устроено на первое время центральное управление.

Неофициальный комитет коснулся и вопросов социального порядка — положения и взаимных отношений разных сословий. Намечено было направление, в каком

Вопрос о привилегиях дворянства

пойдет перестройка общества: общественные отношения будут установлены на основании равенства сословий перед законом. На заседаниях неофициального комитета император не раз выражал отвращение к сословным привилегиям. В числе первых мер нового царствования был указ о восстановлении жалованных грамот Екатерины дворянству и городам. Но в неофициальном комитете Александр выражал недовольство восстановлением дворянской грамоты, причем признавался, что восстановил ее против собственной воли и что исключительность дарованных ей прав всегда была ему противна. Когда в комитете обсуждался проект манифеста о коронации, возникли прения о правах дворянства. Проект манифеста повторил существенные черты жалованной грамоты дворянству 1785 г. По этой грамоте участие дворян в дворянских собраниях было обусловлено выслугой обер-офицерского чина. При обсуждении манифеста Новосильцев предложил изменить это условие, лишив права присутствовать на собраниях дворян неграмотных и не имеющих понятия о своих правах и обязанностях, а также обесславивших себя жестоким обращением с крестьянами. Император, восставая против сословных преимуществ, настаивал на необходимости положить строгое различие в правах между дворянами служащими и неслужащими, говоря, что особыми преимуществами должно пользоваться не все сословие, а только те дворяне, кои приобрели на то право личными заслугами. В манифесте о коронации удержано было прежнее условие жалованной грамоты для участия дворянства в сословных собраниях, т. е. приобретение известного чина.

Робко сделан был приступ и к решению самого щекотливого вопроса — о крепостном состоянии. Император вступил на престол с твердым намерением так или иначе развязать это дело, но на первое время он ограничивался мыслью о необходимости определения законом повинностей крестьян в пользу землевладельца. Лагарп, как и практические люди тогдашней администрации, пугался радикального решения крепостного вопроса; сам Новосильцев — старший из названных сотрудников Александра — был того мнения, что к этому

Крестьянский вопрос

делу надо подступать исподволь и вести его с большой постепенностью, с большой осторожностью. Но другие сотрудники не разделяли такой робости; они думали, что к этому вопросу надо подступать прямо и решительно; Кочубей, например, на заседании по-официального комитета, высказал мнение, что постепенное и медленное ведение дела только распространит агитацию в помещичьей среде, что всего лучше разом развязать узел. Чарторыйский и Строганов были того же мнения; Чарторыйский, например, говорил, что крепостное право так ужасно само по себе, что ни перед чем не следует останавливаться, чтобы уничтожить его.

Эти толки выразились в целом ряде законов, производивших сильное впечатление на дворянское общество. Запрещено было принимать в казенном издании публикации о продаже крестьян без земли; прекращена была раздача населенных имений. Когда один сановник обратился к правительству с просьбой пожаловать ему землю с крестьянами, император ответил, что, зная бедственное положение помещичьих крестьян, он дал обет не увеличивать числа этих несчастных и принял за правило не давать никому в собственность крестьян. Правительство стало обращать строгое внимание на случаи злоупотребления помещичьей властью. 12 декабря 1801 г. был издан указ, который предоставлял людям всех состояний приобретать покупкой земли в собственность; это правило было распространено и на государственных крестьян. Это был новый факт в истории нашего законодательства: до сих пор земельная собственность была привилегией лишь одного сословия: земель, населенной или ненаселенной, могли владеть только дворяне; теперь землевладение стало правом всех свободных состояний. 20 февраля 1803 г. последовал еще более решительный указ. В публике было много толков о том, как устроить освобождение крестьян: ввести ли в это дело участие землевладельцев или разрешить вопрос правительственной властью, без всякого общественного содействия. В названном году один из вельмож, граф Сергей Румянцев, обратился к правительству с просьбой разрешить ему отпустить на волю крестьян одного его имения с землей. В первый

раз являлся такой случай в истории крепостного права; до тех пор помещики отпускали на волю отдельных лиц или целые семейства крепостных, но без земли. Мог ли землевладелец отпустить крестьян всего своего имения на волю с землей — этот вопрос не поднимался в продолжение XVIII в., не поднимался он просто потому, что не бывало случая, который бы его возбудил. Эта просьба Румянцева вызвала новый закон 20 февраля о вольных хлебопашцах. Закон предоставлял землевладельцам право отпускать на волю своих крестьян целыми обществами или отдельными семействами с землей на условии, на которое согласятся обе стороны, т. е. по добровольному соглашению; вышедшие на волю таким образом крестьяне не причислялись к государственным крестьянам, но составляли особый класс вольных хлебопашцев. Закон 20 февраля был первым решительным приступом к разрешению крепостного вопроса; он вместе с тем показал дворянскому обществу, что разрешение это недалеко. Понятно, как должно было волноваться это общество, так неожиданно почувяв приближение развязки, которой оно боялось уже в XVIII в.

Таковы были преобразовательные работы первых лет; они страдали многими недостатками, прежде всего, они были торопливы; новые учреждения, новые законы недостаточно обдумывались, практически плохо разрабатывались и очень мало сообразовались между собою. Это понятно, если обратить внимание на характер вождей этого нового движения, на государя и его сотрудников. Все это были люди, вооруженные обильным запасом либеральных идей, но обладавших слабым знакомством с действительностью, в которую они призваны были внести новые начала. Новые учреждения были довольно плохо устроены и действовали недостаточно правильно; новые министерства не имели даже устава. Первый устав, который послужил руководством для администрации, был устав, выработанный в министерстве внутренних дел графом Кочубеем, правившим этим министерством, но устав появился два года спустя по открытии министерства. Преобразовательные работы были прерваны на полудороге внешними собы-

тиями: как известно, в 1805—1806 г. Александр должен был вступить в коалицию против Наполеона. В обеих войнах, веденных в союзе с Австрией и Пруссией, русская армия потерпела поражение. Это были первые практические опыты для Александра; они впервые ознакомили его с действительностью, как она была. В походах Александр присмотрелся к людям, с которыми он должен был действовать, и не встретив в них того, что он в них предполагал, он быстро в них разочаровался. По окончании войны сотрудники стали удаляться от него: Новосильцев, Строганов уехали за границу, Кочубей вышел из министерства, Чарторыйский покинул столицу и перенес свою деятельность в Западный край, став попечителем Виленского учебного округа. С удалением этих лиц кончилось господство англоманов. При Александре является новое лицо, которое сообщает новый характер возобновившейся преобразовательной деятельности императора. Этим лицом был Сперанский.

Сперанский

Сперанский — достаточно видное лицо в истории правительственных учреждений и политических идей, чтобы познакомиться несколько с его биографией. Он был немного старше Александра, родился в 1772 г.; он вышел из духовенства, был сыном сельского священника Владимирской губернии. Получив первое образование в местной Суздальской семинарии, он потом перешел в главную Александровскую семинарию в Петербурге, при Павле преобразованную в Петербургскую духовную академию. Блестяще окончив здесь курс, он остался профессором академии и преподавал самые разнообразные предметы: риторику, философию, физику, иностранные языки, наконец, математику. Он не только преподавал все эти разнообразные предметы, что было тогда нередко в семинариях, но преподавал их с большим умением, что всегда и везде редко. Он написал курс высшего красноречия; руководство это, составленное, очевидно, из его академических лекций, поражает нас изяществом и выработкой языка, какли редко встречалась в нашей тогдашней литературе, еще нетронутой влиянием Карамзина. Но преподавательская карьера не удовлетворяла Сперанского. Жажда

знания, по словам Сперанского, заставила его перейти из духовной службы на гражданскую: он хотел ехать за границу и довершить свое образование в немецких университетах. Случай помог ему перейти на гражданскую службу: он сделался частным секретарем одного из влиятельных вельмож, князя Куракина, и к стати преподавал закон божий его детям. Пользуясь поддержкой магната, Сперанский и перешел на гражданское поприще, перечислившись в 1797 г. из магистра богословия в титулярные советники; он поступил в канцелярию генерал-прокурора — эту должность тогда именно занял князь Куракин. Сперанский показал на гражданской службе таланты, которые открыли ему дорогу к быстрому повышению. Это был чрезвычайно расторопный чиновник, способный к неутомимому труду, умевший понять и отлично изложить мысль начальника, облечь ее в такие изящные формы, в какие не сумел бы ее облечь сам автор. Сперанского скоро заметили, и он начал быстро подниматься по чиновничьей лестнице. Со вступлением на престол Александра таланты его, разумеется, должны были найти еще более широкое приложение. В новообразованном Государственном совете он сделался статс-секретарем по гражданским и духовным делам. Первые законы нового царствования были редактированы Сперанским. Когда законом 1802 г. учреждены были министерства, Кочубей, которому поручено было самое важное и обширное по ведомству министерство внутренних дел, перезвал Сперанского из канцелярии Государственного совета и сделал его начальником одного из департаментов министерства. Сперанский стал известен государю как отличный делопроизводитель и редактор указов, он даже принимал участие в издании «Журнала министерства внутренних дел», который был основан в 1804 г.; в этом Санктпетербургском журнале (как называлось издание) появлялись от времени до времени и статьи самого Сперанского.

В конце 1808 года Кочубей, уже не пользовавшийся прежним доверием императора, заболев, раз послал к Александру с докладом вместо себя Сперанского. Сперанский, которого дотоле Александр знал как хорошего

дельца, явился здесь перед ним с новыми талантами, он так отлично прочитал доклад, развивал такие прекрасные мысли, что впечатлительный государь был им очарован; с тех пор началось их сближение. В этом году император должен был ехать в Эрфурт на свидание с Наполеоном; он взял с собой для доклада по гражданским делам Сперанского. Сперанский внимательно присматривался на конгрессе к французам и французским понятиям. Раз Александр на балу спросил его, как ему показались чужие края сравнительно с отечеством; Сперанский отвечал: «здесь учреждения, а у нас люди лучше». — «Хорошо, — отвечал государь, — когда мы воротимся домой, мы с тобою об этом будем говорить». Как мы видели, в то время уже опустел круг, в среде которого до тех пор работал Александр; для продолжения преобразовательной деятельности ему нужны были новые сотрудники, таким сотрудником был Сперанский. По возвращении из-за границы начались тесные сношения Александра со Сперанским, они часто и подолгу беседовали, занимались каким-то важным делом, которое хранили втайне и о котором ходили в Петербурге самые смутные толки. В конце 1808 г. Сперанский был назначен товарищем министра юстиции. Такова была карьера этого человека до того времени, когда он получил политическое значение.

Со времени возвращения из Эрфурта он занимает положение главного руководителя внутренней политики, самого доверенного сотрудника императора; о нем было много толков в свое время, о нем очень различно судили и впоследствии. Большой свет столицы трунил над ним, как над выскочкой; масса духовенства, сначала ему сочувствовавшая, потом стала пугаться его смелых преобразовательных замыслов. Во всяком случае Сперанский — очень заметное явление в нашей политической истории; это был цветок духовноакадемического воспитания, и цветок, очень редкий, потому что старая духовная академия не каждый год выращивала такие диковинки. Сперанский был идеолог, как говорили в то время, или теоретик, как говорим мы. Ум его вырос на отвлеченных понятиях и привык относиться с пренебрежением к простым житейским

явлениям, к тому, что на философском жаргоне называлось эмпирическими, конкретными фактами. Философия XVIII в. много народила таких умов; но у Сперанского при этом был ум не только философский, но и крепкий, здоровый ум, каких мало бывает во всякое время, а в этот философский век было меньше, чем когда-либо. Я едва ли ошибусь, сказав, что в истории нашего управления с тех пор не проявлялось другого такого ума. В работе над отвлеченностями этот ум приобрел удивительную гибкость мышления; самые трудные и причудливые сочетания идей давались ему так же легко, как пальцам виртуоза даются на клавишах самые трудные вещи Листа. Неутомимый чиновник, Сперанский много работал над собственным образованием и приобрел огромный запас разнообразных идей и знаний; в этом обильном запасе было много роскоши, удовлетворявшей самым изысканным требованиям умственного комфорта, было даже много лишнего, хотя и мало того, что нужно было для простых, низменных нужд человека. В этом Сперанский походил на Александра и на этом они потом сошлись друг с другом. Но министр отличался от государя тем, что в голове первого все это было прибрано и стройно расставлено по местам, как расставлены дорогие безделушки в уборной опрятной светской женщины. Сперанский был воплощенная система: он удивлял умением все привести в порядок, всему дать стройные формы, все развить последовательно. Если вы прибавите к этому огромную деловую силу, таившуюся в этом человеке, его способность к продолжительному и упорному труду, вы поймете влияние, какое он мог приобрести в высших административных сферах. Ворвавшись со своими крепкими мозговыми нервами в вялое и расслабленное великосветское общество, износившееся от делового безделья, Сперанский встревожил и напугал это общество, как струя свежего воздуха, прокравшаяся в закупоренную комнату хвораго человека, который привык дышать атмосферой, наполненной благовонием и миазмами. Понятно, как такой ум должен был отнестись к русской государственной деятельности. Привыкши к отвлеченной логической работе, он смотрел на учреждения

как на логические построения, на людей — как на математические величины; у него не доставало исторического чутья, т. е. знакомства с механизмом действительной жизни; он думал, что ее можно построить на чисто логических началах. Предание, прошедшее для него не существовали; он брал человека в его математической простоте, как величину, из которой можно делать все те различные сочетания, какие делает математик из своей единицы. Вот почему существующий русский порядок представился ему, как полная политическая бессмыслица, которую не стоило поправлять, а нужно было просто устранить, заменив новым порядком, построенным по правилам логики. Такие начала внес Сперанский в ту работу, которую он вел с Александром по возвращении из-за границы. Плодом этой работы был грандиозный проект преобразований, который обновлял бы весь политический и социальный строй России. Проект этот был готов к концу 1809 г.; его не знали современники, к сожалению, не знаем его и мы: до нас дошли от него лишь отрывки, сделанные современниками, обнаруженные уже по окончании царствования Александра. Проект этот предназначен был к подробной разработке; он излагал лишь общие начала, на которых должен быть построен новый государственный порядок. Несмотря на то, что он никогда не был осуществлен, все же он представляет важное явление в нашей политической истории. Он, впрочем, настолько сложен, что его трудно передать в немногих словах.

ЛЕКЦИЯ ХСІ

Проект Сперанского. — Записка Карамзина. — Государственный совет. — Министерства. — Реформа Сената. — Указы 1809 г. — Финансовые меры. — Падение Сперанского.

Общий план государственного устройства, составленный Сперанским, не был его исключительным делом по своему содержанию. Александр, воротясь из-за границы, передал своему статс-секретарю некоторые материалы, оставшиеся от прежнего неофициального комитета, сообщил ему также некоторые свои соображения, так что сам Сперанский считал свой план только работой, которая привела в порядок идеи императора; нет сомнения, что ему принадлежала система этого плана и общие основания, на которых он должен был быть построен. Это дает возможность предположить впечатление, какое произвела на императора положенная на его стол тетрадь, которая содержала в себе этот план. Работа была совершена в удивительно короткое время: начатая в конце 1808 г., она была готова к октябрю 1809 г. и в два следующие месяца была просмотрена и исправлена государем. Последний, кажется, был очень доволен этим трудом; это понятно: он увидел в тетрадке свои собственные идеи, но так обработанные, так убранные, как он не предполагал возможным сделать сам; он взглянул на план, как чадолюбивая мать смотрит на свою дочь, убранную ловким парикмахером.

Проект
Сперан-
ского

Мне несколько страшно приниматься за изложение этого плана, я больше всего боюсь, что он выйдет хуже, чем был на самом деле. Прежде всего, мы знаем только извлечения из этого проекта, сделанные, правда, очень умным современником Сперанского, хотя его и недолюбливавшим; то был известный писатель, публицист своего времени Николай Тургенев, участвовавший в тайном обществе, но вышедший из него раньше катастрофы 14 декабря. Уехав за границу, он не возвращался оттуда. Он читал план Сперанского и сделал из него несколько извлечений частью буквальных, частью переложений. Я излагаю содержание этого плана только потому, что он, никогда не осуществленный, представляет поучительный исторический документ; он дает нам возможность наблюдать одно любопытное положение, имевшее место в нашей истории. В начале XIX столетия русский император с одним из своих статс-секретарей, пришедши в отчаяние от положения отечества, решил водворить в нем порядок, основанный на законе; любопытно видеть, как они это хотели сделать.

Сперанский обозначает сущность своего плана: «Разум (смысл) сего плана, — писал он потом, — состоит в том, чтобы посредством законов утвердить правительственную власть на твердых основаниях и тем сообщить ее действиям более достойной и истинной силы». Он объясняет необходимость общего преобразования государственного устройства; необходимость эта создана историческими преданиями и практическими условиями. Сперанский показывает в кратком историческом очерке, что уже с царствования Алексея Михайловича в России жили и развивались идеи государственного порядка, основанного на законе, прося, говоря, конституционные идеи. Несмотря на уклонения, Россия, по его мнению, все-таки шла к свободе. Раньше царствования Алексея Сперанский в нашем темном прошедшем не нащупал подобных идей. Но законный порядок необходим и по современному положению России, потому что иначе жить нельзя: в России все существующие законы гражданские, уголовные — ничего не значащие призраки, потому что нет

законов политических. К чему служит, например, закон, обеспечивающий право собственности, когда самая собственность может быть уничтожена произволом лица, или как может распространиться просвещение, когда оно в России только вредно: зачем просвещать раба, если просвещение еще горьче даст ему почувствовать всю тяжесть его положения; затем, все умы находятся в тягостном беспокойстве, отчего? Оттого, что стал невыносим существующий порядок, следовательно, существующий порядок уже не соответствует общественному мнению. Сперанский излагает далее теоретические основания своего проекта, и, выслушав их, вы тотчас догадаетесь, из какого источника они заимствованы.

Вот общие основы правильного законодательства, государственного порядка: всякое правительство законно только тогда, когда основано на воле народа; каждое правительство действует на известных условиях и перестает быть законным, если их не исполняет; условия эти выражены в основных законах страны, отсюда следует: так как источник всякой власти есть воля государства, страны, то основные законы могут быть только делом народа; цель основных законов — ставить в известные пределы деятельность верховной власти. Развивая отсюда подробности государственного порядка, Сперанский говорит, что весь народ не может блюсти за правильностью действия основных законов, должен быть особый орган наблюдения; таким органом может быть только высший класс. Этот высший класс должен быть настолько образован, чтобы понимать сущность основных законов и условия правильного действия власти, настолько независим, чтобы не бояться власти, и настолько связан интересами с народом, чтобы не покушаться на его свободу. Очевидно, таким наблюдающим органом должна быть политическая аристократия, но аристократия, пользующаяся своими полномочиями лишь по доверенности народа. Сперанский формулирует свою мысль известной фразой Монтескье: нет знати, нет и монарха, т. е. монарх без знати быть не может. Как должна быть устроена эта аристократия, чтобы действовать правильно? Стоя между властью и народом, не

потакая первой и не угнетая второй, она должна быть составлена из старших сыновей известных фамилий, значение которых держится на майорате; кроме старшего, все остальные сыновья принадлежат к народу. Итак, вот правильно устроенное общество, как оно представлялось Сперанскому: свободный народ, впереди его действующая по его доверенности знать и во главе общества связанная основными законами верховная власть. Чтобы возможен был такой строй общества, должны быть уничтожены существующие сословия; что такое эти сословия? Классы общества, разделенные интересами, следовательно, один другому враждебные; на вражде классов и вырастает произвол, следовательно, чтобы не было произвола, должно предварительно устранить вражду классов, т. е. объединить общество: первое условие правильного государственного порядка и есть общественное объединение; без этого условия невозможен ни один элемент правильного, законного порядка, ни свободный народ, ни пользующаяся его доверием аристократия, ни соблюдающая основные законы верховная власть.

С высоты такого идеала Сперанский спускается в русскую действительность и с трудом сдерживает в себе презрительное чувство; только чуть слышное звучащая в нем патриотическая нотка смягчает горечь изложения этой части проекта. В России нет ничего: есть законы, но они никем не обеспечены, есть сословные грамоты, но они ничего не значат, ибо в России нет сословий, а есть два класса рабов: одни рабы верховной власти, а другие — рабы этих рабов, дворяне и крепостные. Эти два класса непримиримо разъединены между собою, и на непримиримости их интересов держится абсолютная власть. Интерес дворянства — держать в повиновении крестьян, интерес крестьян — чтобы дворяне были рабами короны, таким образом обоюдный интерес — общее рабство, оно вызывает общую летаргию, убивает народную энергию; при таком порядке народ в 1 000 лет не сделает шага вперед. Итак, в России нет ни закона, ни народа, нет и монархии, ибо абсолютная власть не монархия, а произвол. «Всего меньше, — добавляет Сперанский с ударением, — в Рос

сии истинной монархии»; под монархией тогда разумелось ограниченное единодержавие.

Итак, с чего надо начинать преобразование государственного порядка в России? С коренного источника, из которого вытекают все неправильности существующего порядка, т. е. с устранения общественного разъединения, вражды общественных интересов; эта вражда общественных интересов имеет свой корень в крепостном праве. Итак, всякая реформа в России, рассчитанная на успех и искренняя, должна начать с преобразования социальных отношений. Трудно удержаться при этом, чтобы не заметить, что первый раз так просто и резко поставлен был этот вопрос в истории политического сознания в России. Прежде конституцию, реформы начинали сверху, с преобразования того, другого, третьего учреждения и редко спускались в полете своих преобразовательных мыслей ниже ступицы. Сперанский первый взглянул на дело снизу, т. е. с корней. Итак, первая задача преобразователя — устроить правильные, на законе основанные, из начал равенства перед законом выведенные отношения сословий. Довольно трудно сказать, как у Сперанского построен был план освобождения крестьян; в том, что мы читаем, план этот является очень неудовлетворительным. Освобождение крестьян должно быть совершено в два приема: прежде всего должны быть точно определены повинности крестьян в пользу землевладельца; для регулирования отношений обоих классов должны быть учреждены особые суды, которые разбирали бы столкновения между крестьянами и землевладельцами. Потом постепенно должен быть восстановлен свободный переход крестьян, существовавший в XVI в. Подробности того и другого приема не развиты в доставшемся нам извлечении. Если план передан полно и верно, то Сперанский думал о безземельном освобождении крестьян, но это освобождение представлялось ему возможным только в далеком будущем; проектируемый им государственный порядок должен быть водворен раньше минуты, когда станет возможен этот факт.

Как же, спрашивается, конструирует Сперанский

русское общество при крепостном праве? Он делит общество на три класса, которые довольно трудно согласить с его общим теоретическим социальным построением. Общество русское должно состоять из трех сословий: из дворян, из среднего сословия и из рабочего класса. Дворянство пользуется своими землевладельческими правами на основании закона, т. е. продолжает править прикрепленными к земле крестьянами, но оно обязано службой; Сперанский восстанавливает обязательную службу для дворянства, каждый дворянин должен служить в армии или на гражданском поприще не менее 10 лет. Среднее сословие состоит из свободных классов, не принадлежащих к дворянству: это купцы, мещане и государственные крестьяне; это среднее сословие может даже проникать в состав дворянства, например, приобретая земельную собственность. Рабочий класс состоит из несвободных крепостных крестьян, слуг и мелких ремесленников, которые не могут пользоваться политическими правами наравне с двумя высшими классами.

Куда же девалась наблюдающая аристократия, и думал ли Сперанский создать ее из русских общественных элементов? У него есть проект создания такой аристократии, и очень характерный: он предлагает взять табель о рангах да список всех сановников 14 классов, затем провести пальцем под четвертым классом и то, что окажется сверху, зачислить в аристократию; он с горем замечает, что попадет много негодных людей, которые ничего не понимают, ничем не докажут государству своего права на это положение, но что же делать? Наличное поколение авось когда-нибудь зымрет и его сменит более подготовленное к делу потомство. Много скрытой грусти звучит в этих строках Сперанского. Впрочем, эта аристократия первых четырех классов осталась как-то одинокой в проекте Сперанского, ни к чему не приуроченной; может быть, впрочем, это объясняется неполнотой извлечения, а не неполнотой постройки.

Таким расчлененным обществом должна была управлять целая сеть новых учреждений. Все эти учреждения земского характера, избирательные, они охватыва-

вают все общество сверху донизу, от государева кабинета до волостного правления. Россия разделяется на губернии, уезды и волости; в каждой волости земельные собственники, к которым причислялись и казенные крестьяне, собираются раз в три года и составляют волостную думу; волостная дума из своей среды избирает членов волостного правления, проверяет волостные доходы и расходы и избирает депутатов в уездную думу. Расходясь, дума оставляет после себя постоянно действующее волостное правление с исполнительной властью. Итак, волостная дума — это волостной сход, волостное правление — исполнительная управа. Раз в три года, после того как разойдутся волостные думы, собирается уездное земское собрание; оно состоит из депутатов, выбранных волостными думами; оно избирает членов уездного правления или совета, членов уездного суда и депутатов в губернскую думу. Так же устроена губернская дума, и губернское собрание, которое, контролируя расходы и доходы губернии, выбирает членов губернского совета, губернского суда и, наконец, депутатов в Государственную думу. Государственная дума собирается ежегодно сама собой в известный срок без особого призыва; она состоит из депутатов губернской думы, число которых определяется законом. Государственная дума — учреждение законодательное; право предложения закона в этой думе принадлежит министерству, т. е. комитету министров. Каждый закон утверждается государем, впрочем, в некоторых случаях Государственная дума пользуется инициативой: так, она может привлечь к ответственности министра, нарушающего закон. Дума распускается или заседания ее отсрочиваются по решению Государственного совета. Государственный совет — высшее учреждение, хранящее законы; кажется, туда предполагал Сперанский поместить своих аристократических майоров, т. е. старших сыновей; в таком случае Государственный совет — палата лордов. Во главе судебного строя, который начинается волостными судами с характером мировых учреждений и развивается в ряд инстанций, какими были суды уездные и губернские, во главе этого строя стоит Сенат —

блюститель не закона, а законного порядка в судопроизводстве; при нем в качестве высшего прокурора состоит министр юстиции.

Вот и весь план Сперанского, сколько мы его знаем. Этот план производит различное впечатление в разные моменты его изучения. При первом чтении он поражает своей необычайной смелостью и колоссальностью; мысли, встречаемые в нем, даже в том разорванном виде, как мы его читаем, врезаются в память; мы не ошибемся, если скажем, что во весь XVIII и в XIX века всеми русскими публицистами не было сказано и сотой доли того умного, что сказано в этом проекте о положении России и переустройстве ее. Но если не было сказано столько умного, зато не было сказано и столько печального. Проект Сперанского поражает своей откровенностью, вот почему любопытно бы иметь хотя смутное известие о том впечатлении, которое произвело его чтение на Александра. Никогда никто не говорил государю так прямо и откровенно. Потом, вчитываясь в проект, мы получаем другое впечатление: мы узнаем его элементы, лучше сказать, источники; источники эти очень разнообразны, то были: 1) политические идеи, которые тогда разрабатывались во французской литературе XVIII в., 2) собственные идеи Сперанского, из которых иные поглубже и поумнее первых, 3) консульская французская конституция, из которой взяты многие черты плана, как, например, вся эта иерархия дум, как и строй высших учреждений. Наконец, источником была и русская действительность. Сперанский сообразовал свои отвлеченные построения с существующими отношениями. Когда представишь себе все разнообразие этих источников, то становится жаль Сперанского. Его заставили выработать стройный проект государственного порядка для России, он стал собирать элементы этого порядка прежде всего дома, а потом в своей голове; в этом последнем музее он нашел хорошие элементы, но в первом ничего не нашел, и вот он, как испуганный, мечется из стороны в сторону, с тоской ожидая, не найдется ли чего-нибудь годного, бросится к Монтескье, похитит что-нибудь оттуда, заглянет в бумаги

Камбасереса, там отметит что-нибудь годное. наконец, заглянет в прошедшее России, там не находит ничего годного, и в этой тоске, кое-чем понабравшись, он лепит из своих жалких элементов план, который поражает своей стройностью, в котором все швы замазаны и в основании которого лежит очень дельная мысль, глубокая, может быть, больше, чем дельная. Таково двойственное впечатление или, лучше сказать, таковы два впечатления, которые последовательно переживаешь, изучая этот план. Скажем несколько слов о его общественном значении.

Что такое изложенный проект — политическая мечта или план, который мог стать историческим фактом? Я не отвечу прямо на этот вопрос, а предварительно поставлю другой: как мог сложиться в голове законодателя такой проект? Весь этот план построен на одном цельном политическом взгляде, который даже можно назвать цельным политическим мирозерцанием. Сущность этого взгляда такова: люди ничего не значат в исторической жизни: это пассивный материал; действующая, движущая сила — учреждения; если порядок будет дан людям, правильный законный порядок, они будут хорошо вести себя; хорошие люди, вращаясь в дурном порядке, будут дурны. Вот этот политический взгляд: порядок, а не люди — вот что действует в истории.

Когда начали осуществляться части проекта Сперанского, в русском обществе поднялась глухая оппозиция, которая решила отстаивать существующее; представителем этой оппозиции явился наш тогдашний историограф Карамзин со своей запиской, поданной в 1811 г. императору. Теперь эта записка «О древней и новой России» нам известна; это не менее проекта Сперанского откровенный памятник, где прямо, начистоту, высказано все, что тогда имел сказать против деятельности Александра русский консервативный человек. Есть, однако, резкая разница между проектом Сперанского и запиской Карамзина: в первом — только одни идеи, во второй — только жалобы и порицания; первый — очень умное произведение и доброжелательное, вторая — очень взволнована и ожесточена. Карам-

Записка
Карам-
зина

зин стоит на противоположном взгляде, который можно выразить так: люди, а не порядок, — порядок, учреждения ничего не значат, все значат люди; хорошие люди, — они установят хороший порядок; хорошие порядки, — дурные люди испортят их. Вы поймете практические результаты. План, вытекавший из взглядов Сперанского, таков: чтобы сделать людей хорошими, надо заставить их вращаться в хорошем порядке. План Карамзина иной: не нужно новых порядков, нужно сначала сделать новых людей. Прав ли был Сперанский? Нет; проект его, если бы осуществился, стал бы тысячу первым доказательством, как превосходные порядки портятся и падают среди неподготовленных людей. Прав ли Карамзин? Еще меньше: общежитие состоит из порядка и из людей; хорошие люди воспитываются порядками, откуда же они появляются, если нет хорошего порядка? Народятся сами, как счастливая случайность? Карамзин говорит: «Не нужно нам конституции, дайте нам 50 умных и добродетельных губернаторов, все пойдет хорошо». Правда, умный и добродетельный губернатор — это что хлеб насущный; но ведь он капризен, как хлеб насущный: в иной год родится, а в иной нет; что же делать, когда будет неурожай на умных и добродетельных губернаторов? Карамзин напоминает несколько ту осторожную мать, которая запретила своему сыну влезать в воду, пока он не выучится плавать. Итак, оба публициста впали в безвыходный круг; правильный хороший порядок не может действовать без подготовленных и добрых людей, а добрые люди не могут явиться без правильного и законного порядка. Как же быть? Что должно идти вперед? Что чего старше: люди или порядок, т. е. кто кого должен готовить? Никто и никого, ибо порядок и люди — сверстники, а не находятся в отношении детей к родителям.

Нам нет надобности разбирать проект Сперанского со стороны практической, т. е. решать вопрос, был ли он осуществим? Он не был осуществлен, как не был осуществлен проект 50 добродетельных губернаторов; дело не в порядках и не в людях, а дело в том, что раньше общества и общественного порядка, т. о.

в частных людских отношениях, не в чувствах и в понятиях, а в отношениях. Общественные отношения могут создаваться одинаково при каких угодно порядках, и мы постоянно наблюдаем, что при дурных порядках воспитываются хорошие отношения, даже при дурных чувствах и людях, а в правильных порядках иногда воспитываются тяжелые и дурные отношения. Есть еще третья сила, которая стоит сзади политического порядка и политической свободы лиц; эта сила есть просто политика. Сперанский, как и государь, несколько механически смотрел на учреждения; оба они думали, что их надо создать и потом надеть на общество, как надевают спитый портным костюм. То — капитальная ошибка, которая воспитана была философским сомнением прошедшего века: порядки не сочиняются и не надеваются, как костюм, порядки растут, как растут нервы и жилы человеческие, т. е. они растут и складываются из отношений. Отношения устанавливаются законом, закон создается верховной властью; хороший закон имеет источником доброжелательную волю власти; нет такой воли, — и не будет установлено отношений. Отношения устанавливаются постепенно, незаметно; они не навязываются, они подкидываются людям, так как только то прочно, что не навязывается, а что незаметно подкинута людям. В основании прочности этих отношений всегда лежит сознание необходимости; законодатель велик, если он раскроет эту необходимость, если не раскроет, пусть не берется ни за законодательство, ни за преобразования.

Александр получил от Сперанского подробный план порядка, в каком должны были осуществиться реформы. План этот был очень осторожен: статс-секретарь советовал вводить новые учреждения, только предварительно вполне их приготовивши; далее, вводить их постепенно и так, чтобы при встрече с неодолимыми препятствиями можно было тотчас отступить. Осуществление сего плана рассчитано было на два года так, чтобы все здание было выведено к осени 1811 г. Нельзя без улыбки читать эту программу: для Сперанского исторические моменты были то же, что линии в геометрическом треугольнике; он знает, когда начертить одну линию, когда

другую, какой вывести угол, тупой или острый, сколько месяцев нужно на создание областного управления, сколько дней нужно на воспитание свободомыслящего гражданина и т. д. Здесь звучит то самоуверенное чувство бюрократа, который отлично знал механизм канцелярии и, надобно признаться, не знал хода органической жизни или, говоря проще, не знал того, как люди живут. В этом его коренной недостаток; он — творческий ум в пределах канцелярии.

Но Александр отказался от плана и осуществил только прикладные, побочные его части; из этого вышла перестройка центрального управления. 1 января 1810 г. открыт был преобразованный Сперанским Государственный совет; этот Государственный совет составлен был из членов по назначению государя. Это учреждение по своим основаниям настолько своеобразно, что заслуживает внимания даже в кратком обзоре царствования. Государственный совет обсуждает все подробности государственного устройства, насколько они требуют новых законов, и свои соображения представляет на усмотрение верховной власти. Итак, Государственный совет не законодательная власть, а только ее орудие, и притом единственное, которое собирает законодательные вопросы по всем частям управления, обсуждает их и свои заключения возносит на усмотрение верховной власти. Таким образом устанавливается твердый порядок законодательства. В этом смысле и определяет значение совета Сперанский в отчете о деятельности учреждения за 1810 г. говоря, что совет учрежден для того, чтобы власти законодательной, дотеле рассеянной и разбросанной, дать новое начертание постоянства и единообразия. Такое начертание, сообщенное законодательству тремя обозначенными в законе чертами, характеризует новое учреждение: 1) совет рассматривает новые законы по всем отраслям правления, 2) он один их рассматривает и 3) ни один закон, им рассмотренный, не передается к исполнению без утверждения верховной власти. Этими чертами указывается двоякое значение совета — законодательное и объединительное: он, во-первых, обсуждает возбуждаемые по всем отраслям управления законодательные вопросы; во-вторых, утвер-

жденными верховной властью решениями объединяет деятельность всех этих отраслей, сообщая им одинаковое направление. Но тому и другому значению поставлены были известные пределы. В законодательных актах следует различать законодательную норму, устанавливающую известные отношения в государстве, и законодательный авторитет, сообщающий этим нормам силу закона. Авторитет принадлежит верховной власти, выработка нормы есть дело совета. Но не разделяя законодательного авторитета, совет, так сказать, соприкасается с ним; таким соприкосновением служат мнения совета, — большинства и меньшинства, равно как и отдельных членов, — представляемые на рассмотрение верховной власти. Высказанные разногласия вместе с заключениями, т. е. проектами, и принимаются верховной властью во внимание при окончательном решении дела. Кроме того, совет нельзя назвать просто машиной для изготовления законопроектов в заранее предназначенном смысле: он решает законодательные вопросы не по указанной программе, а по собственному разуму, пользуясь, по закону, полной свободой мнений. Но, с другой стороны, его нельзя назвать законодательным учреждением в смысле западных законодательных собраний. Когда декрет, принятый законодательным представительным собранием, отвергается короной, государство остается без закона до нового возбуждения законодательного вопроса; в России верховная власть, признавши решение совета неудобным, могла предписать ему рассмотреть дело вновь и выработать новое решение, не подсказывая его, а обращая внимание совета на упущенные им обстоятельства дела. На Западе закон есть политическая сделка двух властей — короны и законодательного собрания; у нас он был проявлением воли одной верховной власти, внушаемой обыкновенно советом, что и выражалось в самой форме высочайше утвержденных мнений Государственного совета: «внявши мнению совета... быть по сему». Западный порядок законодательства основан на мысли о равенстве властей, на нежелании дать одной из них перевес над другой; у нас в основание положена была мысль о средствах и условиях для наиболее правильной и осмотрительной выработки новых законода-

тельных норм. Точно так же значение совета, законодательное и объединительное, и руководство всеми частями управления выражалось не в надзоре за подробностями управления и исполнением законов, что есть дело Сената, а в соображении общих условий, обеспечивающих правильное исполнение законов; поэтому Государственному совету принадлежало право разъяснения истинного смысла законов, принятие общих мер к их успешному действию, распределение государственных доходов и расходов, наконец, рассмотрение отчетов всех министров по управлению вверенными им частями. Все эти особенности делают организацию Государственного совета довольно своеобразным явлением в государственном праве. По свойству законодательных вопросов, Государственный совет был разделен на четыре департамента: департамент законов, или кодификационный, департамент военных дел, дел гражданских и духовных и департамент государственной экономики. Во главе каждого департамента поставлен был свой председатель. Проекты законов, касавшиеся того или другого ведомства, предварительно обсуждались в соответствующем департаменте, потом поступали в общее собрание; здесь вопрос решался большинством голосов, и мнения как большинства, так и меньшинства представлялись на усмотрение государя, который соглашался с тем или другим, не стесняясь арифметикой. При Государственном совете образована была Государственная канцелярия с особым отделением для каждого департамента. Дела каждого департамента статс-секретарь докладывал в своем департаменте, а всей канцелярией руководил государственный секретарь, докладывавший дела в общем собрании и представлявший журнал совета на усмотрение государя. Государственным секретарем был назначен, разумеется, Сперанский, главный организатор учреждения, что при новости дела дало ему значение руководителя совета.

Министерства

Вслед за Государственным советом преобразовали и министерства. План их преобразования разработан также Сперанским. Министерств явилось гораздо больше, чем было учреждено в 1802 г.; упразднено было министерство коммерции, зато образованы были мини-

стерство полиции, выделенное из прежнего министерства внутренних дел, главное управление духовными делами иностранных исповеданий, главное управление путей сообщения и главное управление ревизией государственных счетов, т. е. государственный контроль. Таким образом, вместо восьми министерств, за упразднением одного и прибавкой четырех новых, явилось всего одиннадцать. В «Общих учреждениях министерств» определен был круг ведомства министров, их ответственность и другие подробности министерского управления. Два акта, которыми были преобразованы министерства, и «Общие учреждения» по стройности плана, логической последовательности его развития, по своеобразности и точности изложения признаются образцовыми произведениями нашего законодательства и ими не без основания гордился сам автор. Сперанский составил план преобразования и Сената. Сенат имел двойное значение: он руководил управлением, контролировал его и он составлял высшую судебную инстанцию. Сперанский разделил эти два элемента в ведомстве Сената на два особые учреждения: на Сенат правительствующий и Сенат судебный. Сенат правительствующий по проекту должен был состоять из всех министров с их товарищами и других главных управляющих отдельными частями; очевидно, это комитет министров. Все судебные функции прежнего Сената сосредоточены в Сенате судебном и в этом судебном Сенате, как чуть заметная искорка, мелькнули идеи изложенного мною выше общего проекта Сперанского. Судебный Сенат состоит из четырех местных отделений, которые действуют в четырех судебных округах, на какие должна быть разделена Россия, именно, в Петербурге, Москве, Киеве и Казани. Судебный Сенат — высшая судебная инстанция и наблюдатель за судопроизводством, состоит из двух элементов: из членов по назначению от короны и сенаторов по выборам от дворянства; только в этом и мелькнул план. Но так как поднялись ожесточенные возражения против такого плана, основанные на том, что такой Сенат ограничивал бы верховную власть, проект его, выработанный в 1811 г., остался неосуществленным.

Реформа
Сената

Вот и все, что было приведено в исполнение. Новым учреждениям, Государственному совету и министерствам, Сперанский сообщил отпечаток своего канцелярского организаторского ума; новые учреждения вышли стройные, хорошо организованные правительственные места с правильно разграниченными ведомствами, с обдуманно составленным штатом и довольно точно определенными взаимными отношениями. Проект реформы Сената вызвал резкие возражения в Государственном совете; сильнее всего, разумеется, нападали на предоставление дворянству права выбора членов Сената, видя в этом ограничение самодержавной власти. Несмотря на то, что при подаче голосов большая часть членов совета высказалась за проект и государь утвердил мнение большинства, различные препятствия, внешние и внутренние, помешали осуществлению этой реформы, и сам Сперанский советовал отсрочить ее введение. Благодаря этому Сенат сохранил прежнее смешение ведомств, внося некоторую нестройность и общий склад центрального управления. Значит, из трех отраслей высшего управления, законодательной, исполнительной и судебной, были преобразованы только две первые, третьей реформа не коснулась. К преобразованию губернского управления не было и приступлено. Вот все, что было приведено в осуществление из преобразовательных планов Сперанского.

Указы
1809 г.

План 1809 г. не прошел бесследно для Сперанского: он вооружил против него общество, не сам собою, а некоторыми частями его, получившими практическое применение. В 1809 г. изданы были два мелкие, но издававшие большой шум, закона. Первый направлен был против придворных чинов. При дворе в звании камергеров, камер-юнкеров состояли знатные люди, которые, не занимая никаких действительных должностей, между тем, пользовались разными правами этой службы; император звал этих сановников дворцовыми полотерами. Закон 1809 г., сохранив эти звания, лишил их сопряженных с ними преимуществ, если облеченные ими люди не занимали действительных должностей, придворные звания теперь остались почетными отличиями, не дававшими никаких прав, и только. Понятно чув-

ство, с каким отнеслась эта придворная среда к Сперанскому, который считался автором закона. Другой закон направлен был против самих чиновников. В России уже существовало несколько университетов, но стены их аудиторий были довольно пусты за ненадобностью, ибо движение по службе совершалось быстро и без университетского образования. Сперанский, справедливо находя, что университеты учреждены не для забавы, что специальное образование, какое должны были получать учащиеся в университете, необходимо государству, выработал закон, в силу которого известные чины, именно восьмого и пятого классов (пятый класс — статский советник), могут быть получаемы только теми, кто имеет университетский аттестат, или теми, кто выдержит экзамен по установленной программе. По этой программе от желающих получить чин коллежского асессора и статского советника требовалось знание русского языка и одного из иностранных, знание права естественного, римского и гражданского, государственной экономики и уголовных законов, основательное знакомство с отечественной историей и элементарные сведения по истории всеобщей, по статистике русского государства, географии, даже математике и физике. Оба указа были выработаны Сперанским тайно от высших правительственных сфер и произвели тем больший переполох в придворном обществе и чиновной среде, что были изданы совершенно неожиданно. Много почтенных стариков, которые уже постучались в двери статского советника, остались ни при чем навеки, ибо не имели университетского диплома и не могли иметь надежды выдержать экзамен.

Итак, придворная и чиновничья среда, две могущественные силы в столице, были вооружены против Сперанского, и сам государь потерял к нему доверие. Трудно объяснить ход перемены, происшедшей в его отношениях к Государственному секретарю: ни он сам, ни Сперанский потом никогда не объясняли того, что случилось между ними. Можно высказать предположение, что Александр, обдумав прочитанный им план, сам испугался той минуты, когда он пытался его исполнить, а в таких случаях чувство обыкновенно

отвлекается и переносится на виновника этого ощущения.

Финансовые меры

Наконец, против Сперанского восстало общественное мнение, т. е. большое общество; виной тому были его финансовые меры. Сперанскому было поручено устройство финансового хозяйства, и он должен был устроить его из самых безнадежных элементов. Приближалась огромная война, бюджет был поколеблен прежними войнами. Положение дел в 1811 г. было таково: ассигнаций в обращении было 577 миллионов; внешнего долга — больше 100 миллионов; государственный доход вычислен был на 1812 г. в размере 197 миллионов; для покрытия текущих расходов недоставало 66 миллионов; курс рубля был 33 коп. Сперанскому поручено было восстановить равновесие в этом бюджете; из чего? Он предложил, что мог, т. е. возвышение прямых налогов и косвенных; подушная подать была возвышена с рубля на два, а потом на три; оброк с государственных крестьян — с двух до трех рублей; подушная подать с мещан — до пяти рублей; сбор с купеческих капиталов до 3%. Ввиду расходов, какие потребует предстоящая война, эти налоги еще были временно возвышены. Сперанскому принадлежала первому мысль о подоходном налоге, притом падающем на привилегированное сословие, на дворян: как временная мера на 1812 г. введен был налог на дворянские имения, не на крепостных крестьян, а на самые земли; размер этого налога рос пропорционально с доходом. Налогу подвергались имения, приносявшие не менее 500 рублей; с таких взимался 1%; имения, которые приносили доходу не менее 18 тысяч, платили 10%. Все платящее и восстало на Сперанского. Едва ли стоит упоминать о тех слухах, которые присоединялись к этому ропоту и которые говорили о каких-то сношениях Сперанского с французами, о каких-то бумагах, которые он пересылал Наполеону; все это — величайший вздор, о котором не стоит упоминать.

Падение Сперанского

В начале 1812 г. Сперанский, долго не ходивший к императору, был призван к нему. Сделав ему свой доклад, Сперанский хотел уходить; император удержал его и неожиданно стал упрекать его в своеволии, с ка-

ким он брал к себе некоторые государственные бумаги, в посягательстве на вековые русские учреждения, например, на Сенат, созданный Петром, и т. п. Затем, он отпустил его, заметив, что он передаст его должность другому. Итак, отставка! Когда Сперанский воротился домой, он встретил министра юстиции Балашева, который приготовил ему кибитку, и Сперанский, не простившись с дочерью, отправлен был в Казань, потом был назначен в Пермь, а далее — губернатором в Сибирь.

Настал новый перерыв во внутренней преобразовательной деятельности Александра. Это был ряд лет, полных шумных военных и дипломатических событий. Россия подверглась нашествию врага. Прогнав его и идя по его стопам, принявшись освобождать одно за другим разные государства Европы от французского ига, русская армия прошла почти до самого западного края Европы, водворила там законный порядок, собрала развенчанных государей и усадила их на покинутых престолах, дала им в руки конституционные хартии и, разутая и раздетая, воротилась домой. С 1815 г., когда кончились эти шумные события, император воротился из-за границы, чтобы продолжать прерванные внутренние работы; но эти работы получили иное направление, так как государь воротился из похода совсем иным, непохожим на того, каким он начинал свою деятельность.

ЛЕКЦИЯ ХСП

Перемена в настроении Александра. — Конституция царства Польского. — Освобождение остзейских крестьян. — Крестьянский вопрос. — Проект Мордвинова. — Проект Аракчеева. — Проект Канкрин. — Реакция. — Просвещение. — Школа. — Магницкий. — Аракчеев. — Настроение общества. — Декабристы.

Перемена
в настроении
Александра

Внешние дела 1812—1815 гг. оказали могущественное влияние на ход дел внутренних, редко даже, когда внешняя политика так изменяла направление внутренней жизни в России, может быть, потому, что она редко переживала такие события, какие испытала в те годы. События эти очень неодинаково подействовали на русское общество и на русское правительство. В первом они вызвали необычайное политическое и нравственное возбуждение. Русские люди, только что пережившие такие опасности, вышли из них с более живым ощущением своих сил. Возбуждение это сказывалось и в тогдашней литературе, даже официальной; в периодических официальных изданиях, продолжая прежний тон, установившийся в печати с начала царствования, встречались статьи о таких вопросах, как свобода печати и т. п. Еще живее сказывалось это возбуждение в неофициальной периодической литературе; здесь прямо печатались статьи под заглавием «о конституции», в которых доказывалась «доброта» представительных учреждений. Попечители учебных округов на торжественных актах произносили речи

о политической свободе, называя ее «последним и возвышеннейшим даром бога». Итак, высшие руководители общества, т. е. военно-гражданские, расположены были к самым широким ожиданиям, надеялись теперь, что правительство не только продолжит, но и расширит свою прежнюю программу, а между тем правительство не расположено было проводить и прежней программы. На нем отразилось то настроение, с которым вышел из пережитых опасностей его глава. Император Александр очень утомился в эти годы; быстрая смена побед и поражений нарушила в нем прежнее правственное равновесие; недаром он в 1814 г., возвращаясь из-за границы, привез домой седые волосы. Пережитые события поселили в правительстве чувство утомления, охлаждения к энергичной внутренней деятельности, даже некоторое разочарование в прежних политических идеалах; к тому же ход внешних событий поставил его в упорную борьбу с последствиями французской революции, волей или неволей сделал его представителем консерватизма в международных отношениях, восстановителем и охранителем законного порядка, основанного на предании старины. Это охранительное направление из внешней политики необходимо переносилось и на внутреннюю: нельзя же было, в самом деле, одной рукой за границей поддерживать консервативные начала, а дома продолжать преобразовательную, революционную, как говорили тогда, деятельность. Как бы отвечая на изменившееся положение дел, правительство слабо продолжало деятельность прежнего направления, да и эта ослабленная деятельность сосредоточивалась не на коренных областях России, а по окраинам, находящимся ближе к Западной Европе. Очевидно, пункт тяготения внутренней политики также переместился ближе к западнорусской границе.

Слабый отблеск прежнего направления сказывался и мерах правительства, касавшихся царства Польского и остзейских провинций. По определениям Венского конгресса, Россия, как бы в награду за усилия, которые она сделала для освобождения европейских народов от французского ига, получила герцогство Варшавское;

Конституция царства Польского

это Варшавское герцогство, как известно, образовано было Наполеоном после войны с Пруссией 1806—1807 г. из тех провинций бывшей Польской республики, которые по трем разделам при Екатерине отошли к Пруссии. Герцогство Варшавское переименовано было в герцогство Польское с присоединением к нему некоторых частей польского государства, по разделу доставшихся России, именно Литвы. Царство Польское отдано было России без всяких споров, но сам Александр настоял на Венском конгрессе, чтобы в международный акт конгресса внесено было постановление, обязывавшее правительство тех государств, в пределах которых находились бывшие польские провинции, дать этим провинциям конституционное устройство. Такое обязательство Александр принял на себя. По этому обязательству польские области, находившиеся в пределах России, должны были получить представительство и такие учреждения, которые русский император найдет полезным и приличным дать им. В силу этого была выработана конституция царства Польского, утвержденная императором в 1815 г. В силу этой конституции в 1818 г. открыт был первый польский сейм. Польша управлялась под руководством наместника, которым стал брат Александра Константин; законодательная власть в царстве принадлежала сейму, распадавшемуся на две палаты: на сенат и палату депутатов. Сенат состоял из представителей церковной иерархии и государственной администрации, т. е. из епископов и воевод по назначению государя, палата депутатов из представителей шляхетства, городской и свободной сельской общины. Первый сейм был открыт речью императора, которой было объявлено, что представительные учреждения были всегда предметом заботливых помыслов государя и что примененные с добрым намерением и чистосердечием, они могут послужить основанием истинного народного благоденствия. Так случилось, что завоеванная страна получила учреждения более свободные, чем какими управлялась страна-завоевательница. Варшавская речь 1818 г. болезненно отозвалась в сердцах русских патриотов. Ходили слухи, что и для империи вырабатывается новое государство-

ное устройство, проект этот поручен был будто бывшему сотруднику императора Новосильцову; но в этом проекте предположено было разработать только вопросы о свободе печати и о равенстве всех граждан перед законом. Но это был только слух.

Продолжением деятельности в прежнем направлении могло казаться и освобождение остзейских крестьян. Еще в 1811 г. эстляндское дворянство предложило правительству освободить своих крестьян от крепостной зависимости; тогда была образована особая комиссия для выработки положения о крестьянах, выходивших на волю. В 1814 г. возобновлена была деятельность этой комиссии, прерванная войной; следствием этой деятельности была выработка положения об освобождении остзейских крестьян. Положение это утверждено было в 1816 г. Вопрос об освобождении возбужден был также в Курляндии и Лифляндии; выработанные положения об освобождении этих крестьян утверждены в 1817 и 1819 гг. Все эти положения построены были на одинаковых началах: остзейские крестьяне получали личную свободу, но эта свобода была стеснена запрещением переселяться в другие губернии и приписываться к городским обществам. Прежде, когда действовал в остзейских губерниях еще старый шведский устав, крепостные остзейские крестьяне наследственно пользовались своими участками, которые у них не мог отнять землевладелец. Теперь этот порядок был изменен. Известная часть земли у каждого помещика, по положению, должна была обязательно находиться в постоянном пользовании крестьян, но каждый отдельный участок помещик отдавал крестьянину на известный срок в аренду, по добровольному с ним соглашению, т. е. каждый помещик мог согнать своего крестьянина с участка только с обязательством заменить согнанного другим. Помещичья земля разделена была на две половины: одной помещик мог пользоваться сам, другую отдавал обязательно в аренду крестьянам, но выбор и условия соглашения предоставлялись договаривавшимся сторонам, из которых перевес, разумеется, принадлежал сильному. Значит, остзейские крестьяне освобождены были от личной зависимо-

Освобождение остзейских крестьян

сти, но без земли и в поземельных отношениях представлены были усмотрению произвола землевладельцев. Для разбора тяжб между крестьянами и землевладельцами устроены были особые суды, но председателями в этих судах были землевладельцы; точно так же вотчинная полиция осталась в руках землевладельцев. Смысл остзейской эмансипации был таков: землевладелец удерживал над крестьянами на деле всю прежнюю власть, но по закону освобождался от всех обязанностей по отношению к крестьянам; это было одним из художественных актов остзейского дворянства. Положение остзейских крестьян тотчас ухудшилось.

Крестьян-
ский воп-
рос

Понятно, что остзейская эмансипация не могла быть желательным образцом для разрешения крепостного вопроса в коренных областях России. Благомыслящие и знакомые с положением дела люди думали, что лучше не возбуждать вопроса об освобождении крестьян, чем разрешать его по-остзейски. Однако вопрос обсуждался в правительственных кругах. Правительству представлен был целый ряд проектов; большая часть их построена на мысли о безземельном освобождении крестьян, немногие понимали необходимость освобождения с землей, но решительное большинство было против всякого освобождения. Некоторые проекты любопытны, потому что указывают нам на степень подготовки умов к решению тяжелого вопроса и на степень знакомства с положением дел. Вопрос о крепостных крестьянах слагался из двух элементов — полицейского и экономического: нужно было установить личную и общественную свободу крестьянского сословия, а с другой стороны, нужно было обеспечить хозяйственный быт освобожденных крестьян. Люди того времени, поражаемые печальными явлениями в крепостной деревне, излишним личным произволом, понимали одну только полицейскую сторону дела, были убеждены, что прежде всего необходимо дать крепостным крестьянам личную свободу, отпустив их на все четыре стороны; всей важности экономической стороны дела не понимали тогдашние образованные и доброжелательные аболиционисты, но эту сторону понимали сами крестьяне. Любопытно, как распределялись государственные дельцы на сторо-

ны, на партии в этом вопросе. Из всех проектов особенный интерес представляют два: один из них принадлежал либеральному и талантливому дельцу адмиралу Мордвинову, другой — нелиберальному и неталантливому дельцу графу Аракчееву, имя которого тогда уже стало одним из ненавистных имен в России. Как бы вы думали, предполагали освобождение крестьян эти дельцы? Трудно наперед угадать придуманные ими способы решения; по качеству своему они обратно пропорциональны умам и талантам обоих дельцов.

Адмирал Мордвинов находил справедливым и возможным даже выкуп личной свободы, об освобождении с земельным наделом не было и речи; земля должна вся остаться во владении помещика, но крестьяне получали право выкупать свою личную свободу; для этого автор проекта составил таксу: сумма выкупа соответствует возрасту выкупающегося, т. е. его рабочей способности; например, дети от 5 до 10 лет платят за свободу по 100 рублей; чем старше возраст, тем выше плата; работник 30—40 лет платит 2 000 (на тогдашнем рынке это равнялось нашим 6—7 тысячам); работник 40—50 лет платит меньше и т. д. по мере рабочей силы. Понятно, какие крестьяне по этому проекту вышли бы на волю: это сельские кулаки, которые получили бы возможность накопить необходимый для выкупа капитал. Словом, трудно было придумать проект менее практический и более несправедливый того, какой развивается в записке Мордвинова.

Неизвестно, кто составил проект для Аракчеева, которому это дело было поручено императором; едва ли подписавшийся под ним был его автором. Этот проект отличался некоторыми достоинствами. Аракчеев предполагал освобождение крестьян повести под руководством правительства. Правительство покупает постепенно крестьян с землей у помещиков по соглашению с ними по ценам данной местности, для чего оно назначало капитал в 5 миллионов ежегодно; капитал этот образуется или посредством отчисления известной суммы из питейного дохода или посредством выпуска соответственного количества 5-процентных облигаций Государственного казначейства. Оценка производится

Проект
Мордвина
нова

Проект
Аракчеева

посредством капитализации получаемого с крестьян оброка. Крестьяне выкупаются с землей в размере двух десятин на душу. Леса и угодья выкупаются крестьянами у помещиков особо. В проекте Аракчеева изложены были выгоды такой операции для землевладельцев; о выгоде операции для крестьян автор благообразно умалчивал. Землевладельцы, очень пострадавшие во время войн, посредством такого освобождения крестьян освобождались от долгов, которые обременяли их имения, получали оборотный капитал, которого у них не было, и не лишались рабочих рук для той земли, которая оставалась за ними, потому что крестьяне, получив столь малые наделы, принуждены будут брать в аренду помещичьи земли. Много недостатков можно указать в этом проекте, может быть, в нем было мало доброжелательства к крестьянам, но проект нельзя назвать непрактичным; в нем, по крайней мере, нет бессмыслицы; осуществление этого проекта не сопровождалось бы разгромом государства, к которому привел бы непременно проект Мордвинова. Все это показывает только, как государственные умы были мало подготовлены к разрешению этого вопроса, о котором, кажется, уже давно пора было подумать.

Проект
Канкрин

Самый лучший проект принадлежал дельцу без цвета, которого нельзя было назвать ни либералом, ни консерватором; этот проект был составлен по воле государя и в основе своей противоречил взглядам последнего; автором его был Канкрин, потом ставший министром финансов. Проект был построен на медленном выкупе крестьянской земли у помещиков в достаточном размере; вся операция рассчитана была на 60 лет, так что только к 1880 г. окончательно разверстывались отношения между крестьянами и помещиками без долгов, т. е. без налога на крестьян для уплаты процентов по казенной выкупной сумме, заплаченной за крестьян землевладельцам. Некоторые государственно люди даже пугались самой мысли об освобождении крестьян, которая представлялась им страшным переворотом. К таким предусмотрительным людям принадлежал известный в свое время государственный человек, считавшийся в числе первых политических го-

лов, — граф Растопчин, товарищ Аракчеева по воспитанию в гатчинской казарме. Своим обычным лаконичным языком он описывал опасности, которые произойдут от освобождения крестьян: Россия испытает все бедствия, какие перенесла Франция во время революции, и, может быть, худшие, какие перенесла Россия при нашествии Батя. Из всех этих проектов и толков, возбужденных им в правительстве, не вышло ничего практического; вопрос был оставлен, как оставлены были и другие преобразовательные предположения. Внешние события преимущественно поглощали внимание государя. Основатель политического Священного союза, т. е. религиозно-политического консерватизма в международной политике, он с каждым годом все более убеждался, как шатки основания, на которых тогда держался европейский политический порядок; то там, то здесь прорывались вспышки; народы не хотели мирно сидеть на местах, на которых их усадил Венский конгресс. В 1818 г. германские студенты производят беспорядки и празднуют в Вартбурге 300-летний юбилей реформации. Они наделали много юношеских выходов, на что взглянули руководители германской политики чрезвычайно серьезно, т. е., говоря проще, трусливо; для германских университетов выработаны были новые правила, которые подчиняли надзору не только поведение молодежи, но и преподавателей. В двадцатых годах произошла революция в Испании, которая отозвалась движениями на Апеннинском полуострове. В 1827 г. восстали греки против турок. Здание Венского конгресса разваливалось со всех сторон.

По мере того как усиливались на Западе волнения, возникали опасения подобных же волнений в России. С этого времени получает серьезное значение политика народного просвещения; полиция умов ставится серьезным вопросом; она выразилась в целом ряде тревожных мер, принятых для того, чтобы дать надлежащее направление литературе и народному образованию, т. е. школам. Как известно, при Павле учреждена была цензура, преимущественно для книг, приходивших из-за границы, но она скоро прекратила свои действия, потому что запрещен был ввоз книг, кроме написан-

Просвеще-
ние

ных на тунгусском языке. В царствование Александра издан был цензурный устав 1804 г., очень обдуманый и вообще доброжелательный к успехам российской словесности. Теперь этот устав оказался неудовлетворительным, потому что плохо сдерживал разгул мысли. Создана была новая организация надзора за печатью. Но этот надзор по свойству своему требовал опытных и размышляющих орудий; смотреть за порядком в умах гораздо труднее, чем наблюдать за порядком на улице, и орудиями этого надзора сделаны были лица не лучше тех, которые стояли на постах на улицах. Вместо должного направления в литературе вышел ряд смешных или печальных анекдотов, которые беспокоили или веселили самых консервативных людей. Шишков, министр просвещения, в конце царствования Александра, представитель консерватизма, сам рассказывал анекдот об одном цензоре, которого смутили такие стихи в подлежащей ему суду книге. Печальный поэт жаловался на свою судьбу, говоря: «Что в мире мне, где все на мне: и смерть, и рок цари...» Цензор нашел, что доброму христианину неприлично жаловаться на рок, зачеркнул слово рок и отдал в печать, вышло: «Что в мире мне, где все на мне: и смерть цари». Шишков прибавляет, что цензура должна быть не только строга, но и умна. Один писатель напечатал книгу, самое заглавие которой, по видимому, освобождало цензора от обязанности читать ее: это — «Беседа о бессмертии души при гробе младенца»; книга добрая, назидательная. Министр просвещения князь Голицын нашел несогласие с христианским учением и поднял целую бурю; автор был выслан за границу, книга была отобрана из магазинов, а цензор, инспектор духовной академии архимандрит Иннокентий, получил выговор, а потом отставку от должности. При Шишкове дело это возобновилось. Поручено было нескольким духовным лицам вновь просмотреть книгу о бессмертии души, и священники, рассматривавшие ее, нашли, что она не только согласна с христианским учением, но даже обнаруживает горячую ревность к вере и церкви. Книга была напечатана вновь на казенный счет и пущена в обращение.

В XVIII в. у нас были отдельные специальные, реже — общеобразовательные учебные заведения, но несогласованные друг с другом, несвязанные ни во что целое. План системы народного образования выработан был в конце царствования Екатерины: в 1782 г. был учрежден Комитет народных училищ, который и проектировал открыть целую систему народноучебных заведений. В уездных городах предполагалось было открыть малые народные училища, двухклассные, в губернских городах — главные четырехклассные, в некоторых городах проектированы были университеты как руководители этих главных и малых народных училищ. По недостатку денежных средств план екатерининского Комитета училищ остался почти весь только на бумаге. Возникшее в 1802 г. министерство народного просвещения, пересмотрев и развив этот план, осуществило его: малые народные училища были превращены в уездные, а главные — в губернские гимназии. Те и другие получили уставы, учебные планы и казенное содержание; на средства местных обществ открывались еще приходские училища. Вся Россия в учебном отношении разделилась на несколько округов во главе с проектированными университетами каждый. Старые университеты — Дерптский, Виленский и Московский — были преобразованы; в 1805 г. открыты были Харьковский и Казанский университеты, в 1816 г. — Главный педагогический институт в Петербурге, преобразованный потом в университет; предполагены были университеты в Киеве, Tobольске и даже в Устюге Великом. Университеты получили новый устав, давший им стройную и однообразную организацию; они получили право возводить в ученые степени, а с учеными степенями соединены были права государственной службы, которые доступны были всякому без различия сословий, имевшему ученый аттестат. Если присоединить к этому преобразованные по уставам 1814 г. духовные училища, получавшие достаточные средства на содержание из церковной монополии, продажи восковых свечей, а также проектированные в губернских городах военные училища, то получится довольно стройная и сложная система народноучебных заведений. Общество с горячим

сочувствием встретило усилия министерства народного просвещения; частные лица и дворянские корпорации приходили на помощь правительству в его финансовых нуждах и жертвовали значительные суммы на эти заведения: Харьковский университет открыт был при содействии харьковского и полтавского дворянства, которое пожертвовало большую сумму на этот предмет; на деньги богача Демидова открыто было училище высших наук в Ярославле; на деньги графа Безбородко учреждена была гимназия высших наук в Нежине; при денежном вспомоществовании французского эмигранта новороссийского губернатора герцога Ришелье открыт был в Одессе Ришельевский лицей.

Все эти учебные заведения обязаны были своим существованием стремлению правительства распространить знания в русском обществе, поставить на твердые основания просвещение умов. Но с 1815 г. отношение правительства к делу стало изменяться: свет, — пользуясь выражением попечителя Петербургского округа Норова, — обыкновенно родится от огня, а огонь имеет привычку жечься; с 1815 г. задались целью отыскать огонь, который не имел бы этой привычки, старались о распространении просвещения без огня, т. е. без света. Теперь внимание направлено было не на то, чему ученики учатся, а на то, как они мыслят и чувствуют. Для того чтобы давать должное направление школе, при министерстве народного просвещения образовано было Главное управление училищ, а при Главном управлении училищ — Учебный комитет, который специально должен был следить за учебными руководствами, выходившими в России. Манифестом 24 октября 1817 г. министерство народного просвещения даже соединено было с ведомством духовных дел, т. е. с ведомством святейшего Синода; министром народного просвещения и духовных дел назначен был князь Голицын. Это соединение двух ведомств объяснялось в манифесте такой целью, чтобы «истинное христианское благочестие всегда служило основанием просвещению умов». Для Учебного комитета составлена была инструкция, в которой указывалось, какое направление должно было получить народное образование. Народное обра-

зование должно быть направлено к тому, чтобы посредством «лучших учебных книг водворить постоянное и спасительное согласие между верой, ведением и разумом», т. е. между религиозным состоянием, между образованием умственным и между порядком политическим. Эти добрые начала, которые составляют идеал всякого образования, практически были разработаны так, что «вера, ведение и разум» почувствовали себя еще большими врагами, чем были прежде.

В числе бойких сотрудников Сперанского во время его деятельности в Государственном совете был некто Магницкий, кончивший не без успеха курс в Московском университете, а потом служивший в гвардейском Преображенском полку. Магницкий этот пал вместе со Сперанским в 1812 г., но потом раскаялся в своих увлечениях и, заняв должность симбирского губернатора, показал большую ревность в противоположном велиберальном направлении. Эта ревность не по разуму даже была причиной потери губернаторского места. Почувяв перемену ветра, Магницкий поступил на службу по министерству просвещения и стал членом Главного управления училищ. До министра дошли слухи о том, что преподавание в Казанском университете идет по ложной дороге; назначена была ревизия университета, и ревизором послан Магницкий. Магницкий налетел на университет, пошарил кое-что, пробыл всего шесть дней в Казани, и, воротившись, доложил, что университет по всей справедливости и строгости законов подлежит уничтожению, притом в виде публичного его разрушения. Император положил на доклад резолюцию: «зачем разрушать, можно исправить». Исправить университет послан был тот же Магницкий, назначенный попечителем учебного Казанского округа. Для него и при его участии составлена была инструкция ректору и директору Казанского университета (директор соответствовал позднему инспектору). Инструкция эта утверждена была в 1820 г.; она направлена была к тому, чтобы поставить преподавание и студентов на прямую дорогу. Главный порок, замеченный Магницким в преподавании, это «дух вольнодумства и лжемудрия», грозящий разрушением общест-

Магниц-
кий

венного порядка. Магницкий с инструкцией в руках воротился в Казань, чтобы поставить преподавание, как он говорил, на началах Священного союза. Инструкция определяла подробно направление преподавания каждого предмета и быт студентов; она имеет особое значение в истории нашего просвещения, потому что применена была и к другим университетам. Магницкий, просматривая списки почетных членов Казанского университета, с ужасом встретил имя аббата Грегуара. Аббат Грегуар, как известно, был депутатом Конвента и подавал голос за смерть Людовика XVI. По недосмотру, университет забыл вычеркнуть это завалывшееся имя. Магницкий и выставил его ребром как доказательство маратизма и робеспьеризма, овладевшего Казанским университетом. Инструкция указывала, как и по каким руководствам должны быть преподаваемы предметы университетского курса; например, философия должна руководиться более всего посланиями апостола Павла; начала политических наук должны быть извлекаемы из творений Моисея, Давида и Соломона, в случае какого недостатка — из сочинений Аристотеля и Платона; преподаватель всеобщей истории должен был меньше говорить о первоначальном обществе и должен был показать, как от одной пары все человеческое развилось; преподаватель русской истории обязан был показать, что при Владимире Мономахе русское государство упреждало все прочие государства на пути просвещения; он должен был доказать это законодательством Мономаха о народном просвещении, хотя инструкция не указывала, из каких источников преподаватель должен был извлечь известие об этом законодательстве. В таком духе направлено было преподавание всех предметов. Определен был точный порядок жизни студентов, значительная часть которых, по тогдашнему устройству высших учебных заведений, жила в самом университете. Так как главная обязанность гражданина состоит в повиновении властям, то начальство должно было, по инструкции, являть пример настрояйшего подчинения; директор, наблюдавший за студентами, подбирает штат богобоязненных помощников, наводит у полиции справки о домашней жизни студентов, жи-

гих не в университете. Казеннокоштные студенты устроены были в инокскую общину, в которой должны были господствовать столь строгие нравы, сравнительно с которыми строго устроенные женские институты казались распущенными. Студенты распределялись по разрядам не по курсам, а по степеням нравственного содержания; каждый разряд жил в особом этаже университетского здания, обедал отдельно, чтобы порочные не могли заражать, и, вероятно, обратно; если студент провинился, он должен был вынести известный курс нравственного исправления: он называется не виноватым, а грешным; его сажали в особую комнату, называемую комнатой уединения, в позднейшем переводе эта комната называется карцером; окна и двери комнаты были заставлены железными решетками, над входом виднелась надпись из священного писания; в самой комнате на одной стене висело распятие, на другой — картина страшного суда, на которой наказываемый должен был отметить будущее место свое среди грешников. Студента вводили в комнату в лаптях, в крестьянском армяке. Он должен был находиться в комнате, пока не исправится; в продолжение его заключения товарищи каждое утро перед лекциями должны были молиться за него; заключенного посещал ежедневно священник, который по окончании курса испытания исповедывал и причащал его. Течение университетской жизни получило духовную, монашескую окраску; этой окраской отличались и некоторые лекции; на торжественных актах пелись духовные гимны, читались речи о нравственном совершенстве, о согласовании образования с истинами веры; эти почтенные слова повторялись на каждом шагу. Некоторые преподаватели, входя в дух инструкции, согласно с нею перестраивали свои курсы, даже те курсы, которые по содержанию своему имели мало отношения к вопросам веры и нравственности. Один преподаватель даже задумал построить чистую математику на принципах нравственности и в этом направлении однажды читал речь, доказывая, что математика вовсе не содействует развитию волюнтаризма, подтверждая высочайшие истины веры; например, как без единицы не может быть числа,

так и мир не может без единого творца; гипотенуза в прямоугольном треугольнике есть не что иное, как символ соединения земного с божественным, горнего с дольным.

Доносы сами собой входили в воспитательную программу как дополнительное средство надзора; профанация святыни сопровождалась развитием лицемерия и легкомысленнейшего отношения к предметам, которыми вообще все дорожат. Подобное направление проводилось и в других университетах. В Петербургском университете на первых же шагах его деятельности по преобразовании в университет это направление вызвало даже соблазнительнейший процесс четырех профессоров, который наделал много шума в свое время. Процесс состоял в том, что четыре профессора: философии — Галич, всеобщей истории — Раупах и статистики — Герман и Арсеньев, заподозрены были в неблагонамеренном направлении и подверглись суду, столь несправедливому и беспорядочному, что высшее правительство отменило его решение, а в следующем царствование прекращен был самый процесс; впрочем, все четыре профессора были уволены, а это были благонамереннейшие и консервативнейшие преподаватели, отличавшиеся от других только тем, что больше других знали; благонамеренность их ценилась даже преемником Александра Николаем, который одного из этих преподавателей, Арсеньева, назначил преподавателем своего старшего сына.

Аракчеев

Так хотели поставить русское печатное слово и русскую мысль. То же направление проводилось и в других сферах государственной жизни; знаменем этого направления был известный Аракчеев. С 1814 г. он становится близко к государю, облачается его полным доверием и делается чем-то вроде первого министра. С 1823 г. он является единственным докладчиком при государе по всем делам, даже по ведомству святейшего Синода; начальники отдельных частей управления являлись с докладами к Аракчееву, который уже сообщения их представлял государю. Чтобы не входить и подробности, достаточно обозначить деятельность Аракчеева словами одного современника, который сказал,

что Аракчеев «хотел из России построить казарму, да еще поставить фельдфебеля к дверям».

Следствием всего этого было тягостное настроение, которое все более овладевало обществом, постепенно превращаясь в глубокое недовольство. Прежде всего, у образованного общества разбиты были все политические надежды, возбужденные первыми годами царствования. Надежды общества никогда не разбивались так жестоко, как в это время; управление, преобразование которого стоило стольких усилий, никогда не действовало так худо, как в это время; никогда общество не обнаруживало такого ужасного развития ябедничества, неправды, лихоимства и казнокрадства; сам император выразил удивление перед такой быстрой порчей новых учреждений. К этому присоединилось расстройство государственного и народного хозяйства, курс ассигнаций падал стремительно, рубль терял до 75% своей стоимости, отсюда тягость дороговизны. К материальным испытаниям присоединились нравственные. В обществе ходили толки о равнодушии, даже пренебрежении, с каким относился император ко всему русскому, довольно громко заявляя, что «русский либо плут, либо дурак». Чувство национального самолюбия оскорблялось тем предпочтением, какое оказывал монарх завоеванной стране, т. е. Польше, которую думал восстановить в прежних пределах, с западнорусскими областями, и еще более теми жертвами, которые приносились политике Священного союза. Настроения эти живо передают нам люди того времени без различия образа мыслей. Может быть, такие настроения не были новостью в истории нашего общества, но никогда они не сопровождались такими последствиями: они повели к печальной катастрофе 14 декабря 1825 г.

Об этом событии у нас господствуют доселе не совсем ясные и вместе несогласные суждения; одни видят в этом событии политическую эпопею, другие считают его великим несчастьем. Надобно рассмотреть ход, подготовивший общество к этому событию. Это возвратит нас к истории общества, т. е. чувств и мыслей, господствовавших в известное время. Движение 14 декабря вышло из одного сословия, из того же, которое

Настроение общества

Декабристы

делало нашу историю прошедшего столетия, — из высшего образованного дворянства. Но не весь этот класс принимал в нем прямое участие; событие сделано было частью этого класса, в котором господствовал известный образ мыслей, известное настроение. Но эта часть была собственно известный возраст, известное поколение. Катастрофа 14 декабря сделана была дворянской образованной молодежью. Это легко заметить, просматривая графу о возрасте в списке лиц, которые судились по делу 14 декабря. Всех этих лиц к ответственности было привлечено 121, из них только 12 имели более 34 лет, значительное большинство остальных не имело и 30 лет.

Мы знаем, какое настроение утвердилось в высшем образованном дворянстве благодаря умственным влияниям, какие проникали в наше общество с половины XVIII в. Сравнив последние поколения екатерининского времени с тем поколением, представители которого подверглись каре за дело 14 декабря, мы встречаем между ними сходство и различие. Родство между ними было и нравственное и генеалогическое; образ мыслей, который усвоили себе отцы, разделяли и дети; люди 14 декабря были даже в буквальном смысле дети людей, принадлежавших к вольнодумцам при Екатерине. Но между ними есть одно существенное различие. Вольнодумство воспитало в вольтерьянцах XVIII в. холодный рационализм, сухую мысль, отчужденную от окружающей жизни. Холодные идеи в голове оставались бесплодными, не обнаруживались в стремлениях, даже в нравах вольнодумцев. Совсем иной чертой отличалось поколение, из которого вышли люди 14 декабря: в них удивительное обилие чувств, перевес его над мыслью и вместе с тем обилие доброжелательных стремлений, даже с пожертвованием личных интересов; отцы были просто вольнодумцами, это были свободомыслящие дельцы. Откуда произошли эта разница? Вопрос этот имеет некоторый интерес и истории нашей общественной физиологии.

По высшему обществу в начале царствования Александра пробежала одна тень, которую часто забывают в истории общества того времени. Мы знаем, что в во-

питании, которое получало высшее русское дворянство прошедшего столетия, сменились два дельца; то были губернеры двух разных привозов: первый, ни о чем не думавший губернёр-парикмахер, второй — губернёр-вольнодумец. В конце XVIII столетия начинается прилив в Россию французских эмигрантов, которые должны были расстаться со своим революционным отечеством: то были все либо аббаты, либо представители французского дворянства. В Россию они спасались от бедствий революции и приносили с ожесточением против новых политических идей чрезвычайное количество католических чувств, которые всплыли в них после философского рационализма, как известно, составлявшего долго салонную забаву французского дворянства. Эти эмигранты, приветливо принятые Россией, с ужасом увидели успех религиозного и политического рационализма в русском образованном обществе. Тогда начинается смена воспитателей русской дворянской молодежи: на место губернатора-вольнодумца становится аббат-консерватор и католик; это был губернёр третьего привоза. При Павле, как известно, Мальтийский орден, территория которого была завоевана Францией, выхлопотал себе покровительство русского императора. Ряд мальтийцев явился в Петербург с теми же католическими и вместе аристократическими чувствами; это еще более усилило влияние пришельцев. В XVIII в. под влиянием либеральных идей папа Климент закрыл иезуитский орден, но иезуиты остались и под разными предложениями и званиями стали прокрадываться через Польшу в Россию. Много таких иезуитов явилось в Петербурге под именем мальтийцев. Католическое и именно иезуитское влияние и становится теперь на смену вольтерьянства. В числе родовитых эмигрантов, приехавших в Россию еще при Екатерине, был и граф Шуазель-Гуфье; он приехал со всем своим семейством, воспитателем при его сыне состоял некто аббат Николь. Шуазель выхвалял этого домашнего учителя великосветским барыням как превосходного педагога; барыни стали просить у графа позволения их сыновьям слушать Николая вместе с сыном графа. Постепенно учебная комната Шуазеля-младшего превратилась в

великосветскую аудиторию, которая даже не могла поместить всех своих слушателей. Николь заставили основать учебное заведение для высшего дворянства; иезуиты пристроились к этому делу, разумеется, под чужой вывеской; Николь стал их орудием. Он приобрел дом рядом с великолепным дворцом Юсупова, близ Фонтанки, и в этот пансион полила русская дворянская молодежь. Чтобы не пускать сюда разночинцев и мелкое дворянство, назначена была безбожная плата за воспитание — от 1,5 до 2 тысяч рублей в год, что равнялось нынешним 4—5 тысячам. Список пансионеров блистал аристократическими именами: здесь видим Орловых, Меншиковых, Волконских, Бенкендорфов, Голицыных, Нарышкиных, Гагариных и т. д. Но и родители не оставались без влияния новых педагогов. Католическая пропаганда растет с поразительным успехом. Началось дело с одной печальной вдовы, княгини Голицыной, жены одного либерального и безбожного вельможи екатерининского времени, который запретил даже произносить в своем доме имя бога. Овдовев в 70 лет, княгиня искала религиозного утешения; религиозным утешителем к ней явился некий кавалер Догард, один из эмигрантов; это был очень ловкий иезуит. Утешение кончилось переходом княгини в католицизм, а вслед за ней потянулись сюда и ее сестры, и Протасова, и княгиня Вяземская и др.; целая толпа великосветских русских барынь стала прозелитками католицизма. При Павле на это смотрели сквозь пальцы, потому что иезуиты успели утвердить при дворе мысль, что существенной разницы между католицизмом и православием не существует, и что католицизм есть исповедание, наиболее умеющее воспитывать народы в консервативно-монархических принципах. Случилось так, что в одной болезни императору помог некто Грубер; Груберу была предложена награда, от которой он отказался, объявив, что он пользуется своей медициной не для корысти, а для славы имени бога. Этот Грубер и был направителем целого ряда иезуитов, ставши воспитателем великосветской молодежи и руководителем пансиона Николь.

Значительная часть людей, которых мы видели

в списке осужденных лиц по делу 14 декабря, вышла из этого пансиона или воспитана была такими гувернерами. Это очень любопытная черта, которой мы не ожидали в людях 14 декабря. Кажется, католическое иезуитское влияние, встретившись в этих молодых людях с вольтерьянскими преданиями отцов, смягчило в них и католическую нетерпимость, и холодный философский рационализм; благодаря этому слиянию сделалось возможным слияние обоих влияний, а из этого слияния вышло теплое патриотическое чувство, т. е. нечто такое, чего не ожидали воспитатели. Только при этом предположении становится возможно проследить нравственный рост того поколения, представители которого вышли 14 декабря на площадь.

ЛЕКЦИЯ ХСШ

Настроение молодежи в 1825 г. — Возникновение тайных обществ. — Союз спасения. — Союз благоденствия. — Северный и Южный союзы. — Манифест о престолонаследовании. — Смерть Александра. — Выступление 14 декабря. — Значение этого события. — Неудачи преобразований Александра.

Настроение молодежи в 1825 г.

Я напомню здесь связь, в какой мы рассматривали явления второй половины изучаемого царствования. По окончании войн общество было возбуждено более, чем в начале царствования, и ждало от правительства продолжения начатой им внутренней деятельности, а правительство было утомлено и не хотело этого продолжения. Так общество и правительство разошлись между собой больше, чем расходились когда-либо; вследствие этого поднятое движение ушло внутрь общества и здесь получило революционное направление. Чтобы объяснить такую перемену в общественном движении, мы начали изучать настроение общества, его характер в начале XIX столетия и отметили одну новую черту: влияние философской французской литературы XVIII в. теперь стало сменяться в образованном русском обществе католической и иезуитской пропагандой. Эта пропаганда, сказал я, соединенная с попытками иезуитов овладеть воспитанием русского великосветского общества, привела к результату, который не мог входить в цели пропагандистов, — к пробуждению патриотического чувства. Может показаться странным такой ре-

зультат, столь не соответствующий источнику, из которого он выходит, но католическо-иезуитская пропаганда могла готовить его прямо и косвенно. Прежде всего, она должна была изменить, если можно так выразиться, температуру общественного настроения; она в образованных кругах прекратила и ослабила прежнюю великосветскую игру в либеральные идеи, заменив ее фальшиво или искренне настроенным религиозным чувством. Молодое поколение, подраставшее в то время, следовательно, должно было выносить из детства иные впечатления сравнительно со своими отцами; на место бесцельно и бестолково вольнодумствующих отцов и матерей явились отцы и матери, искавшие какого-то неопределенного, не то православного, не то католического бога. Далее, подрастая, это поколение вследствие успехов иезуитской пропаганды должно было спросить себя: долго ли русский ум будет жертвой чуждых влияний? Значит, самый успех иезуитской пропаганды должен был пробуждать смутную потребность поспоровать, наконец, жить своим умом. Многие молодые люди большого света получили воспитание под руководством иезуитов, сменивших прежних гувернеров-вольнодумцев. Я думаю, и эта перемена учителей могла быть полезной так же, как перемена идеалов; иезуит, как известно, хороший учитель во всем, что не касается религиозной пропаганды; он умеет отлично вызывать и эксплуатировать умственную силу ученика, тогда как прежний француз-гувернер только напивал своего питомца высокими и ненужными идеями, не возбуждая работы мысли. Я думаю, что люди, выходившие из пансиона Николая, могли быть исковерканные характеры, но более привычные к мысли сравнительно со своими отцами, питомцами Бодри или Лагарпов.

Таким образом, поколение, которое вступило в деятельность к концу царствования Александра, я думаю, и воспитывалось при ином настроении общества, и воспитывалось лучше своих отцов; правда, и ему воспитание давало очень мало знакомства с действительностью. Просматривая в списке привлеченных к ответственности по делу 14 декабря графу о воспитании каждого, мы видим, что большинство этих декаб-

ристов училось в кадетских корпусах сухопутных, морских, пажеских, а кадетские корпуса были тогда рассадниками общего либерального образования и всего менее были похожи на технические и военно-учебные заведения; некоторые воспитывались за границей — в Лейпциге, в Париже, другие — в многочисленных русских пансионах, содержимых иностранцами, и в том числе в пансионе Николая, из последнего вышли, например, декабристы князь Голицын и Давыдовы. Очень многие из 121 обвиненного учились дома, но тоже под руководством иностранцев.

Может быть, не будет лишен интереса перечень некоторых из выдающихся членов тайного общества с пометкой их лет и замечанием о их воспитании: один из самых видных членов Северного общества, князь Сергей Трубецкой, полковник гвардейского Преображенского полка в 1825 г., после ареста 34-х лет, учился дома, учителями были иностранцы. Князь Евгений Оболенский, поручик гвардейского Финляндского полка, 28 лет, учился дома под руководством гувернеров-французов, которых у него сменилось от 16 до 18 человек. Братья Муравьевы-Апостолы, дети нашего испанского посланника, оба учились в Париже в пансионе Гикса. Панов, поручик гренадерского гвардейского полка, 22 лет, учился дома, учителями были иностранцы; окончил образование в петербургском пансионе Жакино, и т. д., всё в этом роде.

Но это воспитание, так мало приближавшее воспитанников к окружающей действительности, встретилось с сильно пробужденным национальным движением, какое продолжалось и после 1815 г. Страна недаром испытала нашествие французов; многие иллюзии, внушенные французским гувернером или французской литературой, должны были рассеяться. Эти усилия сбросить с себя иго французской мысли и книжки выразились, например, в стихотворении тогда еще очень молодого Аксакова, автора «Семейной хроники», стихотворение это писано в 1814 г. Поэт разочарован в своих ожиданиях, что французское нашествие совсем освободит нас от французского рабства, что «испытанные бедствия навеки вселят к фран-

цузам отвращение», что «мы подражания смелого устыдимся и к обычаю, языку родному обратимся». Автор сетует, что «рукою победа, мы рабствует умами, клянем французов мы французскими словами». Порыв к изучению родной действительности сказался как наверху, так и внизу общества. Притом надобно припомнить историческое впечатление, под действие которого попало молодое поколение, вступая в действительную жизнь. Многие из этих людей помнили еще ту восторженную тревогу, которая овладела образованною молодежью при первых шагах нового царствования; потом этим людям пришлось пережить много испытаний. Почти все это были военные, преимущественно гвардейцы; они сделали поход 1812—1815 гг., многие из них вернулись ранеными; они прошли Европу от Москвы и почти до западной ее окраины, участвовали в шумных событиях, которые решали судьбу западно-европейских народов, чувствовали себя освободителями европейских национальностей от чужеземного ига. Все это приподнимало их, возбуждало мысль; притом заграничный поход дал им обильный материал для наблюдений. С возбужденной мыслью, с сознанием только что испытанных сил, они увидели за границей иные порядки; никогда такая масса молодого поколения не имела возможности непосредственно наблюдать иноземные политические порядки. Но все, что они видели и наблюдали, имело для них значение не само по себе, как для их отцов, а только по отношению к России; все, что они видели и что вычитали из иноземных книг, они прилагали к своему отечеству, сравнивали его порядки и предания с заграничными. Таким образом, даже непосредственное знакомство с чуждым миром только поддерживало интерес к родному. Изменившаяся ли семейная среда, из которой они выходили, или свойство пережитых впечатлений сообщили им особый характер, и бы сказал, особый отпечаток. Большею частью то были все очень добрые и образованные молодые люди, которые желали быть полезными отечеству, проникнуты были самыми чистыми побуждениями и глубоко возмущались при встрече с каждой даже самой привычною несправедливостью, на которую равнодушно смотрели их

отцы. Очень многие из них оставили после себя автобиографические записки; некоторые вышли даже недурными писателями. На всех их произведениях лежит особый отпечаток, особый колорит, так что вы, вчитавшись в них, даже без особых автобиографических справок можете угадать, что новое произведение писано декабристом. Я не знаю, как назвать этот колорит. Это соединение мягкой и ровной, совсем не режущей мысли с задушевым и опрятным чувством, которое чуть окрашено грустью; у них всего меньше соли и желчи ожесточения. Так пишут хорошо воспитанные молодые люди, в которых жизнь еще не опустошила юношеских надежд, в которых первый пыл сердца зажег не думы о личном счастье, а стремления к общему добру. Впрочем, мне едва ли нужно много говорить об этом типе; мы его очень хорошо знаем по самому серьезному политическому произведению русской литературы XIX в. Этот тип, как живой, стоит перед нами в неутомимой и говорливой, вечно негодующей и непобедимо бодрой, но при этом неустанно мыслящей фигуре Чацкого; декабрист послужил оригиналом, с которого списан Чацкий.

При таком личном настроении интерес к окружающей действительности должен был получить особенное напряжение и вести к особым впечатлениям, каких не переживали отцы. Эти люди все же мало знали окружающее, как и их отцы, но у них уже сложилось иное отношение к действительности: отцы не знали этой действительности и игнорировали ее, т. е. и знать не хотели; дети продолжали не знать ее, но перестали игнорировать. Военные события, тяжести похода, заграничные наблюдения, интерес к родной действительности — все это должно было чрезвычайно возбуждать мысль; эстетические размышления отцов должны были превратиться в более определенное и практическое стремление быть полезными. Легко понять, в каком виде должна была представиться окружающая действительность, как только эти люди стали вникать в нее; она должна была представить им самую мрачную картину рабства, неуважения к правам личности, презрения общественных интересов; все это должно было

удручать молодых наблюдателей, производить в них уныние. Но они были слишком возбуждены, чтобы уныние могло заставить их складывать руки. Один из немногих невоенных участников движения 14 декабря Кюхельбекер на допросе верховной следственной комиссии потом откровенно признавался, что главной причиной, заставившей его принять участие в тайном обществе, была скорбь его об обнаружившейся в народе порче нравов как следствии угнетения. «Взирая, — говорит он, — на блистательные качества, которыми бог одарил народ русский, единственный в свете по славе и могуществу, по сильному и мощному языку, которому нет подобного в Европе, по радушию, мягкосердечию, я скорбел душой, что все это задавлено, вянет и, быть может, скоро падет, не принесши никакого плода в нравственном мире». Вот важная перемена, совершившаяся в том поколении, которое сменило екатерининских вольнодумцев: веселая космополитическая сантиментальность отцов превратилась теперь в детях в патристическую скорбь; отцы были русские, которым страстно хотелось стать французами, сыновья были по воспитанию французы, которым страстно хотелось стать русскими. Вот и вся разница; этим настроением поколения, которое сделало 14 декабря, и объясняется весь ход дела.

Историю тайного общества и возбужденного им мятежа можно передать в немногих словах. Массонские ложи, терпимые правительством, давно приучили русское дворянство к такой форме общежития. При Александре тайные общества составлялись так же легко, как теперь акционерные концессии, и в них даже было не больше революционного, чем в последних. Члены тайного общества собирались на секретные заседания, но сами они были всем известны и прежде всего полиции. Само правительство предполагало возможным не только для гражданина, но и для чиновника принадлежать к тайному обществу и не видело в этом ничего преступного. Только указом 1822 г. от чиновников именовано было отобрать показание, не принадлежат ли они к тайному обществу, и взять подписку, что впредь они ни к какому обществу принадлежать не будут.

Возникновение тайных обществ

Молодые люди, офицеры во время похода, на бивуаках привыкли заводить речь о положении отечества, за которое они льют свою кровь; это было обычным содержанием офицерских бесед вокруг походного костра. Воротившись домой, они продолжали составлять кружки, похожие на маленькие клубы. Основанием этих кружков обыкновенно был общий стол; собираясь за общим столом, они обыкновенно читали по окончании обеда; иностранный журнал, иностранная газета были потребностями для образованного гвардейского офицера, привыкшего горко следить за тем, что делалось за границей. Чтение прерывалось обыкновенно рассуждениями о том, что делать, как служить. Никогда в истории нашей армии не встречались и неизвестно, встретятся ли когда-нибудь такие явления, какие тогда были обычны в армии и гвардейских казармах. Собравшись вместе, обыкновенно заговаривали о язвах России, о закостенелости народа, о тягостном положении русского солдата, о равнодушии общества и т. д. Разговорившись, офицеры полка вдруг решат не употреблять с солдатами телесного наказания, даже бранного слова, и без указа, помимо начальства, в полку вдруг исчезнут телесные наказания: так было в гвардейских полках Преображенском и Семеновском. По окончании похода солдаты здесь не подвергались побоям; офицер остался бы на службе не более часа, если бы позволил себе кулак или даже грубое слово по отношению к солдату. Образованный, т. е. гвардейский, офицер исчез из общества в Петербурге, в театрах нельзя было встретить семеновца; он сидел в казарме, учил солдат грамоте; семеновские офицеры уговорились не курить, потому что шеф их государь не курил; никогда не существовало среди офицерских корпораций таких строгих привов. Привыкнув собираться и разговаривать, эти кружки незаметно превратились в тайные общества.

Союз спасения

В 1816 г. такое общество образовалось в Петербурге из нескольких офицеров, преимущественно из офицеров гвардейских и Генерального штаба, под руководством Никиты Муравьева, сына известного нам учителя Алксандра, и князя Трубецкого. Общество это названо было Союзом спасения или «истинных и верных сынов

отечества»; оно поставило себе довольно неопределенную цель «содействовать в благих начинаниях правительства и искоренении всякого зла в управлении и в обществе». В 1818 г., расширяясь, это общество выработало себе устав, образцом которого послужил статут известного патриотического немецкого общества Тугендбунд, которое подготовило национальное восстание против французов. Общество тогда приняло иное имя Союза благоденствия; задача его определена несколько точнее. Поставив себе ту же цель содействовать благим начинаниям правительства, оно вместе с тем решило добиваться конституционного порядка, как удобнейшей для этой цели формы правления. Оно, однако же, не считало себя революционным. В обществе долго обдумывалась мысль обратиться с просьбой о разрешении общества к самому государю в уверенности, что он будет сочувствовать их целям. Расширяясь в составе, общество разнообразилось в мнениях, появились в нем бешеные головы, которые предлагали безумные насильственные проекты, но над этими проектами или улыбались или отступали с ужасом. Это разнообразие мнений повело в 1821 г. даже к распадению Союза благоденствия; но тогда из развалин его возникли два новых союза: Северный и Южный. Руководителями Северного союза в первое время были уже известный нам Никита Муравьев, офицер Генерального штаба и статский советник Николай Тургенев. Тургенев был в то время известен как автор превосходной книжки по теории налогов, он много занимался политико-экономическими вопросами, его душевной мечтой было работать над освобождением крестьян. В 1823 г. в Северное общество вступил Кондратий Рылеев, отставной артиллерист, служивший по выборам петербургского дворянства и вместе управлявший делами Североамериканской торговой компании; он стал вождем Северного общества, здесь господствовали конституционно-монархические стремления. Гораздо решительнее было Южное общество; оно составилось из офицеров второй армии, расположенной в Киевской, Подольской губерниях; главная квартира этой армии находилась в Тульчине Подольской губернии. Вождем этого Южного общества стал командир пехотного Вят-

Союз благоденствия

Северный и Южный союзы

ского полка Пестель, сын прославившегося взяточничеством сибирского генерал-губернатора, человек образованный, умный и с очень решительным характером; благодаря этому вождю в Южном обществе получили преобладание республиканские стремления. Впрочем, Пестель не создавал определенной формы правления в уверенности, что ее выработает общее земское собрание.

Манифест
о престолонаследии

Довольно трудно сказать, вышли ли бы оба эти общества на улицу под революционным знаменем, если бы не одна несчастная случайность. Император Александр был бездетен; престол после него, по закону 5 апреля 1797 г., должен был перейти к следующему брату Константину, а Константин был также несчастен в семейной жизни: развелся с первой женой и женился на польке. Так как дети от этого брака не могли иметь права на престол, то Константин стал равнодушен к своему праву и в 1822 г. в письме к старшему брату отказался от него. Старший брат принял отказ и манифестом 1823 г. назначил наследником престола следующего за Константином брата Николая. Все это было довольно просто, потому что было необходимо. Но странно, что этот манифест не был обнародован и даже доведен до сведения самого нового наследника. В трех экземплярах этот манифест за печатью был положен в Москве в Успенском соборе, в Петербурге в Сенате и в Государственном совете с собственноручной надписью государя: «вскрыть после моей смерти». Таким образом, Николай, говорят, не имел точных сведений об ожидавшей его судьбе. Кроме государя и Константина, знали об этом только императрица-вдова, императрица-мать, князь Александр Николаевич Голицын да еще Филарет, митрополит московский, который редактировал текст манифеста. Ничем вразумительным нельзя объяснить таинственность, в какую облечено было распоряжение о престолонаследии. Надо прибавить к этому, что действовавшее тогда общество никогда не было тайной для Александра. Рассказы о доносчиках, которые будто бы выдали секрет, ничего не значат; Александр знал главных членов обоих союзов, их цели, читал даже некоторые их проекты. Когда Николай Тургенев был

вождем Северного общества, раз ему передано было от имени императора увещание бросить заблуждения; увещание это было передано не как приказание, а как «совет одного христианина другому». Повинуясь этому совету и равнодушный к формам правления, к политической программе тайного общества, занятый только мыслью об освобождении крестьян, Тургенев покинул Россию и вышел из общества. Тогда Рылеев стал вождем Северного союза.

В 1825 г. Александр поехал на юг России про-
вожатым императрицу и 19 ноября умер в Таганроге от тифозной горячки. Благодаря таинственности, которой облечен был вопрос о престолонаследии, смерть эта сопровождалась важным замешательством: великий князь Николай принес присягу Константину, а в Варшаве старший брат Константин принес присягу младшему брату Николаю. Начались сношения, при тогдашних дорогах занявшие много времени. Этим временем междуарствия и воспользовалось Северное тайное общество. Сами участники говорили, что никогда не было бы 14 декабря, если бы генерал-губернатор Петербурга принял предупредительные меры, или манифест о престолонаследии был заявлен заранее. Генерал-губернатор Милорадович старался уверить себя, что частные собрания Северного союза имели только литературную цель; он хорошо знал цель этого общества.

Наконец, 14 декабря назначена была присяга войскам общества. Николай согласился принять престол. Члены Северного союза распространяли в некоторых казармах, где популярно было имя Константина, слух, что Константин вовсе не хочет отказаться от престола, что готовится насильственный захват власти и даже что великий князь арестован. Этими слухами увлечены были некоторые гвардейские солдаты, именно значительная часть Московского гвардейского полка 14 декабря отказалась дать присягу. С распущенными знаменами, в одних сюртуках солдаты бросились на Сенатскую площадь и построились здесь в каре; к ним присоединилась часть гвардейского гренадерского полка и весь гвардейский морской экипаж; всего собралось

Смерть
Александра

Выступление
14 декабря

на Сенатской площади тысячи две. Члены тайного общества накануне решили действовать по настоянию Рылеева, который, впрочем, был уверен в неуспехе дела, но он твердил: «все-таки надо начать, что-нибудь выйдет!» Диктатором назначен был князь Сергей Трубецкой, но Трубецкой не явился на площадь, и напрасно его искали; всем распорядился бывший в отставке и носивший простой сюртук Пуцин, частью Рылеев. Впрочем, каре мятежников стояло в бездействии в продолжение значительной части декабрьского дня. Николай, собиравший около себя полки, оставшиеся ему верными и расположенные у Зимнего дворца, также оставался в бездействии. Одна рота, приставшая к восставшим, стремясь на Сенатскую площадь, забежала во внутренний двор Зимнего дворца, но встречена была солдатами, которые остались верными Николаю; тогда они кинулись на площадь. Николай спросил, куда они? «Туда», — сказали солдаты, и Николай указал им дорогу, как пробраться к мятежникам. У одного мятежника-офицера была мысль о том, что он может решить дело насильственно; положив в оба кармана по заряженному пистолету, он поместился на Адмиралтейском бульваре. Мимо него несколько раз прошел Николай, несколько раз обращался за справкой, офицер хорошо знал, что в обоих карманах лежит по пистолету, но у него нехватило духу на насиллие. Так обе стороны спорили в великодушии. Наконец, Николая уговорили в необходимости покончить дело до наступления ночи, в противном случае другая декабрьская ночь даст мятежникам возможность действовать. Приехавший только что из Варшавы генерал Толль подступил к Николаю со словами: «Государь, прикажите очистить площадь картечью или откажитесь от престола». Дали холостой залп; он не подействовал, выстрелили картечью, каре рассеялось; второй залп увеличил количество трупов. Этим окончилось движение 14 декабря. Вожди были арестованы. На юге Муравьев-Апостол увлек за собой небольшую кучку солдат, но был взят с оружием в руках. Верховная следственная комиссия расследовала дело, а чрезвычайный суд произнес приговор, который был смягчен новым государем. По этому приговору пять участников дела были на-

казаны смертью через повешение, а остальные сосланы в Сибирь. Всех привлеченных к следствию было 121 человек. Повешены были вожди обоих союзов: Пестель и Рылеев, Каховский, у которого хватило духу застрелить Милорадовича, когда тот после неудачной попытки уговорить мятежников возвращался к Николаю, Бестужев-Рюмин, один из деятельнейших распорядителей на площади 14 декабря, и Сергей Муравьев-Апостол, взятый на юге, в Киевской губернии, с оружием в руках. Так кончилось это движение, которое, как мы видели, стало возможно только благодаря стечению неожиданных обстоятельств.

Я мимоходом изложил события 14 декабря, имея в виду книгу, к которой можно обратиться для более близкого знакомства с событием. Это «Восшествие императора Николая на престол», сочинение барона Корфа, изданное по высочайшему повелению; она очень верно воспроизводит события, только не все: подробнее изложена заметка о престолонаследии, мимоходом описывается история тайного общества, как и условия, его подготовившие. Книга эта составлена была по желанию Александра II, когда он был еще наследником, и долго хранилась в рукописи, потом была несколько раз напечатана в ограниченном числе экземпляров и не выходила из стен дворца; она была обнародована только по вступлении на престол Александра II.

Событию 14 декабря придавалось значение, какого оно не имело; приписывались ему последствия, которые из него не вытекали. Чтобы вернее оценить его, не следует, прежде всего, забывать его наружности. По наружности это один из тех гвардейских дворцовых переворотов, какие происходили со смерти Петра в продолжение XVIII столетия. В самом деле, движение вышло из гвардейских казарм, руководили им почти одни гвардейские офицеры, представители коренного, столбового русского дворянства. Движение было поднято по вопросу о престолонаследии, как поднимались все движения XVIII в.; на знамени движения было написано личное имя. В движении 14 декабря столько сходства с гвардейскими переворотами XVIII в., что современники, наблюдавшие это событие, не могли не

Значение
события
14 декабря

вспомнить о гвардейских переворотах. В любопытнейших записках приехавшего около того времени в Петербург родственника императрицы-матери принца Евгения Виртембергского находим такой характерный рассказ. Когда получена была в Петербурге весть о кончине государя, незадолго до 14 декабря, принц Евгений встретил во дворце петербургского генерал-губернатора графа Милорадовича, который, разговорившись о положении дел, выразил принцу сомнение в успехе дела, т. е. в успехе присяги великому князю Николаю, так как гвардия, по словам Милорадовича, очень привязана к Константину. «О каком успехе говорите вы, граф? — сказал Евгений, — я жду естественного перехода престола к великому князю Николаю, в случае если Константин будет настаивать на отречении; причем тут гвардия?» — «Я с вами согласен, — отвечал Милорадович, — гвардии, понятно, не следовало бы мешаться в это, но она уже испокон веков привыкла к этому и сроднилась с таким понятием». Итак, люди 14 декабря сделали дело, как не раз делали его в продолжение XVIII столетия. Теперь в последний раз русская дворянская гвардия хотела распорядиться престолом, а потом гвардия и перестала быть дворянской.

Но было большое отличие в движение 14 декабря от дворянских переворотов XVIII в. Разница эта заключалась не только в характере вождей движения, но и в его цели. Знамя, на котором написано было личное имя Константина, выкинуто было только для солдат, которых уверили, что они восстанут за угнетенных — великого князя Константина и за супругу его «Конституцию», так как великий князь был женат по польке, а польки носят иногда очень странные имена. Вожди движения были одинаково равнодушны к обоим именам; они действовали не во имя лица, а во имя порядка. Ни одно гвардейское движение XVIII в. не имело целью нового государственного порядка; впрочем, это было только стремление к новому порядку, самый порядок не был выработан вождями движения. Выходя на улицу, они не несли за собой определенного плана государственного устройства; они просто хотели

воспользоваться замешательством при дворе для того, чтобы вызвать общество к деятельности. Их план таков: в случае удачи обратиться к Государственному совету и Сенату с предложением образовать временное правительство из пяти членов; были даже намечены эти члены: между ними рядом с Пестелем, самой деловой головой в тайном обществе, должен был быть и знакомый нам Михаил Михайлович Сперанский. Временное правительство должно было руководить делами до собрания земской думы, той самой земской думы, план которой проектировал Александр со Сперанским в преобразовательном проекте. Земская дума как учредительное собрание и должна была выработать новое государственное устройство. Таким образом, вожди движения поставили себе целью новый порядок, выработку этого порядка предоставив представителям земли: значит, движение было вызвано не определенным планом государственного устройства, а более накипевшими чувствами, которые побуждали как бы то ни было направить дела по иной колее.

Тем не менее, нет надобности приписывать этому движению особенно важные последствия. Один высокопоставленный сановник, встретив одного из арестованных декабристов, доброго своего знакомого князя Евгения Оболенского, с ужасом воскликнул: «Что вы наделали, князь: вы отодвинули Россию, по крайней мере, на 50 лет назад». Это мнение утвердилось впоследствии; событие 14 декабря считали великим несчастьем, которое определило характер следующего царствования, как известно, очень нелиберального. Это совершенно ложное представление.

Характер следующего царствования определился не 14 декабря; это царствование имело бы тот же характер и без 14 декабря: оно было прямым продолжением последнего десятилетия царствования Александра. Еще ранее 14 декабря предшественник Николая уже решительно вступил на ту дорогу, по которой шел его преемник. Притом невероятна мысль, чтобы мятеж 14 декабря мог отодвинуть Россию на 50 лет назад уже потому, что в последние 50 лет она немного сделала шагов вперед: отодвинуться было некуда.

Неудача
преобразова-
ний Але-
ксандра

Такое значение 14 декабря придавали также, помня фразу, которая не раз срывалась с языка Николая в продолжение его царствования; при встрече с каким-нибудь досадным проявлением вольного духа в обществе он иногда говаривал: «это все мои приятели 14 декабря». Но напрасно было бы придавать этим словам буквальное значение: 14 декабря не было причиной направления следующего царствования, оно было само одним из последствий той причины, которая сообщила такое направление следующему царствованию.

Причина эта заключалась в исходе, какой имели все преобразовательные начинания Александра. Нам известны эти начинания, все они были безуспешны; лучшие из них те, которые остались бесплодными, другие имели худший результат, т. е. ухудшили положение дел. В самом деле, мечты о конституционном порядке осуществлены были на западном крае России, в царстве Польском. Действие этой конституции причинило неисчислимый вред истории; вред этот уже имел случай почувствовать сам виновник польской конституции. За пожалованную конституцию поляки вскоре отплатили упорной оппозицией на сейме, которая заставила отменить публичность заседаний и установить в Польше, помимо конституции, управление в чисто русском духе.

Одним из лучших законов первых лет был указ 1803 г. о вольных хлебопашцах; на этот закон возлагали большие надежды, думали, что он подготовит постепенно и мирно освобождение крестьян. Лет в 20 со времени издания закона вышло на волю по добровольному соглашению с помещиками 30 тысяч душ крепостных крестьян; это составляло около 0,8% всего крепостного населения империи, которое по шестой ревизии в 1813 году считалось до 10½ миллионов ревизских душ. К такому микроскопическому результату привел закон, наделавший столько движения.

Даже и административные реформы, новые центральные учреждения вовсе не внесли ожидаемого обновления в русскую жизнь, зато усилили очень заметно нескладницу в русском административном механизме. До тех пор в центре, как и в провинции, действовали,

по крайней мере по наружности, коллегиальные учреждения; теперь высшие правительственные учреждения — Государственный совет, Сенат и комитет министров — были построены на том же коллегиальном начале, какое проведено было в губернских Учреждениях Екатерины, а учреждения, служившие посредниками между теми и другими — министерства и главные управления, — были основаны на начале единоличной власти и единоличной ответственности своих управителей; верх и низ управления построены были на ином начале, не на том, на каком держалась середина управления. Вообще, если бы сторонний наблюдатель, который имел случай ознакомиться с русским государственным порядком и с русской общественной жизнью в конце царствования Екатерины, потом воротился бы в Россию в конце царствования Александра и внимательно взгляделся бы в русскую жизнь, он не заметил бы, что была эпоха правительственных и социальных преобразований; он не заметил бы царствования Александра.

В чем заключалась причина безуспешности этих преобразовательных начинаний? Она заключалась в их внутренней непоследовательности, на которую я уже имел случай указать. В этой непоследовательности историческая оценка деятельности Александра. Новые правительственные учреждения, осуществленные или только задуманные, основаны были на начале законности, т. е. на идее твердого и для всех одинакового закона, который должен был стеснять произвол во всех сферах государственной и общественной жизни, в управлении, как и в обществе. Но по молчаливому или гласному признанию действующего закона, целая половина населения империи зависела не от закона, а от личного произвола владельца, следовательно, частные гражданские отношения не были согласованы с основаниями новых государственных учреждений, которые были введены или только задуманы. По требованию исторической логики новые государственные учреждения должны были стать на готовую почву новых, согласованных с ними гражданских отношений, должны были вырастать из этих отношений, как последствия вырастают из своих причин. Император и его сотрудники

решились вводить новые государственные учреждения раньше, чем были созданы согласованные с ними гражданские отношения, хотели построить либеральную конституцию в обществе, половина которого находилась в рабстве, т. е. они надеялись добиться последствий раньше причин, которые их производили.

Мы знаем и источник этого заблуждения; он заключается в преувеличенном значении, какое тогда придавали формам правления. Люди тех поколений были уверены, что все части общественных отношений изменятся, все частные вопросы разрешатся, новые нравы водворятся, как только будет осуществлен нарисованный смелой рукой план государственного устройства, т. е. система правительственных учреждений. Они расположены были тем более к такому мнению, что гораздо легче ввести конституцию, чем провести мелкую работу изучения действительности, работу преобразовательную. Первую работу можно начертать в короткое время и познать славу; результаты второй работы никогда не будут оценены, даже замечены современниками и представляют очень мало пищи для исторического честолюбия. На той же точке зрения стояли и люди 14 декабря; если они о чем размышляли и толковали много, то о тех формах, в какие должен облечься государственный порядок, о той же конституции. Правда, все, что они проектировали определенного и практически исполнимого, все было уже сказано раньше их в проекте Сперанского. Они касались частных гражданских отношений, т. е. взаимных отношений лиц и сословий, но их мысли касались этого, как язв отечества, не зная, как их устранить, каким строем отношений заменить действующий общественный порядок. Как сотрудники Александра, так и люди 14 декабря, односторонне увлеченные идеей личной и общественной свободы, совсем не понимали экономических отношений, которые служат почвой для политического порядка. Эта односторонность тех и других — и воспитателей и воспитанников (ибо декабристы были воспитанники Александра и Сперанского) — особенно резко выразилась в вопросе о крепостном праве; как правительство Александра, так и декабристы были в боль-

шой уверенности, что стоит дать крестьянам личную свободу, чтобы обеспечить их благоденствие, о материальном их положении, об отношении их к земле, об обеспечении их труда они или не думали или думали очень мало.

Итак, я не приписываю движению 14 декабря ни того значения, ни тех последствий, которые ему приписывают. Но было одно последствие, очень важное в истории одного сословия, именно дворянства. До тех пор дворянство было классом правящим в русском обществе; как мы знаем, такое политическое положение его создано было главным образом участием дворянской гвардии в дворцовых переворотах XVIII в. Движение 14 декабря было последним гвардейским дворцовым переворотом, им кончается политическая роль русского дворянства; оно еще остается некоторое время при делах как сословие, будет принимать деятельное участие в областных учреждениях, но оно уже перестанет быть правящим классом, а превратится в такое же орудие правительства, в такое же вспомогательное средство бюрократических учреждений, каким оно было в старые времена, в XVII столетии. В этом заключается, по моему мнению, самое важное последствие 14 декабря. Не только по закону, но и по нравственным средствам дворянство должно было потерять после того прежнее значение. После 14 декабря пошли за Урал лучшие люди сословия, после которых осталось много мест, не занятых в продолжение всего следующего царствования. Это была потеря, которую трудно было вознаградить и при более обильном запасе нравственных сил сословия. Из него было столько дельцов, которые могли восстановить и усилить политический авторитет сословия, если бы остались в рядах. В следующее царствование дворянство не могло иметь прежнего значения уже потому, что оскудело силами после катастрофы 14 декабря.

ЛЕКЦИЯ ХСІV

Николай I. Связь с предшествовавшим царствованием. — Личность Николая. — Программа деятельности. — Знакомство с действительностью. — Кодификация. — Учреждение Собственной канцелярии. — Права дворян. — Бюрократический механизм. — Крестьянский вопрос. — Устройство государственных крестьян. — Закон об обязанных крестьянах. — Другие законы о крестьянах. — Значение новых законов о крестьянах. — Применение этих законов.

Связь с предшествовавшим царствованием

Я сделаю краткий обзор главных явлений царствования Николая, ограничиваясь, впрочем, только событиями жизни правительственной и социальной. С этими двумя процессами: изменением правительственного порядка и перестройки общественных отношений, связаны все главнейшие явления этого времени. Царствованию Николая обыкновенно считают реакцией, направленной не только против стремлений, которые были заявлены людьми 14 декабря, но и против всего предшествовавшего царствования. Такое суждение едва ли вполне справедливо: предшествовавшее царствование в разное время преследовало неодинаковые стремления, ставило себе неодинаковые задачи. Как мы видели, в первую половину его господствовало стремление дать империи политический порядок, построенный на новых основаниях, а потом уже подготовить частные отношения, согласуя их с новым политическим порядком; говорить проще, в первой половине господствовала надежда,

что можно дать стране политическую свободу, сохранив на время рабство, потом, когда обнаружилась нелогичность этой задачи, надо было бы перейти от первой ее половины ко второй, т. е. предварительной перестройке частных общественных отношений. Но тогда уже нехватило энергии, и вторая задача разрешалась без надежды и без желания разрешить ее. Эту вторую задачу усвоил себе преемник Александра. Отказавшись от перестройки государственного порядка на новых основаниях, он хотел так устроить частные общественные отношения, чтобы на них можно было потом выстроить новый государственный порядок. Итак, я считаю царствование Николая прямым логическим продолжением второй половины предшествующего царствования. Такая более скромная задача объясняется частью личными свойствами нового императора.

Император Николай родился в июне 1796 г., следовательно, за несколько месяцев до смерти своей бабушки; он принадлежал вместе с младшим братом Михаилом ко второму поколению сыновей Павла и получил поэтому иное воспитание, непохожее на то, какое дано было старшим братьям Александру и Константину. Он воспитан был кое-как, совсем не по программе Руссо; третий брат готовил себя к очень скромной военной карьере. Его не посвящали в вопросы высшей политики, не давали ему участия в серьезных государственных делах. До 18 лет он даже вовсе не имел определенных служебных занятий; только в этом году его назначили директором инженерного корпуса и дали ему в команду одну гвардейскую бригаду, следовательно, два полка.

Но не имея серьезных занятий, великий князь каждое утро проводил по несколько часов в дворцовых передних, теряясь в толпе ждавших аудиенций или доклада. При нем, как при третьем брате, не стеснялись; великий князь мог наблюдать людей в том виде, как они держались в передней, т. е. в удобнейшем для их наблюдения виде. Он здесь узнал отношения, лица, интриги и порядки, так как в той сфере, где он вращался, интриги были синонимом порядка. Эти мелкие знания очень понадобились ему на престоле; он вступил

Личность
Николая

на престол с очень скромным запасом политических идей, которых так много принес сюда его старший брат, при скудном знакомстве с действительностью. Вот почему он мог взглянуть на существующий порядок с другой стороны, с той стороны, с которой редко удается взглянуть на него монарху. Александр смотрел на Россию сверху, со своей философской политической высоты, а как мы знаем, на известной высоте реальные очертания или неправильности жизни исчезают; Николай имел возможность взглянуть на существующее снизу, оттуда, откуда смотрит на сложный механизм рабочий, не руководствуясь идеями, не строя планов.

Программа деятельности

Николай поставил себе задачей ничего не переменивать, не вводить ничего нового в основаниях, а только поддерживать существующий порядок, восполнять пробелы, чинить обнаружившиеся ветхости помощью практического законодательства и все это делать без всякого участия общества, даже с подавлением общественной самостоятельности, одними правительственными средствами. Такова была его программа; но он не снял с очереди тех жгучих вопросов, которые были поставлены в предшествовавшее царствование, и, кажется, понимал их жгучесть еще сильнее, чем его предшественник. Итак, консервативный и бюрократический образ действия — вот характеристика нового царствования; поддержать существующее помощью чиновника — так еще можно обозначить этот характер.

Знакомство с действительностью

В первое время, может быть, под свежим впечатлением недавно пережитых событий, новый император был близок к мысли о реформах; но он поставил себе ближайшей задачей предварительно войти в положение дел, и принялся усердно изучать самые грязные подробности. Он сам лично ревизовал ближайшие столичные учреждения; бывало, налетит в какую-нибудь казенную палату, напугает чиновников и уйдет, дав всем почувствовать, что он знает не только их дела, но и их проделки. В губернии он разослал доверенных сановников для производства строгой ревизии. Вскрылись ужасающие подробности; обнаружилось, например, что в Петербурге, в центре, ни одна касса никогда не проверялась; все денежные отчеты составлялись

заведомо фальшиво, несколько чиновников с сотнями тысяч пропали без вести. В судебных местах император нашел 2 миллиона дел, по которым в тюрьмах сидело 127 тысяч человек. Сенатские указы оставались без последствий подчиненными учреждениями. Губернаторам назначен был годовой срок для очистки неисполненных дел; император сократил этот срок до трех месяцев, дав неисправным губернаторам положительное и прямое обещание отдать их под суд.

Чтобы поправить действие правительственного механизма, столь расстроенного, составлена была комиссия сенатора Энгеля. Комиссия должна была выработать проект нового судебного устройства. Выработанный проект отличался очень либеральными началами: уничтожалось тайное канцелярское производство, вводилась несменяемость судей и более строгое разделение судебных дел от административных. Император вполне одобрил эти проекты, но нашел их рассчитанными более на будущее, чем на настоящее, и оставил их без последствий. В этом отношении к преобразовательным проектам и выразилось основное начало, которым руководился новый император: он одобрял все хорошие предложения, которые могли поправить дело, но никогда не решался их осуществить. Итак, поддерживать существующий порядок — вот программа нового правительства.

Для того чтобы существующий порядок действовал правильно, надобно учреждениям дать строгий кодекс; над созданием кодекса работали с 1700 г., и дело не удавалось. Такой кодекс мог быть выработан при указанной программе: если решено поддерживать существующий порядок, то в свод законов должны быть взяты существующие узаконения, новый свод законов должен быть сводом законов действующих, а не кодексом, созданным отвлеченной мыслью. Эту задачу прежде всего и взялся решить Николай. Для этого он учредил при себе особое отделение Собственной канцелярии — второе — и в руководители дела призвал лицо, давно искушившееся в подобной работе, знакомого нам Михаила Михайловича Сперанского.

Сперанский после ссылки был назначен пензенским губернатором, потом генерал-губернатором Сибири, изу-

Кодифика-
ция

чил обширную Сибирь и составил проект нового ее устройства, с которым и приехал в Петербург в 1821 г. Его оставили в Государственном совете, хотя он не пользовался прежним своим влиянием. Николай решительно признавал его жертвой политических интриг и ссылался при этом на признание своего старшего брата, будто бы когда-то сказавшего ему, что он и долгу у Сперанского, что он тогда не мог сладить с интригой, зная, что обвинение, взводимое на Сперанского, — клевета. Сперанский еще в 1812 г. начал каяться в своих широких политических затеях, сознавая всю их безвременность и непримиримость, а теперь он к тому же прошел отличную административную школу, ибо что можно представить себе лучше для назидания и знакомства с делом, как ссылка и губернаторство? Ему и поручено было дело составления свода законов. Вылечившись от затей, Сперанский сохранил все трудолюбие своей молодости и теперь в короткое время совершил изумительные дела по программе, ему заданной. Прежде всего, из разных канцелярий и архивов он стянул к себе все узаконения, начиная с Уложения 1649 г. и кончая последним указом императора Александра I. Все эти узаконения, уставы и регламенты он расположил в хронологическом порядке и напечатал их, дав сборнику заглавие «Полное собрание законов Российской империи». Это сборник в 45 громадных томах, которые не каждый из нас осилит поднять; в этот сборник вошло 30 920 номеров. Сборник, за составление которого Сперанский принялся в 1826 г., издан был в 1830 г. с приложением нескольких томов с таблицами, штатами, а также алфавитным и хронологическим указателем. До сих пор это полное собрание материалов остается основным для истории русского законодательства.

Это полное собрание законов он и положил в основание свода действующих законов; из различных узаконений он брал годные к действию узаконения, обличал их в короткие статьи, применяясь к тексту подлинника и, со ссылками на источник, сводя их в особые уставы. Так составился Свод законов Российской империи, изданный в 1833 г. в 15 томах. Свод законов

расположен в систематическом порядке. В первых трех томах изложены законы «основные и учредительные», т. е. определяющие пределы власти и порядок делопроизводства правительственных учреждений: Государственного совета, Сената, министерств, губернского управления и т. д. В дальнейших 5 томах — IV—VIII — изложены законы «государственных сил», т. е. средств, которыми питается государство, законы о государственных повинностях, доходах и имуществе. В IX томе изложены законы «о состояниях», т. е. о сословиях. В X — законы гражданские и межевые; в четырех дальнейших XI—XIV — законы «государственного благоустройства и благочиния» — полицейские, и в последнем XV — законы уголовные. Это строй свода законов, в котором каждая статья не представляет ничего нового, извлечена из изданного закона и только нашла свое место в общей системе. Таким образом, свод законов составился из 42 тысяч статей; это слишком много для закона, чтобы знать его; обилие законов всегда есть главный недостаток, и сам Сперанский сознавал это. Дальнейшие узаконения присоединялись к своду, как дополнение, и теперь таких статей уже свыше 100 тысяч. Сперанский смотрел на свой свод законов только как на подготовительную черновую работу для выработки краткого удобоприменимого кодекса. Трудно представить себе памятник, более выражающий основную мысль царствования: ничего не вводить нового, а только чинить и приводить в порядок старое.

Свод законов, сказал я, издан был в 1833 г., но, кроме того, Сперанский приводил в порядок целый ряд специальных или местных законодательств; так, ему же принадлежит Свод военных постановлений в 12 томах; Свод законов остзейских и западных губерний; Свод законов великого княжества Финляндского. Свод законов и должен был стать руководством для деятельности правительственных учреждений.

Легко предвидеть, в каком направлении должен был изменяться правительственный порядок; основания правительственного строя остались прежние, но взявшись руководить громадной империей без всякого участия общества, Николай должен был усложнять

механизм центрального управления. Вот почему в его царствование создавалось громадное количество либо новых департаментов в старых учреждениях, либо новых канцелярий, комиссий и т. д. Все это время было эпохой необозримого количества комитетов и комиссий, которые создавались для каждого нового государственного вопроса. Всего лучше выразилась мысль этих правительственных перемен в создании целого сложного учреждения.

Учрежде-
ние Соб-
ственной
канцеля-
рии

Сам руководя важнейшими делами, входя в подробности, император должен был иметь собственную канцелярию; такая канцелярия и создана была с четырьмя отделениями под названием Собственной его величества канцелярии. Вот перечень этих отделений, который, может быть, понадобится, чтобы увидеть, каким кругом дел хотел непосредственно руководить носитель государственной власти. Первое отделение подготавливало бумаги для доклада императору и следило за исполнением высочайших повелений; второе отделение образовалось из бывшей Комиссии составлении законов, занималось кодификацией законов и состояло под управлением Сперанского до смерти его в 1839 г.; третьему отделению поручены были дела высшей полиции под управлением начальника, который был вместе и шефом жандармов; четвертое отделение управляло благотворительными и учебными воспитательными заведениями, начало которых положено было императрицей-вдовой Марией Федоровной, — это ведомство императрицы Марии. При Николае существовало даже пятое отделение Собственной канцелярии для подготовки нового порядка управления государственных имуществ, о чем мы скажем после. Областное управление осталось на прежних основаниях, даже в прежнем виде; оно не было усложнено подобно центральному.

Права
дворян

Подверглось только некоторым изменениям управление сословное, дворянское. Как мы знаем, дворянству было предоставлено Учреждениями 1775 г. решительное преобладание в местном управлении. При императоре Павле упразднены были некоторые из судебных губернских учреждений; при Александре даже несколько расширено было участие дворянства в местном управлении.

Не передавая всех подробностей, укажу, что, по Учреждениям 1775 г., судебные палаты уголовная и гражданская, служившие высшей инстанцией для сословных высших учреждений, например, губернского магистрата, верхнего земского суда, не имели сословного характера, состояли из членов от короны.

Павел упразднил в губерньском судебном устройстве сословные инстанции, т. е. верхний земский суд, губернский магистрат и верхнюю земскую расправу; император Александр не возобновил этих инстанций, зато открыл дворянству участие в образовании личного состава судебных палат — уголовной и гражданской. По губерньским Учреждениям 1775 г., состав этих палат был коронный; при Александре I предоставлено было дворянству выбирать в обе палаты по два заседателя, которые действовали вместе с председателем и советником от короны, а при Николае I положением от 6 декабря 1831 г., сравнившим службу дворянства с государственной, ему предоставлено было право выбирать по два кандидата, из которых государь и назначал председателя в ту или другую из обеих палат.

Таким образом, и общий суд, не сословный, в губернии отдан был в распоряжение дворянства, но зато было ограничено право участия дворянства в губерньском управлении установлением ценза. В губерньских учреждениях на дворяньских съездах право выбора имел каждый потомственный дворянин или высший, штаб-офицерский чин. Положение 1831 г. точнее определило участие дворян в съездах и выборах; именно одни дворяне могли участвовать в съездах с голосом, другие без голоса. Право участвовать с голосом имел потомственный дворянин, достигший двадцати одного года, имевший недвижимую собственность в губернии, получивший на действительной службе, по крайней мере, чин 14-го класса или служивший три года по дворяньским выборам; неудовлетворявшие этим условиям потомственные дворяне участвовали в съездах без голоса. Притом и право голоса было двойное: одни дворяне подавали голос во всех делах, обсуждавшихся на собрании, другие во всех, кроме выборов: право участвовать во всех делах и в выборах

предоставлено было потомственным дворянам, которые имели в губернии не менее ста душ крестьян или не менее трех тысяч десятин удобной, хотя и не заселенной земли. Голос во всех делах, кроме выборов, принадлежал потомственным дворянам, которые имели в губернии менее 100 душ или 3 тысяч десятин земли. Один разряд дворян имел право непосредственного голоса, другой — посредственный голос через уполномоченных. Именно, мелкие участки складывались в одно, так, чтобы их совокупность составляла нормальный участок в 100 душ, и выбирали одного уполномоченного на дворянский съезд.

Вместе с тем, расширено было дворянское право представительства перед центральными учреждениями. По судебным Учреждениям 1775 г., оно могло ходатайствовать о своих сословных нуждах; по закону 1831 г., оно могло делать представления о прекращении местных злоупотреблений, как и об устранении неудобств, замеченных в местном управлении, т. е. дворянство получило право представительства о нуждах целого края и всех общественных классов местного общества.

Повидимому, вопреки основной мысли правительства в XIX в. сословие получило еще большее значение в местном управлении, какого не имело прежде. Но характер этого расширенного участия в управлении не был похож на прежний: теперь правительственные дворянские учреждения являются учреждениями коронными. Особенно ясно это начало проведено было в новом устройстве земской полиции. По выработанному министром внутренних дел графом Блудовым закону 1837 г., дела местной полиции сосредоточивались в нижнем земском суде под руководством избираемого дворянством исправника, но каждый уезд разбит был на участки, называвшиеся станами, и каждым из них руководил становой пристав, назначавшийся от короны. Принимая во внимание все перемены, внесенные в губернское правление, мы должны сказать, что влияние дворянства на местное управление не было усилено; расширено участие, но ослаблено введением цензоп и сочетанием выборных должностей с коронными. До сих пор дворянство было руководящим классом в мест-

ном управлении; со времени издания законов в 1881 и 1887 гг. дворянство стало вспомогательным средством коронной администрации, полицейским орудием правительства. Прежде чиновничество комплектовалось дворянством, теперь дворянство потонуло в чиновничестве.

Вот и все важные перемены, какие были внесены в центральное и губернское управление; легко заметить, что этими переменами нарушено было равновесие между тем и другим: центральное было страшно расширено и в нем получила необыкновенное развитие канцелярия, местное управление осталось в прежней форме. Если мы представим усиленную деятельность, какая внесена была императором в учреждения, то нам понятен будет главный недостаток управления. Все дела велись канцелярским порядком, через бумагу; размноженные центральные учреждения ежегодно выбрасывали в канцелярии, палаты десятки, сотни тысяч бумаг, по которым эти палаты и канцелярии должны были чинить исполнение. Этот непрерывный бумажный поток, лившийся из центра в губернии, наводнял местные учреждения, отнимал у них всякую возможность обдумывать дела. Все торопились очищать их; не исполнить дело, а «очистить» бумагу, вот что стало задачей местной администрации, все цели общественного порядка, который охранялся администрацией, все свелось к опрятному содержанию писанного листа бумаги. Общество и его интересы отодвинулись перед чиновником далеко на задний план. Все управление представляло громадный и не совсем правильный механизм, который без усталости работал, но который был гораздо шире, тяжелее наверху, чем внизу, так что нижние части и колеса подвергались опасности треснуть от слишком усиленной деятельности в верхних. Чем больше развивался такой механизм, тем меньше оставалось у руководителей его возможности следить за действием его частей. Никакой механик не мог усмотреть за работой всех колес, за их поломкой и своевременной починкой. Таким образом, руководство делами уходило с центра вниз, каждый министр мог только, посмотрев на всю эту громадную машину государственного порядка, махнуть рукой

и предоставить все воле случая; настоящими двигателями государственного порядка стали низшие чиновники, которые очищали бумагу. Этот недостаток и выражен был самым наблюдательным императором, который сказал раз, что Россией правит не император, а столоначальники. Такой вид представляло здание бюрократизма, как оно было поставлено в это царствование, т. е. как оно было тогда завершено.

Достиг ли этот бюрократический механизм государственной цели, лучшей, чем прежде, на это дает простой ответ одна цифра. В начале царствования император пришел в ужас, узнав, что только по ведомству юстиции во всех служебных местах произведено 2 800 000 дел. В 1842 г. министр юстиции представил государю отчет, в котором значилось, что во всех служебных местах империи не очищено еще 3 300 000 дел, которые изложены по меньшей мере на 33 миллионах писанных листов. Вот каких результатов достигло бюрократическое здание, завершенное в это царствование. Накопление бумаг, однако, вовсе не улучшило исправности и отчетности учреждений. Под покровом канцелярской тайны совершались дела, которые теперь кажутся чистыми сказками. В конце двадцатых годов и в начале тридцатых производилось одно громадное дело о некоем откупщике; это дело вели 15 для того особо назначенных секретарей, не считая писцов; дело разрослось до ужасающих размеров, до нескольких десятков тысяч листов. Один экстракт дела, приготовленный для доклада, изложен был на 15 тысячах листов. Велено было, наконец, эти бумаги собрать и препроводить из московского департамента в Петербург. Наняли несколько десятков подвод, нагрузили дело, отправили его в Петербург, и оно все, до последнего листка, пропало без вести, так что никакой исправник и становой не мог ничего отыскать, несмотря на строжайший приказ Сената: пропали листы, подводы и извозчики.

Столь развитой правительственный механизм требовал множества рабочих рук. Царствование Николая I было временем развития чиновничества, знати табели о рангах. К сожалению, мы не имеем точных статисти-

ческих данных, чтобы судить о размножении чиновничества; можно только понять, чего стоило казне содержание этого административного рабочего люда. Сверх окладов за особые услуги чиновникам раздавали из казенных земель аренды обыкновенно на 12 лет. До 1844 г. аренд выдавалось ежегодно разным чиновникам на 30 тысяч рублей; определяя поземельный доход по 4%, мы найдем, что эта арендная сумма равнялась доходу с капитала в 750 тысяч рублей; это только добавочного вознаграждения за особые отличия чиновникам. Кроме того, чиновникам раздавали за заслуги в собственность не заселенные, но доходные казенные земли и угодья: до 1844 г. таких земель было роздано свыше одного миллиона десятин. Вот чего стоило государству содержание той администрации, которая умела терять дела, изложенные на нескольких сотнях тысяч листов.

Я заметил, что новое правительство, действуя в консервативном духе и бюрократическими средствами, не сняло с очереди поставленных вопросов внутреннего устройства. Новый император с начала царствования имел смелость приступить и к крестьянскому вопросу; но он решил вести его втайне от общества чисто бюрократическими средствами. В начале царствования под влиянием движения 14 декабря в крестьянском населении распространились слухи о скором освобождении. Чтобы прекратить их, новый император издал манифест, в котором прямо заявил, что в положении крепостных крестьян не будет сделано никакой перемены, но при этом секретно было внушено через губернаторов и помещикам, чтобы они соблюдали «законное и христианское обращение» с крестьянами. Мысль об освобождении крестьян занимала императора в первые годы царствования, и он внимательно высматривал людей, которые могли бы совершить это важное дело. Присутствие этой мысли у императора обнаруживалось не раз; так, в 1834 г., беседуя с Киселевым, император указал на большие картонки, стоявшие у него в кабинете; он прибавил, что в этих картонках с начала царствования он собрал все бумаги, касающиеся процесса, «какой, — говорил Николай, — я хочу вести против рабства, когда пасту-

Крестьян-
ский воп-
рос

пит время, чтобы освободить крестьян по всей империи». Для разработки этого вопроса в продолжение царствования составлялось несколько секретных или весьма секретных комитетов; комитеты эти обсуждали тяжелое дело, рассматривали положение не только крепостных, но и всех крестьян, выработывали проекты, большая часть которых осталась неосуществленными. Нет надобности передавать деятельность этих комитетов; достаточно только сказать, что в 1826 г. составлен был первый секретный комитет для выработки нового положения «об устройстве всех состояний людей». Я сказал, что император сначала не чужд был некоторой мысли о реформе; комитет этот выработал проект устройства сословий; вопрос о крепостных крестьянах возбужден был запиской Сперанского, который теперь явнее смотрел на дело, чем в 1808—1809 гг. Проект был уже приготовлен для подписи, но предварительно отослан на рассмотрение в Варшаву к наместнику, великому князю Константину, который вооружился против него, наделал много замечаний и тем остановил его распространение. Комитеты эти, впрочем, оставили следы своей деятельности в законодательстве по крепостному вопросу.

Чтобы понять эти следы, надобно представить себе в главных чертах состав русского общества того времени, взяв за основание хоть, например, данные восьмой ревизии, произведенной в 1836 г. По этим данным, оказалось, что в Европейской России без царства Польского и без Финляндии, но с Сибирью народонаселение простиралось до 52—53-х миллионов. Сельское население попрежнему решительно преобладало численностью над остальными классами; именно в составе его считалось до 25 миллионов крепостных крестьян, принадлежащих или дворянам, или некоторым благотворительным и учебным заведениям, или частным фабрикам и заводам. Крестьян государственных с удельными считалось 17—18 миллионов. Как мы знаем, удельные крестьяне образовались из прежних дворцовых по Учреждению об императорской фамилии 1797 г.; этой фамилии отчислено было известное количество крестьян, по преимуществу дворцовых, которые и названи

были удельными. Их по восьмой ревизии было слишком 1 миллион душ обоего пола (все цифры, которые я излагаю, означают души настоящие, а не ревизские, т. е. души обоего пола). На все остальные классы, следовательно, приходилось 9—10 миллионов, считая здесь и военных; духовенства в том числе считалось 272 тысячи. Трудно определить количество городского населения, состоявшего из купцов, фабрикантов, мещан и ремесленников; купцов трех гильдий считалось около 128 тысяч.

Если вы представите себе по этим цифрам, как расчленено было общество, вы увидите, какой странный вид оно представляло. Высшие сословия — гильдейские граждане, духовенство и дворянство — представляли в численном отношении маленькие неровности, чуть заметные нарывы на народном теле; между тем, только эти маленькие неровности и пользовались полнотой гражданских прав; масса сельского населения была стеснена в этих правах, была прикреплена либо к лицам, либо к учреждениям, так что на деле было мало разницы между казенными или вольными крестьянами. Так как всюду в жизни господствовал крепостной принцип, то и казенные крестьяне относились к дворянским исправникам или к коронным чиновникам — станovým — почти так же, как крепостные крестьяне к своему господину.

Теперь представим, что все это сельское население ведалось особой своей администрацией или землевладельцами или чиновниками земской полиции в большей части своих дел и что общие правительственные учреждения ведали только свободные сословия. Какой социальный материал был у описанного сложного правительственного механизма, чем собственно правили эти бюрократические учреждения, Государственный совет, министерства и т. д.? Они правили ничтожной кучкой народа, может быть, миллионом с небольшим душ; вся остальная масса ведалась своими особыми властями, и дело ее не доходило до общих учреждений. Один администратор того времени, принявши в расчет это численное неравенство между свободными и несвободными людьми, рассчитал, что так как правительствен-

ные учреждения ведают только вполне свободных людей, то русское государство по количеству свободных людей в 45 раз меньше Франции. Важнейший результат деятельности комитетов, составленных для устройства крестьянского населения, состоял в учреждении особого Управления для государственных крестьян.

Устрой-
во госу-
дарствен-
ных кре-
стьян

Чтобы подготовить развязку крепостного вопроса, правительство Николая задумало облегчить ее косвенным путем: дать казенным крестьянам такое устройство, которое бы, подняв их благосостояние, вместе с тем служило бы и образцом для будущего устройства крепостных крестьян. Казенных крестьян, сказал я, считалось тогда миллионов 16-17, если исключить из них удельных. Кроме земель, которыми пользовались эти крестьяне, в непосредственном обладании казны было еще множество ненаселенных земель и лесов; земли такой считалось около 90 миллионов десятин, а казенного леса около 119 миллионов десятин. Прежде казенные крестьяне, как и земли с лесами, ведались в особом департаменте министерства финансов; теперь решено было выделить этот громадный государственный капитал в особое управление. Министерство финансов, занятое другими делами и преследовавшее одну цель — извлечение из всех статей наибольшего дохода, не могло надлежащим образом следить за бытом казенных крестьян; вот почему они оставались без защиты в руках дворянской администрации, которая эксплуатировала их в пользу помещичьих крестьян. Самые тяжелые натуральные повинности, починку мостов, дорог, станковые складывали на крестьян казенных, щадя помещичьих; благодаря этому, быт казенных крестьян расстроился; они обеднели и стали тяжким бременем на плечах правительства. Каждый неурожай заставлял казну выдавать огромные ссуды на пропитание этих крестьян и на засеяние полей. Итак, казенных крестьян было решено устроить так, чтобы они имели своих защитников и блюстителей их интересов. Удача устройства казенных крестьян должна была подготовить успех освобождения и крепостных крестьян.

Для такого важного дела призван был администратор, которого я не боюсь назвать лучшим администри-

тором того времени, вообще принадлежавшим к числу лучших государственных людей XIX века. Это был Киселев, тот самый Киселев, который в начале прошедшего царствования, по заключении Парижского мира, назначен был послом в Париже; ему поручено было устроить новое управление государственных крестьян и имуществ. По его плану открыто было в 1833 г. новое министерство государственных имуществ, во главе которого он и был поставлен. Для управления государственными имуществами на местах созданы были палаты государственных имуществ. Киселев, делец с идеями, с большим практическим знанием дела, отличался еще большей доброжелательностью, той благонамеренностью, которая выше всего ставит общую пользу, государственный интерес, чего нельзя сказать о большей части администраторов того времени. Он в короткое время создал отличное управление государственными крестьянами и поднял их благосостояние. В несколько лет государственные крестьяне не только перестали быть бременем для государственного казначейства, но стали возбуждать зависть крепостных крестьян. Ряд неурожайных годов, 1843-й и следующие, не только не потребовал ссуды государственным крестьянам, но даже Киселев не израсходовал на эти ссуды и запасного капитала, им образованного. С тех пор крепостные крестьяне стали самым тяжелым бременем на плечах правительства. Киселеву принадлежало то устройство сельских и городских обществ, основные черты которых были потом перенесены в положение 19 февраля для вышедших на волю крепостных крестьян.

Киселеву принадлежала и мысль одного важного закона, касавшегося крепостных крестьян. Как мы знаем, 20 февраля 1803 г. издан был закон о вольных хлебопашцах; по этому закону землевладельцы могли отпускать на волю крепостных крестьян с земельными наделами по добровольному с ними соглашению. Закон этот, плохо поддержанный правительством, оказал незначительное действие на быт крепостных; в продолжение 40 лет на волю вышло таким путем очень немногих крестьян. Больше всего останавливала помещиков необходимость отдавать землю в собственность крестьянам.

Закон об
обязанных
крестья-
нах

Киселев думал поддержать действие этого закона, устранив это главное препятствие. В его несколько мечтательной голове (недостаток, от которого несвободны все доброжелательные головы) мелькнула мысль, что можно совершить постепенное освобождение крестьян, предоставив это дело частной инициативе. Мысль закона состояла в том, что помещики могли по добровольному соглашению с крестьянами уступать им свои земли в постоянное наследственное пользование на известных условиях. Эти условия, раз составленные и утвержденные правительством, не должны были меняться. Таким образом, крестьяне будут прикреплены к земле, но лично свободны, а помещик сохранял за собой право собственности на землю, к которой прикреплены крестьяне. Помещик сохранял судебную власть над крестьянами, но уже терял власть над их имуществом и трудами; крестьяне работали на помещика или платили ему столько, сколько было поставлено в условии. Зато помещик освобождался от обязанностей, какие на нем лежали по владению крепостными, от ответственности за их подати, об обязанности кормить крестьян в пору жайные годы, ходатайствовать за них в судах и т. д. Киселев рассчитывал, что помещики, поняв выгоду таких сделок, сами, поспешат устранить связанные с крепостным правом неприятности. При сохранении крепостного права образец устройства таким образом выходивших на волю крестьян был уже готов в сельском устройстве крестьян государственных, разделенных на волости и общины с выборными управлениями, судами, со свободными сходками и т. д. Проект Киселева подвергся поправкам и, облеченный в закон 2 апреля 1842 г., не оправдал ожиданий; это закон об освобожденных крестьянах. Ему дана была такая редакция, которая почти уничтожила его действие. К тому же на другой день по издании закона последовал циркуляр министра, которым тогда был Перовский; этот циркуляр и парализовал закон: в нем было подтверждено с ударением, что права дворян на крепостных крестьян остаются неприкосновенными, что они не потерпят ущерба в этих правах, если в силу закона не пойдут на сделку с крестьянами. Помещики встревожились в ожидании

указа; они уже давно привыкли смотреть на Киселева, как на революционера. В Москве и губернских городах вызваны были живые толки об этом законе. Когда прочитали указ министра, все успокоились, все увидели, что это — буря в стакане воды, что правительство так только, из приличия издало этот указ, чтобы «очистить» бумагу. В самом деле, только два помещика воспользовались этим законом.

Издан был ряд других законов, которые частью выработаны были комитетами. Я могу только перечислить важнейшие из них. Не определяя размера работ крестьян на землевладельцев, закон не определял и обязательного участка земли, какой должен помещик давать крестьянам. Правда, был издан в 1797 г. закон о трехдневной барщине, но он оставался без действия, но закона о размере обязательного надела не существовало. Вследствие этого иногда происходили печальные недоразумения. В 1826 г. одна обладательница 28 душ заложила почти всю землю из-под своих крестьян, так что у крестьян осталось всего 10 десятин. Этот случай и вызвал закон 1827 г., который гласил, что если в имении за крестьянами земли меньше 4,5 десятины на душу, то такое имение брать в казенное управление или же предоставлять таким крепостным крестьянам перечисляться в свободные городские состояния. Это был первый важный закон, которым правительство наложило руку на дворянское право душевладения. В сороковых годах издано было, частью по внушению Киселева, еще несколько узаконений, и некоторые из них столь же важны, как закон 1827 г. Так, например, в 1841 г. запрещено было продавать крестьян в розницу, т. е. крестьянская семья признана неразрываемым юридическим составом; в 1843 г. запрещено было приобретать крестьян дворянам безземельным, таким образом, безземельные дворяне лишались права покупать и продавать крестьян без земли; в 1847 г. было предоставлено министру государственных имуществ приобретать на счет казны население дворянских имений. Киселев еще раньше составил проект выкупа в продолжение десяти лет всех однодворческих крестьян, т. е. крепостных, принадлежавших однодворцам, известному

Другие
законы о
крестья-
нах

Значение
новых за-
конов о
крестья-
нах

классу в южных губерниях, которые соединяли в себе некоторые права дворян с обязанностями крестьян. Плата подушную подать, однодворцы, как потомки бывших служилых людей, сохраняли право владеть крепостными. Этих однодворческих крепостных Киселев и выкупил по $\frac{1}{10}$ доли в год. В том же 1847 г. издано было еще более важное постановление, предоставляющее крестьянам имений, продававшихся в долг, выкупаться с землей на волю. Наконец, 3 марта 1848 г. издан был закон, предоставлявший крестьянам право с согласия помещика приобретать недвижимую собственность.

Легко заметить, какое значение могли получить все эти законы. До сих пор в дворянской среде господствовал взгляд на крепостных крестьян как на простую частную собственность владельца наравне с землей, рабочим инвентарем и т. д. Мысль, что такой собственностью не может быть крестьянин, который платит государственную подать, несет государственную повинность, например, рекрутскую, мысль эта забывалась в ежедневных сделках, предметом которых служили крепостные крестьяне. Совокупность законов, изданных в царствование Николая, должна была коренным образом изменить этот взгляд; все эти законы были направлены к тому, чтобы охранять государственный интерес, связанный с положением крепостных крестьян. Право владеть крепостными душами эти законы перенесли с почвы гражданского права на почву права государственного; во всех них заявлена мысль, что крепостной человек не простая собственность частного лица, а прежде всего подданный государства. Это важный результат, который сам по себе мог бы оправдать все усилия, потраченные Николаем на разрешение крестьянского вопроса. Но был и другой столь же важный результат, который вышел незаметно из основной мысли закона 2 апреля 1842 г. Результат этот надо весь поставить на счет графа Киселева. Закон просто говорил, что землевладелец может входить с крестьянином и добровольное соглашение, уступая ему право постоянного пользования землей на известных условиях, после чего крестьянин переставал зависеть от землевладельца, и освобождая его от обязанностей; только это и говорил

закон. Между тем, можно было посмотреть на закон и с другой стороны. Стало быть, личная свобода приобрелась крестьянином даром, без выкупа; закон молча вошел в действующее законодательство. Помещики, говоря о неудаче закона, смеялись над ним, но они не заметили, какой переполох совершился в законодательстве: свобода крестьянской личности, следовательно, не оплачивалась, а вы помните, как государственные люди, даже очень умные, вроде адмирала Мордвинова, таксировали крестьянскую личность, назначая известную сумму за возраст? Как скоро молчаливо признано было законом это начало, тотчас из закона могли вывести, что личность крестьянина не есть частная собственность землевладельца, что их связывают отношения к земле, с которой нельзя согнать большую часть государственных плательщиков. На почве закона 1842 г. только и стало возможно положение 19 февраля, первая статья которого гласит, что крестьяне получают личную свободу *без выкупа*. Повторю, что этот закон надо отнести весь на счет графа Киселева.

Итак, в царствование Николая законодательство о крепостном праве стало на новую почву и достигло важного результата — общего молчаливого признания, что крепостной крестьянин не есть частная собственность землевладельца. Вы поймете, однако, что законодательство могло достигнуть и практических результатов: закон 1842 г. достиг перемещения в праве, но не в положении крестьян. Эти результаты и вышли бы из законодательств Николая, если бы законы применялись ипаче.

В нашей внутренней истории XIX в. нет ничего любопытнее применения законов о крепостных крестьянах в царствование Николая; ничто так не наводит на размышление о свойстве государственного порядка. Приведу отдельный случай. Мы видели, какое важное значение имеет закон 1827 года о $4\frac{1}{2}$ десятинах крестьянской земли; этот закон внесен был в первое издание Свода законов. После Сперанского второе отделение Собственной канцелярии издало второе издание Свода законов. Заглянули в него: закона 1827 г. нет как нет: он не был отменен, он пропал без вести, как известное дело об откупщике.

Применение этих законов

Можно понять, какое важное значение мог бы иметь закон 8 октября 1847 г., предоставлявший крестьянам имений, продававшихся с публичного торга, выкупаться с землей: $\frac{2}{3}$ дворянских имений состояли в неоплатных долгах казенным учреждениям. Сумма этих долгов подходила близко к миллиарду. Собственно говоря, освобождение крестьян можно было бы совершить чисто финансовой операцией, назначив срок для уплаты долгов и потом конфисковав имения, как они конфискуются и теперь частными банками. Но не хотели прибегать к такой политической мере, пользуясь затруднительным положением дворянства. Имений, которые продавались с публичного торга, было множество, но чтобы крестьяне могли выкупаться, нужно было устроить удобный для них порядок аукциона, устроить известный порядок оповещения крестьян о продаже, наконец, устроить им возможность получать ссуды: редкое имение могло тотчас собрать достаточное количество своих денег. Ничего этого не было предусмотрено. Закон был просто брошен в аукционную залу: со всех сторон полились представления о затруднениях, какие встречались при применении закона. Правительство могло поступить двояко: сознавая недостаток выработанного закона, оно могло гласно отменить его; сознавая пользу этого закона, оно могло развить и поправить его; то и другое оно могло сделать по праву, ибо каждое правительство может и отменить закон и поправить его, сознаваясь в ошибке; все это в порядке вещей, но поступили иначе. Высочайшая власть не отменила закона, но через несколько месяцев вышло новое издание: закона 8 октября там не оказалось; имения продавали с торгов, крестьяне обращались с ходатайством к правительству, им говорили, что закона об этом нет, им показывали издание, и просители не находили его там. Высшая власть никогда не отменяла закона: бюрократия, устроенная для установления строгого порядка во всем, представляла собой единственное в мире правительство, которое крадет у народа законы, издаваемые высшей властью. Этого никогда не было ни в одну эпоху, кроме царствования Николая, и, вероятно, ни когда не повторится.

Точно так же разделан был закон 1848 г., предоставлявший крестьянам право приобретать недвижимую собственность. Он был так выражен, что крестьяне отказались от пользования этим правом. Крестьяне могли приобретать недвижимую собственность с согласия помещика, они должны были заявлять помещику свое желание и возможность приобрести собственность, землевладелец мог и отказать в этом согласии, но он узнавал, что у крестьянина есть капитал и, пользуясь своим правом, мог отнять его, или мог дать согласие на покупку собственности, а потом взять ее у крестьянина, ибо оставалась еще в полном действии статья, которая гласила, что крестьянин не имеет права начинать иск. Значит, закон одной рукой давал словесно право, а другой рукой подчинял пользование этим правом безграничному произволу.

Так умела выражать мысли верховной власти тогдашняя бюрократия. Выразив эту мысль, она отменила высочайшую волю. Это нужно знать, чтобы понять печальную справедливость слов императора, который сказал, что империей правит столоначальник. Благодаря этому недостатку решительности все законодательство Николая о крестьянах осталось без практических последствий, которые надобно отличать от перемены в праве. Трудно объяснить эту непоследовательность и нерешительность, даже крепостники-землевладельцы изумлялись. Среди толков, вызванных законом 2 апреля, в бумагах Киселева записано одно любопытное возражение, которое тогда часто повторялось. Некий дворянин говорил: «зачем нас мучают этими полумерами? Разве в России нет верховной власти, которая может приказывать землевладельцам отпустить своих крестьян на волю с землей или без земли? Это в праве сделать верховная власть. Дворянство, всегда верно преданное престолу, получив приказ, исполнило бы его». Что можно было сказать против этого возражения, шедшего из среды помещиков, которые были против освобождения крестьян?

Надо думать, что недостаток решимости и последовательности, боязнь пользоваться верховной властью объясняется недостатком знакомства со средой и насто-

ящими положениями того класса, интересы которого преимущественно связаны были с крепостным правом. Дворянство при Николае внушало более страха, чем при Александре. Рассматривая бумаги неофициального комитета, который собирался при Александре в начало его царствования, мы там встречаем такие суждения графа Строганова о дворянстве, которые показывают, что государственные люди того времени вовсе не считали его средой, способной дать правительству оппозицию.

Коротким обзором царствования Николая собственно закончилась программа нашего изучения. На 18 февраля 1855 года, т. е. дне смерти императора Николая, можно положить конечный рубеж целого периода нашей истории, который начался с воцарения новой династии после Смутного времени. В этот период действовали известные начала, которые служили основанием нашей политической и общественной жизни. С 18 февраля 1855 г. начинается новый период, в котором выступают иные начала жизни.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II

(1729—1796)

I

Для Екатерины II наступила историческая давность. Это налагает некоторые особые обязательства на мысль, обращающуюся к обсуждению ее деятельности, устанавливает известное отношение к предмету, подсказывает точку зрения.

В ее деятельности были промахи, даже крупные ошибки, в ее жизни остаются резкие пятна. Но целое столетие легло между нами и ею. Трудно быть злопамятным на таком расстоянии, и именно при мысли о наступлении второго столетия со дня смерти Екатерины II в памяти ярче выступает то, за что со следует помнить, чем то, чего не хотелось бы вспоминать.

Царствование Екатерины II — это целая эпоха нашей истории, а исторические эпохи обыкновенно не замыкаются в пределы людского века, не кончаются с жизнью своих творцов. И время Екатерины II пережило то самое, по крайней мере, после четырехлетнего перерыва было официально воскрешено манифестом второго ее преемника, объявившего, что он будет царствовать по законам и по сердцу своей бабки. Екатерину и по смерти ее восхваляли или порицали, как восхваляют или порицают живого человека, стараясь поддержать или изменить его деятельность. И Екатерины II не

миновал столь обычный и печальный вид бессмертия — тревожить и ссорить людей и по смерти. Ее имя служило мишенью для полемического прицела в противников или приверженцев ее политического направления. Живые интересы и мнения боролись на ее могиле. Уронить ее бюст или удержать на пьедестале значило тогда дать то или другое направление жизни.

Столетняя давность, отделившая нас от Екатерины II, покрывает все эти споры и вражды. Наши текущие интересы не имеют прямой связи с екатерининским временем. Екатерина II оставила после себя учреждения, планы, идеи, нравы, при ней воспитанные, и значительные долги. Долги уплачены, и другие раны, нанесенные народному организму ее тяжелыми войнами и ее способом вести «свое маленькое хозяйство», как она любила выражаться о своих финансах, давно зарубцевались и даже закрылись рубцами более позднего происхождения. Из екатерининских учреждений одни действуют доселе в старых формах, но в духе новых потребностей и понятий, другие, как например, местные судебные учреждения, отслужили свою службу и заменены новыми, совсем на них непохожими ни по началам, ни по устройству; наконец, третьи по своему устройству оказались неудачными уже при самой Екатерине, но их начала были сбережены для лучшей обработки дальнейшими поколениями. Такова система закрытых, оторванных от семьи воспитательных заведений Бецкого, замененная потом другим планом народного образования, над которым работала Комиссия народных училищ: гуманные идеи о воспитании, усвоенные Екатериной и Бецким, пригодились и потом, при другой системе, более близкой к современной педагогике. Из предположений или мечтаний Екатерины II одни, как например, мысль об освобождении крепостных крестьян, были осуществлены после нее так, как она и не мечтала и как не сумела бы осуществить, если бы на то решилась, а другие были упразднены самою жизнью как излишние, каковой были мысль о создании *среднего рода людей* в смысле западноевропейской буржуазии. Точно также и идеи юридические, политические и экономические, проводим

пились в указах и особенно в *Паказе* и казавшиеся в то время новыми и смелыми, или уже вошли в плоть и кровь нашего сознания и общезнания или остались общими местами, пригодными украшать досужие беседы взрослых людей, или служить темами для школьных упражнений. Что касается нравов, воспитанных влиятельными примерами и общим духом екатерининского времени, то они вообще признаны неудовлетворительными, хотя и пустили глубокие корни в обществе. Вопросы того времени для нас простые факты: мы считаемся уже с их следствиями и думаем не о том, что из них выйдет, а о том, как быть с тем, что уже вышло.

Значит, счета потомства с Екатериной II сведены. Для нас она не может быть ни знаменем, ни мишенью; для нас она — только предмет изучения. Сотая годовщина ее смерти располагает не судить ее жизнь, а вспомнить ее время; оглянуться на свое прошлое, а не тревожить старые могилы, и среди похвальных слов и обличительных памфлетов осторожно пройти к простым итогам давно окончившейся деятельности.

Не легко поставить мысль в такое отношение к царствованию Екатерины II. Старшие из тех, кому теперь приходится вспоминать это царствование по поводу исполнившегося столетия со дня его окончания, живо помнят еще поздние отзвуки двух резких и непримиримо-противоречивых суждений о нем, сложившихся еще при жизни Екатерины II и долго державшихся в обществе после нее. Одни говорили о том времени с восторженным одушевлением или с умиленным замиранием сердца: блестящий век, покрывший Россию бессмертной, всесветной славой ее властительницы, время героев и героических дел, эпоха широкого, небывалого размаха русских сил, изумившего и напугавшего вселенную. Прислушиваясь к этим отзвукам, мы начинали понимать донельзя приподнятый тон изданного шесть лет спустя по смерти Екатерины II и читанного нами на школьной скамье *«Исторического похвального слова Екатерине Второй»* Карамзина, смущавшие незрелую мысль выражения его о божественной кротости и добродетели, о священном духе монархини, эти сблизе-

ния с божеством, казавшиеся нам ораторскими излишествами. По мнению других, вся эта героическая эпопея была не что иное, как театральная феерия, которую изза кулис двигали славолюбие, тщеславие и самовластие; великолепные учреждения заводились для того только, чтобы прослыть их основательницей, а затем оставались в пренебрежении, без надлежащего надзора и радения об их развитии и успехе; вся политика Екатерины была системой нарядных фасадов с неопрятными задворками, следствиями которой были полная порча нравов в высших классах, угнетение и разорение низших, общее ослабление России. Тщеславие доводило Екатерину, от природы умную женщину, до умопомрачения, делавшего ее игрушкой в руках ловких и даже глупых льстецов, умевших пользоваться ее слабостями, и она не приказывала выталкивать из своего кабинета министра, в глаза говорившего ей, что она премудрее самого господа бога. Проходим молчанием отзывы о нравственном характере Екатерины, которых нельзя читать без скорбного вздоха.

Оба взгляда поражают и смущают не только своей непримиримой противоположностью, но и своими особенностями. Так, второй из них вызывает удивленно недоумение подбором своих сторонников. Наиболее резкое и цельное выражение его находим в известной записке *«О повреждении нравов в России»* князя Щербатова, служившего при дворе Екатерины II, историографа и публициста, человека образованного и патриота с твердыми убеждениями. Автор писал записку про себя, не для публики, незадолго до своей смерти, случившейся в 1790 г., и собрал в этом труде свои воспоминания, наблюдения и размышления о нравственной жизни высшего русского общества XVIII в., закончив нарисованную им мрачную картину словами: «плачевное состояние, о коем токмо должно просить бога, чтоб лучшим царствованием сие зло истреблено было». Но вот что заслуживает внимания. Известный дорожный сон Радищева, рассказанный в *«Путешествии из С.-Петербурга в Москву 1790 г.»* в главе *«Спаская Полесь»* — злая карикатура царствования Екатерины II. Здесь, особенно во второй патетической

части сна, где грезивший себя шахом, ханом или чем-то в этом роде автор, прозрев от прикосновения к его ослепленным властью и лестью глазам странницы Прямошоры, т. е. истины, видит всю бессмыслицу своих действий, казавшихся ему божественно-премудрыми, и общий тон картины и некоторые отдельные черты живо напоминают записку князя Щербатова. Человек другого поколения и образа мыслей, ультралиберал с иностранным университетским образованием, проникнутый самыми передовыми идеями века и любивший отечество не меньше князя Щербатова, понимавший и признававший величие Петра I, сошелся во взгляде на переживаемое ими время со старым доморощенным ультраконсервативом, все сочувствия которого тяготели к допетровской старине. Что еще замечательнее, к этим печальным часам у двух разных дверей», как назвал князя Щербатова и Радищева один позднейший писатель, присоединяется любимый внук Екатерины, ставший потом вторым ее преемником, которого она еще в пленках оторвала от семьи, чтобы воспитать его по своей педагогике и в своих идеях: на положение дел в государстве за последние годы жизни бабушки, которые он мог наблюдать, он смотрел не светлее князя Щербатова и Радищева. «В наших делах, — писал он Кочубею за полгода до смерти Екатерины, — господствует невероятный беспорядок: грабят со всех сторон, все части управляются дурно, порядок, кажется, изгнан повсюду». «Я всякий раз страдаю, — признается он в другом месте письма, — когда должен являться на придворную сцену, и кровь портится во мне при виде злодеяний, совершаемых другими на каждом шагу для получения внешних отличий, не стоящих в моих глазах медного гроша». Да и сам Карамзин в записке *О древней и новой России*», представленной императору Александру девятью годами позднее *«Похвального слова»*, рядом с блестящими сторонами царствования Екатерины отмечает и крупные «пятна»: порчу нравов в палатах и хижинах, соблазнительный фаворитизм, недостаток правосудия, преобладание блеска над основательностью в учреждениях, прибавляя к этому, что в последние годы Екатерины ее больше осуждали, не-

жели хвалили. Если припомнить при этом еще известную заметку Пушкина о XVIII веке, писанную около 1820 г. по свежим преданиям, то и не упоминая о других менее компетентных суждениях, современных или позднейших, можно понять характерно-разнообразный состав того, что мы назвали бы протиекатерининской оппозицией.

И все же это были одинокие голоса, которые были слышны очень немногим, за исключением разве книги Радищева, раздавались шопотом, про себя или в тесном кругу, и потому не могли расстраивать хорового суждения, так красноречиво выраженного в *«Похвальном слове»* Карамзина. И это суждение не совсем понятно и не столько по своему содержанию, сколько по своей возбужденности, по тому движению чувства и воображения, с которым оно высказывалось. Это был не исторический приговор, выведенный остывшей мыслью из обдуманых и проверенных воспоминаний о пережитом времени, а горячее непосредственное впечатление еще живой действительности, долго не замиравшее и по смерти лица, которое было ее душой. Такое впечатление было небывалым явлением в нашей истории ни одно царствование, по крайней мере в XVIII в., даже царствование Петра Великого, не оставило после себя такого энтузиастического впечатления в обществе. Карамзин, конечно, выражал последний, наиболее обобщенный результат, высшую сумму того, что восторженные современники видели в деятельности Екатерины II, когда писал в конце своего *«Похвального слова»*, что Россия в это деятельное царствование, «которого главною целью было народное просвещение, стала преобразилась, возвысилась духом, созрела умом, что отцы наши, если б они теперь воскресли, не узнали бы ее». Все это можно было сказать и о Петре Великом, даже с прибавлением, что его главною целью было еще и народное обогащение; люди времени Алексея Михайловича также не узнали бы своей старой московской *всёя Руси* в созданной его сыном Российской империи с С.-Петербургом, Кронштадтом, флотом, балтийскими провинциями, девятимиллионным бюджетом, новыми школами и т. п. Однако даже в обществе, вахно

ченном реформой, не в простонародной массе, незаметно такого общего весело-умиленного отношения к памяти Петра, какое потом установилось к Екатерине II: слышны отдельные голоса, проникнутые набожным благоговением, да и то пополам с жалобой на затруднения и огорчения, какие приходилось испытывать преобразователю, а скоро, и именно в царствование Екатерины II, слышались и резкие порицания его дела.

Это впечатление, независимо от своей исторической верности, от точности, с какою отражалась в нем действительность, само по себе становится любопытным историческим фактом, характерным признаком общественной психологии. Оно тем любопытнее, что царствование Екатерины II нельзя причислить к спокойным и легким временам, о которых люди вспоминают с особенным удовольствием. Напротив, это была довольно тревожная и тяжелая для народа пора. Сравнительным спокойствием Россия пользовалась в первые пять лет царствования, если не считать серьезным нарушением спокойствия крестьянских бунтов, в которых по счету самой Екатерины в первый год царствования участвовало до 200 тысяч крестьян и против которых снаряжались настоящие военные экспедиции с пушками. Затем — семилетний приступ внешних и внутренних тревог (1768—1774 гг.), начавшийся борьбою с польскими конфедератами, к которой вскоре присоединилась первая турецкая война, а внутри между тем — чума, московский бунт и пугачовщина. Современники, например, князь Щербатов, думали, что первая турецкая война обошлась России дороже какой-либо прежде бывшей войны. Из официальных источников известно, что только первые два года этой шестилетней войны стоили до 25 млн. рублей, что почти равнялось годовому казенному доходу тех лет. Кагульский бой был выигран 17-тысячным русским отрядом у 150-тысячной турецкой армии. Но в августе 1773 г. Екатерина говорила в совете, что с 1767 г. в пять наборов собрано уже со всей империи для пополнения армии до 300 тыс. рекрутов. За миром в Кучук-Кайнарджи в 1774 г. следовало 12-летнее затишье во внешней политике: это было время усиленной внутренней дея-

тельности правительства, эпоха законобесия (*législo- manie*), как выражалась Екатерина, когда вводились новые губернские учреждения, учреждены были комиссия народных училищ и ссудный банк, обнародованы *Устав благочиния*, жалованные грамоты дворянству и городам, Устав народных училищ 1786 г. и другие важные государственные акты. Почти повсеместным голодом 1787 г. открылся второй приступ тревог, не прекращавшийся до смерти Екатерины: вторая турецкая война, тяжелая не менее первой, и в одно время с нею война шведская, две войны с Польшей перед вторым и третьим ее разделом, персидский поход, финансовый кризис, военные приготовления к борьбе с революционной Францией. Из 34 лет царствования 17 лет борьбы внешней или внутренней на 17 лет отдыха! Недаром преемник Екатерины в циркуляре, разосланном к европейским дворам по вступлении на престол, называл Россию «единственной и свете державой, которая находилась 40 лет в несчастном положении истощать свое народонаселение». Значит людям, пережившим сорокалетие с 1756 года, с начала Семилетней войны оно представлялось временем непрерывного военного напряжения.

Правда, и результаты царствования были очень внушительны. Екатерина любила подсчитывать их, все чаще оглядываясь на свою деятельность по мере ее развития. В 1781 г. граф Безбородко представил ей инвентарь ее деяний за 19 лет царствования: оказалось, что устроено губерний по новому образцу 29, городов построено 144, конвенций и трактатов заключено 30, побед одержано 78, замечательных указов издано 88, указов для облегчения народа 123, итого 492 дела! К этому можно прибавить, что Екатерина отвоевала у Польши и Турции земли с населением до 7 млн. душ обоего пола, так что число жителей ее империи в 19 млн. в 1762 г. возросло к 1796 г. до 36 млн., армии с 162 000 человек усилена до 312 000, флот, в 1757 г. состоявший из 21 линейного корабля и 6 фрегатов, в 1790 г. считал в своем составе 67 линейных кораблей и 40 фрегатов, сумма государственных доходов с 16 млн. руб. поднялась до 69 млн., т. е. увеличилась болем

чем вчетверо, успехи промышленности выразились в умножении числа фабрик с 500 до 2 000, успехи внешней торговли балтийской — в увеличении ввоза и вывоза: с 9 до 44 млн. рублей, черноморской, Екатериной и созданной, — с 390 000 в 1776 г. до 1 900 000 рублей в 1796 г., рост внутреннего оборота обозначился выпуском монеты в 34 года царствования на 148 млн. рублей, тогда как в 62 предшествовавшие года ее выпущено было только на 97 млн. Значение финансовых успехов Екатерины ослаблялось тем, что видное участие в них имел питейный доход, который в продолжение царствования увеличен был почти вшестеро и к концу его составлял почти третью часть всего бюджета доходов. Притом Екатерина оставила более 200 млн. долга, что почти равнялось доходу последних 3½ лет царствования.

Результаты царствования, как ни были они важны, могли давать себя чувствовать медленно, по мере своего обнаружения, ощутительнее младшим поколениям, воспринимавшим уже сложившееся впечатление царствования, чем старшим, в которых оно складывалось; во всяком случае эти результаты могли скорее питать, чем широдить это впечатление. Сами по себе они могли вызвать удивление, даже благоговение, какое питали к Петру I, но не восторженное обаяние.

В памяти людей, сто лет назад оплакивавших смерть Екатерины, прежде всего выступали из прожитой дали явления, особенно сильно поразившие в свое время их воображение и чувство: Ларга, Кагул, Чесма, Рымник, победные празднества, слезы, пролитые при чтении Наказа, Комиссия 1767 г., торжественные собрания и речи наместников и дворянских предводителей при открытии губернских учреждений, блестящие оды, придворные маскарады, на которых в десятках дворцовых комнат толпилось 8 540 масок, путешествие императрицы в Крым со встречавшими ее на пути иллюминациями на 50 верст в окружности, с волшебными дворцами и садами, в одну ночь созданными. Не одни Таврические сады, но и целые Новороссии вырастали из-под земли, целые флоты всплывали из-под неведомых черноморских волн в немногие годы; «монархиня по-

велела — и глас ее, как лира Амфионова, творит новые грады, если не великолепием, то своею пользою украшеннее» (Карамзин). Недаром екатерининская Россия некоторым иностранцам современникам представлялась волшебною страной (*pays de féerie*). Воспоминания об этих явлениях, пережитых на протяжении 34 лет, соединяясь в быстро двигавшуюся ослепительную панораму, собирали рассеянные ощущения, ими вызванные, в цельное и сильное впечатление. Большинство тогда еще не знало закулисной механики всех этих семирамидных чудес, да если бы и знало, еще неизвестно, стало ли бы думать о них иначе: впечатление любимой пьесы не ослабляется знанием того, как, с какими усилиями и жертвами она разучивается и ставится. В записках современников Екатерины, ее переживших, останавливает на себе внимание одна черта. Они знают и трезво описывают темные стороны тогдашней правительственной деятельности и общественной жизни: небрежность и злоупотребление администрации, неподготовленность и недобросовестность судей, праздность и грубость дворянства, его нелады с крестьянами, пустоту общесития, общее невежество. Но когда они отрывались от этих вседневных печально-привычных явлений своего быта и пытались, обыкновенно по поводу смерти Екатерины, бросить общий взгляд на XVIII век, отдать себе отчет в его значении, их мысль как бы невольно, с незамечаемой ею последовательностью, переносилась в другой высший порядок представлений, и тогда они начинали говорить о всесветной славе Екатерины, о мировой роли России, о национальном достоинстве и народной гордости, об общем подъеме русского духа, и при этом речь их приподнималась и впадала в тон торжественных од екатерининского времени.

Они высказывали этот взгляд без доказательств, не как свое личное суждение, а как установившееся общепринятое мнение, которое некому оспаривать и не для чего доказывать. Очевидно, здесь читатель мемуаров имеет дело не с историческою критикою, а с общественною психологиею, не с размышлением, а с настроением. Люди судили о своем времени по

фактам окружавшей их действительности, а по своим чувствам, навеянным какими-то влияниями, шедшими поверх этой действительности. Они как будто испытали или узнали что-то такое новое, что мало подняло уровень их быта, но высоко приподняло их самосознание или самодовольство, и довольные этим знанием и самими собой, они смотрели на свой низменный быт свысока, со снисходительным равнодушием. Их чувства и понятия стали выше их нравов и привычек; они просто выросли из своего быта, как дети вырастают из давно сшитого платья. Можно даже думать, что самый пессимизм людей, мрачно смотревших на царствование Екатерины, черпал долю своей силы в этом общем духовном подъеме, происшедшем в это же царствование, и без того не был бы столь взыскателен. Если это так, то Екатерине пришлось испытать приятное и почетное неудобство, какое испытывает хороший преподаватель, который чем успешнее преподает, тем более усиливает требовательность учеников и помогает им замечать еще непобежденные недостатки своего преподавания.

Впечатление — совместное дело обеих сторон: и источника влияния и среды, его воспринимающей. Победы и торжества, законы и учреждения, блеском которых была окружена Екатерина, конечно, должны были сильно действовать на умы. Но в этом окружении и сама власть принимала позу, в какую она не становилась прежде, являлась перед обществом с другою физиономией, с непривычными манерами, словами и идеями. Эта новая постановка власти усиливала и действие самой ее обстановки, создавала настроение, без которого все эти победы и торжества, законы и учреждения не произвели бы на общество такого сильного впечатления. С этой стороны впечатление царствования Екатерины — очень важный момент в истории не только нашего общественного сознания, но и государственного порядка.

Некоторые свойства характера Екатерины II и особенности ее политического воспитания имели первостепенное значение в этой новой постановке власти, как и в образовании впечатления, произведенного царствованием.

II

Достоинно внимания, что люди, близко наблюдавшие Екатерину II, принимаясь разбирать ее характер, обыкновенно начинали с ее ума. Правда, в уме не отказывали ей даже ее недруги, кроме ее мужа, который, впрочем, и не считался компетентным экспертом в таком деле. Однако это не была самая яркая черта характера Екатерины: она не поражала ни глубиной, ни блеском своего ума. Конечно, такому умнику, как поставленный король польский Станислав Понятовский, который не мог шагу ступить без того, чтобы не сказать красивого словца и не сделать глупости, ум Екатерины II должен был казаться необъятной величиной. «Там очень умны, там, — писал он про Екатерину г-же Жоффрен, — но уж очень гоняются за умом». Последнее — напраслина на Екатерину и сказано по привычке судить о других по себе: кто гоняется за тем, чем уже владеет? Екатерина была просто умна и ничего более, если только это — малость. У нее был ум не особенно тонкий и глубокий, зато гибкий и осторожный, сообразительный, *умный ум*, который знал свое место и время и не колол глаз другим. Екатерина умела быть умна кстати и в меру. Она, которой со всех сторон напевали в уши о ее великом уме, так просто душно признавалась доктору Циммерману на вершине своей славы, что знала весьма много людей несравненно умнее ее. У нее вообще не было никакой выдающейся способности, одного господствующего таланта, который давил бы все остальные силы, нарушая равновесие духа. Но у нее был один счастливый дар производивший наиболее сильное впечатление: память, наблюдательность, догадливость, чутье положения, умение быстро схватить и обобщить все наличные данные, чтобы во-время принять решение, и брать тон, в случае надобности благоразумная мораль и умеренно согретое чувство — все эти мелкие пружинки из деятельности которых слагается ежедневная житейская работа ума, Екатерина умела приводить в движение легко и ежеминутно, когда бы это ни понадобилось, без заметного для зрителя усилия. Эта всегдашняя

няя готовность к мобилизации сообщала Екатерине чрезвычайную живость без увлечения. Она всегда была в полном сборе, в обладании всех своих сил. Странническая молодость Екатерины, ранняя привычка жить среди чужих людей много содействовала этой, говоря языком старых учебников психологии, постоянной *самособранности*. Отсюда же ее находчивость в неожиданных затруднениях: ее трудно было застать врасплох и при уменьи собираться с мыслями она быстро соображала, чего от нее требует минута. Та же привычка жить не дома, сталкиваться с чужими людьми, в которых она нуждалась больше, чем они в ней, вместе с чутьем среды и положения рано развила в Екатерине наблюдательность, соединенную с уживчивостью: я могу припоровляться ко всяким характерам, — говорила она Храповицкому, — уживусь, как Алкивиад, и в Спарте и в Афинах. Наблюдательность — на это дело больше охотников, чем мастеров. Екатерина достигла большого искусства в этом деле и выработала на то свои приемы. Она охотнее наблюдала людей, чем вещи, рассчитывая, что через знающих людей лучше узнает вещи, чем собственным изучением. Наперекор общей склонности замечать чужие слабости, чтоб ими пользоваться, Екатерина думала, что если нуждаешься в других, то полезнее изучать их сильные стороны, на которые надежнее можно опереться. И она вслушивалась и всматривалась во всякого чем-нибудь выдающегося человека, изучала его мышление, знание, взгляды на людей и вещи. В обращении она не старалась блистать разговором, чтобы не мешать высказываться собеседнику. Зато в ней удивлялись искусству слушать, долго и терпеливо вслушиваться всякого, о чем бы кто ни говорил с ней; притом собеседника своего она изучала больше самого предмета беседы, хотя тому казалось наоборот. Так вместе со знанием людей Екатерина выработала себе и лучшее средство приобретать их — внимание к *человеку*, умение входить в его положение и настроение, угадывать его нужды, задние мысли и невысказанные желания: во-время дав собеседнику почувствовать, что и он сам и его слова поняты в наилучшем для него смысле, она овладевала его доверием. В этом заключа-

лась тайна неотразимого влияния, какое, по словам испытавшей его на себе княгини Дашковой, Екатерина умела своим восхитительным обращением производить на тех, кому хотела нравиться. Привычка слушать могла даже превращаться у нее в автоматическую манеру: слушая знакомую возвышенно-скучную трескотню какого-нибудь Бецкого, она сохраняла вид внимания, думая совсем о другом. И она хорошо знала людей, с которыми ей приходилось вести дела, от своей горничной Марьи Саввишны Перекусихиной до короли Фридриха II Великого. Эти свойства помогли ей выработать пригодные средства действия в среде, где ей пришлось действовать.

«Като (Cathos, как звали Екатерину в обществе Вольтера) лучше видеть издали», — писала Екатерина Гримму в 1778 г., прося его отговорить 80-летнего французского пустынного от непосильной для его лет поездки в С.-Петербург. Люди, близко видавшие ее, находили в ней не мало слабостей. Ее упрекали в самолюбии, «в самолюбии до бесконечности», в тщеславии, любви к лести. Может быть, корни этих слабостей лежали в самом ее характере; но, несомненно, в их развитии и формах обнаружения принимала участие политическая судьба. Честолюбие и слава суть потаенные пружины, которые приводят в движение государей, сказал однажды Фридрих II русскому послу, говоря о Екатерине. Но Екатерине необходимо было пользоваться этими пружинами по расчетам безопасности. Слава была для нее средством упрочить за собой приобретенное положение. Эта необходимость, возбуждая самолюбие, удерживала от ослепленного самомнения. Екатерина знала, что самомнение, принимающее приращение за таланты, лучшее средство стать смешным, а она больше всего боялась стать предметом смеха или сострадания, что было и небезопасно в ее положении. У нее было осмотрительное, даже мнительное самолюбие, заставлявшее ее соображать замыслы и притязания со средствами оправдать их. Она признавала необходимым иметь такие оправдательные средства, но была настолько уверена в себе, что надеялась всегда найти их, когда того потребует положение. Чтобы быть

чем-нибудь на этом свете, — пишет она, припоминая размышления своего детства, — надобно иметь нужные для того качества; заглянем-ка хорошенько внутрь себя, имеются ли у нас такие качества, а если их нет, то разовьем их. При такой осмотрительности, находчивая и решительная в мелких случаях, она имела привычку колебаться перед крупными делами, взвешивать вероятности успеха и неудачи, советоваться, выведывать мнения.

В этой мнительности, при постоянной заботе о мнении света, кажется, надобно искать и корня ее слабости к лести. Трудно подумать, чтобы при своей трезвой, положительной натуре, чуждавшейся всего мечтательного и платонического, Екатерина могла любить лесть просто за доставляемое ею чувство самодовольства и при своем самолюбии не оскорбляться обидным мнением, какое льстец имеет о своей жертве. Но пребывая на простор из тесной доли, она смолоду научилась знать цену людскому мнению и ее всегда страшно занимал вопрос, что о ней думают, какое производит она впечатление. Одобрительные отзывы были для нее что аплодисменты для дебютанта, возбуждали и поддерживали ее силы, ее веру в себя. Достигнув власти, она видела в таких отзывах признание своих добрых намерений и сил исполнить их и считала своею обязанностью быть благодарной. Когда уволенный от должности Державин в 1789 г. поднес Екатерине чрез секретаря ее Храповицкого вместе с прошением и свою «Фелицу», с каким удовольствием прочитала она секретарю стихи из этой оды:

Еще же говорят неложно,
Что будто завсегда возможно
Тебе и правду говорить,

и сказала Храповицкому: *on peut lui trouver une place*. Не недостаток был в том, что наемное усердие клакеров она нередко принимала за выражение чувств увлеченной и благодарной публики. Но она обижалась лестью, когда подозревала в ней неискренность. Вольтер, один из самых усердных, но не самый ловкий из ее льстецов, не раз получал от нее почтительные и нежные щелчков.

ки — за неловкость, а не за усердие. Со временем панегирики вошли в состав придворного и правительственного этикета: Екатерине жужжали в уши ее эпопею иноземные послы и сановники на куртагах и табельных торжествах, директор кадетского корпуса Бецкий на кадетских представлениях Чесменского боя, директор театра Елагин на публичных спектаклях с куплетами о Кагуле или Морейской экспедиции, генерал-прокурор князь Вяземский в сенатских докладах и финансовых отчетах. Екатерина привычным слухом внимала всему этому песнопению, как выражению обязательного усердия по долгу службы и присяги, и только когда певцы славы начинали уж слишком больно резать ухо фальцетом от избытка усердия, обращалась к окружающим со стыдливой оговоркой: *il me loue tant, qu'enfin il me gêtera*. Она любила почтительное отношение к себе, и когда император Иосиф II, в котором она видела только немощь физическую и духовную, в 1780 г. приехал к ней на поклон в Могилев, то стал человеком очень образованным, и «головой самой основательной, самой глубокой, самой просвещенной, какую я знаю», хотя она и подшучивала язвительно над панихидой, отслуженной им в Петербурге за упокой души Вольтера из уважения к его набожной ученице. Но когда И. И. Шувалов, возвратясь из Италии, сообщил ей, что там художники делают ее профиль по бюстам или медалям Александра Македонского и вполне довольны получаемым сходством, она шутила над этим с видимым самодовольством. Не видать также, чтоб она сердилась на своего заграничного корреспондента Гримма, который в шутовском письме приписал ей на 52-м году жизни «наружность матери амуров». Но тому же Гримму она признавалась, что на нее благотворно действовали не похвалы, а злословие, побуждавшее ее отомстить ему, делами доказать его лживость.

С летами, когда европейские знаменитости стали величать ее самой дивною женщиной всех времен, привычка к удаче сделала ее несколько самоуверенной и очень обидчивой. Она раздражалась не только порицанием ее действий, но и мнениями, с которыми была несогласна. Это нередко вводило ее в протипу

речью с собой. Это был смелый шаг с ее стороны — во французском переводе представить вниманию французского общества свой *Наказ*, наполненный выписками из книг, и без того хорошо там известных. Но французских экономистов с Тюрго во главе за то, что они осмелились разбирать *Наказ* и даже прислать ей этот разбор, она обозвала дураками, сектой, вредной для государства. Она не могла простить Рейналю его отъезда, что ей ничего не удается, и называла его ничего не стоящим писателем. Даже свой вкус она считала обязательным для других и за это раз была наказана своим главным кухмистером Барманом. Екатерина любила архитектуру, живопись, театр, скульптуру, но музыки не понимала и откровенно признавалась, что для нее это — шум и больше ничего. Веселая и смешливая, сама признававшая веселость наиболее сильной стороной своего характера, она допускала исключение только для комической оперы, и выписанный из Италии маэстро Паизиелло веселил ее на ее эрмитажном театре оперой «*Le philosophe ridicule*», где, по ее словам, морила ее до упаду ария, в которой положен на музыку кашель. Она заставляла посещать эту оперу даже святейший синод, который, по ее словам, «также смеялся до слез вместе с нами». Она вообще любила веселый репертуар и раз за обедом спросила Бармана, нравится ли ему «*Die schöne Wienerin*», фарс, особенно ее увлекавший. «Да бог знает, оно как-то грубо», — отвечал простодушно несообразительный кухмистер. Екатерина вспыхнула и едва ли удачно поправила положение, заметив в тоне той же *schöne Wienerin*: я желала бы, чтобы у моего главного кухмистера был такой же тонкий вкус (разумеется, кухонный), как тонки его понятия.

Впрочем, бюсты Александра Македонского не усыпляли в ней ее истинной силы — энергии. Приняв решение после некоторых колебаний, она действовала уже без раздумья, и тогда все на свете в ее глазах становилось прекрасным; и положение империи, и дела сотрудников, и ее собственные дела, — все благоденствовало, цело и илгасало. Во время первой турецкой войны, когда на Западе трубили уже об истощении России, Екатерина писала Вольтеру, что у нее в империи нигде ни в чем

нет недостатка, нет крестьянина, который не ел бы курицы, когда хотел, везде поют благодарственные молебны, пляшут и веселятся, а когда в 1769 г. русские дела шли совсем плохо и недоброжелатели Екатерины потирали руки от удовольствия, пророча ей скорое падение, она писала подруге своей матери Бьельке: «Пойдем бодро, вперед! — поговорка, с которою я провела одинаково и хорошие, и худые годы, и вот прожила 40 лет, и что значит настоящая беда в сравнении с прошлыми?» Бодрость была одним из самых счастливых свойств характера Екатерины, и она старалась сообщать ее своим согражданам в самых простых формах. Когда австрийцы, во все время первой турецкой войны грозившие России заступиться за турок, завершили свое заступничество тем, что отняли у своих клиентов Буковину, с каким самодовольством писала она князю Репнину, что цесарцы непременно поссорятся с турками и будут побиты, а она — руки в боки, фертгом будет сидеть да смотреть на это, повторяя: вот так удружили! Екатерина не выносила уныния: «для людей моего характера, — признавалась она — ничего нет в мире мучительнее сомнения». Притом уныние вождя расстраивает команду, и Екатерине подчас приходилось поступать подобно людям, над которыми они с Гриммом шутили в своей переписке, которые поют ночью на улице, чтобы показать, что они не трусы, а еще более из боязни, как бы не струсить. Только раз, когда получено было известие, что турки объявили войну (вторую), замочена была ее минутная робость, и она с упавшим духом начала было говорить об изменчивости счастья, о непрочности славы и успехов, но скоро пришла в себя, с веселым видом вышла к придворным и всем вдохнула уверенности в успехе. Так рассказывает очевидец. В этих случаях Екатерину выручало ее испытанное самообладание, выработанное ею еще в те времена, когда в неопределенном положении брошенной жены, оскорбляемая мужем как жена и как женщина, и в возможном будущем с флюбуком русской инокини на своей вольтерьянской голове, она наедине обливалась слезами, но тотчас вытирала глаза и как ни в чем не бывало, с веселым лицом выходила в общество. Недаром она хвалилась, что

никогда в жизни не падала в обморок. Очень редко, и то лишь в первые шаткие годы царствования, видали ее задумчивой. До поздних лет, на седьмом десятке, в добрые, как и в худые дни она встречала являвшихся по утрам статс-секретарей со своей всегдашней, всем знакомой улыбкой, сидя на стуле за маленьким выгнутым столиком в белом гродетуровом капоте и белом флеровом немножко на бекрень чепце на довольно густых еще волосах, со свежим лицом и с полным ртом зубов (одного верхнего не доставало), в очках, если вошедший заставлял ее за чтением, в ответ на низкий поклон ласково, со своим характерным поворотом головы под прямым углом, протягивала руку и, указывая на стул против себя, своим протяжным и несколько мужским голосом говорила: «садитесь».

Живость без возбужденности требовала работы, и современники удивлялись трудолюбию Екатерины. Она хотела все знать, за всем следить сама. Находя, что человек только тогда счастлив, когда занят, она любила, чтобы ее тормозили, и признавалась, что от природы любит суесться и чем более работает, тем бывает веселее. Постоянная работа стала ее привычкой и спасала ее от скуки, которой она так боялась. Занятия шли у нее в строго размеренном порядке, однообразно повторяющейся изо дня в день чередой, но, по ее словам, в это однообразие входило столько дела, что ни минуты не оставалось на скуку. Когда наступали важные внешние или внутренние дела, она обнаруживала усиленную деятельность, по ее выражению, суежилась, не двигаясь с места, работала, как осел, с 6 часов утра до 10 вечера, до подушки, «да и во сне приходит на мысль все, что надо было бы сказать, написать или сделать». Сам Фридрих II дивился этой неутомимости и с некоторой досадой спрашивал русского посла: «Неужели императрица в самом деле так много занимается, как говорят? Мне сказывали, что она работает больше меня».

В молодости она много работала над своим образованием и рано запаслась разнообразными сведениями. Свою начитанность она объясняла житейскими нуждами, доставившими ей для того много досуга. В шуточной эпитафии самой себе, написанной в 1778 г., она

признается, что 18 лет скуки и уединения (т. е. замужества, 1744—1762 гг.) заставили ее прочесть множество книг. Приобретенный запас она старалась пополнять и на престоле. Она хотела стоять в уровень с умственным и художественным движением века. С.-Петербургский Эрмитаж с своими картинами, ложами Рафаэля, тысячами гравюр, камней — монументальный свидетель ее забот о собирании художественных богатств, а в самом Петербурге и его окрестностях, особенно в Царском Селе, сохранились еще многие сооружения работавших по ее заказам иностранных мастеров Тромбара, Гваренги, Камерона, Клериссо, не говоря уже о Фальконе, а также и о русских художниках Чевакинском, Баженове и многих других. Из Плуларха, Тацита и других древних писателей, прочитанных ею во французских переводах, из романов, драм, опер, разных историй она запаслась множеством политических и нравственных примеров, изречений, анекдотов, острог, поговорок, разнообразных мелких сведений, которыми она поддерживала гостиную *causerie* на своих вечерах и украшала свою обширную переписку. В научном и литературном движении Запада она хотела участвовать не одними щедрыми подарками, пенсиями, покупками по пожалованному ей там званию царскосельской Минервы, но и прямым знакомством с ученою литературой, как образованный человек своего времени. При свидании в Могилеве Екатерина самодовольно удивилась, заметив, что «Эпохи» Бюффона еще не попались Иосифу II под руки. Сама она прочитала эту книгу с увлечением и признавалась, что Бюффон своим творением прибавил ей мозгу. Она штудировала историю астрономии Бальи, торопит свою Академию наук определением широты и долготы городов С.-Петербургской губернии, изучает Гиббона, английского законоведа Блекстона, обрабатывает русские летописи, чтобы составить историю России для своих внуков и даже погружается в сравнительное языковедение, чему опять помогло одно домашнее горе. Летом 1784 г. умер Ланской. Екатерина, называвшая его своим воспитателем, была безутешна, опасно занемогла сама, опривилась, но замкнулась в своем кабинете, не могла ни

есть, ни спать, не выносила лица человеческого. Почуввав беду, прискакал из Крыма другой воспитанник Потемкин и вместе с Ф. Орловым осторожно пробрался к Екатерине. Она расплакалась, за ней заревели оба утешителя и — «я почувствовала облегчение», — добавляет она, описывая эту сцену. Она хотела утопить свое горе в усиленном чтении и принялась за присланное ей незадолго перед тем многотомное филологическое сочинение in quarto французского ученого Кур-де-Жебеленя *«Monde primitif»*. Она увлеклась мыслью автора о первобытном, коренном языке, праотце всех позднейших, обложила себя всевозможными лексиконами, какие могла собрать, и принялась составлять сравнительный словарь всех языков, положив в основу его русский, собирая для него материалы, тормошила филологическими запросами и поручениями своих послов при иностранных дворах, губернаторов, даже восточных патриархов и самого маркиза Лафайета. Эти словарные хлопоты кончились тем, что работа со всеми собранными материалами была передана академику Паллау, который к 1787 г. и приготовил первый том издания под заглавием *«Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы»*.

Наиболее сильное действие на политическое образование Екатерины оказало ее столь известное знакомство с тогдашнюю литературой просвещения — с Монтескье и Беккариа, которыми она так усердно воспользовалась для своего *Наказа*, и особенно с Вольтером, которого она благоговейно называла своим учителем и которому писала, что желала бы знать наизусть каждую страницу его *«Опыта»* всеобщей истории; по смерти его она выражала желание, чтоб его изучали, затверживали наизусть, и писала, что изучение его образует граждан, гениев, героев и писателей, разовьет сто тысяч талантов. Вольтеру она была благодарна и за то, что он, по ее словам принцу де Линю, ввел ее в моду. Но к другим литературным корифеям она потом охладела и жаловалась тому же принцу, что они навели на нее скуку и не поняли ее. Она не любила людей, натертых чужим умом и знанием, как говорила она,

повторя выражение своей приятельницы г-жи Жоффрен. Но сама она была так восприимчива, так быстро схватывала и усваивала чужую идею, что присвоила ее себе, а в источнике видела только ее развитие или же развивала ее по-своему. Отсюда ее склонность подражать и пародировать. Прочитала она в немецком переводе драматические хроники Шекспира — и у нее явился свой «Рюрик», «историческое представление, подражание Шакеспиру». Из внимательного изучения политической литературы она едва ли вынесла какой-либо определенный, цельный план нормального государственного устройства. В упомянутой эпитафии она называет себя женщиной с добрым сердцем и республиканскою душой, — именно с душой, а не с образом мыслей, соответствующим такому политическому порядку. Как все люди, больше наблюдавшие, чем размышлявшие, она не исчерпывала усвояемой идеи до дна, до глубины ее корней, а овладевала ею лишь настолько, чтоб ее можно было растолковать другим без особенных усилий и развить в понятные всем последствия. О Блэкстоне, который был для нее обильным источником юридических сведений и законодательных идей, она писала, что ничего не берет из его сочинений прямо, целиком, а только вытягивает оттуда нить, которую разматывает по-своему. Но это изучение приучило ее мысль размышлять о таких трудных предметах, как государственное устройство, происхождение и состав общества, отношение лица к обществу, дало направление и освещение ее случайным политическим наблюдениям, уяснило ей основные понятия права и общежития, те политические аксиомы, без которых нельзя понимать общественной жизни и еще менее можно руководить ею. Так как в тогдашних теориях политика неразрывно связывалась с гражданской моралью, то политические понятия Екатерины окрасились тем несколько туманным благодушным свободомыслием, которое усваивается именно добрым сердцем больше, чем сознанием, и не облекается в какие-либо практически пригодные учреждения или законы, а выражается больше в приемах и духе управления, растворяется в чувство общего доброжелательства к человеку и

человечеству, в желание им счастья и свободы от всякого гнета и заблуждения. Это и были те «мои принципы», которые потом подробно и систематически изложены были в *Наказе* и на которые она указывала Комиссии об уложении, как на основание нового законодательства, ею предпринятого. Она начала обдумывать их еще до воцарения, руководимая каким-то внутренним голосом, который, как она признается в своих мемуарах, ежеминутно внушал ей, что рано или поздно она достигнет русского престола. Сохранилось несколько записочек, в которых она набрасывала мысли, мимолетно набегавшие среди чтения и вызванных им размышлений. «Я желаю только добра стране, куда бог меня привел, — писала она, — слава страны составляет мою собственную, — вот мой принцип; была бы я очень счастлива, еслиб мои идеи могли этому способствовать». Эти идеи относились и к внешней и к внутренней политике. Обширной империи, нуждающейся в населении, необходим мир. В этом отношении едва ли полезно обращать наших инородцев в христианство: многоженство лучше содействует умножению населения. «Власть без народного доверия ничего не значит для того, кто хочет быть любимым и славным». Для этого стоит только принять в основание действий народное благо и правосудие. «Хочу общей цели — сделать счастливыми, а не каприза, ни странностей, ни жестокости». Средства действия — правда и разум, который, будьте уверены, возьмет верх в глазах толпы. Правосудию и христианской религии противно рабство. Все люди родятся свободными. «Хочу повиновения законам, а не рабов». Но разом освободить русских крестьян нельзя: этим не приобретешь любви землевладельцев, исполненных упорства и предрассудков. Но есть легкий способ: *постановить* освобождать крестьян при продаже имений, — и вот через сто лет народ свободный. «Свобода, душа всех вещей, без тебя все мертво». Необходимы новые законы. Единственное средство узнать, хорош или нет новый закон, — распустить о нем слух на рынке и велеть доносить, что про него говорят. «Но кто вам донесет о последствиях в будущем?» Необходимо отменить варварский обычай пытки,

ненавистную конфискацию имущества виновных, чрезвычайные судные комиссии, особенно секретные, к которым, «мне кажется, всю мою жизнь буду чувствовать отвращение». Однако главное дело не в законах. «Снисхождение, примирительный дух государя сделают более, чем миллионы законов, а политическая свобода даст душу всему. Часто лучше внушать преобразование, чем их предписывать». Всегда государь виноват, если поданные против него огорчены, писала Екатерина в 1765 г. в наставлении своему сыну и потомкам: «изволь мериться на сей аршин; а если кто из вас, мои дражайшие потомки, сии наставления прочтет с уничтожением, так ему более в свете и особливо в российском счастье желать, нежели пророчествовать можно». С годами, под влиянием житейского опыта, ее мысль несколько остыла и возвратила свою природную трезвость, даже с оттенком какого-то шутиwego пессимизма. «*Tout se mange dans ce monde-ci*», — сказала она однажды Храповицкому, увидев, как галки и вороны клевали червей, выползших из земли после дождя. Все-то на свете ест друг друга, — и под влиянием этого наблюдения она писала, что только посредственные головы могут увлекаться мечтой о вечном мире. Юношеские идеи не были брошены, но получили более тесное применение, были переведены из политики в литературу. «Я вполне понимаю ваши великие начала, — говорила она своему гостю Дидро в 1774 г., — только с ними хорошо писать книги, но плохо действовать. Вы имеете дело с бумагой, которая все терпит, а я, бедная императрица, имею дело с людьми, которые почувствительнее и пощекотливее бумаги». Поблекла и юношеская вера и силу правды и разума. «Род человеческий вообще склонен к неразумию и несправедливости, — писала Екатерина доктору Циммерману, — если б он слушался разума и справедливости, то в нас (государях) не было бы нужды». Прежде разум и правда казались необходимыми и достаточными опорами власти, желавшей быть благотворной и сильной, а теперь сама власть представлялась ей печально необходимою заплатой на прорехах человеческой природы, образуемых недостатком этих благодетельных сил.

III

Таковы личные средства, принесенные на престол Екатериной. Они состояли в гибкости и энергии характера, «в волюшке, — по ее выражению, — против которой не устоит никакое препятствие», в житейском опыте, сообщавшем ей тот «закал души», которым она так гордится в своих записках, в чуть среды и уменье к ней применяться, в значительной выработке политического мышления и в обильном запасе гуманных политических идей, не вполне ясных и согласенных между собою, едва выходявших из расплавленного состояния, не успевших еще отлиться в твердые убеждения и много-много кристаллизовавшихся в добрые намерения. Но она знала по опыту и записала в одной из записочек, что «недостаточно быть просвещенным и иметь наилучшие намерения и даже власть исполнить их». Надобны еще обдуманые приемы действия, подходящие исполнители, подготовленные умы и слаженные интересы.

«У меня много постоянства и великое уважение к истине», — наставительно писала однажды Екатерина датскому королю Христиану VII. Отклоняя от себя излишние похвалы, она любила приписывать свои успехи сотрудникам и счастью: «Поверьте, — говорила она принцу де Линю, — я только что счастлива, и если мною несколько довольны, то это потому, что и несколько постоянна и одинакова в своих привычках». Но князь Щербатов упрекает ее в такой изменчивости, «что редко и один месяц одинаковая у ней система в рассуждении правления бывает». Должно быть, этот упрек относится больше к ее приемам действия. В этом отношении она не была особенно строга. Ссылаясь на пример дон Базилио в *«Севильском цирюльнике»*, она писала: «и у меня есть кой-какие миленькие правила, которые я прилагаю с известным разнообразием». Она думала, что каждый принимает тон и склад своего положения и что для успеха в этом мире иногда необходимо разнообразить свою походку. Держась известных принципов, она не считала необходимым возводить в неподвижную систему приемы дей-

ствия, сообразуемые с вечно меняющимися минутами. Сопоставляя представительные французские собрания при Калонне и Неккере со своею Комиссиею 1767 г., она писала: «Мое собрание депутатов вышло удачным, потому что я сказала им: знайте, вот каковы мои начала; теперь выскажите свои жалобы; где башмак жмет вам ногу? Мы постараемся это поправить; у меня нет системы, я желаю только общего блага». Оставаясь верной раз поставленным задачам, она не держалась педантически однообразных приемов действия, умозрительно рассчитанных и не согласованных с наличными условиями дела. Она вообще не принадлежала к числу людей, готовых во имя порядка ввести анархию, и не хотела своему правоверию старообрядчески жертвовать самою верой. Такой выбор приемов показывает, что из политической философии путем ее изучения Екатерина извлекла больше политики, чем философии. Этот выбор облегчался уменьем Екатерины смотреть в глаза действительности прямо и просто и даже находить в своем юморе утешение при виде неустранимых зол. «Мои воровывают точно так же, как и других, но это хороший знак и показывает, что есть что воровать». Писала она г-же Бьельке в 1775 г. Притом, слабо чувствуя на себе давление местных обычаев и преданий как пришедшая из другого мира, она была свободнее в выборе способов действия и установке своих отношений и ей было легче, чем Марии-Терезии или Георгу III, подшучивать над китайскими людьми, которые, по довольно наглядному уподоблению, всегда сидят по уши в своих обычаях и преданиях и не могут высморкаться, не справляясь с ними.

Она не отказывалась от такой же свободы действия и в своих отношениях к сотрудникам. Она ценила их заслуги, это было одним из основных ее правил. «Кто не уважает заслуги, — писала она в одной из ранних своих записок, — тот сам их не имеет; кто не старается отыскать заслугу и не открывает ее, тот не достоин и не способен царствовать». К такому энергическому признанию заслуги обязывало Екатерину и особенное значение людей с заслугами для того порядка, какой она считала необходимым для России и в ней поддер-

живала. Как самодержавная императрица она думала, что ход дел в государстве зависит не столько от его устройства, сколько от его управителей. Негодуя на дурное ведение дел в современной ей Англии при конституции, считавшейся лучшей в Европе, она писала: «Вот что значат мальчишки; но прежде дела шли иначе: стало быть, не формы, а деятели виноваты». Однако не видно, чтоб Екатерина усиленно искала талантов. «Когда мне в молодости, — признавалась она, — случилось встретить умного человека, во мне тотчас рождалось горячее желание видеть его употребленным ко благу страны». Но с годами она стала относиться к этому хладнокровнее и даже считала возможным обойтись без поисков за дарованиями, хотя и любила и умела пользоваться попадавшимися под руку. Она не боялась и не чуждалась людей даровитых, но считала неспособных более удобными сотрудниками «Бог нам свидетель, что мы, круглые невежды, не имеем никакой особенной склонности к дуракам на высоких местах». Но, думала она, нельзя же отыскивать людей по картинке, по своему фасону или идеалу, да и нет нужды в таких поисках. Нужные люди всегда найдутся, когда понадобится. «Всякая страна способна доставлять людей, необходимых для дела. Я никогда не искала и всегда находила под рукою людей, которые мне служили, и большею частью служили хорошо». Екатерина относилась к способным людям точно так же, как к собственным способностям: нет таких людей вокруг, — надо их сделать из тех, какие есть. Значит, дело не в том, чтоб искать людей, а в том, чтоб уметь пользоваться теми, кто под рукою, и искусство править — в том, «чтобы со всякими людьми заставлять дела идти как можно лучше». Может быть, такой взгляд был лишь обобщением счастливой случайности: Екатерине посчастливилось при вступлении на престол среди всяких людей найти под рукою таких, с которыми можно было вести дела хорошо. Однако в начале царствования она однажды жаловалась французскому послу Бретейлю на неспособность своих министров, прибавив, что, к счастью, молодые люди подают ей утешительные надежды. Она начала царствовать с людьми

елизаветинской школы, т. е. с самоучками: с Бестужевым-Рюминым, Шаховским, Шуваловым, Воронцовыми, Паниными, Голицыными, Румянцевым, Чернышовыми. Она нуждалась в них, они ей усердно служили, некоторые очень много для нее сделали; она их ценила, но не любила, втихомолку подсмеивалась над ними и постепенно почти со всеми разошлась. Она считала полезным обновлять правительственный персонал и любила новых людей, которых ставила подле старых или на их место, чтобы, по ее словам, мешать ржавчине останавливать колеса и пришпоривать бездарности. Может быть, за эту склонность менять людей и приписывали ей правило, выразившееся ею в известной поговорке о выжатом лимоне. Она хотела иметь *своих* людей, образовать свою школу из новых талантов, ею открытых. «Я не боюсь чужих достоинств, — говорила она, — напротив, желала бы иметь вокруг себя одних героев и все на свете употребляла, чтобы сделать героями тех, в ком видела малейшее к тому призвание». Но ей не легко было найти таких людей вокруг себя. Вельможи, ее окружавшие, страдали не одним только тем недостатком, что, по свидетельству статс-секретаря Грибовского, за немногими исключениями не умели правильно писать по-русски. Среди них скорее можно было найти приятных собеседников вроде обер-штальмейстера Л. Нарышкина или графа А. Строганова, чем дельцов. В этом кругу морской способности к делам служила еще старая поговорка, слышанная Н. Паниным «у престола государева от людей, его окружающих», и записанная им в одном докладе Екатерине: «была бы милость, всякого на место станет». Но Екатерине уже нельзя было руководиться этою поговоркой в выборе своих сотрудников. Люди с крупными умственными и нравственными достоинствами, образованные и любившие горячо свое отечество, но скромные и прямые, подобные учителю математики при великом князе Павле Порошину, как то плохо уживались при ее дворе, хотя в инструкции генерал-прокурору она и обещала опытами показать, что у двора честные люди живут благополучно. Оставалось выбирать из пособников в перевероте 28 июня

или из людей, указанных Румянцевым, Салтыковым, Паниным, Потемкиным. Между ними оказывались люди деловитые и не без дарований, чаще с притязаниями вместо дарований, с честолюбием и воображением, решительно превозмогавшими их силы и всякую действительность, бойкие и смелые игроки в судьбу, легко перекраивавшие карту Европы, составлявшие планы разрушения существующих государств и восстановления когда-то существовавших, чертившие будущие границы Российской империи с шестью столицами (С.-Петербург, Москва, Берлин, Вена, Константинополь, Астрахань — по проекту Платона Зубова). Екатерина была очень доверчива и пристрастна к своим избранникам, преувеличивала их способности и свои надежды на них, ошибалась в первых и обманывалась в последних; но она пользовалась не только их силами, но и самыми слабостями, возбуждала их служебную ревность и соревнование друг с другом и со старыми дельцами, умеряла соперничество, не допуская его до открытой вражды. Осторожный и ленивый Н. Панин, с одной стороны, напевал ей одно, отважный и тоже ленивый Григорий Орлов, с другой — другое, противоположное, а она, по ее выражению, курц-галопом выступала между обоими вечно враждовавшими друг с другом советниками и, несмотря на их вражду, «дела шли и шли большим ходом». Одним приемом она еще более усиливала исполнительную ревность своих сотрудников. В отношении к ним ей чаще удавалось принятое ею правило в проведении реформ: лучше подсказывать, чем приказывать. Хорошо изучив людей, она знала, кому какое дело поручить можно, и так осторожно внушала намеченному исполнителю свою мысль, что он принимал ее за свою собственную и тем с большим рвением исполнял ее. Поощряемые милостивым вниманием и возбуждаемые взаимным соперничеством, наперерыв один перед другим стараясь отличиться, эти люди, выхваченные наверх часто житейской случайностью с довольно глубокого низа, внесли в ход дел большое оживление, производили много шума и движения, сделали не мало и полезного, но при этом тратили страшно много средств. Они, конечно, произвели впечатление на со-

временников: рассказы об екатерининских орлах долго не умолкали в русском обществе, и Карамзин только с ораторским преувеличением резюмировал эти рассказы, когда говорил в своем *«Похвальном слове»*, что «только во время Екатерины видели мы волшебные превращения нежных сибаритов в суровых чад Лакедемона, видели тысячи российских Альцибиадов». Но надежды, возложенные на молодежь в начале царствования, едва ли были оправданы; иначе великий князь Александр в упомянутом письме к Кочубею не написал бы о людях, занимавших высшие места в 1796 г., что он не желал бы иметь их у себя и лакеями. Суворов в счет итти не может: этот удивительный талант сложился и проявлялся так независимо и своеобразно, казался такою счастливой случайностью, что его трудно отнести к которой-либо школе, елизаветинской или екатерининской.

Впрочем, недостаток хороших дельцов не был самым большим затруднением, с которым приходилось бороться Екатерине. Гораздо труднее было сладить с программой деятельности, продиктованной положением Екатерины и настроением русского общества по вступлении ее на престол. Это была очень сложная и запутанная программа. Екатерина взяла свою власть, а не получила ее. Власть благоприобретенная всегда имеет характер векселя, по которому ждут уплаты, а по настроению русского общества Екатерине предстояло оправдать разнообразные и несогласные ожидания. Новое правительство, созданное общественным движением против прежнего, конечно, должно было действовать наперекор ему. Прежнее правительство вооружило против себя общество пренебрежением к национальным интересам; новое правительство обязывалось действовать в национальном духе. Произвол прежнего правительства вызвал сильное возбуждение во всем обществе, даже в простом народе, и, по словам манифеста 6 июля 1762 г., не оставалось никого, «кто бы в голос с отягощен и без трепета не злословил государя». Роптали на новое иго немецкое, когда прусский посол Гольц приехал в Россию, а русский император, по словам прусского короля Фридриха II, служил Пруссии, как ее министр.

Не успели перемереть люди, пережившие бироновщину, и уж опять немцы; когда же этому будет конец? Пора русскую православную веру и русскую народную честь прочно оградить от таких испытаний. Новое правительство должно было разумно-либеральным образом действий рассеять впечатление испытанного самовластия, сдержать развязавшиеся языки и успокоить общество какими-либо гарантиями порядка и приличия. Впереди негодовавшего общества стояла гвардия, — привилегированное, самонадеянное и довольно распущенное войско, сделавшее уже несколько государственных переворотов, поставившее несколько правительств, и его принялись облекать «в обряды неудобь носимые», т. е. в прусские мундиры, муштровать по-пруски, обзывали янычарами, унижали перед голштинским сбродом и собирались гнать за границу на войну с Данией за какую-то там Голштинию. Кроме полковых, казарменных интересов, у этой гвардии были еще интересы сословные, деревенские. По своему составу она была тогда еще дворянским войском: в ней служил цвет сословия, ее настроение быстро распространялось по дворянским сельским усадьбам. У дворянства в это время возникали свои заботы. Оно было, наконец, уволено в *чистую*: законом 18 февраля 1762 г. его служба из государственной повинности превращена была в простое требование гражданского долга. Но с обязательной службой тесно связано было, как следствие с причиной, владение крепостными людьми. Сословие смутно почувствовало приближение кризиса в своем положении и зарождение тревожного вопроса: что же станет с их имениями, державшимися на крепостном труде? Что станут делать они сами, вольные дворяне, без службы? Еще живее почувствовали крестьяне, что отменой обязательной службы их господ в крепостном праве весы общественной правды наклонились в одну сторону со времени издания закона 18 февраля усилятся крестьянские волнения.

Перед этими столь разнообразно взволнованными умами стала Екатерина со своей революционной по происхождению властью и со своими либеральными идеями. Эти умы были уже несколько подготовлены,

если не прямо к этим новым идеям, то вообще к новизнам в мышлении, как и в жизни. Подготовка началась с самой половины того века. Во-первых, Семилетняя война дала русским офицерам-дворянам не одни лавры, но и хозяйственные уроки. Участник войны Болотов уверяет в своих записках, что все лучшее служившее тогда в армии российское дворянство, насмотревшись в немецких землях всей тамошней экономии и порядков и получив потом в силу благодетельного манифеста о еольности увольнение от военной службы, «в состоянии было всю свою прежнюю весьма недостаточную деревенскую экономию привести в несравненно лучшее состояние». Притом с того же времени в русском обществе пробуждаются литературные и эстетические вкусы, развивается охота к чтению, к романам, романсам, музыке, к занятиям, питающим чувства, а чувства — предтечи идей. А в крестьянской среде бродили уже и самые идеи: на другой год царствования Екатерины в народе пущен был подложный указ императрицы с обвинением дворянства в том, что оно весьма пренебрегает закон божий и «государственные права».

Так перед Екатериной встречались, сталкивались и пересекались догально разносторонние, даже противоположные течения, интересы и настроения: оскорбленное чувство национального достоинства, «великое роптание на образ правления последних годов», гвардейские притязания, дворянские помыслы о новых поприщах деятельности и страхи за старые права, крестьянские ожидания, наконец, ее собственные идеи и мечты, благоприятные для одних и тревожные для других, но непривычные для всех умов. Екатерине предстояло действовать популярно, либерально и осторожно и в преобразовательном, и в охранительном направлении, щадить одни сословные интересы и охранять другие, им враждебные, но самой стоять выше тех и других, ставя впереди всех интересы всенародные, согласно с основным правилом, неоднократно ею высказанным: «боже избави играть печальную роль вождя партии, напротив, следует постоянно стараться приобрести расположение всех подданных». Сверх всего этого помя

ходимо было предупреждать попытки недовольных в гвардии повторить соблазнительное по успеху дело 28 июня во имя другого лица, пресекать «дешперальные и безрассудные *coups*», — как она выражалась. Очевидно, программа Екатерины была довольно сложна и несвободна от противоречий. Она попыталась примирить их по указаниям своего опыта и наблюдения и по соображениям своей гибкой мысли. Находя невозможным ни согласить столь различные задачи, ни пожертвовать одними в пользу других, она разделила их, т. е. каждую задачу проводила в особой сфере правительственной деятельности. Дан был большой ход внешней политике посредством усиленного действия на нее национальных чувств и интересов. Чтобы занять праздное дворянство и определить его новое положение в государстве и обществе, предпринята была широкая реформа областного управления и суда. Наконец, отведена была своя область и новым идеям: на них строилась проектированная система русского законодательства, они проводились как принципы в отдельных узаконениях, вводились в ежедневный оборот мнений как стимулы умов и нравственные регулятивы общежития, были допущены в литературу и даже в школу как образовательное средство и как архитектурное украшение правительственного производства. Но при законодательной, литературной и педагогической пропаганде новых идей Екатерина не трогала исторически сложившихся основ русского государственного строя, предоставляя самим идеям века перерабатывать порядки моста. Так распланировалось исполнение программы.

Екатерине нужны были громкие дела, крупные, для всех очевидные успехи; чтоб оправдать свое воцарение и заслужить любовь подданных, для приобретения которой она, по ее признанию, ничем не пренебрегла. Внешняя политика представлялась для того наиболее удобным полем действия при внутренних средствах России и при том положении, какое она заняла в Европе по окончании Семилетней войны. Екатерина старалась поднять и укрепить его с двух сторон, настреливая умы и импонируя на кабинеты. Корифеи европейской мысли, с которыми она вела такие дружеские

сношения, располагали общественное мнение Европы в пользу России, распространяя о ней благоприятные сведения, разбивая предубеждение. Но иностранные дипломаты уже в самом начале царствования жаловались на гордый и высокомерный тон Екатерины во внешних делах, который нравился ее подданным. «У меня лучшая армия в целом мире, — говорила она Бретейлю в 1763 г., — у меня есть деньги, а чрез несколько лет у меня будет много денег». Опираясь на эти средства, Екатерина смело приступила к решению обоих стоявших на очереди вопросов внешней политики, давних и трудных вопросов, из которых один состоял в необходимости продвинуть южную границу России до Черного моря, а другой — в воссоединении западной Руси. Известно, как вела Екатерина оба эти главные дела своей внешней политики.

Можно различно судить — и судили различно — о приемах и результатах этой политики, но впечатление, произведенное ею на русское общество, едва ли подлежит спору. С. Т. Аксаков помнил из своего детства, как в его семье плакали при вести о смерти Екатерины и говорили, что в ее царствование соседи нас не обижали и наши солдаты при ней побеждали всех и прославились. Это был слабый отзвук, доносившийся до приуральской глуши от шумных внешних дел Екатерины. Людям, стоявшим под более близким действием ее военных и дипломатических успехов, результатом их представлялся небывалый подъем международного значения России. Успехи, достигнутые внешней политикой Петра I, почувствовались в России довольно скромно. Даже ближайшие соратники Петра и то считали уже громадным успехом, что они, русские люди, топоры «в общество политических народов присовокуплены», как выразился канцлер Грловкин в приветственной речи Петру по поводу заключения Ништадтского мира. Великая северная война, которую Россия завоевала себе место в семье европейских держав, самой продолжительностью и тяжестью своей ослабляла впечатление своих успехов. «Петр, выводя народ свой из переноса, ставил уже за великое и то, чтоб уравнивать онныя державам второго класса», и потому первым предметом

своей политики почитал какое-нибудь приобретение в Германии, готовил присоединение Голштинии к России, чтобы иметь голос в европейском концерте не в качестве русского царя, а по положению голштинского члена германского корпуса. О собственном абсолютном весе России он еще не помышлял. Его взгляда держалось русское правительство и после него, несмотря на очевидный рост силы и влияния России. Так изображал международное положение России со времени Петра I до Екатерины II руководитель ее внешней политики Н. Панин, хорошо знавший политическую историю Европы своего века. Международная улица России попрежнему оставалась тесна, ограничиваясь шведскими и польскими тревогами да турецко-татарскими опасностями; Швеция помышляла об отместке и начиналась недалеко за Петербургом; Польша стояла на Днестре; ни одного русского корабля не было на Черном море, по северному побережью его господствовали турки и татары, отнимая у России южную степь и грозя ей разбойничьими набегами. Тяжелое чувство учеников, во всем отставших от своих западных учителей, еще более удручало национальный дух. Прошло 34 года царствования Екатерины — и Польши не существовало, южная степь превратилась в Новороссию, Крым стал русской областью, между Днестром и Днестром не осталось и пяди турецкой земли, контр-адмирал Ушаков с черноморским флотом, в 1791 г. дравшийся с турками недалеко от Константинополя, семь лет спустя вошел в Босфор защитником Турции, а в Швеции только душевно нездоровые люди, вроде короля Густава IV, продолжали думать об отместке. Международный горизонт России раздвинулся дальше ее новых пределов, и за ними открылись ослепительные перспективы, какие со времени Петра I едва ли представлялись самому воспаленному русскому глазу: взятие Константинополя, освобождение христианских народностей Балканского полуострова, разрушение Турции, восстановление Византийской империи. Держава второго класса стала считаться первой военной державой в Европе и даже, по признанию англичан, «морским государством очень почтенным»; сам Фридрих II в 1770 г. называл ее

страшным могуществом, от которого чрез полвека будет трепетать вся Европа, а князь Безбородко в конце своей дипломатической карьеры говорил молодым русским дипломатам: «не знаю, как будет при вас, а при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела». Самого неповоротливого воображения не могли не тронуть такие ослепительные успехи. Но впечатление внешней политики заимствовало значительную долю своей силы от общественного возбуждения, вызванного ходом внутренних дел.

IV.

Политические идеи, усвоенные Екатериной; по источникам своим были последним словом западноевропейской политической мысли, плодом работы многих сильных умов над вопросами о происхождении и законах развития государств и об их нормальном устройстве. Результаты этой работы не были еще руководящими началами политической жизни народов, по крайней мере, на европейском материке, оставались идеалами передовых умов, дожидаясь своего места в кодексах. Даже в том виде, как они изложены в *Наказе* Екатерины, они представляли, говоря словами Карамзина, ряд «высочайших умозрений», и сколько надобно было усилий, чтоб эту «тончайшую метафизику преобразить в устав гражданский, всем понятный!» Эти идеи, еще нигде практически не испытанные в своей совокупности, Екатерина хотела применить к устройству своего государства, переработать их в статьи нового русского уложения. Этот замысел мог показаться плодом «воспламененного воображения», какое приписывал Екатерине Фридрих II. И, однако, Екатерина признавала такой опыт возможным в России, отставшей от Европы во всех отношениях, имевшей, как писал тогда один английский посол из Петербурга, право на название образованного народа, одинаковое с Тибетским государством. У Екатерины были на то свои соображения. Она, во-первых, тогда еще крепко веровала в силу разума: будьте уверены, — писала она в одной из своих ранних заметок, — что разум возьмет верх в глазах толпы. По-

том она считала себя с своими идеями особенно способной и расположенной действовать в стране, мало тронутой культурными влияниями и менее других зараженной историческими предрассудками. «Я люблю страны еще невозделанные, — писала она, — верьте мне, это лучшие страны. Я годна только в России; в других странах уже не найдешь священной природы: все столько же искажено, сколько чопорно». Россия представлялась ей благодарным полем для просветительной работы. «Я должна отдать справедливость своему народу, — писала она Вольтеру, — это превосходная почва, на которой хорошее семя быстро возрастает; но нам также нужны аксиомы, неоспоримо признанные за истинные». Этими аксиомами и были идеи, которые она задумала положить в основание нового русского законодательства. Да, наконец, и Россия — все же страна не совсем уже чужая Европе, и Екатерина строила свой преобразовательный план на силлогизме, в сжатом виде изложенном в начале I главы ее *Наказа*: Россия есть европейская держава; Петр I, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел такие удобства, каких и сам не ожидал. Заключение следовало само собой: аксиомы, представляющие последний и лучший плод европейской мысли, найдут в этом народе такие же удобства.

Но главным средством действия и надежным ручательством за успех была в руках Екатерины власть, которую она носила, та русская верховная власть, которую еще славянский публицист XVII в. Юрий Крижанич сравнивал с жезлом Моисеевым, способным выбить воду из камня, и силу которой Екатерина выражала по-своему в письме к Гримму, когда говорила о своих начинаниях, что все это еще пока на бумаге и в воображении: «но не полагайтесь на это: все это вырастает, как грибы, когда менее всего будут ожидать того». Екатерина поняла, что в просветительном движении эта власть может и должна стать в другое отношение к обществу, не похожее на то, какое существовало между обеими этими силами на Западе. Там общество через литературу поучало правительство; здесь правительство должно было направлять и литературу

и общество. У вас, — писала Екатерина Вольтеру, — низшие научают, и высшим легко пользоваться этим наставлением; у нас, наоборот. Но, может быть, придворные рассказы и собственные наблюдения, собранные ею в России еще до воцарения, а вероятно и чуть-чуть положения, как скоро она вошла во всю обстановку власти, внушили ей, что эта власть в своей прежней постановке, с теми средствами и приемами, какими она доселе пользовалась, не в состоянии взять на себя такого руководства. Здесь будет не лишним припомнить нечто из прошлого русской государственной власти.

Древняя Русь в своих политических верованиях, понятиях, общественных отношениях — во всем складе своего быта выработала очень обильный материал верховной власти, — не *идеал*, а именно *материал*, которому московские государи по своим личным особенностям и по условиям своего положения придавали различные формы или физиономии: царь Иоанн Грозный — одну, царь Алексей — другую. Но во всяких руках древнерусская государственная власть пользовалась почти одинаковыми средствами действия на волю подвластных: за исключением церковной проповеди о *власти от бога*, — проповеди, обращавшейся к совести верующего, — то были простейшие средства политической педагогики, стимулы, обращенные к элементарным инстинктам человека и первичным связям общежития; к стимулам второго рода относились, например, ответственность родственников за преступника, наказание его жены и детей конфискацией его имущества. Петр Великий не выработал нового типа власти, но переработал старую власть, дав ей новые средства действия, научное знание, небывалую энергию, поставил ей новые задачи и расширил ее пределы особенно на счет церковной власти. Важно то, что Петр пытался изменить самое обращение власти к подданным. Древнерусская государственная власть обращалась к своим подданным если не всегда как властелин к рабам-домочадцам, то как строгий отец к детям-малолеткам, приказывая исполнять не рассуждая или дозволяя рассуждать только о способе исполнения, а не о смысле и

надобности исполняемого. Петр сохранил за властью прежнюю строгую физиономию, но несколько смягчил ее обращение, тон речи: он едва ли не первый в своих указах заговорил с народом о самых основах государственного порядка, о добре общем, о пользе народной, об обязанностях, «долженствах» государя. В повелителе сказался правитель; из-за грозного указа блеснул примиряющий принцип; в голосе домовладный послышалось признание зрелости домочадцев. Власть обращалась не с одними угрозами к неисправному или непослушному подданному, но и с доверием к здравому смыслу народа, призывала его не только исполнять волю государя, но и рассуждать о необходимости ее исполнения для государства, о побуждениях, ею руководящих, а это уже призыв к некоторому участию в государственных делах, подготовка к политической самодельности, своего рода политическое воспитание. Петр расширил, зато и *заработал* свою власть, оправдав ее расширенные пределы, увенчав ее громадными успехами, стараясь уяснить ее народу не только как свое право, но и как его насущную потребность. Он и перешел в народную память как небывалый образ «царя, который даром хлеба не ел, пуще всякого мужика работал». Но этот образ, долженствовавший стать образцом, долго оставался одиноким, без подражателей. Ближайшие преемники и преемницы Петра не стеснили доставшейся им власти, но не были в состоянии оправдать ее, не понимали ни ее средств, ни задач, злоупотребляли первыми и забывали последние; некоторые, удерживая за собою эту власть, охотно слагали с себя бремя правления, лишь бы им оставили свободу предаваться своим удовольствиям. Скоро немцы, по выражению Винского, забившиеся подобно однодневной мошке в мельчайшие изгибы русского государственного тела, стали окружать и его голову. Бирюковщина пронеслась над народом запоздалой татарщиной. С.-Петербург из русской столицы, построенной преобразователем на отвоеванной чужой земле, превращался в иностранную и враждебную колонию на русской земле. В оде Ломоносова на воцарение Екатерины II Петр Великий встает из гроба и, обозревая

дела, приключившиеся в России с его смерти до этого воцарения, гневно восклицает:

На то ль воздвиг я град священный,
Дабы врагами населенный
Россиянам ужасен был?

Власть из источника закона стала превращаться в его замену, т. е. в самовластие, а частые смены на престоле, которых в 17 лет со смерти Петра I случилось пять и в большинстве не по какому-либо закону или естественному порядку, а по обстоятельствам, мало понятным народу, имели вид политических приключений и сообщали сменявшимся правительствам характер случайностей. Всё это при тогдашнем значении власти в России производило разрушительное действие на общественный порядок. Мощь государства, повидимому, возрзстала и ширилась, но личность принижалась и мельчала, так что некому было надлежащим образом оценить и прочувствовать государственные успехи. Общественная жизнь в руководящих кругах становилась вялой и распущенной. Придворные интриги заменяли политику, великосветские скандалы составляли новости дня. Умственные интересы гасли в жажде милостей и увеселений. Наиболее ощутительные успехи культуры и общежития, отмеченные современниками, обозначились при Екатерине I усиленною выпиской дорогих уборов из-за границы, при Анне — появлением бургонского и шампанского на знатных столах, при Елизавете — учащением развода, введением английского пива женою канцлера графиней Анной Карловной Воронцовой, английских контрадансов двумя великосветскими русскими барышнями, гостившими в Лондоне, и торжеством «весьма особенной философии», о которой писали в заграничные газеты из Москвы по случаю бывших здесь пожаров в 1754 г. во время пребывания здесь двора, — философии, «которая меньше нежели где инде сии приключения чувствительными делает, ибо не примечается, чтобы оные хотя малую отмену производили в склонности жителей к весельям; всякой день говорится только о комедиях, комических операх, интермедцах, балах и тому подобных забавах». Строгим

наблюдателям казалось, что Россия не являла и признаков просвещения. Великосветское общество презирало все русское, науками пренебрегало, и даже канцлер граф Воронцов, по самой должности своей имевший ближайшее отношение к просвещенной Европе, в начале царствования Екатерины с негодованием писал о своей образованной и любознательной племяннице Е. Р. Дашковой, что она «имеет нрав развращенный и тщеславный, больше в науках и пустоте время свое проводит».

Подобными же чертами и люди екатерининского времени любили изображать управление и высшее русское общество 1725—1762 гг., стоявшее у престола, дававшее власти наибольшее количество сановных слуг, служившее образцом для массы. Н. Панин в представленном Екатерине проекте императорского совета прямо уподоблял правительственный порядок той эпохи «варварским временам, в которые не токмо установленного правительства, ниже письменных законов еще не бывало». В воспоминаниях о той эпохе только царствование императрицы Елизаветы осталось светлою полосой благодаря памяти ее отца, ее добросердечию и набожности и некоторым полезным законам. Ее любили в память отца при жизни и гораздо более жалели о ней по смерти, — печальная услуга, оказанная ее памяти племянником-преемником. Но это впечатление относилось больше к лицу, чем к порядку. Старые бедствия устранялись, но новые блага чувствовались слабо. Временщики злые исчезли, но временщики не переводились. Общество было довольно покоем, но порядок ветшал и портился, не подновляемый и не довершаемый. Дела, предоставляли идти, как они заведены были Петром Великим, мало думая о новых потребностях и условиях. Часы заводились, но не проверялись.

Власть без ясного сознания своих задач и пределов и с поколебленным авторитетом, с оскудевшими материальными и нравственными средствами, общественное мнение, питавшееся анекдотами и пересудами, без чувства личного и национального достоинства, весь порядок, державшийся страхом и произволом и направляемый, по выражению Н. Панина, «более силою пер-

сон, нежели властью мест государственных», при крайне низком уровне гражданского чувства и сознания общего интереса, без любви к отечеству, — в таких чертах можно представлять себе, по рассказам людей екатеринского времени, наследство, доставшееся Екатерине II от эпохи временщиков и случайных правительств.

Люди второй половины XVIII в., так гордившиеся своим превосходством пред отцами в образовании и общежитии, естественно наклонны были лучше помнить темные, чем светлые стороны ближайшего к ним прошлого. Эта наклонность могла быть сама по себе только благоприятна для Екатерины: о первых шагах ее по воцарении должны были судить по сравнению ее с ближайшими предшественниками. В этом отношении чего стоило одно царствование Петра III! После него надобно было уметь царствовать непопулярно. Но Екатерине нельзя было пользоваться властью попрежнему. Прежде власть привыкла искать самых надежных опор порядка в силе и угрозе, наиболее действительных народно-исправительных средств — в наказаниях. Екатерине надобно было искать таких опор и средств совсем в другом порядке влияний, обратиться к другим народновоспитательным приемам, более тонким, чем кнут и ссылка, и более справедливым, чем конфискации. По своему происхождению и воспитанию, по своей судьбе, по своему образу мыслей, наконец, она была слишком нова для России, чтобы сразу войти в привычную туземную, исторически пробитую колею. Она сама это сознавала и в первый год царствования признавалась французскому послу Бретейлю, что ей нужны годы и годы, чтоб ее подданные привыкли к ней. Притом ей нужно было слишком многое оправдать в своем положении, чтобы предупредить попытки попортить против нее соблазнительное дело 28 июня. Властью, так приобретенной, как она была приобретена, нельзя было пользоваться втихомолку. Но было недостаточно и привычной беседы с народом в области уголовного права. Предстояло объясниться с обществом прямо, на-чистоту и даже ввести такое объяснение в обычный порядок управления, чтобы привести поли-

тику «в пристойную знатность пред публикою», как внушал Н. Панин. Словом, надобно было обратиться к умам и сердцам, а не к инстинктам. В цепи отношений, связующих власть с обществом, не было одного важного звена, которое Петр I пытался вставить, но которое после него не было закреплено и выпало. Это звено — народное убеждение, совместное дело власти и общества, слагающееся, с одной стороны, из сознания общего блага, с другой — из умения внушить это сознание и уверить в своей решимости и способности удовлетворить потребностям, составляющим общее благо. Екатерина понимала, как важно для успеха правительственных мер согласить с ними народное разумение. Объясняя Вольтеру некоторые статьи своего *Наказа*, она писала, что единственное средство для законодателя заставить всех слушаться голоса разума, это убедить, что его требования совпадают с основаниями общественного спокойствия, в котором все нуждаются и польза которого всякому понятна. Продолжая попытку Петра, Екатерина в эту сторону прежде всего направила свои усилия. Но обращаясь к разуму народа, Екатерина будила в нем и чувства, которые способны были еще сильнее склонять умы на сторону законодателя.

Так предпринята была Екатериной достопамятная кампания, целью которой было завоевать народное доверие и сочувствие. Эта кампания велась выходами, поездками, разговорами, учащением присутствием на заседаниях Сената, более всего указами и манифестами. Начиная с манифестов 28 июня и 6 июля 1762 г. о воцарении, при всяком удобном случае — в указах о святоточничестве, о разделении Сената на департаменты, и манифесте о заговорщиках, в рескриптах русским послам и губернаторам, даже в частных беседах — настойчиво заявлялось о происхождении нового правительства, о его намерениях и заботах, о том, как оно понимает свои задачи и свое отношение к народу. Прежде всего предстояло выяснить источники приобретенной власти. Новое правительство было горячо приветствовано общественным мнением, и общественное мнение было провозглашено законным политическим фактором, органом народного голоса, его приветствие,

скрепленное присягой, — формальным актом народного избрания Манифест 28 июня гласил, что императрица *принуждена* была вступить на престол, побуждаемая опасностями, какими грозило всем верноподданным минувшее царствование, «а особливо видею к тому желание всех наших верноподданных явное и щеллицеморное», потому престол принят «по всеобщему и единогласному наших верных поданных желанию и *прошению*», как было прибавлено в рескрипте о восшествии на престол русскому послу в Берлине для сообщения тамошнему двору. Бецкий простодушно думал, что 28 июня совершился привычный гвардейский переворот, которому он сам содействовал, подговаривая гвардейцев и разбрасывая деньги в народ, и потому считал себя главным его виновником. Раз, вторгнувшись к Екатерине, он на коленях умолял ее сказать, кому она считает себя обязанной своим воцарением. «Богу и избранию моих подданных», — был ответ, который поверг Бецкого в совершенное отчаяние, так что он начал было снимать с себя александровскую ленту, считая себя недостойным этого знака отличия при таком непризнании его заслуг. Так как перемена на престоле произведена была, по словам манифеста, для избавления отечества от опасностей, какими грозило прежнее царствование, от потрясения православной веры, уничтожения русской славы и чести, ниспровержения внутренних порядков и даже «от неизбежной почти опасности империи сей разрушения», как выразился в одном документе сенатор А. П. Бестужев-Рюмин, то на медалях в память коронации Екатерины была сделана надпись: «За спасение веры и отечества». Церковные проповедники, особенно архиепископ новгородский Димитрий Сеченов, первый член святейшего Синода, еще смелее и восторженнее провозглашали Екатерину защитницей веры, благочестия и отечества, восстановительницей чести и достоинства своих подданных, «исполнением скорбей и печалей наших окончанием» и признавали событие 28 июня делом Божиим, чудным строением не человеческого ума и силы, но Божиим неслыханным судом и его премудрого совета. Будет чудо сие похвалить проповедники, — говорил в коронационном слове

архиепископ Димитрий, — напишут в книгах истории, прочтут с охотою ученые, послушают в сладость нечуждые, будут и последние роды повествовать чадам своим и прославлять величие божие». Екатерина, разумеется, охотно усвоила взгляд церковных проповедников на дело 28 июня и думала увековечить его в законодательстве как достопамятный исторический факт: в сохранившемся собственноручном черновом проекте манифеста о престолонаследии она писала, что чудный промысел всевышнего «вручил нам самодержавство сей империи образом человеческим предведением непостижимым».

На восторженные приветствия Екатерина отвечала решительным осуждением павшего правительства и заявлением широкой программы и совершенно нового направления начавшегося царствования. В манифестах и указах читали о вреде самовластия и губительных следствиях, какие от самовольного, необузданного и никакому человеческому суду не подлежащего властителя произойти могут. С высоты престола пред богом целому свету сказывалось, «что от руки божией прияли всероссийский престол не на свое собственное удовольствие, но на расширение славы его и на учреждение доброго порядка и утверждение правосудия в любезном нашем отечестве», заявлялось правило неоспоримое, что тогда только обладатели государств прямо наслаждаются спокойствием, когда видят, что подвластный им народ не изнурен от разных приключений, а особливо от поставленных над ним начальников и правителей, возвещалось искреннее и нелицемерное желание прямым делом доказать, «сколь мы хотим быть достойны любви нашего народа, для которого признаваем себя быть возведенными на престол», и империю торжественнейше обещались императорским словом государственные учреждения прочные, на законах основанные, и выражалось упование предохранить этим целость империи и самодержавной власти, «бывшими несчастием несколько испроверженную, а прямым вероусердствующих своему отечеству вывести из уныния и оскорбления». И все это с уверениями в ежедневном материнском «о добре общем» попечении. Власть была

достигнута переворотом не во имя права, не лицом династии, неправильно устраненным, как при воцарении Елизаветы, — была захватом, а не возвратом права. Казалось бы, такой акт нуждался в оправдании, с ним надобно было как-нибудь примирить общество. Екатерина не делает ни того, ни другого: оправдывать приобретенную власть значило бы напрашиваться на сомнение в правильности ее приобретения; стараться примирить с ней общество значило бы заискивать у противников, выпрашивать у них то, что уже было взято, наводить на мысль о ненужности случившегося, в том и другом случае ронять авторитет власти.

Наказ был систематическим изложением начал, которые заявлялись в манифестах и указах первых лет, приступом к исполнению наиторжественнейшего обещания, данного в манифесте 6 июля 1762 г., установить государственные учреждения, в которых управление шло бы по точным и постоянным законам. Многие в нем по новизне предметов могло показаться большинству читателей невразумительным, иное неожиданным. Сам автор предвидел, что некоторые прочтут *Наказ*, скажут: не всяк его поймет. Непривычным и политическому размышлению умам не легко было усвоить и объединить четыре определения политической свободы, одно отрицательное и три положительных. Государственная вольность по *Наказу*: 1) не в том состоит, чтобы делать все, что кому угодно, 2) состоит в возможности делать то, чего каждому надлежит хотеть, и в отсутствии принуждения делать то, чего хотеть не должно, 3) она есть право все то делать, что законы дозволяют, и 4) есть спокойствие духа в гражданине, происходящее от уверенности в своей безопасности. Русские умы впервые призывались рассуждать о государственной вольности о веротерпимости, о вреде пытки, об ограничении конфискаций, о равенстве граждан, о самом попятном *гражданина*, — о предметах, о которых рассуждать до того не считалось делом простых людей, а те, чье оно было дело, рассуждали о том очень мало. Всего больше должны были поразить русского читателя те статьи *Наказа*, где власть определяет самое себя, свое назна-

чение и отношение к подданным. Слова сами по себе не могут составлять преступления по оскорблению величества; в самодержавии благополучие правления состоит отчасти в кротком и снисходительном правлении; великое несчастье для государства, когда никто не смеет свободно высказывать своего мнения; есть случаи, где власть должна ограничивать себя пределами, ею же самою себе положенными; лучше, чтобы государь только ободрял и одни законы угрожали; самодержавство разрушается, когда государь свои мечты ставит выше законов; льстецы твердят владыкам, что народы для них сотворены, «но мы думаем и за славу себе вменяем сказать, что мы сотворены для нашего народа, и по сей причине мы обязаны говорить о вещах так, как они быть должны».

«Никогда еще монархи не говорили с подданными таким пленительным, трогательным языком», — восклицал Карамзин в своем *«Похвальном слове»*, воспроизводя впечатление первых русских читателей *Наказа*. И сама власть, кажется, никогда еще не принимала в России такого облика и не становилась в такое отношение к обществу, как в екатерининских указах первых лет и в этом *Наказе*. Она привыкла только требовать жертв от народа; теперь она за славу себе вменяла жертвовать собой для народа. Общее благо, прежде поглощаемое властью, теперь в ней олицетворялось. Она непосредственно обращалась к народу или с признаниями в принимаемых на себя обязанностях или с проповедью новых руководящих ею начал и понятий. Не указы — чаще изложение оснований общежития, уроки политического благонравия или обличение чиновничьих и общественных пороков, чем повелительные законы: они, говоря тогдашним языком, больше проясняют умы и наклоняют волю к добру, чем предписывают действия или устанавливают отношения. Общее благо состоит в том-то и том-то, у нас то и это не в порядке, я денно-ночно пекусь об общем благе, каждый гражданин да разумеет, как подобает ему поступать в видах общего блага, — таков смысл и тон этих указов и манифестов. О полицейских предостережениях, о взысканиях за неисполнение упоминается

как бы мимоходом, неохотно; разум и совесть призываются на место судьи и судебного пристава. Законодатель обращался к подданным не как к будущим преступникам, а как к настоящим гражданам и как бы говорил им: государство в вас самих и в ваших домах, а не в казармах или канцеляриях, в ваших мыслях, чувствах и отношениях. Предполагалось поро воспитать государевых холопов в гражданах государства и в воспитательных уроках с ними обходились уже как с благовоспитанными гражданами. Потому знать мнение «публики» считалось полезным для правительства: в 1766 г. Екатерина приказала Сенату обсудить, не лучше ли новое положение о дворянских банках напечатать в виде проекта за полгода до введения его в действие, чтобы желающие могли сообщить поправки и дополнения, даже не подписывая своих имен.

Когда люди, мнением которых мы дорожим, отказывают нам в достоинствах, которые у нас есть, мы обыкновенно падаем духом, как будто потеряли их, а когда приписывают нам достоинства, каких мы в себе не подозревали, мы ободряемся и стараемся приобрести их. Когда с людьми, привыкшими к рабскому унижению перед властью, эта власть заговорила как с гражданами, как с народом свободным, в них как бы в оправдание оказанной им чести стали вскрываться чувства и понятия, дотоле прятавшиеся или дремавшие. Началось это сверху, с ближайшего окружения власти, и, расширяясь, разрослось в устойчивое общественное настроение. Когда Сенат благодарил императрицу Елизавету за отмену внутренних таможен, она отвечала, что за удовольствие поставлять себе бунты «авантажи своих подданных собственным своим предпочитать». Итак, собственные авантажи торжественно отделены от государственных или народных. Согласно с таким разделением Елизавета под конец жизни, а после нее и Петр III усиленно копили деньги и казенные доходы удерживали у себя, ничего или почти ничего не отпуская на государственные нужды, так что никто из служащих получал жалованье. Когда у нас просили денег на государственные потребности, она

ордились и отвечали: «доставайте, где знаете, а эти прибереженные деньги — наши». Во время пожара в Лефортовских палатах в 1754 г. вытаскивали и поставленные там сундуки императрицы Елизаветы с серебряною монетой; у многих из них не оказалось ни гроша, и пришлось штыками отгонять народ, хватавший рассыпанные по земле деньги. В первые дни царствования Екатерины II, когда ей доложили о крайней нужде в деньгах и о том, что русская армия в Пруссии уже 8 месяцев не получала жалованья, императрица в полном собрании Сената объявила, что, принадлежа сама государству, она считает и все ей принадлежащее собственностью государства и чтобы впредь не было никакого различия между интересом государственным и ее собственным, и приказала выдать из своих комматных денег сколько было надобно на государственные нужды. У всех сенаторов выступили на глазах слезы; все собрание встало и в один голос благодарило императрицу за такой великодушный образ мыслей. Так рассказывала сама Екатерина. Сенат как главный орган власти и руководитель управления первый должен был воспринять и сообщить подведомственным местам новое направление: восставая против пытки, ему приказывала Екатерина преступников обращаться к чистому признанию больше милосердием и увещанием, нежели строгостью и истязанием, вести дела без отягощения народного, без новых налогов, покрывая новые расходы «другими благопристойнейшими способами»; генерал-прокурору Сената в секретнейшем наставлении ставилось на вид, что в высшем управлении «одна лишь форма канцелярская исполняется, а думать еще иные и ныне прямо не смеют, хотя в том и интерес государственный страждет», а губернаторам настойчиво предписывалось утесненных людей защищать. Простые люди, до которых не доходили такие предписания или которым не все было известно в манифестах, постигали дух и направление нового правительства по слухам об ограничении пытки и конфискации, по распоряжениям против монополий и патентничества, по указам о свободе торговли и удешевлении соли, о производстве подушной переписи без

разорительных воинских команд, по отмене задержек на городских заставах и других мелких стеснений, устранение которых, однако, значительно облегчало общежитие и давало всем почувствовать, что багмын меньше прежнего жмет ногу.

«Все души успокоились, все лица оживились», говорит Карамзин, воспроизводя настроение, постепенно складывавшееся в обществе из всех этих столь непривычных впечатлений, какие оно тогда переживало. Это настроение восторженно выражалось при народных встречах Екатерины, особенно во время ее путешествия по Волге в 1767 г. Екатерина писала с дороги, что даже «иноплеменников», т. е. дипломатический корпус, ее сопровождавший, не раз прошибали слезы при виде народной радости, с какой ее встречали, а в Костроме граф Чернышев весь парадный обед проплакал, растроганный «благочинным и ласковым обхождением» местного дворянства, что в Казани готовы были постелить себя вместо ковра под ее ноги, а в одном месте в церкви мужики принялись своим подавать, прося поставить их перед матушкой царицей: это — простонародный волжский ответ парижским философам, величавшим Екатерину царкосельской Минервой. Чтение *Наказа* в Комиссии 1767 г. депутаты слушали с восхищением, многие плакали, особенно от слов 520-й статьи: «Боже сохрани, чтобы после окончания сего законодательства был какой народ больше справедлив и следовательно больше процветающ на земли; намерение законов наших было бы не исполнено, — несчастье, до которого я дожить не желаю». Плакали при встречах императрицы, при чтении манифестов и *Наказа*, плакали за парадными обедами в ее присутствии, плакали от радости при мысли, что бироновское прошлое уже не вернется; никогда, кажется, не было пролито в России столько радостных политических слез, как в первые годы царствования Екатерины II.

В этих слезах было много серьезного: склеивая, как проступал новый взгляд общества на власть и на свое отношение к ней. Из грозной силы, готовой только карать, о которой страшно было говорить и

думать, власть превращалась в благодетельное, почитательное существо, о котором не могли наговориться, которым не умели нахвалиться. Эта политическая чувствительность постепенно приподнимала людей, наполняя их смутным ощущением наступающего благополучия. Эта приподнятость особенно выразительно сказалась в Комиссии 1767 г. Собрано было со всего государства свыше 550 представителей самых разнообразных вер, наречий, племен, состояний, умонастроений, от высокообразованного представителя святейшего Синода митрополита новгородского Дмитрия до депутата служилых мещераков Исетской провинции муллы Абдуллы мурзы Тавышева и до самоедов-язычников, которые, как им ни толковали в Комиссии, никак не могли понять, что такое закон и для чего это людям понадобились законы, — всероссийская этнографическая выставка, представлявшая своим составом живые образчики едва ли не всех пройденных человечеством ступеней культуры. Депутаты призваны были со своими местными «нуждами и недостатками» для «трудного и кропотливого дела — составление кодекса законов, согласенных с этими нуждами и недостатками». Вступая в Комиссию, депутаты присягали по однообразной формуле, клятвенно обещаясь начать и окончить великое дело «в правилах богоугодных, человеколюбие вселяющих и добронравие к сохранению блаженства и спокойствия *рода человеческого*». На первом же шагу депутат переносился со своими низменными местными нуждами в область высоких идеалов человечества. При открытии Комиссии вице-канцлер в речи от имени императрицы призывал депутатов воспользоваться случаем прославить себя и свой век и приобрести благодарность будущих веков, порадеть об общем добре, о блаженстве рода человеческого и своих любимых сограждан. «От вас ожидают примера всеподсолнечные народы, — говорил он, — очи всех на вас обращены». А недели через две маршал Комиссии Вибигов поднял тон еще октавою выше, в речи самой Екатерине говорил уже, что «во всеобщем благополучии мы первенствуем», и, поднося ей от Комиссии титул *матери отечества*, прибавлял, что весь род чело-

веческий долженствовал бы предстать здесь и принести ей титул *матери народов*. Позднее подобные фразы стали стереотипами, заменявшими чувства; тогда они впервые отливались из наличных чувств или вливали такие чувства в раскрытые сердца. Точно подхваченные воздушным шаром, депутаты со своими руководителями отрывались от своих родных уездных и даже российских видов, и с захватывающей дух высотой им открывались необъятно широкие кругозоры, виднелись будущие века, народы, весь род человеческий. Все это немного ходульно и театрально, но во всем этом выражалась простая любовь к отечеству и сказывалась непривычка выражать просто внушаемые ею чувства национального достоинства и патриотической гордости по новизне ли самых этих чувств или по недостатку случаев выражать их. Да, наконец, театральная маршировка все же приучает неумеющих хорошенько ходить к приличной походке.

Но гордость отечеством обязывает быть достойным его сыном; без того она — бахвальство и ничего более. Надобно быть справедливыми к людям екатерининского времени: они остереглись одной опасности, какой грозит народная гордость, не поддались искушению приподняться на цыпочки, чтобы прибавить себе росту. Подъем духа сопровождался у них возбуждением умов, которое помешало им принять самомнение за национальное самосознание. Почувствовав важное значение своего отечества, они спешили хорошенько осмотреть себя, чтобы видеть, приготовлены ли они к выступлению на большую сцену. Они умели заметить и имели добросовестность сознаться, что не могут еще появиться в европейском свете так, как того требует достоинство их отечества, что величие и могущество империи, о чем Екатерина твердила иностранцам, опираются собственно на силы народной массы, а они, образованные и руководящие классы, обязанные выражать разум своего народа, еще не в состоянии стать достойными его представителями. В этом сознании источник той горячей энергии, с какою заговорила при Екатерине журналистка и театральная сатира, повидимому, так мало подковавшая к блеску и успехам той эпохи. Самообличение

было прямым следствием разумно направленного патристического чувства: из любви к отечеству обличали себя, недостойных сынов его. Эта сатира не подняла заметно уровня жизни: частные и общественные недостатки и пороки остались на своих местах, но они были обличены и признаны, т. е. стали менее заразительны, а это подавало надежду, что дети не все унаследуют от своих неисправимых отцов. Зато мысль необычайно оживилась, особенно благодаря «свободолюбивости», простору, какой давала ей в литературе Екатерина, сама принимавшая деятельное участие в этом литературном движении. Обличая отечественные недуги, мыслящие люди того времени много передумали и притом о таких предметах, что самая склонность размышлять о них есть уже признак значительного подъема умов. В этом помогло им, конечно, влияние просветительной литературы. Из записок Порошина и Винского видим, что в людях образованных и даже полуобразованных это влияние возбуждало интерес к политике и морали, к изучению устройства государств и состава людских обществ. Порошин, преподаватель математики при великом князе Павле, разговаривал со своим учеником о сочинениях Монтескье и Гельвеция, о необходимости читать их для просвящения разума, приготовлял для великого князя книгу *«Государственный механизм»*, в которой хотел показать разные части, коими движется государство, изъяснить, например, сколько надобен солдат, сколько земледелец, сколько купец и пр. и какую кто долею способствует всеобщему благоденствию, что не может государство быть никоим образом благополучно, когда один какой чин процветает, а прочие в пренебрежении». Надобно много и много жалеть, что одному из образованнейших и благороднейших русских людей XVIII в. не удалось написать задуманного им сочинения, которое могло бы послужить прекрасным показателем роста русской политической мысли в том веке. Образованным людям екатерининского времени и принадлежит заслуга возбуждения целого ряда важных вопросов, над которыми много работала мысль дальнейших поколений: об отношении

России к Западной Европе, об отношении новой России к древней, об изучении национального характера, о согласовании национального с общечеловеческим, самобытного народного развития с необходимостью подражать опередившим народам. Под влиянием непривычной работы мысли над вопросами морали, политики и общежития законодательный и литературный язык получил философско-моралистическую окраску, запестрел отвлеченной терминологией академического красноречия, выражающей нравственные основы и связи общежития. Пошли в ход слова «*добронравие*» или «*благонравие*», «*человечество*», «*человеколюбие*», «*попечение о благе общем*», «*блаженство общее и частное*», «*отечество*», «*граждане*» или «*сограждане*», «*чувствительность*», «*чувствования человеческого сердца*», «*добродетельные души*» и т. п. Таким языком блистит и изданный 8 апреля 1782 г. *Устав благочиния или Полицейский*, где в «правилах добронравия» читаем такие статьи закона: «не чини ближнему, чего сам терпеть не хочешь; в добром помогите друг другу, веди слепого, дай кровлю не имеющему, напои жаждущего», в «правилах обязательств общественных» изображено: «муж да прилепится к своей жене в согласии и любви, уважая, защищая и извиняя ее недостатки, облегчая ее немощи», а в числе требуемых от определенного к благочинию начальства поставлены «*здравый рассудок, человеколюбие и усердие к общему добру*». Особенно любимыми стали слова «*общество*» и «*род человеческий*». В 1768 г. граф Разумовский, благодари Екатерину от имени Сената, присутственных мест и всего народа за пробное привитие оспы себе и сыну для примера подданным, говорил даже о «роде человеческого обоего пола», а по *Учреждению для упрощения губерний* 1775 г. земский исправник обязан «управлять свою должность «с доброхотством и человеколюбием к народу» и в случае эпидемии стараться «о излечении и сохранении человеческого рода». В памятниках XVII в., когда русский народ был разбит множеством мелких служилых и тяглых разрядов или чинов, с особыми обязанностями, без общих дел и интересов, изредка мелькает выражение «*общество*

христианское», ибо религия оставалась наиболее крепкой нравственной связью общезжития. При Екатерине встречаем уже «российское общество», Сенат в докладе императрице говорит об «обществе всех верноподданных», в жалованных грамотах 1785 г. устанавливаются термины: «дворянское общество», «общество градское», а в депутатских наказах 1767 г. находим даже ходатайство «о выборе судей всем обществом всего уезда» как всесословной земской корпорацией. Так идея солидарности постепенно охватывала общественные слои, между которыми прежде не чувствовалось единения. В этом новом языке нет недостатка в красивых словах и неясных понятиях. Хорошие слова, став ходячими, в непривычном обществе скоро изнашиваются, теряют смысл, так что, произнося их, «человек ничего уже не мыслит, ничего не чувствует», как говорил Стародум в «Недоросле». Такие слова не оказывали прямого действия на нравы и поступки, на подъем жизни, но, украшая речь, приучали мысль к опрятности, заставляли ее держаться выше эгоизма и инстинкта, произвол личного понимания подчиняли требованиям общественного приличия. С этой стороны можно придавать народно-воспитательное значение указу 19 февраля 1786 г., предписавшему во всех деловых обращениях лиц к власти заменять слово «раб» словом «псдданный». Хорошие слова часто подобно костылям поддерживают слабеющие мысли. Уж на что пылок был в защите сословных преимуществ дворянский депутат в Комиссии 1767 г. князь М. М. Щербатов, для которого сословное неравенство было своего рода политическим догматом, но и он в Комиссии оговаривался, что крепостные «суть равное нам создание», только «разность случаев возвела нас на степень властителей над ними». *Наказ* Екатерины иногда ссылается в своих положениях на закон христианский и закон естественный. Возражая на требование ограничения пытки и телесного наказания для одних только дворян, депутаты от городов, опираясь на те же законы священный и естественный, которые «весьма не терпят лицепрятий», доказывали, что «вор всегда вор, подлый ли он, или благородный», и последнего как человека просвященного и знающего

законы, следует наказывать даже строже, чем простолюдина, который часто совершает преступление по нужде или неведению. Да притом, — прибавляли эти депутаты, по-своему становясь на точку зрения демократической монархии, — в России от века монархическое, а не аристократическое правление, и «как подлый, так и благородный — все равно подданнейшие рабы всемилостивейшей государни». Модные слова подсказывали новые идеи, а идеи внушали дело, по крайней мере, проекты дел. Одним из таких слов было тогда *просвещение*, о котором твердили и манифесты и журналы. В то время, когда свои и чужие наблюдатели уверяли, что русское дворянство считает невежество своим сословным правом (Винский), что цивилизовать его труднее, чем даже крестьян (Макартней), из среды этого культурно безнадежного класса посланы были в ту же Комиссию требования, чтобы при церквях учреждены были школы для крестьянских детей, «дабы знанием закона хотя мало поправить нравы их» (наказы копорского и ябургского дворянства), чтобы церковные причты обучали крестьянских мужеска пола детей, «от чего впредь уповательно подлый народ просвещенный разум иметь будет» (наказ крапивенского дворянства). В 1764 г. архангелогородский гражданин В. Крестинин, определенный магистратом наблюдать за начальным обучением и потом издавший ряд дельных исторических сочинений о своей двинской родине, представил Сенату даже проект обязательного обучения с хорошо обдуманном планом малых школ, в которых обучались бы всякого чина и обоюга пола дети в городе *все* без исключения.

Это пробуждение умов по призыву власти — едва ли не самый важный момент в росте впечатления, какое оставило после себя царствование Екатерины. По крайней мере, в «Фелице» особенным движением отличаются известные стихи:

... Ты народу смело
О всем и въявь и под рукой
И внять, и мыслить позволяешь.

Люди бывают особенно довольны и счастливы, когда их признают умными и способными рассуждать о самых

важных предметах, и искренно признательны к тем, кто им доставил такое счастье. А теперь власть не только позволяла, но и предписывала народу обо всем знать и мыслить и способность рассуждать о самых важных предметах ставила в число общественных обязанностей гражданина. Депутаты, призванные манифестом 14 декабря 1766 г., должны были и привезти с собой наказы от своих избирателей с изложением местных «общественных нужд и стягощений» и потом принять участие в трудах Комиссии по составлению проекта нового уложения. Таким образом, на местные общества возлагалась тяжелая задача не только обсудить свое положение, свои интересы и потребности, но и согласить их с положением и интересами всего государства, подняться на точку зрения высшей политики и даже «пройти со вниманием течение минувших времен и рачительно разыскать все причины, вредившие общему благоденствию и силе законов», как писал в своем циркуляре по поводу манифеста 14 декабря правитель Малороссии Румянцев. Словом, представители народа призывались к участию не в управлении, а в самом устройении государственного порядка на новых началах. Никогда еще в нашей истории на народное представительство не возлагалось столь важное дело. Правда, вызывали в комиссию уложения выборных от дворянства при Петре II, выборных от дворянства и купечества при Елизавете, но в первом случае работа комиссии состояла только в пополнении старого уложения 1649 г., а во втором выборные призывались, как и в 1648 г., для слушания уже готового проекта Уложения, составленного правительственной комиссией, а не для прямого участия в его составлении.

Известно, почему Комиссия 1767 г. не составила проекта нового уложения и что в ней вскрылось. Депутатские наказы жаловались на отсутствие или непрочность первичных основ общежития и требовали, например, чтобы военные не били купечества и платили за забранные у него товары. Потом вскрылась непримиримая рознь сословных интересов: требовали исключительных привилегий, сословных монополий, и только в одном печальном желании разные классы

общества дружно сошлись с дворянством — в желании иметь крепостных. Однако поверх всей этой неурядицы противоречивых понятий, взаимных сословных недоразумений, неслаженных или враждебных интересов, делавших невозможным составление стройного, справедливого и для всех безобидного уложения, откуда-то шло течение, которое несло семена будущего лучшего порядка: оно проявлялось в требованиях издания закона «к приведению разного звания народа в содружество», всесословного участия в местном управлении, учреждения «кратких словесных судов», веротерпимости, учреждения академий, университетов, гимназий, городских и сельских школ и т. п. Это течение шло из общего возбуждения умов, начавшегося вместе с царствованием. Комиссия усилила его. Не все депутаты были люди «способнейшие и чистые совести», как требовал закон. Но они встретились в Комиссии с представителями высших правительственных учреждений и полтора года сидели плечо с плечом, присмотрелись друг к другу и сблизились, обменялись мыслями, напряженно обсуждая важнейшие вопросы общенародного блага и государственного благоустройства, памятуя призыв со стороны власти при открытии Комиссии: «слава ваша в ваших руках». Вместе с этим призывом депутаты разнесли по всей России аксиомы, усвоенные из Наказа, и впечатления, вынесенные из этой совместной работы. Оставалось дать подходящее дело гражданскому чувству, столь живо возбужденному, и политическому сознанию, столь заботливо подготовленному. Но когда через несколько бурных лет, исполненных внешними и внутренними тревогами, в 1775 г. издано было *Учреждение для управления губерний*, призывавшее именно к такому делу, послышался отклик, не соответствовавший ни пробужденной энергии, ни возбужденным ожиданиям.

Тогда и после винили в этом известные недостатки губернских учреждений, «изящных на бумаге, но худо примененных к обстоятельствам России», по выражению Карамзина. Но в этих учреждениях блеснули дню идеи, которые должны были привлечь к себе самое сочувственное отношение общества: это — участие ин-

борных в местном управлении и суде, а в некоторых учреждениях, например, в Приказе общественного призрения, совместное участие выборных от трех сословий: дворянства, городского и свободного сельского населения. Это последнее учреждение обещало быть особенно благотворным. Уже давно, приблизительно с половины XVII в., свободные классы русского общества, встречавшиеся для совместной деятельности на земских соборах и в некоторых местных учреждениях, начали расходиться, разделенные сословными правами и обязанностями, сословными интересами и предрассудками, и действовать одиноко, замыкаясь каждый в своем сословном кругу. Теперь власть призвала общество возобновить эту прерванную совместную деятельность на благодарном поприще народного образования и общественного призрения, в особом всесословном учреждении, которое вместе с Совестью судом, подобно ему составленным Учреждение называет «двумя источниками, на веки льющими благоденствие несчастным и бедствующим в роде человеческом и сопрягающими милость и суд воедино», и вслед затем взывает: «как можно, чтоб сердца подданных, в коих не угасли сродная жалость и любовь к ближнему, чувствами своими не были тут соподобны величайшему монаршему человеколюбию!» Однако сердца подданных, отвечая чувствами своими человеколюбию законодательницы, отнеслись к ее призыву небрежно, а по местам и неприятно: уездные дворяне иногда совсем не являлись на съезды для выборов, так что предводитель оставался один, напрасно посылая нарочных за подгородными помещиками, и должен был прибегать к заочным назначениям; выборы производились нередко с явным пристрастием и наглой несправедливостью, по выражению современника Болотова; люди благонамеренные и образованные или устранились от собраний, или были заглушаемы «благородной чернью» грубого и малограмотного деревенского дворянства, наполнявшего собрание, и эти собрания оставили в наблюдателях то общее впечатление, что там «кроме нелепостей, ссор и споров о пустяках никогда ни одно дельное дело не было предлагаемо».

Новые учреждения, дав дворянству господствующее положение в местном обществе и управлении, чрезвычайно подняли дух дворянства, но мало улучшили самое управление. Это похоже на какую-то загадку, но она разрешается некоторыми особенностями екатерининского дворянского общества, представляющими немалый народно-психологический интерес.

В росте общественного настроения, какое складывалось в царствование Екатерины II преимущественно в дворянской среде, был тревожный момент, о котором потом не любили вспоминать люди екатерининского века и который потому сгладился в воспоминаниях их ближайших потомков. Этот момент падает на время между изданием манифеста 1762 г. о вольности дворянской и прекращением пугачевского мятежа в 1774 г. С отменой обязательной службы, привязывавшей дворянство к столицам, начался или усилился отлив дворян в деревню, но этот отлив задерживался крестьянскими волнениями, побегам и связанными с ними разбоями, делавшими жизнь дворянина в деревне очень небезопасной. Между тем, отмена обязательной службы сословия стнимала основное политическое оправдание у крепостного права, и обе стороны скоро почувствовали это, каждая по-своему: среди дворян это чувство выразилось в опасении, как бы вместе со службой не сняли с них и власти над крепостными, а среди крепостных — в ожидании, что справедливость требует и с них снять крепостную неволю, как сняли с дворян неволю служебную. Комиссия об уложении усилила опасения одних и ожидание других. В народ пропикали смутные слухи, что в Наказе императрицы сказано нечто и в пользу «рабов». Пошли толки о перемене законов, о возможности крестьянам выхлопотать себе какие выгоды; появился фальшивый манифест за подписью Екатерины, в котором читали, что «весьма наше дворянство пренебрегает божий закон и государственные права, правду всю изринули и из России вон выгнали, что российский народ осиротел». Эти толки и заставили Сенат запретить распространение Наказа в обществе. По распусчении Комиссии среди гвардейских офицеров шли недовольные толки об унижении

дворянства, о вольности крестьян и холопей, об их непослушании господам: «как дадут крестьянам вольность, кто станет жить в деревнях? Мужики всех перебьют: и так ныне бьют до смерти и режут». И само правительство задавало себе вопрос, что делать с этим освобожденным от службы служилым сословием, чем занять его с пользой для государства? Граф Бестужев-Рюмин еще в 1763 г. в комиссии о дворянстве предлагал занять сословие деятельным участием в местном управлении, образовав из него местные сословные корпорации, чтобы дворяне не пришли в «древнюю леность». Того же участия и корпоративного устройства потребовало и само дворянство в Комиссии 1767 г. Ему было дано то и другое. Но как оно поняло предоставленное ему право? Оно увидело в нем не новый вид государственного служения *всего* дворянства взамен прежней обязательной службы, а недостававшее ему хозяйственное удобство каждого отдельного дворянина. На выборных капитанов-исправников, уездных судей и заседателей нижних земских и верхних юрских судов оно посмотрело как на своих ответственных уполномоченных, обязанных охранять интересы каждого дворянина в присутственных местах и спокойствие в деревнях, т. е. перенесло на них привычное понятие о своих приказчиках и управляющих, которые должны отвечать пред ними, господами, но за которых они не отвечают перед государством. Такой взгляд проглядывает в дворянских наказах депутатам Комиссии, так смотрел на дело и сам сенатор и бывший канцлер граф Бестужев-Рюмин: по его проекту выборные дворянские ландраты должны были стать для избранного их общества «во всем опекунами и ходатаями по судебным земским местам в причиняемых дворянам несправедливостях и обидах».

Введение губернских учреждений только укрепило такой взгляд дворянства на свое новое положение. Уже целых 10 лет до манифеста об этих учреждениях сословие находилось в возбужденном состоянии: современники говорят, что манифест 19 сентября 1765 г. о государственном межевании произвел во всем государстве великое потрясение умов и всех деревенских

владельцев заставил непривычно много мыслить и хлопотать о своих земельных имуществвах: все сельские уму были поглощены этим делом и не было конца разговорам о нем. Владельцам вековых дедовских гнезд впервые пришлось подумать и привести себе на память, как, на каком основании и в каких пределах они владеют ими. Скачка без памяти по соседям, переговоры и споры, растерянные поиски забытых или затерявшихся документов, справки в межевых канцеляриях и конторах, хлопоты, как бы урвать казенной земли при общем ее расхищении, взятки землемерам, плутни и захваты, ссоры и драки на меже, расспросы про ненданные и диковинные астролябии и румбы, смех и горе, — надобно читать рассказы Болотова про всю эту межевую суету и землевладельческую горячку, чтобы живо представить себе и юридическую беспомощность сословия, и весь хаос дворянского землевладения, и скромный уровень общественного порядка. Эти люди, еще недавно встрянувшие ужасами чумы и пугачевщины, теперь призывались к участию в местном управлении. Новые наместничества открывались одно за другим в продолжение многих лет, поддерживали возбуждение умов, так что большую часть царствования дворянство жило ускоренным темпом. К торжественному открытию из усадебных углов съезжались в губернский или наместнический город все дворяне губернии с семействами, только что приходившие в себя от перенесенных встрясок. Эти люди, среди правдой и малоплезной для государства жизни представлявшие из себя «картину феодальных веков Европы», по выражению Карамзина, едва не забывшие отношений граждан к государству, в торжественном собрании сословия слушали речь, в которой наместник со ступеней трибуны под портретом императрицы обращался к собравшимся как к правящей корпорации, читали и толковали новое *Учреждение*, в котором видели исполнение обещаний первых манифестов и желаний, заявленных в их собственных наказах 1767 г., баллотировали своих предводителей, судей и заседателей; обеды у наместника, знакомились друг с другом, приобщались к балах, маскарадам и спектаклям, нарочито

для них устроенных, и с наставительным шопотом указывали своим семьям на изящных чиновных кавалеров, привезенных наместником из столицы, с французским языком, модными словами и манерами. Утомленные баллотировками, празднествами и новыми знакомствами, они возвращались в свои крепостные усадьбы с убеждением, что присутствовали при водворении крепкого порядка, которого не поколеблет уже никакая пугачевщина и в котором, что всего важнее, не осталось места для пугавших их воображение помыслов об осуществлении крестьянской «вольности мечты» и что теперь их усадебный сон вполне огражден от тревог выборными предводителями и исправниками. Любопытно, что эта уверенность сообщилась отчасти и крепостному населению. Впечатления, привезенные с открытия, обновлялись чрез каждое трехлетие на периодических дворянских собраниях, которые, укрепляя в дворянстве сознание своих великих государственных прав, особенно с издания жалованной грамоты 1785 г., вместе с тем приучали его к людскости и «благочинному обхождению». Люди, привыкшие в своих крепостных деревнях чувствовать себя единственными единицами, на дворянских собраниях, среди горячки белых шаров и выборных должностей, сменившей горячку межевых обходов и дешевых земельных покупок, учились впервые думать о пределах своей личности и понимать себе равных, ценить общественное мнение и сторониться перед встречным со своими деревенскими мамашками. Все эти впечатления, разрастаясь и сливаясь, образовали среди дворян настроение, покоившееся на мысли, что они, благочинные граждане благоустроенного общества, преимущественно перед прочими условиями призваны проводить на своих собраниях благие намерения власти, внушенные высокими идеями века. Что же касается до ежедневных подробностей местного управления, то это — дело дворянских уполномоченных, которых в том и не стесняли, пока те не касались личных дел каждого избирателя. Если дела шли несогласно с требованиями «справды, человеколюбия и общего блаженства», на которых строился закон, это считалось в порядке вещей, потому что этим

требованиям придавалось не столько практическое, сколько народно-воспитательное значение согласно с *Наказом*, который гласил, что для успеха лучших законов необходимо «умы людские к тому приуготовить». Рассуждали, что прежде надобно облагородить ум и сердце людей, а потом улучшить их жизнь, сперва выучить человека плавать, а потом пускать его в воду. В умоначертании людей екатерининского времени произошел тот оборот мысли, какой наблюдаем в человеке с возбужденным воображением и с незанятым умом: деловые идеи незаметно перерождаются в досужные грезы, а когда люди грезят о счастье с мыслью о его невозможности, они мирятся с его отсутствием. Только таким оборотом мысли и можно объяснить психологию екатерининского вольтерьянца, у которого свободобивные мечты так мирно уживались с крепостною действительностью. Так и случилось, что возбуждению умов, подъем общественного духа не подняли заметно уровня общественного порядка.

Это раздвоенное настроение прошло самую резкую черту, сказать прямее, самым глубоким рубцом по нравственной физиономии екатерининского общества и было последним моментом в образовании впечатления, вынесенного им из царствования Екатерины II. Начавшись восторженной политической чувствительностью, оно в своем последовательном росте поднялось до патриотического чувства национального достоинства, перешло потом в умственное возбуждение, выражающееся в наклонности к политическому, размышлению, и завершилось пробуждением гражданского чувства, которое, проснувшись, так и осталось нервным движением, не успев переработаться в житейское дело. Однако и нравственные приобретения были очень важны: современники Екатерины и их ближайшие потомки были уверены, что при Екатерине показали порывы искры национального самодлюбия, просвещенного патриотизма, что при ней родились вкус, общественное мнение, первые понятия о чести, о личной свободе, о власти законов, что русские при ней, как бы по собственному внушению, стремились сравняться с народами, опередившими их на много веков (Вигель).

«Да посрамит небо всех тех, кто берется управлять народами, не имея в виду истинного блага государства», — писала Екатерина. Ее совсем не мечтательный ум ласкала мечта стать преобразовательницей своего государства и воспитательницей своего народа, сеять добро на земле, которое переживало бы сеятеля, и недетскато было бы не верить искренности ее признания, что ей нравится «та слава, которая не только в настоящем производит добро, но и в будущем создает бесчисленные поколения добрых». Она принесла на русский престол два средства действия: ум, исполненный философско-политических идей века, располагавших ее к тому, что она называла своею *легисляцией*, и характер, способный сдерживать философские увлечения, выработанный среди житейской толкотни более общением с живыми людьми, чем уединенною работою над самою собою. Она начинала свою деятельность с убеждением в силе разума, долженствующего управлять народами, и с верой в разум народа, которым ей пришлось управлять. Она нашла под своею державною рукою страну с влиятельным внешним положением и неблагоустроенным внутренним порядком, государство с обильными материальными средствами и с расстроеными нравственными силами, не согласенными и враждебными интересами. Читая, наблюдая и размышляя, она решила, что действующие в России законы мало соответствуют положению государства, не поднимают, а понижают его благосостояние и извели множество народа, что сам Петр I не знал, какие законы надобны его государству, и что такая своеобразная страна, как Россия, не возделанная и не искаженная историей, нуждается не в пересмотре, а в коренной перестройке законодательства на новых началах, что здесь все подобно переделывать заново. Это была мысль скорее академического, чем политического ума. Не одна Екатерина смотрела на Россию как на белый лист бумаги, еще не исчерченный историей, и она была не последняя, кто так смотрел на эту страну. Но такой взгляд значительно исправлялся другим соображением Екатерины,

что надежнее самих законов образ действий власти, направляемый снисхождением и примирительным духом государя. Опыт и ближайшее знакомство со страной, особенно Комиссия 1767 г., показавшая Екатерине, «с кем дело имеем», убедили ее, что и у России есть свое прошлое, по крайней мере, есть свои исторические привычки и предрассудки, с которыми надобно считаться. Она увидела, что без глубоких потрясений невозможно провести коренных реформ, каких потребовала бы система законодательства на усвоенных ею началах, и на совет Дидро переделать весь государственный и общественный порядок в России по этим началам, посмотрела как на мечту философа, имеющего дела с книгами, а не с живыми людьми. Тогда она сократила свою программу, сознавая, что не может взять на себя всех задач русской власти, что то, что можно, далеко не все, что нужно: «что бы я ни делала для России, — писала она, — это будет только капли в море». Но, утешала она себя, «после меня будут следовать моим началам» и докончат недоделанное. Когда добрый попечитель убеждается в несбыточности планов сделать зависящих от него людей счастливыми, создав им лучшее положение, он старается, по крайней мере, сделать их более довольными их прежним положением, внушив им лучшие мысли и чувства. Видя невозможность перестроить русскую жизнь новыми законами и учреждениями, Екатерина хотела лучше настроить русскую мысль новыми идеями и стремлениями, предоставив ей самой перестраивать жизнь. Не решившись стать радикальной преобразовательницей государства, она хотела остаться воспитательницей народа. Потому, не трогая основ существующего порядка, она стала действовать на умы. Власть, оставаясь военно-полицейским стражем внешней безопасности и внутреннего благочиния, в ее руках стала еще проводницей свободы и просвещения. Екатерина не изменила пространства власти, но смягчила ее действия, приняв в руководство эти принципы, и тем сделала менее ощутительной ее беспредельность, ибо руководящие принципы власти казались ее пределами. Екатерина не дала народу свободы и просвещения, потому

что такие вещи не даются пожалованием, а приобретаются развитием и сознанием, зарабатываются собственным трудом, а не получаются даром, как милостыня. Но она дала умам почувствовать цену этих благ если не как основ общественного порядка, то, по крайней мере, как удобств частного, личного существования. Это чувство было тем ободрительнее, что еще не ослаблялось тогда пониманием жертв и усилий, какими приобретаются эти блага; а теснота сферы, отведенной для их действия, не замечалась, узость башмака не чувствовалась в обаянии «бессмертной славы, какую она приобрела во всем свете», говоря словами Болотова. Эта слава была новым впечатлением для русского общества, и в ней тайна популярности Екатерины. В ее всесветной славе русское общество впервые почувствовало свою международную силу, она открыла ему его самого: Екатериною восторгались, как мы восторгаемся артистом, открывающим и вызывающим в нас самим нам дотоле неведомые силы и ощущения; она правилась потому, что через нее стали нравиться самим себе. С Петра едва смея считать себя людьми и еще не считая себя настоящими европейцами, русские при Екатерине почувствовали себя не только людьми, но и чуть не первыми людьми в Европе. За это не ставили ей в счет ни ошибок ее внешней политики, ни неудобств внутреннего положения, ни поступков с Арсением Мацеевичем или Новиковым, недостойных ни ее ума, ни сана, ни приемов «маленького хозяйства», в котором, по тогдашним рассказам, платилось 500 рублей за пять огурцов для любимца и выходило угля для щипцов придворного парикмахера на 15 000 рублей в год. Общее настроение сглаживало эти неровности, вследствие которых империя последних лет царствования представляла по закону, по общему впечатлению стройное и величественное здание, а вблизи, в подробностях — хаос, неурядицу, картину с размашистыми и небрежными мазками, рассчитанными на дальнего зрителя.

ВОСПОМИНАНИЕ О Н. И. НОВИКОВЕ И ЕГО ВРЕМЕНИ

Полтора́ста лет прошло от рождения Н. И. Новикова и идет 77-й год со дня его смерти. Теперь осталось очень мало людей, которые могли бы его лично знать и помнить. Мы можем только вспоминать о нем. Таким воспоминанием позвольте на несколько минут занять ваше благосклонное внимание. Ничего не скажу ни нового, ни даже цельного, а только из общеизвестного о Новикове напомним то, чем особенно можно и должно помянуть его.

Н. И. Новиков собственно не писатель, не ученый и даже не особенно образованный человек в духе своего времени; по крайней мере, сам он не признавал себя ни тем, ни другим, ни этим, хотя он и писал, даже хорошо писал, и издал много ценного научного материала и своею деятельностью много лет привлекал к себе сочувственное и почтительное внимание всего образованного русского общества. Настоящим своим делом он считал издательство; на типографию и книжную лавку положил он лучшие силы своего ума и сердца. Типография, книжная лавка — это не просвещение, а только его брудия. Но именно как издатель и книжный продавец Новиков сослужил русскому просвещению большую службу, своеобразную и неповторенную. Нам теперь трудно представить себе типографскую и книгопродавческую деятельность, которую можно было бы

сослужить такую службу. Правда, и в наше время не легкое и немаловажное дело дать в руки простому читателю, не любителю и не учёному, полезную и приятную книгу, попасть во вкус и потребности грамотного общества; в малограмотные времена Новикова это было во много раз труднее и важнее, чем теперь. Но Новиков по-своему понимал задачи печатного станка и повел свое дело так, что в его лице русский издатель и книгопродавец стал общественною, народнопросветительною силой, и постигая Новикова катастрофа произвела на русское образованное общество такое потрясающее впечатление, какого, кажется, не производило падение ни одной из многочисленных «случайных» звезд, появившихся на русском великосветском небосклоне XVIII века.

Я наперед скажу, где причина такого небывалого на Руси явления, как могло получить такое значение скромное само по себе дело. Энтузиазм частных людей к делу народного образования, соединенный с чутким пониманием его нужд и недостатков и с расчетливым выбором средств их удовлетворения и устранения, — вот что особенно вспоминаем мы, собравшись почтить воспоминанием 150-ю годовщину рождения Н. И. Новикова.

Вспоминая деятельность Новикова, я, прежде всего, должен говорить именно о нуждах и недостатках современного ему русского просвещения, т. е. придать своему воспоминанию несколько одностороннее направление, теневую окраску. Но тени сами собой отступают назад перед светлыми чертами, так ярко отразившимися в деятельности Новикова и его друзей, и мы получаем возможность видеть русское общество того времени с обеих сторон, лицевой и оборотной.

При мысли о Новикове невольно перебираешь в памяти целый ряд явлений в умственной и нравственной жизни русского общества с самого начала XVIII века, — так тесно связана была издательская деятельность Новикова с ходом нашего просвещения, особенно с судьбою книги на Руси, с историей книжного чтения. Мы привыкли в своем представлении соединять просвещение с книгой как с одним из главных его средств.

или пособий. Но в истории нашего просвещения был момент, когда средство начинало удаляться от своей цели, когда книга грозила вступить во вражду с просвещением. Этот момент был дурным перепутьем между двумя великими реформами, какие вынесло русское общество в XVIII веке, — между петровскою реформой порядков¹ и екатерининскою реформой умов. Такой разлад между средством и целью подготовлен был некоторыми туземными и заносными условиями, действовавшими на состав и направление книжного чтения, каким питалось тогдашнее грамотное общество на Руси.

В древней Руси читали много, но немногое и немногие. Этим чтением со строго ограниченным содержанием и направлением вырабатывались мастера-начетчики, которые знали свою литературу, свое *божественное писание*, как они ее называли, не хуже, чем *Отчичаш* или святцы. Такие начетчики не переводились у нас во весь XVIII век, не перевелись и донныне. Реформа Петра потребовала от высших служащих классов новых знаний, выходявших далеко за пределы древнерусского книжного кругозора, и заставила читать новые книги преимущественно учебного характера. Так как читали для ученья, а учились по долгу службы, то эта литература разновозрастных учебников не могла стать популярной ни в младших, ни в старших возрастах, не могла привить читателям внутренней потребности в ней, которая пережила бы ее внешнюю принудительность. Ведь любознательность ее записных потребителей поддерживалась более всего экзаменной проверкою и служебною ответственностью с энергическими последствиями той и другой, и по мере того как со смертью Петра истощались эти деятельные питатели научного огня, гасла и самая любознательность и застигались в пыли на полках все эти повелительно втиснутые Петром в руки временнообязанных читателей Пуффендорфий, Юсты Липсии, Кугорны, Дюпюнолы (Виньола), Гюйгенсы, Боргсдорфы, Бухверы² о руководствами истории, политики, артиллерии, фортификации, с книгами *мироврениа*³ (космография), *морсовыми*, *архитектурными*, *слюзными* и другими подобными.

Было бы, однако, несправедливо утверждать, что эта сухая учебная литература бесследно свеивалась с обязанных учебною повинностью умов льготным временем ближайших преемников и преемниц преобразователя. Немного прочных знаний и отчетливых понятий умели почерпнуть из нее обязательные ее читатели, а их не обязанные службой сестры не почерпали никаких, ибо и не читали ее. Но тех и других она самым появлением и видом своим приучала к книге гражданской печати, освобождала от древнерусского страха перед ней, как перед аптечною банкой, и при всей скудости извлекаемого из нее научного содержания все же мирила с ней, как с неизбежным злом на службе и в общежитии. И вот приблизительно с половины царствования Елизаветы Петровны на ниву русского просвещения, все более очищавшуюся от засаженных Петром тощих цыфирных и технических порослей, пал сначала редкими каплями освежительный дождь амурных песенок, усердно сочинявшихся доморощенными стихотворцами с легкой руки Сумарокова; по крайней мере, современник Болотов в своих записках под 1752 годом рассказывает, что «самая нежная любовь, толико подкрепляемая нежными и любовными и в порядочных стихах сочиненными песенками, тогда получала первое только над молодыми людьми свое господствие», но таких песенок было еще очень мало и «они были в превеликую еще диковинку» и потому молодыми барынями и девицами «с языка были не спускаемы». А за песенками полился поток назидательно-пресных мещанских трагедий и сентиментально-пикантных романов, в изобилии изготовлявшихся на Западе. Колючая литература научного знания сменилась произведениями сердца и воображения, щекотавшими элементарные инстинкты, которые не нуждаются ни в подготовке, ни в поощрении. Из холодной и сухой области научной мысли перескочив прямо в распаренную наркотическую атмосферу нольного чувства и образа, светски образованные люди так живо почувствовали разницу между тою и другою средой, что наука и беллетристика, долженствующие идти об руку одна с другою к одной цели — к познанию жизни, в сознании этих людей стали непримиримыми

врагами, и эти люди решили, что можно и должно вкушать сладкие плоды учения, отбрасывая его горький корень. Одногодки Новиков и Фонвизин молодостью своей попали в этот момент, и последний увековечил его в своем «*Бригадире*» (1766 г.) коротким и выразительным обменом мыслей между двумя образцовыми продуктами этого момента, советницей и Иванушкой:

— Боже тебя сохрани, — говорит первая второму, — от того, чтобы голова твоя была наполнена чем иным, кроме любезных романов! Кинь, душа моя, все на свете науки. Не поверишь, как такие книги просвещают.

— Madame! — отвечает ей Иванушка, — вы говорите правду. Я сам, кроме романов, ничего не читывал.

А какое направление преобладало в этих романах, потреблявшихся русскими советницами и Иванушками, видно из рассказа того же Фонвизина о том, как он, будучи еще студентом Московского университета, взамен гонорара за перевод басен Гольберга получил от московского книгопродавца целую кучу иностранных книг, «соблазнительных, украшенных скверными эстампами» и испортивших его воображение. Такие книги, очевидно, наиболее спрашивались тогдашнею светскою молодежью. Людям, чувствовавшим потребность порядочности, надобно было подобно фонвизинскому Сорванцову отговариваться в обществе, что они не ставят своего невежества себе в достоинство.

«*Живописец*» Новикова в 1772 г. скорбит о том, что романы раскупаются вдесятеро больше наилучших переводных книг серьезного содержания, да и было о чем скорбеть. Хороший роман служит прекрасным пособием для познания жизни тому, кто в нем ищет и находит художественное объяснение своих случайных и хаотических житейских впечатлений; для такого читателя роман — художественная иллюстрация действительности; без того и лучший роман — пустая игрушка воображения, лубочная картинка, лишенная своей истолковательницы — подписи внизу. Наших читателей и читательниц роман отучал от понимания действительности, заменяя им житейские опыты и наблюдения призраками, как детям куклы заменяют живых людей;

подобно пушкинской Татьяне, они «влюблялись в обманы и Ричардсона, и Руссо».

Подготовленный любовными песенками вроде сумаровских или николевских, вкус романической публики быстро изощрялся, поддерживая возбуждаемость усталого литературного аппетита. Начинали строго-добродетельным семейным романом во вкусе ричардсоновой «Памелы», продолжали романом тоже довольно добродетельным, вроде «Клариссы», но уже с участием Ловеласа, а кончили ничем не прикрытыми приключениями вроде тех астампов, на которые жаловался Фонвизин. Самые заглавия романов вторили изощрившимся вкусам: «Российскую Памелу или приключения Мали, добродетельной поселянки», сменяло «Геройство любви или изображение великодушного любовника», а затем уже прямо следовала «Гекриетта или гусарское похищение» в трех частях. Так народился у нас значительно разросшийся потом класс потребителей и особенно потребительниц романа, идиллически мечтательный род петиметров и кокеток с кисейными чувствами и «с чепухой сладких слов», как выразился некогда Княжнин о выведенном им в комедии «Чудаки» подобном продукте идиллии и романа. Жившие в России иностранцы с удивлением встречали в русском большом свете много дам и девиц, которые говорили на четырех-пяти языках, играли на разных инструментах и отлично знакомы были с произведениями известнейших романистов Франции, Англии и Италии. В этом знакомстве трудно искать любознательности, питавшей размышление. К этим дамам и девицам шло воззвание в переведенной тогда идиллии мадам Дезульер:

Овечки! ни наук, ни правил вы не зная,
Паситесь в тишине: не нужно то для вас.

Надобно сказать правду об этой идиллической чувствительности: для массы сердец она служила только приправой чувственности, не смягчая чувства. Мамаша после обычной утренней расправы на конюшне с крестьянами и крестьянками принималась за французскую любовную книжку и откровенно объясняла

по-русски все прелести любви и нежности прекрасного пола своему тринадцатилетнему сыну (*«Живописец» Новикова*).

Среди самого разлива этого чувственно-чувствительного чтения стало проникать в наше общество влияние просветительной философии. Может быть, нигде в Европе эта философия так наглядно, как у нас, не выказалась обеими своими сторонами, лицевой и оборотной. В нашей разреженной культуре, как в решете, сор мысли как-то сам собою отсеивался от ее зерна. После 28 июня 1762 г. у нас было не мало умных и благомыслящих людей, которые, становясь у дел, понимали, чем могут воспользоваться из содержания этой философии политика, право и общежитие, и русское законодательство стало провозвестником ее жизнедательных идей. Но популярную силу этой философии составляли не столько планы построения нового порядка, сколько критика существующего, приправленная насмешкой. Наша модно-образованная публика особенно понятливо воспринимала это критическое направление просветительной философии и не столько самую критику, сколько ее приправу. Подобно ночным мотылькам, которые ничего не видят при дневном свете, непривычные к размышлению умы слепо бросались на яркие парадоксы тогдашних *esprits forts* и на них сжигали последние остатки здравого смысла, уцелевшие от романов и идиллий. Развинченное ими вольное чувство, встретившись с вольною смеющею мыслью, спешило устранить все сдержки и преграды и прежде всего набросилось на простейшие нравственные связи. Не падить отца — вот прямая добродетель века! — восклицает советница в *«Бригадире»*, восхищенная скотским взглядом Иванушки на семейные отношения. В лице одного из героев *«Чудаков»*, разбогатевшего самодура-дворянина из кузнецов Лентягина, Княжнин изобразил одного из этих выросших новым духом времени и старыми нравами русских вольнодумцев, у которых протестующий философский смех переродился в безразборчивое зубоскальство надо всем, и отрицание предрассудков — в забвение приличий, словом, из свободы мысли выходило озорство почуявшего

волю холопского темперамента. Тогда, по свидетельству Фонвизина, составлялись кружки молодежи, все философское упражнение которых состояло в богохульстве и кощунстве. Потеряв своего бога, заурядный русский вольтерьянец не просто уходил из его храма как человек, ставший в нем лишним, а подобно взбунтовавшемуся дворовому норовил перед уходом набуяннить, все перебить, исковеркать и перепачкать. Что еще прискорбнее, многими, если не большинством наших вольнодумцев, вольные мысли почерпались не прямо из источников, — это все-таки задавало бы некоторую работу уму, — а хватались ими с ветра, доходили до них отдаленными сплетнями из вторых-третьих рук: какой-нибудь молодой Фирлюфюшков (петиметр в комедии Екатерины II «Именины госпожи Ворчалкиной»), воротясь из Парижа, проповедовал их доверчивым зевакам-сверстникам, или старый высокочинный греховодник зазывал молодежь к себе на обеды, чтобы сообщить ей последние, самые свежие полученные из Парижа новости по части атеизма и материализма. Многим русским вольтерьянцам Вольтер был известен только по слухам как проповедник безбожия, а из трактатов Руссо до них дошло лишь то, что истинная мудрость — не знать никаких наук. С просветительной философией у нас повторилось то же, что бывало с сантиментально-назидательною беллетристикою: мать пушкинской Татьяны была от Ричардсона без ума.

Она любила Ричардсона
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтоб Гравдисона
Она Ловласу предпочла;
Но встарину княжна Алина,
Ее московская кузина,
Твердила часто ей об них.

Таким образом открывалось неожиданное и печальное зрелище: новые идеи просветительной философии являлись оправданием и укреплением старого доморощенного невежества и нравственной косности. Обличительный вольтеровский смех помогал прикрывать застарелые русские язвы, не исцеляя их. Доисторические

привычки и одичалые понятия, которые прежде припрятывались от глаз закона или которых стыдились перед добрыми людьми, как стыдятся неубранного домашнего сора перед гостями, теперь самодовольно выставлялись на' показ, как указание или требование природы. Новые идеи нравились, как скандалы, подобно рисункам соблазнительного романа. Философский смех освобождал нашего вольтерьянца от законов божеских и человеческих, эмансипировал его дух и плоть, делал его недоступным ни для каких страхов, кроме полицейского, нечувствительным ни к каким угрызениям, кроме физических, — словом, этот смех становился для нашего вольнодумца тем же, чем была некогда для западного европейца папская индульгенция, снимавшая с человека всякий грех, всякую нравственную ответственность; да этот смех и там, кажется, был преемником, едва ли даже не был *натуральным сыном* этой самой индульгенции.

При каком угодно мнении о просветительной философии можно огорчаться таким ее употреблением. Порошин рассказывает в своих записках под 1765 годом, как за несколько лет до того к одному московскому дворянину нанялся француз учить его детей французскому языку; после оказалось, что этот француз был вовсе не француз, а чухонец, и обучил он детей дворянина не французскому, а чухонскому языку. Нечто подобное тому, что испытал здесь французский язык, случилось у нас и с французскою философией: многие наши вольтерьянцы поступили с ней совсем по-чухонски, под фирмой ее идей выдавали свои собственные темниковские или судогодские измышления и недомыслия. Еще один ветхозаветный мыслитель сказал, что и мудрое слово в устах малоумного становится безумием. Направление русских умов, таким образом воспринимавших просветительное влияние, становилось уже не усвоением европейской цивилизации, а болезненным расстройством национального «смысла, не подготовленного к такому острому питанию. Привозные лекарства только растравляли старые туземные недуги и приходилось лечить не только от болезней, но и от самого лечения.

Так книга, эта разносчица просвещения, стала ему помехой. В обеих литературах, беллетристической и философской, ставших у нас наиболее ходячими, наш просвещенный свет особенно охотно и успешно черпал лишь чувства и идеи, мало пригодные для частного, как и для общественного блага, только соблазнявшие сердца и ум своею вольностью или недозволенностью. В то время строгие судьи видели в таком направлении мысли и вкуса только недомыслие и безвкусие, слепое увлечение и надеялись исправить грех, открыть слепцам глаза насмешкой. Случилось так, что в одно время с первою турецкою войной, с борьбой против внешних врагов европейской цивилизации, русские писатели снарядили целую экспедицию против внутренних недугов русского быта и просвещения, и в продолжение пяти-шести лет, пока русские войска поражали турок и татар на море и на суше, русские сатирические журналы громили и доморощенные, и завозные пороки русского общества. Сама императрица с несколькими обличительными комедиями вступила волонтером в это патристическое литературное ополчение под прозрачным вуалем всем знакомого неизвестного. Тогда двадцати-пятiletним новобранцем выступил на литературно-издательском поприще и армейский поручик в отставке Н. И. Новиков, и его журналы «Трутень», «Живописец» и «Кошелек» по смелости и меткости своей сатиры стали решительно впереди всей фаланги сатирических изданий тех годов. От журналов Новикова всего больше досталось и зараженному французским влиянием модному русскому свету; «Кошелек» даже выступил специальным партизаном против этого влияния. В журналах Новикова встречаем едва ли не самые яркие изображения типических продуктов галломании, именно русской галломании, львов и львиц тогдашнего большого света, щеголей и щеголих или столь памятных петиметров и кокеток с их кукольною выделкой и невероятным нравственным одичанием, с ходульными каблучками, буклями в виде крылышек горлицы и до облаков взбитыми прическами, с разученно нежною скидкой взглядов, с вечными разговорами о любви и с ненавистью к наукам, к книгам, кроме тех, в ко-

торых они находили, говоря их языком, «слог растеганный и мысли прыгающие» и которые они «фелитировали без всякой дистракции». Что же вышло из этих благородных усилий русской сатиры? Есть основание опасаться, что она больше обогатила литературу, чем исправила нравы, научила добродетели только добродетельных. В *«Живописце»* есть статья самого Новикова, передающая юмористическую беседу писателей в разных родах со своими читателями. Между прочим, писателю комедий на его речи о нравственно-исправительном действии комедии читатель отвечает: «Знай, когда ты меня осмеиваешь, тогда я тебя пересмежаю». Нечто подобное, кажется, случилось и с русской сатирой прошлого века. Даже более того: осмеиваемый шут, увидев свой карикатурный портрет на сцене или в сатирическом журнале, любовался им и хохотал не менее других зрителей. Добрая половина столичного партера, аплодировавшего комедиям Фонвизина, состояла из подлинников или живых иллюстраций его художественных карикатур, по крайней мере, видела в них портреты своей близкой родни. Какою сатирой можно было донять фонвизинскую княгиню Халдину, которая любила одеваться при мужчинах, не находила ничего странного в том, что все ее дети уродились в дружок ее мужа, — ведь в мужниных же друзьях, а не каких-либо иных, поймите вы это, — и которая с гордостью добродетели говорила: «мне стыдно чего-нибудь стыдиться»? Обличение бессильно против людей, которые, по выражению древнерусского летописца, *ни бога не боят, ни человек ся стыдят*. Удары негодующей сатиры безболезненно падали на наших великосветских щеголей и щеголих XVIII века, служа только побудительным массажем для их износившихся в правдой суете или залежавшихся в сентиментальной апатии нервов. Более щекотливые надувались сердито, но не исправлялись. Что касается собственно вольнодумства как особого направления мыслей, сатирические журналы тех лет касались его лишь слегка, мимоходом, вероятно, потому, что оно не успело еще выделиться в такое направление из общего хаоса распущенных речей и мыслей. Впрочем, после, когда оно стало походить на

сколько на особое мирозерцание, обличение и на него не оказало заметного действия.

Зло, с которым боролась сатира, было не слабость, не простой порок, а нечто вроде порока сердца, т. е. болезнь, порок просвещения, а болезни лечат, не осмеивают. Уж если злоупотреблять медицинским языком, эту болезнь можно назвать анемией общественного сознания и нравственного чувства, соединенной с неестественным отношением к окружающему. Общечеловеческая культура, приносимая иноземным влиянием, воспринималась так, что не просветляла, а потемняла понимание родной действительности; непонимание ее смеялось равнодушием к ней, продолжалось пренебрежением и завершалось ненавистью или презрением. Люди считали несчастьем быть русскими и, подобно Иванушке Фонвизина, утешались только мыслью, что хотя тела их родились в России, но души принадлежали короне французской.

Такое направление умов в высшем обществе грозило немалыми опасностями. Еще в древней Руси дворянство стало во главе русского общества как орган управления и землевладельческий класс. Петр Великий хотел упрочить и расширить это руководящее значение сословия, сделав его, по крайней мере, верхний слой его, дворянство столичное, еще и проводником западноевропейского просвещения в России. Но что бы это был за руководящий класс, который не понимает руководимого им общества и даже презирает его! Он сам себя осуждал на упразднение, и тогда русское общество шло бы в руках провинциальных Простаковых и Скотининых с их Митрофанами и Николашками, в 18 лет едва одолевавшими азбуку (в комедии Екатерины II «*O, время!*»).

Болезнь была тем серьезнее, что происходила не от каприза или увлечения отдельных лиц, а от причин, которые коренились в исторически сложившемся положении всего класса. Иноземное влияние не встречало надлежащей подкладки в элементарном общем образовании, которое давало бы умение воспринимать необходимое, отбрасывая лишнее. Обязательная выучка дворянства совсем не давала такого образования, а

модное губернское воспитание во многом было даже хуже простого невежества. Новая книга, попадавшая в руки взрослому просвещенному человеку, служила ему не дополнением, а заменой учебника. Новые идолы неслись поверх умов какими-то сухими туманами, застилала глаза и не освежая мысли, а только оставляя на ней сорный осадок в виде пустых фраз, дурных манер, непристойных выходок против общепринятого и т. п. Притом с освобождением от обязательной службы значительная часть дворянства поспешила избавиться от привычного, но надоевшего дела, для которого оно училось, но не умела найти, да и не искала никакого нового общепользительного дела, стала праздной. Деловая цель образования исчезла из глаз, и книга стала только средством приятно наполнить пустоту праздного и бесцельного существования. Эти определились направление умов и вкусов, выбор чтения и идей, характер воспитания. Привычка учиться для службы не выработалась в сословии внутренней потребности образования, а отсутствие сословного дела уничтожило и общественное побуждение к тому. Наконец тогдашний класс «просвещенных людей» составлял очень тонкий слой, который случайно взбитой пеной мортелся на поверхности общества, едва касаясь его. Отделенный от народной массы привилегиями, правами, понятиями, предубеждениями, не освежаемый притоком новых сил снизу, он замирал в своих искусственных, призрачных интересах и никому ненужных суточных. Не такими ли наблюдениями внушены были замечания одного иностранца (Маккартнея), бывшего в России в начале царствования Екатерины II и писавшего, что русское дворянство самое необразованное в Европе, что русскому правительству труднее будет цивилизовать своих дворян, чем крестьян, и что им лучше было бы не иметь никакого образования, чем иметь такое, какое им дается, потому что оно не может сделать их полезными для общества?

Правительство Екатерины II чувствовало эти недостатки русского просвещения и принимало меры против них. Отсюда его настойчивая проповедь о необходимости воспитания, которое нравственно переродило бы общи-

ство, его усиленные заботы о закрытых воспитательных заведениях, о создании «третьего чина», или среднего сословия, которое стало бы, как в других странах Европы, носителем научного образования, питомником просвещения в России. И. И. Бецкий в своих докладах императрице указывал именно на отсутствие у нас восприимчивой среды, питательной почвы, к которой могло бы прикрепиться научное образование, говорил, что люди, приобретавшие такое образование, скоро теряли его и возвращались в прежнее невежество по недостатку спроса и практики для их знаний.

Эти просветительные усилия правительства не были свободны от иллюзий и недоразумений. Спешили заводить закрытые воспитательные училища. А где же учителя и учебники, где книги для чтения, которые восполняли бы учебники и учительские уроки? Как, наконец, подготовить общество к приему перерожденных в новых училищах питомцев, чтоб они не тонули в темной массе и не возвращались в прежнее невежество?

Новиков прямо и смело пошел навстречу этим усилиям и недоразумениям. Неизвестно, как складывался его взгляд на свое дело. Новиков появился в литературном мире как-то вдруг, исподтишка, без заметной подготовки. Сын достаточного, но не богатого дворянина, шестнадцати лет исключенный из дворянской гимназии при Московском университете «за леность», признававший себя и в старости невеждой, не знающим никаких языков, после восьми лет службы в гвардии он вышел в отставку армейским поручиком, а с 1769 г., когда ему было 25 лет, последовательно выступал с тремя лучшими в то время сатирическими журналами, привлек к себе обширный круг читателей, стал известным литератором и издателем, в то же время и после выпустил ряд учебных изданий по русской истории и литературе, из которых некоторые, особенно *«Древняя российская вивлиофика»*, сборник разнообразных памятников по русской истории, изданный при содействии Екатерины II, доселе не потеряли своей ученой цены. Из впечатлений и размышлений, накопившихся в продолжение десятилетних литератур-

но-издательских опытов в Петербурге, у Новикова, повидимому, сложился ясный взгляд на то, что ему следует делать. С этим взглядом он 1779 г. переехал в Москву, заарендовал на 10 лет университетскую типографию с книжною лавкой и принялся за дело.

В 1792 г., разбитый постигнувшею его бедой, Новиков на допросе произвел на враждебного ему следователи впечатление человека острого, догадливого, с характером смелым и дерзким. Бесспорно, Новиков был человек умный и решительный. Труднее было заметить в нем еще одну черту, это — энтузиазм, сдержанный и обдуманный. У него были два заветные предмета, на которых он сосредоточивал свои помыслы, в которых видел свой долг, свое призвание: это — служение отечеству и книга как средство служить отечеству. Если в первом сказывалась одна из лучших исторических привычек старого русского дворянства, поднимавшаяся в лучших людях сословия на высоту нравственного долга, то во втором вагляде на книгу надобно видеть личную доблесть Новикова. И до него бывали дворяне, посвящавшие литературе свой служебный досуг. В лице Новикова послужащий русский дворянин едва ли не впервые на ходил на службу отечеству с пером и книгой, как его предки выходили с конем и мечом. К книге Новиков относился мало сказать с любовью, а с какою-то верой в ее чудодейственную просветительную силу. Истина, зародившаяся в одной голове, — так веровал он, — посредством книги родит столько же подобных правомыслящих голов, сколько у этой книги читателей. Поэтому книгопечатание считал он наивеличайшим изобретением человеческого разума.

На этой вере в могущество книги Новиков строил практично обдуманый план действий. Этот план был тесно связан со взглядом на недостатки и нужды русского просвещения, какой просвечивает в изданиях и во всей деятельности Новикова. Один из главных врагов этого просвещения — галломания, не само французское просвещение, а его отражение в массе русских просвещенных умов, то употребление, какое здесь и до него делали. «Благородные невежды», как называл Но-

виков русских галломанов, сходились с простыми невеждами старорусского покроя в убеждении, что они достаточно все понимают и без науки, что «и не учась грамоте, можно быть грамотеем». Значит, вольномыслие не от учения, а от невежества, и есть не более как легкомыслие. Всякий мыслящий человек, — так писал Новиков в одном из своих журналов, — чувствует сострадание, взирая, на простодушных людей, которые беззащитно увлекаются надменными и остроумными мудрованиями, разрушающими основы человеческого общежития, или гнушаются всем отечественным, обольщаясь наружным блеском иноземного. Истинное просвещение должно быть основано на совместном развитии разума и нравственного чувства, на согласовании европейского образования с национальной самобытностью. В составе воспитания Новиков не отставлял разума на задний план, не ронял цены научного образования, как это делали иногда литературные и даже должностные педагоги того времени. Неосторожно было набрасывать тень на разум в обществе, где и без того многие им тяготились, воздерживать от увлечения науками, которыми и без того не занимались. Когда Сумароков в речи при открытии Академии художеств восклицал: «воссияли науки — и погибла естественная простота, и с нею и чистота сердца», сколько господ Простаковых готовы были аплодировать этим желанным словам, так легко и просто разрешавшим все их материнские муки со своими Митрофанами! Ведь Руссо у нас потому особенно и был популярен, что своим трактатом о вреде наук оправдывал нашу неохоту учиться. В «Живописце» Новиков насмешливо сопоставлял мудрость доморощенных философов донаучной чистоты с учением Руссо, говоря им: «он разумом, а вы невежеством доказываете, что науки бесполезны». Новикову принадлежит честь одного из первых, кто заговорил у нас о разграничении заимствуемого и самобытного, о черте, за которую не должно переступать иноземное влияние. В «Кошельке» 1774 г. он восстает против мнения, что русские должны заимствовать у иноземцев все, даже характер, который у всякого народа свой особый: не одной же России отказано в нем и суждено скитаться

по всем странам, побираясь обычаями у разных народов, чтоб из этой сборной культурной милостыни составить характер, никакому народу не свойственный, а идущий к лицу только обезьянам.

Где же было найти у нас опору истинному просвещению? Такою опорой не мог быть большой свет ничему не хотевших учиться вольтерьянцев и модных петиметров: здесь надобно было предоставить мертвым хоронить своих мертвецов. Екатерина с Бецким задумывала отнять у всего дворянства принадлежавшее ему с Петра значение хранителя и проводника европейского научного образования и передать это значение особому «среднему сословию», подобному французской буржуазии, сделав его специальным питомником наук и художеств. Но такого сословия не существовало в России, его еще надобно было создать. Это была радикальная мера, хлопотливая и несколько самонадеянная. В ней сказался философский XVIII век, любивший кроить общество по своим идеям. Новиков думал, что удобнее кроить платье по плечу, чем выламывать плечо по платью. Он надеялся обойтись наличными средствами, не ломая общества: ведь легче издавать полезные книги для читателей из готовых сословий, чем создавать особое сословие для чтения полезных книг. Он рассчитывал не на средний род людей, которого у нас не было, а на средний круг читателей, и его расчет состоял в том, чтобы из грамотного люда разных сословий создать читающую публику. В этой среде он находил благоприятные задатки для успехов просвещения. Он сам на себе испытал ее значение для литературы: его *«Живописец»* выдержал в прошлом веке пять изданий. Новиков объяснял такой успех журналом тем, что он пришелся по вкусу мещан, ибо, — добавлял он, — у нас те только книги четвертыми и пятыми изданиями печатаются, которые этим простосердечным людям по незнанию ими чужестранных языков нравятся. В самом выборе чтения здесь можно было найти более просвещенного вкуса и любознательности: по словам Новикова, в числе любимых книг у мещан были *«Синописис»*, учебник русской истории, *«Совершенное воспитание детей»* и тому подобные книги

ги, не пользовавшиеся никаким уважением просвещенных людей большого света.

«Имей душу, имей сердце», — проповедовала гуманная педагогика века, а это была прекрасная проповедь при бездушной школьной выучке и бессердечном вертопрашестве светской мысли. Но мало сказать доброе правило, — надобно еще *сотворить* и *научить*, указать, как его исполнить, и подать пример исполнения. И в деле просвещения есть своя черновая часть. Сколько нужно понести пыли и грязи, чтобы вырастить хлебный злак? Современный сеятель просвещения, выходя на свою ниву, находит много готовых вспомогательных средств для своего дела: не говоря о широко распространенном сознании пользы учения, о внутренней потребности образования в значительной части общества, об обильном запасе учебной и образовательной литературы, достаточно вспомнить о довольно налаженном типографском и книгопродавческом деле. Правда, в книжном деле у нас и теперь бывают прискорбные недоразумения: так, нередко книга и читатель ищут друг друга и не находят, как будто играют друг с другом в жмурки с завязанными глазами; порой появляются книги, которых некому читать, и есть охотники чтения, которым нечего читать. Во время Новикова таких недоразумений было несравненно больше, а вспомогательных средств просвещения гораздо меньше, даже совсем мало. В единственной тогда университетской столице просвещения были всего две книжные лавки, годовой оборот которых не превышал 10 тысяч рублей; в провинции книга была редкостью и продавалась втридорога, на что жаловался сам Новиков; издательское дело велось так вяло, что не поспевало за спросом читателей простонародных романов и повестей вроде «*Бовы-королевича*» или «*Еруслана Лазаревича*», и были отставные подъячие, кормившиеся перепиской таких произведений. Новиков видел, что надо начинать дело с самого начала, с черновых вспомогательных средств просвещения, и, надев рабочий передник, не побрезговал подойти к типографской сажке и стать за пыльным прилавком книжной лавки. В обществе, где, по сознанию самого новиковского «*Живописца*», даже звание

писателя считалось постыдным, надобно было иметь немалую долю решимости, чтобы стать типографщиком и книжным торговцем и даже видеть в этих занятиях свое патристическое призвание. У Новикова с энергией и предприимчивостью соединялась та добросовестность мысли, которая побуждает выбирать себе дело по наличным силам, не преувеличивая своих сил по внушениям затейливого самомнения. Этим отчасти можно объяснить его нелюбовь действовать одиноко, без товарищей. Зато он глубоко верил в могущество совокупного труда и умел соединять людей для общей цели. Именно на поприще народного образования обнаружил он это умение собирать раздробленные силы в большое дружное дело.

Московский кружок Новикова — явление, не повторившееся в истории русского просвещения. Можно радоваться, что такой кружок составил именно в Москве, где особенно трудно было ожидать его появления. Про эту столицу русского просвещения, единственный тогда университетский город в России, Сумароков, конечно, в припадке капризного раздражения, писал, что там все улицы вымощены невежеством «аршина на три толщиной». Правда, это был тогда город разнообразных крайностей. В его многочисленном дворянском обществе с довольно независимым, даже оппозиционным настроением, направляемым выброшенным из С.-Петербурга величиями, у которых прошлое было лучше будущего и которые потому бранили настоящее, — в обществе, где встречались носители всех перебивавших в России мирозерцаний от *«Голубиной книги»* до *«Системы природы»* Гольбаха и где на одном и том же пиру за менютом иногда следовал доморощенный трепак, среди суетливого безделья и дарового довольства нашлось десятка два большею частью богатых или зажиточных и образованных людей, которые решились жертвовать своим досугом и своими средствами, чтобы содействовать заботам правительства о народном просвещении. Некоторые из этих людей стоят биографии и все — самого теплого воспоминания. Из них рядом с Новиковым мне хотелось бы поставить прежде других И. В. Лопухина. Чтение его записок доставляет

глубокое внутреннее удовлетворение: как будто что-то проясняется в нашем XVIII веке, когда всматриваешься в этого человека, который самым появлением своим обличает присутствие значительных нравственных сил, таившихся в русском образованном обществе того времени. С умом прямым, немного жестким и даже строптивым, но мягкосердечный и человеколюбивый, с тонким нравственным чувством, отвечавшим мягкому и тонкому складу его продолговатого лица, вечно сосредоточенный в работе над самим собой, он упорным упражнением умел лучшие и редкие движения души человеческой переработать в простые привычки или ежедневные потребности своего сердца. Читая его записки, невольно улыбаешься над его усилиями уверить читателя, что его любовь подавать милостыню — не добродетель, а природная страсть, нечто вроде охоты, спорта; что с детства он привык любоваться удовольствием, какое доставлял другим, и для того нарочно проигрывал деньги крепостному мальчику, приставленному служить ему; что во время его судейской службы в уголовной палате, совестном суде и Сенате сделать неправду или не возражать против нее было для него то же, что взять в рот противное кушанье, — не добродетель, а случайность, каприз природы, вроде цвета волос. Все это очень напоминает красивую застенчивую женщину, которая краснеет от устремленных на нее пристальных взглядов и старается скрыть свое лицо, стыдясь собственной красоты, как незаслуженного дара. Мы если не больше сочувствуем нашему высшему крепостническому обществу XVIII века, то лучше понимаем его, когда видим, что оно если не помогло, то и не помешало воспитаться в его среде человеку, который, оставаясь баринoм и сторонником крепостного права, сберег в себе способность со слезами броситься в ноги своему крепостному слуге, которого он, больной перед причащением в припадке вспыльчивости только что разбил за неисправность. И в то время не на каждом шагу встречалась привычка во всяком Петрушке искать человека и во всяком человеке находить ближнего. А по другую сторону Новикова надобно поставить И. Гр. Шварца, по выражению Новикова,

немчика, с которым он, поговорив раз, на всю жизнь до самой его смерти сделался неразлучным. Откуда-то из Трансильвании попал домашним учителем в Могилев, а оттуда в Москву на профессорскую кафедру в университете, Шварц полюбил приютившую его чужбину, как не всегда любят и родину, и посвятил ей все еще молодые силы своего ума, весь жар своего горячего сердца. Восторженный и самоотверженный, педагог до тончайшей фибры своего существа, неутомимый энтузиаст просвещения, вечно горевший, как неугасимый очаг, и успевший сжечь себя до тла в 33 года жизни, Шварц будил высшее московское общество, где был желанным гостем, без умолку толкуя в знатных и образованных домах о необходимости составить общество для распространения истинного просвещения в России, будил и университетскую молодежь своими одушевленными мистическими лекциями о гармонии наук в изучении таинств природы, о связи духа и материи, о союзе между богом и человеком, о стремлении к свету и добру, к познанию божества и внутреннего человека. А для изображения Сем. Ив. Гамалеи, привителя канцелярии московского главнокомандующего, у меня не найдется и слов: хотелось бы видеть такого человека, а не вспоминать о нем. Я недоумеваю, каким образом под мундиром канцелярского чиновника, и именно русской канцелярии XVIII века, мог уцолеть человек первых веков христианства. Гамалею подобает житие, а не биография или характеристика. Сомневаюсь, сердился ли он на кого-нибудь хоть раз в свою жизнь. Во всем мире только с одним существом он воевал непримиримо, это — со своим собственным, с его пороками и страстями; и с какими страстями! с нюханьем табаку, например, и т. п. Когда ему предложили обычную в то время награду за службу крепостными в количестве 300 душ, он отказался: ему-де не до чужих душ, когда и со своею собственной он не может справиться. Слуге, укравшему у него 500 рублей и цоцманному, он подарил украденные деньги и самого его отпустил с богом на волю; но он не мог простить себе ежегодной траты 15 рублей на табак, которому считал похищением у бедных, и постарался победить

столь преступную привычку, обратив новое сбережение на милостыню. Блаженный в лучшем смысле этого слова, которого современники справедливо прозвали «божьим человеком!» И другие члены кружка были проникнуты тем же новиковским или лопухинским духом: это были лучшие, образованнейшие люди московского общества, князя Трубецкие и Черкасский, И. П. Тургенев и другие, между которыми и Московский университет имел своих представителей в лице куратора Хераскова и нескольких профессоров. Среди этого товарищества просвещения и благотворительности радушною хозяйкой на Покровке и в подмосковном Очакове, самоотверженной пособницей и ободрительницей в каждом деле и затруднении кружка являлась царившая в нем энергическая княгиня Варвара Александровна Трубецкая, урожденная княжна Черкасская, одна из прекраснейших русских женщин прошлого века, у которой ни дух времени, ни светское образование, ни таланты и влияние на окружающих не ослабили силы и непосредственности христианского чувства. Надобно думать, что дух и состав кружка сообщали ему большую притягательную силу, если ревностным сподвижником его стал богач, скучавший жизнью от пресыщения ее благами, сын бывшего недоброй памяти петербургского генерал-полицеймейстера П. А. Татищев, своим значительным вкладом давший возможность осуществить заветную мечту Шварца об основании просветительного общества; а другой богач, сын верхотурского ямщика и уральского горнозаводчика Г. М. Походяшин, тронутый речью Новикова о помощи нуждающимся в голодный 1787 год, расстроил свое огромное состояние щедрыми пожертвованиями на дела просвещения и благотворения, но, умирая в бедности, услаждал свои последние минуты тем, что с умилением смотрел на портрет Новикова, как своего благодетеля, указавшего ему истинный путь жизни.

Эта нравственная сила многим членам кружка далась не даром. Когда мы читаем признание Новикова, что он мучился сомнениями, находясь на распутье между вольтерьянством и религией и не имея краеугольного камня, на котором мог бы основать свое душевное

спокойствие, когда И. В. Лопухин рассказывает в своих записках, как он, быв усердным читателем Вольтера и Руссо и задумав распространять в рукописях свой перевод из восхитившей его «Системы природы» Гольбаха, вдруг охвачен был чувством неопи-санного раскаяния, не мог заснуть прежде, нежели сжег приготовленную к пропаганде красивую тетрадку вместе с черновой, и успокоился вполне только тогда, когда написал «*Рассуждение о злоупотреблении разумом некоторыми новыми писателями*», — когда мы читаем о подобных пароксизмах совестливой мысли, может быть, мы впервые застаем образованного русского человека в минуту тяжкого раздумия, какое ему не раз пришлось и не раз еще придется переживать впоследствии. Это раздумье естественно рождалось из самого положения русского образованного человека. Запоздалый работник в культурной мастерской, принужденный учиться у тех, кого должен был догнать, он уже в продолжение двух-трех поколений привык обращаться к западноевропейской мысли за советом, к общественному порядку, в котором эта мысль вырабатывалась, за опытами и уроками. Но западноевропейский разум, вырабатывавший и эту мысль и этот порядок, в прошлом веке потянуло в противоположные стороны. Фонвизин резкими чертами изобразил это раздвоение, когда писал из Франции в 1777 г., что там при невероятном множестве способов к просвещению весьма нередко глубокое невежество с ужасным суеверием, что одни воспитываются духовенством в сильном отвращении к здравому рассудку, а другие заражаются новой философией, так что встречаются почти только крайности — или рабство, или нахальство разума. В борьбе, возникшей из этого раздвоения, европейская мысль, постепенно разгораясь и разгораясь, приняла отрицательное направление, из светоча превратилась в зажигательный факел и решительно пошла против служившего ей очагом общественного порядка. Тогда русский образованный человек, если он притом был еще и человеком мыслящим, почувствовал себя в неловком положении: служивший ему образцом строй понятий, чувств, общественных отношений был осужден как неразумный.

Здание отечественной гражданственности, над которым он призван был трудиться, нельзя стало продолжать ни по старым образцам, ни по новым идеалам. В ожидании огромного крушения не надеясь ничего найти на Западе для этой постройки, кроме раскаленной лавы да гнилых развалин, он вынужден был искать доморощенных средств. Но видя вокруг себя умы больше воспаленные, чем просвещенные новыми идеями, люди новиковского направления решили, что для улучшения общественного порядка каждый отдельный человек, пока не касаясь его оснований, должен обратиться к самому себе, сосредоточить работу на своей личности, на своем личном умственном и нравственном усовершенствовании, чтоб этой дробною мозаическою работою приготовить живой годный материал для будущего общества. Так понимал этих людей хорошо знакомый с ними Карамзин: он называл их христианскими мистиками, пренебрегавшими школьною мудростью, но требовавшими от своих учеников истинных добродетелей и не вмешивавшимися в политику. Та же мысль о необходимости и достаточности личного усовершенствования для подъема общественного порядка высказывалась и в любимых книгах этих людей и в их собственных признаниях. «В школах и на кафедрах твердят: люби бога, люби ближнего, но не воспитывают той натуры, коей любовь сия свойственна». Это говорит И. В. Лопухин в своих записках, настаивая на необходимости для человека морально переродиться, чтобы сродниться с евангельскою нравственностью и стать в христианские отношения к ближним, к обществу. А как эти люди считали возможным достигнуть такого перерождения и чего от него ожидали, о том читайте в книге английского моралиста Иоанна Массона о самопознании, переведенной членом кружка И. П. Тургеневым и кружку же посвященной. Эта книга учит, что чем лучше мы себя познаем, тем с большею пользою занимаем то место в жизни человеческой, на какое мы поставлены провидением, и что успехи в науке познания самого себя сопровождаются быстрым и счастливым изменением нравов и мыслей человеческих. Могут сказать, что в таком взгляде много оптимистического

самообольщения, что нравственный уровень общества так же мало зависит от совершенства отдельных его членов, как мало поднимается температура окружающего воздуха от подъема ртути в термометре, который держит теплая рука. Я и не вхожу в разбор этого взгляда, а хочу только отметить момент, когда, по моему мнению, образованный русский человек впервые почувствовал затруднительность своего культурного положения и как он пытался выйти из этого затруднения. Опять скажут: люди новиковского кружка нашли такой выход, потому что были масоны, мартинисты и их христианские добродетели сильно омрачены этою сектантскою тенью. Можно сказать и так, можно и наоборот: они потому стали и масонами, что нашли такой выход из своего затруднения, больше масонствовали, чем были масонами; они — воспользуемся их же фигурным языком — вступили в состав «малого избранного народа вольных каменщиков только для того, чтобы сами себя переработать в пригодные камни для мысленного храма соломонова, т. е. для будущего идеального русского общества. Что же касается их добродетелей, то я не берусь судить, насколько нравственная доблесть Гамалея тускнела от того, что он прикрывал ее от недоброжелательных людских глаз театральным рубищем какого-то масонства. Но когда я припоминаю, как отозвался о Новикове архиепископ московский Платон, испытывавший его в законе божьем по распоряжению императрицы и заявивший, что он молит бога, чтобы не только в его пастве, но и во всем мире были такие христиане, каков Новиков, у меня нехватает решимости искать пятен на христианстве этого мистина, ведь я не сумею быть православнее православного русского иерарха.

Вспоминая о Новикове и его сотрудниках, я хотю напомнить характер светского образования в России их времени, их взгляды на недостатки и нужды этого образования и на свойства истинного просвещения, на цели, планы и нравственные средства. Но мне не было необходимо подробно говорить о том, как они привели свои взгляды, какие материальные средства вводили в свое дело, какие встретили препятствия

и чего добились: все это, кажется, достаточно известно, и я могу ограничиться наиболее крупными чертами, не входя в подробности.

План действия, как он обнаружился в предприятиях кружка и по частям был высказан в записках Лопухина и изданиях Новикова, можно изложить в таких чертах. Для успеха правительственных попечений о народном просвещении необходимо содействие частных лиц, соединяющих свои силы и средства с целью спешествовать воспитанию юношества в полезных обществах науках и издавать книги, утверждающие корень чистой нравственности и добродетели. Для этого такие общества частных людей на свои средства, во-первых, устроят пробные или образцовые учебно-воспитательные заведения, во-вторых, готовят надежных учителей и воспитателей при помощи университета и, в-третьих, разборчивым изданием книг и журналов создают самобытную, дельную печать для обширного круга читателей. Такими способами можно вывести русское просвещение из тесного круга оторванных от народа «просвещенных людей», модно воспитанного высшего дворянства, в широкий мир «простосердечных мещан», простого грамотного люда, и обдуманном сочетании общечеловеческих и национально-исторических элементов дать этому просвещению самобытный склад, который изменит дух общества, господствующее направление умов. Что было осуществлено из этого плана, который сам по себе есть уже немалая заслуга русскому просвещению?

Арендуя у Московского университета типографию и книжную лавку, Новиков имел в виду прежде всего потребности домашнего и школьного образования. Он старался, во-первых, составить достаточно обильный и легко доступный запас полезного и занимательного чтения для обширного круга читателей, во-вторых, войти в общение с университетом, чтобы воспользоваться его силами и средствами для приготовления надежных учителей. Расстроенную университетскую типографию он вскоре привел в образцовый порядок и менее чем в три года напечатал в ней больше книг, чем сколько вышло из нее в 24 года ее существования до поступ-

ления в руки Новикова. Он издавал книги довольно разнообразного содержания, особенно заботясь о печатании книг духовно-нравственных и учебных: в числе 366 книг, отпечатанных им до конца 1785 г., менее чем в 7 лет аренды, насчитываем около сотни изданий первого рода и более 30 учебников, разноязычных букварей, словарей, грамматик и т. п.

Новиков нашел деятельную поддержку в образовании из его друзей по мысли Шварца *Дружеском учебном обществе*, которое при торжественном открытии своем в 1782 г. объявило одной из своих задач печатание и даровую раздачу учебных книг по школам. Указом 1783 г. о вольных типографиях дана возможность обществу завести две собственные типографии на имя своих членов Новикова и Лопухина; потом, в 1784 г., завелась еще обширная компанейская типография, когда из дружеского кружка Новикова образовалось издательское товарищество на паях под фирмой *Типографической компании* со складочным капиталом в 57 500 рублей (более 150 000 рублей на наши деньги) и с поступившим от Новикова запасом книг на 320 000 рублей по продажной цене. При таких средствах Новиков превосходно устроил сбыт книг, завел комиссионеров, вступил в сношения с петербургскими книготорговцами и вообще чрезвычайно оживил книжную торговлю в России. Стало случаться неслыханное дело: книжная лавка Новикова у Воскресенских ворот по спросу ее товара стала соперничать с модными магазинами Кузнецкого Моста. Вместо двух существовавших в Москве книжных лавок с оборотом в 10 000 рублей при Новикове и под его влиянием явилось их здесь до 20, и книг продавали они ежегодно тысяч на 200 рублей. Ежегодный доход Типографической компании, по показанию Новикова, простирался свыше 40 000 рублей, доходя в иные годы до 80 000 рублей. О размерах предприятия можно судить по тому, что после закрытия компании в 1791 г., когда все дело ее было разрушено, несмотря на обширный сбыт изданных ею книг, их оставалось еще по каталожной цене всего малого на 700 000 рублей (более 1½ миллионов на наши деньги), не считая 25 тыс. экземпляров книг, сожженных или переданных в духовную академию и университет.

Трудно сметить даже на-глаз, какие успехи достигнуты были такими усилиями. Люди, близкие к тому времени и к самому Новикову, утверждали, что он не распространял, а создал у нас любовь к наукам и охоту к чтению; что благодаря широкой организации сбыта и энергическому ведению дела новиковская книга стала проникать в самые отдаленные захолустья, и скоро не только Европейская Россия, но и Сибирь начала читать. Если частный случай что-нибудь доказывает, я приведу библиографическую подробность из своего детства: в деревенской глуши, где нецерковная книга была большою редкостью, мне попались две изданные Новиковым поэмы «Иосиф» Витоба и «Потерянный рай» Мильтона и вместе с альманахом Карамзина «Азлая» были в числе первых книг, мною прочитанных. Новиков хотел сделать чтение ежедневною потребностью грамотного человека, и кажется, в значительной мере достиг этого. Число подписчиков «Московских ведомостей», издание которых он взял на себя вместе с арендой университетской типографии, при нем увеличилось всемерно (с 600 до 4000). При них выходили прибавления разнообразного содержания: по литературе, сельскому хозяйству, натуральной истории, химии и физике, также листы для детского чтения. Не упоминаю о других московских периодических изданиях Новикова. Он был не только типографщиком и книгопродавцем, но и издателем, выбирал, что нужно печатать, заказывал работы переводчикам и сочинителям, небывалым гонимым оживил переводную и оригинальную письменность, отдавая предпочтение произведениям научным и духовно-нравственным. Этим он внес в текущую литературу того времени новую струю, шедшую против господствовавшего направления умов и литературных вкусов тогдашнего светского общества. Книжная лавка Новикова, откуда шла эта струя, получила своеобразный вид и в ней бывали характерные сцены: приходил покупатель, рылся в книжных новостях, разложенных на прилавке, находил все издания духовно-нравственного содержания, которых не хотел покупать, спрашивал, почему нет романов; Новиков отвечал, что переводчики что-то перестали носить ему такие сочинения

и, набрав связку книг, какие были на прилавке, просил покупателя принять их от него в дар. После сам Новиков показывал следователю об усилении спроса на духовные книги, а один из учеников Новикова писал, что целое море душеспасительных книг было им пущено против потока вольнодумческих сочинений. В продолжение 10 арендных лет издательская и книгопродавческая деятельность Новикова в Москве вносила в русское общество новые знания, вкусы, впечатления, настраивала умы в одном направлении, из разнохарактерных читателей складывала однородную читающую публику, и сквозь вызванную ею усиленную работу переводчиков, сочинителей, типографий, книжных лавок, книг, журналов и возбужденных ими толков стало пробиваться то, с чем еще незнакомо было русское просвещенное общество: это — *общественное мнение*. Я едва ли ошибусь, если отнесу его зарождение к годам московской деятельности Новикова, к этому *новиковскому десятилетию* (1779—1789). Типографщик, издатель, книгопродавец, журналист, историк литературы, школьный попечитель, филантроп, Новиков на всех этих поприщах оставался одним и тем же — сеятелем просвещения.

Это новиковское десятилетие — одна из лучших эпох и в истории Московского университета. В тот год, когда Новиков взял в аренду университетскую типографию, этот университет доживал свое первое двадцатипятилетие. Но он еще не успел докончить своего обзаведения: были аудитории и кафедры, профессора и студенты, была обстановка и личный состав науки, но сама наука с трудом пробивалась сквозь то и другое, не успевая еще обжиться на новоселье. Число студентов в иные годы не доходило и до сотни; иногда на всем юридическом, как и на всем медицинском, факультете оставалось по одному студенту и по одному профессору, который читал все науки своего факультета; студенты занимались в университете не более 100 дней в году; речной речи почти не слышно было с кафедр; люди высшего общества еще побаивались пускать в университет своих сыновей; благовоспитанность не всегда признавалась и порой как будто даже совсем отсутствовала. У Новикова литературная и издательская деятельность

еще в Петербурге неразрывно соединилась с педагогической и благотворительной: с кружком тамошних друзей он основал два училища для бедных детей и сирот и в пользу этих школ назначил выручку от издававшегося им журнала *«Утренний Свет»*. Московский кружок по господствовавшему в нем направлению умов мог только усилить и расширить деятельность, начатую Новиковым в Петербурге. Главным дельцом по воспитательной части стал, разумеется, Шварц. Подготовка учителей было настоятельнейшею потребностью русского просвещения. Став профессором в 1779 г. и по поручению университета составляя учебники и проекты об улучшении преподавания, Шварц набрал у своих друзей пожертвований, присоединил к ним 5000 рублей своих кровных сбережений и в конце того же года открыл при университете *учительскую семинарию*, в которой стал инспектором и начал преподавать педагогику. Так началась деятельность открывшегося позднее *«Дружеского ученого общества»*, которое чрез епархиальных архиереев стало вызывать из духовно-учебных заведений лучших учеников, чтобы готовить их на свой счет к учительскому поприщу в университетской семинарии. Через 3 года в этой семинарии было уже до 30 стипендиатов, на содержание которых общество давало по 100 рублей на человека, купив при том дом для их помещения; в числе их находились два будущие санкт-петербургские митрополита: Михаил и Серафим. Задумав переводить и издавать лучшие иностранные сочинения и желая заготовить себе хороших переводчиков, в которых чувствовался крайний недостаток, *«Дружеское общество»*, по мысли Шварца, в 1782 г. учредило при университете другую семинарию, *переводческую филологическую*, в которую приняло 16 студентов; из них шестеро переведенных из духовных семинарий содержались на средства уже известного нам Татищева, остальные — на счет других членов кружка. Лучших своих питомцев *«Дружеское общество»* посылало для довершения образования за границу. Заботы общества распространялись на всех студентов: им подыскивали занятия, заказывали литературные работы, переводы и статьи для изданий обще-

ства. Студенты, преимущественно питомцы общества, были сотрудниками и даже руководителями периодических изданий Новикова: «Вечерней зари» 1782 г. и «Покоряющегося трудолюбца» 1784 г. Неугомонный педагог общества не ограничивался этим: ему хотелось снабдить выходящего из университета студента возможно обильнейшим запасом надобного в пути багажа. Сверх лекций в университетской аудитории об эстетической критике он читал еще у себя на дому приватный курс о видах познания и особый курс «философской истории» для семинаристов общества, к которым присоединялись и посторонние слушатели «всякого рода и звания», по выражению одного из них, так что эти домашние лекции превращались сами собой в публичные курсы. Их цель обнаруживалась в их действии: они противодействовали вольнодумству. В этом направлении, может быть, наиболее сильное влияние имело на студентов устроенное Шварцем *Собрание университетских питомцев*. Это было если не первое, то, наверное, второе в России общество, составленное из учащейся молодежи. Это студенческое общество имело целью образование ума и вкуса своих членов, их нравственное усовершенствование, упражнение в человеколюбивых подвигах. Студенты на заседаниях читали и обсуждали свои литературные опыты, произносили речи на моральные темы, задумывали издания с благотворительной целью. Но это, конечно, было молодо, суетливо, немножко порывозно; молодежь больше чувствовала, чем познавала науку. Но по-тогдашнему и этого разве было мало? В пылающих лампах науки, прежде больше декорированных, чем освещавших университетские стены, что-то затеплилось — дайте срок — они разгорятся. Среди студентов стали зарождаться нравственная товарищеская солидарность, склонность к размышлению, некоторый навык самообладания и та способность загораться от идей, которая, как фонарь, впотьмах, предшествует исканию истины. Трудно проследить поприща, по которым рассыпалось питомцы «Дружеского общества», как трудно уследить, куда попадали книги, которые оно рассеивало. Известно, что оно дало Московскому университету одного декана (т. е. ректора) и пять профессоров.

Так кружок Новикова стал посредником, через которого завязалось тесное нравственное общение между московским обществом и Московским университетом. Эта связь не прервалась с исчезновением связующего звена, поддерживаемая взаимным нравственным тяготением и обоюдными научными услугами. Общество дало университету несколько профессоров, ожививших университетское преподавание. Университет, со своей стороны, немного позднее воспитал в своих аудиториях профессоров, ожививших общественную мысль и не раз собиравших московское общество на студенческих скамьях. Нет нужды напоминать всем памятные имена их. Кажется, университет не остался в долгу перед обществом. Да и зачем им сводить счета между собою? Ведь они оба будут тем богаче, чем больше задолжают друг другу.

И. Н. БОЛТИН

(умер 6 октября 1792 г.)

Сто лет прошло со смерти Болтина. Имя этого русского историка давно забыто, а его труды по русской истории перестали читать, кажется, даже раньше, чем перестали помнить имя их автора. Его тяжеловесные фолианты давно вышли из состава оборотной русской исторической литературы, которой питается русская любознательная публика, и отложены в запасный фонд русской историографии, до которого редко дотрагивается даже рука специалиста. Шлецер своим критическим исследованием о Несторе, изданным в начале нынешнего столетия, отодвинул Болтина от внимания исследователей отечественной истории, а Карамзин своим блестящим трудом закрыл его от глаз читающей русской публики. Но в свое время Болтин пользовался известностью как знаток русской истории. Сам надменный Шлецер, с немецким пренебрежением относившийся ко всем русским исследователям русской истории, для Болтина допускал исключение, признавая его единственным русским историком, кое-что смыслившим в истории своего отечества. Пользуясь столетнею годовщиной Болтина, можно вспомнить этого историка, и не столько его самого, сколько его время, те условия, при которых вырабатывалась историческая мысль этого писателя, не самого блестящего, но одного из самых умных и приятных русских писателей XVIII в.

На поминках говорят не столько о самом покойнике, сколько о том, что любил он, а Болтин больше всего любил Россию своего времени.

Он был сам виноват в том, что его учено-литературная известность была так скоротечна. Прежде всего, он сам слишком мало заботился о приобретении и упрочении такой известности. Он не был ученым историком по профессии. Его практическая деятельность шла вдали от летописей и архивов: начав службу рядовым конногвардейского полка, он продолжал ее чиновником таможенного ведомства и кончил генерал-майором и членом военной коллегии. К этому надобно прибавить, что Болтин был деловитым и добросовестным служакой, а потому не располагал большим досугом. Но он находил время учиться, много читал и с особенным прилежанием собирал втихомолку сведения по русской истории, считая знакомство с родною стариной нравственною обязанностью образованного человека. Русскому образованному человеку того времени было гораздо труднее исполнить эту обязанность, чем теперь; тогда это не значило выслушать курс русской истории в высшем учебном заведении или прочесть несколько популярных сочинений по этому предмету. Тогда надобно было самому кропотливо собирать источники и разбираться в них, запасаться вспомогательными средствами для их чтения и истолкования, наводить мелочные справки; в то время, чтобы быть студентом русской истории, необходимо было стать для самого себя профессором этого предмета.

Правда, тогда существовали уже два важные пособия, значительно облегчавшие труд изучения отечественной истории. Одно из них состояло в появлении любительских собраний отечественных древностей. В наше время занимающемуся изучением русской истории открыто много казенных и общественных древлехранилищ, музеев и архивов, в которых собраны разнообразные памятники русской старины, письменные и вещественные; есть и частные богатые коллекции, любезные владельцы которых радушно делятся своими сокровищами с теми, кто в них нуждается. В прошедшем столетии собрания первого рода были неизвестны

или труднодоступны, а последние очень редки. Было богатое собрание рукописей по русской истории у отца русской научной историографии В. Н. Татищева, но оно сгорело вскоре по смерти владельца в его подмосковном имении (умер в 1750 г.). Известный академик и историограф Мюллер также скопил обильный запас рукописных материалов по русской истории, который был куплен императрицей Екатериной II и вошел в состав московского архива министерства иностранных дел. Много старинных рукописей и бумаг осталось после комиссара и подрядчика времен Петра I Крекшина, пытавшегося описать жизнь преобразователя и долго собиравшего материалы для его истории. Эти рукописи и бумаги были потом куплены А. И. Мусиным-Пушкиным и вошли в состав его драгоценной рукописной библиотеки, той библиотеки, гибель которой в московский пожар 1812 г. никогда не перестанет вызывать тяжелый вздох из груди всякого, кто не считает изучение русской истории бесполезным делом. Это самый граф Мусин-Пушкин, церемониймейстер двора, а потом оберпрокурор святейшего синода и президент Академии художеств, был типическим представителем образовавшегося в царствование Екатерины II кружка «любителей отечественной истории», как они сами себя называли.

Это коллекционное любительство и надобно признать вторым важным пособием, много содействовавшим успешному изучению русской истории во второй половине XVIII столетия. Немного странно ставить наклонность к собиранию памятников родной старины, спорт своего рода, в числе научных исторических пособий наряду с географическими картами, учебниками, словарями и т. п. Но эта наклонность у Мусина-Пушкина и его ученых друзей осложнялась такими качествами, соединена была с такими задачами, благодаря которым ее грешно было бы назвать простым спортом. Эта наклонность поддерживалась в них таким взглядом на дело и такою любовью к нему, которыми они умели до некоторой степени восполнить недостаток технических пособий и одолевать научные затруднения, какие ставил этот недостаток изучению отече-

ственной истории. Их антикварский дилетантизм поддерживался побуждениями, непохожими на те, которыми руководились Татищев и Мюллер. Эти последние имели в виду цели практического или профессионального свойства. Первый из них, деловой человек суровой петровской школы, горный чиновник-золотоискатель, а потом губернатор, приведен был к собиранию и ученой обработке материалов для истории и географии России государственною пуждой, административною потребностью в исторических и географических справках. Для второго эта работа была делом по долгу службы как русского академика и историографа по штатной должности с окладом. В любителях русской старины, подобных Мусину-Пушкину, можно заметить некоторую родственную связь с практическим взглядом Татищева на дело: и они видели в своем занятии служение на пользу отечества. Но, как занятие добровольное, не положенное в число штатных обязанностей русского гражданина, оно соединено было с неприятностями и требовало некоторой доли самоотвержения, гражданского мужества. Не говорим о том, что такой любитель-коллекционер на каждом шагу подвергался опасности потратить даром время и деньги, впасть в забавную погрешность по самой новости дела, по недостатку технических пособий. В образованном русском обществе того времени оставалось еще немало людей, не умевших растолковать себе смысла этого патристическо-археологического допыхотства. Они видели в этом занятии досужую затею, привлекательную разве только по своей беспорной ненужности, и, слыша о жертвах, приносимых этому странному делу, разводили руками с таким же комичным удивлением, с каким встретили бы мы газетное известие о спортсмене, решившемся проползти ничком от Москвы до Петербурга. Зато и наши спортсмены «родной старины» метили своим насмешникам самым беспощадным христианским великодушием: они не только весело, без ненависти и злоести шли по саркастическому терновнику, которым усыпали их плохо протоптанный путь, но даже находили досуг выражать сожаление о людях, которые принимали на себя неблагоприятный и непосиль-

ный труд смеяться над ними. Так, Мусин-Пушкин, говоря в одном из своих ученых изданий о людях модного французского воспитания, тех самых людях, которые особенно ядовито глумились над любителями старины и более, всего отечественной старины, с неспритворною жалостью скорбит о том, что привыкши просыпаться за полдень, никогда не видали они красоты солнечного восхода и не испытывали удовольствия слушать утреннее божие славословие. Это были превосходные живые сюжеты для тогдашнего водевиля; но они несколько не боялись опасности увидеть и театре самих себя из партера на сцене. Такой счастливый характер, надобно думать, вырабатывался в них при помощи их своеобразного отношения к предмету своей охоты; в свою возню с манускриптами они вносили такой взгляд на дело или, выражаясь их любимым словечком их же собственного изделия, такое «умоначертание», которое помогало им не только побеждать технические трудности чтения и разумения древних летописей и актов, но даже понимать и ценить столь обветшалое и отсталое нравственное и политическое мирозерцание, какое светится сквозь неуклюжие и неразборчивые строки этих незанимательных для тогдашнего философского ума и сердца произведений отжившего суеверия и произвола. Эти археологические Плюшкины были не простые любители-собиратели от скуки или по дурной привычке, а набожные поклонники отечественной старины; собиранье древнего письменного тряпья и металлического хлама было для них не развлечением от нечего делать, а делом пиетета, нравственно-патриотического влечения, одним из способов служения человечеству, как тогда любили говорить. Среди пыльной ветоши, уцелевшей от родной старины наперекор времени и на зло тогдашним абстрактным инженерам будущего, для наших наивных и конкретных любителей старины по было вещей нужных и ненужных, памятников более важных и менее важных: всякая древняя русская рукопись, всякая древняя монета, найденная в пределах России, еще прежде, чем они успевали ее прочесть и обследовать, самым своим видом, каждая по своему,

вещала им о родной старине, была наглядным и осязательным выражением ее духа. На их благоговейный археофильский взгляд эти ветхие хартии и свитки в своих таинственных складках хранили то, что выветрилось из легкомысленных современных умов и сердец, добрые обычаи старины, «отцов наших почтенные нравы», черты самобытного национального характера. Это не могильные памятники с печальными надписями об угасшей жизни; это молчаливые сторожа, оставленные при народном сокровище на время иноземного нашествия и ждущие возврата хозяина, русского национального самосознания. Наши любители, кажется, и на самих себя начинали смотреть тоже как на сторожей, приставленных оберегать собираемые ими памятники до появления историографа, который по ним достойно воссоздал бы историю отечества. Не считая себя призванными к такому делу, они относились довольно платонически к вещам, которыми они так дорожили. Внимательно рассматривая скопидомно собираемые ими рукописи, «извлекая из-под слуда кроющиеся в них и свету неизвестные древности нашей отрывки», они обогащали свои исторические познания и при этом на каждом шагу встречали любопытные новости, иногда делали и капитальные открытия, от которых затуманились бы глаза у современного специалиста. находка Мусиным-Пушкиным *«Слова о полку Игореве»*, изданного им в 1800 г., была блестящим завершением патриотических усилий наших антиквариетов-любителей XVIII в. Но это были сдержанные открыватели, не спешившие выставлять на показ свои архивные Америки; они вообще мало и осторожно издавали, особенно под своими именами, еще меньше печатали ученых исследований, довольствуясь комментариями издаваемых памятников. Это не уменьшает огромной услуги, оказанной ими русской историографии: они сберегли много драгоценных памятников нашей старины, возбуждали интерес к ней в равнодушном к предметам подобного рода обществе, и каким бы досужим бездельем ни казались еще многим в этом обществе их археологические хлопоты, они своим влиятельным положением в свете ободряли более робких и не так благоприятно

поставленных работников. Вспомнить о них значит пожалеть, что их уж нет.

Такое отношение к памятникам старины не могло оказать действия на направление и задачи исторического их изучения; говоря точнее, это отношение само устанавливалось теми же задачами, какие ставили себе патриоты-любители при этом изучении. Отечественная история не была для них только предметом научной любознательности: они искали в ней ответом на живые, практические запросы и нужды текущей жизни, надеялись найти в ней восполнение того, чего, по их мнению, недоставало современному русскому обществу. Таким образом, их любопытство вполне органическим стимулом входило в состав цельного общего взгляда, какой к концу XVIII в. установился в тесном кругу русских образованных людей на русскую историю, на задачи и приемы изучения русского прошлого и на отношение этого прошлого к современному положению вещей.

Обдуманное и своеобразное выражение этого взгляда находим в сочинениях Болтина. Он сам принадлежал к числу описанных любителей и был одним из наиболее видных по уму и образованию людей в их кругу. Довольно трудно рассказать, каким процессом мысли и изучения выработался у него этот взгляд. У него заметно еще меньше писательского нетерпения, чем у других подобных ему любителей того времени. Он не был охотником выставлять свои ученые занятия на показ, предпочитая вести их втихомолку, хотя и любил вместе с другими провозглашать, что извлекает из-под спуда неизвестные свету остатки русской древности значит «услужить отечеству». До преклонных лет он, повидимому, все еще считал себя учеником, все готовился. Некоторые вскрывшиеся потом следы этой подготовки показывают, как он тяжело вооружался. Объездив чуть не всю Россию, везде ко всему прислушиваясь и присматриваясь, изучая нравы, обычаи, костюмы, говоры, промыслы и общественные отношения, он, в то же время, «через многие лета в отечественной истории упражняясь», делал выписки из русских летописей, грамот и других сочинений, состав

лял общий географический словарь России, изучал язык памятников древнерусской письменности и начал составлять толковый славяно-русский словарь. Вместе со светскими людьми модного французского воспитания он усердно читал наиболее популярных писателей новой французской литературы: Бейля, Вольтера, Монтескье, Мерсье, Рейналя, Руссо и других, и в то же время изучал более старых и даже средневековых западных историков и публицистов: Лорьера, Конринга, Шопена, Буше, Клеманжи, Бомануара, не исключая и писавших по-латыни Бодена с его Методом и Потгизера («*De conditione et statu servorum apud Germanos*»). По усвоенной смолоду привычке делать выписки из читаемой книги, рукописи, документа, Болтин накопил себе путем разнообразного и усидчивого многолетнего чтения огромный запас бумажного материала; после него осталось до ста связок разных его рукописей, которые куплены были Екатериной II. В числе этих бумаг оказался даже сделанный Болтиным и собственноручно перебеленный перевод французской энциклопедии. Что цельного могло выработаться из такого разнообразного изучения и какое научное или практическое употребление надеялся Болтин сделать из своего запаса цитат, переводов, заметок, записок, житейских наблюдений, исторических анекдотов? Он вел эти работы для себя, «для собственного моего удовольствия», по его признанию, руководясь своею личною любознательностью и не ставя себе никакой определенной учено-литературной цели. Но он был слишком умен, рассудителен и практичен, притом, до самой смерти слишком занят по службе, чтобы стать босцельным кабинетным мешком книжной всякой всячины, уличным коробейником своего настольного любимца бейлева словаря или праздным салонным разносчиком пикантных идей французских энциклопедистов. Эти разносторонние изучения и наблюдения должны были объединяться какою-нибудь более серьезною целью или, по крайней мере, разумным побуждением, которое и вскрылось случайно. Когда Болтину неожиданно для него самого пришлось мобилизовать для литературной полемики разнообразные исто-

рические, географические, этнографические и другие познания, они у него оказались в готовности и обдуманно и искусно направлены были к одной цели — к возможно многостороннему и глубокому уяснению памятников и смысла отечественной старины и ее связи с настоящим состоянием России. Стало быть, эти сведения заготовлялись и обрабатывались с тою же целью, хотя при этом и не имелось в виду, что какой-нибудь иностранец Леклерк заставит взяться за перо и привести весь заготовленный арсенал в боевое печатное движение. В Болтине, по его характеру и «умоначортанию», при той обстановке, в какой он вращался, и без иностранца Леклерка могла родиться потребность в историческом изучении, направленном к такой цели. В самом русском обществе, как и в русской литературе того времени, стоял такой хаос исторических, политических, моралистических и разных других суждений, увлечений и недоразумений, от которого у размышляющего и восприимчивого человека могла закружиться голова и заколебаться почва под ногами, и у рассудительного патриота само собою рождалось желание собственными усилиями приобрести твердую точку опоры среди этого вавилонского столпотворения и отдать себе отчет в том, что творится вокруг, откуда все это пошло и как все это привести в порядок. Нравственно-патриотическая потребность приобрести возможную устойчивость, говоря его словами, «в защите правды и отечества» от кривых или спутанных толков, раздававшихся вокруг, заставила Болтина приняться за разностороннее историческое изучение «для собственного удовольствия», не помышляя об ученом авторитете. Он хотел освоиться с прошедшим и настоящим России, с прошедшим и настоящим Западной Европы; как военный человек он считал необходимым для усиления своей боевой готовности привести себя в состояние становиться фронтом на все четыре стороны, но главный его фронт был обращен в сторону отечественной старины, наименее укрепленную и подвергающуюся наиболее отважным нападкам со стороны напоенных сенским воздухом гг. наших полуфранцузов, как выразился Н. И. Новиков. На этой оборонительной

линии Болтин хотел приобрести полную самостоятельность черпать научные средства из самых источников и не боялся неопытной работы их очистки, собирал и сличал летописи, проверял и восстанавливал тексты, толковал темные слова и обороты древнего языка. При сходстве интересов и понятий он сблизился с Музиным-Пушкиным, «крайним древностей наших любителем», как он его называл, и засиживался в богатой рукописной библиотеке своего приятеля, торопливо просматривая надписи и почерк рукописей. Скрытая грусть звучит в его словах, когда он за три года до своей смерти писал, полемизируя с князем Щербатовым, что не имел еще времени прочесть все эти заманчивые редкости, обещающие много важных открытий, как бы предчувствуя, что он уже не успеет этого сделать.

Болтин пользовался авторитетом глубокого знатока русской истории среди людей, его знавших и интересовавшихся этим предметом. К нему обращались за указаниями, спрашивали о его мнениях; сама императрица пользовалась его содействием в своих занятиях русскою историей и даже отдавала на его суровый суд то, что она, по ее выражению, «марала по истории» (*que je griffonnais sur l'histoire*). Но ему было уже 50 лет, а в русской литературе еще не появлялось прямых следов накопленных его многолетними трудами исторических знаний. Вероятно, эти знания вместе с ним и умерли бы, если бы с 1783 г. не начала издаваться в Париже под пышным заглавием «*История Древней и новой России*» некоего Леклерка. Не случилось ничего особенного: французский врач по профессии и русский педагог, даже почетный член русской Академии наук, по игре случая, по аванюре, чувствительный поэт и аферист, немножко дон Кихот и немножко Хлестаков, Леклерк перехватил наскоро несколько заметий у своего соотечественника Левека и несколько у русских своих корреспондентов, в том числе у князя Щербатова и, сказав, как умел, сообщенное ему и им прочитанное, смастерил из всего этого многотомную книгу, в которой обещал изложить всестороннюю историю России, т. е. дал читателю кучу «всякой вслячины»,

как выразился Болтин. Между прочим, новый историк наговорил немало обидных вещей для русского национального самолюбия и наделал много новых ошибок, которых не успели еще сделать другие историки России. Все это было в порядке вещей: к иностранным щипкам национального самолюбия давно уже привыкло русское общество, а в сфере новых ошибок за иностранными повествователями о России и тогда признавалось, как признается теперь, право на бесконечные новизны и открытия. Это право еще до Леклерка было подтверждено Вольтером, который на запрос, зачем он в своей книжке о Петре Великом искажил доставленные ему из России материалы, отвечал, что он не привык слепо списывать со всего, что ему присылают, что у него есть свой взгляд. Однако ворчливый старик Болтин, читая «лжи и клеветы» Леклерка на Россию, вскипятился не хуже набожного старообрядца, у которого в моленной накурили табаком, и он вознегодовал не столько на французского курильщика, сколько на нечестивый смрад, им напущенный. Он принялся писать критические примечания и писал их для себя, для удовлетворения своего возмущенного чувства, не думая об их издании, но, говорят, князь Потемкин и другие приятели критика уговорили его приготовить разбор книги Леклерка к печати, а императрица в 1788 г. на свой счет издала этот труд в двух томах. Один из корреспондентов Леклерка, князь Щербатов, сам автор обширной истории России, почувствовал себя задетым критикой Болтина и возразил. Болтин отвечал, и загорелась полемика, следствием которой были новые два тома критических примечаний Болтина на первые томы истории князя Щербатова.

Остается поблагодарить «дерзкого клеветника и шуцера вралю», как не совсем учтиво величает сердитый генерал-майор своего противника: свою легкомысленную болтовней заносный историограф заставил туземного знатока выйти из его любительского молчания и выступить с готовым цельным и стройным взглядом на прошедшее и настоящее России, т. е. с такою новостью, которая едва ли не впервые появилась в нашей литературе с выходом толстых книг Болтина

в четвертую долю листа. Но этому взгляду, по самому характеру своего труда, критик не мог придать цельного изложения, высказывал его по частям, осколками, когда разбираемая книга давала к тому повод. Только собирая и склеивая эти разбросанные в разных местах осколки, можно восстановить цельность и стройность исторических воззрений Болтина, впрочем, со значительными недомолвками и пробелами, которые можно восполнить только догадками.

Этот взгляд имел самую тесную связь с ходом просвещения в России XVIII в. и рассматриваемый отдельно от него покажется совершенно неожиданным. В самом деле, человек, имевший европейское образование, черпавший знание и идеи из тех же источников, которыми питались тогдашние русские вольтерьянцы, — этот самый человек высказывал воззрения, очень близкие ко взглядам его противника князя Щербатова, только без сантиментальности последнего. Болтин нередко выступает одним из тогдашних стародумов допетровского закала, своего рода боковым предком славянофильства, — и это со своим любимым словарем Бейля в руках!

Такие кажущиеся несообразности в явлениях русского просвещения XVIII в. происходили от того, что русский просвещенный человек того века, при видимой своей педагогической простоте и элементарности, был очень сложным умственным и нравственным составом, в который входили разные культурные элементы, притом в разнообразных сочетаниях, иногда очень досуже и замысловато придуманных. Прежде всего, над этим составом много доработало законодательство, применяя его то к текущим практическим и притом материальным нуждам государства, то к отвлеченным воззрениям законодателей, руководившихся лишь снисходительным вниманием к потребностям общества, а иногда вступавшим даже в открытую полемику с его понятиями и вкусами. Достаточно припомнить превосходный в своем роде *Устав шляхетного сухопутного кадетского корпуса для воспитания и обучения благородного российского юношества* 1766 г. с сопровождающими его педагогическими трактатами, чтобы видеть, каким слож-

ным санитарно-морально-дидактическим процессом па-
деялись тогдашние руководители воспитания «вкоренить
в нежные сердца добронравие и любовь к трудам, сло-
вом, новым воспитанием новое бытие нам даровать и
новый род подданных произвести». Со своей стороны,
и русское общество приложило старание, чтобы еще
более осложнить состав русского просвещения, вводи
в воспитание юношества если не прямо антилегальные,
то внелегальные и большею частью решительно антипе-
дагогические элементы и мотивы, например, знакомы
12—13-летних недоростков с пикантными произведе-
ниями тогдашней французской литературы. Благодаря
этому участию общества в воспитании своего юно-
шества предписанные педагогические программы иногда
получали такое практическое исполнение и приводили
к таким наглядным результатам, к таким нравствен-
ным и умственным формациям, каких и не предвидел
законодатель, и он уж, конечно, не начертал бы такой
программы, если бы их предвидел. Законодательству
не привыкать терпеть такие неудачи. Известно, како-
трудное и великое дело составить удачный закон. «Но
так легко писать законы, как для больных рецепты»,
ядовито замечает Болтин в одном месте Леклерку, коли
ему глаза его ремеслом. Но двусторонняя рецептура
русского просвещения XVIII в. не прошла легко и бес-
следно. Трудно объяснить, как это случилось, но можно
заметить, что это просвещение начало плескаться в проти-
воположные стороны, подобно беспорядочно взболтанной
воде в мелком сосуде. В русском просвещенном обще-
стве все заметнее выступали резкие крайности, не-
сговорчивые контрасты, вытесняя переходные, ужимчи-
вые и житейски удобные комбинации; происходили
своего рода поляризация просвещения. Взгляды обра-
щались в противоположные стороны, потому что, как
выразился один русский писатель начала XVII в.
о своих современниках, каждый повертывался спиной
к другому и одни смотрели на восток, а другие на
запад. Одни, познав просвещение, ничего уже не хотели
знать, кроме просвещенных стран, и отворачивались от
своего отечества подобно сумароковскому петимотру,
который и своего русского языка знать не хотел и жи-

ловался, зачем он родился русским. Другие, наблюдая печальные плоды просвещения в современной действительности, отворачивались от нее и от самого просвещения и переселялись помыслами и чувствами в допетровскую старину, где искали добрых нравов и самобытных понятий и находили все это, находили и много такого, чего там не было, но чего искали. Русские полуфранцузы, ослепленные светом европейского просвещения, не видели уже ничего светлого в родной среде, и она в их глазах наполнялась непроглядною тьмой, а архирусские старovery мысли, насмотревшись на эти темные пятна современного просвещения, боязливо или безразлично закрывали глаза и мысленно переносились в прошедшее; но свет бил и на их опущенные веки, и под его болезненным действием их исторические воспоминания превращались в фантастические миражи.

Так и западное просвещение и русская действительность с обеих сторон терпели напраслину и становились без вины виноваты: первое — в том, что им не умели пользоваться и, вместо того чтобы освещать темные предметы, слепили их собственные глаза, а вторая — в том, что в ней искали того, чего не находили, или находили то, чего не желали.

Зрелище странного движения представило бы русское просвещенное общество, если бы составилось только из чистых западников и восточников, повернувшихся спинами друг к другу, среди многого множества людей испросвещенных, но тоже кое о чем размышлявших, — это общество лебедя, щуки и рака. К счастью, приблизительно с половины века, с того времени, когда сверстники Болтина выходили из детства, в это общество стали проникать или в нем самом пробивались новые течения, под влиянием которых оба господствовавшие в нем непримиримые типа просвещенных людей начали разлагаться и перерождаться, образуя новые культурные составы, между которыми стали возможны мирные встречи и обоюдные уступки. Прежде всего, господство Бирона и немцев, нашествие «сатаны и аггелов его», по выражению елизаветинских церковных ораторов, вместе с внешними успехами России пробудили патриотическое одушевление, чувство народной гор-

дости. Потом под накладные французские парики стали проникать новые заносные идеи, и их встречали там тем гостеприимнее, что они были землячки этих шариков, приходили с тех же сенских берегов, на которых еще до их прихода поселились сердцем их новые послушные адепты. С одной стороны, «молодые кощуны, ненавидящие свое отечество», как их характеризовал потом Новиков, привыкшие пересмежать самих добродетели предков наших, под давлением патристической возбужденности окружающих стали поджимать губы и внимательнее присматриваться к столь неожиданно для них ободрившейся отечественной действительности, а новые просветительные идеи, упавшие на бригадирских Иванушек как новая повинность светского приличия, вообще приневоливали их серьезно смотреть на вещи. Перед этим более серьезным взглядом все заметнее выступали пятна и в западном влиянии и в проводившей его у нас реформе Петра, с которой западные вели бытие России и свое собственное. Скептическое отношение к Западной Европе овладевало даже такими людьми, которые по своему образованию не могли быть суеверными европеодами и сами много черпали из европейского культурного запаса для своего просвещения: подобно Фонвизину они только и замечали в Европе, что там-то «во всем генерально хуже нашего», а там-то «весьма много свинства» и т. п. Со своей стороны; и идиллики родной старины стали благосклонно относиться к людям модного воспитания, замечая в них зачатки серьезного мышления, начали трезвее смотреть на отечественную старину и на Западную Европу, и что было всего важнее, пришли, наконец, к той простой, но всегда трудно усвояемой мысли, что великие предки не могли совершенно выродиться в негодных потомков, не оставив достойных продолжателей своего дела, что старина живет в современной действительности. Так обе стороны сделали взаимные уступки: одни поступились несколько своими западными идеалами, другие — своими противоевропейскими антипатиями и археологическими иллюзиями, а те и другие вместе — своим общим и подушием к настоящему положению отечества. Имание к современной действительности, расширилось и

осложняясь новыми интересами и чувствами, постепенно выросло в любовь к отечеству. Эта любовь и послужила почвой, на которой враждебные воззрения могли встретиться мирно и понять друг друга. На страницах тогдашних журналов разыгрывались любопытные полемике и высказывались характерные признания. Так в «Зрителе» 1792 г. западник из Орла, отвечая на упреки патриотов в наклонности унижать отечественное, пишет: «Вы душевно привязаны к своему отечеству, и я тоже. Как же одна причина могла произвести разные действия? А вот почему: вы любите его как любовницу, а я как друга». Когда противники заспорят о качестве своей привязанности к одному и тому же предмету, дело непременно кончится тем, что предмет общей привязанности сблизит и помирит соперников. Укоренившись на этой питательной почве, самые воззрения и настроения несколько переродились: если, с одной стороны, фетишистское поклонение Западной Европе стало сменяться почтительным отношением к западноевропейской науке, научную любознательностью, то и с другой — чувство народной гордости переходило в чувство нравственной связи с родным народом, самопрославление сменялось стремлением к самопознанию. Эти перемены в воззрениях и настроениях не могли не оказать прямого действия и на ход, задачи и приемы исторического изучения, особенно изучения отечественной истории. Мысль *открыть свету* древность и славные дела российского народа, в чем видел задачу русской историографии Ломоносов, теперь соединилась с потребностью *уяснить себе самим* ход и смысл своего прошлого; потребность написать достойную историю своего народа осложнилась мыслью о необходимости прежде изучить ее основательно; наконец, нападки на русскую жизнь со стороны пробудили желание познакомиться для сравнения с историческою жизнью других стран.

Исторический взгляд Болтина вырос и воспитался на этой почве сближения и примирения враждовавших воззрений и настроений и с этой стороны он сам по себе, помимо своих научных качеств, является выразительным признаком известного перелома в умах или

известного уровня, до которого поднялось общественное сознание. Важно уже одно то, что это был *взгляд*, попытка составить себе ясное и отчетливое представление о целом предмете, которое, легко проникая в умственный оборот общества, незаметно направляло и исправляло ходячие мнения, будило общественную мысль, как несколько капель хорошего вина незаметно оживляют кровообращение.

Впрочем, мы поступили довольно произвольно, взявшись за определение особого *исторического* взгляда Болтина: такого *особого* взгляда у него не было. У него были убеждения и чувства религиозные, нравственные, политические, гражданские, в состав которых входили и известные исторические представления, но эти убеждения и чувства так органически срослись друг с другом при помощи единства своих оснований, а эти представления проходили через них такими неуловимыми нервными нитями, что их трудно разнять и расплести на отдельные волокна. Его цельное «умоначертание» построено было так просто и неуютно, что его неудобно разгородить на мелкие клетки, по которым можно было бы разместить его понятия и правила, одни по категориям чистого мышления, другие по соображениям житейской мудрости. Потому и исторический взгляд Болтина трудно выделить из общей связи его воззрений. Обсуждая современную действительность, он ни на минуту не забывал истории, как, объясняя историческое явление, он не выпускал из глаз своего времени. У него были свои мысли о прошедшем и настоящем России, как и свои чаяния о ее будущих судьбах. Но прошедшее и настоящее были для него только навязанной привычкой грамматические формы выражения непрерывного исторического процесса или оптические иллюзии, подобные впечатлению движущегося по небесному своду солнца. Трудно припомнить русского исторического писателя, который яснее сознавал бы, что старина живет и современном, и живет чувствовал в старине корни современного. Иногда он совершенно врасплох захватывает мысль читателя на далекой древности и ставит ее прямо перед каким-либо выразительным явлением своего времени, освещающим эту древность. Оспаривая

мнение князя Щербатова, будто древние новгородцы вследствие своих торговых успехов и богатства привыкли к сластолюбию, Болтин утверждает, что торговля к сластолюбию не приучает, причем ссылается на пример торговых и воздержных голландцев и тут же прибавляет: «противное сему в самих себе обретаем, ни торговли, ни богатства не имея, в роскоши и сластолюбии всех богатейших народов превзошли». Тот же князь Щербатов неловко рассказал о том, как Всеволод III, желая подкрепить против врагов своего приятеля и киевского посаженника Рюрика, потребовал у него себе несколько городов из его княжества. Вот отличный друг, возражает Болтин, и надежное средство к подкреплению: подобным образом ныне (писано в 1789—1790 гг.) прусский король предлагает Польше, видя ее изнеможение, чтобы она для умножения своих сил уступила ему Данциг и Торн. Эту цельностью взгляда объясняется калейдоскопическое разнообразие аргументации у Болтина; чего-чего только не встретишь в его полемическом арсенале, начиная элементарной истинной исторической азбуки и кончая последним словом тогдашней политической и исторической литературы: рядом идут у него общий исторический закон и наивный архаический обычай русского захолустья, трактат о причинах возвышения цен в России XVIII в., замечания о значении счастья и свободы и историческая справка о том, как понимают поцелуй у разных народов. Такая видимая хаотичность — обычный признак мирозерцаний, выработанных путем опыта и наблюдения на самом толке жизни, а не в типине закупоренного кабинета, где отвлеченным мышлением отливаются математические схемы, прозрачные и кристаллически-правильные, как альпийские льды, но зато ломкие и холодные, как они же. У Болтина графическая размеренность воззрений заменялась живою подвижностью гибкого соображения: у него все было так слажено и пригнано одно к другому, что его сложный научный прибор легко приводился в движение; житейское наблюдение влекло в себя ряд исторических соображений, из которых одни собой, без видимой нажимки, выпадали научный мифод или практическое правило.

Может быть, исторические суждения Болтина и свое время потому и не произвели заслуженного впечатления, что их нельзя было оторвать от всего склада его мыслей и убеждений, а тогда таких сложных и цельных умственных и нравственных складов не любили или не понимали в русском обществе. Здесь в тот век было не мало сильных, даже слишком сильных и прямолинейных характеров, подобных однополчанину и приятелю Болтина князю Потемкину, но было большою редкостью цельное мирозерцание. Вероятно, это происходило оттого, что сильные характеры создаются как-то природой или складом обстоятельств, а цельное мирозерцание — только внутреннею личною работою человека над самим собой. Пародируя известную фразу Фигаро о графе Альмавиве, можно сказать, что в русском обществе XVIII в. умели родиться сильные люди, но не умели вырабатываться цельные умы. Всего труднее было в этом обществе, где давали тон «случайные» люди века, жившие день-за-день, мыслившие сами собою только минутными дождевыми пузырями, — всего труднее было вкоренить здесь мысль, что в истории нет ничего случайного и мир не творится вновь каждый день с восходом солнца, что эти постоянно лопающиеся пузыри возникают и исчезают по точному смыслу законов вековечного исторического процесса и эти безродные знаменитости, выкидываемые капризом фортуны на поверхность жизни, могут, буде того пожелают, умереть без потомства, но не сумеют обойтись без предков. Зато как раз по умственной мерке и даже по вкусу тогдашнему просвещенному русскому обществу приходился другой прием исторической методики Болтина. Это общество привыкло все русское мерить западноевропейскою меркой и таким образом подготовилось к сравнительно-историческому взгляду на вещи, а такой взгляд был одним из принципов того умоначертания, которыми держались русские образованные люди болтинского образа мыслей. Только у них этот взгляд имел более сложное происхождение. Политические и исторические идеи просветительной литературы века в том составе, как они воспринимались просвещенными русскими людьми, поселяли в их сознании не мало противоречий и

недоразумений. Рационалистическая обработка и космополитическая тенденция этих идей располагали к таким отвлеченным построениям человеческого общежития, которые были столь же далеки от русской, как и от европейской действительности, являлись не выраженным или поправкой, а подчас радикальным отрицанием и горьким осуждением существующего исторически сложившегося порядка. В этих новых воззрениях явственно выступали две мысли: 1) о закономерности исторического процесса и 2) о возможности построить, точнее — перестроить жизнь человечества по началам разума. Охотно усваивали себе эти мысли, но считали их несовместимыми и затруднялись их примирением, потому что в исторической закономерности видели нечто фаталистическое, следовательно, неразумное, а вечные начала разума не всегда достаточно отличали от капризного прожектёрства разумников. При более углубленном обсуждении предмета находили и внутреннее логическое согласие между этими видимо непримиримыми тезисами. Неразумная историческая действительность, если уж решено, что она неразумна, есть плод злоупотребления историческими силами, происходящего от непонимания их свойств и законов их действия, а может быть, и самая неразумность ее есть только наше недоразумение, подобное тому, как не умея предостеречься от так называемых возмущений в физической природе, иногда с досадой считаем их отступлениями от физически закономерного или провиденциально направляемого порядка. Значит, неразумная действительность есть не более как плод нашего собственного неразумия или недоразумения, а разумная перестройка её будет только восстановлением либо нормального, закономерного действия исторических сил, либо правильного понимания действующего исторического порядка.

Боимся взвести напраслину на современных Болтина русских мыслителей, утверждая, что они предвосхитили гегелианское понимание разумности существующего; но что живущие люди своим неразумием могут испортить существование себе и своим ближайшим потомкам, — это, по крайней мере, у Болтина высказывается не раз явственно и даже настойчиво. Эта мысль

возможна только при ясном представлении о нормальном и разумном ходе вещей, а космополитические теории и рационалистические приемы мышления, помощью которых составилось это представление, сведены были русскими мыслителями к тому окончательному итогу, что закономерное и разумное развитие общества есть развитие естественное, непринужденное, согласное с условиями климата и почвы, следовательно, самобытное, не подгоняемое и не искривляемое искусственно сторонними влияниями. Так, западноевропейская мысль дала нашим патристам-мыслителям оружие против излишества западноевропейского влияния, а когда последнее пыталось встать за свою оспариваемую монополию, оно неучитливые толчки, полученные от рассерженных завоевателей взбунтовавшеюся русскою мыслью, помогли ей продвинуться еще на шаг вперед в своей мятежной диалектике и захватить новые опорные пункты, сделать дальнейшие выводы из похищенного украдкой у западноевропейской философии тезиса. В этой самобытности и беда ваша, — возражали обиженные учителя, — потому что вы самобытны, как варвары, не причастные общему жизни просвещенного мира: для вас самих и всего человечества было бы выгоднее, если бы вы в меньшей мере обладали этою доблестью. Это возражение вызвало со стороны атакуемых особую тактику самообороны, целенаправленно национально-оборонительное мышление, оставившее некоторые следы в тогдашней и последующей литературе. Диалектическая схема этой апологетики была довольно проста. Заезжие наблюдатели в литературе и гостиницах, выписные гувернеры в учебных комнатах возражали: «все у вас дурно, да ничего хорошего в России и не бывало, и вы только обезьяны, способные перенимать». Им отвечали: «а у вас во всем генерально хуже нашего, и мы больше люди, нежели вы». Так или почти так формулировалась сущность прений самими русскими полемистами. В наиболее наивной или запальчивой форме эта полемика очень походила на дипломатический обмен мыслей, бывающий между поссорившимися детьми, когда один маленький забияка угостит другого известным словом, на которое, по словам Гоголя, так щедр человек, а обиженный ответит ему: «ты сам такой же».

В этой перебранке русских апологетов скрывался несомненный зародыш сравнительно-исторического метода. Они становились на любимую космополитическую точку зрения своих противников, замечали их логическую непоследовательность и размышляли: нас отличают от человечества только за то, что мы не во всем похожи на западных европейцев, не отказывая в звании людей даже эскимосам, которые ни на что не похожи; стало быть, не умеют ни мыслить правильно, ни судить справедливо, «а если бы взяли на себя труд рассматривать вещи добросовестно и беспристрастно и сравнивать их философским взглядом с тем, что мы видим в остальном человеческом роде, то увидели бы, что русский народ стоит приблизительно в уровень с остальными народами Европы». Последние слова принадлежат автору «*Антидога*», апологетического труда, направленного против соотечественника Леклерка и его товарища по ремеслу изделия напраслив на Россию. Этот безымянный автор (Екатерина II) вырабатывал свои историко-апологетические взгляды из одинакового материала с патриотами болтинского кружка и даже при их прямом содействии. Он упрекает своего ученого противника в том, что, ненавидя народ русский, он не рассматривает человека как жителя вселенной, везде одинакового, и чувствуется добрая капля яду в словах автора, когда он говорит, что иностранцы, не прощая русским желания оставаться самими собой, негодуют на то, что эти русские у себя дома смеют казаться им иностранцами. Космополитическая точка зрения помогла нашим мыслителям по-своему разбираться в исторических явлениях, столь тенденциозно запутываемых. «Люди везде люди, — писал Фонвизин из-за границы, — прямо умный и достойный человек везде редок». Значит, последний — местная редкость, а общечеловеческое — то, что обыкновенно и что везде встречается. Поэтому темные пятна, выступающие в жизни отдельных народов, русского, как и других, надобно поставить на счет общего несовершенства человеческой природы, а подвиги и доблести, как злаки, выращиваемые местными силами климата и почвы, должны быть причислены к качествам национального характера, ни у кого не

займуемым и никем не повторяемым, имеющим свой корень во «врожденном свойстве душ российских». Стало быть, необходимо изучать местную отечественную историю, но непременно совместно с общею историей человечества, чтобы распознать, какие страсти и пороки свойственны нам, как людям, и какие доблести должны быть усвоены нам, как русским. Такое развитие космополитической идеи можно признать довольно неожиданным и гибким оборотом русской патриотической диалектики XVIII века: космополитизм, обыкновенно враждебный местному, национальному, как чему-то эволюционному, был употреблен опорой и стимулом патриотического чувства и из историко-философского мирозерцания, из идеального общечеловеческого мира превратился в простой методологический прием, стал чем-то вроде химической кислоты, употребляемой для очистки туземного металла от общечеловеческой примеси. В такой диалектике сказалось напряжением оборонительного отпора, вызванного усиленным натиском, какой во имя человечества делали тогда на самобытность русской жизни. В этом методологическом космополитизме не могло быть много того оптимизма, к какому были склонны чистые космополиты. Один из последних, молодой «русский путешественник» по Западной Европе, ребром поставил совершенно обратную формулу космополитизма в своих путевых письмах, печатавшихся в последний год жизни Болтина, с заглавием: «все народное ничто пред человеческим; главное дело быть людьми, а не славянами». Такой космополитизм, по признанию его проповедника, питался созерцанием природы, как обширного сада, в котором зреет «божественность человечества». Если бы Болтин, согласно тогдашним учениям, видевший в природе прежде всего известное сочетание условий климата и почвы, влияющих на образование национальных характеров, встретил эту формулу и это признание Карамзина у своего приятеля Леклера, может быть, он со своим обычною иронией записал бы в критических на него примечаниях: и мы — граждане мира, сыны человечества, поколику мир во зле лежит и поколику мы граждане люди. Болтину не пришлось встретиться с Карамзиным.

рамзиным на учено-литературной арене. Но его друзья, патриоты-апологеты, дожили до печального торжества над своими противниками, увидев, как они после революции сидели и плакали на дымившемся еще пожарище своего космополито-оптимистического мирозерцания — и горше всех плакал Карамзин. Когда русскому путешественнику по Западной Европе привелось самому стать русским историком, он написал в предисловии к своему монументальному труду: «Истинный космополит есть существо метафизическое или столь необыкновенное явление, что нет нужды говорить об нем, ни хвалить, ни осуждать его. Мы все — граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством; любим его, ибо любим себя». Признание абиссинского гражданства наравне с европейским со стороны настоящего русского историка, которого всю жизнь поджидал Болтин, вполне оправдало его патриотическую апологетику, и покойный генерал-майор, сошедший в могилу среди двусторонней борьбы с невежественными хулителями и с невнимательными почитателями русской истории, дождался, наконец, хотя посмертного права сказать: *«ныне отпущаеши...»*

Запальчивая полемика, какой подогревалась патриотическая апологетика Болтина, была наносным стимулом его критики, навязанным его задорными или самоуверенными противниками. Если снять этот налет, под ним окажутся здравые положения исторической науки, не лишённые новизны для тогдашней русской историографии. Во-первых, довольно последовательно было выведено из тогдашних философских взглядов, что национальная самобытность сама по себе не подлежит осуждению с разумной и общечеловеческой точки зрения, как вещь, терпимая и даже поощряемая общим строем мировых сил, который не убивает особей, — напротив, поддерживает их, приспособляя их к местным условиям, ибо мироздание построено на гармонии индивидуальностей, а не на однообразии безличностей. Возражая своему противнику, видевшему во всех отраслях древнерусского управления только зверство, политическое невежество и наклонность русских грабить сосо-

дей, Болтин писал, что не следует приписывать одному народу пороков и страстей, общих всему человечеству в известные времена, на известных ступенях развития; но он не перегибал в противную сторону положения космополитов об отношении народного к общечеловеческому, как тогда делали в русских патристических журналах и гостинных, не утверждал, что человечеству свойственны только пороки и страсти и лишь один русский национальный характер слагается только из добродетелей. Он не идеализировал ни древней, ни новой России; не говорил, что у нас все было хорошо, но отрицал недостатков русской жизни: он только и любил много говорить о них, с библейской совестью страшился вскрыть срам матери своей. Зато при каждом злостном указании западноевропейского оппонента на политический, социальный, домашний или религиозный недостаток России он приводил в движение весь запас своей огромной начитанности, собирал все средства своего остроумия, чтобы доказать, что на Западе было не лучше, если не хуже нашего, и доказывал это с жаром, подчас поднимавшимся выше границ общепринятого приличия, с фактической изобразительностью, удручающе самое выносливое историческое воображение. Конечно, не надо забывать, что мы имеем дело не с кабинетным ученым, составляющим научную диссертацию, а с патристическим бойцом, отстаивавшим обижаемую чужаком родину. Но этой полемике нельзя отказать и кое в каком научном, именно методологическом, значении: она приучала, обороняя свое, пристально всматриваться в чужое. В этом состоит второй основной научный результат исторической критики Болтина: освобождаясь от полемической горячки, его патристическая оборона русской жизни превращалась в спокойное сравнительное изучение русской истории, а такое изучение побуждало искать законов местной народной истории и тем приучало понимать закономерность общего исторического процесса.

Форма подстрочных критических примечаний, при том с постоянными полемическими отступлениями, мало помогала стройному выражению основных исторических взглядов критика и последовательному приложению

его методики к явлениям русской истории. Дело специального изучения собрать и свести в нечто цельное отдельные текстуальные толкования и фактические объяснения Болтина, которые сам Шлецер признавал новыми и превосходными. Помяная Болтина, прежде всего припоминаешь условия, в которых стояло у нас историческое изучение сто лет назад, интересы, которые возбуждали историческую мысль, средства, какими она располагала, препятствия, с какими ей приходилось бороться. Только припомнив все это, поймешь, чего стоили Болтину иные выводы и соображения, которые крупными зернами золота блещут в беспорядочной массе критических справок, фактических подробностей и полемических излишеств. Всего ценнее в сочинениях Болтина самое отношение автора к делу, которому он посвящал свой досуг: он смотрел на него, как на «служение отечеству», т. е. как на дело, которое следует делать серьезно, сосредоточенно. Такое значение сообщала в его глазах отечественной истории конечная цель ее, народное самопознание, которое достигается путем сложного и разборчивого изучения. Называя себя не более как трутнем в республике наук, поедающим чужие труды, Болтин не признавал себя настоящим историком, потому что предъявлял «истории, пищею в настоящий просвещенный век», требования, которых удовлетворить не считал себя способным, и даже думал, что написать историю народа едва ли под силу одному человеку при всех дарованиях, па то потребных. История не летопись: «не все то пристойно для истории, что прилично для летописи». Отсутствие полной хорошей истории России он объясняет не недостатком исторических материалов, «припасов», а тем, что нет «искусного художника, который бы умел те припасы разобрать, очистить, связать, образовать, расположить и украсить». Что же пристойно для истории? Болтин отлично усвоил себе проведенное Вольтером в его знаменитом *«Опыте о нравах»* различие между переходящими, случайными явлениями, не укладывающимися в цепь исторических причин и следствий, и коренными, постоянными фактами истории, между «приключениями мимоходящими и обычаями». Понимая требования прагматизма не сме-

шивать и не разрывать «союза времен и происшествий», следить за обстоятельствами, нужными «для исторической связи и объяснения последственных бытий, причин их и следствий», Болтин с особенным вниманием вникал в учреждения, законы, занятия, нравы, обычаи, понятия, знания, в бытовые мелочи, поговорки, восстанавляя, таким образом, ткань быта, как бы сказать, физиологическую клетчатку, по которой шла жизнь народа. Ни у кого еще из русских исторических писателей этот новый порядок исторических фактов не выступал так отчетливо и настойчиво и никто из них до Болтина, кажется, не подходил так близко к наиболее сокровытым пружинам народной жизни, не догапывался до таких глубоких ее течений. Привычка наблюдать явления этого порядка сообщила ему чутье последовательности исторического процесса. Оспаривая быструю перемену в нравах Руси, вдруг освободившейся от своего варварства с принятием христианства, Болтин возражает князю Щербатову, что такая перемена была бы чудом несравненно большим, чем стон идола, которого, по летописи, Владимир Святой повелел стащить в Днепр.

В этих явлениях, которыми обозначалось последовательное движение народной жизни, Болтин искал постепенного проявления народного «умоначертания», самобытного содержания национального характера. Это помогло ему найти «точку времени», которую можно было бы принять за начало нашей истории: таким начальным моментом должно быть время, с которого стало обнаруживаться это содержание. Наша история началась с зачатием нашего народа, а это случилось, когда встретились и породнились его родители, племена, от которых он произошел. Эта встреча совершилась с приходом Рюрика и руссов к новгородским славянам, что повело к слиянию встретившихся припечельцев и туземцев, образовавших русский народ. «Следственно Рюриково пришествие есть эпоха зачатия русского народа», который, может быть, нечто заимствовал в своем характере от родителей, но со временем заимствованное стало незаметно: «возмужало дитя, оказались новые склонности, особенный нрав, от обстоятельств и вещей его окружавших породивших».

Соединившиеся славяне и руссы вобрали в себя много других племен, и так составилась цельный великий народ, «который нравы и свойства получил сообразные климату, правлению и воспитанию, под коими он жил».

Не столько важно такое начало истории, сколько то методологическое удобство, которое извлек из него Болтин. Показав, почему бесполезно «далее Рюрика возводить нашу историю и терять время в тщетных разысканиях», он погубил целый прием учености, процветавший некогда у нас и у других народов, которые старались отыскать себе праотцов среди детей и внуков Ноя, как бы боясь, «чтобы не назвал их кто незаконнорожденными», если они не запасутся библейскою генеалогией. Правда, и он не мог обойтись без «тщетных разысканий» о неведомых народах, некогда населявших нашу страну, но он поступил с этим этнографическим столпотворением больше по-военному, чем по-ученому. Он разделил эти народы на 4 дивизии: на скифов — татар, гуннов — калмыков, сарматов — финнов и славян, и между ними распределил прочие племена сомнительного происхождения, литву, ятвягов и самих варягов поверстал в сарматы, киргизов зачислил в скифы, даже козар нашел возможным произвести в славяне. Только перед русскими он остановился было в раздумьи, но потом и их откомандировал к кимбрам, т. е. к тем же сарматам. Развивая мысль Ломоносова о смешанном племенном составе исторических народов, Болтин придавал научное значение не «первоначальной породе» их составных элементов, а новым образованиям, происходившим от их смешения и создавшим новые национальные типы, которые и являются настоящими деятелями в истории. Это дало Болтину смелость высказать своеобразную мысль, что хотя мы должны назвать своими праотцами и славян, смешавшихся с русскими, но все заимствованное от них «климат и время превратили в русское, и едва ли осталась в жилах наших одна капля крови славянской», и это случилось не с одними славянами, но и со многими другими элементами, коих «имена и природы погрузились в название и природу русского народа», образовавшего из себя новую историческую особь. Такая постановка дела отвя-

зала мысль Болтина от генеалогических басен и этнографических гипотез и облегчила ему переход к изучению культурно-исторических фактов, скрытых в надежных памятниках. Возражая Леклерку, представившему русских IX и X вв. кочевниками и первобытными лесными дикарями, Болтин немногими крупными и выразительными чертами изобразил тогдашний уровень русской гражданственности в небольшой, но яркой картинке, которую пополнял в других местах своих сочинений и в которой доселе нечего поправить (I, стр. 76).

Так, переступая через порог русской истории, Болтин знал, как и куда идти: хорошо выясненная точка отправления и верно намеченная цель с обеих сторон освещали ему путь в этой темной области знания. Полемизируя с своими противниками, он и прорешивал с ними всю русскую историю, пересмотрел ее важнейшие факты в поперечном, как и в продольном ее разрезе, останавливаясь на выдающихся эпохах или следя за отдельными учреждениями на всем пути их развития. Принятие христианства, политический порядок удельных веков, татарское иго, Грозный, смутное время и царствование Михаила, главные моменты русского законодательства с их памятниками, судьбы русского дворянства с крепостным правом и другими связанными с судьбой сословия учреждениями, условия экономического быта народа — все это проходит перед читателем в постоянно меняющейся панораме, освещаемой попеременно то формулой закона исторического процесса, то параллелью однородных явлений западно-европейской истории, то сопоставлением с современным автору состоянием России, и среди этих монографических изображений автор, вслед за любопытными данными о населенности современной ему России, в легком, но глубоко обдуманном сравнительно-историческом очерке, доказывая Леклерку, что обширность России истощает ее сил, описывает образование и распространение русского государства в связи с колонизацией страны и обрусением встречных инородцев (II, 141).

Вооружая современного читателя наблюдениями над действием исторических сил и над ходом жизни древней

Руси, Болтин подводил его к XVIII в., к своему времени и заставлял его сличать явления своего века как с этим действием, так и с эгим развитием. В каком виде должен был представиться просвещенному читателю его век при таком сопоставлении? Под влиянием местных физических и исторических условий русский народ вышел довольно своеобразным и менее похожим на другие европейские народы, чем похожи они друг на друга. Это естественно: «государства европейские во многих чертах довольно сходны между собою; знаяши о половине Европы, можно судить о другой, применяясь к первой; но о России судить таким образом не можно, понеже она ни в чем на них не похожа», хотя переживала одинаковые с ними затруднения и положения, имела сходные «поведения и деяния». Она нажила себе свои нравы и обычаи, «качества сердца и души», которые, может быть, не лучше, хоть и не хуже чужих, но свои и на чужие не похожи. Не все эти обычаи и нравы одинаково добры, но они помогли народу устроить общежитие, которое тоже если не лучше, то и не хуже, чем у других, а качество народных нравов и обычаев определяется их способностью соединять людей и устроить общежитие. В самобытных нравах и обычаях выражается и ими поддерживается духовная энергия народа, даже его физическая крепость, они сообщают ему нравственную физиономию. Но самобытность не обязывает к неподвижности, и энергия не есть инерция. Условия жизни русского народа изменялись, новые уничтожали или ослабляли действие старых; это и было причиною, «что нынешние наши нравы со нравами наших праотцев никакого сходства не имеют». Не должно изменять насилем «народные начала и образ их умствования; удобнее законы сообразить нравам, нежели нравы законам; последнего без насилия сделать не можно». Надобно очень хорошо знать сердце человеческое, чтобы при исправлении нравов не сделать лишнего, поражая пороки, не ослабить добродетелей. Словом, нравы должны не срезываться хирургически, как мозоли, а перерождаться физиологически, как обновляется вещество в живом организме. Вся эта столь известная теперь историческая

физиология целиком прилагалась к жизни русского общества для проверки нормальности ее отправления. Древняя Русь выработала самобытные нравы и обычаи, полезные для общежития, но страдала недостатком просвещения. Следовало сохранить свои нравы и обычаи и заимствовать просвещение, знания и искусства. Поступили наоборот: частью по вине закона, частью по увлечениям общества, по принуждению или по легкомыслию, заимствовали не столько чужое просвещение, сколько чужие нравы, притом дурные, забывая свои добрые с их нравственными опорами, любовью к отечеству, привязанностью к вере отцов. «И так, мы старое позабыли, а нового не переняли, и, став непохожими на себя, не сделали тем, чем быть желали».

Таково было последнее русское слово сравнительно-исторического изучения русского 'прошедшего в XVIII в., и никто не сказал этого слова лучше Болтина. Век русского просвещения был осужден во имя просвещения за то, что с помощью этого просвещения пытался стереть своеобразную физиономию народа и забыть свое прошлое. Но кто были эти мы, столь безнадежно осужденные? Это не могла быть современная Болтину Россия, которую он защищал с такою любовью, с таким знанием и искусством. Притом, именно Болтиным впервые высказана у нас в литературно-ученой обработке мысль, что современность есть живой музей древностей, ходячая летопись прошедшего. Очевидно, это была та часть просвещенного русского общества, которая успела отрешиться от «народных начал и образа уствования их», созданных русскою историей. Итак, во имя разума и просвещения европейски образованный человек осудил своих точно так же образованных соотечественников за то, что они отрицали отечественную старину и оставшуюся ей верной современность, как неразумную и непросвещенную. Как могло это случиться? Очень просто: эти соотечественники, скуцая трудными источниками европейского просвещения и черною работой, какой оно добывалось из них, пили только его сладкие капли в виде последних слов просветительной литературы, в которых сказывалось презрение не только к русскому, но и ко всякому

прошедшему, ее непонимание законов и сил не только русской, но и всякой истории. Болтин был слишком просвещенный человек, чтобы довольствоваться последними словами просвещения, и слишком умный человек, чтобы не вникнуть в его источники и приёмы, которыми он и воспользовался для уяснения хода и смысла как родного, так и чужого прошедшего. Его правило было: «необходимо нужно, читая книги, а паче пишучи историю, понимать чтomое». Притом, он черпал образование не из одних чуждых источников. Он отлично знал свое отечество и по своему домашнему воспитанию, и по многообразным житейским наблюдениям, и по усидчивым документальным справкам. Двойным светом, туземным и заимствованным, он воспользовался не так, как тогда было в обычае на Руси — пользоваться тем и другим раздельно. Тогда одни употребляли только первый для того, чтобы не замечать второго, а другим второй помогал только презирать первый. Болтин воспользовался туземным просвещением, чтобы уметь правильно употреблять заимствованное, а заимствованным — чтобы лучше ценить туземное, и обоими вместе — чтобы осветить родное прошлое сравнительно с европейским. Потому можно отвести ему особое место в русской историографии. И прежде и после него были русские историки России, которые пытались взглянуть на нее европейским историческим взглядом. Болтин победил европейского историка России, который хотел посмотреть на нее тем же взглядом; победителю подобает звание русско-европейского историка, который и на историю Европы первый попытался взглянуть русским историческим взглядом.

Несмотря на успехи русской историографии после Болтина, его сочинения доселе не утратили интереса. По ним всего легче видеть, как вопросы, давно возбужденные и не переставшие занимать нас, ставились и решались сто лет назад лучшими русскими мыслителями того времени. Этим сравнением наглядно вымеряется пространство, пройденное русскою мыслью. С умом, привыкшим размышлять о строении и жизни человеческих обществ. Болтин стал перед скудным запасом едва разобранных фактов нашей истории и

перед необозримою грудой совсем нетронутых изучением исторических памятников. Своею трезвою, немного сухою мыслью, согретою теплым патриотическим чувством и вооруженною небрежным, но острым словом, он пытался проследить по этим памятникам протекшую жизнь своего отечества, сопоставляя ее на каждом шагу с жизнью остальной Европы, — он первый попытался это сделать и не без успеха, стоившего ошибок и больших усилий. Он не идеализировал древней Руси, не думал воскресить старину, воротить вчерашний день подобно князю Щербатову и другим просвещенным староверам своего времени, но он считал долгом гражданина изучить родную старину, потому что это изучение вскрывает корни и уясняет смысл тех жизненных начал, которые составляют силу современности. Это внушило ему простые правила методики народного самопознания: наблюдайте других, чтобы лучше знать себя, помните, чем вы были, чтобы понять, чем вы стали, и пока не всмотритесь в себя, не спешите походить на других. Поставленные Болтиным вопросы стали после него очередными задачами русской историографии, а высказанные им мысли незаметно проникли в общество и в литературу, оторвались от своего источника и безымянными каплями затерялись в общественном сознании. У нас нередко повторяют, что впервые сказал Болтин, и очень редко припоминают, что Болтин первый сказал это.

НЕДОРОСЛЬ ФОНВИЗИНА

(Опыт исторического объяснения учебной пьесы)

Добрый дядя Стародум, в усадьбе Простаковых, застав свою благонравную племянницу Софью за чтением Фенелонова трактата о воспитании девиц, сказал ей:

— Хорошо. Я не знаю твоей книжки; однако читай ее, читай! Кто написал Телемака, тот пером своим нравов развращать не станет.

Можно ли применить такое суждение к самому «Недорослю»? Современному воспитателю или воспитательнице трудно уследить за той струей впечатлений, какую вбирают в себя их воспитанники и воспитанницы, читая эту пьесу. Могут ли они с доверчивостью дяди Стародума сказать этим впечатлительным читателям, увидев у них в руках «Недоросля»: «хорошо, читайте его, читайте; автор, который устами дяди Стародума высказывает такие прекрасные житейские правила, пером своим нравов развращать не может». *Имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время. Ум, коль он только что ум, самая безделица; прямую цену уму дает благонравие. Главная цель всех знаний человеческих — благонравие.* Эти сентенции повторяются уже более ста лет со времени первого представления «Недоросля» и хотя имеют вид правоучений, заимствованных из детской прописи, однако до сих пор не наскучили, не стали приторными наперекор меткому

наблюдению того же Стародума, что «всечасное употребление некоторых прекрасных слов так нас с ними знакомит, что, выговаривая их, человек ничего уже не мыслит, ничего не чувствует». Но, кроме прекрасных мыслей и чувств Стародума, Правдина, Софьи, поучающих прямо своим простым, всем открытым смыслом, в комедии есть еще живые лица со своими страстями, интригами и пороками, которые ставят их в сложные, запутанные положения. Нравственный смысл этих драматических лиц и положений не декламируется громко на сцене, даже не нашептывается из суфлерской будки, а остается за кулисами скрытым режиссером, направляющим ход драмы, слова и поступки действующих лиц. Можно ли ручаться, что глаз восприимчивого молодого наблюдателя доберется до этого смысла разыгрываемых перед ним житейских отношений и это усилие произведет на него надлежащее воспитательное действие, доставит здоровую пищу его эстетическому ощущению и нравственному чувству? Не следует ли стать подле такого читателя или зрителя *«Недоросль»* с осторожным комментарием, стать внятным, но не навязчивым суфлером?

«Недоросль» включается в состав учебной хрестоматии русской литературы и не снят еще с театрального репертуара. Его обыкновенно дают в зимнее каникулярное время, и когда он появляется на афише, взрослые говорят: это — спектакль для гимназистов и гимназисток. Но и сами взрослые охотно следуют за своими подростками под благовидным прикрытием обязанности проводников и не скучают спектаклем, даже весело вторят шумному смеху своих несовершеннолетних соседей и соседок.

Можно без риска сказать, что *«Недоросль»* доселе не утратил значительной доли своей былой художественной власти ни над читателем, ни над зрителем, несмотря ни на свою наивную драматическую постройку, ни на каждом шагу обнаруживающую нитки, которыми сшита пьеса, ни на устарелый язык, ни на обветшавшие сценические условности екатерининского театра, несмотря даже на разлитую в пьесе душистую мораль оптимистов прошлого века. Эти недостатки покрываются особым

вкусом, какой приобрела комедия от времени и которого не чувствовали в ней современники Фонвизина. Эти последние узнавали в ее действующих лицах своих добрых или недобрых знакомых; сцена заставляла их смеяться, негодовать или огорчаться, представляя им в художественном обобщении то, что в конкретной грубости жизни они встречали вокруг себя и даже в себе самих, что входило в их обстановку и строй их жизни, даже в их собственное внутреннее существо, и чистосердечные зрители, вероятно, с горестью повторяли про себя добродушное и умное восклицание Простакова-отца: «хороши мы!». Мы живем в другой обстановке и в другом житейском складе; те же пороки в нас обнаруживаются иначе. Теперь вокруг себя мы не видим ни Простаковых, ни Скотининых, по крайней мере, с их *тогдашними* обличиями и замашками; мы вправе не узнавать себя в этих неприятных фигурах. Комедия убеждает нас воочию, что такие чудовища могли существовать и некогда существовали действительно, открывает нам их в подлинном первобытном их виде, и это открытие заставляет нас еще более ценить художественную пьесу, которая их увековечила. В наших глазах пьеса утратила свежесть новизны и современности, зато приобрела интерес художественного памятника старины, показывающего, какими понятиями и привычками удобрена та культурная почва, по которой мы ходим и злаками которой питаемся. Этого исторического интереса не могли замечать в комедии современники ее автора: смотря ее, они не видели нас, своих внуков; мы сквозь нее видим их, своих дедов.

Что смешно в «Недоросле» и одно ли и то же смешит в нем разные возрасты? Молодежь больше всего смеется, разумеется, над Митрофаном, героем драмы, неистощимым предметом смеха, нарицательным именем смешной несовершеннолетней глупости и учащегося невежества. Но да будет позволено немного заступиться за Митрофана: он слишком засмеян. Правда, он смешон, но не всегда и даже очень редко, именно только в лучшие минуты своей жизни, которые находят на него очень нечасто. В комедии он делает два дела:

размышляет, чтобы выпутаться из затруднений, в которые ставит его зоологическая любовь матери, и *поступает*, выражая в поступках свои обычные чувства. Забавны только его размышления, а поступки нисколько. По мысли автора, он дурак и должен рассуждать по-дурацки. Тут ничего смешного нет; грешно смеяться над дураком, и кто это делает, тот сам становится достойным предметом своего смеха. Однако на деле Митрофан размышляет по-своему находчиво и умно, только недобросовестно и потому иногда невпопад, размышляет не с целью узнать истину или найти прямой путь для своих поступков, а чтобы только вывернуться из одной неприятности, и потому тотчас попадает в другую, чем и наказывает сам себя за софистическое коварство своей мысли. Это самонаказание и вызывает вполне заслуженный смех. Он забавен, когда, обещавшись накануне и для избежания неприятности учиться, он старается преувеличить размеры и дурные следствия своего обжорства, даже подличает перед матерью, чтобы ее разжалобить; но, увертываясь от учителя, он подвергает себя опасности попасть в руки врача, который, разумеется, посадит его на диету, и чтобы отклонить от себя эту новую напасть, сообразительно отвечает на предложение испугавшейся его болезни матери посылать за доктором: «Нет, нет, матушка, я уж лучше сам выздоровлю», и убегает на голубятню. Он очень забавен со своей оригинальной теорией грамматики со своим очень бойко и сообразительно изобретенным учением о двери существительной и прилагательной, за каковое изобретение умные взрослые люди, его экзаменовавшие, торжественно, с митрофановским остроумием, награждают его званием дурака. Но чувствами и направляемые ими поступки Митрофана вовсе не смешны, а только гадки. Что смешного в омерзительной жалости, какая проняла объевшегося 16-летнего шалопая, — в его тяжелом животном сне — при виде матери, уставшей колотить его отца? Ничего смешного нет и в знаменитой сцене ученья Митрофана, в этом бесподобном, безотрадно печальном квартете: бедная учитель, ничему научить не могущих, мамаша, в присутствии учащегося сына с вязанием в руках рукою

щейся над ученьем, и разбираемого охотой жениться сына, в присутствии матери ругающегося над своими учителями?... Если современный педагог так не строит своего класса, чтобы он не смеялся при чтении этой сцены, значит, такой педагог плохо владеет своим классом, а чтобы он был в состоянии сам разделять такой смех, об этом страшно и подумать. Для взрослых Митрофан вовсе не смешон; по крайней мере, над ним очень опасно смеяться, ибо митрофановская порода мстит своей плодовитостью. Взрослые, прежде чем потешаться над глупостью или пошлостью Митрофана, пусть из глубины ложи представят себе свою настоящую или будущую детскую или взглянут на сидящих тут же, на передних стульях, птенцов своих, и налетевшая улыбка мгновенно слетит с легкомысленно-веселого лица. Как Митрофан сам себя наказывает за свои сообразительные глупости заслуженными напастями, так и насмешливый современный зритель сценического Митрофана может со временем наказать себя за преждевременный смех не театральными, а настоящими, житейскими и очень горькими слезами. Повторяю, надобно осторожно смеяться над Митрофаном, потому что Митрофаны мало смешны и притом очень мстительны, и мстят они неудержимой размножаемостью и неуловимой прощипательностью своей породы, родственной насекомым или микробам.

Да я и не знаю, кто смешон в *«Недоросле»*. Г. Простаков? Он только неумный, совершенно беспомощный бедняга, не без совестливой чуткости и прямоты юрдивого, но без капли воли и с жалким до слез избытком трусости, заставляющей его малодушествовать даже перед своим сыном. Тарас Скотинин также мало комичен: в человеке, который сам себя характеризовал известным домашним животным, которому сама родная сестрица нежно сказала в глаза, что хорошая свинья ему нужнее жены, для которого свинной хлев заменяет и храм наук и домашний очаг, — что комичного в этом благородном российском дворянине, который, из просветительного соревнования с любимыми животными, доцивилизовался до четверенек? Не комична ли сама хозяйка дома госпожа Простакова, урожденная Скоти-

нина? Это лицо в комедии, необыкновенно удачно задуманное психологически и превосходно выдержанное драматически: в продолжение всех пяти актов пьесы с крепколобым, истинно-скотининским терпением ни разу она не смигнула с той жестокой физиономии, какую приказал ей держать безжалостный художник во все время неторопливого сеанса, пока рисовал с нее портрет. Зато она и вдвойне не комична: она глупа и труслива, т. е. жалка, по мужу как Простакова, безбожна и бесчеловечна, т. е. отвратительна, по брату как Скотинина. Она вовсе не располагает к смеху; напротив, при одном виде этой возмутительной озорницы но только у ее забитого мужа, но и у современного зрителя, огражденного от нее целым столетием, начинает мутиться в глазах и колеблется вера в человека, и ближнего.

В комедии есть группа фигур, предводительствующая дядей Стародумом. Они выделяются из комического персонала пьесы: это — благородные и просвещенные резонеры, академики добродетели. Они не столько действующие лица драмы, сколько ее моральная обстановка: они поставлены около действующих лиц, чтобы своим светлым контрастом резче оттенить их темную физиономию. Они выполняют в драме назначение, похожее на то, какое имеют в фотографическом кабинете ширмочки, горшки с цветами и прочие приборы, предназначенные регулировать свет и перспективу. Таковы они должны быть по тогдашней драматической теории; может быть, таковы они были и по плану автора комедии, но не совсем такими представляются они современному зрителю, не забывающему, что он видит перед собой русское общество XVIII века. Правда, Стародум, Милон, Правдин, Софья не столько живые лица, сколько моралистические манекены, но ведь и на действительные подлинники были не живее своих драматических снимков. Они наскоро затверживали и, запинаясь, читали окружающим новые чувства и правила, которые кой-как прилаживали к своему внутреннему существу, как прилаживали заграничные парики к своим щетинистым головам; но эти чувства и правила так же механически прилипали к их доморощенным,

природным понятиям и привычкам, как те парики к их головам. Они являлись ходячими, но еще безжизненными схемами новой хорошей морали, которую они надевали на себя, как маску. Нужны были время, усилие и опыты, чтобы пробудить органическую жизнь в этих, пока мертвенных, культурных препаратах, чтобы эта моралистическая маска успела вращаться в их тусклые лица и стать их живой нравственной физиономией. Где, например, было взять Фонвизину живую благовоспитанную племянницу Софью, когда такие племянницы всего лет за 15 до появления «*Педорося*» только еще проектировались дядюшкой Бецким в разных педагогических докладах и начертаниях; когда учрежденные с этой целью воспитательные общества для благородных и мещанских девиц по его заказу лепили еще первые пробные образчики новой благовоспитанности, а сами эти девицы, столь заботливо задуманные педагогически, подобно нашей Софье, только еще садились за чтение фенелоновых и других трактатов о своем собственном воспитании? Художник мог творить только из материала, подготовленного педагогом, и Софья вышла у него свежеизготовленной куколкой благонравия, от которой веет еще сыростью педагогической мастерской. Таким образом, Фонвизин остался художником и в видимых недостатках своей комедии не изменил художественной правде и в самых своих карикатурах: он не мог сделать живые лица из ходячих мертвецов или туманных привидений, но изображенные им светлые лица, не становясь живыми, остаются действительными лицами, из жизни взятыми явлениями.

Да и так ли они безжизненны, как привыкли представлять их? Как новички в своей роли они еще нетвердо ступают, сбиваются, повторяя уроки, едва затверженные из Лябрюйера, Дюкло, Наказа и других тогдашних учебников публичной и приватной морали, но как новообращенные они немного заносчивы и не в меру усердны. Они еще сами не посмотрят на свой новенький нравственный убор, говорят так развязно, самоуверенно и самодовольно, с таким вкусом смакуют собственную академическую добродетель, что

забывают, где они находятся, с кем имеют дело, и оттого иногда попадают впросак, чем усиливают комизм драмы. Стародум, толкующий госпоже Простаковой пользу географии тем, что в поездке с географией знаешь, куда едешь, право, не менее и не более живолицо, чем его собеседница, которая с обычной своей репительностью и довольно начитанно возражает ему тонким соображением, заимствованным из одной повести Вольтера: «Да извозчики-то на что ж? Это их дело». Умные, образованные люди так самодовольно потешаются над этим обществом грубых или жалких дикарей, у которых они в гостях, даже над такими петыми дураками, какими они считают Митрофана и Тараса Скотинина, — что последний обнаружил необычную ему зоркость, когда спросил, указывая на одного из этих благородных гостей, софьина жениха: «Кто ж из нас смешон? Ха, ха, ха!» Сам почтенный дядя Стародум так игриво настроен, что при виде подравшихся в кровь брата и сестрицы, к которой в дом он только что приехал, не мог удержаться от смеха и даже засвидетельствовал самой хозяйке, что он от роду ничего смешнее не видывал, за что и был заслуженно оборван ее замечанием, что это, сударь, вовсе и не смешно. Во всю первую сцену пятого акта тот же честным трудом разбогатевший дядя Стародум и чиновник наместничества Правдин важно беседуют о том, как незаконно угнетать рабством себе подобных, какое удовольствие для государей владеть свободными душами, как льстецы отвлекают государей от стези истины и увлечают их души в свои сети, как государь может сделать людей добрыми: стоит только показать всем, что без благонравия никто не может выйти в люди и получить место на службе, и «тогда всякий найдет свою выгоду быть благонравным, и всякий хорош будет». Эти добрые люди, рассуждавшие на сцене перед русской публикой о таких серьезных предметах и изобретавшие такие логические средства сделать всех людей добрыми, сидели в одной из наполненных крепостными людьми усадеб многочисленных господ Простаковых, урожденных Скотининых, с одной из которых насилу могли справиться оба они, да и то с употреблением оружия офицера, проло-

дившего мимо со своей командой. Внимая этим собеседникам, точно слушаешь веселую сказку, уносившую их из окружающей их действительности «за тридцать земель, за тридесятое царство», куда заносила Мигрофана обучавшая его «историям» скотница Хавронья. Значит, лица комедии, призванные служить формулами образцами добронравия, не лишены комической живости.

Все это — фальшивые ноты не комедии, а самой жизни, в ней разыгранной. Эта комедия — бесподобное зеркало. Фонвизину в ней как-то удалось стать прямо перед русской действительностью, взглянуть на нее просто, непосредственно, в упор, глазами, не вооруженными никаким стеклом, взглядом, не преломленным никакими точками зрения, и воспроизвести ее с безотчетностью художественного понимания. Срисовывая, что наблюдал, он, как испытанный художник, не отказывался и от творчества; но на этот раз и там, где он надеялся творить, он только копировал. Это произошло оттого, что на этот раз поэтический взгляд автора сквозь то, что *казалось*, проник до того, что действительно происходило; простая, печальная правда жизни, прикрытая бьющими в глаза миражами, подавила шаловливую фантазию, обыкновенно принимаемую за творчество, и вызвала к действию высшую творческую силу зрения, которая за видимыми для всех призрачными явлениями умеет разглядеть никем не замечаемую действительность. Стекло, которое достигает до невидимых простым глазом звезд, сильнее того, которое отражает занимающие досужих зрителей блуждающие огоньки.

Фонвизин взял героев «Недоросля» прямо из житейского омута, и взял, в чем застал, без всяких культурных покрытий, да так и поставил их на сцену со всей неурядицей их отношений, со всем содомом их неприбранных инстинктов и интересов. Эти герои, выхваченные из общественного толока для забавы театральной публики, оказались вовсе не забавны, а просто нетерпимы ни в каком благоустроенном обществе: автор взял их на время для показа из-под полицейского надзора, куда и поспешил возвратить их в конце пьесы при содействии чиновника Правдина, который и принял

их в казенную опеку с их деревнями. Эти забавные люди, задумывая преступные вещи, туда же мудрят и хитрят, но как люди глупые и растерянные, к тому же до самозабвения злые, они сами вязнут и топят друг друга в грязи собственных козней. На этом и построен комизм «Недоросля». Глупость, коварство, злость, преступление вовсе не смешны сами по себе; смешно только глупое коварство, попавшее в собственные сети, смешна злобная глупость, обманувшая сама себя и никому не причинившая задуманного зла. «Недоросль» — комедия не лиц, а положений. Ее лица комичны, но не смешны, комичны как роли, и вовсе не смешны как люди. Они могут забавлять, когда видишь их на сцене, но тревожат и огорчают, когда встречаешь вне театра, дома или в обществе. Фонвизин заставил печально-дурных и глупых людей играть забавно-веселые и часто умные роли. В этом тонком различении людей и ролей художественное мастерство его «Недоросля»; в нем же источник того сильного впечатления, какое производит эта пьеса. Сила впечатления в том, что оно состоит из двух противоположных элементов: смех в театре сменяется тяжелым раздумьем по выходе из него. Пока разыгрываются роли, зритель смеется над положениями себя перехитрившей и самое себя наказывающей злой глупости. Но вот кончилась игра, ушли актеры и занавес опустился, — кончился и смех. Прошли забавные положения злых людей, но люди остались, и из душного марева электрического света вырвавшись на пронизывающую свежесть уличной мглы, зритель с ущемленным сердцем припоминает, что эти люди остались и он их встретит вновь прежде, чем они попадут в новые заслуженные ими положения, и он, зритель, запутается с ними в их темные дела, и они сумеют наказать его за это раньше, чем успеют сами наказать себя за свою же перехитрившую себя злую глупость.

В «Недоросле» показана зрителю зажиточная дворянская семья екатерининского времени в невообразимо хаотическом состоянии. Все понятия здесь опрокинуты вверх дном и исковерканы; все чувства выверочены наизнанку; не осталось ни одного разумного и добросовестного отношения; во всем гнет и произвол, ложь и обман

и круговое, поголовное непонимание. Кто посильнее, гнетет; кто послабее, лжет и обманывает, и ни те, ни другие не понимают, для чего они гнетут, лгут и обманывают, и никто не хочет даже подумать, почему они этого не понимают. Жена-хозяйка, вопреки закону и природе, гнетет мужа, не будучи умнее его, и ворочает всем, т. е. все переворачивает вверх дном, будучи гораздо его нахальнее. Она одна в доме лицо, все прочие — безличные местоимения, и когда их спрашивают, кто они, робко отвечают: «я — женин муж, а я — сестрин брат, а я — матушкин сын». Она ни в грош не ставит мнение мужа и, жалуясь на господ, ругается, что муж на все смотрит ее глазами. Она заказывает кафтан своему крепостному, который шить не умеет, и беснуется, негодуя, почему он не шьет, как настоящий портной. С утра до вечера не дает покоя ни своему языку, ни рукам: то ругается, то дерется: «тем и дом держится», по ее словам. А держится он вот как. Она любит сына любовью собаки к своим щенятам, как сама с гордостью характеризует свою любовь, поощряет в сыне неуважение к отцу, а сын, 16-летний детина, платит матери за такую любовь грубостью скотины. Она позволяет сыну объедаться до желудочной тоски и уверена, что воспитывает его, как повелевает родительский долг. Свято храня завет своего великого батюшки воеводы Скотинина, умершего с голоду на сундуке с деньгами и при напоминании об учении детей кричавшего: «не будь тот Скотинин, кто чему-нибудь учиться захочет», верная фамильным традициям дочь ненавидит науку до ярости, но бестолково учит сынка для службы и света, твердя ему: «век живи, век учись» и в то же время оправдывает его учебное отвращение неопытным намеком на полагаемую ею конечную цель образования: «Не век тебе, моему другу, учиться; ты, благодаря бога, столько уже смыслишь, что и сам заведешь деточек». Самый дорогой из учителей Митрофана, немец-кучер Вральман, подрядившийся учить всем наукам, не учит ровно ничему и учить не может, потому что сам ничего не знает, даже мешает учить другим, оправдывая перед матерью свою педагогику тем, что головушка у ее сынка гораздо слабее его

брюха, а и оно не выдерживает излишней набивки, и за это доступное материнско-простаковскому уму соображение Вральман — единственный человек в доме, с которым хозяйка обращается прилично, даже с посылным для нее респектом. Обобраз все у своих крестьян, госпожа Простакова скорбно недоумевает, как это она уже ничего с них содрать не может, — такая беда! Она хвастается, что приютила у себя сиротку-родственницу со средствами, и исподтишка обирает ее. Благотельница хочет пристроить эту сиротку Софью за своего братца без ее спроса, и тот не прочь от этого не потому, что ему нравится «девчонка», а потому что в ее деревеньках водятся отличные свиньи, до которых у него «смертная охота». Она не хочет верить, чтобы воскрес страшный ей дядя Софьи, которого она признала умершим только потому, что уж несколько лет поминала его в церкви за упокой, и рвет и мечет, готова глаза выцарапать всякому, кто говорит ей, что он и не умер. Но самодур-баба — страшная трусиха и подличает перед всякой силой, с которой не надеется справиться, — перед богатым дядей Стародумом, желая устроить нечаянно разбогатевшую братнину повесту за своего сына; но когда ей отказывают, она решается обманом насильно обвенчать ее с сыном, т. е. вовлечь в свое безбожное беззаконие самую церковь. Рассудок, совесть, честь, стыд, приличие, страх божий и человеческий — все основы и скрепы общественного порядка горят в этом простаковско-скотининском аду, где чорт — сама хозяйка дома, как называет ее Стародум, и когда она, наконец, попалась, когда вся ее нечестивая паутина разорвана была метлой закона, она, бросившись на колени перед его благодетелем, отплатит свою безобразную трагедию, хотя и не гамлетовским, но тартюфовским эпилогом в своей урожденной редакции «Ах, я собачья дочь! Что я наделала!» Но это была минутная растерянность, если не было притворство: как только ее простили, она спохватилась, стала опять сама собой, и первую мыслью ее было перепороть насмерть всю дворню за свою неудачу, и когда ей заметили, что тиранствовать никто не волен, она увековечила себя своим менитым возражением:

— Не волон! Дворянин, когда захочет, и слуги высечь не волон! Да на что ж дан нам указ о вольности дворянства?

В этом все дело. «Мастерица толковать указы!» — повторим и мы вслед за Стародумом. Все дело в последних словах госпожи Простаковой; в них весь смысл драмы и вся драма в них же. Все остальное — ее сценическая или литературная обстановка, не более; все, что предшествует этим словам, — их драматический пролог; все, что следует за ними, — их драматический эпилог. Да, госпожа Простакова мастерица толковать указы. Она хотела сказать, что закон оправдывает ее беззаконие. Она сказала бессмыслицу, и в этой бессмыслице весь смысл «Недоросля», без нее это была бы комедия бессмыслиц. Надобно только в словах госпожи Простаковой уничтожить знаки удивления и вопрос, переложить ее несколько патетическую речь, вызванную тревожным состоянием толковательницы, на простой логический язык, и тогда ясно обозначится ее неблагоприятная логика. Указ о вольности дворянства дан на то, чтобы дворянин волон был сечь своих слуг, когда захочет. Госпожа Простакова, как непосредственная, наивная дама, понимала юридические положения только в конкретных, практических приложениях, каковым в ее словах является право произвольного сечения крепостных слуг. Возводя эту подробность к ее принципу, найдем, что указ о вольности дворянства дан был на права дворян и ничего, кроме прав, т. е. никаких обязанностей, на дворян не возлагал, по толкованию госпожи Простаковой. Права без обязанностей — юридическая нелепость, как следствие без причины нелепость логическая; сословие с одними правами без обязанностей — политическая невозможность, а невозможность существовать не может. Госпожа Простакова возмнила русское дворянство такою невозможностью, т. е. взяла да и произнесла смертный приговор сословию, которое тогда вовсе не собиралось умирать и здравствует доселе. В этом и состояла ее бессмыслица. Но дело в том, что когда этот знаменитый указ Петра III был издан, очень многие из русских дворян подняли руки на свое сословие, поняли его

так же, как поняла госпожа Простакова, происходившая из «великого и старинного» рода Скотининых, как называет его сам ее брат, сам Тарас Скотинин, по его же уверению, «в роде своем не последний». Я не могу понять, для чего Фонвизин допустил Стародума и Правдина в беседе со Скотининым трунить над стариной рода Скотининых и искушать генеалогическую гордость простака Скотинина намеком, что пращур его, пожалуй, даже старше Адама, «создан хоть в шестой же день, да немного попрежде Адама», что Софья потому и не пара Скотинину, что она дворянка: ведь сама комедия свидетельствует, что Скотинин имел древню, крестьян, был сын воеводы, значит, был тоже дворянин, даже причислялся по табели о рангах к «лучшему старшему дворянству во всяких достоинствах и аванжажах», а потому пращур его не мог быть создан в одно время с четвероногими. Как это русские дворяне прошлого века спустили Фонвизину, который сам был дворянин, такой неловкий намек? Можно сколько угодно шутить над юриспруденцией госпожи Простаковой, над умом г. Скотинина, но не над их предками: шутка над скотининской генеалогией, притом с участием библейских сказаний, со стороны Стародума и Правдина, т. е. Фонвизина, была опасным, обоюдоострым оружием; она напоминает комизм Кутейкина, весь построенный на пародировании библейских терминов и текстов, — неприятный и ненадежный комический прием, едва ли кого забавить способный. Это надобно хорошенько растолковать молодежи, читающей *«Недоросля»*, и истолковать в том смысле, что здесь Фонвизин не шутил ни над предками, ни над текстами, а только по-своему обличал людей, злоупотребляющих теми и другими. Эту шутку может извинить если не упреждение собственным остроумием, то негодование на то, что Скотинины слишком мало оправдывали свое дворянское происхождение и подходили под жестокую оценку того же Стародума, сказавшего: «Дворянин, недостойный быть дворянином, подлее его ничего на свете не знаю». Негодование комика вполне понятно: он не мог не понимать всей лжи и опасности взгляда, какой усвоили многие дворяне его времени на указ о поме-

ности дворянства, понимая его, как он истолковывался в школе простаковского правоведения. Это толкование было ложно и опасно, грозило замутить юридический смысл и погубить политическое положение руководящего сословия русского общества. Дворянская вольность по указу 1762 г. многими понята была как увольнение сословия от всех специальных сословных обязанностей с сохранением всех сословных прав. Это была роковая ошибка, вопиющее недоразумение. Совокупность государственных обязанностей, лежавших на дворянстве как сословию, составляла то, что называлось его *службой* государству. Знаменитый манифест 18 февраля 1762 г. гласил, что дворяне, находящиеся на военной или гражданской службе, могут оную продолжать или выходить в отставку по своему желанию, впрочем, с некоторыми ограничениями. Ни о каких новых правах над крепостными, ни о каком сечении слуг закон не говорил ни слова; напротив, прямо и настойчиво оговорены были некоторые обязанности, оставшиеся на сословии, между прочим установленное Петром Великим обязательное обучение: «чтобы никто не дерзал без учения пристойных благородному дворянству наук детей своих воспитывать под тяжким нашим гневом». В заключение указа вежливо выражена *надежда*, что дворянство не будет уклоняться от службы, но с ревностью в оную вступать, не меньше и детей своих с прилежностью обучать благопристойным наукам, а, впрочем, тут же довольно сердито прибавлено, что тех дворян, которые не будут исполнять обеих этих обязанностей, как людей нерадивых о добре общем, *повелевается* всем верноподанным «презирать и уничтожать» и в публичных собраниях не терпеть. Как можно было еще сказать яснее этого, и где тут *вольность*, полное увольнение от обязательной службы? Закон отменял, да и то с ограничениями, только обязательную срочность службы (не менее 25 лет), установленную указом 1736 г. Дворяне простаковского разума были введены в заблуждение тем, что закон не предписывал прямо служить, что было не нужно, а только грозил карой за уклонение от службы, что было не излишне. Но ведь угроза закона

наказанием за поступок есть косвенное запрещение поступка. Это юридическая логика, требующая, чтобы угрожающее наказание вытекало из запрещаемого поступка, как следствие вытекает из своей причины. Указ 18 февраля отменил только следствие, а простаковские законоведы подумали, что отменена причина. Они впали в ошибку, какую сделали бы мы, если бы, прочитав предписание, что воры не должны быть терпимы в обществе, подумали, что воровство дозволяется, но прислуге запрещается принимать воров в дом, когда они позвонят. Эти законоведы слишком буквально понимали не только слова, но и недомолвки закона, а закон, желая говорить вежливо, торжественно объявляя, что он жалуется «всему российскому благородному дворянству вольность и свободу», говорил приятного больше, чем думал сказать, и старался возможно больше смягчить то, что было неприятно напоминать. Закон говорил: будьте так добры, служите и учите своих детей, а, впрочем, кто не станет делать ни того, ни другого, тот будет изгнан из общества. Многие в русском обществе прошлого века не поняли этой деликатной апелляции закона к общественной совести, потому что получили недостаточно мягкое гражданское воспитание. Они призывали к простому, немного солдатскому языку петровского законодательства, которое любило говорить палками, плетями, виселицей да пулей, общало преступнику ноздри распороть и на каторгу сослать или даже весьма живота лишит и отсечением головы казнить или нещадно аркебузировать (расстрелять). Эти люди понимали долг, когда он вырезывался кровавыми подтеками на живой коже, а не писался человеческой речью в людской совести. Такой реализм юридического мышления и помешал мыслителям вникнуть в смысл закона, который за нерадение о добром общем грозил, что нерадивые «ниже ко двору нашему приезд или в публичных собраниях и торжествах терпимы будут»: ни палок, ни плетей, а только закрытие придворных и публичных дверей! Вышло крупное юридическое недоразумение: тогдашняя сатира вскрыла его источник: это слишком распущенный аппетит произвола. Она изобразила уездного дворянина,

который так пишет сыну об указе 18 февраля: «Сказывают, что дворянам дана вольность; да чорт ли это слышал, прости господи, какая вольность! Дали вольность, а ничего неможно своею волею сделать, нельзя у соседа и земли отнять». Мысль этого законоведа шла еще дальше простаковской, требовала не только увольнительного свидетельства от сословного долга, но и патента на сословную привилегию беззакония.

Итак, значительная часть дворянства в XVIII столетии не понимала исторически сложившегося положения своего сословия и недоросль, фонвизинский *недоросль Митрофан* был жертвой этого непонимания. Комедия Фонвизина неразрывно связала оба эти слова, так что *Митрофан* стал именем нарицательным, а *недоросль* собственным: недоросль — синоним Митрофана, а Митрофан — синоним глупого неуча и маменькина баловня. «Недоросль» Фонвизина — карикатура, но не столько сценическая, сколько бытовая: воспитание изуродовало его больше, чем пересмеяла комедия. Историческим прототипом этой карикатуры было звание, в котором столь же мало смешного, как мало этого в звании гимназиста. На языке древней Руси *недоросль* — подросток до 15 лет, дворянский недоросль — подросток, «поспевавший» в государеву ратную службу и становившийся *новиком*, «срослым человеком», как скоро поспевал в службу, т. е. достигал 15 лет. Звание дворянского недоросля — это целое государственное учреждение, целая страница из истории русского права. Законодательство и правительстве заботливо устроили положение недорослей, что и понятно: это был подраставший ратный запас. В главном военном управлении; в Разрядном Московском приказе, вели их списки с обозначением лет каждого, чтобы знать ежегодный призывный контингент; был установлен порядок их смотров и разборов, по которым поспевших писали в службу, в какую кто годился, порядок надела их старыми отцовскими или новыми поместьями и т. п. При таком порядке недорослю, по достижении призывного возраста, было трудно, да и невыгодно долго залеживаться дома: поместное и денежное жалованье назначали, к первым «новичным» окладам делали придачи только

за действительную службу или доказанную служебную годность, «кто чего стоил», а «избывая от службы», можно было не только не получить нового поместья, но и потерять отцовское. Бывали и в XVII в. недоросли, «которые в службу поспели, а службы не служили» и на смотры не являлись, «огурялись», как тогда говорили про таких неслухов. С царствования Петра Великого это служебное «огурство» дворянских недорослей усиливается все более по разным причинам: служба в новой регулярной армии стала несравненно тяжелее прежней; притом закон 20 января 1714 г. требовал от дворянских детей обязательного обучения для подготовки к службе; с другой стороны, поместное владение стало наследственным, и наделение новиков поместными окладами прекратилось. Таким образом тягости обязательной службы увеличивались в одно время с ослаблением материальных побуждений к ней. «Лыняние» от школы и службы стало хроническим недугом дворянства, который не поддавался строгим указам Петра I и его преемниц о явке недорослей на смотры с угрозами кнутом, штрафами, «шельмованием», бесповоротной отпиской имений в казну за ослушание. Посошков уверяет, что в его время «многое множество» дворянские веки свои проживали, старели, в деревнях живучи, а на службе и одною ногою не бывали. Дворяне пользовались доходами с земель и крепостных крестьян, пожалованных сословию для службы, и, по мере укрепления тех и других за сословием, все усерднее уклонялись от службы. В этих уклонениях выражалось то же недобросовестное отношение к сословному долгу, которое так грубо звучало в словах, слышанных тем же Посошковым от многих дворян: «Дай бог великому государю служить, а сабли с из ножен не вынимать». Такое отношение к сословным обязанностям перед государством и обществом воспитывало в дворянской среде «лежебников», о которых Посошков ядовито заметил: «дома своим страшен, яко лев, а на службе хуже коня». Этот самый взгляд на государственные и гражданские обязанности сословия и превратил дворянского недоросля, поспевавшего на службу, в грубого и глупого мучака и лентяя, всячески избежавшего от школы и службы.

Такой превращенный недоросль и есть фонвизинский Митрофан, очень устойчивый и живучий тип в русском обществе, переживший самое законодательство о недорослях, умевший «взвесть» не только деточек, по предсказанию его матери госпожи Простаковой, но и внучек, «времен новейших Митрофанов», как выразился Пушкин. Митрофану Фонвизина скоро 16 лет, но он еще состоит в недорослях: по закону 1736 г. срок учения (т. е. звание) недоросля был продолжен до 20 лет. Митрофан, по состоянию своих родителей, учится дома, а не в школе: тот же закон дозволял воспитываться дома недорослям со средствами. Митрофан учится уже года четыре и из рук вон плохо: по часослову едва бредет с указкой в руке, и то лишь под диктовку учителя, дьячка Кутейкина, по арифметике «ничего перенял» у отставного сержанта Цыфиркина, а «по-французски и всем наукам» его совсем не учит и сам учитель, дорого нанятый для обучения этим «всем наукам» бывший кучер немец Вральман. Но мать очень довольна и этим последним учителем, который «ребенка не неволит», и успехами своего «ребенка», который, по ее словам, столько уже смыслит, что и сам взведет деточек. У нее природное, фамильное скотининское отвращение от ученья: «без наук люди живут и жили», — внушительно заявляет она Стародуму, помня завет своего отца, сказавшего: «не будь тот Скотинин, кто чему-нибудь учиться захочет». Но и она знает, что «ныне век другой», и, труся его, с суетливой досадой готовит сына «в люди»: неученый поезжай-ка в Петербург — скажут, дурак. Она балует сына, «пока он еще в недорослях», но она боится службы, в которую ему, «избави боже», лет через десяток придется вступить. Требования света и службы навязывали этим людям ненавистную им науку, и они тем искреннее ее ненавидели. В этом и состояло одно из трагикомических затруднений, какие создавали себе эти люди непониманием своего сословного положения, наделавшим им столько Митрофанов, а в положении сословия происходил перелом, требовавший полного к себе внимания.

В комедии Фонвизина, сознательно или бессозна-

тельно для ее автора и первых зрителей, нашли себе художественное выражение и эти затруднения и создававшее их непонимание перелома в положении русского дворянства, который имел решительное влияние на дальнейшую судьбу этого сословия, а через него и на все русское общество. Давно подготовляемый, этот перелом наступил именно с минуты издания закона 18 февраля 1762 г. Много веков дворянство несло на себе тяжесть военной службы, защищая отечество от внешних врагов, образуя главную вооруженную силу страны. За это государство отдало в его руки огромное количество земли, сделало его землевладельческим классом, а в XVII в. предоставило в его распоряжение на крепостном праве и крестьянское население его земель. Это была большая жертва сословию: в год первого представления «Недоросля» (1782) за дворянством числилось более половины (53%) всего крестьянского населения в старых великороссийских областях государства, — более половины того населения, трудом которого преимущественно питалось государственное и народное хозяйство России. При Петре I к обязательной службе дворянства прибавилось, по закону 20 января 1714 г., еще обязательное обучение как подготовка к такой службе. Так дворянин становился государственным, служилым человеком с той минуты, как только достиг до возможности взять учебную указку в руки. По мысли Петра, дворянство должно было стать проводником в русское общество нового образования, научного знания, которое заимствовалось с Запада. Между тем, воинская повинность была распространена и на другие сословия; поголовная военная служба дворянства после Петра стала менее прежнего нужна государству: в устроенной Петром регулярной армии дворянство сохранило значение обученного офицерского запаса. Тогда мирное образовательное назначение, предположенное для дворянства преобразователем, все настойчивее стало выступать вперед. Готово было, ожидая деятелей, и благодатное мирное поле, работая на котором дворянство могло сослужить отечеству новую службу, несколько не меньше той, какую оно служило на ратном поле. Крепостные крестьяне бедствовали и разорялись.

предоставленные в отсутствие помещиков произволу сборщиков податей, старост, управляющих, приказчиков, которых само правительство уподобляло волкам. Помещик считался тогда естественным покровителем и хозяйственным опекуном своих крестьян, и его присутствие среди них рассматривалось как благодеяние для них. Потому и для государства дворянин в деревне стал не менее, если не более, нужен, чем в казарме. Вот почему со смерти Петра постепенно облегчались лежавшие на дворянстве тягости по службе, но взамен того осложнялись его обязанности по землевладению. С 1736 г. бессрочная военная служба дворянина ограничена 25-летним сроком, а в 1762 г. дано служащим дворянам право отставки по их усмотрению. Зато на помещиков возложена ответственность за податную неправоту их крестьян, а потом обязанность кормить их в неурожайные годы и ссужать семенами для посевов. Но и в деревне государству нужен был образованный, разумный и человеколюбивый помещик. Потому правительство не допускало ни малейшего ослабления учебной повинности дворянства, угрозой отдавать неучей в матросы без выслуги загоняло недорослей в казенные школы, устанавливало периодические экзамены для воспитывавшихся дома, как и в школе, предоставляло значительные преимущества по службе обученным новикам. Самую обязанность дворянства служить стали рассматривать не только как средство комплектования армии и флота офицерским дворянским запасом, но и как образовательное средство для дворянина, которому военная служба сообщала вместе с военной и известную гражданскую выправку, знание света, людскость, обгесывала Простаковых и человекообразила Скотининых, вколачивала в тех и других рвание «о пользе общей», «знание политических дел», как выразался манифест 18 февраля 1762 года, и побуждала родителей заботиться о домашней подготовке детей к казенной школе и службе, чтоб они не явились в столицу круглыми невеждами с опасностью стать посмешищем для товарищей. Такое значение службы живо чувствовала даже госпожа Простакова. Из-за чего она надрыается, хлопоча о выучке своего сынка? Она

соглашается с мнением Вральмана об опасности набивать слабую головушку непосильной для нее ученой пищей. «Да что ты станешь делать? — горюет она: — ребенок, не выучась, поезжай-ка в тот же Петербург — скажут, дурак. Умниц-то ныне завелось много; их то я боюсь». И фонвизинский бригадир уговаривает свою жену записать их Иванушку в полк: «Пусть он, служа в полку, ума набирается». Надобно было победить упорное отвращение от науки в дворянских детях, на которых указ императрицы Анны 1736 г. жаловался, что они предпочитают вступать в холопскую дворовую службу, чем служить государству, от наук убегают и тем сами себя губят. В виду опасности одичания неслужащего дворянства правительство долго боялось не только отменить, но и сократить обязательную службу сословия. На предложение комиссии Миниха установить 25-летний срок дворянской службы с правом сокращать его на известных условиях Сенат в 1731 г. возражал тем соображением, что богатые дворяне, пользуясь этими условиями, никогда волею своею в службу не пойдут, а будут дома жить «во всякой праздности и лени и без всяких добрых наук и обхождений». Надобно было отучить русских вральмановских учеников от нелепого мнения их учителя, выраженного им так простодушно: «Как будто бы российский дворянин уж и не может в свете авансировать без российской грамоты!» И вот в 1762 г. правительство решило, что упорство сломлено, и в манифесте 18 февраля торжественно возвестило, что принудительной службой дворянства «истреблена грубость в нерадивых о пользе общественной, переменилось невежество в здравый рассудок, благородные мысли вкоренили в сердцах всех истинных России патриотов беспредельную к нам верность и любовь, великое усердие и отменную к службе нашей ревность». Но законодатель знал пределы этой «беспредельной верности и отменной ревности» и потому заключил даруемую сословию «вольность и свободу» на известных условиях, которые сводились к требованию, чтобы сословие по доброй совести продолжало делать то, что оно дотоле делало из-под палки. Значит, *принудительную срочность 25-летней службы закон*

менил ее нравственной обязательностью, из повинности, предписываемой законом, превратил ее в требование государственной благопристойности или гражданского долга, неисполнение которого наказуется ответственной карой — изгнанием из порядочного общества; так учебная повинность была подтверждена строго-настрою.

Дальнейшая судьба сословия была предначертана законодательством очень доброжелательно и довольно обдуманно. Дворянство выводили из столичных казарм и канцелярий в провинцию для деятельности на новом поприще. Законом 18 февраля ему облегчали служебную повинность настолько, чтобы она не мешала этой деятельности как повинность, и удерживали ее настолько, чтобы она помогала этой деятельности как образовательное средство. На этом провинциальном поприще дворянству предстояла двойная работа — в деревне и в городе. В деревне ему предстояло позаботиться о заброшенном классе, крестьянстве, большей половиной которого оно владело на крепостном праве и которое составляло почти $\frac{9}{10}$ всего населения государства, которое вынесло на себе все военные и финансовые тяготы страшной реформы, по наряду ставило рекрутов для полтавских и кунерсдорфских полей, по запросу отдавало последние деньги бироновским податным сборщикам и даже без запроса и наряда поставило такого рекрута науки, как Ломоносов. Дворянству предстояло своим знанием и примером приучить этот класс к трезвости, к правильному труду, производительному употреблению своих сил, к бережливому пользованию дарами природы, умелому ведению хозяйства, к сознанию своего гражданского долга, к пониманию своих прав и обязанностей. Этим благородное сословие оправдало бы — нет, искупило бы — исторический грех обладания крепостными душами. Такой грех обыкновенно создавался завоеванием, а русское дворянство не завоевывало своих крестьян, и тем пужнее было ему доказать, что его власть не была нарушением исторической справедливости. Другое дело предстояло дворянству в городе. Когда «Недоросль» впервые появился на сцене, в полном ходу была реформа губер-

ских учреждений, предоставлявшая дворянству преобладающее значение в местном управлении и суде. Как сословие дисциплинированное и приученное к общественной деятельности самым свойством своей обязательной службы, оно могло бы стать руководителем других классов местного общества, приучая их к самостоятельности и самообладанию, к дружной совместной работе, от которой они отвыкли, обособленные специальными сословными правами и обязанностями, — словом, могло бы образовать подготовленные кадры местного самоуправления, как прежде оно давало армии подготовленный офицерский запас.

Для той и другой деятельности, городской, как и деревенской, требовалась серьезная и осторожная подготовка, которой предстояло бороться с большими затруднениями. Прежде всего, необходимо было запастись средствами, доставляемыми образованием, наукой. Дворянству предстояло на себе самом показать другим классам общества, какие средства дает для общежития образование, когда становится такой же потребностью в духовном обиходе, какую составляет питание в обиходе физическом, а не служит только скучным препятствием, через которое перепрыгивают для получения больших чинов и доходных мест, или средством приобретения великосветского лоска, как косметическое подспорье парикмахерского прибора.

Можно было опасаться, сумеет ли русское дворянство выбрать из бывшего в европейском обороте запаса знаний, идей, воззрений то, что было ему нужно для домашнего дела, а не то, чем можно было приятно наполнить досужее безделье. Опасение поддерживали вести, шедшие из-за границы, о посланных туда в науку русских молодых людей, которые охотнее посещали европейские австерии и «редуты» (игорные дома), чем академии и другие школы, и «срамотными поступками» изумляли европейскую полицию. Грозил и другой опасность: в новые губернские учреждения дворянство могло принести свой старый привычный взгляд на гражданскую службу, как на «кормление от дел». Дворяне прошлого века относились к этой службе с пренебрежением, однако не брезговали ею ради ее «нажинок

ных» удобств и даже пользовались ею как средством уклоняться от военной службы. Посошков в свое время горько сетовал на дворян-«молодиков», которые «живут у дел вместо военного дела», да учатся, «как бы им наживать и службы отлынять».

Правительство начало заботиться об учебной подготовке дворянства к гражданской службе раньше, чем снята была с сословия срочная воинская повинность. По многопредметной программе открытого в 1731 г. Шляхетного кадетского корпуса кадеты должны были обучаться, между прочим, риторике, географии, истории, геральдике, юриспруденции, морали. Образованные русские люди того времени, например, Татищев (в «Разговоре о пользе наук и училищ» и в «Духовной»), настойчиво твердили, что всему русскому шляхетству после исповедания веры прежде всего необходимо знание законов гражданских и состояния собственного отечества, русской географии и истории. Разумеется, при Екатерине II «гражданское учение», которое воспитывало бы не столько ученых, сколько граждан, стало еще выше в предначертаниях правительства. По плану Бецкого из преобразованного Шляхетного корпуса дворянский недоросль должен был выходить воином-гражданином, знающим и военное и гражданское дело, способным вести дела и в лагере и в Сенате, короче, мужем одинаково пригодным *belli domique*.

Это было бы великое дело, если бы план удался и из среды Иванушек и Митрофанушек пошли бы такие разносторонне пригодные мужи. Случилось так, что в ту же осень, когда впервые сыгран был «Недоросль», в Петербурге совершились два важные события: составлена комиссия об учреждении народных школ в России и открыт памятник Петру Великому. Знаменательное совпадение! Если бы дворянство шло путем, какой указан был ему Петром I, ода того века могла бы, пользуясь случаем, изобразить, как преобразователь, вышедши из своей петропавловской гробницы и «увидев себя на вольном воздухе», — выражение Екатерины II в письме к Гримму по поводу открытия памятника, — отверзает свои давно сомкнутые уста, чтобы сказать: «*Ныне отпущаеши*». Но вышла не ода, а коме-

дия, чтобы предостеречь сословие от опасности не попасть на указанный ему путь. «Недоросль» дает такое предостережение в резких, внушительных формах, понятных и публике, непривычной к комическим тонкостям; его понял даже брат попавшейся госпожи Простаковой, сам Тарас Скотинин, сказав: «Да этак и всякий Скотинин может попасть под опеку». В усадьбе г-жи Простаковой прообразовательно, для примера разыграна дальнейшая судьба той части дворянства, которая мыслила и понимала свое положение по-простаковски. Сословию предстояло приготовиться к ответственной и патриотической роли руководителя местного управления и общества, а г-жа Простакова говорит: «да что за радость и выучиться? Кто посмышленнее, того свои же братья тотчас выберут еще в какую-нибудь должность». Сословие призывалось к попечительной и человеколюбивой деятельности в крепостной деревне, а г-жа Простакова, видя, что чиновник наместника отнял у нее власть буйствовать в доме, в комической тоске восклицает: «Куда я гожусь, когда в моем доме моим же рукам и воли нет?» Зато господам Простаковым и опека. Ништо им!

В «Недоросле» дурные люди старого закала поставлены прямо против новых идей, воплощенных в бледные добродетельные фигуры Стародума, Правдина и других, которые пришли сказать тем людям, что времена изменились, что надобно воспитываться, мыслить и поступать не так, как они это привыкли делать, что дворянину бесчестно ничего не делать, «когда есть ему столько дела, есть люди, которым помогать, есть отечество, которому служить». Но старые люди не хотели понять новых требований времени и своего положения, и закон готов наложить на них свою тяжелую руку. На сцене представлено было то, что грозило в действительности: комедия хотела дать строгий урок непонятливым людям, чтобы не стать для них злоющим пророчеством.

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН И ЕГО ПРЕДКИ

День памяти Пушкина — день воспоминаний. Я начну с воспоминаний о себе самом.

Я родился немного лет спустя по смерти Пушкина. Но пока я и мои сверстники, получившие одинаковое со мною воспитание, — пока мы были юны, Пушкин не переставал быть нашим современником. Мы не спрашивали, жив ли Пушкин. Мы знали, что он живет и будет жить, и это было для нас так же ясно и просто, как то, что небо синее и будет синеть. Когда нам говорили, что он умер, что его давно уж нет, в этих словах нам чуялось что-то нескладное, похожее на неудачную риторическую фигуру.

В те годы мы читали и перечитывали *«Евгения Онегина»*. Теперь, после стольких лет и стольких житейских впечатлений, свежавших ощущение молодости, трудно припомнить и еще труднее рассказать, чем был для нас этот роман лет 30 назад. Одно можно сказать с уверенностью, что мы отнеслись к нему, как не относились современники Пушкина и как едва ли относится к нему молодое поколение, несколько лет назад теснившееся при открытии московского памятника Пушкину. При жизни Пушкина *«Евгений Онегин»* был предметом критики или удивления, как крупная литературная новость. Теперь он — просто предмет изучения, как историко-литературный памятник. Для нас он не был ни тем, ни другим: мы не разбирали его,

как разбирали тогда новые повести Тургенева, но мы и не комментировали его, как «Слово о полку Игореве» или «Недоросля». Он не был для нас только роман в стихах, случайное и мимолетное литературное впечатление: это было событие нашей молодости, наша биографическая черта, перелом развития, как выход из школы или первая любовь. При первом чтении мы беззащитно отдавались обаянию стиха, описаний природы, задушевности лирических отступлений, любовались подробностями, составлявшими декорации драмы, разыгранной в романе, не обращая особенного внимания на самую драму. Потом, перечитывая роман, мы стали вдумываться и в эту драму, в ее несложную фабулу и трагическую развязку, задавать себе вопросы и из ответов на них извлекать житейские правила. Мы горько упрекали Онегина, зачем он убил Ленского, хотя не вполне понимали, из-за чего Ленский вызвал Онегина. Каждый из нас давал себе слово не отвергать так холодно любви девушки, которая его так полюбит, как Татьяна любила Онегина, и особенно если напишет ему такое же хорошее письмо. Читая «Онегина», мы впервые учились наблюдать и понимать житейские явления, формулировать свои неясные чувства, разбираться в беспорядочных порывах и стремлениях. Это был для нас первый житейский учебник, который мы робкою рукой начинали листовать, доучивая свои школьные учебники; он послужил нам «дрожанием, гибельным мостком», по которому мы переходили через кипучий темный поток, отделявший наши школьные уроки от первых житейских опытов. Может быть, такое отношение к роману было педагогическим недосмотром наших воспитателей или нашим эстетическим пороком; может быть, это было только преждевременным и излишним напряжением эстетического чувства, предохранившим нас от многих действительных пороков. Я этого не знаю; я только отмечаю факт, не цени его, не произнося приговора над своею молодостью. Судите вы и, если угодно, осуждайте за это нас или наших воспитателей. А факт тот, что после 1837 г. воспиталось поколение, которое уже не застало Пушкина в живых и на нравственную физиономию которого

его роман более, чем другие его произведения, положил особую, немножко сентиментальную складку. Было ли это нашим несчастьем или даром, незаслуженно нам доставшимся, — на этот вопрос можно отвечать и так, и этак; но в том и другом случае будет виновата случайность нашего рождения. Людям, родившимся годами 10—15 раньше нас, приходилось читать этот роман среди неумолкнувших еще споров о Пушкине. Молодежь, которая принималась за «*Онегина*» немного лет позднее нас, читала его под действием иных, нелитературных веяний, которые были принесены новым течением, обнаружившимся в нашем обществе с половины 1850-х годов. Мы попали, так сказать, в литературное затишье, начали читать «*Онегина*», когда о Пушкине вспоминали, но уже не спорили, а новые влияния еще не успели донестись до школьных скамеек, на которых мы сидели.

Все это я счел не лишним припомнить и некоторым из присутствующих напомнить по поводу годовщины смерти Пушкина. Ведь мы собрались, чтоб оглянуться на полстолетие, протекшее с того времени, и вспомнить, чем был для нас поэт в это полстолетие. Жизнь поэта — только первая часть его биографии, другую и более важную часть составляет посмертная история его поэзии. Некто из людей, начавших сознавать себя раньше, чем многие и многие из вас начали дышать, и решился занести свою строчку в эту посмертную часть, отважился выступить из редущего уже ряда своих сверстников, чтобы сказать, чем был для него и для них Пушкин со своим романом.

Помню еще, что из действующих лиц романа всего менее задумывались мы в первое время над его героем. Мы не задавали себе вопроса, кто он, хороший или дурной человек, дельный или пустой малый. Он оставался для нас на каком-то туманном возвышении, с которого мы не сводили его в ряды простых людей, чтобы разглядеть, благовоспитанный ли он человек, удобный ли товарищ. Мы едва ли любили его, а наши сверстницы, наверное, не влюблялись в него, как влюбилась Татьяна. Но и мы и они любовались им; он оставался для нас поэтическим образом, в котором

нам нравились самые недостатки, как становятся милы отдельные некрасивые черты на милом лице. Еще менее приходило нам в голову доискиваться, откуда и как попал он в русское общество. Этот «чудак печальный и опасный» проходил в нашем воображении приятным и таинственным незнакомцем, которого мы по догадывались спросить об адресе. Мы не настолько знали тогдашнее общество, чтоб угадать, на кого он похож. Притом мы так мало задумывались над отношением поэтического творчества к действительности, что нам не легко было растолковать самый смысл вопроса, что это такое: поэтическая ли греза, переложенная и великолепные стихи, или портрет, срисованный с живого человека. Мы видели, что это не современная нам быль: вокруг себя мы не замечали и не предполагали ничего подобного. Но мы чувствовали, что это и не сказка, что герои этого романа существовали на Руси где-то и когда-то и даже в очень близкое к нам время.

Не успели миновать наши школьные годы, мы только что затвердили «*Онегина*», как на нас легли два новые литературные впечатления, и такие глубоко, каких не оставляли в нас дальнейшие произведения русской литературы. Эти впечатления впервые и направили наши мысли на вопрос, что такое Онегин. Мы прочитали «*Дворянское гнездо*» и «*Обломова*». Вы, может быть, с удивлением спросите: что общего между этими пьесами, кроме таланта? Я не помню, что говорила тогда литературная критика об этих произведениях, и не могу угадать, что думали и думают, читая их, молодые люди, здесь присутствующие. Но нам они показались двумя частями одной книги об умирающих. Обе пьесы — похоронные песни: в одной стпевался известный житейский порядок, в другой общественный тип. С Лизой Калитиной, уходящей в монастырь, отрекались от мира чувства и отношения известной дворянской среды, жертвой которых была отшельница, а в лице Обломова, кашляя и кряхтя, лез умирать на печку последний наиболее беспомощный питомец и представитель этих же чувств и отношений. В обоих произведениях, совсем не как в «*Евгении Онегине*», наше внимание приковали к себе гораздо более

главные лица, чем их драматические положения. Мы спрашивали себя, почему эти лица, способные внести много добра в общество, не ужились в нем; нам было прискорбно чувствовать, что это — лица исчезающие, что мы уже не встретим их двойников. Мы вспоминали своего старого незнакомца Онегина, и нам почему-то казалось, что и он, лицо менее приятное и менее обещавшее, принадлежит к тому же порядку явлений. Это сходство возбуждало в нас недоумение. После уже, слушая, читая и изучая, мы узнали, что наш век — время ускоренной смены разнохарактерных, совсем не похожих друг на друга типов. Тогда, сопоставляя названные произведения с «*Евгением Онегиным*», мы начали внимательнее разбирать его. Это не была критика романа. У нас попрежнему не поднималась на него критическая рука: он не ветшал для нас, не отставал от нас, а шел вровень с нами или, лучше сказать, время бесследно шло мимо него, как оно идет мимо не стареющих античных статуй. Мы разбирали не роман, а только его героя, и с удивлением заметили, что это вовсе не герой своего времени, и сам поэт не думал изобразить его таким. Он был чужой для общества, в котором ему пришлось вращаться, и все у него выходило как-то нескладно, не во-время и не к стати. «Забыв и роскоши дитя» и сын промотавшегося отца, 18-летний философ с охлажденным умом и угасшим сердцем, он начал жить, т. е. жечь жизнь, когда следовало учиться; принимался учиться, когда другие начинали действовать; устал прежде, чем принялся за работу; суетливо бездельничал в столице, лениво бездельничал и в деревне; из чванства не умел вкбиться, когда это было нужно, из чванства же поспешил вкбиться, когда это стало преступно; мимоходом, без цели и даже без злости убил своего приятеля; без цели поездил по России; от делать нечего вернулся в столицу донашивать истощенные разнообразным бездельем силы. И здесь, наконец, сам поэт, не кончив повести, бросил его на одной из его житейских глупостей, недоумевая, как поступить дальше с таким бестолковым существованием. Добрые люди в деревенской глуши смиренно сидели по местам, досиживая или только еще насиживая свои

гнезда; налетел праздный пришлец из столицы, возмутил их покой, сбил их с гнезд и потом с отвращением и досадой на самого себя отвернулся от того, что наделал. Словом, из всех действующих лиц романа самое лишнее — это его герой. Тогда мы начали задумываться над вопросом, который поставил поэт не то от себя, не то от лица Татьяны:

Что-ж он, ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в гарольдовом плаще,
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон...

Мы начали изучать его. Метод изучения был нам подсказан самой Татьяной. Мы старались пробраться украдкой в кабинеты людей того времени, разобрать книги, которые они читали и которые читали их отцы, с оставленными на полях отметками, крестами и вопросительными крючками. Изучая так Онегина, мы все более убеждались, что это очень любопытное явление и прежде всего — явление вымирающее. Припомните, что он — «наследник всех своих родных», а такой наследник обыкновенно последний в роде. У него есть и черты подражания в манерах, и гарольдов плащ на плечах, и полный лексикон модных слов на языке; но все это не существенные черты, а накладные прикрасы, белила и румяна, которыми прикрывались и замазывались значки беспотомственной смерти. Далее, мы увидели, что это не столько тип, сколько гримаса, не столько характер, сколько поза, и притом чрезвычайно неловкая и фальшивая, созданная целым рядом предшествовавших поз, все таких же неловких и фальшивых. Да, Онегин не был печальною случайностью, печальною ошибкой: у него была своя генеалогия, свои предки, которые наследственно из рода в род передавали приобретаемые ими умственные и нравственные вывихи и искривления. Если вы не боитесь скуки, если печальная годовщина, нас собравшая, располагает нас к терпеливым воспоминаниям о нашем прошлом, вы позволите неумелою рукой перелистовать перед вами эту родословную Онегина.

Всего усерднее прошу вас об одном: преемственно сменявшиеся положения, которые я отмечу, не принимайте за моменты нашей жизни, соответствующие известным поколениям. Нет, я разумею более исключительные явления. Это были неестественные позы, нервные, судорожные жесты, вызывавшиеся местными неловкостями общих положений. Эти неловкости чувствовались далеко не всеми; но жесты и мины тех, кто их чувствовал, были всем заметны, бросались всем в глаза, запоминались надолго, становились предметом художественного воспроизведения. Люди, которые испытывали эти неловкости, не были какие-либо особые люди, — были как и все, но их физиономии и манеры не были похожи на общепринятые. Это были не герои времени, а только сильно подчеркнутые отдельные номера, стоявшие в ряду других, — общие места, напечатанные курсивом. Так как масса современников, усевшихся более или менее удобно, редко догадывалась о причине этих ненормальностей и считала их капризами отдельных лиц, не хотевших сидеть, как сидели все, то эти несчастные жертвы неудобных позиций слыли за чудачков, даже иногда «печальных и опасных». Между тем жизнь текла своим чередом; среда, из которой выделялись эти чудачки, сидела прямо и спокойно, как ее усаживала история. Поэтому я не введу вас в недоумение, когда буду говорить об отце, деде и прадеде Онегина. Онегин — образ, в котором художественно воспроизведена местная неловкость одного из положений русского общества. Это не общий или господствующий тип времени, а типическое исключение. Разумеется, у такого образа могут быть только историко-генетические, а не генеалогические предки.

Явления, которые я отмечу, были все однородного сословного происхождения: предки Онегина все принадлежали к старинному русскому дворянству. Неловкости общих положений, заставлявшие некоторых людей принимать ненормальные позы и необычную жестикуляцию, обыкновенно происходили от недосмотров и увлечений, какие допускались при постановке нового образования, водворявшегося у нас приблизительно с половины XVII в. Это новое образование шло к нам с

Запада, как прежде пришло из Византии. Первым восприемником и проводником этого нового образования стало дворянство, как носителем и проводником старого было духовенство. Поспешность и нетерпеливость, с какими вводилось это образование, и были причинами некоторых неловкостей в преимущественно сменявшихся общих положениях сословия. Но, повторю, это были местные неловкости, и ненормальные явления, ими вызванные, не могут войти в общую историю этого почтенного и много послужившего отечеству сословия.

Прадеда нашего героя надобно искать во второй половине XVII в., около конца алексеева царствования, в том промежуточном слое дворянских фамилий, который вечно колебался между столичною знатью и провинциальным рядовым дворянством. Отец этого прадеда, какой-нибудь Нелюб Злобин сын такой-то, был еще нетронутый служака вполне старого покроя: он из года в год ходил в походы посторожить какую-нибудь границу отечества с пятком вооруженных холопов, по временам получал неважные воеводства, чтоб умеренным кормом пополнить оскудавшие от походов животы, а на частных деловых его бумагах вместо его подписи ставилась пометка, что отец его духовный, по имени Иван, в его Нелюбово место руку приложил, затем, что он, Нелюб, грамоте не умеет. Его сына ждала менее торная дорога. За буйность его с 15 лет зачислили в солдатский полк нового иноземного строя под команду немецких офицеров, за понятливость взяли в подьячие, за лжбознательность отдали в Спасский монастырь на Никольской в Москве к ученому киевскому старцу «учиться по латиням». С кислую гримасой принимался он за «грамматичное ученье» и то твердил по ходячим в то время словарякам исковерканные и вавилонски перемешанные греческие и польско-латинские вокабулы, написанные русскими литератами: *ликос* — волк, *луппа* — волчица, *спириды* — лапти, *офира* — молебен, *преносит* — боляриц, *нектар* — пиво; то в ужасе от мысли, что все это — ляхо-латинская ересь, неистово рвал свою грамматическую и бежал к туземным благочестивым старцам каяться в соблазне, но успокоенный батогами, снова

принимался твердить: *онагр* — дикий осел, *претор* — губная изба, *фулцгур* — молния, *скандализи ме* — соблазняют мя. Киевский старец заставлял молодого подьячего читать переводные космографии, внушал ему католические мнения о пресуществлении св. даров и об исхождении св. духа, сбучал его польской речи и искусству слагать хитрые вирши. Набожный выученик, успешно пробегая служебный путь, старался сделать благочестивое употребление из усвоенного иноземного искусства и на досуге перелагал в неуклюжие вирши акафист пресв. богородице или церковные песнопения о страстях христовых. Но время шло, разгоралась Петровская реформа, и чиновного латиниста с его виршами и всею грамматичною мудростью назначили комиссаром для приема и отправки в армию солдатских сапог. Тут-то, разглядывая сапожные швы и подошвы и помня государеву дубинку, он впервые почувствовал себя неловко со своим грузом киевской учености и со вздохом спрашивал: зачем этот киевский нехай, учивший меня строчить вирши, не показал мне, как шьют кожаные солдатские спириды?

Дети этого меланхолического комиссара уже попадали под действие закона 1714 г. об обязательном обучении дворянства, учились в цифирной школе местного архиерейского дома, женились, отцами семейств являлись на царские смотры дворянских недорослей и по разбору компаниями, покидая жен, отправлялись за море для науки под наблюдением комиссара с инструкцией, в которой за нерадение «рукою самого монарха писан престрашный гнев и бззо всякия пощады превеликое бедство». Эти компании рассеивались по всем важным приморским городам Западной Европы: Амстердаму, Венеции, Марсели, Кадиксу и пр. В «заграничных академиях» их обучали математике, «экипажеству» и механике, наукам «философским и дохтурским» но особенно «мореходским и сухопутским», навигации, инженерству, артиллерии, «черчению мачтапов», боцманству, артикулу солдатскому, танцовать, на шпагах биться, на лошадях ездить. За границей русские навигаторы бегали с учебной службы, спасаясь в монастыри на Афонской горе, должали, посе-

щали австерии и «редуты», т. е. игорные дома, дрались там и убивали один другого, а к родным в Россию слали письма, жалуясь на нищету и разлуку, на то, что наука определена им самая премудрая и хотя бы пришлось им все дни живота своего на тех науках себя трудить, а все-таки им не выучиться, что они на разные науки ходят, да без дела сидят, потому что языков иноземных не понимают и «незнамо учиться языка, незнамо — науки». Навигаторы молили родных походатайствовать за них у кабинет-секретаря Макарова или у самого генерал-адмирала Апраксина взять их к Москве и определить хотя бы последними рядовыми солдатами или хотя бы в тех же европейских краях быть, но обучаться какой-нибудь науке сухопутской, только бы не мореходству. В числе этих навигаторов оказался, и даже не один, прямой наследник неудачи нашего сапожного комиссара, его собственный сын или чужой — это всё равно. Поступив солдатом в гвардейский Преображенский полк, он учился в военной академии в Петербурге и во время второй беременности жены, в конце царствования преобразователя, был послан в Голландию, забежал перед отъездом к доброй императрице, которая «на всякую нужду» дала ему 5 червонных, около 100 рублей на наши деньги; в Амстердаме учился лучше многих и преимущественно дельным наукам, которые наиболее ценил преобразователь, даже рапортовал местному русскому послу, что отказывается от шпажного и танцовального ученья, «понеже оно к службе его величества угодно быть не может», вернувшись в Петербург, успешно сдал экзамен членам Адмиралтейской коллегии, определился к делам, служил усердно, чая воздаяния, и тут впервые заметил, что времена переменились. Великого императора уже не было в живых. Навигационные науки уступили место иным вкусам. В Петербурге высшее общество дорого платило немцу за то, что «в барабаны бил и на голову стоял», и наш навигатор, попав в общество своих сверстников, очутился между двух огней. Одни, после Петра заболевшие тоской по родной старине, встретили его насмешками и ругательствами за «европейский обычай», привезенный им из Голландии; другие, одер-

жимые возжелением к новизне, преследовали его кличками неуча, деревенского мужика за недостаточный запас европейского обычая, им привезенный, за незнание модного катехизиса, которым вменялось благородному шляхтичу в обязанность то самое шпажное и танцевальное искусство, которое он считал бесполезным; предписывалось намерения свои скрывать, губ рукой не утирать, в сапогах не танцевать, встречному знакомому приятным образом шляпу снимать за три шага, ни ближе, ни дальше, и глядеть на него весело и приятно, с благообразным постоянством. К тому же ближайшие сотрудники Петра скоро перегрызлись. На их места явились неведомые люди из Митавы и Германии, алчные, подозрительные и жестокие. От них пострадал и наш навигатор. Раз на святках он отказался наряжаться и вымазаться сажей. За это его на льду Невы раздели до-нага, нарядили чортом и в очень прохладном костюме заставили постоять на часах несколько часов; он захворал горячкой и чуть не умер. В другой раз за неосторожное слово про Бирона его послали в Тайную канцелярию к Ушакову, который его пытал, бил кнутом, вывертывал ему лопатки, гладил по спине горячим утюгом, забивал под ногти раскаленные иглы и калекой отпустил в деревню, где он при малейшем промахе дворовых выходил из себя и, топоча ногами, бесконечно повторял: «ах вы растрепоганные, растрепокаянные, не пытаные, не мученные и не наказанные!» Впрочем, он был добрый барин, редко наказывал своих крепостных, читал вслух себе самому Квинта Курция *«Жизнь Александра Македонского»* в подлиннике, занимался астрономией, водил комнатную прислугу в красных ливреях и напудренных волосах; страдая бессоницей, с гусиным крылом в руке сам изгонял по ночам сатану из своего дома, окуривая ладаном и кропя святою водою нечистые места, где он мог приютиться, пел и читал в церкви на клиросе, дома ежедневно держал монашеское келейное правило, но дружно жил с женой, которая подарила ему 18 чело-век детей, и наконец, на 86-м году умер от апоплек-сического удара. Однако привезенные им из Голландии математические и навигацкие познания остались без

употребления. К русской действительности этот ученый русский служака стал как-то криво, нечаянно и больно ушибся головой об ее угол и без особенной пользы, хотя и без вреда, всю остальную жизнь коптил небо, созерцая звезды.

Отцы Онегиных начинали свое воспитание при императрице Елизавете, кончали его при Екатерине II и доживали свой век при Александре I. Их детство протекало под впечатлениями веселой светской жизни, получившей «свое основание» под покровом доброй и умной дочери Петра. То было время отдыха от ужасов бирюзовщины; тогда начал развиваться в обществе «тонкий вкус во всем и самая нежная любовь, подкрепляемая нежными и в порядочных стихах сочиненными песенками, тогда получила первое над молодыми людьми свое господство». Молодые дворяне, хорошо пристроенные в столице, 5—6-ти лет записанные в гвардейский полк рядовыми, лет 15-ти производились в офицеры, допускались на французские комедии, дважды в неделю дававшиеся на придворном театре, бывали на детских балах, где в присутствии императрицы танцовало пар по 50 детей, строго выдерживая все attitudes взрослых господ и госпож, участвовали в вельможеских бал-маскарадах, длившихся по 48 часов сряду, приветствовали русских барышень, которые привозили из Лондона невиданные в Петербурге английские контрадансы и за то на много дней становились героинями столичного света. Из сферы веселых лиц и речей они нечувствительно переносились в сферу приятных книг и идей. Закон 1714 г. не прошел бесследно. Правда, теперь уже не требовалась петровская военно-техническая выучка, лкбимая навигацкая наука пресбразователя упала при его дочери, ее любимшей море, кадетов Шляхетского корпуса на целые недели отрывали от учебных занятий, заставляя их разучивать и играть новую трагедию Сумарокова. Но обязательное обучение, не давая значительного запаса научных сведений, приучало к процессу выучки, делало ее привычною сословною повинностью, а потом светским приличием и даже возбуждало некоторый аппетит к знанию. Дворянин редко учился с охотой

тому, что требовалось по узаконенной программе, но он привыкал учиться чему-нибудь, хотя обыкновенно выучивался не тому, что требовалось по программе. К 6-летнему гвардейцу выписывали сперва из Берлина m-me Ruinau, потом из Парижа m-lle Berger подороже, наконец, m-г Raoult еще дороже, потому что он не только мог преподавать le français, «но и в том, что называется belles lettres, был гораздо сведущ». Отец выписывал для сына из Голландии, пригта французских мыслителей, библиотеку assez bien choisie из лучших французских поэтов и историков, и лет с 12-ти гвардейский сержант уже освоивался с Расином, Корнелем, Буало и даже с самим Вольтером. В царствование Екатерины он подходил к самым источникам света. По желанию самой императрицы он посещал фернейский скит Вольтера с толпою других молодых офицеров, «жадничавших» видеть философа и слушать его разговоры, не миновал и «ада молодых людей», как тогда звали Париж питомцы петровской школы, бывал на ужинах, где два философа, три dames d'esprit, один еврей, один капеллан с православным секретарем русского посла и с швейцарским капитаном-кальвинистом часа по четыре сыпали bons mots, рассказывая анекдоты, рассуждая о бессмертии души, о предрассудках, о всевозможных вопросах науки, морали и эстетики. По возвращении в Россию, покинув службу в гвардии, он занял административную должность, но не мог привыкнуть к делам, переехал в свою губэрнию; задумав служить по выборам, был выбран в дворянские заседатели совестного суда, но соскучился, дожидаясь дел, которых в три года поступило ровно три и не было решено ни одного, пробовал заняться сельским хозяйством, но только сбил с толку управляющего и старосту, хотел, по крайней мере, пожить весело, окружил себя шутами и шутихами, составил себе выездную свиту из арапов, башкир и калмыков, потчевал гостей частыми обедами, балами и псовою охотой с дворовою музыкой и цыганскою пляской и, наконец, устав и заглянув в долговую книгу, махнул на все рукой и окончательно переселился в деревню доканчивать давно начатую и сложную работу изолирования

себя от русской действительности. Здесь он вечно пасмурным брюзгой уединился в своем кабинете:

С печальной думою в очах,
С французской книжкою в руках.

С этою книжкою в руках где-нибудь в глуши Тульской или Пензенской губернии он представлял собою очень странное явление. Усвоенные им манеры, привычки, симпатии, понятия, самый язык, — все было чужое, привозное, все влекло его в заграничную даль, а дома у него не было живой, органической связи с окружающим, не было никакого житейского дела, которое он считал бы серьезным. Он принадлежал к сословию, которое, держа в своих руках огромное количество главных производительных сил страны, земли и крестьянского труда, было могущественным рычагом народного хозяйства; он входил в состав местной сословной корпорации, которой предоставлено было широкое участие в местном управлении. Но свое сельское хозяйство он отдавал в руки крепостного приказчика или наемного управляющего-немца, а о делах местного управления не считал нужным и думать: ведь на то есть выборные предводители и исправники. Так ни сочувствия, ни интересы, ни воспоминания детства, ни даже сознание долга не привязывали его к среде его окружавшей. С детства, как только он стал себя помнить, он дышал атмосферою, пропитанною развлечением, из которой обаяниями забавы и приличия был выкурен самый запах труда и долга. Всю жизнь помышляя о «европейском бытае», о просвещенном обществе, он старался стать своим между чужими и только становился чужим между своими. В Европе видели в нем переодетого по-европейски татарина, а в глазах своих он казался родившимся в России французом. В этом положении культурного межеумка, исторической ненужности было много трагизма, и мы готовы жалеть о нем, предполагая, что ему самому подчас становилось невыразимо тяжело чувствовать себя в таком положении. Некоторые, действительно, не выносили его и пускали себе пулю в лоб, но это были редкие люди, которым не удавалось вполне уединить себя от действи-

тельности, которые не умели живо бальзамировать себя, чтобы защитить свое мертворожденное мирозерцание от разрушительного действия времени и свежего воздуха. Большинству людей этого рода удавалась операция такого бальзамирования довольно легко, без мучительных кризисов, без потуг тоски и даже скуки. Заурядный скатертиносский вольнодумец оставался добр и весел, не скучал и не тосковал. Тосковать будет его сын при Александре I в лице Чацкого, а скучать — его внук в лице Печорина при Николае I. Когда наступала пора серьезно подумать об окружающем, они начинали размышлять о нем на чужом языке, переводя туземные русские понятия на иностранные речения, с оговоркой, что, хоть это не то же самое, но похоже на то, нечто в том же роде. Когда все русские понятия с такою оговоркою и с большею или меньшею филологическою удачею были переложены на иностранные речения, в голове переводчика получался круг представлений, не соответствовавших ни русским, ни иностранным явлениям. Русский мыслитель не только не достигал понимания родной действительности, но и терял самую способность понимать ее. Ни на что не мог он взглянуть прямо и просто, никакого житейского явления не умел ни назвать его настоящим именем, ни представить его в настоящем виде и не умел представить его, как оно есть, именно потому, что не умел назвать его, как следует. В сумме таких представлений русский житейский порядок являлся такою безотрадною бессмыслицею, набором таких вопиющих нелепостей, что наиболее впечатлительные из людей этого рода, желавшие поработать для своего отечества, проникались «отвращением к нашей русской жизни», их собственное будущее становилось им противно по своей бесцельности, и они предпочитали «бытию переход в ничто». Но это были редкие случаи. Большинство, более рассудительное и менее первое, умело обходить этот критический момент и от непонимания переходило прямо к равнодушию. Очутившись при помощи своеобразного метода изучения родной земли между двумя житейскими порядками, в каком-то пустом пространстве, где нет истории, русский мысли-

тель удобно устроился на этой центральной полосе между двумя мирами, пользуясь благами обоих, получая крепостные доходы, с одной стороны, умственные и эстетические подаяния — с другой. Поселившись в этой уктной пустыне, природный сын России, подкинутый Франции, а в действительности человек без отечества, как называли его жившие тогда в России французы, он холодно и просто решал, что порядок в России есть *assez immoral*, потому что в ней *il n'y a presque aucune opinion publique*, и думал, что этого вполне достаточно, чтоб игнорировать все, что делалось в России. Так незнание вело к равнодушию, а равнодушие приводило к иренебрежению. Чтоб оправдать это пренебрежение к отечеству, он заgrimировывался миной мирового бесстрастия, мыслил себя гражданином вселенной, космополитизируя таким образом очень и очень доморощенный продукт, каким он был на самом деле. Так он создавал себе «своевольное и приятное существование». Вольные мысли, которые он черпал из привозных книг, рассеивали его житейские огорчения, сообщали блеск его уму, украшали его речь, даже порой потрясали его нервы: космополитический индифферентизм не мешал литературной впечатлительности, не подавлял воспитанной чувствительными романами времен Сумарокова склонности к отвлеченным, беспредметным восторгам. Быть может, никогда культурный русский человек не плакал так легко и охотно даже от хороших слов, как во второй половине XVIII века, — плакал, и только. Эстетические восторги и стереотипные философические слезы были только патологическими развлечениями, нервным моционом, но не отражались на воле, не становились нравственными мотивами. Вольномыслящий тульский космополит с увлечением читал и перечитывал страницы о правах человека рядом с русскою крепостною девицею и, оставаясь гуманистом в душе, шел в конюшню распирляться с досадившим ему холопом. Культурно-психологический курьез, он ждет руки художника, но как передаточный пункт идей и преданий, как посредник «двух веков», готовых поссориться, он занимает видное место и в истории нашего общества.

Дети людей этого рода воспитывались в их преданиях, но не под их влиянием. Они наследовали многие из идей, убеждений, взглядов, привычек своих отцов, но не наследовали их вкусов, чувств и отношений к окружающему и не наследовали потому, что выросли и начали действовать под другими впечатлениями. К тому времени, когда они начали учиться, в воспитании знатного русского юношества произошел решительный перелом. Со времени французской революции в Россию наехало множество французских эмигрантов, кагалеров, графов, маркизов, аббатов, роялистов и католиков, даже иезуитов, которые, принявшись за воспитание молодых русских дворян, начали вытеснять гувернеров философского чекана, демократов, республиканцев и атеистов, дотоле господствовавших в знатных русских домах. Новые педагоги принесли с собою свою особую атмосферу, новые чувства и интересы. Они поворотили мысль воспитываемого ими юношества к предметам, которыми пренебрегали их вольнодумные предшественники, — к вопросам веры и нравственности; еще важнее было то, что они не ограничивались украшением и развитием ума своих питомцев, но влияли и на их волю, пробуждали позыв к делу, к согласованию поступков с понятиями. Они не только поддерживали, но и усилили в питомцах интерес к политическим вопросам, восставая против демократических понятий, какие распространяли педагоги старого до-революционного привоза. Несомненно, при их участии в молодом поколении праздные эстетические влечения и отвлеченные идеи отцов стали сменяться нравственными побуждениями и практическими идеалами с политической окраской, обрести живую плоть. Наполеон довершил дело, начатое французскими эмигрантами. Политические события указали направление и цель пробужденным стремлениям. Дети людей екатеринина века, защищая отечество на австрийских, прусских и, наконец, родных полях, должны были с оружием в руках стать против той самой Франции, которая для отцов многих из них была «отечеством сердца и воображения». Эта борьба приподняла их дух. Перед их глазами пронесли великие события, которые

решали судьбы народов и в которых они сами участвовали. Воротившись из похода домой, они чувствовали, что ушли от своих стариков «на сто лет вперед». Толкуя об отечестве вокруг бивачных костров на полях Прейсш-Эйлау, Бородина, Лейпцига и под стенами Парижа, они сделали два важные открытия. Они, с прискорбием узнали, что Россия — единственная страна, в которой образованнейший и руководящий класс пренебрегает родным языком и всем, что касается родины. Потом еще с большею скорбью они убедились, что в русском народе таятся могучие силы, лишенные простора и деятельности, скрыты умственные и нравственные сокровища, нуждающиеся в разработке, без чего все это вянет, портится и может скоро пропасть, не принеся никакого плода в нравственном мире. С этой минуты они круто и прямо повернулись лицом к русской действительности, к которой отцы старались поставить их спиной, как стояли сами. Отцы не знали ее и игнорировали; дети продолжали не знать ее, но перестали игнорировать.

Но с минуты этого поворота люди, его сделавшие, разошлись и пошли различными путями. Одни пошли прямо вперед с нервной отвагой. Мысль «о зле существующего порядка и о возможности его изменения» стала исходною точкой всех их дум и размышлений. Но они смотрели на окружающее сквозь призму патристической скорби, сменившей космополитическое равнодушие отцов, а в этой призме явления отражались под значительным углом преломления. Это мешало разглядеть достижимые цели, взвесить наличные средства, предусмотреть последствия. Они надеялись одним порывистым натиском сдвинуть с места скалу, которая стояла на дороге и которую они называли существующим порядком, разбежались и ударились об нее. Последствием удара было собственное крушение.

Другие пошли стороной, осторожно вглядываясь в даль и озираясь вокруг. Они также питали много надежд и иллюзий, желали деятельности и готовились к ней, запасаясь идеями и иноземными образцами, которые можно было бы применить в отечестве. Но еще до 1812 г. они стали замечать, что преобразовательное

движение, смело начатое правительством, тормозится чем-то таким, что не зависит ни от Сперанского, ни от Аракчеева, ни от чьей личной воли. Вглядываясь ближе, они увидели, что это была та же скала или «грубая толща», как называл Сперанский русскую действительность, которая никак не хотела сдвинуться с места, как ее ни толкали. Они так же знали и понимали ее, как и другие, но они живее других почувствовали ее размеры и устойчивость, чувствовали и то, что они ничего с ней не могут сделать, что для этого нужны не та подготовка, не такие знания и навыки, какими обладали они и их отцы, что надобно переучиваться и перевоспитываться. Это было то же крушение, только не силы, плохо рассчитавшей свое действие, а веры, поддерживавшей деятельность. Причиной крушения было открытие, что не во всем можно извернуться чужим умом и опытом, что если глупо вновь изобретать машину, уже изобретенную, то еще глупее жителю севера заимствовать костюм южанина, что нужно примениться к среде, а для этого необходимо изучать ее и потом уже преобразовывать, если она в чем окажется неудобной. Этим открытием разрушалось целое мирозерцание, воспитанное рядом поколений, привыкших сибаритски смотреть на Западную Европу, как на русскую мастерскую, обязательную поставщицу машин, мод, увеселений, вкусов, приличий, знаний, идей, нужных России, и даже ответов на политические вопросы, в ней возникающие. Тогда люди, сделавшие это открытие, впали в уныние или нравственное оцепенение и опустили руки. После, оправившись от столбняка, одни из них стали кое-как прилаживаться к русской действительности и даже явились дельцами в царствование Николая, другие произнесли над ней отлучение от цивилизованного мира за то, что она не давалась их пониманию без изучения, третьи просто принялись изучать ее в подробностях.

Совершенно осбенным образом подействовала патриотическая скорбь одних и уныние других на их младших братьев, которые по молодости лет не принимали участия в военных делах 1812—1814 гг. и не были

вовлечены в движение, кончившееся катастрофой 14 декабря. Они проходили школу тогдашнего столичного света с его показным умом, заученными приличиями, заменявшими нравственные правила, и с любезными словами, прикрывавшими пустоту общежития, как описала его в 1812 г. г-жа Сталь. Эта школа давала много пищи злословию, вырабатывала «насмешку с желчью пополам», но не приучала ни к умственному труду, ни к практической деятельности, — напротив, отучала от того и другого, всего же более располагала к скуке. На наклонности, воспитанные такою школой, ложились чувства старших братьев, патристическая скорбь одних, уныние других. Но то были накладная скорбь, наносное уныние; то и другое чувство в младших рядах поколения не было непосредственным житейским впечатлением, получалось из вторых рук. Из смешения столь разнородных влияний и составилось сложное настроение, которое тогда стали звать *разочарованием*. Поэзия часто рисовала его байроновскими чертами, и сами разочарованные любили кутаться в гарольдов плащ. Но в состав этого настроения входило гораздо более туземных ингредиентов. Здесь были и запас схваченных на лету идей с приправой мысли о их ненужности, и унаследованное от вольнодумных отцов брюзжанье с примесью скуки жизнью, преждевременно и bestолково отведенной, и презрение к большому свету с неумением обойтись без него, и стыд безделья с непривычкой к труду и недостатком подготовки к делу, и скорбь о родине, и досада на себя, и лень, и уныние, — весь умственный и нравственный скарб, унаследованный от отцов и дедов и прикрытый слоем острых или гнетущих чувств, внушенных старшими братьями. Это была полная нравственная растерянность, выражавшаяся в одном правиле: ничего сделать нельзя и не нужно делать. Поэтическим олицетворением этой растерянности и явился «*Евгений Онегин*». Так я понимаю его, — правильно ли, судите сами. Прибавлю только, что Пушкин один из первых подметил эту новую разновидность русских чудаков. В 1822 г., когда он начал писать свой роман, было много и решившихся на все и нерешительных патрио-

тов, но разочарованные еще не бросались в глаза, как после 1825 г.

Такова родословная Онегина. Его предки — люди из дворянства, служившего проводником светского образования и органом управления. Это — исключительные люди, которых слишком быстрая смена направлений образования и не всегда удачная его постановка ставили в неправильное положение. Сперва потребовалось школьное латинское образование, но под церковным руководством, с целью оградить правосмыслие. Но многим, получившим такое образование, приходилось действовать там, где требовалась уже военно-техническая выучка, которой усиленно и подвергалась дворянская молодежь в царствование Петра I. Многим, получившим и такую выучку, пришлось действовать в обществе, в котором служебные успехи много зависели от степени светской выправки и литературного образования служащего лица. Но эта выправка и это образование скоро получили такое ненормальное развитие, которое приживало идеи и вкусы, непригодные для государственной и земской деятельности дворянства, расширенной реформами Екатерины II. Тогда и образование высшего дворянства стало получать политическое направление и становилось ближе к русской действительности, к положению управляемого общества. Но такое образование при содействии унаследованных преданий и наклонностей и новых влияний сделало одних нетерпеливыми новаторами, хотевшими все перестроить разом, других — нерешительными пессимистами, не знавшими, что делать, а третьих повергло в настроение, лишавшее их способности и охоты делать что-либо. Эти последние — наши Онегины. С этими людьми, мелькавшими в русском обществе в 1820-х и 1830-х годах, такое настроение и умерло.

Но я слишком долго задержал ваше внимание на личных и исторических воспоминаниях. О Пушкине всегда хочется сказать слишком много, всегда наговоришь много лишнего и никогда не скажешь всего, что следует.

ПРИМЕЧАНИЯ К V ТОМУ

ЛЕКЦИИ LXXV—LXXVI

Лекции о жизни Екатерины II до вступления ее на престол построены, главным образом, на материале записок Екатерины II. В. О. Ключевский пользовался первой публикацией записок, изданной Герценом в Лондоне в 1859 г. под заглавием «Mémoires de l'impératrice Catherine II». С издания 1859 г. записки переведены были на английский, немецкий и русский языки. Впоследствии выяснилось, что Екатерина несколько раз принималась писать записки, и герценовское издание воспроизводит только часть автобиографии Екатерины. Полное издание записок было осуществлено Академией наук в собрании сочинений Екатерины под редакцией А. Н. Пыпина. Русский перевод академического издания дан в 1907 г. в издании Суворина под заглавием «Записки Екатерины Второй».

Кроме записок как основного материала, В. О. Ключевским использована статья Я. К. Грота «Воспитание Екатерины II», напечатанная в журнале «Древняя и новая Россия» № 2, за 1870 г., стр. 110—125. В этой статье использованы также иностранная литература.

Соловьев в своей «Истории России» пользовался не только записками Екатерины, рассказывая о ее молодости и жизни в России до переворота 1762 г., но и архивными материалами и иностранными источниками, например, о роли Брюммера в сватовстве, о поведении матери Екатерины и т. д.

Выдержки из мемуаров Фридриха II напечатаны в сборнике «Осьмнадцатый век», т. I, стр. 11, и у Соловьева, т. V, стр. 268.

Отзывы о положении и поведении Екатерины, заимствованные из донесений английского посла Уильямса и французского — Бретейля, напечатаны у Соловьева, т. V, стр. 927—928, 1318—1319, который заимствовал их из книги анонимного автора «La cour de Russie il y a cent ans», Berlin 1860. Эта книга, в которой донесения послов, аккредитованных при русском дворе, расположены по моментам царствования Екатерины, выдержала несколько изданий, и несомненно была известна В. О. Ключевскому, который по ней мог привести сравнительную оценку елизаветинских и екатерининских дельцов на основании иностранных наблюдений.

О поведении Петра III во время похорон Елизаветы подробности заимствованы из записок княгини Дашковой, написанных на французском языке в издании «Архив князя Воронцова», т. XXI.

Шутливая эпитафия, которую Екатерина написала сама себе, напечатана в журнале «Древняя и новая Россия» № 12 за 1876 г., стр. 412.

Самое подробное и научно обставленное изложение жизни Екатерины до вступления на престол дано В. А. Бильбасовым в книге «История Екатерины Второй», Берлин 1900; оно не было использовано В. О. Ключевским для курса лекций, сложившегося до издания этой книги.

Для лекции LXXXVI наряду с записками важный источник — письма Екатерины II, напечатанные в «Сборниках Русского исторического общества», тт. I, II, VII и X. Инструкция вдове Павла Наталье Алексеевне напечатана в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских» за 1875 г., кн. IV, и в статье Грота «Воспитание Екатерины II».

Переписка с Гриммом напечатана в «Сборнике Русского исторического общества», тт. XIII, XXIII и XXXIII. Для ориентировки в этой обширной переписке служит книга Я. К. Грота.

Настроение графа Н. Панина и его взгляд на права Екатерины на престол рассказаны княгиней Дашковой в ее записках «Архив князя Воронцова», т. XXI, стр. 57. Манифест 8 июля напечатан и у Соловьева, т. V, стр. 1354—1355, и в сборнике «Осьмнадцатый век», т. I, стр. 216—224.

ЛЕКЦИЯ LXXVII

Лекция о внешней политике Екатерины построена почти исключительно на фактическом материале, который можно было заимствовать у Соловьева в его «Истории России» и в специальной монографии того же автора «История падения Польши», М. 1863. Повторяя почти дословно оценку, данную Соловьевым международному положению России после Губертсбургского мира, Ключевский в дальнейшем дает свое углубленное освещение фактическому материалу, приводимому Соловьевым иногда только в хронологической последовательности. Выписки из источников взяты Ключевским из «Истории России» Соловьева: донесения французского посла Бретейля (т. V, стр. 1393, 1396), речь Георгия Конисского (т. V, стр. 1372—1373), переписка Станислава Понятовского с м-м Жофрен (т. VI, стр. 51). Замечание Соловьева о том, что Панин считал нечестным мешать Польше выйти из состояния хаоса, Ключевский расширяет до утверждения (в лекции LXXXVIII, первый абзац которой тесно связан по содержанию с лекцией LXXVII), что русская внешняя политика времени Екатерины была единственной в Европе, основанной на добросовестности и чистосердечии.

Считая союз с Фридрихом не только бесполезным, но и вредным, так как он налагал на Россию известные обязательства, Ключевский расходился во взглядах с проф. Трачевским, книга которого «Союз князей и немецкая политика Екатерины II», без сомнения, была хорошо известна Ключевскому. Трачевский в этой книге, изданной в 1877 г., считает союз с Фридрихом зрело обдуманным шагом, хотя и принятым Екатериной неохотно, а Ключевский на принадлежавшем ему гектографированном издании курса 1881—1882 г. заметкой на полях «Фр(идрих) и без того нужд(ался) в России» впервые высказал свой взгляд на значение указанного договора, усилил в последующих курсах свое отрицательное отношение к нему.

Выражение Екатерины «Я подпала на Турцию с четырех сторон» взято из письма ее к Чернышову, напечатанному в «Русском Архиве» за 1871 г., стр. 1327.

План Вольтера изгнания турок из Европы высказан им в письме А. Р. Воронцову («Архив князя Воронцова», т. V, стр. 454—457). Свою мечту о захвате Константинополя Екатерина развивает в письме к Вольтеру, напечатанном в «Сборнике Русского исторического общества», т. XIII, стр. 41—42. Екатерина считала взятие Константинополя делом несомненным, но «не столь близким». Утверждение Соловьева, что Екатерина II должна была сдерживать фантазию Вольтера (т. VI, стр. 184), страдает преувеличением.

О поднятии христианского населения Балканского полуострова против турок см. рескрипт на имя графа А. Орлова от 29 января 1769 г. в «Сборнике Русского исторического общества», т. I.

Впечатление, какое произвело движение русской эскадры вдоль берегов всей Западной Европы, отмечено графом Сегюром («Записки графа Сегюра о пребывании в России», П. 1865, стр. 20). О выбитой в Голландии медали с карикатурой на Екатерину II и Марию-Терезию говорится в письме Екатерины Гримму («Сборник Русского исторического общества», т. XXIII, стр. 84).

ЛЕКЦИЯ LXXVIII

Положение Екатерины в первые годы царствования изложено по материалам, почерпнутым у Соловьева, где имеются сведения о судьбе Ивана Антоновича, выдержки из донесения Бретейля и писем Станислава Понятовского, дело Гурьевых и пр. Дело Гурьевых изложено также в небольшой статье, напечатанной в сборнике «Осьмнадцатый век», ч. I, стр. 47—51. Характеристика елизаветинских вельмож — в цитированном уже сочинении «La cour de Russie il y a cent ans», стр. 240 и сл.

Перечисление наград участникам переворота 1762 г. помещено в «Сборнике Русского исторического общества», т. VII, стр. 108—119.

Выступление И. И. Бецкого с претензией на руководящую роль в перевороте 1762 г. рассказано в записках княгини Дашковой («Архив князя Воронцова», т. XXI, стр. 90—91). Язвительная записка самого Бецкого по поводу оказанного Екатериной внимания графу Панину помещена в «Русском Архиве» 1865 г., стр. 773.

Под «отрывочными заметками» Екатерины о состоянии России Ключевский подразумевал составленную императрицей записку об учреждениях, введенных ею в России. Эта записка напечатана в «Сборнике Русского исторического общества», т. XXVII, стр. 170—176. Записка была использована Соловьевым в его статье «Сенат в начале царствования Екатерины II», помещенной в журнале «Древняя и новая Россия», за 1870 г., но по некоторым подробностям видно, что Ключевский пользовался подлинником, а не перископом Соловьева.

О покупке атласа для Сената см. «Сборник Русского исторического общества», т. X, стр. 381.

О смотре Балтийского флота и нелестном отзыве Екатерины см. «Сборник Русского исторического общества», т. X, стр. 23—25, а также у Соловьева, т. VI, стр. 102. Путешествия Екатерины описаны по материалу, данному Соловьевым, т. V, стр. 145—148; т. VI, стр. 4, 326—331.

О кодификационных комиссиях до Екатерины имеется большой материал в книге В. Н. Латкина «Законодательные комиссии в России в XVIII в.», П. 1887.

О своем «законобесии» (legislomanie) Екатерина говорит в письме Гримму («Сборник Русского исторического общества», т. XXIII, стр. 37).

Записка, написанная Екатериной под впечатлением от ознакомления с делом Артемия Вольнского, напечатана в «Сборнике Русского исторического общества», т. X, стр. 56, и у Соловьева, т. VI, стр. 105—106.

Тиранды о рабстве, законности, чрезвычайных судах и пр. — сокращенная редакция напечатанной в «Сборнике Русского исторического общества», т. VII, стр. 82 и сл., и у Соловьева, т. VI, стр. 189—191.

Рассказ Екатерины о составлении Наказа входил в состав уже цитированной записки об учреждениях, введенных в России, где приводится и отзыв Панина о Наказе.

Письмо Жоффрен о работе над Наказом — в «Сборнике Русского исторического общества», т. I, стр. 268, и у Соловьева. У Соловьева же приведены

письма к д'Аламберу с посылкой Наказа и с рассказом о том, как он подвергался двойной цензуре, т. VI, стр. 191 и 344.

Письмо к Фридриху II о широких заимствованиях при составлении Наказа из литературных источников — в «Сборнике Русского исторического общества», т. XX, стр. 236—237.

Подробная характеристика Наказа была дана Ключевским только в курсе 1879—1880 г. Гектографированное студенческое издание этого курса было просмотрено автором, внесшим в него ряд поправок и дополнений. В более поздних курсах характеристика Наказа была сильно сокращена.

ЛЕКЦИЯ LXXIX

По уложенной Комиссии в руках Ключевского был обширный документальный материал, так как Русское историческое общество успело напечатать несколько томов с материалами этой Комиссии. Ключевский мог использовать помимо документального материала для введения книгу Латкина «Законодательные комиссии в России в XVIII в.», т. I, П. 1887, а для дальнейшего изложения работ Комиссии—статью Поленова, напечатанную во II книге «Сборника Русского исторического общества», как введение к напечатанным в этой книге документам уложенной Комиссии. Может быть, некоторые мысли заимствованы из статьи Сергеевича «Откуда неудача екатерининской Комиссии», напечатанной в «Вестнике Европы» за 1878 г. № 1, но большого впечатления эта статья, по видимому, на Ключевского не произвела, и его оценка работ Комиссии имеет характер самостоятельной работы. Фактический материал мог быть заимствован из «Истории России», Соловьева, посвятившего уложенной Комиссии большую главу.

Взгляд Екатерины на ту роль, какую должен был играть ее Наказ только как руководство без обязательной силы, см. в «Сборнике Русского исторического общества», т. XXVII, стр. 176. Екатерина очень высоко оценивала достоинства составленного ею Наказа и гордилась им, но когда составила Положение о местном управлении, то в письме Гримму признала, что Наказ в сравнении с этим Положением только «болтовня» («Сборник Русского исторического общества», т. XXIII, стр. 37).

Кроме того, имеется богатая литература, с которой можно познакомиться по книге А. В. Флеровского, «Из истории екатерининской законодательной Комиссии 1767 г.», Одесса 1910, стр. введения XXII—XXXVIII.

ЛЕКЦИЯ LXXX

Вводная лекция о губернских Учреждениях 1775 г. в значительной своей части повторяет то, что было сказано о местном управлении до Екатерины в предшествующих лекциях с небольшими дополнениями по материалам Соловьева (исчезновение прокуроров при Анне — Соловьев, т. IV, стр. 1179).

Очень интересная попытка графа Панина ограничить монархическую власть особым императорским советом разработана в исторической литературе. Надорванный проект устава императорского совета и доклад Панина напечатаны в «Сборнике Русского исторического общества», т. VII, стр. 200—221. Соловьевым проекту посвящено 14—15 страниц в томах V и VI. Проекту посвящена особая статья Н. Д. Чечулина «Проект императорского совета», напечатанная в «Журнале Министерства народного просвещения» № 3, за 1891 г.

Инструкция губернаторам с указанием на необходимость реформы местного управления, составленная Елагиным, напечатана Соловьевым, т. VI, стр. 23—25. Письмо Гримму о достоинствах Положения о губернских учреждениях — «Сборник Русского исторического общества», т. XXIII, стр. 37.

Жалованная грамота дворянству очень подробно изложена проф. А. Романовичем-Славатиным в его труде «Дворянство в России от начала XVIII в.

до отмены крепостного права», изд. 2, Киев 1902, стр. 436 и сл. В этой же книге раскрывается роль дворянства в местных учреждениях (стр. 459 и сл.).

Жалованная грамота городам изложена Ключевским по книге Плошинского «Городское или среднее состояние русского народа», П. 1852, стр. 239—284.

Ссылаясь на французские мемуары, в которых говорится о революционной опасности дворянских собраний, Ключевский имел в виду книгу Masson «Mémoires secrets sur la Russie».

ЛЕКЦИЯ LXXXI

В начале лекции Ключевский полемизирует с проф. А. Романовичем-Славянским, который утверждал, что «до Петра I была невозможна местная корпоративная связь дворянства» (op. cit., стр. 413). Дальнейшее изложение истории развития дворянских прав повторяет прежние лекции автора и завершается реформой Екатерины, окончательно нарушившей равновесие между правами и обязанностями дворянства. Далее, Ключевский повторяет вкратце свои прежние лекции о развитии крепостного права.

Раздача населенных крестьянами земель при Екатерине — см. «Сборник Русского исторического общества», т. VII, стр. 108—119, при Павле — «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1867 г. № 1, стр. 131—148, и статья В. И. Семевского, «Пожалование населенных имений при Павле» в «Русской Мысли» № 12 за 1882 г. См. также в «Mémoires secrets», т. I, стр. 254.

ЛЕКЦИИ LXXXII—LXXXIV

В основу трех лекций о развитии крепостного права при Екатерине II положены труды В. И. Семевского, «Крестьяне в царствование Екатерины II», т. I, П. 1881, и «Крестьянский вопрос при Екатерине II», «Отечественные записки» № 10 и 11 за 1879 г. В качестве дополнительных пособий служили следующие книги: И. Д. Беляев, «Крестьяне на Руси», М. 1860, И. Энгельман, «История крепостного права в России», М. 1900 (это перевод с немецкого оригинала, который вышел в свет в 1884 г.), К. П. Победоносцев, «Исторические исследования и статьи», П. 1876.

Из указанных книг сведения заимствовались Ключевским иногда почти дословно, но Ключевский первый сумел создать ясную схему развития крепостного права, не загромождая своего изложения множеством подробностей, которые, как у Семевского, значительно затрудняют понимание основных мыслей автора.

Ироническая записочка, что «если крестьянина нельзя назвать персоной, то надо назвать скотом», записка Панина, записка Сиверса напечатаны у Соловьева, т. V, стр. 1476; т. VI, стр. 110 и др.; запрещение записывать в крепостные крестьяне незаконнорожденных — у Победоносцева, стр. 201.

Развитие крепостного права на Украине изложено по Соловьеву (т. VI, стр. 30—31), Энгельману (стр. 173 и сл.), а главным образом по книге А. Лизревского «Малороссийские посполитые крестьяне», Чернигов 1866; ссылка на категорию — Энгельман, стр. 139; о продаже крестьян с торгов — Семевский, «Крестьяне», стр. 151; запрещение подачи крестьянами жалоб — Энгельман, стр. 140.

Характеристика законодательства Екатерины, сгладившей разницу между законом и обычаем в крепостном праве, сильнее выражена Энгельманом, который говорит, что Екатерина своим законодательством санкционировала употребление (стр. 138).

Исчисление крепостного населения по четвертой и пятой ревизиям несколько разнится с цифрами, приводимыми Семевским («Крестьяне», стр. 16—17).

Ссылки на Рычкова и Шторха о преобладании оброчной системы эксплуатации крепостного труда имеются также у Семевского («Крестьяне», стр. 33—45). При объяснении этого факта Ключевский ссылается на слова «других современ-

ников», подразумевая князя Щербатова («Чтения в Обществе истории и древностей Российских», 1860, I, стр. 85). Вместо общей фразы о преобладании оброчного хозяйства над барщинным Семевский приводит процентные отношения: в нечерноземных губерниях—55% оброчных и 45% барщинных хозяйств, в черноземных—44% оброчных и 56% барщинных («Крестьяне», стр. 44—45).

Сведения о размерах оброка заимствованы у Семевского (op. cit., стр. 49—50). Хозяйственные записки Татищева напечатаны во «Временнике Общества истории и древностей российских», ч. XII, стр. 12—32).

Сравнительная доходность барщинного и оброчного хозяйства вычислена Ключевским независимо от Семевского, у которого по этому вопросу приводятся такие соображения: «Если сравнить результаты наших исчислений относительно барщинных и оброчных крестьян, то выходит, что в 60-х годах оброчные платили по 3 руб. с души, а барщинным их повинности обходились в 7—8 руб.; в 90-х годах оброчные платили 7 р. 50 к., а труд барщинных оценивается в 14—16 руб.», «Крестьяне», стр. 74—75, там же отзыв Рычкова о тяжести барщины, стр. 41. Отзыв Панина в его записке 1763 г. о непомерности поборов с крепостных и о мерах пресечения крестьянских побегов, см. Соловьева, т. V, стр. 1476.

О числе дворовых у Семевского указано, кто были цитируемые Ключевским «наблюдатели» — это Storch, «Historische, statistische Gemälde d. Russ. Reichs», Рига 1791, и перевод с английского на французский: Tooke, «Histoire de Russie sous le règne de Catherine II», Paris, 1801, t. V, p. 99.

О характере управления дворянскими именьями, о жестокости и произволе помещиков все сведения заимствованы Ключевским из книги Семевского «Крестьяне».

О смертности среди крестьян, ссылаемых в Сибирь (до 75%), доносил Сенату сибирский губернатор Чичерин, «Журнал домового управления», напечатан И. Е. Забелиным в статье «Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве», «Вестник Европы» № 2 за 1871 г.

Цены на крепостных — Семевский, «Крестьяне», стр. 153—154.

Рассуждения о влиянии крепостного права на состояние помещичьего сельского хозяйства принадлежат всецело Ключевскому.

ЛЕКЦИЯ LXXXIV

Статистический материал лекции LXXXIV мог быть заимствован Ключевским из разных источников: 1) из книги В. И. Семевского «Крестьяне в царствование Екатерины II», дающей цифры населения по ревизиям и использовавшей статистические исчисления Шторха и Германа; 2) из росписей доходов и расходов за 1790—1794 гг., напечатанных в I томе «Сборника Русского исторического общества»; 3) из XXVIII тома «Сборника Русского исторического общества», посвященного финансовым документам за все время царствования Екатерины II, исходящим из Сената, Штатс-конторы, Ревизион-коллегии и пр.; обширная вводная статья принадлежит А. Н. Куломзину; 4) из книги Castéra, «Histoire de Catherine II», t. I—III, Paris. В III томе этого сочинения имеются статистические таблицы, касающиеся населения и торговли. Упомянутой книгой Ключевский, несомненно, пользовался, о чем свидетельствует карандашная его пометка на одном из сектографированных изданий.

Переписка Екатерины с г-жей Жоффен об образовании третьего сословия напечатана в I томе «Сборника Русского исторического общества», стр. 275, 286.

Письма князя Дм. Голицына напечатаны в «Русском Вестнике» № 2 за 1876 г., в выдержках у В. И. Семевского, «Крестьянский вопрос при Екатерине II», «Отечественные записки» № 10, за 1879 г. стр. 382.

Новейшая работа → Н. Д. Чечулин, «Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II», П. 1906.

ЛЕКЦИЯ LXXXV

Ключевский очень кратко коснулся крестьянских восстаний при Екатерине и о Пугачеве вспоминает только при характеристике помещичьего хозяйства, указывая на тот факт, что восстание Пугачева настолько запугало дворян, что они продолжали жить не в своих деревнях, а в уездных и губернских городах, поближе к капитану-исправнику и губернатору. Между тем, и Семевский и Энгельман могли бы дать обильный материал для ознакомления с рядом фактов революционного движения среди крестьян.

Материал для части лекции, посвященной истории культуры, заимствован у Соловьева, который посвятил немало страниц истории Шляхетского корпуса, Морской академии, Московского университета, приводит выдержки из комедий Сумарокова и т. д. Кроме того, использована книга Д. А. Толстого «Взгляд на учебную часть в России в XVIII в.», П. 1883, из которой можно было почерпнуть сведения о состоянии Академического университета в 1736 г., о количестве студентов в Московском университете в год основания и через 30 лет после того, о незначительности числа медиков и юристов. Толстой приводит также выдержку из письма графа С. Р. Воронцова брату от 1789 г. с характеристикой преподавания в Шляхетском корпусе: «Кадеты знают все, кроме того, что нужно знать офицеру» (см. «Архив князя Воронцова», т. IX, стр. 146). Ключевский повторяет эту характеристику. Книги того же Д. А. Толстого «Академическая гимназия в XVIII в.» и «Академический университет в XVIII в.», вышедшие на два года позднее первого труда, дали Ключевскому дополнительный материал для его лекции: о преподавании на немецком языке, о пренебрежении преподаванием русского языка, отзыв Ломоносова об Академическом университете и т. д. О преподавании в Шляхетском корпусе можно было узнать из записок С. Н. Глинки, «Русский Вестник» № 1, 1856 г. стр. 661 и др.

Смоленский пансион Эллерта описан в «Записках Л. Н. Энгельгардта», М. 1867.

Отрывки из сатирических журналов, характеристика петиметра и кокетки даны по книге А. Афанасьева «Русские сатирические журналы 1769—1774 гг.», М. 1859, стр. 185, 192. В этом же труде охарактеризованы приехавшие в Россию французские учителя и гувернеры (ib., стр. 204). Отзывы о последних имеются также в «Записках графа Сегюра о пребывании его в России», П. 1865 г., стр. 60.

Выбор Болотовым книг для чтения — см. «Записки А. Т. Болотова», 1871, т. I, стр. 232 и сл.

ЛЕКЦИЯ LXXXVI

Нравы елизаветинского времени охарактеризованы по «Запискам майора Данилова», М. 1842, по упомянутым уже запискам Болотова (op. cit., I, стр. 190) и запискам графа Сегюра (op. cit., стр. 32). Значительные заимствования взяты из «Истории России» Соловьева: о большой чувствительности депутатов, прослушавших Наказ (т. VI, стр. 350), и графа Чернышова (т. VI, стр. 327), переписка с Вольтером (т. V, стр. 573—574), с д'Аламбером (т. VI, стр. 185—186), покупка библиотеки Дидро (т. VI, стр. 186—187) и пр. Речь Леклерка подробно реферирована И. Н. Сухомлиновым в пятом выпуске его «Истории Российской академии», П. 1880, стр. 115.

Сведения об образованности и положении французских учителей, в частности Брикнера и Граммона, заимствованы из книги Masson, «Mémoires secrets sur la Russie», t. II, p. 173, 197. От того же автора узнаем об учителе Марате и о детальном знакомстве Бутурлина с топографией Парижа (op. cit., t. II, p. 198—200).

Пьеса Шувалова, вызвавшая такой восторг, носила название «Épître à Ninon de Lenclos».

О паломничестве русских офицеров в замок Ферней Вольтера письмо Екатерины Вольтеру напечатано в «Сборнике Русского исторического общества», т. XIII, письмо от 30 января — 10 февраля 1772 г. Надо заметить, что перевод, который дает Ключевский, скорее является пересказом, чем переводом, но сущность выражена правильно.

Записки Винского напечатаны в «Русском Архиве» 1877 г. в январской и февральской книжках; есть отдельное издание.

Отзыв Массона об образовании русской молодежи высшего общества — *op. cit.*, т. II, p. 178.

Об участии Екатерины в переводе «Велизария» Мармонтеля сообщает Л. Вейдемейер в своей книге «Двор и замечательные люди XVIII ст.», П. 1846, т. I, стр. 67.

Отзывы Фонвизина об иностранной жизни в его письмах — «Сочинения, письма и избранные переводы Д. И. Фонвизина», П. 1866, стр. 424, 438 и др.

Труд Поленова по крестьянскому вопросу напечатан в «Русском Архиве» за 1865 г., стр. 285—316. Критикуя эту работу за ее крайнюю непрактичность, Ключевский не охарактеризовал ряда положительных сторон и либеральных мыслей, которые произвели на современников сильное впечатление; достаточно сказать, что Поленов неперемным условием освобождения крестьян ставил наделение их землей, т. е. ставил вопрос на вполне практическую почву. Такие выражения, как «копечное угнетение крестьян» или «больше жалеем наш скот, нежели людей», свидетельствуют об общем направлении работы Поленова. О Струйском имеются сведения у М. А. Дмитриева в его воспоминаниях «Мелочи из запаса моей памяти», М. 1869, стр. 85—87, и у И. М. Долгорукого в его записках «Капище моего сердца», М. 1874, стр. 211—214. Этому оригинальному помещику посвящена статья М. Лонгинова «Несколько известий о пензенском помещике Струйском», напечатанная в «Русском Архиве» за 1865 г., стр. 958—964.

ЛЕКЦИЯ LXXXVII

В первой части лекции Ключевский делает общий вывод, вытекающий из обзора царствования Екатерины II, а вместе с тем указывает, какое направление должен принять в дальнейшем логически развивающийся исторический процесс.

Вторая часть лекции посвящена воспитанию Павла и жизни его до вступления на престол. Рассказ о детстве Павла, о его воспитании под руководством графа Панина, о первых выступлениях в придворном обществе даст в живом очерке один из помощников Панина Порошин, оставивший записки о своих кратковременных занятиях по математике с Павлом: «Семена Порошина записки», П. 1844. Другим источником фактических сведений, которыми воспользовался Ключевский, была книга Д. Кобеко «Цесаревич Павел Петрович», П. 1837, в которой подробно рассказывается гатчинская жизнь Павла.

Отношение фаворитов к Павлу — см. «Русская Старина», т. XVII, стр. 453.

Относительно желания Павла принять участие в турецкой войне и пререканий по этому поводу с Екатериной сообщает Кобеко, а также А. Вейдемейер, «Двор и замечательные люди XVIII ст.», П. 1846, т. II, стр. 61, и в «Русской Старине», 1874 г., т. VIII, стр. 856, 860, 868—872.

Характеристика Павла — см. «Записки графа Сегюра», стр. 29.

Письмо Александра графу Кочубею о положении дел в конце царствования Екатерины перепечатывалось несколько раз, см. книгу М. Корфа «Восшествие на престол Николая I», П. 1857, стр. 3—6.

Есть известия, что Екатерина оставила завещание, которым устраняла Павла от престола и назначала Александра, и что это завещание Безбородко в день смерти Екатерины передал Павлу. — Записки А. М. Тургенева, «Русская Старина», 1885 г. № 3, стр. 390.

ЛЕКЦИЯ LXXXVII

Характеризуя первые распоряжения Павла и настроение петербургского общества, почувствовавшего тяжелую руку нового императора, Ключевский широко пользуется показаниями очевидца событий этого времени, офицера русской армии Массона, оставившего не раз уже цитированные «Mémoires secrets». Дополнением к запискам Массона послужили записки другого современника — А. И. Тургенева, напечатанные в нескольких книжках «Русской Старины» за 1885 г. Между прочим, он сообщает список запрещенных слов и говорит о том страхе, с которым офицеры отправлялись на вахтпарад («Русская Старина» № 4, за 1885 г. стр. 66, 69 и др.). Другим дополнением послужили записки Саблукова, также современника Павла («Русский Архив» за 1869 г., стр. 1903).

Отправление целого полка в Сибирь прямо с вахтпарада — см. рассказы князя И. М. Долгорукова, напечатанные в «Русской Старине» № 9, за 1874 г., стр. 177. Случай с офицером, который дал солдату нести свое пальто и зато был разжалован в рядовые, рассказан Болотовым.

Относительно 20 тысяч офицеров и чиновников, оставшихся без службы, сообщает Массон, t. I, p. 218.

Разговор с графом Сегюром по вопросу о престолонаследии — в «Записках графа Сегюра», стр. 384—386.

Закон о трехдневной барщине — в полном собрании законов № 17909. О назначении наград крестьянами — статья В. И. Семевского «Пожалование имений при Павле» в «Русской Мысли» № 12, за 1882 г.

Изменения в положении дворян см. у Романовича-Славянского, «Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права», Киев 1902.

Брат знаменитого революционного деятеля Робеспьера, выехавший в Россию при Павле под фамилией де-Мельян, рассказывал, что трудно себе представить то бешеное веселье, которое царило в петербургском обществе при Павле; после 10 часов вечера за закрытыми шторами танцевали до упаду, вели речи «самые безбоязненные», а утром при возвращении домой некоторые из гостей находили ожидавшую их тройку, которая отвозила по назначению (Юр. Толстой, «Мелочи из прошлого», «Русский Архив» за 1865 г., стр. 1537-1598).

ЛЕКЦИЯ LXXXIX

Сжатый очерк внешней политики за первую половину XIX в. не выходит за рамки учебника. Молодость Александра описана по Богдановичу, «Истории императора Александра I», II, 1869—1871.

Наставление Салтыкову о плане воспитания великих князей напечатано в «Сборнике Русского исторического общества», т. IV, стр. 301—330, у Богдановича, т. I, стр. 4—13, и у Толстого, «Взгляд на учебную часть в России в XVIII в.», стр. 84—100.

Роль Н. И. Салтыкова в воспитании Александра охарактеризована в изображениях, которые можно прочитать в мемуарах Массона, т. II, стр. 163.

Записки анонимного воспитателя, отметившего у Александра склонность к лени, напечатаны в «Русском Архиве» за 1866 г., стр. 9. Значительно исползованы «Мемуары князя Чарторыйского», перевод которых с французского издания в 1912 г.

Мечта Александра уединиться где-нибудь на Рейне высказана им в цитированном уже письме Кочубею (Корф, «Восшествие на престол императора Николая Павловича», стр. 3—6).

Ряд выражений, например, при характеристике Муравьева, одного из воспитателей Александра, во фразе о недостаточном знании русского языка показывает, что Ключевский пользовался также книгой Пыпина «Общественное движение при Александре I», II, 1871.

ЛЕКЦИЯ ХС

Фактический материал для лекции о первой половине царствования Александра I в значительной мере заимствован из цитированного уже шеститомного труда Богдановича: манифест 12 марта 1801 г. (т. I, стр. 45—46), восстановление жалованных грамот (т. I, стр. 50—51), желание перестроить «безобразное адание государственной администрации» (т. I, стр. 90), ответ на письмо княгини Голицыной (т. I, стр. 49, см. также «Русский Архив» за 1877, ч. I, стр. 146 и «Русскую Старину» за 1870 г. т. I, стр. 44), разрешение всем сословиям приобретать земли (т. I, стр. 98), манифест 8 сентября 1802 г. об учреждении министерств (т. I, стр. 70), образование негласного комитета и протоколы его заседаний по записи графа Строганова (т. I, стр. 72 и примечания стр. 46—91), отказ в просьбе о награде населенными землями (т. I, стр. 97), освобождение остзейских крестьян (т. I, стр. 99—102) и т. д. Другим источником, откуда Ключевский почерпнул материал для своей лекции, была цитированная выше книга Пыпина «Общественное движение при Александре I».

Биография Сперанского составлена по капитальному двухтомному труду Корфа «Жизнь графа Сперанского» П. 1861.

ЛЕКЦИЯ ХСИ

План государственного переустройства, составленный Сперанским, Ключевский знал только по отрывкам, напечатанным Н. Тургеневым в книге «La Russie et les Russes», так как этот план издавался полностью несколько раз уже после того, как более или менее установился курс лекций Ключевского. Лучшее издание: М. М. Сперанский, «План государственного преобразования графа Сперанского», М. 1905. Оценка плана, данная Ключевским, очень близка к оценке Пыпина, имевшего в руках также только выписки Тургенева (Пыпин, стр. 189). Записка Карамзина напечатана в «Русском Архиве» за 1870 г. Подробное ее изложение с критическим анализом у Пыпина, стр. 237—282.

Учреждение Государственного совета, преобразование министерств, план реформы Сената в подробностях изложены как у Богдановича в III томе его труда, так и в работе Корфа о графе Сперанском.

Законы о придворных чинах и об экзаменах чиновников более подробно изложены у Богдановича, т. III, стр. 17—21.

Цифры государственных доходов и расходов приведены Ключевским, по видимому, по статье Н. В. Путьяты «Обзорение жизни и царствования императора Александра I», напечатанной в сборнике «Деятельный век», т. I, стр. 447—448, но у Ключевского эти цифры отнесены к 1811 г., тогда как Путьята их приводит под 1810 г. У Корфа государственный бюджет на 1812 г. (т. I, стр. 213—216) по своим цифрам очень далек от того, что дает Ключевский. Финансовые меры, предложенные Сперанским, изложены в статье Путьяты.

ЛЕКЦИЯ ХСП

О патриотическом воодушевлении в русском обществе после наполеоновских войн говорит Пыпин, *op. cit.*, стр. 399, и Путьята, *op. cit.*, стр. 478.

Конституция Царства Польского — у Богдановича, т. V, стр. 115—118. Об освобождении крестьян остзейских губерний — у Богдановича, т. I, стр. 99—102.

Проекты освобождения крестьян: 1) мнение адмирала Мордвинова напечатано в «Чтениях» за 1859 г., кн. III, смесь, под заглавием «Одна из мер освобождения крестьян от зависимости и с оного возбуждения народной деятельности», начертанная в 1818 г.» 2) Записка Аракчеева, «Деятельный век», кн. 2, стр. 146, т. I, 1872 г., и у Энгельмана, *op. cit.*, стр. 230. 3) Записка Канкринна — «Русский Архив» за 1865 г., стр. 542—544. Сюда можно было бы присоединить записку графа Киселева, напечатанную в работе Заблоцкого-Десятовского «Граф

Н. Д. Киселев и его время», т. II, стр. 203—204. Записки Мордвинова, Аракчеева и Сперанского, а также возражения Ростопчина можно найти в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских» за 1860 г., II, стр. 203—207 и в своде Н. А. Милютина «Историческая записка о равных предположениях по предмету освобождения крестьян», напечатанном в сборнике «Деятельный век», т. II.

О цензурном уставе 1804 г. у Богдановича, т. V, стр. 192—195, и у В. С. Иконникова, «Русские университеты в связи с ходом общественного образования», «Вестник Европы» № 10 за 1876 г.

Записки Шишкова о цензуре напечатана в «Русском Архиве» за 1865 г., стр. 1097—1116.

Характерный для цензуры второй половины царствования Александра I случай запрещения такой благонамеренной книги, как «Беседа о бессмертии души при гробе младенца», рассказан в записках Шишкова, а документы по этому делу напечатаны в «Чтениях», 1861 г., т. I, стр. 201—202 и т. II, стр. 201—202.

Распоряжения по народному образованию: открытие университетов, Комитета народных училищ, устройство духовных училищ, а также подвиги Магницкого в Казани и Рунича в Петербурге можно найти у Богдановича, т. V, стр. 450—461 и т. VI, стр. 208—222. Об университетах см. также в цитированной выше статье Иконникова. О Магницком и Руниче самая обстоятельная статья принадлежит М. И. Сухомлинову, «Материалы по истории образования в России в царствование Александра I» в сборнике «Исследования и статьи», т. I, П. 1889. О пансионе Николая см. Записки Вигеля, т. I, стр. 91 и сл.

ЛЕКЦИЯ ХСII

Лекция о декабрьском восстании 1825 г. составлена по четырем книгам: 1) Богданович, «История царствования Александра I», т. VI, стр. 411—429 и сл., где имеются сведения об образовании тайных обществ и приводятся показания Кюхельбекера; 2) полуофициальное издание — Корф, «Восстание на престолу Николая I», изд. 3; 3) Пыпин, «Общественное движение при Александре I», где дается связь русских тайных обществ с заграничными; 4) И. Д. Якушкин, «Записки», напечатанные в «Русском Архиве» за 1870 г. и отдельно М. 1905; в некоторых частях изложение Ключевского близко придерживается этих записок. В связи с изданием новых материалов по истории декабризма и новой трактовкой старых концепция Ключевского уже потеряла свое значение. Полная библиография по декабристам составлена Н. М. Ченцовым, «Восстание декабристов Библиография», М. 1929.

О пропагандистской деятельности иезуитов Груббера, Николая и де Местри см. в исследовании М. Моршнина «Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени», П. 1867, ч. I, стр. 366 и сл., ч. II, стр. 108 и сл.

Воспоминания герцога Евгения Виртембергского, на которые ссылаются Ключевский, напечатаны в журнале «Литературная библиотека» за 1867 г., ноябрь, кн. 2-я.

ЛЕКЦИЯ ХСIV

По истории царствования Николая I напечатано множество отдельных документов, анекдотов и заметок, а сводных работ можно указать только четыре: 1) Н. Устрялов, «Историческое обозрение царствования императора Николая Павловича», П. 1847; эта работа, напечатанная при жизни Николая, конечно, не обещает дать беспристрастной научной оценки царствования; 2) Paul Lacroix, «Histoire de la vie et du règne de Nicolas I», — работа, исполненная на средства, предоставленные Александром II; 3) Н. Шильдер, «Николай I», два тома, работа не оконченная за смертью автора и не имеющая больших научных достоинств; 4) М. Полиевктюв, «Николай I», работа, предназначенная для Биографического словаря, издававшегося Русским историческим обществом. Первыми двумя работами Ключевский не воспользовался вследствие их полуофициального прои-

хождения, две последние работы вышли уже после составления курса. Возможно только, что из книги Лакруа Ключевский использовал сведения о записках судебных дел. Отдельные факты, приводимые Ключевским, взяты, вероятно, из мелких публикаций, определить которые затруднительно.

Относительно устройства государственных крестьян Ключевский использовал материал, который заключается в двухтомном труде А. П. Заблоцкого-Десятовского «Граф П. Д. Киселев и его время», П. 1882. В этой работе имеется также много сведений вообще по вопросу о крепостных крестьянах, так как Киселев был неизменным участником всех секретных комитетов времени Николая I о крестьянах. Другим источником этой части лекции, которая трактуется о крепостных крестьянах, могла послужить статья Милютина «Историческая записка», цитированная выше. Материалы по комитету 1826 г. напечатаны в «Сборнике Русского исторического общества», тт. LX XIV и XV. Возражения Константина Павловича можно найти в упомянутой статье Н. Милютина. Некоторые добавления могли быть сделаны по книге Энгельмана «История крепостного права в России».

ЕКАТЕРИНА II

Предпринимая составление биографии Екатерины II, Ключевский почти не расширил круга материалов, которыми пользовался при составлении лекций, касающихся времени Екатерины, но внимательно пересмотрел те источники, которыми пользовался раньше, и сделал из них множество выписок, сохранившихся до нашего времени. Так как в своей статье Ключевский почти не касается молодости Екатерины, то ее записки использованы мало. Главным материалом для биографии послужил XXIII том «Сборника Русского исторического общества», включающий в себе переписку Екатерины с Гриммом (список деяний Екатерины, составленный Безбородко — стр. 216; отказ бюстов Екатерины по модели Александра Македонского — стр. 70; увлечение Бюффоном — стр. 175 и пр.). Затем более широко использована «История России» Соловьева, откуда взяты выписки о взгляде Екатерины на высокое происхождение своей власти, переписка с Бяльке, переписка с Вольтером и пр. Имеются ссылки на записки Болотова, на статьи Наказа.

Из источников, использование которых для лекции не заметно, надо назвать следующие: 1) Похвальное слово Карамзина, подробно изложенное в труде М. П. Погодина «Н. М. Карамзин», М. 1866, т. I, стр. 326—337. 2) «Дневник Храповицкого», П. 1874, стр. 300 и др. 3) Переписка с доктором Циммерманом, выдержки из которой приведены в предисловии к XIII тому «Сборника Русского исторического общества», стр. XXI. 4) Статья Я. К. Грота «Филологические заметки Екатерины II» в «Русском Архиве» за 1877 г., стр. 425—442. 5) Донесения английского посла Манартнея, напечатанные в «Сборнике Русского исторического общества», т. XII, частью использованные и Соловьевым.

Статья о Екатерине II была напечатана в «Русской Мысли» № 11 за 1896 г.

ВОСПОМИНАНИЕ О Н. И. НОВИКОВЕ И ЕГО ВРЕМЕНИ

Основной материал для статьи о Новикове мог быть заимствован из книги М. Н. Лонгинова «Новиков и московские мартисты», М. 1867, в которой в примечаниях на стр. 4—5 дана подробная библиография до года издания книги. Меньше использована книга А. Незеленова «Николай Иванович Новиков, издатель журналов», П. 1875. Кроме того, самим Ключевским дана сноска на Иоанна Массона, «Познание самого себя», перевод с немецкого И. Т. М., 1788. Записки Лопухина, на которые ссылается Ключевский, напечатаны в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских» за 1860 г., кн. II и III. Случай обучения чухонскому языку вместо французского — см. «Семена Порошина записки», II, 18¼,

стр. 256. Выписки из записок Болотова и об оплате литературной работы Фонвизина книгами взяты у Соловьева (т. V, стр. 867; т. VI, стр. 268).

Воспоминания о Новикове читаны с сокращениями в заседании Общества любителей российской словесности 13 ноября 1894 г., напечатаны в «Русской Мысли», за 1895 г.

И. Н. БОЛТИН

Помимо сочинений самого Болтина («Примечания на историю древний и нынешних России Леклерка», два тома, 1788, и «Критические примечания на историю Щербатова», два тома, П. 1793—1794) Ключевский мог использовать исследование И. Н. Сухомлинова «Болтин», помещенное в «Истории Российской академии», вып. 5, П. 1880.

Антидот напечатан в сборнике «Осьмнадцатый век», вып. IV, стр. 225 и сл. Выражения Новикова, приводимые Ключевским, о напоенных сенским воздухом и о молодых кошунах могли быть взяты из книги А. Незеленова «Н. И. Новиков, издатель журналов», стр. 199. О скорби Карамзина на развалинах Москвы см. М. Погодин, «Н. М. Карамзин», II, стр. 107.

Новейшая статья о Болтине составлена проф. Иконниковым и помещена в Библиографическом словаре.

Статья о Болтине напечатана была в «Русской Мысли» № 11, за 1892 г.

НЕДОРОСЛЬ ФОНВИЗИНА

Статья о «Недоросле» построена на тех указах о дворянской службе, которые были использованы Ключевским при разработке соответствующих частей курса русской истории.

Выдержка из письма Екатерины Гримму взята из XXIII тома «Сборника Русского исторического общества», стр. 265.

Статья была напечатана в журнале «Искусство и наука» за 1896 г.

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН И ЕГО ПРЕДКИ

Статья была прочитана с сокращениями в заседании Общества любителей российской словесности 1 февраля 1887 г. в связи с 50-й годовщиной смерти Пушкина; напечатана в «Русской Мысли» № 2, за 1887 г.

УКАЗАТЕЛИ

1. ИМЕНА ЛИЧНЫЕ

- Аббасиды*, династия араб. халифов — I, 121
- Авадум*, протопоп — III, 325, 329, 331, 336, 357, 358; IV, 5
- Август*, имп. римский — II, 131, 132, 353; III, 144
- Август II*, кор. польский — IV, 52, 53, 55, 56, 58, 60, 162, 315
- Август III*, кор. польский — V, 30
- Авраамий*, архим. ростовский — I, 305, 318
- Авраамий Палицын*, келарь Троицкого монас. — III, 17, 24, 59, 60, 63, 68, 73, 93, 388
- Авриль*, мемуар, автор записок о Москвитии — I, 317
- Адам Бременский*, писатель — I, 170
- Адашев, Алексей Федор.*, окольный — II, 175, 184, 193, 203, 400, 416; III, 139
- Адриан*, патриарх — IV, 41
- Акиндин*, архимандрит — I, 71
- Акиншин*, прибыльщик — IV, 137
- Аксаков, Серге. Тим.*, русский писатель XIX в. — V, 318, 390
- Александр I*, имп. — II, 308; V, 189, 192, 214, 219, 224, 229, 240, 247, 249, 255—267, 269, 272—277, 284, 285, 287, 288, 293—295, 297, 298, 304, 310, 312, 317, 321, 322, 324, 325, 329—332, 335, 336., 338, 340, 356, 360, 386, 526, 529
- Александр II*, имп. — III, 3; V, 214, 220, 327
- Александр Казимирович*, вел. кн. литовский — II, 123, 124; III, 100
- Александр Македонский* — V, 182, 372, 373
- Александр Михайлович*, кн. тверской — II, 19
- Александр Ошеснев*, основатель Ошесневского монастыря — II, 266
- Александр Ярославич Невский*, вел. кн. — I, 349; II, 5, 13, 15, 21, 44, 51, 93; IV, 7
- Алексеевы*, вотчинники — II, 322
- Алексей*, митропол. московский — II, 168, 191
- Алексей Алексеевич*, царевич, сын Алексея Михайловича — III, 300, 355
- Алексей Михайлович*, царь — I, 14; II, 294; III, 76, 86—88, 129—131, 133, 134, 140, 141, 163—166, 226, 233, 236, 241, 253, 256—258, 261, 267, 268, 270, 274, 284, 290, 292, 294, 299—301, 306, 320, 330, 335, 344—357, 361—363, 367, 371, 373, 376, 379, 392; IV, 3—6, 8, 11, 12, 28, 44, 45, 51, 76, 125, 140, 222, 243, 244, 248, 351; V, 55, 73, 168, 173, 180, 278, 362, 394
- Алексей Петрович*, царевич, сын Петра I — IV, 222, 271, 274, 384
- Аль-Бекри*, араб. писатель — I, 135
- Альберт*, магистр Тевтонского ордена — III, 106
- Алябов, Степан*, ученик школы Ртищевой — III, 303, 304
- Амарта*, см. Георгий Амартол
- Анастасия Романовна*, парича, первая жена Ивана IV — II, 184, 211; III, 20, 67, 144
- Анаэ-Шатли*, мордовское божество — I, 316
- Анжильберт*, франц. средневековый писатель — V, 182
- Андрей*, апостол — I, 73
- Андрей Александрович*, кн. городецкий — II, 12, 21
- Андрей Васильевич*, кн. углицкий — II, 136

- Андрей Иванов*, посадский человек — IV, 243
- Андрей Юрьевич Боголюбский* — вел. кн. владимирский — I, 279, 286, 291, 296, 297, 327—338, 340, 342, 345, 346, 362, 382; II, 4, 7, 55
- Андрей Ярославич*, вел. кн. владимирский — I, 349
- Андрьян Захарьинич*, посадник новгор. — II, 94
- Анна Ивановна*, имп. — IV, 59, 126, 271, 273, 277, 279, 281, 292—294, 297, 299, 303, 304, 308, 309, 311—314, 317, 320, 321, 328, 331—333, 335, 352, 353, 358, 360; V, 24, 74, 89, 90, 106, 107, 181, 396, 510
- Анна Леопольдовна*, герцогиня брауншвейгская — IV, 267, 271, 279, 280, 378; V, 90
- Анна Петровна*, герцогиня голштинская — IV, 271, 273, 291
- Антон-Ульрих*, герцог брауншвейгский — IV, 279, 280
- Антоний*, отшельник XVI в. — II, 281, 282
- Антоний*, инок, см. Орлин-Нащокин
- Антоний Посевин*, иезуит — III, 17
- Антоний Римлянин*, новгородский церк. дьятель XII в. — III, 315
- Антоний Сийский*, основатель Сийского монастыря — II, 267, 270, 279
- Апраксин, Петр Матвеевич*, казанский губернатор — IV, 169
- Апраксин, Федор Матв.*, адм. — IV, 18, 38, 82, 83, 122, 130, 164, 173, 228, 267, 287; V, 524
- Апраксиньы*, графы — IV, 285
- Апуэтин*, ген.-квартирмейстер — IV, 173, 207
- Арина*, см. Ирина
- Аракчев, Александр Андреевич*, граф — V, 301—303, 310, 311, 533
- Архадий*, еп. новгородский — II, 63
- Арсений Мацевич*, еп. — V, 423
- Арсений Сатановский*, ученый монах XVII в. — III, 296—298
- Арсений Сузанов*, ученый грек XVII в. — III, 298, 304, 333
- Арсеньев*, ученый статистик начала XIX в. — V, 310
- Аскольд*, кн. — I, 73, 74, 84, 87, 122, 126—131, 135, 137, 138, 140—142, 144, 149, 150, 153
- Асбург* — V, 18
- Астон*, англич., начальник моск. наемного отряда — III, 283
- Ахмат*, хан — II, 144
- Баженов*, архит. — V, 376
- Баженины*, промышленники — IV, 119, 383
- Балдуин*, кор. иерусалимский — I, 206
- Бальи*, астроном — V, 376
- Баранович*, см. Лазарь Баранович
- Барман*, придворный кухмистер — V, 373
- Барятинские*, князья — IV, 306
- Барятинский*, кн., ученик школы Глюка — IV, 260
- Басенок, Федор*, боярин — II, 234
- Басманов, Алексей*, опричник — II, 197
- Басманов, Петр Федор.*, боярин — III, 35
- Басманов, Фед. Алекс.*, опричник — II, 197
- Бассевич*, голштинский министр, посетил Россию при Петре I — IV, 278
- Баташовы*, кузнецы — IV, 126
- Батый*, хан Зол. Орды — II, 5, 226; IV, 102; V, 303
- Безбородко*, канцлер — V, 237, 306, 364, 392
- Безобразов, Иван*, посол Лжедмитрия в Польшу — III, 35
- Бейль*, французский писатель XVIII века — V, 200, 463, 467
- Беккария*, знамен. итал. публицист XVIII в. — V, 60, 61, 63, 80, 377
- Беклемишев-Берсень, Иван Никитич*, боярин Василия III — II, 170, 174, 176, 177, 372
- Беклемишев, Никита* — III, 219
- Белевские*, князья — I, 355; II, 118, 150
- Бельские*, князья — II, 150, 174, 200
- Белле, И. Д.*, русский историк XIX в. — I, 97; II, 318, 332, 333
- Бенкендорфы*, графы — V, 314
- Бернет*, англ. еп. — IV, 25, 47
- Берсень-Беклемишев*, см. Беклемишин
- Берггольц*, голштинский камер-юнкер, автор записок о России при Петре I — IV, 382
- Бестужев-Рюмин*, Алексей Петрович, канцлер при имп. Елизавете Петровне — IV, 318, 360, 361; V, 7, 25, 36, 51, 384, 400, 417
- Бестужев-Рюмин*, декабрист — V, 327
- Бестужевы*, дворян. род — IV, 248
- Бецкий, Ив. Ив.*, приближенный Екатерины II — IV, 118, 383; V, 52, 53, 358, 370, 372, 400, 437, 440, 495, 513

- Бибиков, Александр Ильич*, политический деятель при Екатерине II — V, 407
- Бидлоо*, д-р — IV, 261
- Бидлоо*, проф. — IV, 249
- Бирон*, временщик при Анне Ивановне — IV, 279—282, 312—315, 317, 318, 320, 331, 360, 369; V, 469, 524
- Битоба*, поэт — V, 451
- Блекстон*, законовед, автор свода феодального права Англии — V, 376, 378
- Блюдов, Дм. Ник.*, граф — V, 342
- Боборыкины*, двор. род — III, 76
- Богословский, М. М.*, русский историк, ученик В. О. Ключевского — IV, 160, 194
- Боден*, французский писатель публицист и социолог XVI в. — V, 463
- Бодри*, он же Марат, учитель в доме Салтыкова — V, 189
- Боккалин*, итальянский сатирик XVI в. — IV, 284
- Болеслав*, кор. польский — I, 129
- Голотников, Иван*, вождь крестьянской войны начала XVII в. — III, 49, 50
- Болотов, А. Г.*, автор записок о России XVIII в. — IV, 343, 366, 368, 370; V, 49, 182, 185, 388, 445, 418, 423, 427
- Болтин, И. П.*, русский историк XVIII в. — V, 456—488
- Бомануар*, франц. писатель, по феодальн. праву — V, 463
- Бомарше*, франц. писатель XVIII в. — V, 191
- Бонапарте*, см. Наполеон
- Боняк*, половецкий хан — I, 287
- Боргедорф*, писатель — V, 426
- Борецкая, Марфа*, новгор. посадница — II, 109
- Борис Александрович*, вел. кн. тверской — II, 43
- Борис Владимирович*, кн. ростовский — I, 71, 85, 168, 171, 273, 295
- Борис Федорович Годунов*, царь — II, 328, 331, 345, 348, 403, 408, 420, 421; III, 19—27, 29—35, 40, 47, 51, 55, 56, 60—62, 68, 69, 73, 80, 83, 86, 90, 93, 171, 181; IV, 73, 310
- Бохтюжские*, князья — II, 17
- Болзгау*, доктор анатом. в Лейдене — IV, 24
- Браалин*, кн. — I, 128
- Бредихин*, преображенец — IV, 371
- Грейтель*, франц. посол — V, 41, 29, 30, 383, 398
- Брикнер, А.*, русский историк XIX в. — IV, 381, 385
- Брикнер*, учитель в доме Куракиных — V, 188
- Бровцын*, капитан — IV, 318
- Бруно*, миссионер X—XI вв. — I, 159
- Брюммер*, обергофмаршал Петра III. I — V, 7
- Брюс, Яков*, генерал — IV, 61, 181, 248
- Буало*, франц. писатель XVII в. — V, 327
- Будлинский*, ткач — V, 114
- Буженинов*, сержант — IV, 19
- Булмерр*, англ. инженер — III, 285
- Буссов*, немец, автор записок о «смутном времени» — II, 421
- Бутурлин*, князь-папа — IV, 42, 260
- Бутурлин*, граф — V, 190
- Бутурлин, Ив. Ив.* — IV, 11, 18, 275, 281
- Бутурлины*, дворян. род — II, 148, 150, 155, 159, 161; IV, 248, 306
- Бухнер*, писатель XVII в. — V, 426
- Буше*, франц. писатель — V, 463
- Бэр*, русский акад. XVIII в. — I, 51
- Бьелке*, корр. Екатерины II — V, 374, 382
- Бюффон*, известный натуралист XVIII в. — V, 376
- Вагнер*, лютеранский пастор — V, 9
- Вадим*, герой древней новгор. легенды — I, 137
- Вараксин*, прибыльщик — IV, 137
- Варвара*, кор. польская — III, 106
- Варлаам Вазжский* — II, 59, 274
- Василий*, автор повести об ослеплении кн. Василья — I, 85
- Василий Великий* — IV, 316
- Василий II Васильевич Темный*, вел. кн. — II, 16—18, 28, 37, 38, 41, 43, 45—47, 49—51, 72, 79, 107, 118, 120, 133, 141, 218, 294; III, 314
- Василий Всеволодович*, кн. ярославский — I, 351
- Василий I Дмитриевич*, вел. кн. московский — II, 16, 26, 41, 43, 46, 51, 53
- Василий III Иванович*, вел. кн. московский — II, 41, 115, 118, 120, 125, 133, 137, 138, 141, 145, 152, 162, 169, 170, 173, 174, 217, 222, 258, 284, 292, 367, 372; III, 236, 317

- Василий Иванович Шуйский*, царь — III, 22, 30, 35—47, 49, 56, 60, 62, 66, 68, 73, 74, 80, 83, 85, 90, 181, 259; IV, 73
- Василий Македонянин*, имп. византийский — I, 212
- Василий Новый* — I, 78
- Василий Юрьевич Косой*, кн. звенигородский — II, 38
- Василий Ярославич*, кн. костромской — I, 349
- Васильевский*, русский академик-виантролог — I, 128, 143
- Василько Ростиславич*, кн. теребовльский — I, 85, 185, 202, 285
- Вассиан*, архиеп. ростовский — II, 145
- Вассиан Косой*, инок, деятель XVI в. — II, 170, 293, 304, 339
- Васька*, кабальный человек, он же поп Василий — III, 203
- Вебер*, брауншвейгский резидент при Петре I — IV, 67, 69, 148, 151, 152, 261, 382, 383
- Вейде Адам*, генерал — IV, 181
- Велес (Волос)*, славян. божество — I, 113, 114, 223, 305
- Вельяминовы*, дворян. род — II, 148, 150
- Венюков*, дворянин — II, 252
- Вернер Паус*, ректор школы Глюна — IV, 259
- Вигель*, автор записок начала XIX в. — V, 420
- Вильгельм III*, кор. англ. — IV, 23, 29
- Вильнев*, франц. посол в Турции — IV, 317
- Вильямс*, англ. посол при Елизавете II. — V, 11
- Виниус Андрей*, голл. купец — III, 285, 286
- Винклер*, нем. пастор — III, 106
- Винский*, автор записок времени Екатерины II — V, 191, 192, 395, 409, 412
- Виньола*, итальянский архитектор XVI в. — V, 426
- Витэен (Вицэн)*, амстердамский бургомистр — IV, 23
- Витовт*, вел. кн. литовский — II, 26, 43; III, 102
- Вишневецкие*, кн.-магнаты на Украине — I, 294; III, 106, 111, 120
- Владимир Андреевич*, кн. серпуховской — II, 35, 42, 233
- Владимир Андреевич*, кн. старицкий — II, 170, 196, 308
- Владимир Васильевич*, кн. волынский — I, 353, 354, 358
- Владимир Всеволодович Мономах*, кн. киевский — I, 71, 72, 77, 80, 110, 160, 173, 180, 183, 184, 188, 193, 202, 209, 219, 221, 234, 239, 253, 264, 266, 272, 280, 286, 288—290, 296, 329, 347, 348, 381; II, 61, 132, 133, 144, 207; V, 308
- Владимир Всеволодович*, кн. — II, 5
- Владимир Святославич (Святой)*, кн. киевский — I, 75, 76, 79, 85—87, 105, 114, 130, 134, 141, 149, 153, 158—163, 165, 168, 170, 174, 176, 186, 201, 204, 212, 220, 223, 226, 246, 255—257, 259, 260, 267, 270, 271, 274—276, 284, 295, 299, 347, 348, 383; II, 52, 62, 63, 73, 76, 179, 180, 261; III, 314; IV, 7; V, 482
- Владимир Юрьевич*, кн. московский — II, 5
- Владимир Ярославич*, сын кн. Ярослава Владимировича, кн. киевского — I, 153, 169
- Владимир Ярославич*, кн. галицкий — I, 343
- Владимирко (Владимир) Володаревич*, кн. галицкий — I, 91, 280
- Владислав*, кор. венг. — II, 124
- Владислав*, королевич польский — III, 35, 42, 43, 45, 47, 50, 56, 64, 82, 216
- Воейковы*, дворян. род — IV, 248
- Возницын, Прокофий Богд.*, думный дьяк — IV, 21, 53
- Волков*, обер-офицер — IV, 209
- Волконские*, князья — V, 314
- Волконский*, кн. Григорий — III, 75, 76, 173
- Волконский*, кн. Григорий Ив. — IV, 207
- Волконский*, кн. — II, 164
- Волконский*, кн. Федор Федор. окольный — III, 144
- Володарь Ростиславич*, кн. перемышльский — I, 185, 202
- Волос*, см. Велес
- Волыньские*, дворян. род — IV, 248
- Волынский, Артемий Петр.*, политический деятель первой половины XVIII в. — IV, 268; V, 57
- Вольтер* — IV, 346; V, 9, 40, 187, 190—192, 200, 201, 203, 213, 370, 373, 377, 393, 394, 399, 431, 446, 463, 466, 481, 496, 527
- Вольф*, немецкий философ XVIII в. — IV, 299
- Вонифатьев, Стефан*, протопоп — III, 304, 324, 325

- Воронцова, Анна Карловна*, урожд. Скавронская, граф. — IV, 361; V, 396
- Воронцова, Елизавета Романовна*, граф. — IV, 370, 372, 375
- Воронцов, Михаил Иларионович*, граф канцлер — IV, 370, 374; V, 397
- Воронцов, Роман Иларионович*, граф — IV, 342
- Воронцовы*, дворян. род — II, 148; IV, 367, 384
- Воротынские*, князья — I, 355; II, 118, 119, 150, 196; III, 67, 76
- Воротынский, Ив. Мих.*, кн. — III, 65, 75, 82
- Воротынский, Мих. Ив.*, кн., боярин — II, 227
- Всеслав Мстиславич*, кн. новгородский — I, 266, 267, 270, 274; II, 82, 84
- Всеслав Ольгович*, кн. черниговский — I, 183, 184, 192
- Всеслав Святославич*, кн. трубчевский — I, 93
- Всеслав III Юрьевич* Большое Гнездо, вел. кн. владимирский — I, 173, 176, 201, 336—338, 342—346, 348—352, 356, 358, 362, 364, 368; II, 3, 5, 13, 22, 45, 51, 64, 114, 118; V, 473
- Всеслав Ярославич*, кн. переяславский — I, 169—173, 177, 182, 183, 188, 206, 210, 280, 288
- Всеславский*, боярин — II, 45
- Всеславовичи*, князья — I, 348—350, 358, 359, 361, 365, 368, 369; II, 21, 44
- Всеслав Брячиславич*, кн. полоцкий — I, 76, 187, 199
- Вьвовский*, украинский гетман — III, 128, 130
- Вышата*, киевский боярин — I, 78
- Вяземская*, кн., перешедшая в католичество — V, 314
- Вяземские*, князья — II, 119
- Вяземский, Александр Алексеевич*, кн. — IV, 257; V, 90, 372
- Вяземский, Афанасий*, кн., опричник — II, 188, 197
- Вятко*, легендарный родоначальник вятчей — I, 105
- Вячеслав Владимирович*, кн. смоленский — I, 180, 184, 187
- Вячеслав Ярославич*, кн. смоленский — I, 169, 171
- Гагарин, Мате. Петр.*, кн., сибирский губерн. — IV, 174, 191
- Гагарины*, князья — IV, 83; V, 314
- Галч, А. И.*, проф. философии Петерб. ун-та в начале XIX в. — V, 310
- Гамалея, Сем. Ив.*, масон, правитель канцелярии Моск. главнокоманд. — V, 444, 448
- Гварензи*, известный архитектор XVIII в. — V, 376
- Гедимин*, вел. кн. литовский — I, 298; II, 162
- Гедиминовичи*, князья — II, 149; III, 102, 107, 109
- Гейра Буриславна*, кн. в Померании — I, 130
- Гельвеций*, франц. писатель-материалист XVIII в. — V, 409
- Гендриковы* — IV, 248
- Гензерих (Зинтирих)*, король вандалов — II, 208
- Геминг*, генерал, управл. горными заводами при Петре I — IV, 126, 248
- Генрих II*, император — I, 159
- Георг III*, кор. англ. — V, 382
- Георгий*, митропол. — I, 239
- Георгий Амартол*, греч. писатель X в. автор известной Хроники — I, 73, 78, 79, 85
- Георгий Амастридский*, епископ Амастриды, небольшого города ок. Синопа, умер в начале IX в. — I, 128, 143
- Георгий Конисский*, епископ, руководитель партии православных в Польше — V, 31, 43
- Герасим Болдинский* — II, 339
- Герберштейн*, бар., автор записки о Московии нач. XVI в. — II, 73, 77, 102, 128, 146, 222, 240, 241, 339
- Герман, М. И.*, рус. статистик нач. XIX в. — V, 310
- Германарих*, предводитель готов. — I, 101, 102, 303
- Гермоген*, патр. — III, 66
- Геродот*, греческий историк — I, 47, 97, 98, 119
- Герц*, голштинский министр — IV, 59
- Гиббон*, английский историк XVIII в. — V, 256, 376
- Гикс*, содержатель пансиона в Париже — V, 318
- Глеб Владимирович*, кн. муромский — I, 71, 85, 171, 273, 295
- Глеб Юрьевич*, кн. переяславский — I, 330
- Глинский, Мих. Льв.*, кн. — II, 217

- Глюк*, пастор — IV, 257—261
- Гоббс*, английский политич. писатель XVII в. — IV, 284; 289
- Годунов*, см. Борис
- Годуновы*, боярский род — III, 22, 32, 76
- Голенина*, княг., II, 286, 287, 292
- Голоков*, издатель «Деяний Петра Великого» — IV, 211, 381, 384
- Голицына*, княг., перешедшая в католичество — V, 314
- Голицын*, кн., декабрист — V, 318
- Голицын*, Александр Никол., князь министр при Александре I — V, 304, 324
- Голицын*, Борис Алексеевич, кн. — IV, 16, 156
- Голицын*, Вас. Вас., кн. деятель конца XVI и начала XVII в. — III, 43, 67, 90
- Голицын*, Вас. Вас., князь, фаворит царевны Софьи — III, 225, 274, 381—386, 393; IV, 66, 142, 346
- Голицын*, Дмитрий Алексеевич, кн. — IV, 346, 347; V, 164
- Голицын*, Дм. Мих., князь, глава «верховников» — IV, 181, 186, 207, 287—292, 297, 298, 301, 307—310, 342
- Голицын*, Мих. Мих., кн., фельдмаршал — IV, 11, 291
- Голицыны*, князья — II, 150, 162; III, 35, 76, 82; IV, 79, 83, 248, 274, 285, 306, 313, 321; V, 87, 88, 232, 265, 314, 384
- Головина*, в замужестве кн. Трубецкая — IV, 37
- Головин*, боярин — II, 164
- Головин*, Астамон Мих., генерал — IV, 12
- Головин*, В. автор записок — IV, 79
- Головин*, Федор Алексеевич — IV, 21, 74, 248
- Головины*, дворян. род — II, 148
- Головкин*, Гавриил Иванович, канцлер при Петре I — IV, 173, 207, 216, 287, 292, 312; V, 390
- Голосов*, Лукьян Тим. — III, 303, 304
- Гольбах*, франц. писатель-материалист XVIII в. — V, 442, 446
- Гольберге*, писатель-баснописец — V, 428
- Гольц*, прусский посол — V, 386
- Гордон*, Патрик, генерал, шотландец, был на русской службе с 1661 г., оставил записки — IV, 17, 19, 20, 382
- Горсей*, англичанин, оставил записки о Московии при Федоре Ивановиче — II, 420; III, 68
- Градоский*, А. Л., историк-юрист XIX в. — II, 231; IV, 384
- Гриммон*, учитель в доме Долгоруковых — V, 188
- Грегори*, Иоганн Готфрид, магистр — III, 292, 293
- Греугар*, аббат — V, 308
- Грибоедов*, Федор, дьяк — III, 144
- Григорий*, инок Печерского мон. — I, 242
- Гримм*, Мельзиор, барон, корреспондент Екатерины II — V, 16, 45, 46, 56, 92, 370, 372, 374, 393, 513
- Грот*, Я. К., академик, историк русской литературы и языка — I, 310
- Гроций*, см. Гуго Гроций
- Грубер*, иезуит — V, 314
- Грязной*, Василий, опричник — II, 194
- Гуго Гроций*, голландский юрист XVII в. — IV, 284, 289
- Гудович*, Андрей, гр., ген.-адъютант — IV, 371
- Гуня*, атаман украинского казачества — III, 123
- Гурьевы*, братья, офицеры — V, 50
- Густав-Адольф*, кор. шведский — II, 134; IV, 236
- Гюйгенс*, известный математик, астроном и физик XVII в. — V, 426
- Гюйссен*, Генрих, деятель при Петре Великом — IV, 382, 383
- Давид Игоревич*, кн. волынский — I, 202
- Давид Ростиславич*, кн. смоленский — I, 207, 330, 331
- Давид Святославич*, кн. черниговский — I, 202, 272
- Давидовичи*, черниговские князья — I, 191
- Давыдов*, декабрист — V, 318
- Давыдовы*, дворян. род — II, 150
- Дажбог*, славян. божество — I, 113, 114
- Д'Аламбер*, франц. писатель, представитель просветительной философии XVIII в. — V, 60, 187, 189
- Даль*, В. И., известный русский дилектолог — I, 308, 309
- Дамаскин Птицкий*, монах — III, 296
- Даниил*, паломник — I, 206
- Даниил*, пророк — III, 325
- Даниил Александрович*, кн. московский — I, 351; II, 5, 12—14, 58

- Даниил Романович*, кн. галицкий — I, 292
- Данилов*, майор, автор записок времени Екатерины II — V, 184
- Даниловичи*, кн. — II, 29, 54, 138, 143
- Дарваз*, казак — V, 114
- Дашкова Екат. Роман.*, княгиня, приближенная Екатерины II, — IV, 118, 213, 366, 371, 374, 383, 384; V, 18, 51, 52, 190, 200, 370, 397
- Девиер*, Антон Мануил, петерб. полицмейстер — IV, 248, 264
- Дезюльер*, франц. писательница — V, 429
- Делагарди*, Яков, шведский генерал, организатор шведской интервенции — III, 42
- Делагарди*, Магнус, шведский канцлер — III, 262
- Де-Лириа*, испан. посол — IV, 295
- Дельден*, фон, переводчик — III, 297
- Демидов*, основатель училища высших наук — V, 306
- Демидов*, Акинфий, заводчик — IV, 383
- Демидов*, Никита, заводчик — IV, 126
- Демидовы* — IV, 383
- Демьян Куденевич*, переяславец — I, 288
- Державин*, Гавриил Роман., известный поэт XVIII в. — IV, 83, 212; V, 371
- Дидро*, франц. писатель-материалист XVIII в. — V, 187, 191, 380, 422
- Димитрий Александрович*, кн. переяславский — II, 12, 21
- Димитрий Васильевич*, кн. заверский — I, 369
- Димитрий-Всеволод Юрьевич*, кн. — I, 297
- Димитрий Иванович Донской*, вел. кн. — I, 69, 356, 357; II, 15, 16, 22, 31, 33, 35, 37—43, 45, 51, 52, 116, 136, 140, 168, 265; IV, 7
- Димитрий Иванович*, князь, внук Ивана III, — II, 137, 169, 170
- Димитрий Иванович*, царевич, сын Грозного — II, 170
- Димитрий Иванович Углицкий*, царевич, — II, 143; III, 21, 22, 25—27, 29, 61
- Димитрий Константинович*, кн. суздальский — I, 69
- Димитрий Михайлович*, царевич — III, 256
- Димитрий Сеченов*, митроп. новгородский — IV, 367, 371; V, 400, 401, 407
- Димитрий Юрьевич Красный*, кн. — II, 38
- Димитрий Юрьевич Шемька*, кн. галицкий — II, 46, 47, 234
- Димитрий*, митроп. петербургский — V, 80
- Димитрий*, митроп. ростовский — IV, 243; V, 182
- Дионисий*, архим. Троицкого мон. — III, 63
- Дионисий*, преп. — II, 277
- Дир*, кн. — I, 73, 74, 84, 87, 126—131, 138, 140—142, 150
- Довгард*, франц. эмигрант — V, 314
- Долгорукая*, Екатерина Алексеевна, княжна, невеста Петра II — IV, 278, 291, 294
- Долгорукие*, князья — III, 76; IV, 248, 274, 285, 291, 296, 300, 306, 313, 320, 321
- Долгорукий*, Алексей Григорьевич, кн. — IV, 278, 291
- Долгорукий*, Василий Владимирович, кн. — IV, 278
- Долгорукий*, Василий Лукич, кн. — IV, 303, 304
- Долгорукий*, Иван Алексеевич, кн. — IV, 278
- Долгорукий*, Мих. Влад., кн. — IV, 173, 207
- Долгорукий*, Юрий Алексеевич, кн. — III, 262
- Долгорукий*, Яков Федор., кн. — IV, 13, 44, 45, 66, 174, 176, 201, 207
- Домициан*, имп. — I, 100
- Дорн*, австр. посол — III, 297
- Дорошенко*, украинский гетман — III, 130, 369
- Досифей*, ученик Иосифа Волоцкого — II, 301
- Дубянский*, протоиерей — IV, 359
- Дюкло*, франц. писатель — V, 495
- Евгений Виртембергский*, принц — V, 328
- Евдокия Лукьяновна Стрешнева*, царица, жена царя Михаила Федоровича — IV, 29
- Евдокия Федоровна Лопухина*, царица, жена Петра I — IV, 18, 241, 272, 291
- Евфимий*, архиеп. новгородский — II, 109
- Едигер-Симеон*, царь казанский — II, 189

- Екатерина I*, имп. — IV, 37, 38, 101, 127, 207, 236, 248, 258, 271, 273—278, 285, 286, 288, 291, 292, 328, 330, 333, 352, 356; V, 24, 74, 87—89, 396
- Екатерина II*, имп. — II, 251, 308; III, 7, 13; IV, 28, 118, 212, 271, 273, 281, 321, 338, 355, 362, 364, 365, 370—378, 380; V, 5—23, 25, 27—31, 33, 35—61, 64—70, 75, 81—86, 90—93, 96, 99, 102, 109—111, 114, 115, 122, 124—126, 128—130, 132—134, 136—140, 142—145, 147—151, 157—160, 162, 163, 166—173, 176, 181, 183—191, 195, 200, 201, 203—212, 215—222, 224, 225, 228, 232—234, 236—238, 240—243, 247, 255, 256, 258—260, 265—267, 269, 298, 305, 312, 313, 331, 357—422, 431, 435—437, 440, 463, 477, 513, 526, 535
- Елена Глинская*, вел. кн., мать Ивана IV — II, 125, 174, 218
- Елизавета Алексеевна*, имп., жена Александра I — V, 258
- Елизавета Ивановна*, приближенная имп. Елизаветы — IV, 361
- Елизавета Петровна*, имп. — IV, 29, 60, 236, 271, 273, 277, 279—281, 291, 318, 321, 324, 325, 328—330, 342, 351, 352, 355, 356, 359—365, 370, 371, 375; V, 6—8, 10—12, 14, 18, 24, 25, 50, 52, 54, 74, 75, 89, 113, 121, 130, 131, 160, 174, 175, 178, 179, 181, 182, 185, 186, 188, 190, 191, 396, 397, 402, 404, 405, 413, 427, 526
- Епифаний Славинецкий*, ученый монах, писатель XVII в. — III, 296—299, 339, 358
- Ершов, Василий*, вице-губерн. московский — IV, 136, 248
- Ефимовские* — IV, 248
- Ефрем Сириин* — III, 328
- Ефрем*, старец — II, 283
- Жакино*, содержатель пансиона — V, 318
- Желябужский, Ив. Афан.*, окольничий, автор записок о времени Петра I — IV, 16, 381
- Желябужский, Тимофей* — III, 219
- Жмайло*, атаман украинского казачества — III, 123
- Жолкевский*, польский гетман — III, 35, 45, 47
- Жоффрен*, м-м, имела известный литературный салон в XVIII в., корреспондент Екатерины II — V, 38, 59, 163, 368
- Забелин, И. Е.*, русский историк XIX в. — I, 97; II, 4; IV, 381
- Закревский*, портной — V, 114
- Замойские*, вотчинники — III, 111
- Заозерские*, князья — II, 17
- Заруцкий, Ив. Март.*, донской атаман — III, 48; IV, 88
- Засецкий, Иван*, деятель XVII в. — III, 303, 304
- Захарьин, Роман Юрьевич*, боярин — III, 67
- Захарьины*, боярский род — II, 150, 184
- Зборовский*, пан — III, 116
- Зеркальщиков*, ученик киевской акад. — III, 304
- Змеев, Венедикт Андр.* — III, 385
- Золотарев*, дворянин — IV, 80
- Зоммер*, иновемный мастер — IV, 12
- Зосима*, монах, основатель Соловецкого м-ря — II, 109, 267
- Зотов, Никита Моис.*, учитель Петра I, патриарх «всешутейшего собора» — IV, 5—7, 9, 15, 40, 42, 187, 248
- Зотов, Конон Никитич*, русский дипломат при Петре I — IV, 135
- Зубов, Платон Александр.*, кн. — V, 45, 264, 385
- Наков*, монах — I, 85, 171
- Ибн-Даста*, арабский географ X в., согласно новейшим исследованиям его имя читается Ибн-Рустэ или Ибн Ростэ — I, 66, 152, 161, 210, 221
- Ибн-Фадлан*, арабский географ X в. — I, 66, 114
- Ибн-Хордадбе*, арабский географ I, 66, 122, 128
- Ибрагим*, еврейский путешественник X в. — I, 135
- Ибрагим*, паша египетский — V, 250, 251
- Иван V Алексеевич*, царь — III, 88, 256; IV, 7, II, 15, 29, 222, 291, 292
- Иван Андреевич*, кн. можайский — II, 38, 118
- Иван VI Антонович*, имп. — IV, 271, 318, 320; V, 49, 50
- Иван III Васильевич*, вел. кн. — II, 30, 41, 51, 92, 105, 106, 108—112,

- 114—116, 118, 123—125, 127—132, 134—142, 144, 145, 148, 149, 162, 163, 169, 171—173, 195, 231, 303, 304, 371; III, 15, 96, 97; IV, 113, 222; V, 28
- Иван IV Васильевич** Грозный, царь — I, 119, 125, 130, 132—134, 142, 143, 146, 151, 152, 154, 170, 171, 175—191, 193—212, 217, 218, 226, 240, 245, 248, 258, 268, 296, 305, 353, 380, 381, 385, 393, 397—402, 415, 419—421, 424; III, 17, 18, 20, 21, 23—25, 29—31, 38, 40, 51, 58, 60, 61, 67—69, 76, 80, 97, 129, 132, 134, 139, 141, 159, 235, 256, 281, 289, 314, 347, 348, 353, 354; IV, 7, 158, 380; V, 28, 394, 484
- Иван Васильевич**, вел. кн. рязанский — I, 356
- Иван Владимирович**, кн. серпуховской — II, 238
- Иван Данилович Калита**, вел. кн. московский — I, 309; II, 13—16, 19—21, 24—26, 30, 32, 33, 37, 38, 40, 43, 45, 46, 51, 53, 162, 232, 403; III, 4, 22, 55, 67
- Иван Дмитриевич**, кн. переяславский — I, 351; II, 12
- Иван Иванович Красный**, вел. кн. московский, сын Калиты — I, 351, 357; II, 22, 51
- Иван Иванович**, сын Ивана III — II, 137
- Иван Иванович**, царевич, сын Ивана Грозного — II, 142, 187, 420
- Игорь**, кн. киевский — I, 75, 78—80, 84, 104, 110, 114, 129, 130, 145, 149, 150, 152—155, 163, 167, 221, 245
- Игорь Ольгович**, кн. киевский — I, 192, 280
- Игорь Святославич**, кн. северский — I, 93
- Игорь Ярославич**, кн. владимирово-волынский — I, 169, 172, 185
- Иеремия**, патр. царегр. — III, 315
- Ильяслава Владимирович**, сын Рогнеды, кн. полоцкий — I, 169, 193
- Ильяслава Давыдович**, кн. черниговский — I, 184, 290
- Ильяслава Мстиславич**, кн. киевский — I, 91, 187, 296, 328, 329
- Ильяслава Ярославич**, кн. киевский — I, 169, 172, 177, 182, 187, 199, 210, 225, 288
- Ильяславичи**, волыньские князья — I, 490
- Иларион**, еп. ростовский — I, 305
- Иларион**, митроп. — I, 161, 162; II, 261
- Илья-Иоанн**, архиеп. новгородский — I, 269, 307
- Илья Муромец**, богатырь — I, 295, 339
- Иннокентий**, архим. — V, 304
- Иоаким**, патр. — III, 390
- Иоанн**, архиеп. новгородский — I, 273, 275
- Иоанн II**, митроп. — I, 224, 261, 270, 271, 275
- Иоанн Златоуст** — II, 207; III, 331
- Иоасаф**, князь-инок завоерский — I, 369
- Иоасаф**, митроп. — II, 200
- Иов**, патр. — III, 22, 30, 315
- Иона**, архиеп. новгородский — II, 107
- Иона**, митроп. — II, 47, 48
- Иорнанд**, историк готов — I, 401, 402, 106, 111, 302, 304
- Иосиф**, монах — III, 298
- Иосиф Волоцкий** — II, 145, 286—289, 291, 292, 295, 299, 301—305, 338
- Иосиф**, патр. — III, 307, 324, 326
- Иосиф II**, имп. австрийский — V, 33, 40, 243, 247, 373, 376
- Ипсиланти**, Александр, грек, министр Александра I — V, 249
- Ираклий**, имп. визант. — I, 106
- Ираклий**, царь грузинский — V, 247
- Ирина (Александра) Федоровна Годунова**, царица — III, 22, 25
- Исидор**, митроп. — III, 314
- Казимир Великий**, кор. польский — III, 104
- Казимир Ягеллонович**, кор. польский и вел. кн. литовский — I, 357; II, 123; III, 101, 105
- Калонн**, франц. министр при Людовике XVI — V, 382
- Кальвин** — V, 9
- Камбасерес**, юрист, президент Конвента, впоследствии министр Наполеона I — V, 285
- Камерон**, архит. — V, 376
- Кампредон**, франц. посол. — IV, 286
- Канкрин**, министр финансов при Николае I — V, 302
- Каннабих**, гатчинский офицер — V, 239
- Каподистриа**, граф — V, 249
- Кара-Георгий**, кн. Сербии — V, 248
- Карамзин**, Н. М., русский историк — I, 96, 204, 366; II, 212; III, 49, 480;

- IV, 213, 214; V, 272, 285, 286, 359, 361, 362, 366, 386, 403, 406, 414, 418, 447, 456, 478, 479
- Карл Великий*, имп. — I, 126, 150
- Карл Петр Ульрих*, см. Петр III
- Карл IX*, кор. швед. — III, 41, 42
- Карл X*, кор. швед. — III, 129, 130
- Карл XII*, кор. швед. — IV, 26, 54—58, 60, 162, 170, 171, 220, 236, 241, 309, 363
- Каролинги*, династия — I, 138
- Касим*, царевич казанский — II, 218
- Касогов Григорий* — III, 385
- Катон*, римский писатель — II, 400
- Катырев-Ростовский, Ив. Мих.*, князь автор — III, 19, 21
- Кауниц*, кн., австрийский канцлер XVIII в. — IV, 213
- Кавосский, Петр Григ.*, декабрист — V, 327
- Квашнины* — II, 8
- Квинт Курций*, римский писатель — V, 525
- Кейт*, ген. — IV, 319
- Кий*, легендарный основатель Киева — I, 54, 86, 110, 112, 141
- Киприан*, митроп. — II, 24, 25, 298
- Кирейка*, татарин — II, 218
- Кирик*, инок — I, 242, 253, 270
- Кирилла*, создатель славянского алфавита — I, 88
- Кирилла Белозерский* — II, 33, 266, 267, 279, 296, 299
- Кирилла Новозерский* — II, 277
- Кирилла, рязовский боярин* — II, 10
- Кириллов*, обер-секретарь Сената — IV, 206
- Киселев, Павел Дмитриевич*, гр. — V, 346, 349—353, 355
- Кисель, Адам*, пан, воевода киевский — III, 119
- Клемажи*, пис. — V, 463
- Клериссо*, архит. — V, 376
- Клешнин, Андрей*, окольный — III, 26
- Климент*, папа — V, 313
- Климент Смолятич*, митроп. — I, 284
- Кнеллер*, художник — IV, 29
- Князевич*, русский писатель конца XVIII — нач. XIX в. — V, 429, 430
- Кобыла, Андрей Иванович*, родоначальник Романовых — III, 67
- Кобяков*, служилый чел. — II, 359
- Коцицкий*, секр. Екатерины II, — V, 64
- Кольбер*, франц. министр — IV, 115
- Коллен*, адм. — V, 175
- Коллинс*, англичанин, автор записок о Московии при Алексее Михайловиче — III, 367
- Коменский, Амос*, педагог — IV, 259
- Кондыревы*, дворян. род — IV, 248
- Концепольский*, польский гетман — III, 122
- Концепольские*, польские магнаты — I, 294
- Конисский*, см. Георгий
- Конринг*, пис. — V, 463
- Константин Баернородный*, имп. визант. — I, 66, 106, 129, 151, 153, 157—159, 165
- Константин Великий*, имп. — I, 83, 323
- Константин Всеволодович*, вел. кн. владимирский — I, 344, 349
- Константин (Костка) Иванов*, дьячок — III, 303, 304
- Константин Копроним*, имп. визант. I, 212
- Константин Мономах*, имп. визант. — II, 132
- Константин Павлович*, цесаревич — V, 189, 224, 229, 256, 259, 298, 324, 325, 328, 335, 346
- Константин Романович*, кн. рязанский — II, 12
- Корб*, секр. австр. посольства, автор записок о России при Петре I — IV, 67, 382
- Корнель*, франц. писатель, автор ложноклассич. трагедий — V, 527
- Корф, Модест Андр.*, барон, приближенный Николая I — V, 327
- Корф, Николай*, майор — IV, 363
- Корнилий Комельский* — II, 267, 278, 284, 285
- Коробын*, рязанский боярин — II, 116
- Корсаков*, вице-губерн. петербургский IV, 207
- Косинский Крыотов*, шляхтич, атаман украинских казаков — III, 120
- Котошин, Григорий*, подъячий, автор сочинения о России при царе Алексее Михайловиче — II, 217, 240 249; III, 16, 21, 81, 87, 141, 166, 199, 231, 236, 242, 249, 253, 254, 256, 262, 274, 291; IV, 6, 66, 76; V, 116, 135
- Кочубей, Виктор Павл.*, гр., министр Александра I — III, 8; V, 266, 270—273, 361, 386
- Кошка Федор*, родоначальник Кошкиных-Захарьиных — III, 67
- Кошкин Захарий*, боярин — III, 67

- Кошкины*, бояр. род. — II, 148, 150; III, 67
- Козт*, голл., организатор пушечного завода в Москве — III, 283
- Крекиши*, автор записок о Петре I — IV, 4, 6, 7, 381
- Крестинин*, В. — V, 412
- Кризисанич Юрий*, писатель-публицист XVII в., по происхождению серб — III, 264—274, 382, 393; V, 393
- Кубенские*, князья — II, 17
- Куворн*, пис. — V, 426
- Кульва Авраам*, литвин — III, 106
- Кунит Яван*, актер XVII в. — IV, 252, 253
- Куракин Николай Сем.*, кн., ген.-прокурор — V, 273
- Куракин, Ив. Семен.*, кн. — III, 82
- Куракин, Борис Ив.*, кн. — III, 385, IV, 8, 11, 12, 15—17, 19—21, 69, 73, 97, 116, 136, 139, 140, 153, 156, 171, 249, 252, 254, 261, 263
- Куракины*, князья — II, 150, 162; IV, 306; V, 188
- Курбатов, Алексей Александр.*, прибыльщик, президент бурмистрской палаты, архангельский губернатор — IV, 60, 61, 136, 156, 161, 163, 248, 254, 263, 266
- Курбские*, князья — II, 149, 150; III, 76
- Курбский, Андрей Мих.*, князь, автор «История о вел. князе московском» — II, 142, 175—178, 181—184, 188, 194, 194, 196, 198, 202, 206—208, 216, 305, 419; III, 75
- Кур де Жобельн*, пис. — V, 377
- Курменен*, франц. посол — III, 134
- Кучка, Степан Иванович*, ростовский боярин — II, 5, 6
- Кучковичи*, бояре — I, 334
- Кухальбекер, Вильв. Карл.*, декабрист — V, 321
- Лабрюйер*, франц. писатель-моралист XVII в. — V, 495
- Лаврентий*, летописец — I, 69
- Лазарь*, швейцарец, воспитатель Александра I — V, 189, 256 — 261, 269, 317
- Лазарев*, адм. — V, 251
- Лазарь Варанович*, архиепископ черниговский — III, 301
- Лазарь*, протопоп — III, 325
- Ланнуа, Гильберт*, известный путешественник XV в. — II, 73, 34
- Ланской, А. Д.* — V, 376
- Данпо-Данилевский, А. С.*, русский историк XIX в. — III, 243
- Ларионов*, вотчинник — II, 349
- Ласунский*, гвард. офицер — V, 51
- Ласси*, фельдмаршал — IV, 315, 316, 328
- Лафайетт*, маркиз, деятель франц. буржуазной революции 1789 г. — V, 377
- Леблон*, архит. — IV, 43, 115
- Лев Дамилович*, кн. — I, 353
- Лев Диакон*, визант. историк X в. — I, 66, 152, 155, 210
- Лев Исаяр*, имп. визант. — I, 212
- Левек*, франц. врач, написавший историю России в XVIII в. — V, 465
- Левенвольд, Карл Густав*, граф, обершталмейстер — IV, 312, 314, 315, 320
- Левенвольд, гр. Рейнвольд*, обер-гофмаршал — IV, 312, 320
- Левенгаупт*, швед. ген. при Карле XII — IV, 57
- Левшин*, правитель Чухломы — II, 338
- Лейбниц*, известный немецкий философ. XVIII в. — III, 267; IV, 47, 382
- Лексерг*, преподаватель кадетского корпуса — V, 188, 464—466, 468, 477, 478, 484
- Леонтий*, еп. ростовский — I, 305
- Леонтьев, Гаврила*, дяк — III, 144
- Лесли, Александр*, полковник — III, 283, 284
- Лесси* — см. *Ласси*
- Лесток*, французский агент при Елизавете Петровне — V, 7, 8
- Лерфорт, Франц Яковлевич* — IV, 17—21, 23, 30, 241
- Лещинский Станислав*, кор. польский — IV, 315
- Ливарид*, см. *Паисий*
- Лжедмитрий I*, царь — II, 328, 346; III, 28, 32—36, 41, 74, 90, 159; IV, 314
- Лжедмитрий II*, самозванец — III, 41, 42, 62, 68
- Линь*, де, принц — V, 377, 381
- Лихачев*, дворянин, посол во Флоренцию — III, 291
- Лихачев, Алексей Тимоф.*, приближенный царя Федора Алексеевича — III, 140
- Лихуды*, братья, ученые греки — III, 340

- Лисовский*, польский гетман — III, 124
Ло, Джон, финансист, действовавший во Франции в XVIII в. — IV, 153
Лобановы-Ростовские, князья — IV, 79
Лобанов-Ростовский, Яков, кн. — IV, 16
Лобода, украинский атаман — III, 120
Логгин, протопоп, деятель раскола — III, 325, 332, 341
Локателли, содержатель оперы — IV, 361
Локк, Джон, английский философ XVIII в. — IV, 284, 289; V, 256
Ломоносов, Мих. Вас., знаменитый русский писатель и ученый — IV, 212; V, 395, 471, 483, 511
Лопухина, см. *Евдокия Лопухина*
Лопухин, И. В. — V, 442, 446, 447, 450
Лопухины, дворян. род — III, 76; IV, 16, 66, 248
Лоран, кальвинист — V, 9
Лорьер, пис. — V, 463
Лотарь, имп. — I, 138
Лыковы, князья — III, 82
Любавский, М. К., русский историк — III, 115
Люберас, барон, сотрудник Петра I — IV, 178, 181, 204
Любомирский, шляхтич — III, 130
Людвик Благочестивый, кор. франц. — I, 127
Людвик XV, кор. франц. — IV, 29, 60
Людвик XVI, кор. франц. — V, 189, 195, 305
Лютер, Мартин, деятель реформации, основатель лютеранской церкви — II, 202; III, 104, 106; V, 9
Лямкин, полковник — IV, 254
Ляпунов, Захар, дворянин, деятель периода крестьянской войны и интервенции нач. XVII в. — III, 45, 47
Ляпунов, Прокофий, организатор 1-го ополчения — II, 349; III, 47—49, 62; IV, 88
Ляпуновы, рязанские дворяне — III, 47
Мабли, франц. радикальный писатель XVIII в. — V, 256
Маврикий, имп. визант. — I, 104
Магницкий, Мих. Леонт., деятель реакции при Александре I — V, 307, 308
Магэна, украинский гетман — IV, 57
Макарий, митроп. — II, 183, 268, 400, 401
Макарий, патр. антиох. — III, 349
Макаров, Алексей Вас., кабинет-секретарь Петра I — IV, 228, 275; V, 524
Макартей, англ. посол — V, 412, 436
Макиавелли, итальянский политич. писатель XVI в. — IV, 289
Максим Грек, ученый богослов и публицист XVI в. — II, 171—174, 304, 305
Максим, митроп. — II, 23
Мал., кн. древлянский — I, 110
Мальшев, дворянин — III, 149
Малюта Скуратов, опричник — II, 191, 203; III, 23, 90
Мамай, хан татарский — II, 22, 116
Маматов, вотчинник — II, 349
Мансур Ибрагим, мулла — V, 80
Манштейн, автор записок о Петре I — IV, 146
Маньян, секр. франц. посольства — IV, 295, 314
Марат (Бодри), эмигрант — V, 189, 317
Мардефельд, прусский посланник при Ане Ивановне — IV, 295, 309
Маржерет, Яков, французский военный, служил в московских войсках при Борисе Годунове, автор известных записок — II, 221, 228, 328, 421, 422
Мария-Терезия, имп. австрийская — V, 25, 46, 382
Мармонтель, франц. писатель XVIII в. — V, 191
Марселис, гамбург. купец — III, 285
Марфа Борецкая, см. *Борецкая*
Марфа, инокиня — III, 83
Марья Борисовна, вел. кн. — II, 127
Марья Васильевна, княжна ярославская — I, 351
Марья Ильинична (Милославская), царица — IV, 4
Марья Федоровна, имп. — V, 255, 340
Маслов, Анисим, обер-прокурор Сената — IV, 331, 332, 352
Масон, Иоанн, англ. моралист — V, 447
Массон, автор записок — V, 192
Масуди, араб. пис. — I, 66, 103, 110
Матвеев, Андрей Артам., русский дипломат при Петре I — III, 301; IV, 256

- Матвеев Артамон Серг.*, политич. деятель, приближенный царя Алексея Михайловича — III, 298, 294, 301, 393; IV, 3, 4, 7
- Матюшкин*, думный дворянин — III, 241
- Магмет*, салтан (из публицистики Ивана Пересветова) — II, 194; III, 336
- Медведев*, Сильвестр, см. Сильвестр Медведев
- Мевицкий*, князя — I, 355; II, 119, 196
- Мейзрбергер*, цесарский носол XVII в. — III, 290, 291, 351, 357
- Мелетий Смотрицкий*, западно-русский ученый — III, 299
- Менли-Гирей*, крымский хан — II, 136
- Меньшикова, Дарья*, княг. — IV, 38
- Меншиков, Александр Дан.*, князь — IV, 11, 17, 18, 23, 36, 38, 46, 58, 70, 122, 124, 129, 139, 161, 164, 171, 173, 181, 186, 207, 208, 209, 248, 251, 267—269, 274, 277, 281, 286, 287, 320; V, 87, 114
- Меншиковы* — V, 314
- Меровинги*, франкская династия — I, 176
- Мерсье (де-ла-Ривьер)*, франц. писатель-экономист XVIII в. — V, 463
- Мефодий*, епископ, содатель славянского алфавита — I, 88
- Маммед-Али*, паша египет. — V, 250
- Микулин, Максим*, канатный мастер — IV, 136
- Микулинские*, князя — II, 150; III 76
- Миллер (Мюллер), Г.*, историограф — V, 458, 459
- Милоридович, Мих. Андр.*, граф, петербургский ген.-губ. при Александре I — V, 325, 327, 328
- Милославская*, см. Марья Ильинична Милославская
- Милославские*, дворян. род — III, 76; IV, 4, 7, 15, 26, 217
- Милославский, Илья Дан.*, тесть царя Алексея Михайловича — III, 140, 142, 164, 221, 241, 242, 350
- Милош Обренович*, кор. Сербии — V, 249
- Мильтон*, английский поэт — V, 451
- Милюков, П. Н.*, русский историк и политич. деятель — II, 156; III, 249, 254; IV, 134, 142, 156
- Милютин, В. П.*, писатель-экономист середины XIX в. — II, 290
- Минин Кузьма*, организатор II ополчения 1612—13 гг. — III, 63, 65, 209
- Миниг, Эрнест*, министр и полководец при Анне Ивановне — IV, 129, 248, 279, 280, 282, 286, 314—319, 375, 383; V, 176, 510
- Мирабо*, деятель французской бурж. революции 1789 г. — V, 192
- Мирошка Невдинич*, новгородский боярин — II, 94
- Митрофан*, еп. — IV, 231
- Михаил*, митроп. петербургский — V, 453
- Михаил III*, имп. визант. I, 80, 83, 141
- Михаил Александрович (Олелькович)*, кн. литовский — II, 110
- Михаил Александрович*, кн. тверской — II, 22, 86
- Михаил Андреевич*, кн. Можайский и верейский — II, 38, 115
- Михаил Всеволодович*, кн. черниговский — I, 355; II, 118
- Михаил Клопский* — II, 109, 110
- Михаил Павлович*, вел. кн. — V, 335
- Михаил Федорович*, царь — II, 238, 250, 334; III, 9, 17, 56, 64—70, 73, 75, 76, 78, 80—87, 92, 93, 134, 135, 138—141, 158, 159, 163, 164, 170—172, 189, 206, 210, 215, 226, 227, 233, 235, 251, 253, 256—259, 273, 281, 283—285, 289, 291, 298, 362; IV, 89, 213, 222; V, 484
- Михаил Юрьевич*, вел. кн. — I, 336—338, 341, 342
- Михаил Ярославич*, кн. тверской — II, 19, 44
- Михаил Ярославич Хоробрит*, кн. московский — II, 5, 12
- Михаило Степанич*, новгородский боярин — II, 94
- Михалон*, литвин — II, 222, 224, 387
- Мишуков*, лейтен. — IV, 35
- Мнишек, Юрий*, воевода сандомирский — III, 41
- Мольер*, франц. писатель — IV, 253
- Мономаховичи*, князя — I, 91, 183, 184, 187, 190, 196, 206, 337, 362; II, 92
- Монс, Анна* — IV, 241
- Монтескье*, франц. политич. писатель XVIII в., автор «Духа законов» — V, 60, 63, 80, 96, 250, 279, 377, 409, 463
- Моор, Карл*, худ. — IV, 29, 30

- Мордвинов, Николай Сем.*, адм. — V, 301, 302, 353
- Морозова, Федосья Прокофьевна*, боярыня — IV, 5
- Морозов, Борис Ив.*, боярин — III, 131, 140, 142, 292, 294, 304, 324, 347, 357, 393; IV, 6
- Морозовы*, дворян. род. — II, 148
- Мосальские*, князья — III, 76
- Мстислав Владимирович*, вел. кн. — I, 184, 188, 221, 263, 289
- Мстислав Вячеславич*, кн. — I, 180
- Мстислав Данилович*, кн. волынский — I, 67, 290, 353
- Мстислав Изяславич*, кн. волынский — I, 291, 330
- Мстислав Мстиславич Удалой*, кн. торопецкий — I, 344, 363; II, 64
- Мстислав Ростиславич Храбрый*, кн. — I, 330, 331, 336—338, 344
- Мстиславские*, князья — III, 67, 76
- Мстиславский, Фед. Ив.*, кн., боярин — III, 35, 62, 65, 82
- Муравьев, Михаил Никитич*, писатель, учитель Александра I — V, 256—258, 260, 322
- Муравьев, Никита Мих.*, декабрист — V, 322, 323
- Муравьев-Апостол, Иппол. Ив.*, декабрист — V, 318
- Муравьев-Апостол, Матвей Ив.*, декабрист — V, 318
- Муравьев-Апостол, Сергей Ив.*, декабрист — V, 318, 326, 327
- Муромцев*, посадск. человек — IV, 136
- Мусин-Пушкин, Алексей Ив.* — V, 458—461, 465
- Мусин-Пушкин, Иван Алексеевич* — IV, 44, 170
- Мэн*, английский писатель, историк по вопросу феодальных отношений — I, 5
- Мякинин*, обер-фискал — IV, 208
- Нагие*, дворян. род — III, 21, 25, 35
- Наливайко*, атаман украинского казачества — III, 120
- Наполеон*, имп. — IV, 57; V, 235, 245, 272, 274
- Нартов, А. К.*, автор записок о Петре I — IV, 212, 231
- Нарышкина*, см. *Наталья Кирилловна Нарышкин, Лев Александрович* — IV, 28; V, 384
- Нарышкин, Лев Кирилл.* — IV, 16, 155
- Нарышкин, Федор Кирилл.* — IV, 28
- Нарышкины*, дворян. род — III, 76; IV, 4, 8, 18, 28, 66, 74, 161, 248; V, 314
- Наталья Алексеевна*, вел. кн., дочь Алексея Петровича — IV, 277; V, 14
- Наталья Алексеевна*, первая жена Павла I — V, 14
- Наталья Кирилловна Нарышкина*, царица, мать Петра I — IV, 3—5, 15, 28, 73, 155, 241, 283
- Нацокины*, дворян. род — III, 362
- Невилль*, франц. агент при дворе царевны Софьи, автор записок — III, 254, 382—385
- Неволин, К. А.*, историк русского права — II, 230, 231, 365
- Неккер*, франц. министр при Людовике XVI — V, 382
- Немир*, посадник новгородский — II, 110
- Неплюев, Иван Иван.*, русский политич. деятель XVIII в., автор записок — IV, 35, 36, 216, 231, 248, 250, 269, 382
- Неплюев, Леон. Роман.*, окольный. — III, 385
- Неронов, Иван*, протопоп, деятель раскола — III, 325, 331, 332
- Нестеров, Алексей*, обер-фискал — IV, 136, 143, 174
- Нестор*, летописец — I, 69, 71, 72, 76, 77, 80, 81, 86; V, 456
- Нестор*, тверской поп — III, 288
- Никита*, казначей Саввина мон., адресат писем царя Алексея Михайловича — III, 350, 351
- Никифор*, патр. царегр. — I, 83
- Николай I*, имп. — II, 308; III, 7, 8; V, 97, 99, 135, 214, 219, 247, 249, 250, 310, 324—330, 334—356, 529, 533
- Николь*, иезуит — V, 313, 314, 317, 318
- Никон*, игумен Троицко-Сергиева мон., составитель моск. летописи в XV в. II, 289
- Никон*, патр. — III, 140, 143, 151, 261, 274, 300, 306—308, 320, 321, 323—333, 335—337, 341, 342, 349, 357, 358; IV, 44, 242
- Нил Сорский* — II, 299—301, 303, 304
- Нирот*, барон, ревельский ландрат — IV, 181
- Нифонт*, еп. новгородский — I, 242, 270
- Нишкипас*, мордовское божество — I, 316
- Новиков, Н. И.*, русский писатель, публицист и журналист XVIII в. —

- V, 198, 423—425, 428, 433, 434, 437—443, 445, 448—455, 470
- Новосильские*, князья — II, 118, 119
- Новосильцев, Н. Н.*, деятель «Негласного комитета» и министр Александра I — V, 266, 269, 272, 299
- Новосильцевы*, дворян. род — IV, 248
- Новотков-Оболенский*, кн. — II, 163
- Норов, Аар. Серг.* попечитель Петербургского учебного округа — V, 306
- Оболенские*, князья — II, 163, 164
- Оболенский, Евгений Петр.*, кн., декабрист — V, 318, 329
- Овцын*, вятский воевода — II, 274, 275
- Одоевские*, князья — I, 355; II, 118, 119, 150, 155, 159, 161, 196; IV, 306
- Одоевский, Никита Ив.*, кн. — III, 144, 147, 150, 348, 352
- Озеров, Иван*, питомец Киевской академии — III, 304, 356
- Окулов, Иван*, олонецкий поп — IV, 252
- Олеарий, Адам* голыштинец, автор известных записок о Московии — I, 317; III, 87, 286, 289, 290, 297
- Олеа*, кн. киевский — I, 55, 73—75, 78, 80, 83, 84, 105, 129—131, 140, 142, 144, 145, 149, 150, 153—156, 167, 221, 245, 275
- Олеа Святославич*, кн. черниговский — I, 72, 163, 202
- Олеа*, княжич черниговский — II, 4
- Ольга*, княгиня — I, 79, 110, 129
- Ольгерд*, кн. литовский — I, 10, 20, 269.
- Ольговичи*, князья черниговские — I, 91, 191, 337; II, 92
- Опочинин*, помещик — V, 202, 203, 214
- Ордин-Нащокин, Афан. Лавр.*, боярин — III, 131, 133, 294, 301, 352, 357, 358, 361—380, 382—386, 392; IV, 51, 77, 120, 248
- Орлов, Алексей Григорьевич*, фаворит Екатерины II — IV, 371, 373, 377; V, 32, 41, 228
- Орлов, Григорий Григорьевич*, брат предыдущего — IV, 371; V, 80, 145, 221, 385
- Орлов, Федор Григорьевич*, брат предыдущих — V, 377
- Орловы* — V, 314
- Орловы*, бр. — IV, 371; V, 51
- Орловский, Астафий*, помещик — II, 341
- Остерман, Андрей Ив.*, дипломат первой половины XVIII в. — IV, 225, 248, 267—269, 277, 279, 280, 287, 302, 312, 315, 317, 319, 326, 351; V, 25, 90
- Остранин*, атаман украинского казачества — III, 123
- Острожский Константин*, кн. — III, 107, 120, 121
- Острожские*, князья — III, 111
- Отрельев, Григорий*, см. *Лжедмитрий I*
- Оттон*, король Греции — V, 249
- Павел*, еп. коломенский — III, 330, 341
- Павел I*, имп. — II, 189; IV, 365, 371; V, 8, 14, 18, 50, 114, 115, 123, 157, 187, 219—239, 255, 260, 266, 272, 303, 313, 314, 335, 340, 384, 409
- Павел, сын Петра В.* — IV, 271
- Павел Обнорский* — II, 277, 278, 283
- Павлов, А. С.*, ученый канонист — I, 230; II, 13, 304
- Павлюк*, атаман украинского казачества — III, 123
- Панциелло*, артист — V, 373
- Паисий Лигарид*, митроп. гавский — III, 390
- Паисий Ярославов*, летописец — II, 9
- Паллас*, академик, путешественник и географ XVIII в. — V, 148, 377
- Палицын, Авраамий*, см. *Авраамий Панин, Никита Иванович*, гр., деятель правительства при Екатерине II — IV, 371, 373, 375; V, 18, 21, 36, 40, 43, 48, 50—52, 66, 90, 91, 129, 221, 384, 385, 391, 397, 399
- Панин, Петр Иванович*, гр., генерал, брат предыдущего — V, 129, 143, 146
- Панины* — V, 384
- Панов*, декабрист — V, 318
- Пассек*, капитан — IV, 371, 373
- Патрикеев Василий Иванович*, кн. — II, 170, 171
- Патрикеев Иван Юрьевич*, кн. — II, 170, 171
- Патрикеевы*, князья — II, 150
- Патрикей*, кн., внук Гедимины — II, 71, 162
- Паткуль*, ливонский дворянин — IV, 54, 59
- Пафнутий Боровский* — II, 25, 26, 301
- Пафнутий*, иеромонах — IV, 175

- Пахомий*, инок. — II, 267
- Пац*, киевский бискуп — III, 106
- Пенковы*, князья — II, 149, 150; III, 76
- Перар*, католич. патер — V, 9
- Перекусилина Марья Сав.*, приближенная Екатерины II — V, 370
- Пересвет*, инок Троицко-Серг. монастыря — II, 193
- Пересветов*, Иван, московский публицист XVI в. — II, 193, 194
- Перовский*, министр внутр. дел — V, 351
- Перун*, славян. божество — I, 113, 114, 223; II, 73
- Пестель*, Пав. Ив., декабрист — V, 324, 327, 329
- Петр Великий*, имп. — I, 16; II, 165, 179, 250; III, 5, 7, 12, 13, 28, 81, 88, 137, 164, 165, 197, 226, 249, 254, 255, 267, 272, 280, 281, 292, 342—345, 362, 371, 378, 381, 385, 386, 390, 393, 394; IV, 3—74, 76, 77, 79—88, 90—95, 97—103, 106—131, 133—136, 140, 142—146, 149—157, 161—166, 168—170, 172—186, 188, 189, 191, 193—197, 199—201, 203—233, 235—256, 262—274, 276—286, 290, 291, 298, 312, 314—316, 318, 320—324, 326—329, 331, 332, 334, 335, 338, 340, 346, 350, 352, 353, 355—358, 360, 363, 366, 379, 380; V, 6, 13, 23, 24, 35, 54, 55, 62, 69, 73—75, 86—89, 93, 102—108, 112—114, 117, 119, 120, 122—124, 126, 133—135, 140, 150, 158, 162, 165, 166, 175, 180, 182, 191, 205, 209—212, 216, 217, 227, 231, 237, 361—363, 365, 390, 391, 393—397, 399, 421, 423, 426, 427, 435, 440, 466, 470, 503, 506, 508, 509, 513, 524—526, 535
- Петр II*, имп. — IV, 269, 271, 274, 276—279, 286, 288, 290, 291, 294, 296, 313, 321; V, 74, 88, 413
- Петр III*, имп. — III, 7; IV, 83, 271, 342, 363—368, 370—375, 377, 378; V, 8, 9, 11, 12, 16—19, 21, 89, 227, 230, 399, 404, 501.
- Петр*, сын Петра В. — IV, 271
- Петр Могила*, митроп. киевский — III, 299
- Петр*, митроп. московский — II, 23, 24, 26
- Петрей*, швед, автор записок о «мутном времени» — III, 18
- Пимен*, архиеп. новгородский — II, 185
- Плано-Карпини*, миссионер, ездил в Зол. Орду в середине XIII в. и оставил ценные записки — I, 292, 294
- Платон*, митроп. московский — IV, 358; V, 448
- Платон*, греческий философ — V, 304
- Платонов*, С. Ф., русский историк XIX—XX вв. — II, 401
- Племянников*, Григорий, сенатор — IV, 170
- Плещеев-Бельский*, Г. Я., см. Малютя Скуратов
- Плещеевы*, дворян. род — IV, 244
- Плутарх*, древний греческий писатель — V, 256, 376
- Погодин*, П. М., русский историк XIX в. — I, 93; II, 332, 333
- Пожарский*, Дм. Мих., кн., начальник II ополчения (1612—1613 гг.) — III, 63—66, 77, 78, 90, 209
- Поленов*, А. Я., законовед XVIII в. — V, 199
- Поликарп*, монах — I, 71
- Полоцкий*, см. Симеон Полоцкий
- Полянский*, муж Елизаветы Воронцовой — IV, 375
- Понятовский*, см. Станислав-Август Понятовский
- Попов*, Аника Акимич, прапорщик — IV, 246
- Поппель*, немецкий рыцарь — II, 134
- Порошин*, учитель Павла I — V, 384, 409, 432
- Посошков*, Ив. Тихон., русский писатель, экономист и публицист времени Петра I — III, 197; IV, 74, 80—82, 94, 106, 107, 110, 113, 117, 119, 122, 136, 139, 141, 144, 146, 148, 151, 152, 193, 226, 230, 231, 262, 276, 331, 332, 352; V, 506, 513
- Посевин*, Антоний, иезуит, посетил Москву в XVI в. — IV, 17
- Потчигер*, пис. — V, 463
- Потемкин*, Григорий Александрович, князь, фаворит Екатерины II, новороссийский наместник — IV, 371, V, 45, 115, 222, 230, 377, 385, 400
- Потоцкие*, польские магнаты — I, 244, III, 111
- Походишин*, Г. М., горнозаводчик — V, 445
- Прозоровские*, князья — II, 149; III, 76
- Прозоровский*, Семен Вас., кн. — III, 144

- Прокопий*, визант. историк — I, 104, 112, 114
- Прокосович*, см. Феофан Прокопович
- Пронские*, князья — II, 150
- Протасова*, перешедшая в католичество — V, 314
- Протасов*, дворянин — II, 256
- Прозор*, еп. — II, 24, 25
- Прусс*, легендарный брат имп. Августа, родоначальник пруссов и династии рк риковичей — II, 132
- Пувачев*, Емельян — V, 92, 142, 211
- Пустошкин*, подполковник — IV, 318
- Пуффендорф*, голландский писатель, гсударствовед XVII в. — IV, 284, 289, 299; V, 426
- Пушкин*, А. С., поэт — V, 362, 507, 515—517, 534, 535
- Пушкины*, дворян. род — IV, 248
- Пушин*, Ив. Ив., декабрист — V, 326
- Рагози*, кн. трансильванский — III, 129
- Рагим*, легендарный родоначальник радимичей — I, 105
- Радищев*, Александр Никол., радикальный писатель, публицист XVIII в. — V, 198, 360—362
- Радзивил*, Николай Черный, литовский магнат — III, 106
- Ракин*, Степан — III, 258, 286
- Разумиха*, казачка, мать Разумовских — V, 114
- Разумовский*, Алексей Григ., фаворит Елизаветы Петровны — V, 114
- Разумовский*, Кирилл Григ., брат предыдущего, последний украинский гетман — IV, 358, 371, 373; V, 51, 114, 131, 410
- Рамбур*, учитель — IV, 259, 360
- Расин*, франц. писатель, автор ложноклассич. трагедий — V, 527
- Растрицын*, Федор Вас., гр., московский ген.-губ. в 1812 г. — V, 303
- Растрелли*, архит. — IV, 362
- Раупах*, проф. всеобщей истории Петерб. ун-та — V, 310
- Радаваль*, известн. итал. художник — V, 376
- Резанов*, Федор Девлетович — II, 218
- Рейналь*, Фриц. радик. писатель XVIII в. — V, 373, 463
- Рейтенфельг*, автор записок о Московии XVII в. — III, 230, 253
- Репнин*, кн. — III, 140
- Репнин*, Николай Вас., кн. — V, 31, 42, 374
- Репнин-Оболенский*, кн. — II, 163
- Репнины*, князья — IV, 285
- Ржевский*, дворянин — IV, 344
- Ричардсон*, английский сентимент. писатель XVIII в. — V, 429, 431
- Ришелье*, герцог — V, 306
- Роволод*, кн. полоцкий — I, 135
- Рогнеда*, княг. — I, 169, 186
- Родион*, боярин — II, 8
- Рожинский*, кн. литовский, гетман — III, 42
- Рокита*, пастор — II, 206
- Роман Мстиславич*, кн. волынский — I, 207, 285, 292, 342, 354
- Роман Ростиславич*, кн. смоленский — I, 330
- Романов*, Никита Иванович, боярин — III, 294, 393; IV, 13
- Романов*, Федор Никитич (см. также патр. Филарет) — III, 32, 67, 68
- Романовы*, бояре — III, 32, 33, 67, 68, 82
- Ромм*, воспитатель гр. Строганова — V, 189, 266
- Ромодановские*, князья — III, 77
- Ромодановский*, Федор Юр. кн. — IV, 18, 41, 156, 161
- Рорих*, викинг — I, 138
- Рославль Александр*, капитан — IV, 371
- Рославль Николай*, майор — IV, 371
- Ростислав Владимирович*, кн. волынский — I, 169, 172, 185
- Ростислав Мстиславич*, кн. смоленский — I, 187, 270, 330, 331
- Ростиславичи*, смоленские князья — I, 190
- Ростовские* князья — II, 150
- Ртищев*, Федор Мих., окольничий, приближенный царя Алексея Михайловича — III, 240, 294, 299, 300, 304, 324, 325, 341, 355—359, 379, 380; IV, 15, 77
- Румянцев-Задунайский*, Петр Александр., гр. — V, 114, 148, 149, 385, 413
- Румянцев*, Сергей Петр., гр. — V, 270, 271
- Румянцевы* — V, 384
- Руссо*, франц. писатель XVIII в. — V, 192, 255, 256, 385, 429, 431, 439, 446, 463
- Рылеев*, Кондратий, поэт-декабрист — V, 323, 325—327

- Рычков, П. И.*, агроном, писатель XVIII в. — V, 142, 146
- Рюйс*, проф. анатомии в Голландии — IV, 23
- Рюрик*, кн. — I, 73, 74, 84, 87, 122, 129, 131, 135—138, 141, 144, 145, 167; II, 13, 132, 319; V, 482, 483
- Рюрик Ростиславич*, кн. смоленский — I, 173, 174, 207, 342; V, 473
- Рюриковичи*, князья — I, 356; II, 149; III, 31, 107, 109; IV, 310
- Ряполовский-Стародубский*, Семен, кн. — II, 170, 171
- Сабур, Федор*, боярин — II, 162
- Сабуровы*, дворян. род — II, 148; III, 22, 76
- Савватий*, преп., — II, 267 основатель Соловецкого м-ря
- Савватий*, чернец, — III, 335
- Сагайдачный*, гетман украинского казначества — III, 122, 123
- Садко*, богатый гость — I, 311
- Саин-Булат*, см. Симеон Бекбулатович
- Салтыков*, ген. — IV, 209
- Салтыков, Борис Мих.* — III, 77, 78
- Салтыков, Мих. Глеб.* — II, 349; III, 42, 43, 46, 77, 80
- Салтыков, Н. И.*, граф — V, 256, 257, 385
- Салтыковы*, дворян. род — III, 82, 140; IV, 135, 189
- Салтычиха* — V, 150
- Самарин, Михаил*, сенатор — IV, 173
- Самойлов*, ген.-прокурор — V, 234
- Сапега, Лев*, польский посол — III, 18
- Сапега, Ян Петр.*, — III, 124
- Сатановский*, см. Арсений Сатановский
- Сварог*, славян. божество — I, 113, 114
- Свенельд*, варяжский дружинник — I, 129, 150
- Свогемицов*, боярин новгородский — II, 273
- Святополк Владимирович*, кн. киевский — I, 168, 192, 219, 285, 295
- Святополк Изяславич*, кн. киевский — I, 77, 80, 172, 173, 183, 185, 188, 202, 239, 287, 289
- Святослав Всеволодович*, кн. черниговский — I, 344, 349; II, 12
- Святослав Игоревич*, кн. киевский — I, 149, 152—155, 168, 210; II, 62
- Святослав Мстиславич*, кн. смоленский — II, 64
- Святослав Ольгович*, кн. новгород-северский — I, 270, 290; II, 4
- Святослав Ярославич*, кн. черниговский — I, 169, 172, 173, 177, 193, 210, 311; II, 114
- Святославиичи*, князья черниговские — I, 187, 190, 191, 206, 288; II, 22
- Сезюр*, гр., франц. посол — V, 142, 185, 223, 237, 238
- Селицкий*, он же Котошихин — III, 262
- Сент-Илер*, барон — IV, 256
- Серафим*, митроп. петербургский — V, 452
- Сергий Радонежский* — II, 10, 264—266, 277, 289, 295, 296
- Сердюков*, крестьянин, держал Вышневолочскую контору — IV, 128
- Сиверс, Яков*, новгородский губерн. — V, 129, 147, 148, 151
- Сигизмунд I*, кор. польский — III, 102, 103, 106
- Сигизмунд II Август*, кор. польский — II, 134; III, 106, 107; V, 28
- Сигизмунд III*, кор. польский — II, 349; III, 41, 42, 45, 47, 90, 102
- Сидорка*, самованец — III, 62
- Сильвестр*, игум. Михайловского Выдубицкого монастыря, один из составителей Начального свода — I, 71, 72, 76, 80—82, 84—87, 89, 139
- Сильвестр*, протопоп — II, 175, 183, 184, 203
- Сильвестр Медведев*, ученый монах, писатель и политич. деятель II пол. XVII в. — III, 274, 340, 389
- Симеон Бекбулатович* (Саин-Булат), хан касимовский — II, 189, 190, 327, 344; III, 25
- Симеон Гордый*, вел. кн. московский — I, 351; II, 22, 30, 51—53, 167, 232, 359
- Симеон Ситианович Полоцкий*, ученый монах, писатель конца XVII в. — III, 298, 300, 301, 334, 339, 340, 358; IV, 5, 15
- Симон*, крестьянин Волоколамского м-ря — II, 283, 284
- Симон Годорский*, архим. — V, 9
- Синеус*, брат Рюрика — I, 135
- Сицкие*, князья — III, 82
- Сицкий, Ив.*, кн. — II, 163
- Скаронская*, см. Воронцова
- Скаронские* — IV, 248

- Скопин-Шуйский, Мих. Вас.*, кн. — III, 42, 45, 47, 65
Скорняков-Писарев, обер-прокурор Сената — IV, 207
Скуратов, см. *Малюта Скуратов*.
Славинский, см. *Елифант Славинский*.
Смотрицкий, см. *Мелетий Смотрицкий*.
Сойманова, Сомя — V, 195
Соймонов, секр. Екатерины II — V, 195
Соколин, Алексей Прокоф. — IV, 5
Соколин, Федор Прокоф. — IV, 4, 5
Соловьев, С. М., русский историк XIX в. — I, 88, 93, 175, 366; II, 92; IV, 211, 214, 216, 218
Соломон, царь — II, 208; V, 308
Софья-Августа, см. *Екатерина II*
Софья Алексеевна, царевна — III, 88, 226, 256, 274, 301, 340, 381, 382, 384, 385; IV, 7—9, 15, 17, 26, 66, 73, 142, 155, 217, 219, 346, 360, 381
Софья Витовтовна, вел. княг., жена Василия II Дмитриевича — II, 234
Софья Фоминична Палеолог, вел. княг., жена Ивана III — II, 126—129, 131, 137, 138, 173, 174, 176, 231
Сперанский, Мих. Мих., политич. деятель при Александре I и Николае I — II, 332; V, 83, 272—288, 290—295, 307, 329, 332, 337—340, 346, 354, 533
Сталь, франц. писательница конца XVIII и нач. XIX в. — V, 534
Станислав-Август Понятовский, кор. польский — V, 29, 30, 35, 38, 39, 52, 368
Станислав Лещинский, кор. польский — IV, 315
Стародубские, князья — III, 77
Старцев, Парамон, прибыльщик — IV, 137, 138
Стедине, швед. ген. — V, 237
Степанко, новгородец — II, 95
Стефан Баторий, кор. польский — II, 209, 221, 248; III, 97, 114, 119
Стефан Душан, сербский царь XIV в. I, 216
Стефан, игумен Печерского мон. — I, 71
Стефан Пермский — II, 118, 266
Стефан Сурожский — I, 128, 143
Стефан Яворский, митроп. — IV, 175; V, 182
Страленберг, швед. автор истории Сибири — III, 81
Стрешнева, см. *Евдокия Стрешнева*
Стрешнев, Родион Матвеевич, боярин — III, 351
Стрешнев, Семен Лукьянович, боярин — III, 242
Стрешнев, Тихон Фикит., боярин — IV, 16, 18, 155, 156, 164, 170
Стрешневы, дворян. род — III, 76, 242, 351; IV, 66, 74
Стрибов, славян. божество — I, 113, 114
Стрवानов, бар. — IV, 248
Стрवानов, Александр Сергеевич, гр. — V, 384
Стрवानов, Петр Александрович, гр. — V, 189, 266, 270, 272, 356
Стрवानовы — II, 335; III, 217, 251; IV, 119, 383
Строус, фан, подполковник — IV, 254
Струйский, Николай Еремеевич, помещик — V, 201, 202, 213
Стюарты, англ. династия — IV, 59
Суворов, А. Вас., фельдмаршал — V, 34, 230, 386
Сулима, атаман Запорожского казачества — III, 123
Сумароков, Александр Петр., русский писатель XVIII в. — V, 180, 203, 427, 439, 442, 526, 530
Сунбулов, Григ. — III, 47, 74
Сунбуловы, рязанские дворяне — III, 47
Тавышев, Абдулла-мирза — V, 407
Талицкий, Григорий, книгописец — IV, 244
Тарас [Трясило], атаман украинского казачества — III, 123
Тарасий, игумен — III, 378
Татищев, В. Н., русский историограф XVIII в. — I, 71, 297, 298, 353; II, 136; III, 30, 81, 141; IV, 44, 46, 157, 284, 299, 381; V, 144, 145, 458, 459, 513
Татищев, П. А., петербургский ген.-полицейстер — V, 445
Татищев, Юрий Игнатьевич — III, 78
Тацит, римский историк — I, 106, 304; V, 256, 376
Твердислав, посадник новгородский — II, 65
Терм, римское божество — I, 115
Тетеря, украинский гетман — III, 130
Тилло, исследов. XIX в. — I, 47
Тиммерман, голл. мастер — IV, 13
Тимофей неромонах — III, 340

- Тимофеев, Иван**, дьяк, автор «сказания» о смутном времени — III, 25, 59, 73, 281, 282, 388
- Титмар**, еп. мерзебургский — I, 129, 170
- Тодорский, Симон**, см. **Симон Тодорский**
- Толстой, А. К.**, гр., русский пис. XIX в. — III, 19
- Толстой Петр Андр.**, граф, политич. деятель начала XVIII в. — IV, 122, 267, 274, 275, 284, 286, 287
- Толстые**, дворян. род — III, 76; IV, 248
- Толь, Карл Феодор.**, гр. — V, 326
- Траян**, имп. римский — I, 100, 106
- Тредьяковский, В. К.**, — V, 201
- Трифлий**, старец — II, 282
- Трифон**, преп. — II, 274, 275, 288
- Тромбар**, архит. — V, 376
- Труйская, Варвара Александр.**, княг. — V, 445
- Трубецкий**, князя — IV, 197, 285, 306; V, 445
- Трубецкой, Дм. Тим.**, кн., деятель начала XVII в. — III, 48, 63—65; IV, 88
- Трубецкой Никита Юрьевич**, кн. — IV, 302, 368; V, 51
- Трубецкой, Сергей Петр.**, кн., декабрист — V, 318, 322, 326
- Трубецкой, Юрий Юр.**, кн. — IV, 37
- Трувор**, брат Юрика — I, 129, 135
- Тур**, легендарный основатель Турова — I, 135
- Тургенев, И. П.**, — V, 445, 447
- Тургенев, И. С.**, русский писатель — V, 516
- Тургенев, Николай Ив.**, русский писатель-публицист, участник движения декабристов — V, 278, 323, 325
- Турчанинов, Иван Салтанович** — II, 218
- Тучков, Вас. Мих.** — II, 171
- Туковы**, дворянский род — III, 76
- Тюрье**, франц. экономист, министр Людовина XVI — V, 373
- Тяжкин, Вас. Мих.**, московский ревизидент в Польше — III, 301
- Узбек**, хан татарский — II, 21
- Украинцев, Емельян Иен.**, дьяк, посол Петра I в Турции — III, 385; IV, 53
- Ульрика-Элеонора**, королева швед. — IV, 241, 309
- Урсова Аодотья Прокофьевна**, княг. — III, 341; IV, 5
- Урусовы**, князя — III, 76
- Устрялов, Н. Г.**, русский историк XIX в. — II, 175
- Ушаков**, адм. — V, 391
- Ушаков, А. И.**, товарищ Радищева по Лейпцигу — V, 525
- Фальконет**, скульптор — V, 376
- Фамендин**, полковник — IV, 87
- Фандам**, полковник — III, 283, 284
- Фандергин**, голл. — III, 297
- Фарварсон**, профессор, приглашен. в Россию Петром I — IV, 254, 261
- Федор Алексеевич**, царь — III, 87—89, 140, 164, 225, 226, 253, 256, 266, 274, 300, 301, 339, 340, 381, 382, 389; IV, 4, 7, 11, 66, 140, 157, 164, 219, 222, 283; V, 119
- Федор Басенок**, см. **Басенок**
- Федор Васильевич**, кн. рязанский — I, 356, 357
- Федор**, дьякон раскольник — III, 342
- Федор**, еп. ростовский — I, 305
- Федор**, игумен — II, 283
- Федор**, инок — II, 277
- Федор Иванович**, царь — II, 142, 185, 226, 227, 255, 331, 333, 420; III — 16—26, 30, 32, 51, 60, 62, 68, 72, 82, 86, 97, 134, 135, 171, 181, 315; IV, 378
- Федор Ростиславич**, кн. Можайский — I, 351
- Федоровичи Ярославские**, князя — I, 348
- Федосья Федоровна**, царевна — III, 25
- Фенелон**, франц. писатель XVIII в. — V, 489
- Феоноста**, митроп. XIV в. — II, 23
- Феодосий**, основатель Киево-Печерского м-ря — I, 71, 72, 77, 78, 86, 242, 280, 317
- Феофан Прокопович**, церковный и политич. деятель и публицист, сподвижник Петра I — IV, 58, 175, 269, 284, 291, 294, 295, 297, 298, 302, 303, 305
- Ферапонт Белозерский** — II, 279
- Фик**, голштинiec, составитель проекта административной реформы для Петра I — IV, 178, 191, 197, 204, 205, 290, 305
- Филарет**, митроп. московский в нач. XIX в. — V, 324
- Филарет (Федор) Никитич**, патр. — III, 80, 86, 90, 140, 141, 151, 237, 345; IV, 28
- Филипп I**, моск. митропол. XV в., — III, 314

- Филипп (Колычев)*, митроп. московский XVI в. — II, 202, 204
- Филиппов, Иван*, прибыльщик — IV, 246, 306
- Филофей*, инок, автор послания о «третьем Риме» — II, 133; III, 314, 315
- Фирсов*, переводчик — III, 390
- Флетчер*, англ. посол при царе Федоре: автор известных записок о России — II, 220—224, 255, 298, 340; III, 20, 178
- Фокк-рот*, секр. прусск. посольства при Петре I — IV, 86, 208, 353
- Фон Визин (Фонвизин) Д. П.*, русск. писатель XVIII в. — V, 197, 198, 428, 429, 431, 434, 435, 446, 470, 477, 491, 495, 497, 498, 502, 505, 507
- Фотий*, патр. византийский — I, 66, 128, 141, 143, 149, 154
- Фрелаш*, варяжский дружинник — I, 129
- Фридрих-Вильгельм I*, кор. прусский — IV, 33
- Фридрих-Вильгельм II*, кор. прусский — V, 35
- Фридрих II*, кор. прусский — IV, 22, 220, 360, 364, 366, 368, 370; V, 6, 7, 14, 29, 30, 32, 33, 35, 37, 38—41, 43, 45, 46, 61, 230, 370, 375, 387, 391, 392
- Фридрих III* имп. — II, 134
- Фролов*, дворянин — II, 256
- Фюстель де-Куланж*, франц. историк XIX в. — I, 5
- Харитон*, свящ. — III, 203
- Хворостинин, Иван Андр.*, кн. — III, 259, 260, 282, 388; IV, 77
- Херасков, М. М.*, русский писатель XVIII в. — IV, 212; V, 445
- Хитрово, Богдан Матв.*, боярин — III, 140; IV, 248
- Хитрово, Федор*, конногвардеец — IV, 371
- Хитрые*, дворян. род — III, 76
- Хлодиг*, кор. франков — I, 176
- Хмельницкий, Богдан*, украинский гетман — III, 98, 122, 124—130, 215
- Хмельницкий, Юрий*, украинский гетман — III, 130
- Хованский Иван Андр.*, кн. — III, 130, 350, 376
- Хованский, Ив. Ив.*, кн. — IV, 244
- Хованский, Федор*, кн. — II, 162
- Холманский Юрий*, кн. — II, 162
- Хованские*, князья — IV, 79
- Ховрины*, дворян. род — II, 148
- Ходкевич*, польский гетман. — III, 63
- Ходкевичи*, литовско-русский род — III, 106
- Ходота*, князь вятичей — I, 110
- Холмские*, князья — III, 76
- Холмский, Андрей*, кн. — II, 171
- Холмский, Вас. Дан.*, кн. — II, 170
- Хомяков, А. С.*, писатель-славянофил XIX в. — IV, 214
- Хорс*, славян. божество — I, 113, 114
- Храповицкий*, секр. Екатерины II, — IV, 321; V, 369, 371, 380
- Христиан VII*, кор. датский — V, 381
- Цахарие (фон-Лилиенталь)*, немецкий ученый-канонист — I, 227
- Цимисхий*, имп. визант. — I, 152, 155
- Циммерман*, корреспондент Екатерины II — V, 368, 380
- Чаадаев*, вятский воевода — IV, 262
- Чаадаев, П. Я.*, русский писатель XIX в., друг Пушкина, Герцена — III, 261
- Чаадаевы*, дворян. род — III, 76
- Чампас*, чудское божество — I, 312, 313, 316
- Чарторыйские*, князья — V, 29—31, 34, 39
- Чарторыйский, Александр*, кн. — III, 107
- Чарторыйский, Адам*, князь, приближенный Александра I — I, 261; 266, 270, 272
- Чевакинский, Савва Ив.*, архит. — V, 376
- Челыднины*, дворян. род — II, 148, 150; III, 76
- Черкасская*, княжна — IV, 38
- Черкасские*, князья — III, 33, 82; IV, 79, 306; V, 445
- Черкасский, Алексей Миз.*, кн. — IV, 302, 312, 318
- Чернышев*, гр. — V, 185, 384, 406
- Чет*, мураза — III, 22
- Чириковы*, дворян. род — IV, 76
- Чистый, Назарий*, дяк — III, 238, 239
- Чичерин, В. Н.*, русский историк-юрист XIX в. — II, 318, 321
- Шайтан*, чудское божество — I, 312, 313
- Шальт, Петр*, немчин — III, 346
- Шкловитый, Федор Леонт.*, околышничий — IV, 15, 26, 73

- Шафиров, Петр Павл.*, вице-канцлер — IV, 122, 207, 248
- Шахматов, А. А.*, академик, историк русского языка и русского летописания — I, 83, 87
- Шаховские*, князья — V, 384
- Шаховской, Гр. Петр.*, кн. — III, 47, 49
- Шварц*, учитель музыки — IV, 280
- Шварц, И. Гр.*, проф. — V, 443—445, 450, 453, 454
- Швиммер, переводчик* — IV, 258
- Шекспир* — V, 378
- Шемька*, см. *Дмитрий Юрьевич*
- Шемьич*, кн. — II, 118—120, 141
- Шереметев, Борис Петр.*, русский фельдмаршал при Петре I — IV, 54, 58, 70, 173, 248
- Шереметев, Вас. Бор.*, боярин — III, 130, 257; IV, 76
- Шереметев, Федор Ив.*, боярин — III, 68, 69
- Шереметевы*, боярский род — III, 82; IV, 136, 266, 306; V, 88, 143
- Шатарди*, маркиз, франц. агент при Елизавете Петровне — V, 7
- Шиль*, иноземец — II, 348
- Шимон*, варяг — I, 280
- Шишков*, министр народного просвещения при Александре I — V, 304
- Шлецер*, историк XVIII в. — I, 96; V, 456, 481
- Шопен*, писатель — V, 463
- Шторх*, статистик, составивший описание России в начале XIX в., — V, 142, 143
- Шуазель-Гуфье*, франц. эмигрант — V, 313
- Шуалова, Мавра Егоровна*, граф. — IV, 361
- Шуалов, Андрей Петрович*, гр. — V, 190
- Шуалов, Ив. Ив.*, гр. — V, 187, 372
- Шуалов, Петр Ив.*, граф — IV, 325—327, 331, 351, 357, 358
- Шуаловы*, — IV, 367; V, 384
- Шуйские*, князья — II, 150, 174, 422; III, 19, 30, 34, 35, 67, 76
- Шуйский, В. И.*, см. *Василий Ив. Шуйский*
- Шуйский, Иван. Вас.*, боярин — II, 200
- Шустовы*, бр. — IV, 124
- Щелкалов, Василий*, дьяк — III, 33
- Щербатов, кн.* — IV, 248
- Щербатов, Мих. Мих.*, князь, русский историк-публицист и политический деятель XVIII в. — IV, 212, 214, 219, 233, 296, 381, 384; V, 108, 198, 260, 261, 263, 381, 411, 465—467, 473, 482, 488
- Щербина*, ярославский дворянин — V, 81
- Щукин, Анисим*, обер-секр. Сената — IV, 187
- Эдигей*, татарский кн. — I, 72
- Эллетт*, содержатель пансиона — V, 179
- Энгель*, сенатор — V, 337
- Энгельгардт, Л. Н.*, автор записок конца XVIII в. — V, 179
- Юлиания*, тверская княжна — II, 117
- Юрий Васильевич*, брат Ивана Грозного — II, 199, 200
- Юрий Владимирович Долгорукий*, вел. кн. — I, 91, 180, 184, 280, 290, 296—298, 328—330, 333, 339, 347, 362; II, 3, 4, 23
- Юрий Всеволодович*, вел. кн. владимирский — I, 344, 349; II, 5, 44
- Юрий Данилович*, вел. кн. московский — II, 8, 12, 18, 23, 44
- Юрий Димитриевич*, кн. галицкий — II, 38, 45—47
- Юрий Иванович*, кн. дмитровский, — II, 138, 145
- Юрий Львович*, кн. брестский — I, 353
- Юрий Патрикеевич*, кн. — II, 162
- Юрлов*, полковник, — IV, 135
- Юрьев, Никита Романович* (предок Романовых) — III, 21, 67
- Юрьевичи*, суздальские князья — I, 190
- Юстициан*, имп. визант. — I, 7, 217
- Юст Липпсий*, голл., политический писатель XVI—XVII вв., V, 426
- Яворский*, см. *Стефан Яворский*
- Ягелло*, король польский, вел. кн. литовский — II, 117; III, 99
- Ягеллоны*, польско-литовская династия — III, 106, 108
- Ягузжинский, Павел Ив.*, ген.-прокурор при Петре I — IV, 33, 207, 208, 248, 267, 268, 292, 293, 323, 329, 352
- Ядвига*, королева польская — II, 117; III, 99
- Языков, Иван Макс.*, боярин при царе Федоре Алексеевиче — III, 140

- Языковы*, дворян. род — III, 76
Яковлев, прибыльщик — IV, 137
Ян Вышатиц, киевский тысяцкий — I, 70, 78, 311—313, 316
Ян-Альбрехт, кор. польский — II, 124
Ян-Казимир, кор. польский — III, 129
Ян Собеский, кор. польский — III, 301
Ярополк Владимирович, сын Владимира Мономаха, кн. киевский — I, 184, 286
Ярополк Ростиславич, кн. — I, 336
Ярополк Святославич, кн. киевский, — I, 87, 134, 141, 149
Ярослав Владимирович, кн. киевский — I, 74—76, 78, 80, 85, 104, 129, 149, 153, 154, 160, 166—174, 176, 179, 182, 183, 185, 187, 188, 191—193, 198, 209, 210, 212, 214, 219, 221, 222, 225, 231, 233, 234, 249, 255, 257—265, 267, 269—271, 275, 276, 280, 283, 285—287, 290, 344, 347, 352, 366, 383; II, 57, 60, 62, 92, 261, 412
Ярослав Владимирович Осмомысл, кн. галицийский — I, 290, 292, 343
Ярослав Всеволодович, вел. кн. владимирский — I, 344, 349, 351; II, 5, 13
Ярослав Всеволодович, кн. черниговский — I, 173
Ярослав Святославич, кн. черниговский — I, 185
Ярослав Ярославич, вел. кн. тверской — I, 349; II, 65, 68, 85
Ярославичи, князья — I, 169—174, 177, 179, 182, 183, 185, 187, 190, 193, 233, 249, 286, 352, 358, 372; II, 44, 62
Ярославичи, рязанские князья — I, 348

II. ИМЕНА ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ

- Абиссиния* — V, 479
Авары — I, 73, 103, 106, 109
Авнега, р. — II, 17
Австрия — III, 134; IV, 51, 52, 236
315, 316, 349; V, 24, 25, 32—35,
37, 39, 44, 45, 226, 235, 242, 243,
245, 247, 272.
Авратынская возвышенность — I, 47,
157
Адмиралтейский бульвар — V, 326
Адрианополь, г. — V, 252
Адриатическое море — III, 134, 369;
V, 243
Азия — I, 35 — 38, 40, 41, 98, 100,
101, 286; II, 221, 224, 425; V, 55
Азов, г. — III, 211, 213, 219, 221;
IV, 20, 30, 47, 52, 53, 56, 66, 67,
127, 128, 162, 316, 317; V, 33
Азовская губ. — IV, 164, 166
Азовское море — I, 37, 44, 47, 119,
123, 160; 'I, 112, 222; IV, 51, 52, 69
Алатырь, г. — II, 226, 258
Алаунское плоскогорье — I, 47, 56, 119
Александровск, г. на Днепре — I, 157
*Александровская слобода (г. Алексан-
дров)* — II, 185, 187, 188, 202, 423;
III, 20; IV, 19
Александро-Невская лагера — IV, 378
Алексин, г. — I, 298; II, 16, 216, 225
Амастрида — I, 128
Америка — I, 247, 298
Амстердам, г. — IV, 23, 25, 112,
114, 250; V, 523, 524
Анатолия — II, 224
Ангальт-Цербст, княжество — V, 5
Англия — II, 190; III, 134; IV, 23,
24, 29, 52, 91, 118, 254, 261, 296,
361; V, 36, 37, 185, 226, 235, 245,
266, 383, 429
Англы — I, 129
Андога, р. — I, 369; II, 267
Андожский удья — I, 369
Андреевский монастырь в Москве —
III, 299, 300, 304
Анты, племя — I, 101
Апеннинский полуостров — V, 303
Аральское море — I, 42, 43
Арбат, улица в Москве — II, 186,
188
Арбатские ворота в Москве — IV, 209
Арзамас, г. — III, 359
Армения — V, 247
Армянское государство — V, 243
Архангельск, г. — I, 40; III, 286, 287;
IV, 13, 19, 30, 129, 130, 207, 263
Архангельская губ. — I, 299; III, 162;
IV, 147, 164, 195
Архангельский собор в Москве — III,
165
Архангельское, село — IV, 289
Астраханская губ. — I, 48; IV, 147,
192, 195
Астраханские степи — I, 43
Астраханское царство — II, 256, 365;
III, 132
Астрахань, г. — II, 222, 336; IV, 30,
67, 78, 162; V, 45, 385
Атлантический океан — I, 38, 49,
137
Афины, г. — V, 369
Афон, гора — II, 171, 299, 304; III,
326; IV, 250; V, 523
Африка — II, 224
Багдад, г. — I, 121, 122, 128, 153
Балканский полуостров — I, 36, 102;
V, 40, 45, 246, 247, 250, 251, 391
Балтийские славяне — I, 129
Балтийский берег — V, 23
Балтийское море — I, 23, 38, 101,
119, 126, 135, 140; II, 61, 184, 209,
222; III, 5, 97, 134, 286, 368, 371,
377; IV, 50, 58—60, 70, 127, 129,
178, 225; V, 158

- Бар, г. — V, 32
 Башкиры — III, 230
 Бастилия, крепость в Париже — V, 195
 Бежецкая пятина — II, 58, 59
 Бежецкий р-д — II, 59
 Бежичи, г. — II, 59
 Белая Вежа, см. Саркел
 Белгород (на Днепре), г. — I, 331
 Белгород (Курский), г. — II, 226
 Белгородский уезд — IV, 245
 Белевский уезд — II, 239, 240; III, 93, 94, 183
 Белое море — I, 23, 303, 320; II, 58, 60, 109; 266; III, 5, 286; IV, 122, 129, 178
 Белозерск, г. — I, 160; II, 15, 381, 392; III, 159
 Белозерский край — I, 169, 314, 315; II, 266, 277, 299
 Белозерский уезд — II, 327, 381
 Белозерское княжество — II, 16
 Белоозеро — I, 71, 135, 143, 303, 311, 315, 335; II, 16, 266, 277; IV, 129
 Белоруссия — I, 23; II, 112; III, 5, 128—130, 233, 257; V, 33, 47
 Белоцерковский полк — III, 122
 Белый город в Москве — II, 186
 Березань, см. о-в св. Елевферия
 Берендеи, племя — I, 197, 287
 Берестечко, местечко — III, 126
 Берестье, г. — I, 67
 Берлин, г. — IV, 360; V, 8, 33, 45; V, 385, 400, 527
 Бессарабия — IV, 354; V, 243, 249
 Бессарабская губ. — I, 64
 Благовещенский собор в Москве — III, 304
 Боголюбов, г. — I, 297; II, 7
 Бовородск, г. — I, 309
 Бовородский уезд — II, 15
 Болгария (Балканская) — V, 244
 Болгария (Камская) — I, 336
 Болгарская земля — I, 100
 Болгарское государство — I, 107
 Болгарское царство — I, 89, 305
 Болгары, г. на Волге — I, 114, 141
 Болгары, племя — I, 102, 121, 284
 Болонья, г. — III, 264
 Бордо, г. — I, 137
 Боровск, г. — II, 7, 15, 216; III, 298
 Боровская тюрьма — IV, 5
 Боровицкие ворота в Москве — II, 4
 Боровицкий уезд — II, 218, 322
 Борисов, г. — II, 226
 Бородино, с. — V, 532
 Босния — V, 243
 Босфор — III, 114; IV, 316; V, 250, 251, 391
 Босфор Киммерийский, см. Керченский пролив
 Божтюга, р. — I, 369
 Божтюжский удел — I, 369
 Бранденбург — IV, 59
 Браслав, г. — III, 111
 Браславское воеводство в Польше — III, 108
 Братский монастырь в Киеве — III, 296
 Браунштейн, герцогство — III, 285; V, 8
 Браунштейн-Льонбург, герцогство — IV, 280
 Брест, г. — I, 353; IV, 56
 Брынка (Брынь), р. — I, 296
 Брынские леса — I, 296
 Брынь, волость — I, 296
 Брянск (Дебрянск), г. — I, 296; IV, 316
 Буг Восточный, р. — I, 104, 119, 142, 160, 294; III, 111; V, 25
 Буг Западный, р. — I, 103, 104, 142, 160, 170, 292
 Буковина — V, 374
 Бурзундия — I, 137
 Бурзунды — I, 107
 Бухара — III, 370
 Вага, р. — II, 274, 283; III, 285
 Вадбольский удел — I, 369
 Важский уезд — II, 335, 389, 391
 Вазуза, р. — I, 153; II, 7
 Вайгачский пролив (Югорский Шар) — I, 38; III, 285
 Вайт; остров в Англии — IV, 24
 Валахия — III, 132; IV, 316; V, 243, 244, 248, 250
 Валдайская возвышенность — I, 47, 50
 Валуйки, г. — II, 226
 Вандаль, народ — I, 107
 Вартбург, г. в Германии — V, 303
 Варшава, г. — III, 124, 129, 265; IV, 55; V, 31, 35, 325, 326, 346
 Варшавское герцогство — V, 297, 298
 Варгаи — I, 73, 74, 84, 88, 119, 125—130, 134—136, 138, 141, 163—165, 169, 197, 285; V, 483
 Варяжское море (Финский залив) — I, 119
 Василево, село близ Киева — I, 163
 Васильевский остров — IV, 318
 Васильсурск, с. — II, 119
 Великая, р. — II, 97

- Великая Россия*, см. *Великороссия*
Великие Луки, г. — II, 59, 79, 221
Великорусское государство — II, 111
Великороссия (Великая Россия) — I, 22, 23, 299, 303, 305, 307, 308, 310, 318—321, 326; II, 28, 50, 105, 108, 112, 119, 122, 123, 135, 136, 153, 167—169, 352, 394, 418; III, 4, 11, 96, 131, 368; IV, 51
Вена, г. — III, 264, 265; IV, 26, 213; V, 45, 385
Венгрия — I, 36, 87; IV, 53; V, 32
Венгерская земля — I, 100
Венгры (угры) — I, 75, 88, 89, 102, 173, 197, 298
Венец, г. — II, 225; III, 47
Венеты (венеды) — I, 101
Венеция, г. — II, 171; III, 133, 382; IV, 21, 51, 52, 91, 249, 250; V, 523
Верей, г. — II, 14, 15
Версаль, г. во Франции — IV, 274
Верхотурский уезд — IV, 126
Вестфалия, провинция в Германии — IV, 269
Весь, племя — I, 135, 160, 302
Весьегонск, г. — I, 303
Ветлуга, р. — II, 113
Византийская империя — V, 41, 45, 244, 391
Византия (см. также *Царьград*, *Константинополь*) — I, 7, 79, 80, 84—87, 104, 105, 108, 119, 126—128, 130, 134, 138, 141—143, 148, 152—157, 163, 170, 215, 217, 223, 275, 281, 282, 291; II, 131, 132, 144, 172, 173, 352; III, 313—315, 337; V, 522
Виленский учебный округ — V, 272
Вильна, г. — II, 142; III, 119, 129
Висби, г. на Готланде — II, 67
Висла, р. — I, 39, 100, 101, 104, 105, 119, 292, 294; II, 132; III, 125; V, 33, 35, 263
Висмар, г. — IV, 67
Витебск, г. — III, 370; V, 28
Витебская губ. — V, 42
Витичев, г. — I, 151, 157, 202
Виттенберг, г. в Германии — III, 105
Владимир-Волынский, г. — I, 160, 170, 292
Владимир-на-Клязьме (Залесский), г. — I, 69, 160, 204, 297, 327, 328, 332—338, 341, 349, 353, 358; II, 5, 7, 23, 24, 262; III, 159
Владимирская губ. — I, 297, 298; II, 185; IV, 166; V, 143, 272
Владимирская область — I, 350; II, 15, 16, 29—31, 37, 45, 150
Владимирский уезд — I, 298; II, 216, 388
Владимирское княжество — I, 343, 356, 368; II, 18, 33, 138
Возуличи, племя — II, 119
Водь, см. *Воть*
Восточная империя — I, 101, 102, 109
Воть (*Водь*), племя — II, 58
Вотьская земля — II, 58
Вотьская пятина — II, 58, 77, 215, 235; III, 97
Волга, р. — I, 16, 20, 22, 36, 42, 47, 50, 51, 55, 56, 62, 63, 119—123, 125, 160, 278, 279, 282, 292, 294—297, 302, 303, 305, 307, 311, 312, 318, 344, 348, 358, 359, 362, 365, 366, 386; II, 6, 7, 9—11, 16—18, 48, 52, 60, 61, 93, 105, 113, 119, 196, 218, 222, 257, 266, 276, 336; III, 4, 113, 119, 225, 239; IV, 53, 128, 129; V, 55, 155
Волмы, урочище — II, 283
Вологда, г. — II, 17, 66, 187, 283, 325, 340; III, 359; IV, 82, 207
Вологодский край — II, 283
Вологодский уезд — II, 341
Волок, новгородская волость — II, 66
Волок-Ламский — II, 7, 10, 59
Волоколамск, г. — II, 10, 14, 15, 142
Волохи (*римляне*) — I, 100, 106
Волоцкая страна (Волоколамский край) — II, 302
Волхов, р. — I, 21, 95, 119, 122, 123, 133, 138, 140, 142, 145, 156; II, 9, 57, 58, 61, 64, 73, 262; IV, 129, 129
Волынская земля — I, 337; III, 99
Волынская губ. — I, 47, 49, 64; III, 108
Волынская область — I, 193
Волынское княжество — I, 70, 292
Волынский край — III, 113
Вольнь — I, 170, 185, 196, 207, 353; II, 8, 148; III, 99, 108, 128, 130, 131; IV, 56; V, 28, 35, 47
Вольняне, племя — I, 103, 110
Воробьево, село под Москвой — IV, 10
Воронеж, г. — II, 226; IV, 162, 164
Воронеж, р. — IV, 20
Воронежская губ. — II, 226, 259; IV, 164; V, 130, 156—159, 161
Ворскла, р. — I, 160; II, 227; IV, 57
Воскресенские ворота в Москве — V, 450
Воскресенское, село в Белозерском уезде — II, 327

- Возна*, волость Московского уезда — II, 308, 310
- Всероссийская империя* — I, 23
- Веселитское, село* — IV, 303
- Вулич*, г. в Англии — IV, 24
- Выбора*, г. — IV, 58, 129, 252, 319
- Выгозеро* — II, 59
- Выдубицкий Михайлов монастырь* — I, 71, 72
- Витязра*, р. — IV, 129
- Вычевада*, р. — II, 60, 266, 267
- Выигород (южный)*, г. — I, 152, 329, 331, 335
- Выигород (близ Серпухова)*, г. — I, 297; II, 7
- Вышневолоцкая система* — IV, 128
- Вышний Волочек*, г. — I, 308
- Вьяма*, г. — II, 87, 839; III, 234
- Вятичи*, племя — I, 54, 105, 110, 116, 121, 132, 133, 146, 151, 296; II, 6
- Вятка* — II, 50, 57, 105, 113, 114, 119, 215, 216, 288
- Вятская губ.* — III, 162
- Вятская земля* — II, 18, 274
- Галиция* — I, 47, 105, 160, 292—294; III, 116, 257; V, 33, 47, 216
- Галицкая земля (южная)* — I, 298, 345; III, 104
- Галицкая область* — (южная) I, 193
- Галицкое княжество (южное)* — I, 70, 197, 292
- Галицкое княжество (северное)* — II, 16
- Галич (северный)*, г. — I, 297; II, 15, 16, 187, 262; III, 66
- Галич (южный)*, г. — I, 290, 343
- Гамбура*, г. — V, 8
- Ганеуд*, мыс в Финляндии, — IV, 27, 59
- Ганза*, торговый союз — II, 68
- Ганновер*, г. в Германии — IV, 22, 59
- Гардарик*, скандинавское название страны восточных славян — I, 129
- Гаронна*, р. во Франции — I, 137
- Гатчина*, г. — V, 221—223, 228, 237, 259
- Гдог*, г. — II, 98
- Германия* — I, 7, 135; III, 105, 133, 134, 262; IV, 34, 42, 52, 59, 60, 115, 125, 177, 178; V, 5, 8, 57, 61, 198, 391, 525
- Германская империя* — III, 382; IV, 53
- Геттинген*, г. в Германии — V, 199
- Геты*, племя — I, 98
- Глушица*, р. — II, 17, 266, 277
- Голландия* — III, 134, 284, 286; IV, 22, 24, 26, 30, 52, 77, 79, 115, 248—250; V, 46, 524, 525, 527
- Голштейн-Готторп*, герцогство — IV, 280
- Голитиния*, герцогство — IV, 363, 364, 372; V, 387, 391
- Гончарский конец (Людин)* в Новгороде — II, 58
- Городенское (Гродненское) княжество* I, 185
- Городец (на Волге)*, г. — I, 297
- Городец Меицкерский* — II, 16, 218
- Городище в Новгороде* — II, 69, 75, 79
- Гороховец*, г. — II, 7
- Гороховецкий уезд* — II, 265
- Готланд*, остров — II, 67
- Готы*, народ — I, 101, 102, 107, 129; II, 208
- Греция* — I, 6, 78, 87, 99, 130, 152, 170, 281, 288, 329, V, 249, 250, 258
- Гродно*, г. — III, 129; IV, 56, 172
- Гродненская губ.* — I, 49; III, 108
- Грузинское царство* — V, 243
- Грузия* — V, 40, 247
- Гунны*, народ — V, 483
- Даки*, народ — I, 98, 100
- Дакийское царство* — I, 100, 106
- Дакия* — V, 243
- Дальмация* — V, 243
- Дальний Восток* — III, 371
- Дамаск*, г. в Сирии — I, 121
- Дания* — I, 126; IV, 51—53, 125, 349, 372; V, 45, 387
- Данилов монастырь в Москве* — IV, 175
- Данков*, г. — II, 226
- Данциг*, г. — IV, 315, 316; V, 35, 473
- Даны (датчане)* — I, 126, 137, 138
- Дарданеллы*, пролив — V, 41, 251
- Двина Западная*, р. — I, 50, 118, 133, 140; II, 61; III, 97, 363, 372; IV, 55, 58
- Двина Северная*, р. — II, 60, 267, 270, 274; III, 285, 288; IV, 120
- Двинская земля* — II, 60, 79, 105, 391
- Дебрянск*, см. *Брянск*
- Дединово*, село Коломенского уезда — III, 286; IV, 124
- Дедичи* село — I, 116
- Дедовостици*, село — I, 116
- Делфтфорд*, г. в Англии — IV, 24, 25, 382

- Дербент*, г. на берегу Каспийского моря — IV, 30, 207
- Деревя* (в Новгороде) — II, 59
- Державская пятина* — II, 58, 59
- Дерт*, см. Юрьев
- Дерявинский погост* — II, 59
- Десна*, р. — I, 54, 55, 123, 158, 169, 296; II, 118; IV, 316
- Десятинная церковь в Кисее* — I, 256
- Дмитров*, г. — I, 297; II, 7, 15, 16
- Дмитрово-Галицкий уезд* — I, 368
- Дмитровская сотня в Москве* — III, 205
- Дмитровский уезд* — II, 15, 320, 326
- Днепр*, р. — I, 15, 21, 47, 50, 55, 78, 86, 89, 95, 96, 98, 100—102, 106, 108, 111, 112, 118—124, 126, 131, 133, 138, 140—142, 145, 150—152, 156—160, 173, 223, 278, 281, 286, 287, 290, 294—296, 298, 307, 344, 359, 360, 381; II, 61, 118, 119, 222, 223, 262, 425; III, 97, 110, 111, 113, 115, 128, 130, 369; IV, 316; V, 25, 42, 391, 482
- Днепровские пороги* — I, 47
- Днепровь* — I, 122
- Днестр*, р. — I, 36, 98, 101, 102, 104, 111, 119, 142, 160, 292, 294; III, 131; IV, 316; V, 391
- Доброе*, местечко в Белоруссии — IV, 221
- Дон* (*Танаис*), р. — I, 35, 36, 47, 111, 119—122, 125, 126, 344; II, 119, 217, 218, 223, 256, 336; III, 112, 113; IV, 53, 56, 128, 323, 330
- Донецкая возвышенность* — I, 47
- Донец Северный*, р. — I, 47; II, 223, 226, 227, 257; III, 126
- Донская область* — V, 130
- Донского войска область* — I, 47, 64
- Донской бассейн* — IV, 162
- Дорогобуз*, г. — I, 225
- Древяне*, племя — I, 79, 97, 100, 110, 132, 133, 141, 146, 149, 151
- Дреговичи*, племя — I, 110, 132, 133, 151
- Друцк*, г. — I, 286
- Дубна*, р. — II, 10
- Дулебы* (волынцы), племя — I, 73, 74, 103, 109, 142
- Дунай*, р. — I, 45, 73, 88, 98, 100—102, 105, 106, 158, 168; II, 222; III, 131, 368; IV, 316
- Европа* — I, 7, 35—39, 40, 41, 50, 100, 101, 106, 107, 120, 127, 129, 131, 135, 286, 321, 325, 354; II, 96, 127, 224, 424, 425; III, 12, 13, 98, 104, 108, 133, 134, 280, 281, 295, 381; IV, 20, 21, 32, 33, 38, 51, 55, 115, 118, 177, 213—215, 225, 232, 236, 247, 249—251, 259, 315, 334, 349, 361; V, 5, 6, 40, 41, 45, 68, 88, 186, 190, 192—194, 214, 216, 222, 243, 245, 246, 249, 252, 253, 295, 319, 321, 383, 385, 389, 391—393, 418, 430, 436, 437, 470, 471, 477, 479, 485, 488, 528
- Европа Западная* — I, 17, 18, 37—38, 49, 51, 61—63, 125, 126, 137, 166, 281, 289, 375; II, 184, 209, 228, 424, 425; III, 8, 105, 267, 274, 275, 280, 289, 290, 295, 352, 364, 371, 373, 390; IV, 20, 23, 26, 51, 112, 129, 130, 214, 220, 221, 224—226, 237, 284, 290, 360; V, 23, 28, 45, 80, 162, 198, 221, 246, 266, 297, 410, 464, 470, 478, 479, 523, 533
- Европейская Россия* — I, 21, 35, 37—41, 43, 44, 46—50, 63, 64, 220, 303, 310; II, 8; IV, 354; V, 148, 155, 346, 451
- Египет* — I, 80; V, 245, 250
- Егонь*, р. — I, 303
- Екатеринбург* (Свердловск), г. — IV, 126
- Екатеринбургский округ* — IV, 127
- Екатеринослав* (Днепропетровск), г. — I, 157; V, 234
- Екатеринославская губ.* — I, 64; V, 130, 208
- Елефферия со. остров* (Березань) — I, 158
- Елец*, г. — II, 223, 226, 227
- Елецкий уезд* — II, 239, 240; III, 93, 94, 112
- Елисаветград*, г. — I, 40
- Еникале*, г. — V, 33
- Енисейск* г. — III, 285
- Енисейская провинция* — V, 148
- Епифанский уезд* — II, 217, 258; IV, 128
- Ергени*, холмы — I, 47
- Жванец*, местечко — III, 126
- Женева*, г. — IV, 17
- Жидичи*, село — I, 116
- Жидра*, р. — I, 296; II, 16, 226
- Жидринский уезд* — I, 296
- Житомир*, г. — I, 46
- Заволжье* — I, 17, 58; II, 9, 16, 276, 327; IV, 56

- Заволжская земля* — II, 9
Заволочье — II, 60, 66
Загородский конец в Новгороде — II, 58
Загреб, г. — III, 264
Заиконоспасский монастырь — III, 340; IV, 82
Закавказье — I, 120
Залесская половина Шелонской пятины — III, 189
Заозерское княжество — I, 369
Заонежье — I, 299; IV, 245
Заорский удел — I, 369
Западная империя — I, 102
Западный край — V, 272
Запорожье — III, 98, 115—117, 120, 123, 124, 130, 257
Зарайск, г. — III, 206, 233
Зборов, г. — III, 126
Звенигород, г. — I, 297; II, 7, 14, 15
Звенигородский уезд — II, 15
Земля войска Черноморского — V, 208
Зимний дворец — IV, 279, 280, 362, 373; V, 224, 227, 229, 259, 326
Золотая орда — II, 10, 13, 16, 18, 19, 21, 22, 24, 32, 37—39, 44, 45, 52, 67, 113, 114, 116, 130, 148, 222; III, 22

Ивангород, г. — III, 97, 371
Иван-озеро — IV, 128
Иванский канал — IV, 128
Иена, г. в Пруссии — I, 7
Иерусалим, г. — I, 75, 76, 109, 206; II, 285
Изгорская земля — IV, 267
Изборск, г. — I, 132, 135, 143; II, 98
Измаил, г. — V, 34
Измайлово, село — IV, 13
Иллирия — I, 88
Илова, р. — IV, 128
Ильмень, озеро — I, 419, 139; II, 57, 281; IV, 128
Ильменские славяне — I, 132, 133
Имеретия — V, 246
Имперманландская губ. — IV, 164
Инерия — IV, 54, 58, 153, 162
Индия — III, 134, 371; IV, 115; V, 479
Иноземская слобода в Москве — III, 290
Иоанна Боевлова, церковь в Москве — III, 300, 339
Иоанна Предтечи на Гостином дворе, ц. в Новгороде — II, 83, 84

Иоанна Предтечи на Опомаз, ц. в Новгороде — II, 75
Иосифов Волоколамский монастырь — II, 283, 291, 294; III, 259
Ипатьевский монастырь в Костроме — I, 69
Иранское плоскогорье — I, 37
Ирпень, р., приток Днепра — I, 298
Ирпень, р., приток Клязьмы — I, 298
Исетская провинция — V, 407
Исеть, р. — IV, 126
Искоростень, г. — I, 110
Испания — IV, 52; V, 244, 303
Истра, р. — II, 7
Италия — I, 6, 7; II, 127, 129, 174; III, 264; IV, 42, 266, 288; V, 185, 235, 372, 373, 429
Итиль, г. — I, 121, 282

Кавказ — I, 20, 23; V, 243
Кавказский хребет — I, 38; III, 5; V, 247
Кавул, р. — V, 32, 363, 365, 372
Кадис, г. в Испании — IV, 250; V, 523
Казанская губ. — IV, 102, 135, 146, 147, 164, 192
Казанская провинция — V, 69
Казанский собор в Москве — III, 332
Казанский собор в Петербурге — IV, 373
Каванское царство — II, 113, 170, 184, 222, 254, 256, 365, 389; III, 89, 132, 230
Казань, г. — I, 317; II, 236, 336, 365, 389; III, 288, 352; V, 55, 192, 291, 308
Калиш, г. — IV, 67; V, 35
Калмыки, народ — III, 348; V, 37, 483
Калуга, г. — II, 6, 16, 113, 225, 262; III, 42
Калузская губ. — I, 296, 308; II, 112, 113; IV, 166; V, 156—161
Калузский уезд — I, 298; II, 218
Калыгин, г. — I, 296
Кама, р. — I, 42, 46, 303; II, 335
Каменный Спасский монастырь — I, 369; II, 9, 266, 277
Камышин, в. — I, 38
Камышинка, р. — IV, 128
Кандия, остров — V, 243
Канев, г. — III, 111, 113
Каневский округ — III, 122
Каневский полк — III, 122

- Канин Нос* — III, 285
Кания, г. — V, 250
Канцы, см. Ниеншанц
Карачарово, село — I, 295
Карачев, г. — I, 296
Каргополь, г. — II, 187, 266, 283
Каргопольский уезд — V, 80
Карелия — IV, 54, 58
Карловичи, г. — IV, 52, 53
Карпаты, горы — I, 20, 36, 42, 47, 95, 98, 102, 104—109, 142, 146, 294, 299
Касимов, (Мещерский Городец) г. — II, 218
Каспийское море — I, 20, 23, 37, 42 — 44, 119, 122, 123; II, 112; III, 5, 97, 286, 377; V, 247
Кафа (Феодосия), г. — I, 119; II, 222, 224
Казетия — V, 243
Кашира, г. — II, 15, 225; III, 47
Каширский уезд — II, 258
Кельн, г. в Германии — I, 137
Кемский удел — I, 369
Кема, р. — I, 369
Кена, р. — II, 267
Кенигсберг, г. в Германии — IV, 22
Керченский пролив (Босфор Киммерийский) — I, 119
Керчь, г. — I, 119, 128; IV, 53; V, 33
Киев, г. — I, 45, 46, 54, 70—75, 78, 80, 84, 86—88, 90, 96, 102—104, 111, 112, 114, 123, 125—127, 130, 131, 133—135, 137, 138, 140—145, 149—154, 157—160, 163, 168—170, 172—174, 177, 183, 184, 186—188, 190—194, 196, 199, 200, 203, 204, 256, 272, 281, 287, 288, 289—293, 295, 298, 302, 307, 328—331, 334, 335, 342, 344, 346, 348, 349, 354, 370; II, 8, 23, 60, 62, 63, 76, 124, 148, 262; III, 124, 128, 130, 257, 296, 299, 304, 363, 369, 370, 378, 382; IV, 56, 162, 164, 289; V, 28, 291, 305
Киевка, р. — I, 298
Киево, село — I, 298
Киевская губ. — III, 108; IV, 146, 147, 164; V, 323, 327
Киевская земля — I, 55, 127, 129, 142, 144, 159, 184, 293, 330, 337, 344, 345, 358; III, 99
Киевская область — I, 104, 132, 134, 149, 159, 165, 183, 193
Киевский край — III, 113
Киевский овраг — I, 298
Киевское княжество — I, 132, 140, 144—146, 148, 153; II, 60, 62, 132
Киевцы, село — I, 298
Киль, г. в Германии — IV, 363, 366; V, 8
Кимры, племя — V, 483
Кипр, остров — V, 243
Киргизы — V, 483
Кириллов Белозерский монастырь — II, 266, 298, 299, 323, 327, 381; III, 191, 260
Китай — III, 135, 371
Китай-город в Москве — III, 48, 62, 64, 300
Кичменга, р. — II, 283, 284
Клин, г. — I, 309; II, 7, 14
Клинский уезд — II, 113
Клопский монастырь — II, 109, 110
Клушино, село — III, 45
Клязьма, р. — I, 47, 160, 297, 298, 334, 344, 368; II, 7, 10, 14, 16, 23, 196, 265, 425
Ковжа, р. — II, 277; IV, 129
Ковно, г. — III, 129
Кожевницакая полусотня в Москве — III, 205
Кожухово, село — IV, 17, 20
Козельск, г. — I, 296; II, 16, 142, 187, 226; IV, 87
Козлов, г. — III, 146, 258
Кокенгаузен (Кужейнос), г. — II, 202; III, 363, 372
Кокуй, ручей в Немецкой слободе — IV, 17
Кола, р. — III, 286
Колокша, р. — I, 337
Коломна, г. — I, 309; II, 12, 14—16, 113, 225, 265
Коломенский уезд — II, 234, 238, 240, 255, 258, 309; III, 206, 266
Коломенское, село — III, 241; IV, 10
Комела, р. — II, 17, 266
Комельский лес — II, 266, 278, 283
Конотоп, г. — III, 130; IV, 76
Константинополь (см. также Византия), г. — II, 224; III, 132; IV, 216, 316, 317; V, 26, 40, 45, 243, 250—252, 385, 391
Копорье, г. — III, 97
Коппенбург, г. в Германии — IV, 22, 34
Корела (Жексольм), г. — II, 71; III, 97
Корнилев Комельский монастырь — II, 267
Корсунский полк — III, 122
Корсунь, см. Херсонес
Корчева, г. — I, 308
Косва, р. — I, 303; III, 285

- Косово поле* — V, 244
Кострома, г. — I, 38, 297; II, 16, 142, 268; III, 325
Кострома, р. — II, 266, 267; III, 285; V, 406
Костромская губ. — I, 48; IV, 166; V, 159
Костромская область — II, 17
Костромской удел — I, 368
Костромской уезд — II, 310
Котлин, остров — IV, 65
Краков, г. — III, 119, 129; V, 35
Краковская область — I, 292
Красная площадь в Москве — II, 399, 401, 402; III, 37, 67, 87; IV, 253
Красное крыльцо Московского дворца — IV, 7
Кремль Московский — I, 281; II, 4, 51, 129, 133, 141, 144, 152, 184, 369; III, 36, 48, 62—64, 88; IV, 8, 9, 12, 14, 86, 87, 292
Кривичи — I, 110, 116, 132, 133, 135, 146, 151
Кромы, г. — II, 226
Кронштадт, г. — IV, 35, 129—131, 375; V, 362
Кронштадтская пристань — V, 178
Крым — I, 38, 119, 128, 155; II, 112, 124, 148, 218, 222—224; III, 113, 114, 118—120, 133, 215, 253, 393; IV, 53, 57, 66, 316, 317; V, 82—85, 40—42, 47, 365, 377, 391
Крымское ханство — II, 222, 223
Крыпецкая пустынь — III, 378
Княгинин, г. — I, 296
Кубань, р. — I, 98; II, 222; IV, 316
Кубенский удел — I, 369
Кубенское оз. — I, 369; II, 9, 16, 266, 277
Кубина, р. — I, 369
Кувцецкая слобода в Москве — III, 205
Кувцецкий Мост, улица в Москве — V, 450
Курьинская ул. в Новгороде — III, 95
Кукейнос, см. Коненгаузен
Кума-маньчская низина — I, 44
Кунерсдорф, г. в Германии — IV, 360
Курбский удел — I, 369
Курляндия — IV, 303, 311; V, 35, 299
Курск, г. — I, 183, 184; II, 226
Курская губ. — II, 112, 226, 227, 258; IV, 245; V, 130, 160
Курский уезд — II, 240
Курское княжество — I, 194
Куцково, или Кучково (Москва) — I, 5
Кучково поле, урочище в Москве — II, 5, 7
Кушалино, волость Тверского уезда — II, 324
Кушалино, село в Тверском уезде — II, 327
Кушта, р. — II, 266
Ладова, г. — I, 87, 133, 136; II, 71, 262; IV, 129
Ладожский канал — IV, 129, 209, 286, 318
Ладожский уезд — II, 86
Ладожское озеро (Нево) — I, 119, 160; III, 97; IV, 125, 128, 129
Лама, р. — II, 7
Ларга, р. — V, 32, 365
Лебедянский уезд — III, 231
Ледовитый океан — I, 39
Лежа, р. — II, 266
Лейден, г. — IV, 23, 249
Лейпциг, г. — V, 318, 532
Лена, р. — I, 14; III, 154
Леоново, пустошь на берегу Ильмена оз. — II, 281
Лесная, деревня — IV, 57, 58, 61
Летний сад — IV, 37
Лефортов дворец в Москве — IV, 290; V, 405
Ливны, г. — II, 226, 227
Ливония — II, 98, 112, 125, 175, 222, 403, 412, 413; III, 24, 97, 129, 131, 363, 364, 371; IV, 57, 153; V, 23
Ливонский орден — II, 62, 97, 121
Липица, р. — I, 344
Литва — I, 197, 285, 292—294, 299, 347, 354, 355; II, 9, 22, 27, 52, 59, 62, 68, 97, 98, 106, 107, 110, 113—119, 121, 124, 125, 130, 141, 175, 193, 195, 196, 217, 218, 222—224, 303, 423; III, 27, 33, 44, 99—102, 104—110, 114, 119, 121, 128—130, 231, 233, 257, 260, 346, 363; IV, 75, 248; V, 35, 47, 298, 483
Литовская земля — II, 124
Литовское государство — I, 348; II, 114, 116, 117; III, 99, 102, 103, 108
Литовско-польское государство — II, 112
Литовско-русское государство — I, 354, 355; III, 99
Лифляндия — IV, 56, 58, 98, 132, 257; V, 299

- Лижвин*, г. — II, 16, 225
Лобное место в Москве — III, 67, 227
Ловать, р. — I, 21, 119; II, 58, 262
Ломбардия — I, 62; IV, 316
Лондон, г. — IV, 24, 25, 112, 124, 250; V, 396, 526
Лопасня, удел — II, 4, 7
Лотарингия — IV, 316
Луара, р. во Франции — I, 137
Лубянка, улица в Москве — II, 5
Луга, р., приток З. Буга — I, 170
Луга, р. в Новгородской земле — II, 58
Луз, г. — III, 213
Лыбедь, р. во Владимире — I, 298
Лыбедь, р. в Киеве — I, 298
Лыбедь, р. в Нижнем-Новгороде — I, 298
Лыбедь, р. в Рязани — I, 298
Львов, г. — III, 301
Любек, г. — II, 68
Любеч, г. — I, 123, 142, 150, 152, 202, 207, 290; II, 119
Люблин, г. — III, 107; V, 35
Лужи, см. Поляки
- Мадрид*, г. — IV, 274
Мазовия — V, 35
Малая Россия, см. Украина
Малороссия, см. Украина
Мамонта св. монастырь — I, 154
Мамы св. предместье в Царьграде — I, 154
Мариенбург, г. в Лифляндии — IV, 257, 258
Мариинская система — IV, 129
Маркуша, р. — II, 267
Марсель, г. во Франции — IV, 250; V, 523
Махрицкий монастырь — II, 315
Медведица, р. — III, 126
Медвиль, г. — II, 15
Мезень, р. — III, 285
Мексика — V, 479
Меря, племя — I, 101, 135, 160, 303, 312
Мещера, г. — II, 16
Мещерский Городец (Касимов), г. — II, 16, 218
Мизия — I, 101
Милет, г. в Малой Азии — I, 119
Мингерлия — V, 243, 247
Минск, г. — I, 132, 286; IV, 56
Минская губ. — I, 49; V, 42
Минское княжество — I, 286
Мир, г. — IV, 56
Мирятичи, село — I, 116
- Митава*, г. — IV, 293, 304, 312; V, 525
Михалицкий монастырь — II, 341
Мовилев, г. — IV, 57; V, 372, 444
Можайск, г. — I, 309; II, 14—16, 113
Можайское княжество — II, 12, 49
Мойка, р. — IV, 82
Молдавия — III, 117, 118, 182; IV, 316, 330; V, 243, 244, 248, 250
Молдавское княжество — IV, 316
Молога, р. — I, 369
Моложский удел — I, 369
Моложский уезд — I, 48
Монза, р. — II, 266
Монпелье, дворец в Петергофе — IV, 43, 374
Моравя, *Моравская держава* — I, 88, 89, 105
Мордва, племя — I, 61, 101, 298, 303, II, 9, 113; III, 230, 335
Морех — IV, 53; V, 40, 41, 243, 245, 372
Мосальск, г. — V, 54
Москва, г. — I, 36, 46, 49, 57, 204, 296, 308, 309, 338, 355; II, 3—24, 27—29, 31—34, 39, 42, 44, 46, 49, 52, 55, 59, 77, 93, 105, 107—111, 113—120, 122—130, 133—136, 139, 144—146, 148—155, 161, 162, 167, 168, 171, 182, 185, 187, 193, 194, 196, 215, 220, 222—225, 228, 237, 250, 251, 255, 263, 265, 275, 279, 282, 284, 297, 298, 310, 339, 340, 349, 353, 363, 380, 401, 404, 408, 412, 417, 420, 425; III, 17, 21, 22, 25—27, 33, 35—37, 41, 42, 45, 47—50, 62—65, 67, 68, 77, 80, 87, 90, 91, 97, 98, 116—118, 120, 124—134, 144, 147, 152, 158, 172, 202, 205, 207—209, 212, 213, 216, 222, 224, 225, 227, 230, 236, 238, 241, 253, 254, 257, 258, 260, 265, 266, 270, 272, 276, 282—286, 288—292, 294—302, 304, 307, 313—315, 323, 324, 326, 330, 332, 339, 357—359, 368—370, 374, 376—378, 382, 383, 385; IV, 8, 17, 21, 23, 26, 29, 32, 40, 56—58, 67, 73, 75, 76, 79, 81, 82, 87, 88, 91, 117, 118, 124, 126, 127, 141, 161, 168, 164, 170—172, 176, 197, 209, 217, 219, 229, 237, 240, 241, 243, 244, 251, 252, 254, 255, 258, 261, 264, 282, 290, 293—296, 303, 311, 321, 329, 360, 362, 375; V, 31, 45, 67, 79, 149, 175, 178, 198, 200, 213, 291, 319, 324, 351, 360, 385, 396, 430

- 442, 444, 450, 452, 459; 522, 524
Москва, р. — I, 303, 304, 327; II, 6, 7, 12, 14, 16; III, 241; IV, 20, 128
Московил — II, 223, 224, 297; III, 92, 134, 264; IV, 51, 52, 61
Московская губ. — II, 14, 18, 118, 327; IV, 164, 166, 167; V, 158—160
Московская земля — II, 86
Московская котловина — I, 47, 56
Московская область — II, 10
Московская сторона — IV, 130
Московский край — II, 10
Московский уезд — I, 298; II, 15, 216, 218, 236, 308, 310, 322, 345
Московское государство — II, 112, 131, 134, 138, 143, 152—154, 172, 192, 311, 317, 323, 324, 351, 353, 254, 263, 211, 213, 214, 216, 221, 223—225, 229, 230, 232, 245, 248, 251, 368, 364, 367, 374, 375, 384, 386, 395, 398, 419, 422—425; III, 11, 12, 14—18, 30, 38, 39, 41, 42, 45, 46, 54, 55, 57, 58, 61, 66, 70—72, 75, 78, 81, 85, 88, 92, 93, 95, 97, 98, 117, 129, 130, 133—138, 171, 210, 227, 237, 239, 249, 260, 262, 264, 267, 285, 291, 315, 325, 361, 364, 368, 371, 373, 382; IV, 12, 50—52, 78, 85, 96, 129, 201, 224, 238; V, 86, 87, 131, 216, 217
Московское княжество — I, 356, 367, 368, 377, 380; II, 6, 14, 18, 27—29, 31, 33, 43, 45, 47, 49—51, 53, 55, 56, 113—115, 119—122, 125, 138, 147
Московское царство — III, 266
Мста, р. — II, 58; IV, 128
Мстино, озеро — IV, 128
Муравский шлях — II, 223
Мурман — III, 286
Мурманский берег — I, 39
Муром, г. — I, 160, 220, 295; II, 6, 8, 16, 216, 340; III, 325
Мурома, племя — I, 160, 303
Муромский уезд — II, 216, 217, 258, 329
Муромо-Рязанская область — I, 193
Муромо-Рязанская окраина — I, 169
Муромо-Рязанское княжество — I, 185
Миценж, г. — II, 142, 227; III, 164
Миценжский уезд — II, 239, 240; III, 93, 94
Миценжская полустепь в Москве — III, 205
Нарва, г. — III, 371; IV, 47, 54—56, 58, 67, 76, 129, 134, 140, 252
Нарова, р. — II, 97, 119; IV, 53, 54, 97
Неаполь, г. в Италии — IV, 315; V, 244, 245
Нева, р. — II, 119; III, 371; IV, 30, 53, 67, 128, 129, 171, 252, 280; V, 525
Нево, см. Ладожское озеро
Невья, р. — IV, 126
Неглинная, р. — II, 4; III, 285
Нежин, г. — V, 306
Неман, р. — II, 132; IV, 56
Немецкая свобода в Москве — III, 289, 290, 292, 320; IV, 12, 17, 19, 20, 25, 253, 258
Немецкое море — I, 137; III, 369
Неревский конец в Новгороде — II, 58, 77
Нерехта, г. — II, 7
Нерехта, волость — II, 310
Нервь Большая, р. — I, 296
Несвиж, г. — IV, 56
Ниеншанц (Канцы), г. — III, 371; IV, 252
Нижегородская губ. — IV, 192
Нижегородская провинция — V, 69
Нижегородское княжество — II, 9, 16, 121
Нижегородский уезд — II, 326
Нижний-Новгород, г. — I, 46, 47, 61; II, 6, 8, 16, 113, 151, 225, 263, 265; III, 171, 325, 331
Никитская улица в Москве — II, 186, 188
Николаев, г. — I, 119
Николая св. монастырь в Новгороде — II, 95
Никольская ул. в Москве — III, 327, 340; IV, 251; V, 522
Никополь на Дунае, г. — I, 106
Новгород, г. — I, 74, 85, 96, 123, 131, 135—137, 139, 142—144, 152, 164, 168, 170, 188, 196, 236, 266, 286, 291, 334, 333, 343; II, 9, 50, 56—85, 88—100, 102—109, 112, 114, 115, 118, 121, 202, 215, 221, 235, 262, 266, 267, 420; III, 62, 97, 237, 258, 315; IV, 82, 125, 245
Новгород-Северский, г. — I, 194, 290; II, 118, 226
Новгородская волость — I, 169, 344
Новгородская губ. — I, 47, 48; II, 58, 327; V, 230
Новгородская земля — I, 295, 345; II, 80—82, 66, 67, 77, 80, 83, 85, 86, 104, 106, 285, 397

- Новгородская область* — I, 132, 134, 193, 311; II, 59, 62, 104; III, 205
Новгородские славяне — I, 110, 127, 145
Новгородский уезд — II, 86, 396
Новленский удел — I, 369
Новодевичий монастырь в Москве — II, 186; III, 26
Новомещанская слобода в Москве — III, 293
Новороссия — I, 20, 23, 49; III, 5; V, 234, 365, 391
Новосиль, г. — II, 226; III, 164
Новоспасский монастырь в Москве — III, 151
Ногайские орды — II, 222
Норвежцы — I, 129
Нурма, р. — II, 284
Нурма Обнора, р. — II, 266, 267

Обнора, р. — II, 17, 267, 277
Обонезская пятина — II, 58, 59
Обонезский ряд — II, 58
Обры, народ — I, 102, 103
Обиций Сырт, возвышенность — I, 42, 43
Овернь, провинция во Франции — I, 137
Овоцный ряд в Москве — III, 346
Огородная слобода в Москве — III, 205
Одесса, г. — V, 306
Одоев, г. — II, 225
Озерная область — I, 48
Ока, р. — I, 47, 54—56, 62, 110, 153, 160, 169, 294—298, 302—304, 318, 348, 355; II, 6, 7, 9, 11, 16, 18, 113, 121, 144, 216, 218, 223—227, 254, 256—258, 266, 340; III, 286; IV, 14, 124, 128
Окско-Донская низменность — I, 47
Оксфорд, г. в Англии — IV, 24
Олонец, г. — IV, 252
Олонецкая губ. — I, 48, 299; III, 162
Олонецкий край — IV, 126, 246
Олонецкий уезд — IV, 244
Ольвия, греческая колония — I, 119
Онега, р. — II, 60, 266
Онежское ог. — I, 303; II, 58; IV, 126, 129
Опочка, г. — II, 98
Ораниенбаум, г. — IV, 372, 374, 375
Ордынка, улица в Москве — IV, 209
Ордынская слобода в Москве — III, 205
Орел, г. — II, 226, 227, 258; V, 471
Оренбург, г. — I, 39, 40

Оренбургская губ. — V, 191
Орехов, г. — II, 71
Ореховский уезд — II, 87, 235
Орешек, см. Шлиссельбург
Орловская губ. — I, 296; II, 112, 258; V, 160
Ориша, г. — V, 42
Оскол, г. — II, 226
Оскол, р. — II, 257
Остзейский край — IV, 165
Остров, г. — II, 98
Охотский удел — I, 369
Очаков, г. — IV, 316, 317; V, 35, 47
Ошвенский монастырь — II, 266
Оять, р. — I, 303

Павловское, имение имп. Марии Федоровны — V, 222
Палестина — III, 336
Паннония — I, 88
Пантикалея, греческая колония — I, 119
Париж, г. — I, 137; II, 171; IV, 29, 30, 112, 115, 250, 359; V, 6, 164, 180, 189, 190, 191, 318, 349, 431, 465, 527, 532
Пелегово, урочище за р. Унжей — II, 282
Пелима, р. — II, 17, 266
Перекоп — II, 223
Переяславль-Залесский, г. — I, 297, 298, 337; II, 7, 15, 52, 262, 310; III, 159; IV, 19, 178
Переяславль-Русский, г. — I, 123, 150, 169, 170, 183, 288, 289, 298; II, 262; III, 111, 113
Переяславль-Рязанский (Рязань), г. — I, 298
Переяславская земля (южная) — I, 132—134, 183, 193, 286, 288, 293
Переяславское княжество — I, 328, 368
Переяславское озеро — I, 303; IV, 13, 20
Пермская губ. — III, 162; IV, 126
Пермская земля (страна) — II, 60, 113, 118, 274
Пермь, г. — I, 45
Пернов, г. — IV, 129, 130
Персия — II, 202; III, 117, 134, 225, 370; IV, 50, 316; V, 247
Песья Деньга, р. — II, 267
Петербурге (Ленинград), г. — I, 39, 40, 204; III, 371; IV, 8, 31, 33—35, 38, 40, 65, 79, 82, 83, 98, 115, 118, 125, 127—131, 152, 162, 170, 171.

- 197, 207, 208, 219, 236, 252, 254, 261, 276, 315, 329, 360, 362, 363, 373—376; V, 7, 11, 29, 40, 45, 54, 74, 79, 88, 175, 176, 178, 181, 182, 189, 192, 195, 198, 222, 223, 227—230, 240, 259, 260, 272, 291, 313, 320, 324, 325, 328, 337, 338, 344, 360, 362, 370, 372, 376, 385, 391, 392, 395, 438, 442, 453, 459, 507, 510, 513, 524, 526
- Петербургская губ.* — I, 48; IV, 164, 192, 195, 354, 376
- Петербургский остров* — IV, 130
- Петербургский учебный округ* — V, 306
- Петергоф*, г. — IV, 373—375
- Петра храм* в Риме — IV, 249
- Петра немецкая церковь* в Новгороде — II, 68
- Петроаводск*, г. — IV, 126
- Петроков*, г. — III, 105
- Петропавловская крепость* — V, 230
- Петропавловский собор* — IV, 268, 358
- Печенеги* — I, 75, 79, 87, 102, 125, 126, 141, 157, 159, 287, 293
- Печерский монастырь* — I, 17, 70—72, 76—78, 86, 239, 287; III, 296 299
- Печора*, волость — II, 60
- Печора*, р. — II, 60, 119; III, 285
- Пиренейский полуостров* — I, 289; V, 244
- Плесская волость* Владимирского уезда — II, 388
- Плотницкий конец* в Новгороде — II, 57
- Поамурье* — III, 371
- Побужье* — III, 110
- Поварская*, улица в Москве — V, 213
- Повенец*, г. — IV, 126
- Поволжье* — I, 22, 112, 169, 301, 303, 318, 319, 327, 347, 348, 367; II, 17, 340, 342; III, 11, 97; IV, 16, 156
- Поганый пруд* в Москве — III, 285
- Подлякия* — III, 108, 120
- Поднепровье* — I, 113, 119, 126, 289—292, 294, 344; III, 110, 114, 257
- Подолья* — III, 99, 128, 131; IV, 53; V, 35, 47
- Подольская губ.* — I, 47, 64; III, 108; V, 323
- Подольская земля* — III, 99
- Подольский край* — III, 113
- Подонье* — II, 340
- Познань*, г. в Польше — III, 119
- Покровка*, улица в Москве — III, 290; IV, 258
- Покровская сотня* в Москве — III, 205
- Полабские славяне* — I, 89
- Полесье* — I, 47—49; IV, 56
- Половцы* — I, 85, 93, 197, 286—288, 293
- Полоцк*, г. — I, 90, 123, 135, 143, 150, 199; II, 221, 262, 404, 413; III, 119, 370; V, 28, 42
- Полоцкая область* — I, 132, 134, 193
- Полочане* — I, 110
- Полтава*, г. — IV, 57, 58, 67
- Полтавская губ.* — I, 169, 298; III, 108
- Польское герцогство* — V, 298
- Польское государство* — I, 293; III, 130; V, 24, 25, 29
- Польско-литовское государство* — I, 293
- Польское королевство* — II, 117, 124
- Польша* — I, 87, 106, 160, 185, 198, 292—294; II, 114, 117, 121, 122, 125, 131, 134, 171, 217, 222—224, 303, 403, 404, 412; III, 12, 24, 33, 41, 42, 96—109, 114, 125—135, 163, 210, 211, 230, 237, 240, 251, 253, 257, 262, 283, 295, 297, 301, 323, 363, 368—371, 378, 382, 393; IV, 44, 50—53, 57, 58, 162, 172, 236, 296, 305, 315, 323, 330; V, 23—25, 28—36, 38, 39, 41—44, 46, 208, 209, 216, 246, 298, 311, 313, 330, 364, 391, 473
- Поляки (ляхи)* — I, 88, 89, 100, 105, 173, 197, 299
- Поляне* — I, 88, 97, 100, 102—104, 110, 116, 117, 121, 132, 133, 141
- Померания* — I, 130; IV, 375; V, 33
- Поморье северное* — IV, 245
- Поморяне*, племя — I, 105
- Понт*, (Черное) море — I, 119
- Понтийские степи* — I, 43
- Поросье* — I, 287
- Портсмут*, г. в Англии — IV, 24
- Португалия* — V, 244
- Порохов*, г. — I, 308
- Почайна*, р. во Владимире — I, 298
- Почайна*, р. в Киеве — I, 298
- Почайна*, р. в Нижнем-Новгороде — I, 298
- Почайна*, р. в Рязани — I, 298
- Прага*, г. — III, 265
- Прейсиш-Эйлау*, г. в Пруссии — V, 532
- Преображенское*, село — III, 293; IV, 8—12, 14, 15, 33, 126, 240, 381

- Пресбург*, потешная фортеция — IV, 12
- Пречистенка*, ул. в Москве — II, 186
- Прибалтийские славяне* — I, 89
- Привислинье* — III, 110
- Приволжская возвышенность* — I, 47
- Приднепровье* — I, 111, 293, 299
- Прикаспийская низменность* — I, 43
- Прикаспийские степи* — II, 222
- Припять*, р. — I, 104, 132, 135, 185
- Припонтийские степи* — II, 222
- Приуралье* — I, 299
- Пропонтида* — I, 128
- Протва*, р. — I, 297, 303; II, 7
- Пруссия* — IV, 52, 349, 364, 370; V, 25, 30, 32—37, 39, 44, 45, 53, 272, 298, 387, 405
- Прусская земля* — II, 132; III, 67, 144
- Прусская улица* в Новгороде — II, 95
- Прут*, р. — IV, 30, 47, 58, 59, 69, 316
- Псел*, р. — I, 160
- Псков*, г. — I, 164, 308; II, 19, 57, 71, 75, 78, 97—103, 105, 106, 112, 114, 119, 121, 215, 216, 221, 262; III, 62, 253, 258, 363, 373—376, 378; IV, 56, 82, 161
- Псковская губ.* — I, 48
- Псковская земля* — II, 77, 88, 99, 100, 312; III, 374
- Псковская область* — II, 99, 100; III, 364
- Псковский уезд* — III, 362
- Пустозерск*, г. — IV, 4
- Путиль*, г. — II, 218, 226; III, 41, 47, 113
- Пятницкая*, улица в Москве — IV, 209
- Ради мичи* — I, 105, 110, 116, 132, 133, 146, 149, 151
- Радом*, г. — V, 31
- Радонеж*, г. — II, 10, 14, 15
- Ревель*, г. — IV, 79, 129, 131, 170, 375
- Ревельская губ.* — IV, 192
- Рейн*, р. — I, 137, 138; IV, 316; V, 262
- Речь Посполитая* (Польша) — III, 98, 99, 108, 110, 117, 119, 120, 124, 129, 132, 295; IV, 50, 52
- Ржев*, г. — II, 6, 16, 59, 79
- Рига*, г. — I, 308; III, 129, 363, 371; IV, 55, 58, 67, 97, 129, 241; V, 191
- Рижская губ.* — IV, 195
- Рим*, г. — I, 7, 119, 204; II, 131, 133; III, 260, 314, 315, 338; IV, 249; V, 258
- Римляне* — I, 7, 98
- Римская империя* — I, 32
- Рогервик*, рейд — IV, 131, 138
- Рогожские поля* — II, 7
- Рождественский монастырь во Владимире* — I, 69
- Роксоланы* — I, 98
- Романов*, г. — II, 16, 218
- Романов-Борисоглебск*, г. — III, 325
- Ропша*, мыза — IV, 375, 377
- Россия* — I, 1, 15, 17, 20, 32, 35—38, 41, 42, 45, 47, 49, 58, 63—65, 73, 98, 101, 128, 130, 299—301, 311, 320; II, 73, 263, 299, 352; III, 7, 8, 10, 12, 13, 23, 24, 31, 34, 81, 105, 264—270, 274, 278, 280, 281, 285, 307, 325, 328, 329, 332, 334, 358, 364, 371, 386, 393; IV, 26, 27, 31, 32, 51, 53, 59, 67, 69, 70, 87, 88, 102, 108, 113—117, 125, 127, 130, 136, 141, 148, 153, 178, 191, 211, 213, 214, 219, 220, 224, 225, 233, 236, 237, 247, 253, 254, 262, 266—268, 280, 286, 290, 296, 297, 299, 305, 312, 313, 315—317, 319, 325, 327, 334, 353, 354, 363—367, 372; V, 7, 9, 14, 18, 23—41, 43—45, 48, 50, 53, 57, 62, 63, 66, 68, 70, 77, 81, 82, 90, 92, 101, 109, 115, 132, 145, 154—156, 158, 159, 162, 163, 165, 168, 169, 178, 187, 189, 191, 192, 194, 201, 208, 214, 216, 223, 225, 237, 238, 240—243, 245—253, 258, 264, 265, 276, 278—281, 283—285, 289, 291, 293, 295—298, 300, 301, 303, 305, 311, 313, 322, 325, 329—331, 336, 344, 355, 359—361, 363, 364, 366, 373, 374, 376, 382, 385, 386, 389—394, 396—398, 403, 406, 410, 414, 416, 421, 422, 429, 435—437, 439, 442, 444, 446, 450, 454, 457, 459, 460, 462—467, 469, 470, 472, 476, 477, 480, 481, 484—487, 508, 510, 513, 519, 524, 527, 528, 530—533.
- Ростов* (Ярославский), г. — I, 123, 150, 160, 295, 296, 305, 318, 327, 353, 334, 337—339, 341, 363, 382; II, 5, 7, 8, 18, 151, 262, 266; III, 159; V, 55
- Ростово-Владимирская волость* — I, 344
- Ростово - Залесская земля* — I, 339

- Ростово - Суздальская земля* — I, 363
Ростово - Суздальский край — I, 295, 301
Ростовская земля — I, 55, 311, 318, 327, 332—337, 340, 341, 359; II, 3
Ростовская область — I, 193, 328
Ростовский край — I, 170, 303
Ростовский уезд — II, 216
Ростовское княжество — I, 368, 369; II, 9, 114, 118, 121, 150
Ростовское оз. — I, 303
Рась, р. — I, 159, 160, 287
Роттердам, г. в Голландии — IV, 249
Руага, г. — II, 14, 15
Рузский уезд — II, 15
Румелия — V, 243
Румыния — V, 248, 252
Русская земля — I, 23, 75, 77, 78, 82, 89—91, 93, 109, 119, 131, 139, 148, 153, 161, 165, 167—170, 174—177, 179, 184, 189—191, 193—196, 198—203, 205—207, 226, 272, 286, 296, 299, 302, 328, 331—334, 342—348, 350, 352, 354, 358, 359, 361, 365, 368, 370—373, 383, 384; II, 8, 19, 20, 24, 27, 28, 47, 54, 56, 60, 97, 98, 112, 114, 122, 124, 125, 130, 135, 136, 152, 153, 168, 173, 191, 262; III, 12, 15, 17, 31, 42, 53, 68, 80, 96, 98, 128, 276; IV, 110
Русское государство (царство) — I, 161; II, 29, 142; III, 55, 105, 204
Русское море, см. Черное
Русь — I, 16, 17, 21, 29, 61, 72, 78, 75, 78, 85, 88, 89, 95, 99, 100, 103, 104, 106, 117, 119, 122—124, 126—132, 134, 135, 139, 141—145, 148, 151—161, 164—170, 172, 175, 178, 183, 187, 189, 190, 193, 197, 199—203, 208, 210, 213, 218, 221, 224, 225, 243, 275, 276, 280, 281, 283, 286—291, 293, 295, 297—300, 302, 304, 310, 317—319, 325, 328, 329, 331, 335, 337, 339, 344, 349, 354, 367, 369, 370, 379, 380, 383; II, 3, 5, 9, 10, 13, 19, 20, 22—28, 34, 35, 44, 46—50, 52—54, 56, 61, 68—70, 82, 85, 86, 88, 90, 91, 101, 103, 105—108, 112, 114—115, 118, 120, 129—132, 136, 142, 148, 151, 179, 182, 195, 205, 221, 223, 229, 231, 234, 243, 244, 247, 248, 261—263, 269, 270, 272, 273, 275, 278, 285—290, 292, 313, 316, 319, 336, 346, 352; III, 19, 44, 99, 111—114, 131, 154, 175, 176, 177, 263, 267, 295, 296, 305, 307, 314—318, 336, 337, 347, 348, 353, 356, 373, 389, 392; IV, 8, 30, 51, 69, 77, 109, 119, 211, 214, 216, 219, 224, 227, 236, 238, 241, 244, 246, 282, 327, 360; V, 17, 27, 45, 48, 62, 67, 69, 104, 112, 123, 135, 156, 194, 216, 394, 425, 426, 435, 482, 485—488, 505
Русь Белая (см. Белоруссия)
Русь Белая (Суздальская) — I, 297
Русь верхневолжская — I, 22, 279, 300, 319, 327—349, 360—363, 378, 381; II, 3, 8, 48
Русь днепровская — I, 22, 59, 279, 292, 299, 319, 327, 358, 367; II, 8, 48
Русь западная — I, 354; II, 117; III, 99, 100, 103, 104, 109, 119, 323; V, 36, 39, 42—44, 390
Русь киевская — I, 56, 69, 70, 79, 111, 126, 141, 204, 206, 223, 279—282, 284—286, 289—291, 293—295, 309, 336, 339, 342, 344, 346, 348—352, 360, 368, 370, 376, 379—381, 384; II, 23, 69, 79, 82, 92, 112; III, 103, 109, 111
Русь литовская — III, 101, 102, 105, 106, 109, 118
Русь московская — I, 22, 57, 293; II, 111, 134, 230, 236, 247, 260, 261, 263, 377; III, 53, 111, 112, 176, 295; IV, 75; V, 103
Русь польско-литовская — II, 134
Русь суздальская — I, 69, 297, 382
Русь юго-западная — I, 289, 293, 304, 352, 355, 358, 365; II, 416; III, 194, 107, 108, 117, 368
Русь южная — I, 15
Рыльск, г. — II, 226
Рымник, р. — V, 34, 365
Рязанск, г. — II, 226
Рязанский уезд — II, 239, 258
Рязанская губ. — I, 303; II, 258
Рязанская земля — I, 343, 345, 356; II, 64, 112, 119
Рязанская область — III, 205
Рязанский уезд — II, 396; III, 93, 244
Рязанское княжество — I, 356; II, 9, 113, 114, 116, 121
Рязань, г. — I, 46, 90, 298, 343; II, 6, 52, 122, 223, 225; III, 41, 47, 48, 113, 119
Сваардам, г. в Голландии — IV, 23, 251
Саввин-Сторожовский монастырь — III, 165, 349, 350; IV, 10
Савроматы, племя — II, 208

- Садовая слобода в Москве* — III, 205
Саксония — III, 285; V, 37
Самара, г. — I, 307
Сандомир, г. — V, 35
Сарай, г. — II, 45
Саратов, г. — I, 40; IV, 329
Саркел (Белая Вежа), ховарская крепость на Дону — I, 125
Сарматы, народ — I, 98, 106; V, 483
Святополч на Днепре, г. — I, 287
Севастополь, г. — III, 13
Северный океан — I, 44; III, 369
Северская земля — II, 119; III, 41, 97, 99, 124, 130, 257, 363, 387
Северское княжество — I, 194; II, 119
Северные — I, 97, 110, 116, 121, 132, 133, 146, 149, 151
Сейм, р. — II, 227
Сель, р. — II, 118
Семеновское, село — IV, 12
Сена, р. во Франции — I, 137; IV, 30
Сенатская площадь — V, 325, 326
Сен-Готард, перевал — V, 235
Сербия — V, 243, 244, 247—250, 252
Сербское королевство — V, 244
Сербы — I, 105, 106
Серпухов, г. — I, 297; II, 14, 15, 225, 265
Сетра, р. — II, 10
Сетомя, р. — I, 70
Сечь Запорожская — III, 116, 120
Сибирская губ. — IV, 147, 164, 195
Сибирское царство — II, 365; III, 89
Сибирь — I, 20, 299; III, 135, 230, 242, 266, 348; IV, 131, 269, 313, 353; V, 121, 147, 148, 192, 230, 327, 337, 338, 346, 451
Сивцев Вражек, улица в Москве — II, 186
Сийский монастырь — II, 267, 270, 288
Силезия — IV, 178
Симбирск, г. — V, 55
Симбирская губ. — II, 259
Симонов монастырь в Москве — II, 171, 266
Сирия — V, 250
Сить, р. — I, 369
Сицилия — IV, 315
Сицкий удел — I, 369
Сия, р. — II, 267
Скандинавия — I, 126, 135, 137, 224
Скифия — I, 47, 98, 101
Скифы — I, 98; V, 483
Славяны, народ — I, 101
Скотты, народ — I, 138
Славенский конец в Новгороде — II, 57, 58, 94
Славна, поселок в Новгороде — II, 57
Славония — IV, 53
Слободская Украинская губ. — V, 130—132
Сломин, г. — IV, 56
Смоленск, г. — I, 57, 123, 131, 142, 151, 152, 169, 172, 173, 185, 295, 331; II, 8, 59, 124, 171, 262, 420; III, 42, 43, 45, 50, 62, 126, 233, 284; IV, 56, 57, 162, 164; V, 179
Смоленская волость — I, 344
Смоленская губ. — IV, 164; V, 159, 161
Смоленская земля — I, 207, 345; II, 119; III, 97, 99, 124, 233
Смоленская область — I, 132, 134, 193; II, 112, 113; III, 130, 257, 363, 387
Смоленский край — II, 92
Смоленское княжество — II, 9, 124
Смоленщина — III, 257
Соединенные штаты Северной Америки — I, 298
Соож, р. — II, 118; IV, 57
Сойга, р. — II, 267
Сокол, г. — II, 221
Соликамск, г. — III, 285
Соловецкий монастырь — I, 314; II, 109, 267, 294, 325; III, 258, 304, 333, 335
Соловецкий остров — II, 266, 267
Сольвычегодск, г. — III, 146, 258
Сольца Малая, волость — II, 359
Сора, р. — II, 299
Сосна Быстрая, р. — II, 223, 227, 257
Сосна Тихая, р. — II, 226
Софии св., храм в Византии — I, 7, 27
Софийская сторона в Новгороде — II, 57, 58, 72, 94, 95
Софийский собор в Новгороде — I, 274; II, 57, 71
Софийский собор в Киеве — I, 199, 280; IV, 58
Софийский собор в Полоцке — I, 199
Спа, г. — IV, 30
Спарта, г. — V, 369
Спасо-Каменный монастырь, см. Каменный
Спасский монастырь в Москве — III, 298; V, 522
Спасский монастырь в Ярославле — II, 337
Спасский погост — II, 59
Спасские ворота в Москве — III, 165
Средиземное море — II, 224

- Среднерусская возвышенность* — I, 47
Средняя Азия — I, 49; III, 370
Сретенка, улица в Москве — II, 5; IV, 260
Сретенская сотня в Москве — III, 205
Ставучаны, г. — IV, 316, 317
Стамбул, г. — IV, 316; V, 248
Старая Русса, г. — II, 187, 262
Старица, г. — II, 221, 248
Стародуб (на Клязьме), г. — I, 297; II, 7, 16
Стародубский уезд — I, 368
Стародубское княжество — II, 16
Стокгольм, г. — III, 262; IV, 236, 242; V, 23
Страбуре, г. — V, 199
Стуна, р. — I, 158, 159
Сугорский уезд — I, 369
Суда, р. — I, 369
Судак (Сурож), г. в Крыму — I, 128; II, 222
Судаль, г. — I, 295, 327, 330, 333, 334, 337—339, 341, 363, 382; II, 7, 142, 187, 262; III, 202
Судальская волость — I, 298, 331
Судальская земля — I, 206, 279, 296—298, 329, 334, 336—340, 342, 344—346, 349—351, 360, 362, 368; II, 4, 66
Судальская область — I, 332, 344, 345, 347
Судальский край — I, 169; II, 4, 92
Судальское княжество — I, 332, 368; II, 50
Сула, р. — I, 158, 286, 288
Супой, р. — I, 288
Сура, р. — II, 113, 226, 227
Сурож, см. Судак
Сурожский стан Московского уезда — II, 310
Сухарева башня в Москве — IV, 254
Сухона, р. — I, 303; II, 17, 113, 266, 267, 277
Сылоа, р. — I, 303

Таер, горы — V, 250
Таврическая губ. — I, 48; V, 208
Таванрог, г. — IV, 131, 162; V, 325
Талицкий, г. — III, 146
Таманский полуостров — I, 119
Таматарх (Тамань), греческая колония — I, 169
Тамбов, г. — IV, 56
Тамбовская губ. — II, 259
Танаис, см. Дон
Танаис, греческая колония — I, 119
Таруса, г. — II, 16

Тауер, вамок в Лондоне — IV, 24
Тверская губ. — I, 48, 303; II, 58, 327; V, 159
Тверская область, — II, 86
Тверское княжество — I, 368; II, 16, 18, 19, 113, 114, 116, 121, 150
Тверской уезд — II, 324, 344; III, 94
Тверца, р. — IV, 128
Тверь, г. — I, 295, 297, 308, 327; II, 19, 22, 42, 52, 115, 116, 119, 122, 151, 189, 263; V, 55
Тевтонский орден — II, 121; III, 99, 106
Темников, г. — II, 226
Теребовль, г. — I, 202
Теребовльская волость — I, 202
Теребовльское княжество — I, 85, 285
Терский берег (Тре) — II, 60
Тибет — V, 392
Тизвинский монастырь — II, 294, 334
Тихий океан — I, 20
Тмутаракань — I, 160, 169, 172
Тобольск, г. — III, 172, 266; V, 305
Тобольская провинция — V, 148
Томск, г. — III, 258
Торговая сторона в Новгороде — II, 57, 72, 95, 96
Торки, племя — I, 197, 287, 293
Торн, г. — V, 35, 473
Торопец, г. — II, 337
Торопецкий уезд — III, 362
Трар, г. — I, 137
Троице-Сергиев монастырь — II, 17, 128, 185, 265, 266, 282, 286, 288—291, 294, 298, 308, 310, 320, 324, 326, 329, 382; III, 17, 251; IV, 9, 15; V, 8
Троицкая церковь в Горозовецком уезде — II, 265
Троицкий собор во Пскове — II, 97
Торжок, г. — II, 59, 66, 79, 105
Травендаль, г. в Дании — IV, 54
Трансильвания — IV, 53; V, 444
Трубевж, р. — I, 123, 158, 288, 298
Трубчевское княжество — I, 194
Тула, г. — I, 46; II, 112, 223, 225, 226; III, 41, 47, 113, 164, 284, 285; IV, 126
Тулон, г. во Франции — IV, 250
Тульская губ. — I, 298, 303; II, 112, 258; IV, 166
Тульский уезд — III, 94, 206
Тульчин, г. — V, 323
Туркестан — I, 20, 64
Турция — II, 224; III, 114, 118, 131—133, 135, 215, 253, 382, 393; IV, 21, 50—53, 58, 59, 115, 316; V,

- 23—26, 32—35, 39—41, 45, 47, 79, 243, 245—252, 364, 391
- Туров*, г. — I, 132, 135, 143
- Турово-пинское княжество* — I, 185
- Тушино*, село под Москвой — III, 41, 42, 68
- Тьма*, р. — I, 295
- Углицкий удел* — I, 368, 369
- Углич*, г. — II, 15, 16, 143; III, 21, 22, 27
- Угра*, р. — I, 294; II, 8, 113
- Угры*, см. Венгры.
- Узы-торки*, народ — I, 125
- Украина* — I, 23, 293; III, 99, 108, 111, 115, 117—120, 122—131, 135, 231, 257, 340, 363, 368—372, 387; IV, 57, 58, 245; V, 114, 130—132, 234, 413
- Улжа*, р. — II, 282
- Уна*, р. — II, 16; IV, 128
- Упсала*, г. в Швеции — III, 262
- Урал* — I, 20, 23, 35, 37, 42, 44, 49, 320; II, 60, 119, 222; III, 5, 97, 135; IV, 126, 330; V, 147, 333
- Урал-Каспийские ворота* — I, 37
- Успенский собор во Владимире* — I, 333
- Успенский собор в Москве* — II, 23, 24, 129, 137, 204; III, 38, 327, 330, 331, 334; IV, 303; V, 324
- Устьюг*, г. — II, 18, 263, 283; III, 146, 258; V, 305
- Усть-Сысольск*, г. — I, 40
- Устюжна*, г. — III, 284
- Утрехт*, г. в Голландии — IV, 23
- Уфа*, г. — I, 46; V, 192
- Узтома*, р. — I, 369
- Узтомский удел* — I, 369
- Фанагория*, греческая колония — I, 119
- Фанария*, квартал в Константинополе — V, 248
- Федоровское*, село Нерехтской волости — II, 319
- Феодосия*, см. Кафа.
- Фералонтов монастырь* — III, 321
- Ферней*, вагон Вольтера — V, 190
- Фивийская пустыня* — I, 58; II, 266
- Финляндия* — I, 46, 303; IV, 56, 59, 98, 354; V, 23, 222, 346
- Финляндское в. княжество* — V, 339
- Финский залив* — I, 138; II, 58, 61, 112; III, 97
- Флоренция*, г. — II, 171; III, 291, 313; IV, 250
- Фокианы*, г. — V, 34
- Франция* — I, 7, 37, 138; III, 134; IV, 13, 52, 59, 91, 122, 125, 143, 236, 285, 315; V, 7, 8, 32, 37—39, 61, 71, 72, 178, 185, 186, 192, 198, 207, 224, 226, 227, 235, 245, 249, 303, 313, 348, 364, 429, 446, 530, 531
- Фридрихсгаль*, крепость в Норвегии — IV, 60
- Фризы* — I, 138
- Фрисландия* — I, 138
- Харьков*, г. — I, 38, 39
- Харьковская губ.* — I, 47; V, 130, 159, 161
- Херсонес Таврический* (Корсунь) греческая колония — I, 119, 128, 153, 155
- Херсонская губ.* — I, 64; V, 208
- Хива* — III, 370
- Хиосский залив* — V, 32, 41
- Хозары*, народ — I, 73, 74, 80, 102, 120—122, 125, 131, 151, 197
- Холмогоры*, г. — II, 267, 274
- Холмогорский уезд* — II, 391
- Хорватское государство* — I, 107
- Хорваты*, народ — I, 105, 106, 142, 160
- Хороль*, р. — I, 288
- Хортица*, остров — III, 115
- Хорутане*, народ — I, 105
- Хотин*, г. — IV, 316; V, 32
- Царское Село* (Пушкин), г. — V, 376
- Царство Польское* — V, 297, 298, 330, 346
- Царьград*, см. Византия
- Цна*, р. — II, 18, 113; IV, 128
- Цорндорф*, г. в Германии — IV, 360
- Червоная Русь* — I, 106, 185; III, 131
- Черемисы* — I, 303; II, 9, 113; III, 230, 335
- Черкасский полк* — III, 122
- Черкассы*, г. — III, 111, 113, 120
- Чернигов*, г. — I, 46, 123, 150, 152, 170, 177, 196, 290; II, 4, 8, 118, 148, 262
- Черниговская губ.* — III, 108
- Черниговская земля* — I, 55, 169, 183, 194, 206, 337, 345; II, 119, 123
- Черниговская область* — I, 132, 134, 193, 206, 290, 293

Черниговский край — II, 4
Черниговское княжество — I, 194; II, 119
Черногория — V, 244
Черное море — I, 23, 37, 39, 42, 44, 47, 59, 98, 101, 102, 119, 120, 122, 127, 128, 143; II, 112, 224; III, 5, 111; IV, 51, 53, 128, 316, 317; V, 27, 35, 40—42, 47, 158, 247, 390, 391
Черные болгары — I, 126, 155
Чесменская гавань — IV, 385; V, 32, 41, 365, 372
Чехи — I, 88, 89, 105
Чехия — I, 87; IV, 177, 178
Чешское воеводство — I, 107
Чигиринский полк — III, 122
Чирково, село — I, 369, 370
Чуваши — III, 230
Чуднов, г. — III, 130; IV, 76
Чудов монастырь в Москве — III, 296—298
Чудской конец в Ростове — I, 305
Чудь, племя — I, 135, 160, 197, 304, 306, 309, 311, 313, 314, 316
Чусовая, р. — II, 335
Чухлома г. — II, 338
Чухломской уезд — II, 338
Чухченемская волость — II, 274

Шать, р. — IV, 128
Шацк, г. — II, 226
Шведы — I, 127, 129
Швейцария — I, 62
Швеция — I, 129; II, 121, 122, 222; III, 12, 21, 24, 41, 42, 81, 129, 131, 134, 185, 163, 215, 240, 253, 283, 284, 362, 363, 368, 371, 393; IV, 50—53, 59, 60, 67, 98, 127, 130, 153, 177, 178, 184, 191, 192, 216, 217, 236, 241, 296, 305, 319, 355; V, 23, 24, 36, 37, 44, 45, 246, 391
Шексна, р. — I, 311, 314, 315; II, 16, 266, 267; III, 285
Шелешпанский удел — I, 369

Шелонь, р. — II, 58, 59, 105, 107, 110
Шелонская пятина — II, 58; III, 189
Шехонский удел — I, 369
Шлезвиг, герцогство — IV, 372
Шлиссельбург (Орешек), г. — III, 97, 371; IV, 97, 129, 279, 318
Шлиссельбургская крепость — V, 49
Шотландия — I, 138
Шоша, р. — II, 7
Штетин, г. в Германии — V, 5, 8

Эльба, р. — I, 137, 138
Эллада — I, 36
Эрстфер, мыза в Эстляндии — IV, 97
Эрфурт, г. в Германии — V, 274
Эстляндия — IV, 52, 58, 98, 132
Эсты — I, 101, 303

Юе, р. — I, 303; II, 113, 283
Юго-западная низменность — I, 47
Югорский Шар, см. Вайгачский пролив
Юра, волость — II, 60, 119
Юрьево (Дерпт) г. — I, 160; II, 175
Юрьево-Польский, г. — I, 296, 337, 338, 344, 368; II, 7
Юрьево-на-Роси, г. — I, 287
Юрьевский удел — I, 368
Юрьево-Погольский, г. — III, 325

Яма (Ямбург), г. — III, 97
Ярославль, г. — I, 160, 295, 311, 351; II, 6, 263, 337, 339, 420; IV, 82, 161, 243; V, 55, 306
Ярославов двор в Новгороде — II, 57, 58, 71, 95, 96
Ярославская губ. — I, 47; II, 58; IV, 166; V, 159
Ярославское княжество — I, 351, 368, 369; II, 9, 16, 18, 114, 121
Яссы, г. в Румынии — IV, 316; V, 35, 42
Ятвяги, племя — V, 483
Яхрома, р. — I, 297
Яуза, р. — II, 7; III, 289, 290; IV, 12, 19, 39, 261

III. УЧРЕЖДЕНИЯ, ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

- Адмиралтейская коллегия* — IV, 70, 114, 179, 185
Адмиралтейский приказ — IV, 155, 162, 172
Адрианопольский трактат — V, 249
Академия наук — I, 96; V, 176, 187, 200, 376, 465
Академия художеств — V, 439
Аландский конгресс — IV, 98
Александро-Невская семинария — V, 272
Альтранштадтский мир — IV, 162
Андрусовское перемирие — III, 130, 131, 133, 363, 368—370, 378, 382; IV, 51
Аптекарский приказ — II, 366
Артиллерийский приказ — IV, 172
Артиллерийская канцелярия — IV, 70, 179
Архангелогородская летопись — I, 265, Археографическая комиссия — I, 69
Афанасия св. римская коллегия — III, 264
- Бахчисарайский договор* — III, 135, 257
Белгородский полк — III, 246
Белгородский разряд — III, 231
Белградский мир — IV, 317; V, 25
Берег-коллегия — IV, 179, 180
Бертинского монастыря хроника — I, 126, 137, 142
Ближня канцелярия — IV, 156, 164, 165, 171, 177
Большого дворца приказ — II, 363, 365
Большого прихода приказ — II, 365; IV, 5, 6
Большой казны приказ — III, 164; IV, 160
Боярская дума — II, 367—373, 376, 389, 403, 411, 415, 417; III, 33, 35, 39, 40, 44, 45, 62, 75, 79, 83—86, 139, 143, 145, 150, 151, 166, 204, 210, 211, 213, 214, 225, 263, 329, 348; IV, 16, 86, 155—157, 170, 172, 173, 184, 189, 221; V, 72, 73
- Брестский собор* — III, 121
Бурмистерская палата — III, 377; IV, 158—160
Бухарестский мир — V, 247—249
- Ваастского монастыря хроника* — I, 137
Валисарское перемирие — III, 363
Венский конгресс — V, 297, 298, 303
Верховный тайный совет — IV, 144, 279, 281, 286—288, 290—296, 298—308, 312, 323, 324, 330, 331, 352; V, 89, 107
Виленский университет — V, 305
Виттенбергский университет — III, 105
Владимирская четь, приказ — II, 241
Владимирский разряд — III, 164
Владимирский судный приказ — II, 365
Военный морской приказ — IV, 155, 172
Военная коллегия — IV, 70, 179, 181, 185, 287; V, 230
Вольнская летопись — I, 67, 70, *Вольно-экономическое общество* — V, 145, 199
Вотчинная коллегия — IV, 180; V, 74
Вятский полк — V, 324
- Галицкая четь, приказ* — II, 241
Главное управление училищ — V, 306, 307
Городельский сейм — III, 101, 102, 107
Государственный совет — V, 268, 278, 283, 288—290, 292, 307, 324, 329, 331, 338, 339, 347
Губертсбургский мир — V, 28
Гюлистанский мир — V, 247

- Двинская уставная грамота* — I, 239; II, 335, 389
- Дворцовый приказ* — III, 298
- Дворянский банк* — IV, 336
- Денежный двор в Москве* — III, 241, 243
- Дертский университет* — V, 305
- Деулинский договор* — III, 97, 283
- Дмитровский судный приказ* — II, 365
- Дружеское ученое общество* — V, 453, 454
- Душана Законник* — I, 216
- Зборовский договор* — III, 125
- Земские дворы, приказы* — II, 266
- Земские соборы* — II, 398, 399, 403—422; III, 22, 38, 39, 44, 65—67, 83, 89—92, 147—149, 171, 185, 204, 206—228, 238, 251, 252, 258, 388; IV, 276, 299; V, 67, 72, 73, 103, 247
- Измайловский полк* — IV, 273, 314, 371, 373
- Иновемский приказ* — III, 164
- Ипатьевский список летописи* — I, 69, 77, 89—92, 117
- Казанский дворец, приказ* — II, 365, 368; IV, 16, 156, 171
- Казанский разряд* — III, 164
- Каванский университет* — V, 305, 307—309
- Кавенный приказ* — III, 139
- Камер-коллегия* — IV, 144, 148, 178, 181, 324, 325, 333; V, 122
- Кардисский мир* — III, 129
- Киевская академия* — III, 299, 300, 356
- Книгопечатный приказ* — II, 366
- Коллегия экономики* — IV, 367; V, 70
- Комиссариат главный* — IV, 179
- Комитет народных училищ* — V, 305
- Коммерц-коллегия* — IV, 179
- Конногвардейский полк* — IV, 273
- Конюшенный приказ* — II, 363; IV, 11
- Костромская четь, приказ* — II, 241
- Куликовская битва* — I, 379; II, 20, 22, 194; V, 244
- Кутецких дел приказ* — III, 377
- Курч-Кайнарджийский мир* — V, 33, 363
- Лаврентьевский список летописи* — I, 69, 71, 74, 76, 77, 81, 87, 89, 90, 116
- Лейпцигский университет* — III, 286
- Литовский приказ* — III, 165
- Литовский статут* — III, 102, 103, 110, 146
- Лодейнопольская верфь* — IV, 70
- Лондонский трактат* — V, 249
- Люблинская уния* — III, 103, 106, 108, 109, 117, 118
- Мавистрат главный* — IV, 197—199
- Малороссийский приказ* — III, 165; IV, 163
- Мальтийский орден* — V, 313
- Мануфактур-коллегия* — IV, 114—116, 120, 121, 179, 180, 323
- Министерство государственных имуществ* — V, 349
- Министерство коммерции* — V, 290
- Министерство народного просвещения* — V, 268, 305
- Министерство полиции* — V, 291
- Министерство финансов* — V, 348
- Монастырский приказ* — III, 261; IV, 140
- Морская академия* — IV, 84; V, 175
- Морская коллегия* — IV, 287
- Московский большой разряд, см. Разрядный приказ.*
- Московский договор с Польшей 1686 г.* — III, 133, 382
- Московский полк* — V, 325
- Московский разряд* — III, 164
- Московский университет* — IV, 361; V, 175—178, 187, 305, 428, 437, 449, 452, 454, 455
- Московский судный приказ* — II, 365
- Навигационная школа* — V, 175
- Наиктский эдикт* — V, 8
- Невьянские заводы* — IV, 126
- Немировский конгресс* — IV, 316
- Никоновская летопись* — I, 72, 74
- Ништадтский мир* — IV, 39, 42, 55, 60, 216, 225, 236; V, 390
- Новгородская судная грамота* — II, 74, 78, 81, 86, 90
- Новгородская четь, приказ* — II, 241
- Новгородские летописи* — I, 85, 219
- Новгородский дворец, приказ* — II, 365
- Новгородский разряд* — II, 368; III, 164
- Новоторговый устав* — III, 377
- Олонецкая верфь* — IV, 162
- Орел (корабль)* — III, 286; IV, 14
- Оружейная палата* — IV, 7, 9, 10, 14, 381
- Освященный собор* — II, 371, 403, 407, 409, 415, 421; III, 36, 44, 45, 143, 150, 151, 204, 210, 218, 225
- Ост-Индская верфь в Амстердаме* — IV, 23
- Ост-Индская компания* — IV, 23

- Парижский мир* — V, 251, 349
Переяславский полк — III, 122
Петербургская духовная академия — V, 272
Петербургский университет — V, 305, 310
Печатный двор в Москве — IV, 251, 255
Печерский патерик — I, 239, 242
Полоняничный приказ — III, 165
Полтавская баталия — III, 12; IV, 27, 57, 60—62, 165
Поместный приказ — II, 237, 364, 368; III, 146; IV, 180
Посольская изба. Посольский приказ — II, 363, 364, 368; III, 81, 164, 262, 294, 297, 301, 363, 368, 382, 390; IV, 155, 172, 179, 253, 258
Провиантская канцелярия — IV, 70, 179
Преображенский полк — IV, 12, 17, 66, 83, 87, 171, 273, 278—280, 303; V, 307, 318, 524
Преображенский приказ — IV, 18, 155, 240, 318, 322
Псковская судная грамота — II, 100—102

Разбойный приказ — II, 364, 365; III, 146
Разрядный приказ — II, 156, 160, 224, 237, 363, 365, 368; III, 208; IV, 79, 190
Расправная палата — IV, 171, 177
Ревизион-коллегия — IV, 178, 180
Рейтарский приказ — III, 164
Ришельевский лицей — V, 306
Русская Правда — I, 118, 164, 208—256, 262, 263, 267—271, 274, 277, 283; II, 34, 74, 85, 96, 400, 334; III, 102, 176, 196
Рязанский судный приказ — II, 365
Рязанский разряд — III, 164

Сан-Стефанский договор — V, 252
Северное общество (Северный союз) — V, 318, 323, 325
Севский (Северский) разряд — III, 164, 231
Семеновский полк — IV, 18, 87, 273, 275, 278, 373; V, 322
Сенат — IV, 79, 80, 86, 98—100, 102, 107, 108, 133, 135, 138, 143, 144, 165, 168—177, 180, 182—193, 197, 201, 204, 206—209, 257, 262, 275, 277, 285—287, 292, 296, 299, 303, 305, 307, 308, 312, 323, 324, 328, 329, 331, 332, 336—338, 340, 348, 351, 352, 355—357, 362, 367, 368, 373, 376; V, 54, 89, 117, 134, 176, 267, 268, 291, 292, 329, 331, 404, 405, 410, 411, 510
Сибирская железная дорога — I, 20
Сибирский приказ — II, 365; IV, 163, 171
Синод — IV, 78, 99, 140, 175, 184, 275, 277, 292, 296, 299, 303, 307, 311, 362, 367, 372, 373; V, 373
Славяно-греко-латинская академия — III, 340; IV, 260
Смоленский приказ — IV, 163
Смоленский разряд — III, 164
Сорбонна, университет в Париже — V, 191
Союз благоденствия — V, 323
Союз спасения — V, 323
Стоглавый собор — II, 292, 293, 296, 305, 366, 388, 397, 398, 401, 402, 416, 424; III, 325, 334
Столовый договор — III, 97, 134
Столовая изба в Кремлевском дворце — III, 210
Стрелецкий приказ — III, 164; IV, 160
Строения богаделен приказ — II, 366
Судебник Ивана III — II, 138, 312, 318, 345, 362, 375—379
Судебник Ивана IV — II, 184, 241, 245, 315, 345, 346, 350, 369, 375—379, 382, 385, 390, 396, 402; III, 44, 75, 139, 146, 169, 172, 177
Судальская семинария — V, 272
Сухопутный шляхетский корпус, см. шляхетский корпус
Счетных дел приказ — III, 165; IV, 156, 179

Тайная канцелярия — IV, 279, 313, 367, 382; V, 525
Тайная экспедиция — V, 265
Тайных дел приказ — III, 165, 166, 298
Тамбовский разряд — III, 164, 231
Тверской дворец, приказ — II, 365
Торнский договор с Польшей — IV, 58
Торунский съезд — III, 105

Украинский разряд — III, 164
Уложение 1649 г. — III, 140, 143—157, 168, 170, 188, 190, 192—196, 198, 199, 203, 204, 214—216, 226, 237, 238; IV, 105—107, 116, 180, 206, 223, 336, 337, 344, 351; V,

- 78, 118, 116, 117, 120—122, 126,
134, 135, 140, 180, 338, 413
- Ункиар-Скелесский договор* — V, 251
- Упсальский университет* — III, 274
- Устюжская четь, приказ* — II, 241
- Финляндский полк* — V, 318
- Харьковский университет* — V, 305,
306
- Холопий приказ* — II, 364, 365; III,
146, 179, 180, 202, 203; IV, 8
- Челобитный приказ* — II, 184, 400,
416; III, 139
- Чужестранных дел коллегия* — IV,
178
- Шляхетский корпус* — IV, 335; V, 170,
177, 513, 526
- Штатс-контора* — IV, 179, 325
- Эрмитаж* — IV, 42; V, 376
- Южный союз (общество декабристов)*
V, 323, 324
- Юстиц-коллегия* — IV, 178, 180, 196,
207; V, 74, 126
- Ямской приказ* — II, 366; III, 235

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От редакции	3 — 4
ЛЕКЦИЯ LXXV. <i>Жизнь Екатерины II до 1762 г.</i> Ее происхождение и воспитание. — Замужество ее и положение при дворе. — Образ ее действий. — Мысль о русском престоле. — Положение Екатерины II в царствование Петра III	5 — 12
ЛЕКЦИЯ LXXVI. Характеристика Екатерины II. Сходство Екатерины II с Петром III. — Влияние переворота 1762 г. на политику Екатерины. — Манифест 6 июля. — Противоречия в программе Екатерины. — Внешняя политика после смерти Петра Великого. — Союз с Австрией. — Сущность вопросов турецкого и польского	13 — 26
ЛЕКЦИЯ LXXVII. <i>Внешняя политика Екатерины II.</i> Международное положение России. — Внешние события царствования Екатерины II. — Приемы внешней политики. — Северная система. — Союз с Пруссией. — Разрешение турецкого вопроса. — Разрешение польского вопроса. — Результаты внешней политики	27 — 46
ЛЕКЦИЯ LXXVIII. <i>Внутренняя деятельность Екатерины II.</i> Общая характеристика политики Екатерины II. — Непрочность ее положения на престоле. — Знакомство с внутренним положением России. — Мысль о необходимости нового кодекса законов. — Политические идеи Екатерины II. — Составление Наказа. — Литературные источники Наказа. — Содержание Наказа	47 — 66
ЛЕКЦИЯ LXXIX. <i>Комиссия для составления проекта нового уложения.</i> — Состав Комиссии. — Кодификационные работы до Екатерины II. — Деятельность Комиссии 1767 г. — Неудача работ Комиссии. — Значение ее работ. — Значение Наказа	67 — 84
ЛЕКЦИЯ LXXX. <i>Губернские учреждения 1775 г.</i> Органы внутреннего управления до Екатерины II. — Реформа областного управления. — Разделение России на губернии. — Губернские учреждения, административные и финансовые. — Судебные учреждения. — Основные начала губернских учреждений. — Дворянство в областном управлении. — Корпоративное устройство дворянства. — Городское самоуправление	85 — 101

- ЛЕКЦИЯ LXXXI. Участие дворянства в местном управлении до Екатерины II. — Удовлетворение требований дворянства об участии в местном управлении. — Идея Екатерины II и реформа местного управления. — Развитие крепостного права после Петра I. — Увеличение числа крепостных путем приписки. — пожалования населенных земель. — Усиление власти помещиков над крестьянами в XVII и в начале XVIII в. 102—117
- ЛЕКЦИЯ LXXXII. *Крепостное право в XVIII столетии.* — Власть помещика над личностью крестьянина. — Право землевладельца на труд крестьянина. — Крепостное право не было установлено законом. — Источники крепостного права. — Задачи, стоящие перед Екатериной II. — Крепостное право на Украине. — Законодательство Екатерины II о крепостных крестьянах. 118—136
- ЛЕКЦИЯ LXXXIII. *Крепостное право при Екатерине II.* — Крепостные как частная собственность помещика. — Число крепостных. — Хозяйство оброчное и барщинное. — Преобладание оброчного хозяйства с половины XVIII в. — Размер оброка. — Хозяйственные расчеты Татищева. — Тяжесть барщины. — Дворовые люди. — Помещичье управление. — Торговля крепостными. — Влияние крепостного права на сельское хозяйство 137—153
- ЛЕКЦИЯ LXXXIV. *Следствия крепостного права.* — Крепостное право и народное хозяйство. — Географическое размещение земледельческого труда. — Крепостное право и городское население. — Крепостное право и государственное хозяйство. — Питейный доход. — Государственный кредит 154—170
- ЛЕКЦИЯ LXXXV. *Следствия крепостного права.* — Отстранение дворянства от дел. — Крестьянские восстания. — Перемены в характере общежития. — Упадок технического образования. — Университет. — Шляхетский корпус. — Иностранные педагоги. — Частные учебные заведения. — Типы дворянского общества. — Путешествия за границу. — Выбор книг для чтения . 171—183
- ЛЕКЦИЯ LXXXVI. Влияние крепостного права на умственную и нравственную жизнь общества. — Нравы общества при Екатерине II. — Новые идеи в педагогике. — Увлечение французской философией. — Перевод французских писателей. — Влияние новых идей. — Типичные представители общества 184—203
- ЛЕКЦИЯ LXXXVII. Общий обзор деятельности Екатерины II. — Значение ее царствования. — Главные явления истории после Екатерины II. — Воспитание Павла. — Жизнь в Гатчине. — Характер Павла. — Вступление Павла на престол 204—223
- ЛЕКЦИЯ LXXXVIII. *Павел I.* Первые распоряжения. — Военная муштровка. — Муштровка общества. — Ограничение сословных привилегий. — Отмена законов Екатерины. — Внешняя политика. — Характер Павла. — Закон о престолонаследии. — Закон о трех-

дневной барщине. — Вступление на престол Александра I. — Главные вопросы внешней и внутренней политики XIX в.	226—241
ЛЕКЦИЯ LXXXIX. Главное направление внешней политики в XIX в. — Борьба национальностей. — Влияние Французской революции. — Участие России в разрешении общеевропейских вопросов. — Перечень событий. — Основное направление внутренней политики в XIX в. — Александр I. — Его воспитание. — Характер его	242—263
90 ЛЕКЦИЯ XC. Александр I. Первые распоряжения. — Интимный кружок. — Реформа центрального управления. — Вопрос о привилегиях дворянства. — Крестьянский вопрос. — Сперанский	264—276
ЛЕКЦИЯ XCI. Проект Сперанского. — Записка Карамзина. — Государственный совет. — Министерства. — Реформа Сената. — Указы 1809 г. — Финансовые меры. — Падение Сперанского	277—295
ЛЕКЦИЯ XCII. Перемена в настроении Александра. — Конституция царства Польского. — Освобождение остзейских крестьян. — Крестьянский вопрос. — Проект Мордвинова. — Проект Аракчеева. — Проект Канкринна. — Реакция. — Просвещение. — Школа. — Магницкий. — Аракчеев. — Настроение общества. — Денабристы	296—315
ЛЕКЦИЯ XCIII. Настроение молодежи в 1825 г. — Возникновение тайных обществ. — Союз спасения. — Союз благоденствия. — Северный и Южный союзы. — Манифест о престолонаследовании. — Смерть Александра. — Выступление 14 декабря. — Значение этого события. — Неудача преобразований Александра	316—333
ЛЕКЦИЯ XCIV. Николай I. Связь с предшествовавшим царствованием. — Личность Николая. — Программа деятельности. — Знакомство с действительностью. — Кодификация. — Учреждение Собственной канцелярии. — Права дворян. — Бюрократический механизм. — Крестьянский вопрос. — Устройство государственных крестьян. — Закон об обязанных крестьянах. — Другие законы о крестьянах. — Значение новых законов о крестьянах. — Применение этих законов	334—356
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Императрица Екатерина II (1796—1896)	357—423
Воспоминание о Н. И. Новикове и его времени	424—455
И. Н. Болтин (6 октября 1792 г.)	456—488
«Недоросль» Фонвизина	489—514
Евгений Онегин и его предки	515—535
Примечания	536—548
УКАЗАТЕЛИ	549—593

Цена 9 р. 25 к.